ЦЗИ ЮНЬ

ЗАМЕТКИ ИЗ ХИЖИНЫ „ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ"

閱微草堂筆記

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
*
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА

XLIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЦЗИ ЮНЬ

ЗАМЕТКИ ИЗ ХИЖИНЫ „ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ"

(ЮЭВЭЙ ЦАОТАН БИЦЗИ)

Перевод с китайского, предисловие, комментарий и приложения
О. Л. Фишман

МОСКВА · 1974

И (кит)
Ц 55

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

А. Н. Болдырев, Ю. Е. Борщевский (ответственный секретарь), *И. С. Брагинский* (заместитель председателя), *Б. Г. Гафуров* (председатель), *П. А. Грязневич, И. М. Дьяконов, Г. А. Зограф, Г. Ф. Ильин, У. И. Каримов, А. Н. Кононов* (заместитель председателя), *Л. Н. Меньшиков, А. М. Мирзоев, М. С. Султанов, А. С. Тверитинова, Л. С. Хачикян, С. С. Цельникер, Г. В. Церетели*

Сборник рассказов и заметок видного китайского писателя и конфуцианского ученого XVIII в. занимает значительное место в истории китайской литературы. Сочинение до настоящего времени почти не переводилось на другие языки. Переводу предпослано предисловие, в котором исследуются жизнь и творчество автора, а также дан очерк истории развития жанра. В приложение включены указатели сюжетов, имен и географических названий. Имеется английское резюме.

Ц $\frac{0734\text{-}2016}{042(02)\text{-}74}$ 159-73

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

ТЕКСТЫ. БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

I. Ким Бусик, *Самкук саги.* Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии М. Н. Пака, М., 1959.

II. Фирдоусй, *Шāх-нāме.* Критический текст.

Т. I, под редакцией Е. Э. Бертельса, М., 1960 (изд. 2, стереотипное, М., 1963; изд. 3, стереотипное, М., 1966).

Т. II, под редакцией Е. Э. Бертельса, составители текста А. Е. Бертельс, Л. Т. Гюзальян, О. И. Смирнова, М.-Н. О. Османов, А. Т. Тагирджанов, М., 1962 (изд. 2, стереотипное, М., 1963; изд. 3, стереотипное, М., 1966).

Т. III, составитель текста О. И. Смирнова, под редакцией А. Нушина, М., 1965.

Т. IV, составители текста Р. М. Алиев, А. Е. Бертельс и М.-Н. О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1965.

Т. V, составитель текста Р. М. Алиев, под редакцией А. Нушина, М., 1967.

Т. VI, составитель текста М.-Н. О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1967.

Т. VII, составитель текста М.-Н. О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1968.

Т. VIII, составитель текста Р. М. Алиев, под редакцией А. Азера, М., 1970.

Т. IX, составитель текста А. Е. Бертельс, под редакцией А. Нушина, М., 1971.

III. Са'дй, *Гулистāн.* Критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева, М., 1959.

IV. *Путешествие Ун-Амуна в Библ.* Египетский иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Издание текста и исследование М. А. Коростовцева, М., 1960.

V. Зайн ад-Дйн Вāṣифй, *Бадāй' ал-вақāй'.* Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева, т. I—II, М., 1961.

VI. *Арабский аноним XI века.* Издание текста, перевод, введение в изучение памятника и комментарии П. А. Грязневича, М., 1960.

VII. Амӣр Ḫусрау Дихлавӣ, *Маджнӯн и Лайлӣ.* Критический текст и предисловие Т. А. Магеррамова, М., 1964.

VIII. *Юань-чао би-ши (Секретная история монголов).* 15 цзюаней. Т. I. Текст. Издание текста и предисловие Б. И. Панкратова, М., 1962.

IX. Муḥаммад ибн Хиндӯшāх Наḫчиванӣ, *Дастӯр ал-кāтиб фӣ та'йӣн ал-марāтиб (Руководство для писца при определении степеней).* Критический текст, предисловие и указатели А. А. Ализаде. Т. I, ч. 1, М., 1964; т. 1, ч. 2, М., 1971.

X. Муḥаммад ибн Наджӣб Бакрāн, *Джахāн-нāме (Книга о мире).* [Ч. 1.] Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского, М., 1960.

XI. Муḥаммад ал-Ḫамавӣ, *Ат-Та'рӣḫ ал-мансӯрӣ (Мансурова хроника).* Издание текста, предисловие и указатели П. А. Грязневича, М., 1960 (изд. 2, стереотипное, М., 1963).

XII. Усāма ибн Мунḳиз, *Китāб ал-манāзил ва-д-дийāр (Книга стоянок и жилищ).* Издание текста, предисловие и указатели А. Б. Халидова, М., 1961.

XIII. Муḥаммад-Қāẓим, *Нāме-йи 'аламāрā-йи нādирӣ (Мироукрашающая надирова книга).*

Т. I. Издание текста и предисловие Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели Г. В. Шитова, М., 1960 (изд. 2, стереотипное, М., 1962).

Т. II. Издание текста, предисловие и общая редакция Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели и аннотированное оглавление О. П. Щегловой, М., 1965.

Т. III. Издание текста, предисловие и общая редакция Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели и аннотированное оглавление Н. В. Елисеевой, М., 1966.

XIV. Хюсейн, *Беда'и' ул-века'и' (Удивительные события).* Издание текста, введение и общая редакция А. С. Тверитиновой. Аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна. Ч. 1—2, М., 1961.

XV. *Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы сувэньсюэ.* Издание текстов и предисловие Л. Н. Меньшикова, М., 1963.

XVI. Оцуки Сигэтака и Симура Қокё, *Канкай ибун (Удивительные сведения об окружающих морях).* Тетрадь восьмая. Словарь. Издание текста и предисловие В. Н. Горегляда, М., 1961.

XVII. Низāмӣ Ганджавӣ, *Лайлӣ и Маджнӯн.* Критический текст А. А. Алескер-заде и Ф. Бабаева, М., 1965.

ТЕКСТЫ. МАЛАЯ СЕРИЯ

I. Фидā'ӣ, *Китāб би хидāйат ал-му'минӣн ат-тāлибӣн («История исмаилизма»).* По таджикской рукописи издал, предисловием и примечаниями снабдил А. А. Семенов, М., 1959.

II. ʿОмар Хаййам, *Рубāʿиййāт.* Подготовка текста, перевод и предисловие Р. М. Алиева и М.-Н. О. Османова, под редакцией Е. Э. Бертельса. Ч. 1—2, М., 1959.

III. ʿОмар Хаййам, *Трактаты.* Перевод Б. А. Розенфельда. Вступительная статья и комментарии Б. А. Розенфельда и А. П. Юшкевича, М., 1961.

IV. Хорезми, *Мухаббат-наме.* Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджипа, М., 1961.

V. *Вторая записка Абу Дулафа.* Издание текста, перевод, введение и комментарии П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова, М., 1960.

VI. *Пэкрён чхохэ.* Антология лирических стихотворений рён-гу с корейским переводом. Издание текста, перевод и предисловие Д. Д. Елисеева, М., 1960.

VII. *Нишань самани битхэ (Предание о нишанской шаманке).* Издание текста, перевод и предисловие М. П. Волковой, М., 1961.

VIII. *Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь «Десять благих знамений» (Неизвестные рукописи бяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народов Азии).* Издание текста, предисловие, перевод и комментарии Л. Н. Меньшикова, М., 1963.

IX. Михри Хатун, *Диван.* Критический текст и вступительная статья Е. И. Маштаковой, М., 1967.

X. Гомбоджаб, *Ганга-йин урусхал (История золотого рода владыки Чингиса.— Сочинение под названием «Течение Ганга»).* Издание текста, введение и указатель Л. С. Пучковского, М., 1960.

XI. *Оросиякоку суймудан (Сны о России).* Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии В. М. Константинова. Под редакцией академика Н. И. Конрада, М., 1961.

XII. Амир Хусрау Дихлави, *Ширин и Хусрау.* Критический текст и предисловие Г. Ю. Алиева, М., 1961 (изд. 2, стереотипное, М., 1966).

XIII. Ахмед Хани, *Мам и Зин.* Критический текст, перевод, предисловие и указатели М. Б. Руденко, М., 1962.

XIV. Мирза ʿАбдалʿазим Сами, *Таʾрих-и салатин-и мангытийа (История мангытских государей).* Издание текста, предисловие, перевод и примечания Л. М. Епифановой, М., 1962.

XV. *Ссянъчхон кыйбонъ (Удивительное соединение двух браслетов).* Издание текста, перевод и предисловие М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич, М., 1962.

XVI. Камалашила, *Бхаванакрама (Трактат о созерцании).* Факсимиле с предисловием Е. Е. Обермиллера, М., 1963.

ПЕРЕВОДЫ

I. Мухаммад-Казим, *Поход Надир-шаха в Индию (Извлечение из Таʾрих-и ʿаламара-йи надири).* Перевод, предисловие и примечания П. И. Петрова, М., 1961.

II. *Законы Ману.* Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным, М., 1960.

III. *Дхаммапада.* Перевод с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова, М., 1960 (Bibliotheca Buddhica, XXXI).

IV. ʿАбд ар-Раҳмāн ал-Джабартӣ, *ʿАджāʾиб ал-асāр фӣ-т-тарāджим ва-л-ахбāр (Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий).*

Т. III, ч. 1. *Египет в период экспедиции Бонапарта (1798—1801).* Перевод, предисловие и примечания И. М. Фильштинского, М., 1962.

Т. IV. *Египет под властью Мухаммада ʿАлӣ (1806—1821).* Перевод, предисловие и примечания Х. И. Кильберг, М., 1963.

V. *Брихадараньяка упанишада.* Перевод, предисловие и примечания А. Я. Сыркина, М., 1964.

VI. Эвлия Челеби, *Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века).* Перевод и комментарии. Выпуск I. Земли Молдавии и Украины, М., 1961.

VII. Арья Шура, *Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы.* Перевод А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой. Предисловие и примечания О. Ф. Волковой, М., 1962.

СЕРИЯ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»
ВЫШЛИ В СВЕТ

I. *Сказание о Бхадре (новые листы сакской рукописи «Е»).* Факсимиле текста. Транскрипция, перевод, предисловие, вступительная статья, глоссарий и приложения В. С. Воробьева-Десятовского и М. И. Воробьевой-Десятовской, М., 1965.

II. 1. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках.* Часть 1. Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, вступительная статья и приложения Л. И. Лаврова, М., 1966.

2. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках.* Часть 2. Надписи XVIII—XX вв. Издание текстов, переводы, комментарий, статья и приложения Л. И. Лаврова, М., 1968.

III. *Документы на половецком языке XVI в. (судебные акты Каменец-Подольской армянской общины).* Транскрипция, перевод, грамматический комментарий, словарь и предисловие Т. И. Грунина. Под редакцией Э. В. Севортяна. Вступительная статья Я. Р. Дашкевича, М., 1967.

IV. *Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн цзы, Сяо цзин).* Факсимиле текстов. Предисловие, словарь и указатели В. С. Колоколова и Е. И. Кычанова, М., 1966.

V. Ҫāҳиб, *Дафтар-и дилкушā («Сочинение, радующее сердца»).* Фак-

снимиле текста. Предисловне, аннотированное оглавление, краткий текстологический комментарий и указатели Р. Хади-заде, М., 1965.

VI. *Чхандогья упанишада.* Перевод с санскрита, предисловие и комментарии А. Я. Сыркина, М., 1965.

VIII, 1. *Документы по истории японской деревни.* Часть 1. Конец XVII — первая половина XVIII в. Перевод, предисловие и приложения О. С. Николаевой, М., 1966.

IX. Симеон Лехаци, *Путевые заметки.* Перевод с армянского, предисловие, примечания и указатели М. О. Дарбинян, М., 1965.

X. Лубсан Данзан, *Алтан тобчи («Золотое сказание»).* Перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Н. П. Шастиной, М., 1973.

XI. *История халифов анонимного автора XI века.* Факсимиле рукописи. Предисловие и краткое изложение содержания П. А. Грязневича. Указатели М. Б. Пиотровского и П. А. Грязневича, М., 1967.

XII. Муḥаммад Заḥйр ад-Дйн Бабур. *Трактат об ʿарӯзе.* Факсимиле рукописи. Издание текста, вступительная статья и указатели И. В. Стеблевой, М., 1972.

XIII. *Идзумо-фудоки.* Перевод с японского, предисловие и комментарии К. А. Попова, М., 1966.

XIV. *Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР (Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э.).* Автографические копии, транскрипция, перевод, вводная статья, комментарий и глоссарий Н. Б. Янковской, М., 1968.

XV. *Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци.* Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К. Н. Юзбашяна, М., 1968.

XVI. *Упанишады.* Перевод с санскрита, предисловие и комментарий А. Я. Сыркина, М., 1967.

XVII. Рашйд ад-Дйн, *Переписка.* Перевод, введение и комментарий А. И. Фалиной, М., 1971.

XVIII. *Чхое чхун джон («Повесть о верном Чхое»).* Факсимиле корейской рукописи, перевод, предисловие и комментарий Д. Д. Елисеева, М., 1971.

XIX. *Чхунхянджон квонджитан («Краткая повесть о Чхунхян»).* Факсимиле ксилографа, перевод, предисловие и комментарий А. Ф. Троцевич, М., 1968.

XX. *Книга правителя области Шан («Шан цзюнь шу»).* Перевод, предисловне и комментарий Л. С. Переломова, М., 1968.

XXI. Шараф-ḥан ибн Шамсаддйн Бидлйсй, *Шараф-нāме.* Перевод, предисловие, примечания и приложения Е. И. Васильевой. Т. 1, М., 1967.

XXII. Абӯ-л-Фазл Байхақй, *История Масʿӯда (1030—1041).* Перевод с персидского, введение, комментарий и приложеиия А. К. Арендса. Изд. 2-е, дополненное, М., 1969.

XXIII. Йӯсуф ибн Закарӣйӑ' ал-Маġрибӣ, *Даф' ал-иṣр 'ан калӑм ахл Миṣр («Удаление бремени с речи жителей Египта»)*. Факсимиле арабской рукописи. Предисловие и указатели А. С. Аввада, М., 1968.

XXIV. Закарий Қанакерци, *Хроника*. Перевод с армянского, предисловие, комментарий и указатели М. О. Дарбинян-Меликян, М., 1969.

XXV. *Море письмен*. Факсимиле тангутских ксилографов. Перевод с тангутского, вступительные статьи и указатель К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского, М., 1968.

XXVIII. *Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн)*. Перевод, предисловие и комментарий К. А. Попова, М., 1969.

XXIX. Кэнко-хоси, *Записки от скуки («Цурэдзурэгуса»)*. Перевод с японского, вступительная статья, комментарий и указатель В. Н. Горегляда, М., 1970.

XXX. Мас'ӯд ибн Нӑмдӑр, *Сборник рассказов, писем и стихов*. Факсимиле текста. Предисловие и указатели В. М. Бейлиса, М., 1970.

XXXI. *Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Ходжа Аḫрӑра в Средней Азии и Афганистане)*. Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О. Д. Чехович, М., 1973.

XXXII, 1. Сыма Цянь, *Исторические записки («Ши цзи»)*. Том 1. Перевод с китайского и комментарий Р. В. Вяткина и В. С. Таскина под общей редакцией Р. В. Вяткина. Вступительная статья М. В. Крюкова, М., 1972.

XXXIII, 1. *Тексты Кумрана*. Вып. 1. Перевод с древнееврейского и арамейского, введение и комментарий И. Д. Амусина, М., 1971.

XXXIV. *Бяньвэнь о воздаянии за милости (рукопись из Дуньхуанского фонда Института востоковедения)*. Ч. 1. Факсимиле рукописи. Исследование, перевод с китайского, комментарий и таблицы Л. Н. Меньшикова. Ч. 2. Грамматический очерк и словарь И. Т. Зограф, М., 1972.

XXXVII. Аракел Даврижеци, *Книга историй*. Перевод с армянского, предисловие и комментарий Л. А. Ханларян, М., 1973.

XLIII. Ал-Ḥасан ибн Мӯсӑ ан-Наубахтӣ, *Шиитские секты*. Перевод с арабского, исследование и комментарий С. М. Прозорова, М., 1973.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

XXVI. *Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»)*. Факсимиле ксилографа. Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения Н. Ц. Мункуева.

XXVII. Фаẓлаллӑх ибн Рӯзбихӑн Исфахӑнӣ, *Михмӑн-нӑме-йи Бухӑрӑ («Записки бухарского гостя»)*. Факсимиле рукописи. Перевод с персидского, введение, комментарий и указатели Р. П. Джалиловой. Под редакцией А. К. Арендса.

XXXIX. Анандавардхана, *Дхваньялока («Свет дхвани»)*. Перевод с санскрита, введение и комментарий Ю. М. Алихановой.

XL. *Вновь собранные драгоценные парные изречения.* Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, вступительная статья и комментарий Е. И. Кычанова.

XLI. Кацурагава Хосю, *Хокуса монряку («Краткие вести о скитаниях в северных водах»)*. Перевод с японского, комментарий и приложение В. М. Константинова.

XLII. *Та'рӣх-и Сӣстӑн («История Сӣстӑна»)*. Перевод с персидского, введение и комментарий Л. П. Смирновой.

XLV. Шах Маҳмӯд ибн Мйрзӑ Фӑзил Чурӑс, *Хроника.* Критический текст, перевод с персидского, комментарий и исследование О. Ф. Акимушкина.

СОДЕРЖАНИЕ

О Л. Фишман, «Заметки из хижины Великое в малом» и их автор Цзи Юнь 13

ЦЗИ ЮНЬ. Заметки из хижины Великое в малом (Юэвэй цаотан бицзи).

Перевод 145
Сборник 1. Записи, сделанные летом в Луаньяне 147
Сборник 2. Так я слышал 265
Сборник 3. Записки о разном, составленные к западу от софоры . 315
Сборник 4. Не принимайте всерьез 373
Сборник 5. Продолжение луаньянских записей 425

КОММЕНТАРИЙ 459

Географические названия, встречающиеся в переводе 534

ПРИЛОЖЕНИЯ 539

Указатель имен рассказчиков 541
Условные обозначения, употребляемые в указателе сюжетов . 551
Указатель сюжетов 556

SUMMARY 577

Памяти
Ахилла Григорьевича Левинтона

«ЗАМЕТКИ ИЗ ХИЖИНЫ ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ» И ИХ АВТОР ЦЗИ ЮНЬ

Чудесами и притчами вскрывается новый мир. Первые делают обыденное необычайным, вторые — необычайное обыденным.

(Гете, Годы странствования Вильгельма Мейстера, кн. II, гл. 2).

1

Драматические события, происходившие в Китае на протяжении XVII в., изменили духовную атмосферу в стране. Вторжение на территорию Китая маньчжурских захватчиков, вступивших в сговор с китайской феодальной верхушкой, встретило героическое сопротивление народа. Установление маньчжурской династии Цин, проводившей политику жесточайшего политического, экономического и национального гнета, привело в движение феодальную оппозицию. Многие из писателей и ученых с оружием в руках боролись за независимость своей родины, став во главе сформированных на их средства отрядов сопротивления врагу, а потерпев поражение в этой неравной борьбе, прятались в лесах и горах, скрываясь от преследований правительства или от попыток маньчжуров переманить их на свою сторону.

Произведения философа-просветителя Хуан Цзун-си (1610—1695) «Записки о крепости в горах Сыминшань», «Плач за морем», «Просьба к Японии дать войска», стихи Гу Янь-у (1613—1682), Чэнь Цзы-луна (1608—1647), погиб-

шего в бою семнадцатилетнего поэта Ся Вань-чуня (1631—1647) и т. д. донесли до нас отголоски героической борьбы, в которой эти ученые и поэты принимали непосредственное участие: Хуан Цзун-си (за голову которого несколько раз объявлялась награда) сражался в Чжэцзяне, Даньшао, Цзянтяо, в горах Сыминшань, повсюду поднимая народ на борьбу с захватчиками; поэт и историк Гу Янь-у организовал добровольческий отряд в Цзяннани, скрывался от преследований, скитался по стране, голодал, сидел в тюрьме, угрожая самоубийством своим тюремщикам, которые хотели переманить на сторону двора ученого с блестящей репутацией; Ван Фучжи организовал вооруженное сопротивление маньчжурам на своей родине — в Хэньяне, а после разгрома отряда скрывался в горных пещерах провинций Хунань, Гуанси, Гуйчжоу, вел бродячую жизнь, горько и гневно упрекал тех ученых, которые перешли на сторону маньчжурского правительства.

Не у всех доставало должного мужества и решимости; не все ученые и писатели, даже отчетливо сознававшие, какие унижения и горести несет Китаю маньчжурское завоевание, сумели последовать этим героическим примерам. Одни испугались преследований, другие польстились на приманки в виде высоких должностей и почетных мест. Некоторые всю жизнь мучились стыдом и раскаянием, как поэт У Вэй-е (1609—1671), под страхом смерти вынужденный нарушить данную им клятву — не служить захватчикам — и принявший официальный пост при дворе:

Я стал седым от скорби и стыда,
От горестных и гибельных событий...
О, если бы мне вынуть из груди
Несчастное тоскующее сердце,
Чтоб лучший врач мог из него извлечь
Всю боль тоски и позднего стыда!
Но нет, увы, чем больше вспоминаю,
Тем больше скорбь снедает грудь мою.
Мои друзья, с кем жил я, с кем я рос,
В дни страшных бед не изменили долгу,
А я живу позорно, малодушно
На уровне травы у чьих-то ног...

Моя тоска, и скорбь моя, и стыд
В железные тиски меня зажали.
Но не могу жену я и детей
Отбросить прочь, как стоптанные туфли...
Я знаю — я не стою ни гроша,
Но я ль один? Среди таких событий,
Среди таких ужасных перемен
Иной бывает весел и доволен,
Иной жестокой совестью томим [1].

Сразу после установления династии Цин были запрещены все политические объединения, шли судебные преследования инакомыслящих писателей и ученых, казни, репрессии, аресты лиц, хранивших запрещенные книги [2],— первые предвестники «литературной инквизиции», достигшей своего апогея в XVIII в. В 1769 г. появился указ двора о поисках книг, подлежащих уничтожению [3]; с 1774 по 1782 г. были публично сожжены 13 862 книги, более 2000 книг были полностью или частично запрещены [4].

Пытаясь привлечь к себе сословие ученых-чиновников, маньчжурские императоры выдавали себя за «истинных наследников» и последователей Конфуция. Для укрепления своей власти они использовали теоретические положения конфуцианского канона, многие века служившего идеологическим оплотом китайского феодального режима. Умело используя систему подготовки преданных трону слуг с помощью государственных экзаменов, без которых нельзя было получить

[1] У Вэй-е, Чувства, нахлынувшие во время болезни (пер. А. Арго),— «Антология китайской поэзии», т. 3, М., 1957, стр. 209—210.

[2] Об этом периоде подробнее см.: С. Л. Тихвинский, Маньчжурское владычество в Китае,— «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966; О. Л. Фишман, О политике Цинов в области идеологии,— там же.

[3] Истреблялись и запрещались книги, в которых содержались неодобрительные отзывы о маньчжурах или предшествовавших им некитайских династиях, рассматривались вопросы обороны страны, упоминалось о патриотических выступлениях китайского народа, высказывались еретические взгляды на конфуцианский канон, упоминались запрещенные политические общества или группировки, имена запрещенных авторов, цитировались их предисловия, стихи, письма и т. п.

[4] «Очерки истории Китая», под ред. Шан Юэ, М., 1959, стр. 530.

должность, новые правители Китая поощряли замену экзаменационных сочинений на темы, связанные с вопросами административного управления и экономическими проблемами, схоластическими эссе, в основе которых лежали цитаты из конфуцианского канона, трактуемые в духе неоконфуцианской догмы, ставшей теперь официальной государственной идеологией.

Сыновьям и внукам влиятельных сановников и лицам, которые жертвовали крупные суммы на нужды двора, ученые степени давались без экзаменов. Указы двора разрешали продажу должностей и ученых степеней. В 1745 г. из числа вновь назначенных уездных начальников 27,8% купили ученую степень, число чиновников, получивших степень в результате экзаменов, незначительно превышало число купивших ее[5].

Другим способом подкупа китайской интеллигенции и отвлечения ее от занятий актуальными проблемами современности было поощрение цинским правительством компиляторства, подражаний древности, абстрактных исследований. В этих же целях первые цинские императоры провели ряд мер по упорядочению и собиранию литературного наследия. Сотни китайских ученых на весьма выгодных условиях привлекались для составления объемистых словарей и энциклопедий. Особенный размах эти работы приобрели в XVIII в., во время составления знаменитого собрания книг императорской библиотеки и каталогов к ней (в этой работе участвовало более 4 тыс. человек). Именно в эти годы и были уничтожены тысячи произведений прошлого, так как сбор книг для императорской библиотеки сопровождался пересмотром того, что было написано на протяжении веков.

Жесточайшая цензура, упрочение неоконфуцианской ортодоксии, казни писателей и ученых привели к тому, что в стране, полностью изолированной от внешнего мира, царила обстановка настоящего террора, и не удивительно, что многие мыслящие люди больше всего стремились не привлекать

[5] E. Balazs, The Birth of Capitalism in China,— «Journal of the Economic and Social History of the Orient», vol. 3, pt 2, Aug. 1960, стр. 202.

к себе внимания властей; участие в составлении энциклопедий и антологий или занятия «чистой наукой» были для этого лучшим способом.

На смену научным открытиям ученых XVII в. по вопросам аутентичности конфуцианского канона, на смену материалистическим концепциям ранних просветителей приходит увлечение чисто филологическими исследованиями. Наступает спад просветительских тенденций в литературе: место замечательного романа «Сон в красном тереме» с его необычными героями, не приемлющими старой морали, заступают стереотипные «продолжения» и «подражания»; сатирический роман У Цзин-цзы «Неофициальная история конфуцианцев» (*Жулинь вай ши*) с его универсальной критикой феодальных установлений сменяют романы с охранительной тенденцией типа «Праздных речей деревенского старца» (*Е соу пу янь*) Ся Цзин-цюя (1705—1787); даже имевший столь славные традиции историко-героический роман к этому времени вырождается в ортодоксальную литературу, прославлявшую карателей крестьянского и национально-освободительного движения («История книжного червя» (*Тань ши*) Ту Шэня, 1744—1801).

Представители нового поколения, пришедшие на смену людям, с оружием в руках сражавшимся против маньчжурских захватчиков, естественно, испытывали меньшую ненависть к своим поработителям, чем их отцы и деды. И даже те из них, кто не славил в своих произведениях маньчжурских императоров, в этой обстановке неослабного контроля за мыслями не могли создать ничего, даже отдаленно напоминавшего по силе воздействия произведения такого общественного звучания, какие создали их великие предшественники — философы раннего Просвещения[6] и романисты первой половины XVIII в.

И все-таки на фоне ортодоксальной подражательной литературы звучат новые голоса, выделяются искренние и све-

[6] О философии и литературе китайского Просвещения см.: О. Л. Фишман, Китайский сатирический роман (эпоха Просвещения), М., 1966.

жие стихи Юань Мэя (1716—1797), противопоставившего официальной идеологии, консерватизму мышления, лицемерию и ханжеству реабилитацию земной, чувственной природы человека, гедонистическую уверенность в том, что человек создан для счастья; появляются исторические пьесы Цзян Ши-цюаня (1725—1784), в которых обращение к истории вуалирует критику современности[7], морализующие драмы Ян Чао-гуаня (1712—1791), сюжеты которых часто заимствовались драматургом из фольклора; появляются и рассказы Цзи Юня, в которых звучат ноты сатирического обличения педантов-начетчиков и чиновников-взяточников, падения нравов, борьба против превращения конфуцианской философии в догмат, призыв к доброму в душе человека. «Заметки из хижины Великое в малом» Цзи Юня возрождают просветительские тенденции, оплодотворившие китайскую литературу XVIII в. идеями равенства людей, «естественных прав» человека, ценности отдельного человека вне зависимости от его происхождения и общественного положения.

Цзи Юнь прожил долгую и в целом благополучную жизнь. Ему не пришлось переживать тех трудностей, которые выпали на долю Пу Сун-лина, всю жизнь безуспешно сдававшего государственные экзамены, или У Цзин-цзы, умершего в нужде. Он быстро шагал по лестнице, ведущей к чинам и славе, был признанным ученым авторитетом своего времени, и умер он в своей постели, а не в тюрьме, как многие его современники. Эти обстоятельства, равно как и конфуцианское образование и воспитание, полученные Цзи Юнем, а также жесткие цензурные условия, в которых ему приходилось писать, не могли не наложить своего отпечат-

[7] Пьеса «Вечнозеленое дерево падуб» посвящена жизни замечательного поэта-патриота XIII в. Вэнь Тянь-сяна, казненного за отказ служить монгольским захватчикам. Пьеса «Иней на коричных деревьях» воспевала ученого XVII в. Ма Сюн-чжэна, казненного за отказ служить маньчжурам. Пьеса «Человек в снегу» представляла собой драматизацию эпизода из жизни ученого и писателя XVII в. Ча Цзи-цзо, заключенного в тюрьму за участие в составлении антиманьчжурского труда по истории китайской династии Мин.

ка на умеренный и относительно спокойный тон «этической» критики, содержащейся в произведениях Цзи Юня, который верил в возможность «исправления общества» путем нравственного усовершенствования отдельной личности.

Мы не знаем, как писал бы Цзи Юнь, живи он в XVII или в начале XVIII в. Мы не знаем, сражался ли бы он против маньчжуров рядом с Хуан Цзун-си и Гу Янь-у. Но в условиях своего времени он «проявил незаурядное мужество», выступив «в эпоху Цянь-луна, когда законы были такими же жестокими, против несправедливой общественной морали и нелепых обычаев»[8].

Цзи Юнь (Цзи Яо-лань, посмертное имя — Цзи Вэнь-да) родился 3 августа 1724 г. в уезде Сяньсянь (нынешняя провинция Хэбэй, где происходит действие большинства рассказов из его коллекции «Заметки из хижины Великое в малом») в семье сановника Цзи Юн-шу, в течение длительного времени занимавшего пост правителя области Яоань провинции Юньнань (отсюда его прозвание «господин из Яоани», под которым он фигурирует в «Заметках» Цзи Юня). Из отдельных упоминаний в рассказах Цзи Юня известно, что его отец получил ученую степень в 1714 г. (рассказ № 144), одно время служил в уголовной палате (№ 148), занимал должность инспектора в провинции Аньхой (№ 566). Цзи Юнь вспоминает, как он в детстве гостил в доме своего деда с материнской стороны — достопочтенного Чжан Сюэ-фэна (№ 24), в 1735 или 1736 г. сопровождал отца в его поездке в столичный округ, гостил в доме своей тетки госпожи Лю в Цанчжоу (№ 853, 179).

В предисловии к четвертому сборнику рассказов — «Не принимайте всерьез» — Цзи Юнь отмечает, что «после тридцати лет сдавал государственные экзамены, продвигался по службе и ночи напролет проводил в занятиях и раздумьях». В рассказе № 730 указана дата сдачи им экзамена (видимо, на первую ученую степень *сюцая*): «В год *цзя-цзы* правления

[8] Лу Синь, Полное собрание сочинений *(Лу Синь цюаньцзи)*, т. 8. Пекин, 1957, стр. 346.

под девизом Цянь-лун [1744 г.] я должен был сдавать государственные экзамены в Хэцзяни». В 1747 г. он получил вторую ученую степень *цзюйжэня,* а в 1754 г. сдал экзамены в столице на третью степень *цзиньши.* Вскоре после этого Цзи Юнь получил назначение на должность редактора в академию *Ханьлинь*; в 1762 г. стал инспектором школ в провинции Фуцзянь[9], занимал и другие должности, но в 1768 г. по обвинению в разглашении государственной тайны (сообщил своему другу ученому и библиофилу Лу Цзянь-цэну о грозящем тому аресте в связи с процессом над бравшими взятки солевыми комиссарами) был привлечен к суду и сослан в Урумчи. В 1771 г. Цзи Юнь был прощен и возвращен в Пекин. Упоминания о пребывании в Урумчи встречаются в целом ряде рассказов из коллекции «Заметки из хижины Великое в малом» [10].

В уже цитированном предисловии Цзи Юня к сборнику «Не принимайте всерьез» говорится, что после пятидесяти лет он был назначен редактором «Каталога Полного свода четырех сокровищниц» (*Сыку цюаньшу цзунму*) — книг, собираемых для императорской библиотеки. Цзи Юнь был одним из главных редакторов этого каталога, а также составителем «Сборника резюме книг, входящих в Полный свод четырех сокровищниц» (*Сыку цюаньшу тияо*). Вместе с ученым Лу Си-сюном (1734—1792) Цзи Юнь занимался просмотром и отбором книг и рукописей, признаваемых достойными для включения в императорскую библиотеку, и составлением заметок, помещаемых перед каждой книгой (в

---

[9] Сведения, почерпнутые из рассказов Цзи Юня, совпадают с материалами его биографии, приводимой в таких источниках, как *Цин ши гао, цз.* 326, *Цин лечжуань (Чжунхуа шудянь,* 1928), *Циндай сюэчжэ сянчжуан* (под ред. Е Гун-чо, 1928) и др.

С летописью жизни Цзи Юня, составленной Ван Лань-нинем *(Цзи Сяолань сяньшэн няньпу,* — «Шида юэкань», т. I, 1933, № 6), мне не удалось ознакомиться.

[10] См. рассказы № 81, 98, 219, 414, 417, 436 и др. Цзи Юню также принадлежит сборник из 160 стихотворений — «Урумчийские стихи о разном» *(Урумчи цзаши),* — «Цуншу цзичэн», Шанхай, 1937.

этих заметках давалось название книги, имя ее автора, место его рождения, определялась разбивка книги на главы, оценивались стиль автора и его идеи). Собранные вместе, эти заметки составили «Каталог Полного свода».

Полный каталог делил книги на 44 раздела, после каждого раздела шли заметки о произведениях, не включенных в семь копий, сделанных с книг императорской библиотеки, но и не подвергнутых сожжению. В каталог входило 3448 произведений, включенных в библиотеку, и 6783 книги, лишь упомянутые в нем [11].

Не удивительно, что при таком количестве книг, с которыми приходилось знакомиться редакторам, работа затянулась более чем на десять лет. Сам Цзи Юнь писал: «В 1773 г. мне было приказано редактировать императорскую коллекцию книг. Затратив десять лет усилий, я завершил составление «Полного каталога» в 200 *цзюанях* и представил его императору» [12].

Однако вскоре были обнаружены ошибки переписчиков, а главное — в «Четыре сокровищницы» попали книги, содержащие нежелательные для маньчжуров фразы или отдельные слова, вследствие чего Цзи Юнь был вынужден заняться пересмотром издания, которое он считал уже завершенным [13]. Из его рассказа № 640 видно, что в связи с этой работой ему пришлось провести зиму 1788, осень 1789, лето 1790 и весну 1793 г. в провинции Жэхэ, где во дворцовой библиотеке Вэньцзиньгэ хранилась четвертая копия «Полного свода четырех сокровищниц».

В 1789 г. Цзи Юнь был также командирован в Луаньян

[11] О принципах составления «Каталога Полного свода» см.: «Encyclopedia quatorum bibliothecarum», Shanghai, 1946 (на кит. яз.), а также: W. Hung, Preface to an Index to Ssŭ-k'u Ch'uan-shu tsung-mu and Wei-shou shu-mu,— «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1939, vol. 4, № 1.

[12] Цит. по: W. Hung, Preface to an Index, стр. 53.

[13] За собственный счет Цзи Юню пришлось внести необходимые исправления и заменить новыми книгами те, что были изъяты из состава императорской библиотеки и ее «Каталога». Другим главным редакторам — Лу Си-сюну и Лу Фэй-чи — были вынесены суровые взыскания за допущенные промахи.

(уезд в нынешней провинции Хэбэй) для наблюдения над работой переписчиков. Там и был им написан первый сборник его рассказов — «Записи, сделанные летом в Луаньяне». Последний сборник коллекции также был составлен в Луаньяне, куда Цзи Юнь сопровождал императора в 1798 г.

Цзи Юнь служил в палате обрядов (№ 702), а потом занимал должность главы этой палаты. Пять раз он был главным экзаменатором на государственных экзаменах, занимал должность начальника цензората, возглавлял военную палату, был наставником наследного принца. Умер он 14 марта 1805 г., через несколько дней после вступления в должность помощника первого министра.

Цзи Юнь был крупным ученым с разносторонними интересами: он известен не только благодаря своей работе над составлением «Каталога Полного свода четырех сокровищниц» и «Сборника резюме книг, входящих в Полный свод» и филологическим исследованиям [14], но и как издатель ряда поэтических антологий и трудов предшествующих ученых по филологии (в частности, по вопросам китайской просодии [15]), как автор многих предисловий к чужим трудам [16], как поэт, коллекционер тушечниц и автор книги о надписях на них. Упоминания об увлечении коллекционированием тушечниц встречаются и в его заметках (№ 53, 453, 592, 788, 802).

Славу Цзи Юню принесли его рассказы, собранные в опубликованной в 1800 г. его учеником Шэн Ши-янем кол-

[14] Цзи Юню принадлежит исследование о теории «Четырех тонов Шэнь Юэ» *(Шэнь-ши сы-шэн као)*, предисловие к которому датировано 1760 г. Он составил также критические замечания к комментариям Хуан Шу-линя на сочинение «Резной дракон литературной мысли» *(Вэньсинь дяолун)* (см.: *Вэньсинь дяолун цзи-чжу*) и другие работы.

[15] Так, он был издателем исследований о рифмах к «Книге песен» *(Шэнь-дин Фэнъя и-инь)*.

[16] Интересно, что Цзи Юнь был автором двух предисловий к *И Ге Ючжипсо* — собранию сочинений Хон Хян Хо (1724—1802) — корейского ученого-конфуцианца, приезжавшего с миссией в Китай (О. П. Петрова, Описание письменных памятников корейской культуры, вып. II, М., 1963, стр. 31).

лекции «Заметки из хижины Великое в малом»[17], состоящей из пяти сборников, которые выходили сразу по их написании.

«Записи, сделанные летом в Луаньяне» — 1789 г.

«Так я слышал» — 1791 г.

«Записки о разном, составленные к западу от софоры» — 1792 г.

«Не принимайте всерьез» — 1793 г.

«Продолжение луаньянских записей» — 1798 г.

О популярности произведений Цзи Юня у его современников свидетельствует факт прижизненных изданий отдельных сборников и всей коллекции его рассказов и заметок[18]; об этом же говорит и то, что многие писатели конца XVIII — первой половины XIX в., выпустившие ряд сборников коротких рассказов о необычайном, подражали Цзи Юню[19].

---

[17] *Юэвэй цаотан* — Хижина Великое в малом — реальный «адрес», название дома в Пекине, в котором жил Цзи Юнь. Современный адрес — улица Хуфанцяо дацзе, 45 (на северной стороне), во Внешнем городе; после смерти Цзи Юня дом этот неоднократно перестраивался. В 30-х годах XX в. в нем собиралась труппа театра пекинской музыкальной драмы, которой руководили Юй Ши-янь и Мэй Лань-фан [см. сб. «Рассказы о пекинских улицах» *(Бэйцзин цзедао)*, Пекин, 1958, стр. 69, 71].

Эти сведения, как и данные по топографии Пекина, сообщены мне В. В. Петровым, который раскрыл также литературные псевдонимы ряда персонажей Цзи Юня — его современников, локализовал некоторые стихотворные цитаты в публикуемом переводе, за что приношу ему свою искреннюю благодарность.

[18] В предисловии ко второму сборнику Цзи Юнь писал: «Я еще не считал законченными «Записи, сделанные летом в Луаньяне», как на них накинулись книготорговцы и издали их без спроса и против моего желания...» В предисловии к третьему сборнику упоминается о том, что первые два сборника уже изданы книжными лавками. Собрание стихов и эссе Цзи Юня было издано посмертно, в 1812 г., под названием *Цзи Вэнь-да гун и-цзи*.

[19] Среди подражаний Цзи Юню Лу Синь называет «Услышанные рассказы» Юэ Цзюня (предисловие датировано 1792 г.), сборник рассказов Сю Юань-чжуна «Болтовня» (предисловие 1827 г.), «Собрание рассказов» Ян Юн-чжуна (предисловие 1848 г.), «Случайные заметки из Шанхая» и «Шанхайская смесь» Ван Тао и др. (см.: Лу Синь, Полное собрание сочинений, т. 8, стр. 179).

В послесловии к сборнику «Не принимайте всерьез» Шэн Ши-янь так писал о своем учителе:

«Господин из Хэцзяни более двадцати лет приводил в порядок материалы для «Четырех сокровищниц», слава о его научных и литературных успехах заполнила Поднебесную. Он был человеком необщительным и не очень любил всякие сборища. Живя уединенно, он возжигал курения и писал, закрыв двери. К семидесяти годам он не изливал уже больше своего сердца в стихах, а записывал слышанные им старые истории, чтобы скоротать время. Сначала им были созданы «Записи, сделанные летом в Луаньяне», затем сборники «Так я слышал» и «Записки о разном, составленные к западу от софоры». Все эти сборники уже изданы книжными лавками. В летние и осенние месяцы этого года (1793 г.— *О. Ф.*) он написал четвертый сборник, названный им словами Чжуан-цзы «Не принимайте всерьез»...» (т. 3, стр. 157).

Европейскому читателю рассказы Цзи Юня почти неизвестны. Шестьдесят из 1193 были переведены на французский язык и составили книгу «Le lama rouge et autres Contes», Paris, [1923?]. Переводы эти были выполнены жившим в Париже в 20-х годах китайским дипломатом Чжэн Ло (Tcheng-Loh) и обработаны Люси Поль-Маргерит (m-me Lucie Paul-Margueritte), но большинство из них скорее относится к пересказам или в лучшем случае к описательным переводам. Моралистические концовки Цзи Юня в этих переводах, как правило, опущены. Два рассказа в переводе на английский язык были помещены в книге Форнаро (C. Fornaro, Chinese Decameron, New York, 1929) [20], семь рассказов было включено в изданную на английском языке в Пекине (1961 г.) книгу «Stories about not being afraid of Ghosts» [21].

В историях китайской литературы, выходивших на евро-

[20] Ссылка дается по изданию: M. Davidson, A List of Published Translations from Chinese into English, French and German, pt I, Michigan, 1952, стр. 100.

[21] Один из этих рассказов был перепечатан в журнале «Chinese Literature», Peking, 1961, № 5.

пейских языках, имя Цзи Юня почти не упоминалось[22]; в неопубликованных работах Б. А. Васильева Цзи Юню отведено незначительное место, причем влияние на него идей буддизма переоценено[23]. Лишь в последние годы в работах советских китаистов стали упоминаться «Заметки из хижины Великое в малом»[24]. Что же касается оценки Цзи Юня на его родине, то восхищение его современников сменилось равнодушием их потомков. Цзи Юнь был забыт на многие годы. В ходе «литературной революции», последовавшей за движением 4 мая 1919 г., произошла переоценка некоторых несправедливо забытых или недооцененных произведений старой китайской литературы. Среди таких памятников старой повествовательной прозы, прочитанных по-новому, были и «Заметки из хижины Великое в малом», переиздававшиеся в Шанхае в 1918, 1923, 1925, 1926, 1931, 1932, 1933 гг. и в Пекине — в 1936 г.

[22] В книге Ou Itai «Essay critique et bibliographique sur le roman Chinois» (Paris, 1933) о Цзи Юне см. стр. 148—149.

[23] В статье «Китайская литература и ее изучение», предназначавшейся для опубликования в ежегоднике «Библиография Востока», Б. А. Васильев писал: «Эпигонствующая литература на схоластическом языке пытается найти выход в возрождении жанра новелл древней фантастической литературы, и появляются фигуры Пу Сун-лин'а и Цзи Юня с их изысканными новеллами, стилизованными под древние новеллы... Сочиненные Цзи Юнем «Записки из хижины Ио-вэй», сборник такого же типа, как и Ляо-чжай, но с явным влиянием чисто буддийских мотивов воздаяния и кармы» (АВ, р. 1, оп. 1, № 215, лл. 77—78).

В работе Б. А. Васильева «Очерки по истории китайской литературы» говорится: «Наряду с Ляо Чжаем большой популярностью пользуется в Китае и другой, почти аналогичный, но уже явно буддийского направления сборник фантастических новелл... Цзи Юня» (АВ, р. 1, оп. 1, № 217, л. 290).

[24] Небольшой очерк, посвященный творчеству Цзи Юня, содержится в кн.: О. Л. Фишман, Китайский сатирический роман, стр. 67—70. В. И. Семанов упоминает о Цзи Юне в своей книге «Лу Синь и его предшественники» (М., 1967, стр. 72).

Интерес представляет то обстоятельство, что на хранящемся в библиотеке ЛО ИВ АН СССР экземпляре шанхайского издания *Юэвэй цаотан бицзи* рукой акад. В. М. Алексеева сделана помета: «Всем. лит.», свидетельствующая о том, что В. М. Алексеев предполагал включить переводы этой коллекции в серию «Всемирной литературы».

Лу Синь сумел разглядеть в рассказах Цзи Юня «о лисах и бесах» критику современного писателю общества, его нравов, восхищался наблюдательностью и смелостью Цзи Юня, его юмором, превосходным языком его рассказов, что он и отмечал в лекциях «Историческая эволюция китайской художественной прозы», прочитанных летом 1924 г. в Сиани. Лу Синь считал, что сам Цзи Юнь не верил в сверхъестественное, но, чтобы воздействовать на невежественных людей, был вынужден обращаться к сверхъестественному и магическому. Смелость Цзи Юня, широта его взглядов «заслуживают нашего величайшего уважения»,— писал Лу Синь, указывая, что подражатели Цзи Юня не сумели усвоить характерный для его произведений критический дух, а восприняли только мистическую и дидактическую стороны его творчества [25].

Позднее, в пылу полемики с Юй Да-фу, Лу Синь пересмотрел некоторые свои оценки старой китайской прозы и начал подчеркивать дидактичность рассказов Цзи Юня. Именно это, а не ранние высказывания Лу Синя (в которых подчеркивались «незаурядное мужество» Цзи Юня и критическая направленность его рассказов) было взято на вооружение некоторыми современными китайскими литературоведами, которые отвергли как недостойные внимания, вредные или «ущербные» многие замечательные произведения китайской прозы XVI—XVIII вв. И произошло это не только в угаре так называемой «культурной революции», деятели которой отказались от своего великого культурного наследия. Все последнее десятилетие на концепции многих китайских литературоведов накладывали отпечаток вульгарный социологизм, неисторичность подхода к литературным явлениям, догматизм, из сферы политики перешедший в сферу литературоведения и литературной критики. Многие китайские литературоведы с единой меркой подходили к самым различным произведениям прошлого, рассматривали их с сугубо современных позиций. Этот антиисторический подход

[25] Лу Синь, Полное собрание сочинений, т. 8, стр. 346.

определил и их отношение к творчеству Цзи Юня[26]. Большинство китайских работ последних лет вообще игнорирует «Заметки из хижины Великое в малом», те же истории китайской литературы, которые упоминают эту коллекцию рассказов Цзи Юня, характеризуют его творчество как «реакционное», упрекают его в «пропаганде феодальной морали», «феодальных суеверий», «буддийской теории воздаяния за добро и возмездия за зло» (на подобной позиции стоят, например, авторы «Истории китайской прозы», 1962, авторы «Истории китайской литературы», опубликованной институтом литературы АН КНР в 1962 г. в Пекине, и др.).

Между тем объективный анализ «Заметок из хижины Великое в малом» подводит непредвзятого читателя этой коллекции коротких рассказов, морализующих анекдотов и заметок научного, информационного и публицистического характера к совсем иным выводам.

В настоящем издании публикуется перевод около 300 рассказов и заметок Цзи Юня из пяти его сборников; переводы сделаны по изданию *Юэвэй цаотан бицзи,* Шанхай, 1923, тт. 1—3. Переводы перемежаются кратким изложением содержания непереведенных произведений в последовательности, соблюдающейся в оригинале. В ксилографическом издании (Шанхай, б. г.,) одна запись отделяется от другой только большой точкой — кружком; в переиздании 20-х годов нашего века (Шанхай, 1923) каждая новая запись начинается с красной строки. В переводе для удобства ссылок поставлены порядковые номера рассказов: переведенных — в круглых скобках, изложение непереведенных произведений — в квадратных (которые часто охватывают несколько рассказов подряд).

Перевод максимально приближен к оригиналу, интерполированные слова заключены в квадратные скобки; встречающиеся в нескольких рассказах круглые скобки соответствуют

[26] Объективная оценка творчества Цзи Юня дается в работах таких китайских литературоведов 20—50-х годов XX в., как Цзян Жуй-цзао, Фань Янь-цяо, Ян Инь-шэнь, Тань Чжэнь-би, Лю Да-цзе, но произведения Цзи Юня не были предметом специального их исследования.

скобкам, с помощью которых Цзи Юнь выделял свои пояснения к тексту.

При отборе материала для перевода основным требованием были как репрезентативность материала, так и желание избежать множества повторений сюжетов, характерных для творческого метода Цзи Юня; кроме того, казалось важным шире представить Цзи Юня как автора сюжетных произведений, а не как автора заметок научного и информационного порядка.

Помещенный в приложениях указатель сюжетов служит материалом для некоторых выводов, содержащихся в статье и касающихся, в частности, вопросов о повторяемости сюжетов, о роли сверхъестественных сил в рассказах Цзи Юня и т. п.[27].

2

Как видно из самого названия коллекции Цзи Юня, его произведения написаны в жанре *бицзи сяошо,* имеющем давнюю историю.

Лу Синь упоминает о том, что термин *сяошо* впервые был употреблен в книге *Чжуан цзы* (гл. «Вещи вне нас») в следующем контексте: «Сочинять *сяошо,* чтобы приобрести высокую репутацию и почет» (*сяошо* здесь нечто фрагментарное, мелочи). Философ III в. до н. э. Хуан Дань говорил, что пишущие *сяошо* нанизывали случайные высказывания, создавая короткие рассказы, содержащие вещи, полезные для будничной жизни[28].

Бань Гу в «Истории Ранней Хань» (*Цянь Хань шу*) писал: «Сочинители *сяошо* вышли из мелких чиновников, записывавших беседы на улицах и рассказы в переулках, слухи на дорогах и повествования в проселках»[29] (т. е. *сяо-*

[27] Пользуюсь случаем, чтобы принести благодарность Г. А. Левинтону, оказавшему мне большую помощь при разработке схемы указателя сюжетов.

[28] Лу Синь, Полное собрание сочинений, т. 8, стр. 5.

[29] История Ранней Хань, разд. «Записи о литературе», цз. 30,— «Сыбу бэйяо» т. 52, Шанхай, 1936, стр. 584.

шо ведет свое начало от разговоров и рассказов простолюдинов, записывавшихся специальными мелкими чиновниками *байгуань* для ознакомления государя с настроениями народа).

Бань Гу перечисляет 15 коллекций *сяошо,* из которых к VI в. н. э., по словам Лу Синя, сохранилась только одна [30]. Из данного Лу Синем перечня существовавших ранее коллекций и приведенных выше определений ясно, что первоначальное значение термина *сяошо* охватывало записи не только того, что «говорят простолюдины», но и народных мнений, обычаев и т. п. Несмотря на явно фольклорные корни ранних *сяошо,* они были связаны также и с философской и исторической прозой древности (записи легенд в древних памятниках, притчи и аллегории в *Цзо чжуань, Чжуан цзы, Хуайнань-цзы* и др.).

В первой половине VII в. Вэй Чжэн, составляя библиографический раздел к «Истории династии Суй» (*Суй шу, Цзинцзе чжи*), вслед за Бань Гу отнес произведения жанра *сяошо* к разделу философских сочинений. Используемое им определение *сяошо* основывалось на характеристике, данной в «Истории Ранней Хань»: «*Сяошо* — беседы на улицах и болтовня в переулках. В [*Цзо*] *чжуань* приводятся песни носильщиков паланкинов, «[Книга] песен» восхваляет правителя, советовавшегося с деревенскими [жителями]; в древности, когда на троне был мудрец, историки составляли записи, слепцы создавали песни, ремесленники произносили предостережения, вельможи давали советы, ученые рассуждали, а простолюдины судачили. Ранней весной раздавались звуки деревянных колотушек, когда искали народные песни. Чиновники, объезжавшие районы, узнавали нравы и обычаи из народных песен; если были ошибки, их исправляли. Все беседы на улицах и разговоры на проселочных дорогах записывались, чиновники двора приводили в порядок местные записи, чтобы из них были ясны дела, другие чиновники сообщали о местных речениях и обычаях. Конфуций говорил: «Хоть и

[30] Лу Синь, Полное собрание сочинений, т. 8, стр. 6.

маленькие тропинки, но и там обязательно есть на что посмотреть...»[31].

В «Новой истории Тан» *(Синь Тан шу) сяошо* были выделены из раздела философии, так как уже в предшествующий период под ними стали понимать повествовательную прозу.

Ученый XVII в. Ху Ин-линь делил *сяошо* на шесть категорий:

1. Записи о чудесах.
2. Повествования о людях.
3. Анекдоты.
4. Записи о разном.
5. Рассуждения.
6. Предостережения, наставления.

Наибольшее значение Ху Ин-линь придавал последним трем разделам, которые в период Сун и последующих династий получили название *бицзи* «заметки», «записки».

При составлении «Каталога Полного свода четырех сокровищниц» Цзи Юнь делил *сяошо* на три категории:

1. Повествования о различных событиях, смешанные описания.
2. Записи о чудесах.
3. Анекдоты.

«Со времен Тан и Сун,— писал Цзи Юнь,— произведений такого рода было очень много. Хотя многие из них представляют собой пустую болтовню и нелепые суеверия, и среди них есть достаточно полезных произведений, демонстрирующих знания, исследования или нравственные учения.

Бань Гу говорил, что создатели *сяошо* продолжали деятельность чиновников *байгуань*. Комментатор «Истории Ранней Хань» объясняет: «Государь хотел узнать нравы и обычаи улиц и переулков, поэтому и установил категорию *байгуань*, чтобы они сообщали ему об этом». Если это так, то такой сбор информации был древней системой, и

[31] История династии Суй *(Суй шу), цз.* 34,— «Сыбу бэйяо», т. 68, стр. 315.

поэтому не следует отвергать эти произведения как бесполезные.

Мы избираем только лучшие образцы, чтобы расширить познания, отвергая вульгарные или лживые, которые могут только запутать читателей» [32].

Таким образом, на протяжении веков происходила некая эволюция термина *сяошо*: под ним подразумевается тип малой повествовательной прозы, включающей произведения как фабульного (их прототипом были народные рассказы и легенды), так и описательного характера (рассужения, различные записи и заметки, прототипом которых служила философская проза глубокой древности).

Ко времени Шести династий (III—VI вв.) термин *сяошо* приобретает значение короткого сюжетного рассказа; возникает пристальный интерес к рассказам о необычайном *(чжигуай сяошо)*.

В эту эпоху общественной неустроенности, постоянных войн и междоусобиц, когда север страны находился в руках завоевателей и ни одна из шести правивших династий не сумела объединить Китай и восстановить в нем порядок и мир, в настроениях писателей и философов ощущаются предчувствия катастрофы, близкие к эсхатологическому мироощущению ранних христиан. Бегство от мира, уход в себя, увлечение даосизмом и буддизмом, дававшими ощущение свободы от забот мира, от постоянной регламентации и самоконтроля, проповедовавшегося конфуцианцами, характерны для многих мыслящих людей того времени. Растет интерес к магии, алхимии, увлечение поисками эликсира долголетия. Возрастает вера в духов, в наличие сверхъестественных существ, которых можно попробовать подчинить себе, заставить помочь людям. В исторических и философских сочинениях встречается множество притч и легенд, которые как бы фактически подтверждали существование колдунов, магов — людей, умеющих творить чудеса.

Знакомство с насыщенной легендами буддийской литера-

[32] Цит. по: Лу Синь, Полное собрание сочинений, т. 8, стр. 9.

турой, с ее идеями перерождения, воздаяния за добро и возмездия за зло будило воображение писателей — авторов рассказов о необычайном.

Особой популярностью пользовались «Записки о поисках духов» (*Соу шэнь цзи*) Гань Бао (285?—360?), включавшие в себя более 500 коротких рассказов о сверхъестественных явлениях и событиях (иногда Гань Бао брал материал из ранних источников, например из «Истории династии Хань» (*Хань шу*)). В этих записях фигурируют духи, бесы, драконы, тигры, рассказывается о необычайных происшествиях, воскрешении из мертвых, о даосах, волшебниках, святых отшельниках, есть записи легенд, философских сентенций и т. д.

Широкой известностью пользовались также «Продолжение Записок о поисках духов» (*Сюй Соу шэнь цзи*), приписывавшееся знаменитому поэту Тао Юань-мину (365—427); «Записи Ци Се» У Цзюня (469—520) — продолжение утерянного в древности сборника рассказов о необычайном, приписываемого Ци Се (*Сюй Ци Се цзи*); «Записки о необычайном» (*Шу и цзи*) Жэнь Фана (VI в.) и др.

Эти древние рассказы о необычайном отличало сочетание фантастики и реальности, некое подобие исторической достоверности (имена, фамилии, прозвища персонажей, указания на место рождения или место жительства героев, упоминание времени действия, общественного положения персонажей и даже членов их семей). В этом сказывались и распространенность в период Шести династий «исторической литературы» (хроник), и «исторический» взгляд на мир древних китайских писателей, и тип их мышления — сказочно-фольклорный,— для которого чудесное являлось мировоззрением, а не элементом художественного вымысла.

«Создатели подобных историй записывали их, не ведая того, что создают художественную литературу, считая себя лишь летописцами, увековечивающими дошедшие до них по слухам действительные события. Отсюда и точность в записи времени происшествия...» [33].

[33] Л. З. Эйдлин, Тао Юань-мин и его стихотворения, М., 1967, стр. 451.

В центре этих рассказов находился случай, а не человек, с которым произошел этот случай. Духи и бесы рассматривались как человеческие существа, наделялись человеческими качествами и свойствами, говорили и действовали как живые люди. Как правило, это лаконичные записи, в которых сюжет был лишь намечен, а стройная композиция отсутствовала. Язык этих рассказов был простым, без привычных в то время параллелизмов, без обилия синонимов, без цитат из классических книг. Ритмического эффекта писатели добивались за счет обилия вспомогательных слов, приближавших стиль этих рассказов к разговорному [34]. Вот несколько образцов таких рассказов о необычайном IV—V вв.

1. «Когда Сун Дин-бо из Наньяна был молод, однажды ночью он встретил по дороге беса.

— Кто ты? — спросил он.

— Я бес,— ответил тот.— А ты кто?

— Я тоже бес,— солгал Сун Дин-бо.

— Куда ты идешь? — спросил бес.

— В город Юань.

— И я туда иду,— сказал бес.

Они пошли вместе и прошли несколько ли.

— Ходить очень утомительно,— сказал бес.— Почему бы нам по очереди не нести друг друга?

— Хорошо,— согласился Дин-бо.

Бес первым пронес Дин-бо несколько ли.

— Очень ты тяжелый,— сказал он наконец,— может, ты не бес?

— А я новый бес, потому и тяжелый,— ответил Дин-бо.

Затем он понес беса, а тот совсем ничего не весил. Так они менялись несколько раз.

— Я бес новый, не знаю, чего мы, бесы, больше всего боимся,— сказал Дин-бо.

— Чтобы люди в нас плевали,— ответил бес.

Дошли до реки, Дин-бо велел бесу перейти ее первым, тот

[34] Yoshikawa Kōjirō, The Shih-shuo hsin-yu and Six Dynasties Prose Style,— «Harvard Journal of Asiatic Studies», June 1955, vol. 18, № 1—2, стр. 124—141.

перешел совсем бесшумно. А когда Дин-бо стал переходить реку, все время слышались всплески воды.

— Почему ты так шумишь? — спросил бес.

— Я недавно умер, еще не привык переходить реку. Ничего удивительного нет!

Когда они подходили к городу, Дин-бо посадил беса к себе на плечо и схватил его крепко за голову. Бес закричал, начал просить спустить его на землю, но Дин-бо не слушал и отправился прямо на рынок. Когда он опустил беса на землю, тот превратился в барана, и Дин-бо его продал. Боясь, что бес примет свой настоящий вид, Дин-бо плюнул на него. Получив 1500 монет, он ушел.

Тогда и распространилось выражение: «Дин-бо продал беса и получил полторы тысячи монет»».[35].

2. «Цзи Чжун-сань[36] был человеком благородным, высокой души, очень любившим странствовать. Как-то, оказавшись в нескольких десятках ли от Лояна, он заночевал на станции, называвшейся Хуаян. Была ночь, вокруг ни души, он был совсем один. Раньше это было место казни, и с теми, кто там ночевал, происходили несчастья, но у Чжун-саня совесть была чиста, и он не испытывал страха.

Когда наступило время первой стражи, он сидел, играя на *цине* разные мелодии. Играл он хорошо, и вдруг послышался голос, крикнувший: «Прекрасно!».

Чжун-сань положил *цинь* и спросил:

— Вы кто, почтеннейший?

— Я — мертвец, скрываюсь здесь несколько тысяч лет. Услыхав вашу прекрасную игру, не мог удержаться и приблизился послушать. К несчастью, меня несправедливо казнили, тело мое разрезали на куски и я не могу показаться вам, почтеннейший. Но я восхищен вашей игрой и хотел бы посмотреть на вас, если вы не удивитесь и не рассердитесь. Сыграйте, пожалуйста, еще.

---

[35] Чжан Хуа, Рассказы о чудесах (*Ле и чжуань*, IV в.). См.: Избранные рассказы [времен] Хань, Вэй и Шести династий (*Хань, Вэй, Лючао сяошо сюань*), Шанхай, 1955, стр. 28.

[36] Известный писатель Цзи Кан (222—262).

Чжун-сань стал снова играть, а затем сказал:

— Ночь уже поздняя, почему бы вам не показаться? Зачем церемониться?

Тогда дух появился, держа свою голову в руках.

— Когда я слышу вашу игру, сердце мое проникается пониманием и я возрождаюсь к жизни,— сказал он.

Они стали говорить о своей любви к музыке, и разговор их был чистым и высоким.

— Можно мне взглянуть на ваш *цинь*? — спросил дух, и Чжун-сань отдал ему *цинь*. Дух начал играть; сначала он играл обычные мелодии, но сыгранный им напев Гуанлинсань был необычным. Чжун-сань выучил его, запомнив целиком за несколько часов. Такой мелодии он раньше не слыхал. Дух заставил его поклясться не учить других людей этой мелодии и не называть его имени. Когда стало рассветать, дух сказал:

— Хотя мы встретились только этой ночью, но дружба у нас на тысячу лет. Ночь кончилась, и мне надо уходить!» [37].

3. «Юань Чжань, другое имя его было Цянь-ли, утверждал, что духов нет, и никто не мог его переубедить. Он всегда говорил, что сам знает правду.

Однажды его посетил человек, обменялся с ним обычными приветствиями и начал беседу о принципах Истины. Гость этот оказался искусен в споре, и Юань Чжань долго с ним беседовал. Когда же речь зашла о духах, начался ожесточенный спор. Гость потерпел поражение и, рассердившись, сказал:

— О духах и бесах с древности говорили даже святые и мудрецы. Как же вы один можете утверждать, что их нет? Да я сам бес! — тут же превратился в чудище и исчез. Юань Чжань молчал, изменившись в лице. Через год он умер» [38].

Из поздних рассказов о чудесах приведу пример из сбор-

[37] Сюнь Ши, Записи о духах и бесах (*Лингуй чжи,* IV в.). См.: Избранные рассказы [времен] Хань, Вэй..., стр. 45—46.

[38] Гань Бао, Записки о поисках духов,— «Цуншу цзичэн», Шанхай, 1937, стр. 103.

Эти три рассказа упоминаются Цзи Юнем в № 14, 22, 404.

ника «Записки о духах» *(Цзи шэнь лу)* Сюй Сюаня (916—991), писателя, участвовавшего в составлении коллекции *Тай-пин гуанцзи:*

«Старуха Ван из Гуанлина несколько дней болела; вдруг она сказала своему сыну:

— Я умру и стану коровой в доме Хао, который живет в Сици. Ты должен купить эту корову, на животе у нее будет иероглиф *ван.*

Почти сразу же она умерла. Сици находится к западу от Хайлина, там у жителя по фамилии Хао родилась корова, на животе которой росли белые волосы в форме иероглифа *ван.* Сын отыскал эту корову, купил, отдав за нее кусок шелка, и привел домой» [39].

Лу Синь указывал, что подражания древним рассказам о чудесах были очень распространены и в последующее время; он называл сборники У Шу (947—1002) «Записи о необычайных людях из долин рек Янцзы и Хуай», Чжан Цзюнь-фана (XI в.) «Телега чудес», Чжан Ши-чжэня «Сборник чудес», Не Тяня «Выслеживая чудеса», Би Чжун-сюня «Свободные часы писца», Го Дуаня «Телега призраков», огромную коллекцию рассказов Хун Мая (1123—1202) «Записи И-цзяня» и др.[40].

В V—VI вв. возникает интерес к описанию событий, происходивших с реальными персонажами, обычно известными людьми. В центре подобных рассказов — необычное, но не чудесное, а удивительное, интересное. Появляются коллекции анекдотов о поведении, высказываниях, привычках исторических лиц, писателей, ученых. Возникает жанр *бицзи сяошо* — рассказы-записи, заметки, основанные на фактах. В этом жанре были составлены сборники «Новые повествования нашего века» *(Шишо синьюй)* Лю И-цина (403—444), «Лес

---

[39] Цит. по: Лу Синь, Полное собрание сочинений, т. 8, стр. 77. Похожий рассказ есть у Цзи Юня (№ 896), но он носит дидактический характер: женщина превращается в курицу в наказание за совершенную ею кражу.

[40] Лу Синь, Полное собрание сочинений, т. 8, гл. 22.

речений» *(Юй линь)* Пэй Ци (V в.), «Простые рассказы» *(Сушо)* Шэнь Юэ (441—513) и др.

Именно эти рассказы о людях, а не о духах проложили дорогу к литературной новелле танского времени *(чуаньци)*, в центре внимания которой находился человек, его отношение к происходящему, к окружающему его миру.

Чтобы рельефнее обрисовать разницу между ранними рассказами о чудесах и этими заметками о людях, приведу несколько примеров последних.

1. «В мире о Лю Юань-ли говорили: «Строг, как быстрый ветер в соснах».

Гунсунь Дуань сказал о На Юане: «Белый журавль в облаках не может быть пойман в сеть, натянутую для [поимки] воробьев»»[41].

2. «Лю Лин часто напивался пьяным и вел себя разнузданно, иногда снимал одежду, оставаясь голым в комнате. Кто-то увидел его и стал над ним смеяться. Лин сказал:

— Я считаю небо и землю своим жилищем, а комнаты — своими штанами, зачем же вы лезете в мои штаны?»[42].

3. «Жуань Сюань-цзы имел блестящую репутацию. Увидев его, командующий Ван И-фу спросил:

— В чем сходство и в чем отличие между учением Лао-цзы и учением Конфуция?

— Одно на одно,— ответил [Жуань Сюань-цзы].

Восхищенный ответом, командующий сделал его своим секретарем, а в мире он стал известен под именем Трехсловный секретарь»[43].

4. «Даос Дао И любил изысканные и изящно звучащие выражения. Возвращаясь из столицы в Дуншань, он проходил через [княжество] У и попал в снегопад. Было не очень холодно. Монахи спросили его, как было в пути. Дао И ответил:

---

[41] Лю И-цин, Новые повествования нашего века,— «Сыбу цункань», *Цзи бу*, т. 2, Шанхай, 1937, стр. 45а.

[42] Там же, т. 3, стр. 37а.

[43] Там же, т. 1, стр. 63б.

— Ветер и иней не стоят упоминания. Но сначала сгустилась темнота, окрестности едва только начали мелькать в моих глазах [от снежинок], как леса на холмах уже стали белыми» [44].

5. «Лоу Ху, по прозвищу Цзюнь-цин, был гостем пяти владетельных князей. Каждый день все пятеро посылали ему угощение. Пресытившись такой обильной едой, Цзюнь-цин как-то попробовал смешать вместе присланные князьями рыбу и мясо. Оказалось очень вкусно. Отсюда и пошло блюдо, именуемое «закуска пяти князей»» [45].

6. «А подрался с Б и откусил ему нос. Чиновник хотел разбирать это дело, но А сказал, что Б сам откусил себе нос.

Чиновник возразил:

— Ведь нос человека расположен над его ртом, как же он мог сам откусить себе нос?

— Он влез на лежанку, чтобы откусить,— ответил А» [46].

7. «В княжестве Лу человек с длинным шестом пытался войти в городские ворота. Сначала он держал шест вертикально, но войти не мог; потом он взял шест поперек, но тоже не смог войти и не знал, что ему делать.

В это время подошел какой-то старик и сказал:

— Я не святой, но многое повидал. Почему бы вам не перепилить шест и не войти, неся обе половинки?

Тот послушался совета старика» [47].

8. «Многие из пучжоуских женщин, которых брали в жены мужчины из Шаньдуна, страдали зобом.

У тещи одного мужчины был большой зоб. Прошло несколько месяцев после свадьбы, и у тестя создалось впечатление, что зять не умен. Тесть устроил угощение с вином и пригласил родню, чтобы испытать зятя.

---

[44] Там же, стр. 46а.

[45] Из сборника Пэй Ци «Лес речений»,— «Тай-пин гуанцзи», Пекин, 1959, т. 3, гл. 234, стр. 1792.

[46] Из сборника III в. в Ханьдань Чуня «Лес улыбок» *(Сяо линь)*,— «Тай-пин гуанцзи», т. 3, гл. 262, стр. 2052.

[47] Там же, стр. 2053.

— Ты учился в Шаньдуне,— сказал тесть,— должен разбираться в Пути истины. Чем объяснить, что аист может кричать?

— Так повелело Небо,— ответил зять.

— Почему сосна и туя даже зимой зелены? — спросил тесть.

— Так повелело Небо,— ответил зять.

— Чем объяснить, что у придорожных деревьев есть узлы-утолщения?

— Так повелело Небо.

— Не знаешь ты Пути истины,— сказал тесть,— и зачем только ты жил в Шаньдуне?

И затем с насмешкой добавил:

— Аист может кричать, потому что у него длинная шея. Сосна и туя зелены зимой потому, что у них сердцевина крепкая; придорожные деревья имеют узлы потому, что о них ударяются телеги. Разве это веление Неба?

— Лягушки тоже могут кричать, а разве у них длинная шея? — возразил зять.— Бамбук тоже зелен зимой, а разве у него крепкая сердцевина? У вашей жены тоже утолщение на шее, а разве о нее ударялись телеги?

Пристыженный тесть ничего не смог ответить»[48].

Интересен сборник писателя IV в. Ян Сюань-чжи «Записи о буддийских храмах в Лояне» *(Лоян цзя лань цзи)*, в котором встречаются и героические эпизоды, и рассказы о том, как инородцы грабили древнюю столицу Лоян, вознося в то же время благочестивые молитвы Будде, и анекдоты и описания сверхъестественных событий.

В предисловии к своим «Записям» Ян Сюань-чжи говорит:

«В пятом году правления под девизом У-дин [547 г.], посланный по служебным делам, я получил возможность снова посетить Лоян. Городские стены в руинах, здания обрушились, храмы и пагоды превратились в золу. Ограды храмов заросли сорными растениями, а узкие проходы — кустар-

[48] Из сборника Хоу Бо «Записи шуток» *(Ци янь лу)*, — «Тай-пин гуанцзи», т. 3, гл. 248, стр. 1922—1923.

ником. Дикие звери таились на заброшенных лестницах, горные птицы гнездились на садовых деревьях. Мальчишки и стада бродили по главным улицам, крестьяне сеяли зерно у главных ворот дворца. Все это напоминало запустение времен падения династии Инь и рождало тоску! В городах и предместьях столицы было более тысячи монастырей. А сегодня не слышно звона колоколов. Боясь, что потомки не узнают об этом, я решил оставить свои записки...» [49].

Вот один из типичных сюжетных отрывков из этой книги:

«В деревне Чжуньцай стояла буддийская кумирня Кайшань. Раньше здесь было жилище некоего Вэй Ина из столицы. Ин рано умер, а жена его, из рода Лян, не соблюдала траура и снова вышла замуж за Сян Цзы-цэна. Хотя она и говорила, что вышла замуж в другую семью, но продолжала жить в доме своего первого мужа. Узнав, что жена его снова вышла замуж, Вэй Ин средь бела дня подъехал на лошади к своему дому, сопровождаемый несколькими мужчинами. Остановившись у первого двора, он крикнул:

— Ты забыла меня, Лян!

Испугавшийся Сян Цзы-цэн схватил лук и выпустил стрелу в Вэй Ина. Стрела попала в цель, Вэй Ин упал с лошади и превратился в фигуру человечка, вырезанную из персикового дерева, лошадь его стала соломенной, а сопровождающие превратились в кукол из тростника.

На Лян это произвело такое страшное впечатление, что она отдала свой дом под кумирню» [50].

В IX в. появился сборник «Юянские заметки о всякой всячине» *(Юян цзацзу)* Дуань Чэн-ши (?—863), в которых приводились сведения о разных храмах и связанных с ними событиях, о необычайных происшествиях, растениях, птицах, иноземных государствах, а также рассказы о духах и бесах [51].

---

[49] Ян Сюань-чжи, Записи о буддийских храмах в Лояне, — «Сыбу цункань», *Ши бу*, стр. 2.

[50] Там же, *цз.* 4.

[51] Подробнее см.: E. H. Shafer, Notes on Tuan Ch'eng-shih and his writings,— «Asiatische Studien», XVI, 1963, стр. 14—33.

Жанр *бицзи* ведет свое начало от «Новых повествований нашего века» Лю И-цина [52], название же свое он получил от сборника *Бицзи* Сун Ци (998—1061), подражания которому были очень распространены в сунское и последующее время. Широкой известностью пользовались сборники *бицзи* таких крупных литераторов, как, например, Гун И-чжэн (XII в.), Лу Ю (1125—1210), Шэ Шэн (1420—1474), Ли Жи-хуа (XVI в.), Ху Ин-линь (конец XVI — начало XVII в.), Ван Ши-чжэнь (1634—1711) и др. Авторов подобных сборников интересовали не только фантастика, не только исключительные и необычайные происшествия, но и факты истории и научные сведения. Наряду с произведениями сюжетного порядка сборники *бицзи* включали наблюдения авторов над жизнью современников, научные и публицистические заметки.

Характерными для такого рода заметок были *Бицзи,* принадлежащие Чэнь Цзи-жу (1558—1639), которые напоминают наброски из записной книжки. В них содержались записи о различных живописных местах, местонахождении некоторых храмов и могил, о чудесных животных, редких тушечницах, редких изданиях древних книг, о нравах инородцев и т. п.

Эти записи лаконичны и сюжетно не оформлены, они носят информационный, а не фабульный характер.

Типичными для *Бицзи* Чэнь Цзи-жу являются заметки такого рода:

«Ли Бо родился в уезде Цинлянь, поэтому и прозвание его было Цин-лянь — Зеленый лотос» [53].

«На горе Иншань водится тигр, умеющий летать, по виду он напоминает летучую мышь» [54].

«В пещере Фуши есть странное животное. По виду оно похоже на обезьяну, у него четыре уха, коровий хвост,

---

[52] Интересно, что Чжэн Чжэнь-до относит «Заметки из хижины Великое в малом» Цзи Юня к той же категории, что и сборник Лю И-цина. См.: Чжэн Чжэнь-до, Исследования по китайской литературе *(Чжунго вэньсюэ яньцзю)*, т. 3, Пекин, 1957, стр. 1158.

[53] Чэнь Цзи-жу, *Бицзи*, Чанша, 1939, стр. 3.

[54] Там же, стр. 5.

а звуки, [которые] оно издает, напоминают собачий лай...» [55].

«К востоку от Цаочжоу находится Громовое озеро. В «Книге о горах и морях» говорится, что в этом озере живет дух Грома; тело у него дракона, а лицо — человека...» [56].

Итак, мы видим, что *бицзи* — это сборники заметок самого разнообразного содержания, включающие в себя и короткие рассказы, и анекдоты, и разрозненные записи, посвященные примечательным событиям, портретам интересных людей, воспоминаниям о каком-либо происшествии, рассуждениям, мыслям, наставлениям и т. п.

Наряду с фактами, с описанием людей и событий, имевших место в действительной жизни, наряду с заметками о нравах и обычаях эпохи, о различных местностях, зданиях, явлениях природы, записями о произведениях литературы (особенно стихах), истории и философии сборники *бицзи* включали и рассказы о сверхъестественных событиях, о духах и бесах, о волшебниках и магах, о необычайных происшествиях и вещих снах. Встречались сборники, охватывавшие ограниченное число тем, были *бицзи,* затрагивающие любые темы [57].

Характерной особенностью этого жанра было то, что большинство заметок подобного рода, как отмечал Гуань Да-жу, основывалось на событии, давало «прямое описание факта», которое не обязательно было «организовано авторским вымыслом» [58].

Это, как говорит акад. Я. Прушек, были записи об одном факте, одном явлении, превращавшиеся в «архив фактов»; если даже сборники *бицзи* и включали анекдоты о личностях, бросавшие свет на частные стороны жизни человека, они все равно не давали «протяженной картины человеческой жизни» [59].

[55] Там же, стр. 25.

[56] Там же, стр. 10.

[57] Пу Цзян-цин, *Вэнь лу*, Пекин, 1958, стр. 180—193.

[58] Гуань Да-жу, О жанре *сяошо (Лунь сяошо),— «Сяошо юэбао»*, 1912, т. 3, № 7.

[59] Y. Průšek, Reality and Art in Chinese Literature,— «Archiv Orientální», 1964, vol. 32, № 4.

Несколько видоизменяясь на протяжении веков, жанр *бицзи* сохранил свои основные характеристики: информационность, известную «фактичность», сочетание произведений фабульного характера с описаниями и рассуждениями, сравнительно небольшой объем, структуру сборников, определенный способ сцепления частей и т. п.

По меткому определению М. М. Бахтина, жанр — «это память искусства»[60]. Жанр сохраняет весь предшествующий опыт литературы, в основе его лежит литературная традиция, передающая следующим поколениям какие-то определенные, устойчивые черты (сумму находящихся во взаимодействии первостепенных признаков[61]) и в то же время оставляющая свободу для эволюции, для внесения новыми авторами чего-то своего, отражающего интересы эпохи.

Следуя традиции жанра *бицзи,* Цзи Юнь создает сборники смешанных записей[62], где фабульные произведения соседствуют с заметками информационного и публицистического характера на самые различные темы. В основе фабульных произведений Цзи Юня лежит авторский вымысел, но, оставаясь верным традиции жанра, Цзи Юнь и этим рассказам и анекдотам стремится придать характер фактичности и достоверности (вводя рассказчиков, ссылаясь на свидетелей происшествия, указывая его дату, место действия, а главное — делая из самого невероятного случая конкретный назидательный вывод, адресованный читателю-современнику). Новым по сравнению с предшественниками было использование Цзи Юнем жанра *бицзи* для создания картины современного писателю мира, для обличения испорченных нравов, для поучения с помощью конкретных примеров. Впервые, та-

---

[60] М. М. Бахтин, Проблемы поэтики Достоевского, М., 1963, стр. 142.

[61] Rene Wellek и Austin Warren (в кн.: «Theory of Literature», New York, 1962, стр. 231) говорят, что жанр надо рассматривать как группу литературных произведений, основанных теоретически и на внешней (специфическая структура) и на внутренней форме (цель, тон, подход и т. п.).

[62] Помимо того что в название всей коллекции Цзи Юня входит жанровое определение *бицзи,* в названиях трех из пяти составляющих ее сборников наличествуют жанровые термины *чжи* и *лу* («заметки», «записи»).

ким образом, в сборниках *бицзи* за разрозненными, беспорядочными впечатлениями, за отдельными наблюдениями и размышлениями[63] стоит единый «наблюдатель», выносящий свои оценки тому, что он видел или о чем ему рассказывали.

Цзи Юнь иногда сам указывает на связь своих рассказов с произведениями предшественников. Помимо того что в предисловии к сборнику «Не принимайте всерьез» он говорит, что образцами ему служили произведения Тао Юаньмина, Лю Цзин-шу и Лю И-цина[64], рассказы № 14, 22, 32, 38, 63, 268, 404, 701, 1128 содержат упоминания о произведениях из сборников древних авторов рассказов о необычайном.

Так, в рассказе № 14 есть фраза: «Разве вы не слыхали о рассуждениях Юань Чжаня?», и весь этот рассказ напоминает ситуацию в описанной Гань Бао истории встречи Юань Чжаня с духом мертвого, но острота литературно обработанного, законченного рассказа Цзи Юня в том, что у него старик — дух мертвого — отрицает существование духов, и поэтому концовка его рассказа, когда на рассвете старик исчезает, неожиданна и создает комический эффект; в древнем же рассказе дух мертвого ожесточенно доказывает скептику Юань Чжаню, что духи существуют, и исчезновение духа лишь подтверждает его правоту.

В рассказе № 22 Цзи Юнь говорит, что его история «похожа на то, что произошло с Цзи Чжун-санем» (Цзи Каном); рассказ о встрече Цзи Кана с духом мертвого, как уже упоминалось, входил в сборник писателя IV в. Сюнь Ши «Записки о духах и бесах» *(Лин гуй чжи)*; свой рассказ Цзи Юнь закончил назидательным рассуждением о том, что нечисть не может овладеть человеком, который ее не боится.

В рассказе № 32 персонажу, который слышит разговор

---

[63] Это впечатление разрозненности, «клочковатости» усиливается тем, что не только «рассуждения», но и фабульные миниатюры Цзи Юня не имеют заголовков. Сборники делятся на части — *цзюани*.

[64] То есть сборник «Продолжение записок о поисках духов», приписывавшийся Тао Юань-мину и принадлежавший к категории *чжигуай сяошо*, сборник Лю Цзин-шу «Сад необычного» *(И юань)* и «Новые повествования нашего века» Лю И-цина, принадлежавшие к категории *бицзи сяошо*.

лошадей, «вспомнился рассказ о каком-то человеке времен Сун, который у плотины слышал, как разговаривали лошади». Невероятный случай для Цзи Юня важен как возможность предостеречь читателя: конюхов, кравших у лошадей сено, приговаривают к перерождению в облике лошадей.

Рассказ № 38 повторяет ситуацию упоминаемого в нем рассказа из *Тай-пин гуанцзи,* но также кончается назиданием.

Ссылки на сюжеты, взятые из *Тай-пин гуанцзи,* есть и в рассказах № 63 и 268 (с комическими концовками, отсутствовавшими у предшественников Цзи Юня).

Персонаж рассказа № 404 подражает Сун Дин-бо, продавшему беса, о котором рассказал Чжан Хуа в сборнике «Повествования о чудесах» *(Ле и чжуань),* но Цзи Юнь, как обычно, завершает комический эпизод назиданием (духи избегают небоящегося их человека).

В конце рассказа № 701 Цзи Юнь пишет:

«В «Записках о чудесах» есть сходный с этой историей рассказ о том, как Лу-шэн женился на дочери правителя уезда Хуннун, только там дело не дошло до смерти». В рассказе же Цзи Юня (о новобрачном, который повесился в день свадьбы, потому что молодая жена представлялась ему в виде чудовища) «дело дошло до смерти», так как подобный конец позволил Цзи Юню сказать о том, что, видимо, новобрачные были кровными врагами в прошлых своих перерождениях, и посмеяться над конфуцианскими начетчиками, которые постарались бы найти невероятному случаю банальное объяснение.

Приведя в рассказе № 1128 эпизод из «Юянских заметок о всякой всячине» Дуань Чэн-ши, аналогичный рассказанному им случаю, Цзи Юнь добавляет: «Вот и еще одно доказательство» того, что духи могут заимствовать внешний облик людей.

В рассказе № 967 Цзи Юнь проводит аналогию со случаем, происшедшим «с портным, который встретился с бесами и о котором рассказывал Юань Мэй». Действительно, в одном рассказе из «Новых [записей] Ци Се» *(Синь Ци Се,*

цз. 9), принадлежащих современнику Цзи Юня, известному поэту и писателю Юань Мэю (1716— 1797), ситуация аналогична той, о которой повествует Цзи Юнь: и там, и здесь человека склоняют к самоубийству души мертвых, ищущие себе «замены», но у Юань Мэя портного спасает его дядя, случайно проходивший по дороге, где бесы атаковали портного, а у Цзи Юня на помощь слуге У Ши-цзюню приходит дух его покойного приятеля Вэнь Куя, матери которого У Ши-цзюнь в свое время помог деньгами. Это позволяет Цзи Юню закончить свой рассказ назидательной фразой: «А то, что Вэнь Куй смог прийти и, отплатив за милость, удалился, особенно может побудить людей к добру».

Упоминание о коллекции рассказов Юань Мэя есть и в рассуждении № 1020, где Цзи Юнь полемизирует с Юань Мэем по вопросу об отношении ученого и историка XVII в. Люй Лю-ляна к буддийскому учению[65].

Многие мотивы в рассказах Цзи Юня связаны с народными верованиями. По существу, все его рассказы о сверхъестественном так или иначе отражают эти верования, иду-

[65] Следует отметить, что эта коллекция рассказов Юань Мэя, основной корпус которой был закончен им, видимо, к 1789 г., упоминается в одном из поздних сборников Цзи Юня — «Не принимайте всерьез» (предисловие к нему Цзи Юнь датировал 1793 г.). Между тем даже при беглом просмотре «Продолжения новых [записей] Ци Се» *(Сюй синь Ци Се)*, составлявшегося Юань Мэем позже основного корпуса и опубликованного в 1796 г., удалось обнаружить несколько случаев почти дословного заимствования Юань Мэем рассказов из первого сборника Цзи Юня (предисловие 1789 г.): № 3, 107, 114, 118, 154, 188 — без упоминания источника. О том, что Юань Мэй включил в свой сборник рассказы Цзи Юня, а не Цзи Юнь заимствовал материал у Юань Мэя, помимо хронологии (Цзи Юнь не мог в 1789 г. взять рассказы из не написанного в то время «Продолжения новых [записей] Ци Се») свидетельствует и тот факт, что два рассказа Юань Мэя, целиком списанные у Цзи Юня (№ 219 и 235), начинаются словами: «Когда Цзи Яо-лань (Цзи Юнь.— *О. Ф.*) находился в Урумчи... он видел... (ему рассказывали...)». Примечательно, что Юань Мэй либо отбрасывает нравоучительные концовки рассказов Цзи Юня, либо сводит их к минимуму, как, например, в рассказе «Го-лю», составленном из двух рассказов Цзи Юня — № 114 и 118. См.: «Собрание сочинений Юань Мэя» *(Суй-юань сань ши ба чжун)*, [б. м.], 1892, *бэнь* 26, *цз.* 5, стр. 4—4б.

щие из глубины веков и связанные с тем периодом истории, когда люди считали, что все живое, все существа и явления природы управляются «духами-хозяевами». На этом анимистическом фоне человек тоже считался манифестацией духа. Дух этот, подобно всей жизни во Вселенной, приводился в движение союзом двух сил: *ян* — силы света и *инь* — силы тьмы. Человек наделялся двумя душами. Материальная (животная, или телесная) душа *по* начинала существовать с момента зачатия ребенка. После смерти человека она оставалась с его трупом, пока он не разлагался (тогда она уходила в землю). Чтобы *по* сохранилось как можно дольше, надо обеспечить условия для сохранности трупа; для этого в гроб клали все, что могло понадобиться покойнику: любимые им при жизни вещи, бумажные изображения лошадей, повозок, с этой же целью на могиле сжигали бумажные деньги. Имматериальная (духовная, или личная) душа *хунь* вселялась в ребенка в момент его появления на свет и формировала его как индивидуальную личность. После смерти человека она возвращалась на Небо и существовала в виде духа предка, которому приносили жертвы, чтобы он не голодал. *Хунь* — душа человека, погибшего насильственной смертью, душа женщины, умершей во время родов, душа самоубийцы — могла причинить много вреда живым, так же как душа плохо захороненного человека. Выбор «счастливого места» для могилы был связан с верой в *фэншуй* — геомантические силы данной местности, которые положительно или отрицательно воздействовали на душу умершего, вследствие чего душа могла помогать или вредить родне покойного или хоронившим его людям.

Фантастические рассказы древности отражали веру в то, что душа может существовать вне тела и являться живым в облике, сходном с покинутым телом («Записки о поисках духов» Гань Бао, рассказ о Ма Эр-няне, который умел вызывать души людей в *цз.* 358 *Тай-пин гуанцзи*, рассказы о даосах, «вызывавших» души, и др.).

Существовало множество рассказов о воскрешении из мертвых (в *Тай-пин гуанцзи* приводится 127 таких рассказов:

цз. 375—386). Упоминания о «воскрешениях» встречаются и в династийных историях («История Поздней Хань», *цз.* 27, «История Цзинь», *цз.* 29). В «Записках о поисках духов» (*цз.* 15) есть рассказ о дочери правителя княжества У, которая ожила после возвращения ее возлюбленного. Существовали рассказы о том, как душа человека возрождалась в другом теле (в танских новеллах, у Пу Сун-лина, Юань Мэя, Цзи Юня).

Под влиянием буддизма в рассказы о воскрешениях из мертвых вплетались новые мотивы — душа могла перевоплощаться путем перерождения. Рассказы о перерождениях обретали дидактический характер: перерождение в том или ином виде было наградой или наказанием за добрые или дурные поступки, совершенные при жизни человеком. Буддизм играл большую роль в народных представлениях о загробном суде. Эти представления складывались в довольно стройную систему: душа предстает на судилище в городе Фэндунчэне, стоящем на границе мира живых и мира мертвых. Получив пропуск в загробный мир у властителя этого города (Фэнду-дади), душа человека попадает в Царство мертвых на суд к Великому Восточному правителю (Дунъюэ-дади). Царство мертвых делится на 10 ярусов, где правят 10 судей ада. Первый судья, Цинь-гуан, определяет степень греховности умершего, посылая его душу в первый ярус, где находится круглое зеркало, в котором отражаются все дурные поступки, совершенные человеком при жизни. Души безгрешных или тех, кто совершил добрых дел больше, чем злых, минуя остальные ярусы (круги ада), направляются из первого сразу в десятый, где Яньло-ван решает, какое новое перерождение даровать душе. В каждом из первых девяти ярусов есть «малые ады» (числом от двух до шестнадцати), где мучаются души грешников [66].

Даосы, говорившие об универсальности природы, наделяли

[66] И. Г. Баранов, Загробный суд в представлениях китайского народа, Харбин, 1928. Превосходное описание буддийской концепции ада дано в кн.: W. Eberhard, Guilt and Sin in Traditional China, Berkeley—Los Angeles, 1967, стр. 24—59.

все живые существа душой и телом; тело может быть различным, но, поскольку все состоит из сил *ян* и *инь*, одно может превращаться в другое. Деревья и растения имеют своих духов, которые являются людям в образе человека; люди могут превращаться в животных; в древних рассказах люди превращались в медведей, оленей, обезьян, лошадей, коров, ослов, змей, птиц, но главным образом — в тигров, волков и лис. Так, в «Записках о необычайном» Жэнь Фана есть рассказ (упоминаемый Цзи Юнем в № 825) о правителе области Фэн Шао, который превратился в свирепого тигра и стал пожирать людей. В «Продолжении Записок о поисках духов», приписываемом Тао Юань-мину, есть рассказ о маге, который мог превращать людей в тигров. В «Истории Ранней Хань» (*цз.* 27) есть упоминание о превращении людей в собак.

Существовало множество рассказов, в которых фигурировали лисы, выступавшие как сверхъестественные существа[67], способные принимать разные обличья, причинять человеку вред или делать ему добро (в этих древних рассказах лиса делала добро человеку, проявившему к ней доброе отношение, а не награждала его за добродетели вообще).

Цзи Юнь (№ 525) находит первое «надежное упоминание» о необычных свойствах лисы в «Исторических записках» Сыма Цяня. Однако еще раньше лисам приписывались необычайная жизненная энергия и долголетие[68]; в «Книге о горах и морях» встречается упоминание о «тысячелетней лисе с золотистой шерстью и девятью хвостами»; в «Книге песен»

[67] В. Эберхард считает, что истории о лисах принадлежат к старой северо-восточной культуре Китая и что они развились из сказок о животных (W. Eberhard, Typen Chinesischer Volks Märchen,— «Folklore Fellows Communications», Helsinki, vol. CCXX, 1937). Исследователи японского фольклора отмечают обилие сказок о лисах, которые превращаются в женщин, подшучивают над людьми, причиняют вред или помогают людям, сожительствуют с ними, приняв вид красавицы женщины (Keigo Seki, Types of Japanese Folktales,— «Asia Folklore Studies», vol. XXV, Tokyo, 1966; R. Smith, On Certain Tales of the Konjaku Monogotary as Reflections of Japanese Folk Religion,— там же).

[68] De Groot, The Religious System of China, vol. V, book II, Leyden, 1907, стр. 576 и сл.

(I, III, 16) есть строки: «Край этот страшный — рыжих лисиц сторона. Признак зловещий — воронов стая черна»[69]; в книге *Чжуан цзы* говорится о лисе как о предвестнице несчастья: «На холмике размером не более нескольких шагов большие животные не прячутся, но злые лисы-оборотни здесь предвещают несчастье»[70]. В династийных историях Хань и Шести династий также упоминается лиса как причина болезни человека, сумасшествия, даже смерти, как обладательница дара предвидения. Цзи Юнь говорит (№ 525), что до династии Хань не было упоминания о лисах, могущих принимать человеческий облик. Подобные упоминания встречаются в «Истории Поздней Хань» *(цз.* 112), в «Записках о разном из Западной столицы», где есть рассказ о том, как открыли гроб человека, из которого выскочила лиса, слуги князя ранили ее в ногу. Ночью князю приснился человек с седой бородой и бровями, который спросил: «Зачем вы ранили меня в левую ногу?» — и прикоснулся палкой к ноге князя. Тот проснулся с опухшей ногой, на которой появился нарыв, не проходивший до самой смерти князя.

В «Записках о поисках духов» содержится несколько рассказов о лисах, принимающих вид людей (например, рассказ о Чжан Хуа, к которому лиса явилась в облике ученого). Гэ Хун в *Баопу цзы* говорит, что лиса, достигшая 500 лет, может принимать вид человека. В «Записях о буддийских храмах в Лояне» Ян Сюань-чжи есть рассказ о лисе-оборотне, вышедшей замуж за человека. В «Юянских заметках о всякой всячине» имеется следующая заметка: «В древности говорили, что дикая лиса именуется красной лисой. По ночам она ударяет хвостом и высекает из него огонь. Когда она хочет явиться как привидение, то обязательно кладет себе на голову череп человека и кланяется созвездию Северного Ковша. Как только череп перестает падать, она превращается в человека»[71].

---

[69] Цит. в переводе А. Штукина: *Шицзин*, М., 1957, стр. 54.

[70] *Чжуан цзы, цз.* 23 *(Гэнсан чу).*

[71] Дуань Чэн-ши, Юянские заметки о всякой всячине, *цз.* 15, — «Цуншу цзичэн», Шанхай, 1937, стр. 119.

При династии Тан появляется множество рассказов о лисах-обольстительницах, инкубусах, высасывающих жизненную энергию мужчины.

Краткая запись, содержащаяся в *Тай-пин гуанцзи,* говорит: «Когда лисе менее 50 лет, она обретает способность превращаться в женщину. В 100 лет она может обрести облик красавицы, или колдуньи, или мужчины, имеющего сношения с женщинами. [В этом возрасте лиса] также знает, что происходит на расстоянии тысячи ли, она может околдовать человека, свести его с ума, довести до безумия. Когда лисе 1000 лет, она достигает бессмертия и зовется Небесной лисой»[72].

Ученые древности считали, что лисы прежде были женщинами, которые после 100 лет искупления грехов могли снова превращаться в женщину. Для превращения в человека у лис было два пути: один — «честный» — это изучение конфуцианского канона и совершение добрых дел, другой — магический, заключающийся в краже жизненной энергии у человека посредством половых сношений с ним[73].

Поведение лис в древних рассказах о необычайном весьма разнообразно: они могут вести себя дружественно в отношении человека, проявлять благодарность за его доброе расположение к ним или, памятуя о прежних отношениях, существовавших между тем, кем раньше была лиса, и человеком в одном из предшествующих его перевоплощений («старая связь», как именует это Цзи Юнь в рассказах № 208 и 459), они могут и вредить человеку, устраивать ему всяческие козни, напоминая лису европейского фольклора. Однако, несмотря на многообразие вариантов поведения лис, старые рассказы о чудесах не стремились к житейскому правдоподобию, больше подчеркивая отличие лисы от человека, чем сходство с ним. Новое в этом отношении внесла танская новелла. Так, в новелле Шэнь Цзи-цзи «История Жэнь» подчер-

---

[72] *Тай-пин гуанцзи,* т. VI, *цз.* 447, стр. 3652.

[73] R. D. Jameson, Three Lectures on Chinese Folklore, Peiping, 1932; R. van Gulik, Sexual Life in Ancient China, Leiden, 1961, стр. 211.

кивается, что героиня новеллы — лиса, превратившаяся в красавицу женщину,— отличалась от настоящих женщин лишь тем, что не умела шить[74].

Пу Сун-лин в своих новеллах придает лисам-оборотням черты человеческого характера, усиленные элементами необычности (но не сверхъестественности); красавица лиса, обладающая всеми качествами образованной женщины, с верной, тонкой и нежной душой, при этом еще и талантлива (она либо искусная поэтесса, либо одаренная музыкантша, она великолепно играет в шахматы, танцует, умеет врачевать, либо обладает даром предвидения и т. п.). Она в совершенстве владеет любовным искусством. «Она является в жизнь ученого еще более тонкою, чем он сам, и восхищает его неописуемым очарованием... Она может также явиться человеку в образе мужчины. Это будет тонко образованный ученый, беседа с которым окрыляет дух; он будет товарищ и друг, преданный беззаветно и искренне, ищущий ответа себе в глубине чужой души...»[75].

Пу Сун-лин заставляет своих сверхъестественнных персонажей целенаправленно вмешиваться в жизнь людей, чтобы помочь слабому, наказать негодяя или жестокого правителя. Сверхъестественные силы в новеллах Пу Сун-лина выполняют то, чего не делают общество и власти. Фантастика, таким образом, корректирует действительность и способствует раскрытию несовершенства современных писателю общественных порядков, она является единственной возможной формой выражения настроений, мыслей и чувств писателя. За чудесами, изображаемыми Пу Сун-лином, скрывалось острое социальное содержание, страстное обличение социального строя. Акад. В. М. Алексеев писал: «Тот факт, что сборник новелл Ляо Чжая оставался в рукописи не менее 60 лет, и самый стиль его предисловия, определенно чего-то не договаривающий, убеждают меня в том, что Ляо Чжай

---

[74] Танские новеллы, М., 1955, стр. 15—26.

[75] В. М. Алексеев, Предисловие,— Ляо Чжай, Лисьи чары, II, стр. 8—9.

писал свои новеллы в обстановке, где на свободную мысль было явное гонение, где каждый намек на создавшееся положение, столь обыкновенный в речи негодующего патриота, был бы сочтен за преступление, грозившее смертью» [76].

В отличие от Пу Сун-лина Цзи Юнь мыслит не социальными, а этическими категориями, поэтому в его рассказах сверхъестественные существа исправляют не нарушение социальной справедливости, а испорченные нравы. Лисы у него издеваются не над чиновниками вообще как представителями определенной социальной категории, а над определенным конкретным человеком, забывшим о своем долге, или чванящимся своим положением, или злоупотребляющим им.

Лисы — частые гостьи в рассказах Цзи Юня и ведут себя по-разному: в дидактических рассказах их действия обусловлены известной логикой — они направлены на улучшение нравов людей; в рассказах недидактического характера лисы проявляют различные особенности, разные качества, часто они подражают людям, причем далеко не всегда хорошим. Лиса, бьющая своего малыша, не желающего учиться; лиса, резко спорящая с ученым о понимании текста стихотворения; лиса, нарушающая договор, заключенный ею с человеком, и объясняющая свой поступок тем, что и среди людей есть много обманщиков; лиса, избивающая своего мужа, ворующая у вора-человека вино,— все эти лисы кажутся реальными в большей степени, чем те, которые в других рассказах Цзи Юня карают развратников, отказываются дружить с сутяжниками или помогают добрым людям.

Цзи Юнь придает своим фантастическим персонажам черты реальных людей для того, чтобы читатель поверил в рассказываемые им истории. Рассказы Цзи Юня строятся как изложение происходившего в действительности, и все черточки реального быта, нравов устремлены к этой единственной за-

[76] В. М. Алексеев, Трагедия конфуцианской личности и мандаринской идеологии в новеллах Ляо Чжая,— «Известия АН СССР», отделение общественных наук, вып. 6, 1934, стр. 444.

даче — установлению достоверности[77]. В то же время многие рассказы Цзи Юня как бы расшатывают рационалистическое представление о мире и доказывают, что не все в нем познаваемо разумом, что существуют странные и загадочные явления и события, объясняемые только верой в сверхъестественное, только иррациональным порядком. Фантастическое, ирреальное смешивается с реальным, как бы подчеркивая «неправильность», несоответствие идеалу действительного мира, действительных отношений между людьми, нуждающихся в улучшении.

Цзи Юнь, ученый-рационалист, не разделял мистифицированного представления о мире, присущего авторам древних рассказов о чудесах, служивших ему литературными образцами[78]. Но читатель, которому он адресовал свои рассказы, верил в призрачный мир, наделенный сверхъестественными существами, законы поведения которых человечеству недоступны[79]. Для необразованного человека обитатели этого мира были так же реальны, как живущие рядом с ним люди. И Цзи Юнь рассказывает ему об этих удивительных существах, ссылаясь при этом как на свидетелей, поведавших ему о том или ином странном происшествии, на влиятельных и авторитетных лиц. Но в его рассказах логика поведения сверхъестественных сил становится ясной: они карают дурных людей и награждают добрых, они видят все, что делают люди, и даже знают то, что человек задумал втайне от

[77] Создается нечто вроде «вранья с подробностями», подобное тому, какое мы находим в произведениях ранних английских просветителей (например, у Дефо, дающего точные даты, точные географические координаты, воспроизводящего корабельные команды, приводящего детальный перечень предметов, спасенных Робинзоном с корабля, описывающего точную технологию изготовления лодки и т. п.), где обилие подробностей должно убедить читателя, что рассказываемая история действительно имела место в жизни.

[78] Лу Синь, Полное собрание сочинений, т. 8, стр. 346.

[79] Доказательства этому можно найти в том, например, что во времена правления династии Цин, когда жил Цзи Юнь, при засухе или при наводнении правительственный указ требовал проверки и пересмотра всех недавно принятых судебных решений (Ch'u T'ung-tsu, Law and Society in Traditional China, Hague, 1965, стр. 215). Это было связано

всех. А раз духи видят каждого человека буквально «насквозь», то люди должны об этом помнить и вести себя как следует.

с древней верой в то, что все стихийные бедствия — результат реакции сверхъестественных сил на неправильное поведение людей. Это верование аналогично анализируемому Леви-Брюлем первобытному мышлению, для которого порядок в природе завуалирован действием множества невидимых сил. Если человек соблюдает все предписания и запреты (в китайских верованиях мы имеем дело с социальными, а не магическими запретами), то невидимые силы сохраняют порядок вещей в природе. (См.: Леви-Брюль, Сверхъестественное и природа. Введение, М., 1937.) Во время стихийных бедствий в Китае объявлялись всеобщие амнистии для умилостивления сверхъестественных сил; такие же амнистии объявлялись и в знак благодарности Небу после хорошего урожая.

Даже при Цинах сохранился принцип, существовавший еще в древнем Китае, по которому казни (кроме экстренных случаев, например убийство рабом хозяина) происходили только осенью и зимой — в периоды уничтожения, а не весной и летом — в периоды роста и созревания (Ch'u T'ung-tsu, Law and Society, стр. 219).

Де Грот писал, что и в XIX в. в Китае существовало много рассказов о духах, ничем не отличавшихся от древних рассказов, ибо «вера в духов и их действия неизменно остается до сих пор» (De Groot, The Religious System of China, vol. IV, book II, 1901, ch. XVI).

Очень любопытно свидетельство, приводимое в статье H. A. Casal, The Goblin Fox and Badger and other Witch Animals of Japan («Folklore Studies», vol. XVIII, Tokyo, 1959, стр. 4): в газетном сообщении, датированном 1875 г., писалось, что в районе Кобэ «иностранец, живущий на холме к северу от храма Икута, несколько ночей назад стал свидетелем странного суеверия японцев. Шестьдесят или семьдесят жителей соседней деревни вышли ночью с громкими криками на улицу, неся с собой фонари, барабаны и колокольчики. Он узнал, что из этой деревни уже три дня, как исчез человек, и предполагают, что его похитила лиса. Гадатель указал направление, в котором следует отправиться на поиски. Во время поисков выкрикивали имя пропавшего и просили лису вернуть его друзьям».

М. В. де Виссер писал: «В наши дни старые суеверия все еще живы, как говорят нам ежедневно японские газеты. Священная сабля в Фудоском храме в Нарита, так же как храм Нитирэн в Кумамото, привлекает толпы паломников, считающих, что ими овладели лисы, и верящих в возможность исцеления в этих святых местах... Культ лисы и вера в лисьи чары не ушли еще в прошлое» (M. W. de Visser, The Fox and the Badger in Japanese Folklore,— «Transactions of the Asian Society of Japan», vol. XXXVI, pt 3, 1908, стр. 158—59).

Основная идея рассказов Цзи Юня, проходящая через все его сборники с первой до последней страницы, являющаяся единым идейным стержнем «Заметок из хижины Великое в малом»,— это идея добра, которое должно победить зло, идея силы нравственного примера, который должен направить ошибающихся или совершающих проступки людей. В предисловии к первому сборнику Цзи Юнь указывал, что он записывал все, что видел и слышал, не только чтобы развеять скуку, но и потому, что «беседы на улицах и разговоры в переулках могут оказаться полезными для моральных оценок», т. е. он ставил перед собой ту же задачу, какая стояла перед Конфуцием, когда он составлял *Чуньцю,*— вынесение оценок историческим событиям и историческим деятелям,— но судил Цзи Юнь не историю, а своих современников.

В предисловии к четвертому сборнику Цзи Юнь пишет: «...основная моя цель... постоянно помнить о том, что является добром, что злом, что правильным и что ложным».

И в последнем рассказе всей коллекции (№ 1193) говорится: «Главное — не утратить честность, хотя немного сохранить способность к нравственным оценкам и предостережениям, не путать правильного с ложным...».

Знаменательно в этом смысле и само название коллекции — «Заметки из хижины Великое в малом»: писатель как бы говорит этим названием, что в малых эпизодах, случаях, житейских мелочах сказывается великая система разумно, целесообразно устроенного мира и что в миниатюрах, маленьких рассказах, мелких заметках кроются великие нравственные законы. Рассказывая о малом, он раскрывает многое и великое по своей значимости. Он сам раскрывает чи-

---

Еще более интересно замечание такого крупного специалиста, как В. Эберхард, который говорит, что, хотя и не все верили в то, что говорилось в книгах о грехах и о наказании свыше за эти грехи, «многие, и даже многие высокообразованные лица, по крайней мере в определенные периоды своей жизни, верили в это» (W. Eberhard, Guilt and Sin, стр. 14); см. также: И. И. Серебрянников, Текущий китайский фольклор и китайские суеверия, Тяньцзин, 1932.

тателю свой литературный прием, дублируя устройство мира людей показом мира нечисти, заставляя каждый пример иллюстрировать это устройство, каждый рассказ стать звеном в цепи иллюстраций и доказательств.

3

По жанровым признакам произведения Цзи Юня можно поделить на три типа, условно называемые:

1) повествования, близкие к анекдоту;

2) обрамленные повествования, близкие к коротким рассказам [80];

3) заметки.

В произведениях первого типа — необрамленных повествованиях, близких к анекдоту,— содержание, по существу, совпадает с сюжетом, исчерпывается им.

Такого рода повествования заключают в себе событие (обычно одно) и его результат; чаще всего они строятся на конфликте, на противоречии. Действие здесь развивается однолинейно, без торможения, с расчетом на единство эффекта, достигаемое непрерывностью изложения. Время действия кратко и концентрированно. Персонаж показан в какой-то один, чем-либо показательный момент его жизни либо в определенной ситуации, помогающей раскрытию ведущей черты его характера.

Для этого типа повествования показателен рассказ № 2, где ударение сделано на ответах лисы, в которых вскрывается противоречие между репутацией честного сановника и его сущностью, с одной стороны, и несоответствие между по-

[80] Осторожность, с которой я употребляю жанровые термины, объясняется в первую очередь спецификой китайской литературы, в которой трудно найти полные аналогии с жанрами, известными литературам европейским. Кроме того, необходимо помнить о зыбкости и текучести границы между анекдотом и коротким рассказом или рассказом и новеллой. «Новелла» — термин, который трудно приложить к повествованиям второго типа (обрамленное повествование) из-за предельной лаконичности произведений Цзи Юня.

ложением служанки (с внешней ее характеристикой «здоровая, глупая девка») и ее нравственными достоинствами.

В рассказе № 14 фигурируют двое начетчиков, которые, забредя ночью в заброшенное подворье, испугались возможной встречи с бесами и душами мертвых. Появившийся откуда-то старик упрекнул их в том, что они верят «глупой болтовне буддистов о существовании нечисти». Завязалась беседа, в ходе которой старик, блистая красноречием, излагал учение сунских неоконфуцианцев и опровергал существование сверхъестественных сил. Начетчики так заслушались его, что забыли о времени. Но когда наступил рассвет, старик поспешно поднялся и сказал: «Покоящиеся под Желтыми источниками люди обречены на вечное молчание. Если бы я не повел речей, отрицающих существование духов, то не смог бы удержать вас здесь, почтеннейшие, и мне не довелось бы скоротать вечерок за беседой. Сейчас нам пора расстаться, и я почтительнейше прошу вас не сетовать на меня за шутку!». В то же мгновение старик исчез.

Здесь фиксируется случай, не подготовленный тем, что нам известно о персонажах, неожиданность концовки обеспечивается противоречием между утверждением старика о том, что духов нет, и сущностью самого старика, оказавшегося духом покойника [81].

---

[81] Это противоречие служит «зерном» американского анекдота: «Верите ли вы в привидения?» — спросил один. «Нет»,— ответил другой и растворился в воздухе».

В «Путешествии по Гарцу» Гейне является привидение покойного доктора Саула Ашера, который успокаивает Гейне, говоря, что он совсем не призрак: «Что такое призрак? Дайте определение. Выведите мне условия возможности призраков. В какой разумной связи с разумом могло бы находиться подобное явление?..» «И привидение приступило к анализу понятия разума, привело цитату из кантовской «Критики чистого разума»... сконструировало предположительную систему веры в привидения, сопоставило ряд силлогизмов и закончило логическим выводом: привидений вообще не бывает... от ужаса я кивал головой в знак согласия при каждой посылке призрака, утверждавшей бессмысленность страха перед привидениями, он же столь рьяно доказывал свою мысль, что раз по рассеянности вынул из жилетного кармана вместо золотых часов пригоршню червей...

Наконец, в рассказе № 181 двое учителей, содержавших частные школы, пригласили своих учеников на беседу. «Шел спор о природе человека и Неба, выяснялись вопросы высших принципов и человеческих желаний, речи их были серьезны и осанка строга, как у истинных мудрецов или святых». Во время этой поучительной беседы с возвышения, на котором сидели наставники, слетел лист бумаги. Когда ученикам удалось его поймать, они обнаружили, что на нем написан подробно разработанный этими двумя начетчиками план присвоения поля, принадлежавшего бедной вдове.

Здесь акцентируется противоречие между претензиями начетчиков, желающих казаться учеными и праведными мужами, и их истинной сущностью — людей, способных из корысти на подлость и жестокость [82].

Во всех рассмотренных случаях повествование сжато, концентрированно, ориентировано на концовку, действие вводится стремительно, нет ни пролога, ни эпилога. В преамбуле к первому из приведенных анекдотов лишь называются имена персонажей и место действия, во втором — упоминается и профессия действующих лиц, в третьем — только профессия [83].

Дело не столько в количестве событий и персонажей,

Тут колокол пробил час и привидение исчезло» (Г. Гейне, Путевые картины,— Собрание сочинений в 10 томах, т. 4, М., 1957, стр. 33).

У Гейне — издевка романтика над рационализмом просветителей, а у Цзи Юня — насмешка над «всеведением» неоконфуцианцев.

[82] Б. В. Томашевский отмечал, что анекдот «во многих случаях сводится всецело к пересечению двух главных мотивов. Пересекаясь, мотивы создают особый эффект двусмысленности, контраста (pointe)» (Б. Томашевский, Теория литературы. Поэтика, М.—Л., 1930, стр. 155).

Эту же особенность анекдота подчеркивает Н. Я. Берковский, говоря, что в самой художественной форме анекдота, в самой структуре этого жанра находит узаконение «ирреальное и реальное», «невероятное» и «быль», имматериальный постулат и его материальное выражение (комментарий к кн.: «Немецкая романтическая повесть», т. II, М.—Л., 1935, стр. 462).

[83] В анекдотах начальная ситуация сводится к минимуму сведений о персонаже, в рассказе же приводимые сведения подробнее, иногда автор извиняется за отсутствие этих сведений.

сколько в способе их художественного освоения. События упрощены, сжаты, и все подчинено динамике развития сюжета, тяготеющего к неожиданной концовке.

К этому же типу повествований, близких к анекдотам и строящихся на неожиданном ответе или вскрытии противоречия, можно отнести также № 3, 15, 16, 26, 37, 63, 68, 429, 478, 510, 583, 593, 800 и др.

Анекдоты № 83, 188, 348, 945, 1112, 1127 строятся на остроумном или метком ответе. Приведу несколько примеров:

«Некто, скрываясь от врага, спрятался глубоко в горах... вдруг этот человек заметил под тополем беса. Человек упал ничком и не решался подняться. Увидев его, бес спросил:

— Почему вы не выходите из укрытия, почтеннейший?

Тот, весь дрожа от страха, ответил:

— Я боюсь вас, господин.

— Люди ведь пострашнее будут,— возразил бес,— а бесов чего же бояться? Сюда-то вас кто загнал — человек или бес? — Засмеялся и исчез» (№ 83).

«...был человек, сожительствовавший с лисой. На деньги, которыми он прежде награждал жену за ночные утехи, он стал покупать лисе шпильки, серьги, пудру, румяна... Однажды жена стала стыдить мужа:

— Откуда ты берешь деньги? Да еще на такое их тратишь!

Неожиданно из темноты послышался голос лисы:

— А твои деньги откуда брались, что ты одну меня винишь?

Слышавшие это чуть не лопнули от смеха...»[84] (№ 1112).

Двое ученых зашли в храм, где среди картин со стихотворными надписями они увидели свиток со стихами, подписанными «Даос из Горного ущелья». Пока они спорили о том, подлинник это или нет, наблюдавший за ними в сторон-

[84] Эта комическая разновидность рассказов о сверхъестественном, где автор превращает в шутку чудеса, о которых он рассказывает, является своего рода пародией на сверхъестественное (как является пародией на лису девушка из рассказа № 59 или пародией на бесов — воры в № 225).

ке нищий, засмеявшись, одной фразой доказал, что это подделка.

«— Как может человек, способный на такие речи, просить милостыню? — удивился [Чжу] Цин-лэй.

— А как может человек, способный на такие речи, не просить милостыни? — сказал со вздохом [Чэнь] Чжу-инь...» (№ 348).

Есть анекдоты, строящиеся на комической ситуации (№ 648, 730, 882, 921, 922, 1059, 1044 и др.).

Молодой человек пригласил к себе домой приглянувшуюся ему красавицу, велел своей сестре и жене потчевать ее за столом, усиленно уговаривал остаться ночевать... Когда гостья переоделась, все узнали в ней известного молодого актера, исполнявшего женские роли. Соседи, видевшие, как хозяин дома настойчиво приглашал к себе «красавицу», осмеяли обманутого ветреника (№ 921).

На комической ситуации строятся и плутовские анекдоты: о ловком воре (№ 1161), о людях, притворяющихся сверхъестественными существами для достижения своих целей (№ 99, 100, 107, 225, 332, 398, 410, 553, 743, 1087).

В одном местечке был дом, пользовавшийся дурной славой (в нем водилась нечисть). «Был там один старый конфуцианский начетчик, который не поверил во все эти чудеса, купил по дешевке этот дом, выбрал благоприятный день и переселился туда. В доме воцарилась тишина, и пошел слух, что добродетель этого начетчика способна обуздать даже нечистую силу.

Но тут начетчика разоблачил один грабитель: оказалось, что чудеса в этом доме творила не нечистая сила, а грабитель, которого нанял сам начетчик (чтобы получить дом за бесценок.— *О. Ф.*)...» (№ 99).

Есть довольно много рассказов, относящихся к типу повествований, близких к анекдотам не по содержанию, а по структурной схеме, тяготеющей к упрощению, сжатости, цельности впечатления, например: № 33, 36, 46, 52, 70, 72, 81, 148, 199, 266, 317, 394, 404, 420, 533, 943 и др.

Следует указать, что во многих случаях Цзи Юнь к ди-

намически развивающемуся повествованию, характерному для анекдота, добавляет моралистическое заключение, подчас даже снимающее остроту концовки, ее pointe.

Приведенный ранее анекдот № 348, по существу, исчерпывается ответом Чэнь Чжу-иня («Как может человек, способный на такие речи, не просить милостыни?»), но Цзи Юнь добавляет авторское рассуждение о том, что многие ученые сварливы и неуживчивы, люди не хотят иметь с ними дела; есть и такие ученые, которые неправильно себя ведут, и люди гнушаются иметь с ними дело, поэтому они и доходят до нищеты.

Бывают случаи, когда анекдот уже исчерпал себя, но Цзи Юнь вводит дополнительный эпизод, чтобы придать сюжету дидактичность или чтобы разъяснить мораль, заложенную в сюжете.

В переведенном анекдоте № 199 сюжет исчерпан отъездом покупателя из дома красавицы, но Цзи Юнь объясняет, что это произошло не очень давно, так что «еще остались в живых старики, бывшие свидетелями этого происшествия».

Дальше идет авторская оценка происшедшего: «А я считаю, что собака никак не могла сама на это пойти, а подвигнул ее злой дух, в которого превратился покойный муж этой женщины».

Иногда подобные добавления, чуть ли не превышающие по объему сам анекдот, переводят этот тип повествования в обрамленное. В рассказе № 7 фигурирует некий Люй, которого боялась вся деревня. Однажды, когда он прогуливался вместе с приятелями, началась гроза. Они увидели фигуру женщины, искавшей укрытия в старом храме, побежали туда, сбросили промокшие под ливнем одежды, и Люй кинулся на женщину, в которой узнал... свою жену. Рассвирепев, он хотел бросить ее в реку, но женщина возмущенно закричала: «Хотел обесчестить чужую, и чуть не дошло до того, что меня обесчестили,— да Небо спасло! За что же меня-то убивать?» Люй хотел было одеться, но порывом ветра его штаны отнесло в реку. В это время облака рассеялись, вышла луна, и

вся деревня смеялась над голым Люем. Он не мог заткнуть рта соседям и в конце концов утопился.

Сюжет анекдота исчерпан самоубийством Люя, но Цзи Юнь добавляет объяснение, каким образом жена Люя оказалась в храме (иначе может создаться впечатление, что она из числа тех женщин, которые бродят по вечерам одни, и тогда гнев Люя оправдан): она гостила у своих родителей, дом их сгорел, и поэтому раньше назначенного срока возвращалась в дом мужа, а по дороге ее застигла гроза.

Но и этого мало, ибо «нравственный урок» еще не извлечен. И Цзи Юнь развивает действие дальше: через некоторое время после самоубийства Люя его дух является жене во сне и говорит ей, что за свои тяжкие грехи он был бы обречен навсегда пребывать в аду, но так как он был почтительным сыном, то приговор смягчен, и в следующем перерождении он будет пребывать в теле змеи. Он предсказывает жене новый брак и наставляет почитанию новой свекрови. Эта заключительная часть повествования лишь нравоучительный привесок, выходящий за пределы его художественной ткани, но для Цзи Юня он является основной целью рассказа.

В отличие от повествования первого типа обрамленное повествование, как правило, имеет некую предысторию; его отличает относительная длительность во времени, известная временна́я последовательность описываемых событий. Такое повествование обычно по размеру превосходит анекдот. В повествовании этого типа персонаж дается не в одной определенной ситуации, а в ряде эпизодов или на ряде этапов его жизненного пути. Здесь отсутствует подчеркнутая динамичность в развитии сюжета, жизненный материал повествования статичен. Даже если описывается и необыкновенный случай, если действуют и сверхъестественные силы, сюжет развертывается без неожиданностей. (Но и здесь, конечно, сюжет «замкнут», ибо рассказ, как и анекдот, не часть художественного целого, а само целое [85].)

[85] В анекдотах, как правило, не встречаются стихотворные вставки, имеющиеся в некоторых рассказах как сюжетный компонент (№ 1, 65, 105 125, 219, 357, 753, 876, 1193).

К повествованию этого типа, условно называемому рассказом, относится большинство произведений пяти сборников Цзи Юня (№ 1, 9, 10, 13, 18, 20, 22, 24, 34, 38, 39, 44, 45, 47, 51, 54, 58, 60, 65, 66, 71, 80, 86, 93, 94, 105, 106, 110, 114, 145, 154, 179, 209, 294, 414, 519, 753, 842, 876 и др.).

Характерным для такого типа повествования является рассказ № 753, в котором развернута история человеческой судьбы.

В рассказе № 39 излагается история предателя, а потом история его отца, который тоже был предателем.

В рассказе № 49 дана история жены некоего Ли, которая зверски мучила наложницу Ли, а потом, во время мятежа, когда Ли был убит, попала в дом командующего Хань Гуна, женой которого стала ненавистная ей наложница Ли. Теперь роли переменились, и вдова Ли испытала на себе все, что терпела от нее наложница. Далее Цзи Юнь приводит еще одну историю о жене и наложнице, кончившуюся благополучно благодаря вмешательству колдуна.

В рассказе № 60 излагается история наложницы, хозяин которой перед смертью велел ей выйти замуж, чтобы не голодать. Рассказывается история ее брака, описана ее тоска по покойному, в конце концов приведшая ее к смерти. Дается оценка ее поступков самим Цзи Юнем и его знакомыми учеными.

В рассказе № 179 большая экспозиция знакомит читателя с колдуньей Хао, рассказывается о способах, которыми она обманывала деревенских женщин; основной эпизод кончается ее бегством.

В рассказе № 209 экспозиция объясняет ситуацию: «Ло и Цзя жили рядом. Ло был богат, а Цзя — беден. Ло хотел присоединить к своему дому жилище Цзя, но не соглашался на его цену и принимал тайные меры, чтобы помешать ему продать дом кому-нибудь другому». Далее идет развитие действия: шло время, и Цзя оказался в такой нужде, что ему пришлось продать Ло свой дом по низкой цене. Ло занялся перестройкой дома. Центральным эпизодом повествования, его кульминацией является пожар, в результате кото-

рого сгорел и перестроенный Ло дом Цзя, и его собственный старый дом. В пламени пожара Ло видит лицо отца Цзя и понимает, что пожар был возмездием. Развязка — раскаявшийся Ло дарит сыну Цзя участок земли. Эпилог: «С этих пор Ло совсем переменился, посвятил себя добрым делам. Скончался он в преклонном возрасте».

Та же трехчленная структурная схема (завязка—«узел»—развязка плюс зачин и концовка), только в более усложненном виде, действует и в рассказе № 842; экспозиция вводит действующих лиц, затем излагается история мальчика и девочки, полюбивших друг друга, описываются перипетии в их судьбе, связанные с разорением семьи и разлукой любящих, отданных в услужение в город. Центральный эпизод — вмешательство начетчика, помешавшего их браку. Развязка — отчаяние влюбленных, смерть девушки и помешательство юноши. Далее следует оценка Цзи Юнем и другими лицами поступка начетчика и побудительных причин этого поступка.

Из 1193 произведений, включенных в пять сборников Цзи Юня, первые два типа повествований составляют 87,6% (1044 произведения), третья же категория — заметки — составляет 12,4% (149 номеров по указателю сюжетов). Категорию заметок выделить легче всего: это «свободная проза» без событийного ряда, эссе, наброски, случайные мысли, соображения по поводу происхождения названия какой-либо местности или храма, наблюдения над явлениями природы, пейзажные зарисовки, описание тушечницы, описание картины и стихов на ней, соображения по поводу авторства какого-либо стихотворения, размышление о местных суевериях; в заметках такого рода можно найти и рецепт лекарства, и запись о различных фруктах и цветах, растущих в Западном Китае, о сортах вин, этнографические подробности, и довольно длинные эссе (№ 665, 786, 1020 и др.), где проявляется незаурядная эрудиция Цзи Юня, его превосходное знакомство с письменными источниками [86].

[86] Цзи Юнь широко черпает материал из сокровищницы китайской классической литературы, и особенно из классического канона. В его

Интересы Цзи Юня очень обширны и разносторонни. Превосходный знаток древних рассказов о необычайном, он отмечает, что в некоторых из них имеются фактические неточности в описании реалий (№ 622), он сомневается в достоверности некоторых сведений, приводимых в «Книге о горах и морях» (№ 1053); выписывает рецепты лекарств, сохранившиеся в древних сборниках рассказов (№ 655); его интересуют источники, в которых упоминается о начале составлений гороскопов в Китае (№ 691), или первые упоминания о лисах-оборотнях (№ 525), древние городища и наскальные рисунки (№ 761 и 762); он пишет об увлечении в Китае различных эпох шахматами (№ 664); глубоко изучает письменные источники, в том числе «Заметки о водах и горах Чанпина» (*Чанпин шань шуй цзи*) просветителя Гу Янь-у, устанавливающие местонахождение древней кумирни (№ 639), разные комментарии к *Чуньцю* (№ 638); его интересуют религии и верования народов Запада (№ 665, 745), в частности

сборниках мы находим упоминания, ссылки, цитаты из «Книги песен» (№ 10, 50, 522, 525, 542), «Книги исторических деяний» (№ 44, 576), «Бесед и суждений» (№ 9, 474, 510), «Книги чжоуских установлений» (№ 31), «Книги о правилах поведения» (№ 44 и 542), *Мэн цзы* (№ 31 и 436), «Великого учения» (№ 58), *Чуньцю* (№ 60, 220, 576, 638), «Книги о сыновней почтительности» (№ 50), *Чжуан цзы* (№ 1191), «Исторических записок» (№ 485, 525, 836), упоминания о «Книге о горах и морях», «Категориях существ», «Книге о духах и чудесах» *(Шэнь и цзин)* Дунфан Шо, «Записках о чудесах», Ню Сэн-жу, его же новелле «Путешествие в далекое прошлое» (№ 1193) и «Повести об Ин-ин» Юань Чжэня (№ 70 и 1193). Он цитирует поэтов древности: Тао Юань-мина (№ 256, и 429), Бао Чжао (№ 951), танских поэтов Тан Янь-цяня (№ 6), Ли Бо (№ 876), Вэнь Тин-юня (№ 952), Ли Шан-иня (№ 951), сунских поэтов — Ли Кэ-чжуана (№ 1193) и Ян Те-ая (№ 545); много ссылок на коллекцию *Тай-пин гуан-цзи* (№ 38, 63, 268, 525 и др.). В предисловии к сборнику «Не принимайте всерьез» Цзи Юнь упоминает произведения Ван Чуна и Ин Шао, Тао Юань-мина, Лю Цзин-шу и Лю И-цина.

В его произведениях встречаются имена мыслителей и историков: Конфуция, Мэн-цзы, Цзо Цю-мина, Мо-ди, Ян Чжу, Чжэн Кан-чэна, Сыма Цяня, Бань Гу, Юань Чжаня, Цзи Кана, Хань Юя, Бао Чэна, Чжу Си, братьев Чэн, Ван Ян-мина, Лу Цзю-юаня, Люй Лю-ляна, Дай Чжэня; поэтов: Цюй Юаня, Сун Юя, Ван Си-чжи, Ло Бинь-вана, Ли Хэ, Лю И-си, Лу Чуна, Оуян Сю, Хуан Тин-цзяня, Юань Мэя.

зороастризм (№ 665). Интерес Цзи Юня к Западу, может быть, объясняется тем, что, хотя в его время христианство было запрещено в Китае, европейские миссионеры в Китае много сделали для стимулирования точных и естественных наук, развития научного логического метода, ознакомления китайцев с теориями Кеплера о строении Вселенной. Матео Риччи познакомил Китай с гелиоцентрическими системами Коперника и Галилея, опрокинувшими все космогонические представления китайцев [87].

Существуют различные точки зрения на вопрос о степени влияния европейских миссионеров на передовых мыслителей цинского времени. Анри Бернар Метр придерживается крайних взглядов, считая, что миссионерское влияние не ограничивалось областью науки, но распространялось и на философию в такой мере, что стало определяющим в развитии китайской философской мысли XVII—XVIII вв.

Лян Ци-чао допускал, что миссионеры могли сыграть известную роль в расширении критического движения против традиционной ортодоксии, но считал, что они не имели прямого отношения к последовательному развитию китайской мысли [88].

Поль Дэмьевиль справедливо высказывается в том смысле, что интерес к европейской науке, вызванный деятельностью миссионеров в Китае, в известной мере затронул мыслителей XVII—XVIII вв. Он признает косвенное влияние Запада на идеологию периода Цин, влияние непоследовательное, но глубокое и неизбежное [89].

Цзи Юнь упоминает имена миссионеров Джулио Алени и Матео Риччи (№ 665), возможно известные ему от его друга — знаменитого ученого той поры Дай Чжэня, которого, как полагает П. Дэмьевиль, именно Цзи Юнь привлек

[87] J. Needham, Chinese Astronomy and the Yesuit Missions, London. 1958.

[88] Liang Ch'i-chao, Intellectual Trends in the Ch'ing Period, Cambridge, Mass., 1959, стр. 46, 112, 124, 130.

[89] P. Demiéville, Les Premier contacts philosophiques La Chine et l'Europe,— «Diogene», № 58, Avril—Juin, 1967.

к составлению заметок и предисловий к математическим работам, включенным в «Каталог Полного свода четырех сокровищниц» [90].

Привлекают внимание заметки и рассуждения, в которых Цзи Юнь предстает перед своим читателем как противник суеверий, рационалист, находящий естественные объяснения [91] всякого рода биологическим мутациям (№ 576, 710, где Цзи Юнь объясняет, что гусь с двумя головами не является нечистью, ибо у людей рождаются близнецы, а куриные яйца бывают двухжелтковыми; нищенка, у которой рот находится на шее, человек с огромной ладонью правой руки — это не сверхъестественные существа, а калеки, уроды, которых не надо суеверно бояться).

Чрезвычайно интересны и публицистические заметки Цзи Юня, их немного, но они иногда ярче, чем сюжетные произведения, говорят об отношении писателя к современной ему действительности, о его общественной позиции. Так, в одной из заметок Цзи Юнь пишет: «Экзамены предназначены для того, чтобы у государства было больше талантливых людей, а не для того, чтобы у экзаменаторов было больше прихлебателей» (№ 1098). Как бы развивая мысль о том, что экзаменационная система утратила свой первоначальный смысл,

---

[90] Там же. Дэмьевиль пишет, что в 20 лет Дай Чжэнь написал этюд о математическом счислении, видимо навеянный работами шотландского математика Джона Непера (1550—1617), с которыми Китай познакомился в XVII в. В 26 лет Дай Чжэнь стал учеником китайского астронома и математика, хорошо знакомого с западными теориями. Запад, по словам Дэмьевиля, сыграл решающую роль в формировании Дай Чжэня (и не только в его филологических штудиях, но и в философских, придав им точность и рассудочность).

О математических и астрономических трудах Дай Чжэня упоминает Я. Б. Радуль-Затуловский в статье «Дай Чжэнь — выдающийся китайский просветитель»,— «Вопросы философии», 1954, № 4. Об участии Дай Чжэня в работе по составлению «Каталога Полного свода четырех сокровищниц» см.: A. Hummel, Eminent Chinese of the Ching Period, Washington, 1944, vol. II, стр. 696—697.

[91] Среди рассказов есть два, дающие рационалистические объяснения странным явлениям (№ 568 и 575).

Цзи Юнь в начале рассказа № 1118 приводит следующее рассуждение своего отца: «В последние годы правления династии Мин, когда учение даосов было в почете, а государственным экзаменам придавалось все большее значение, хитрецы предавались беседам об учении Ван Ян-мина, чтобы сделать карьеру и добиться авторитета. Простаки же упорно изучали экзаменационные сочинения, чтобы достигнуть почестей и славы. Из десятка так называемых ученых не было и двух-трех, которые разбирались бы в делах». Если не знать, что это написано Цзи Юнем, то эти слова можно было бы приписать Хуан Цзун-си или Гу Янь-у или счесть их цитатой из последней главы «Неофициальной истории конфуцианцев» У Цзин-цзы.

Публицистическая острота отличает и рассуждение (№ 104) о положении слуг и рабов, жизнь которых фактически принадлежала их хозяевам (так же смелы рассказы, в которых Цзи Юнь протестует против жестокостей, совершаемых хозяевами в отношении не только слуг, но и наложниц; в ряде рассказов осуждается свекровь, доведшая невестку до самоубийства). Между тем законы были на стороне хозяев, и протест Цзи Юня был актом гражданского мужества, отмеченным Лу Синем [92].

Примечательно, что если рассказов о сверхъестественном

---

[92] Уже упоминавшаяся ранее превосходная книга Цю Тун-цзу (C h' u T' u n g - t s u, Law and Society) свидетельствует о том, что Цзи Юнь не преувеличивает жестокостей, совершавшихся хозяевами в отношении слуг, наложниц и особенно рабов (жестокости, по закону почти не наказуемые). В период Цин чиновник, убивший своего раба, подвергался только понижению в должности или штрафу; жена чиновника, вызвавшая смерть раба, также могла откупиться от наказания. Хозяин, принудивший жену или дочь своего раба или слуги к сожительству, никакому наказанию не подвергался; если же его «избранница», сопротивляясь, причиняла ему увечье, то ее сурово карали по закону (стр. 193—199). Наказание жены за избиение наложницы, повлекшее за собой физическое увечье, было незначительным; непредумышленное убийство наложницы вообще не считалось преступлением; наложницу же, оскорбившую жену, карали по той же статье закона, что и жену, оскорбившую мужа,— за это полагалось 80 ударов палками (стр. 126).

в сборниках Цзи Юня 89% (931 рассказ[93]), а рассказов о естественном — всего 11% (113 рассказов), то заметок о сверхъестественном — 27,5% (31 заметка), о естественном же — 72,5% (118 заметок из 149).

Из общего числа рассказов — 1039[94] дидактических — 498 (48%)[95], недидактических — 543 (52%); из 149 заметок дидактических — 13 (9%), недидактических — 136 (91%).

4

В большинстве дидактических рассказов назидание заключено в сюжете (см. основные разделы указателя сюжетов). В подобного рода рассказах Небо награждает человека праведной жизни, почтительного к старшим, совершившего добрый поступок, карает развратника, взяточника, вора, человека, задумавшего зло. (Чиновник занимался вымогательством; его разоряет певичка, он сходит с ума — рассказ № 18; человек, задумавший отравить свою мать, убит молнией — № 152.) В качестве орудия возмездия выступает и нечисть, разоблачающая шарлатана, наказывающая развратника, насмехающаяся над педантом или помогающая подлинному ученому. Награды и наказания раздают и в Царстве мертвых; в новом перерождении людей награждают за добро, совершенное ими при жизни в прошлом перерождении, или

[93] Пять рассказов (№ 51, 968, 1001, 1133, 1184) отнесены к обоим разделам, так как в них содержится по две или более части, посвященные как естественным, так и сверхъестественным событиям. Пять рассказов (см. последний раздел указателя сюжетов) не поддаются классификации и поэтому исключены из общего числа.

[94] Без упомянутых пятн рассказов, которые не поддаются классификации, № 1105 и 1184 отнесены к обеим рубрикам.

[95] Процент дидактических произведений значительно увеличится, если отнести к ним группу в 121 рассказ, иллюстрирующую положение о том, что нечисть ведет себя как люди (тогда этот процент достигнет 59). Основанием для такого включения является то, что эти рассказы помогают создать особую модель мира, в котором нечисть ведет себя рационально, разумно и целенаправленно (как и те рассказы, в которых нечисть наводит порядок в человеческих отношениях).

наказывают за дурные поступки. Так, люди, в прошлом своем перерождении отнимавшие жизнь у животных, перерождаются в облике свиней (№ 1123, 1124); конюхи, воровавшие корм у лошадей, перерождаются в облике лошадей и в свою очередь терпят муки голода (№ 32); сплетница перерождается немой (№ 47) и т. п.

Не довольствуясь назиданием, заключенным в самом сюжете, Цзи Юнь очень часто сопровождает дидактические рассказы этого типа морализующей концовкой и сам формулирует нравственный урок, который читатель должен извлечь из повествования. Так, рассказывая о том, как толпа бесов избила хулигана, терроризировавшего всю деревню, Цзи Юнь заключает рассказ следующей моралью: «Подробности этой истории, может, и не заслуживают упоминания, но из нее видно, что наглый злодей в конце концов обязательно встретит того, кто не потерпит его наглости. С тем, кого не сумели обуздать люди, обязательно справятся бесы, которым он тоже противен» (№ 161).

Рассказав о том, как дух наказал оклеветавшую его девушку, Цзи Юнь в заключение пишет: «Если представится выгода, брать ее себе, а другим оставлять беду,— это тоже своего рода искусство! Но Небесному творцу такие искусники противны, все их ухищрения в конце концов оборачиваются против них же — таков небесный закон...» (№ 70).

Приведя рассказ служанки о духе мертвого, который страдал от тоски по вышедшей вновь замуж жене и тревоги за маленького сына, Цзи Юнь заканчивает этот рассказ следующим моралистическим рассуждением: «Увы! Человек благородный не отшатнется от другого из-за того, что живые и мертвые принадлежат к разным мирам; ничтожество же отвернется, но не потому, что существует разница между живыми и мертвыми. У людей заурядных чувства таковы, что, пока жив человек, и чувство к нему живо, а умрет, умирает и чувство. Если живой и вспомнит об умершем, то не испытывает печали» (№ 154). И тут же он добавляет очень важные для понимания его метода и мировоззрения слова: «Видя, как люди лестью и приставаниями добивают-

ся богатства, как морочат и обманывают других всякой чертовщиной, конфуцианцы неуклонно отстаивают положение о том, что духов нет. Их учение утратило Путь священной истины, которую знали древние государи, и это приводит к тому, что невежественные мужчины и женщины ни в чем не знают сомнений. Насколько же лучше рассказ этой деревенской женщины, способствующий сохранению чувств живых к мертвым!».

Иногда назидание, помещенное в конце рассказа, вкладывается в уста очевидцев происшествия. Типичен в этом отношении рассказ № 361.

Иногда назидание вкладывается в уста рассказчика. Так, двоюродный дед Цзи Юня, достопочтенный Гуан Цзи, рассказав историю о том, как Небо покарало женщину, жестоко обращавшуюся с наложницей своего мужа, заключает свой рассказ следующей сентенцией: «Ну разве не была эта женщина тупой и бесстыдной? Ее душой втайне владело то, к чему и духи питают отвращение» (№ 49, ч. 1).

Часто назидание вкладывается в уста кого-либо из персонажей (даоса — в № 9; владыки Царства мертвых — в № 10; лисы-оборотня — в № 13 и 16; духа, ведающего списками в Царстве мертвых,— в № 68; духа, вызванного гадателем,— в № 125; духа, выгнавшего пьяницу и бездельника из храма,— в № 169 и т. д.). Показателен в этом отношении упоминавшийся рассказ № 2 о лисе, которая, живя в кабинете ученого, швырялась камнями и черепицей во всякого, кто туда заходил, кроме простой служанки. На вопрос о том, почему она делает исключение для этой девушки, лиса ответила: «Хоть она и простая служанка, но по-настоящему почтительна к старшим...».

В некоторых случаях Цзи Юнь использует «двойное назидание». Так, в рассказе № 17 губернатор Э, увидев, что даосский монах собирается убить молодую красивую женщину, спасает ее от смерти. Красавица превращается в пламя и улетает, а даос, упрекая губернатора за вмешательство, объясняет, что, отпустив женщину, губернатор отпустил на свободу нечисть, погубившую более сотни людей, и таким

образом стал причиной нескончаемых бед и в грядущем. «Это все равно что пожалеть хищного тигра, не подумав о тех лосях или оленях, которых он растерзает, о тех жизнях, которые он отнимет». В добавление к этому назиданию, вложенному в уста даоса, Цзи Юнь говорит уже от своего имени: «Тот, кто отнесся снисходительно к чиновнику-взяточнику, считает, что совершил доброе дело, да и другие называют его великодушным, но ведь о бедном-то люде, что продает своих сыновей и отдает своих жен в наложницы, он не подумал. Куда же годится такой сановник?»

В рассказе № 519 нищий буддийский монах, повстречав в храме сановника, который в день рождения Будды выпускал на волю птиц, насмешливо спрашивает его, считает ли он, что добрые дела надо совершать только в дни рождения Будды. Отповедь нищего монаха вызывает одобрение старого монаха, который говорит, что его слова «о нашем учении прозвучали, как львиное рычание». Не довольствуясь назиданием, заключенным в словах нищего монаха, и одобрением этого назидания со стороны старого монаха, Цзи Юнь приводит слова Мин-юя, буддийского монаха с горы Утай: «Если сердце всегда полно думами о Будде, то злые намерения не возникнут; если же в неустановленные дни читают молитвы, то делают это, чтобы приобрести заслуги. Если ежедневно будут поститься, то исчезнет ремесло тех, кто убивает животных; если же выбирают для поста несколько дней в месяц, то этим приобретают заслуги. Готовят лакомые блюда, с утра до вечера насыщаются, в такие-то и такие-то дни установленных месяцев не едят мяса — и это называется быть хорошим человеком! Но разве назовут бескорыстным беззастенчивого чиновника-взяточника, того, кто открыто берет взятки, если он в такие-то и такие-то дни установленных месяцев и не будет брать взятки!».

А дальше Цзи Юнь противопоставляет этому рассуждению Мин-юя[96] возражение главного цензора Ли Син-пу, ко-

[96] Аналогию рассуждению Мин-юя мы находим в гл. 10 романа Ли Жу-чжэня (? — 1830?) *Цзин хуа юань*, где один из героев романа, До

торый считает, что соблюдение постов изнуряет человека: «Подлинный ученый питается всю жизнь скромно... если ему придется соблюдать пост в определенные дни, то эти дни можно считать вычеркнутыми из его жизни».

Здесь мы имеем случай столкновения нескольких точек зрения, иногда же назидательная концовка дает альтернативные объяснения того, что происходило в рассказе. Так, в рассказе № 106 молодая женщина, оказавшаяся ночью одна в пустынном месте, услышав шаги спешащего за ней мужчины, притворилась духом повесившейся и напугала преследователя до обморока. На следующей день узнали, что в соседней деревне юноша, повстречавший ночью духа повесившейся женщины, сошел с ума от ужаса. Цзи Юнь заключает рассказ следующим образом: «Может быть, это случилось оттого, что нечистая сила действительно овладела им, воспользовавшись охватившим его страхом,— неизвестно. Может быть, все это было создано его воображением — как знать? А может, вездесущие духи тайно завладели его душой, карая за задуманное им зло,— это тоже неизвестно! Но все равно можно считать, что безумие было ему карой».

Иногда назидательные заключения Цзи Юня носят характер обобщений более широких, чем тема самого рассказа. Так, в рассказе № 22 о человеке, не боящемся нечисти, концовка гласит: «Ведь тигр не станет жрать пьяного, ибо тот его не боится. Когда человек боится, сердце его не на месте,... и мысли в смятении, а когда мысли в смятении, тут-то злой дух и завладевает человеком. А если человек не боится, сердце его спокойно, раз сердце спокойно, то и воля тверда, а раз воля тверда, то никакой злой дух не осмелится и подступиться».

В рассказе № 417 Цзи Юнь приводит несколько эпизо-

Цзю-гун, говорит, что содеянное преступление нельзя искупить постом или молитвами, ибо «пост и чтение молитв просто показная добродетель»; самое важное в человеке — это его душа; вина человека, таящего в сердце зло, а на людях стремящегося казаться добродетельным, усугубляется его лицемерием и показным благочестием (Ли Жу-чжэнь, Цветы в зеркале, М.—Л., 1959, стр. 97).

дов, подтверждающих мысль о том, как важно думать о последствиях своих поступков.

Интересное обобщение делается из назидания в конце рассказа № 566: крысы расширяли свои норы, так что все пространство под амбаром было пустым и стены грозили обвалом. Назидание вложено в уста некоего Фу Хая: «Губя жилище людей, чтобы расширить свое жилье, они начисто забыли о том, что их жилье держится на людском». А дальше идут слова самого Цзи Юня: «А я спрошу: — Чем же люди, подобные Ли Линь-фу и Ян Го-чжуну, не понимающие этой зависимости, лучше крыс?»

В рассказе № 204 назидание, выводимое из частного случая («Лисы не трогали этого человека, а он их задел, поступил обратно тому, как они вели себя с ним»), разрастается до моралистического обобщения: «Если благородный муж по отношению к мелким людишкам ограничивается предостережением, не проявляя без повода своей силы, то он не потерпит неудачи в общении с ними».

Иногда обобщающее назидание выражается одной фразой, одной сентенцией: «Причина и следствие тесно между собой связаны, в конечном счете они дополняют друг друга» (№ 420); «Но ведь если преступление не карается высшей мерой, о нем будет неведомо даже детям преступника» (№ 36) и т. п.

Рассказы, в которых назидание дается в самом начале, до повествования, малочисленны. Типичными в этом отношении являются рассказы: № 35 (начинающийся словами: «Как не поверить в то, что дела наши всегда предопределены?»), № 522, а также 765, в котором обобщающее назидательное начало как бы служит ключом к общей философской интонации рассказа, иллюстрирующего относительность всего происходящего в жизни человека.

В сборниках Цзи Юня имеется пять рассказов (см. последний раздел указателя сюжетов), в конце которых сюжет обсуждается. Так, в № 485 старый начетчик радуется воскрешению умершего человека, считая это подтверждением взглядов Чжу Си и братьев Чэн. Цзи Юнь же рационалистически

объясняет происшествие, утверждая, что никакого воскрешения не было, так как героя рассказа ошибочно сочли мертвым. В № 1107 фигурирует человек, «обучавший достижению бессмертия». Односельчане считали его шарлатаном и смеялись над его учеником, но были люди, думавшие, что он действительно обладал секретом бессмертия, Цзи Юнь же не решается высказать суждение на этот счет...

Есть рассказы, в которых Цзи Юнь дает понять читателю, что возможны ошибки: случай, который рассматривался как сверхъестественный, может иметь естественное объяснение. Такого рода ошибками могут воспользоваться шарлатаны — маги, гадатели, которые вводят в заблуждение доверчивых людей (№ 179).

Известные нотки скепсиса звучат и в № 144, где Цзи Юнь высказывает мысль о том, что люди сами придают смысл ответам духов, вызванных гадателями: «...можно сказать, что сами духи не одухотворены, их одухотворяют люди. Тысячелистник, щит черепахи, сухая трава, кости—хотя по ним и можно узнать, что тебе предопределено,—беда или счастье,— чудотворными они становятся лишь с помощью человека».

Это сомнение в верности гаданий частично идет от убеждения Цзи Юня в том, что все предопределено и человеку не надо пытаться узнать заранее уготовленную ему судьбу. Потустороннее скрыто от глаз человека; духи знают будущее, но не любят о нем говорить (№ 125); вмешательство людей «в судьбу» может кончиться плохо; яснее всего это положение иллюстрирует рассказ № 682: первый эпизод его повествует о сделанном в шутку предсказании, в результате которого погибло двое людей; во втором фигурирует предсказатель, сам себе предсказавший свою смерть. «В указанный день он не вышел из дома, накрепко запер дверь, и казалось, что ничего с ним произойти не может. Как вдруг земля содрогнулась, помещение, в котором он находился, обрушилось, и его завалило.

Если бы он сам себе не гадал, то в тот день, как всегда, установил бы свою палатку в торговых рядах, и как бы его тогда могло задавить?

И это тоже говорит о том, что от судьбы не уйдешь, а если он знал заранее, то сам совершил ошибку»[97].

В чем же философский смысл этого утверждения? Свидетельствует ли оно о фаталистической вере Цзи Юня в судьбу, или же это детерминистская концепция? Скорее последнее: Цзи Юнь постоянно подчеркивает, что от самого человека зависит избранный им в жизни путь, его линия поведения. Писатель постоянно исповедует конфуцианскую теорию активного участия человека в жизни общества. Он воспринял гуманистические идеи, содержавшиеся в конфуцианстве, занятом вопросом, как жить, а не как продлить жизнь. Несмотря на то что в ряде его рассказов проводится мысль о предопределении[98], Цзи Юнь считает, что человек должен «помогать судьбе»: «Когда приносят вред государству и народу, нельзя ссылаться на судьбу!.. А если стоящий у власти опускает руки и все валит на судьбу, то зачем Небу и Земле такие таланты, зачем двору такие чиновники?» (№ 9; причем интересно, что это рассуждение вложено в уста даоса!).

---

[97] Та же идея рока есть у Софокла в «Царе Эдипе» (мальчика отдают пастуху, так как было предсказано, что он убьет мать и отца). Предсказание сбывается именно потому, что были приняты меры, чтобы избежать судьбы (он убивает отца потому, что не знает его). Та же идея неотвратимости судьбы и в «Мессинской невесте» Шиллера, и в «Семействе Шроффенштейн» Клейста. Но ни у греков, ни у немецких романтиков невозможно шутливое отношение к этой проблеме, между тем как у Цзи Юня первый эпизод рассказа № 682 говорит о предсказании, сделанном в шутку, а в рассказе № 685 шутка мальчика-слуги делает его «провидцем»; шутка приобретает вещий характер, случайность превращается в необходимость (у греков же в трагедии рока действует чистая необходимость; греческий рок трагичен, ибо человек — игрушка в руках фатума).

[98] В. М. Жирмунский и Н. А. Сигал в статье «У истоков европейского романтизма» (в кн.: Г. Уолпол, Казот. Бекфорд. Фантастические повести, Л., 1967, стр. 257) указывают, что развязка романа Горация Уолпола «Замок Отранто», «намеченная в предсказании, имеет характер трагического рока, с которым воля человека... не в состоянии бороться. Идея «рока» и предсказания подсказаны Уолполу античной трагедией, но у писателя XVIII в. она приобретает характер *справедливого морального возмездия*» (курсив мой.— *О. Ф.*).

И в рассказе № 9, и в рассказах № 2, 10 и других Цзи Юнь говорит, каким должен быть настоящий чиновник. Устами лисы упрекает он славящегося своей честностью сановника в том, что тот честен не из принципа, а из любви к своему доброму имени (№ 2); в рассказе № 10 судья Царства мертвых с почестями принимает простую деревенскую старуху (которая за всю свою жизнь «никому не причинила вреда ради личной выгоды»), но строго осуждает чиновника, который за всю свою жизнь не имел ни заслуг, ни проступков.

К высшей категории чиновников Цзи Юнь относит тех, кто заботится о благе страны и народа, не думая о своем личном благе: есть три категории мудрых чиновников, говорит он в рассказе № 80: «низшая — те, кто проводит свою жизнь в страхе перед законом; следующие за ними — те, кто превыше всего ценит свою репутацию; к высшей же категории относятся те, кто, являясь хозяевами своего сердца, заботится о благе страны и народа и не заботится о своем личном счастье или беде, хуле или хвале в свой адрес».

Вот почему судья Царства мертвых (№ 80) презирает тех, кто стремится к карьере, и не очень ценит тех, кто удаляется от дел; он считает, что «талант, рожденный Небом и Землей, в первую очередь должен служить мирским делам. А если бы все люди вели себя, как Чао и Сю, то воды Великого потопа до сих пор заливали бы наши земли...».

Поэтому Цзи Юнь осуждает и буддийского монаха, который ушел от мира, эгоистически думая лишь о себе (№ 12), и даосского отшельника, много лет сидевшего в горах, не произнося ни слова (№ 697). Бегство от жизни, от моральной ответственности (какую бы форму оно ни принимало) чуждо Цзи Юню, требующему от человека участия в жизни общества (хотя бы в рамках семьи), добросовестного выполнения своих обязанностей, своего долга.

Борьба людей за победу добра над злом воспринимается Цзи Юнем не отвлеченно, а как конкретная человеческая практика, в которой наглядным примером должно служить поведение ученых и чиновников — «воспитателей народа»

(№ 783). Вот почему с них и спрашивается больше, и Небо и нечисть карают их строже, чем простых людей, совершивших проступок по неведению, по глупости. Собственно, они-то и должны осуществлять регламентацию поведения людей, обеспечивать его рациональность, а следовательно, и гармонию в обществе.

Но жизнь давала мало примеров достойных правителей, честных чиновников, мудрых и нравственных ученых, способных своим примером переделать к лучшему общественные нравы; жизнь показывала, что люди ограничены в своих возможностях. И Цзи Юнь обращался к фантастике, помогавшей ему не просто излагать свои мысли о том, как должны вести себя люди, а учить этому, и не с помощью абстрактной проповеди, а конкретными примерами, тем более впечатляющими, что они были необычными. Если люди способны на подлости, то эти подлости не остаются тайными, есть силы, видящие все, что делают люди, они заранее предвидят их действия и замыслы; если людское окружение персонажа равнодушно к его проступку, то персонаж все равно не останется безнаказанным, потому что есть силы, которые обязаны реагировать на зло и, не будучи связаны круговой порукой, карают человека в меру его вины; если люди не могут или не хотят вознаградить человека за добро, то есть силы, которые сделают это, и добрый поступок не останется незамеченным и повлечет за собой другие добрые поступки.

Задача человека — прожить достойную жизнь, соблюдая нравственные устои, и в этом ему помогают сверхъестественные силы, которые неустанно следят за человеком, взвешивают его поступки и соответственно карают или награждают его.

В идеале эти силы беспристрастны (в отличие от людей), они не бывают добрыми или злыми (№ 934), они лишь исполняют определенную функцию, заключающуюся в том, чтобы наказаниями или наградами, предупреждениями или разоблачениями помогать человеку не сбиться с праведного пути.

Человек должен помнить, что за ним все время следит чье-то невидимое и недремлющее око. Недаром в заключение рассказа № 10 Цзи Юнь говорит:

«Из двух этих историй видно, что, как бы ни была темна и неясна душа человека, духи и бесы в ней все углядят и мудрецу, если он думает лишь о своей личной выгоде, не избежать наказания. И не верно разве то, что говорится в «Поучении правителю»?» (А в «Поучении правителю» («Книга песен», III, 3, 2) речь идет о том, что человек всегда должен вести себя так, словно за ним непрерывно следят духи, оценивающие все его поступки).

Приведем в подтверждение некоторые цифры. В 413 дидактических рассказах Цзи Юня о сверхъестественном человека награждают в 17 случаях (в 8 — Небо, в 5 — Царство мертвых, в 4 — в новом перерождении), человеку помогают в 60 случаях (в 27 — Небо, в 33 — нечисть).

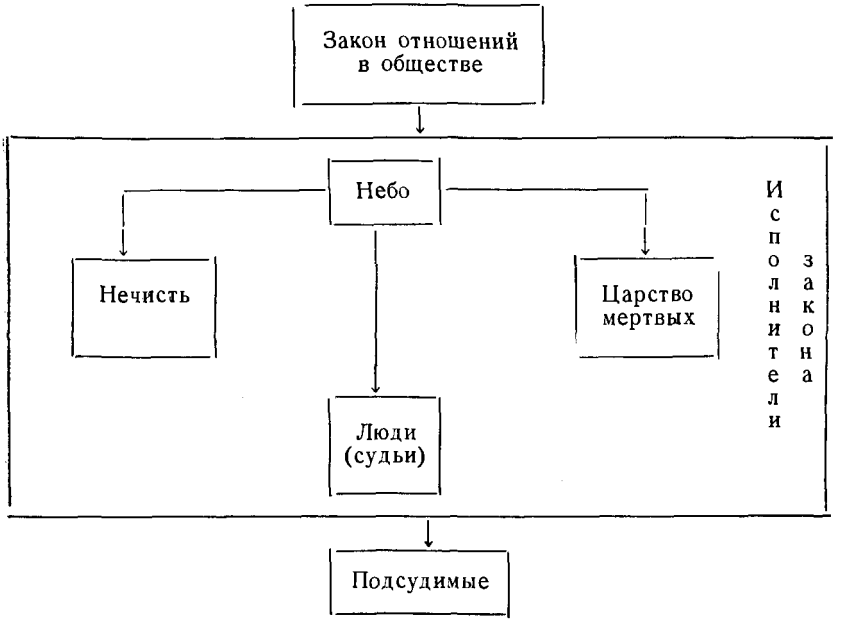
В 85 дидактических рассказах о естественном люди награждают человека лишь в двух случаях (№ 595 и 933, табл. 2).

Сверхъестественные силы карают человека в 129 случаях [в 69 случаях — Небо (из них в 36 — смертью), в 16 — в Царстве мертвых, в 9 — в новом перерождении, в 35 — нечисть]; обличают и осуждают человека в 38 случаях (в 6 — Небо, в 32 — нечисть); люди карают человека в 13 случаях, осуждают и разоблачают в 7 случаях (табл. 3).

Следовательно, сверхъестественные силы видят все, что происходит в мире людей, заинтересованы в происходящем и принимают в нем участие, верша свой суд над людьми. Но действуют эти силы не произвольно, а подчиняясь определенной целесообразности, определенному закону отношений в обществе, установленному Небом, познанному и сформулированному конфуцианскими мудрецами глубокой древности [99].

[99] К сходному выводу на материале буддийской литературы приходит В. Эберхард: «Народный буддизм элиминирует капризы или произвольную реакцию божеств и устанавливает религиозную систему, которую можно было бы назвать «конституционной монархией», то есть веру в *закон* (кур-

Схематически это можно представить так:

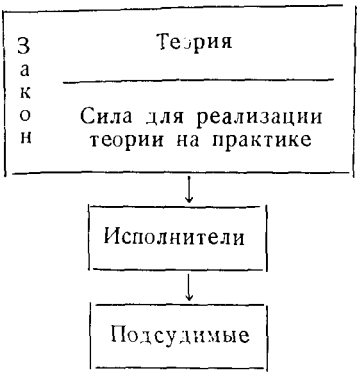

Эта схема показывает, как происходит оценка и воздаяние поведению человека. Стрелки обозначают «влияние». Из схемы видна также иерархия «судей» (см. также табл. 1).

Люди, фигурирующие в рассказах Цзи Юня, подразделяются на судей, выносящих оценки действиям других людей и награждающих или карающих их (как видно из схемы, люди занимают низшее место в иерархии «исполнителей»), и подсудимых — основных персонажей рассказов.

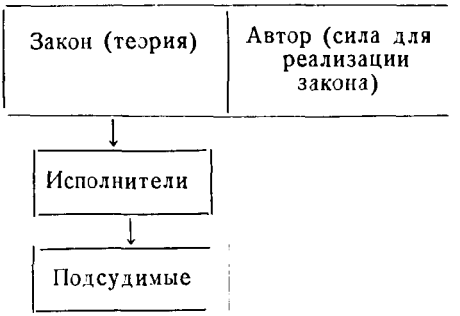
Таким образом, модель мира, создаваемая Цзи Юнем, выглядит так:

сив мой.— *О. Ф.*), который абсолютно обязателен для судей и осуществляется в безличной манере судьей, назначенным Небом. В противоположность условиям, существующим в этом мире, в зале суда мира иного не принимаются во внимание класс, статус, пол или возраст. С каждым обращаются по закону» (W. Eberhard, Guilt and Sin, стр. 18).

Закон здесь выступает одновременно как закон в смысле «установлений», «правил» (теория) и в значении, подобном термину «закон природы», т. е. как необходимость. Поэтому в модели мира Цзи Юня закон сам себя реализует, сам обладает силой, чтобы заставить себе подчиняться (обычно через «судей»). На самом же деле те или иные события в рассказах протекают по воле автора; в этом смысле автор и оказывается той силой, которая реализует закон. Поэтому модель мира, воссоздаваемая читателями, несколько отличается от изображенной на схеме, так как в ней уже проявляется фигура автора (с его оценками людей и событий, исполнителей и подсудимых), играющего роль силы для реализации закона, или высшего судьи; этот «судья» — автор — не всегда одобряет поведение исполнителей, в частности нечисти, он рассказывает об ошибках судопроизводства в Царстве мертвых [100], т. е. он как бы стоит над исполнителями закона.

[100] Примечательно, что в Царстве мертвых происходят и комические эпизоды, как в рассказе № 684, где тяжело заболевший пьяница выздоравливает, так как в Царстве мертвых ему продлили срок жизни, чтобы он мог выпить недопитые им три чана с вином. Между тем В. Я. Пропп отмечает, что в мировом фольклоре в Царстве мертвых смеяться нельзя: «Смех — исключительная принадлежность жизни, смерть и смех несовместимы» (В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, Л., 1963, стр. 101—102).

В современной литературе, а также в нашем восприятии рассказов Цзи Юня автора следовало бы поставить выше закона, потому что для современного сознания выбор мировоззрения (закона — теории) является индивидуальным волевым актом, в котором автор свободен. Однако для Цзи Юня и для читателей — его современников закон, о котором идет речь, представляется чем-то объективным и абсолютным. Воспитанный в нем, Цзи Юнь иного закона признавать и не мог. В этом смысле он подчиняется закону, и подчиняется абсолютно, не так, как человек, который сам выбрал этот закон и после этого стал ему подчиняться, а как человек, подчинявшийся этому закону всегда. Разница здесь такая же, как между католицизмом средневековых христиан, не ведавших другого мировоззрения и не представлявших себе его существования, и католицизмом Грэма Грина.

Исполнители закона у Цзи Юня обладают неравными возможностями (Небо может вершить свой суд над людьми и над нечистью, нечисть же — только над людьми), есть исполнители добросовестные и недобросовестные (нечисть может сознательно совершать неправильные поступки, люди же либо ошибаются, либо грешат) и т. п. Табл. 1 демонстрирует свойства, которыми обладают (в разной мере) исполнители закона (для сравнения привлечены и «свойства» автора).

Положительные качества исполнителей понижаются от Неба к людям (графы 1, 2, 3, 4). В графе 1 значок + (—) означает окказиальную неправоту, значок ± — возможную и

Таблица 1

	Правота в глазах автора	Всеведение	Способность награждать и карать		Всесилие	Возможность быть смешным	Возможность ошибаться
			людей	нечисть			
	1	2	3		4	5	6
Небо	+	+	+	+	+	—	—
Судьи Царства мертвых . . .	+(—)	+	+	—	±	+	+
Нечисть	±	+	+	—	±	+	+
Люди	±	—	+	—	—	+	+
Автор	+	+	+	+	+	—	—

частую неправоту (возможную — у нечисти, частую — у людей). В графе 4 значок ± означает «ограниченное всесилие», т. е. большую силу, не абсолютную, как у Неба, но необычайную в глазах людей. Отрицательные качества (графы 5, 6) возрастают от Неба к людям. Качества автора совпадают (а может быть, и превосходят) качества Неба.

Функция сверхъестественных сил — давать практическое выражение нравственным оценкам, формулируемым автором, выступать в качестве всеведущего исполнителя высшей необходимости (закона). Цель же автора — наставить человека на добрый путь. Для этого он использует и буддийскую теорию воздаяния за поступки, совершенные человеком при жизни (очень распространенную в его время). Но Цзи Юнь не стремится вызвать у своего читателя суеверный ужас перед нечистью, наоборот, постоянно, временами даже назойливо, он проводит мысль о том, что духи и бесы не страшны человеку праведной жизни. «...Духи вредят людям, пользуясь тем, что люди их боятся»,— говорит Цзи Юнь в заключение рассказа № 404, но добродетельные люди не боятся нечисти, которая перед ними бессильна (множество примеров тому можно проследить по двум разделам указателя сюжетов: A, a, α, III, 7a — «Нечисть не трогает...» и A, a, α, III, 10 — «Человек побеждает (обуздывает) нечисть»).

Более того, Цзи Юнь показывает, что в целом сама по себе нечисть не страшна. Она ведет себя разумно, в основе

ее действий — причинность, а не капризная иррациональность. Строгие нравственные принципы, добродетельное поведение, почтительность к старшим, активная доброта, подлинная ученость — вот качества, наиболее ценимые и поощряемые, как свидетельствует об этом приводимая ниже табл. 2, в которой рассматривается та же группа рассказов, что и в табл. 1.

Таблица 2

	Небо		В Царстве мертвых	Нечисть			В новом перерождении	Люди	Всего
	награждает	помогает	награждают	помогает	проявляет уважение	не трогает	награждают	награждают	
Добродетельного . .	1	3	2	3	—	8	3	—	20
Почтительного к старшим	2	5	—	2	1	1	—	—	11
Целомудренного . .	1	—	1	—	—	1	—	—	3
Доброго	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Совершившего добрый поступок . . .	2	1	1	—	—	—	1	2	7
Подлинного ученого .	—	1	—	3	3	2	—	—	9
Невинного	—	2	—	—	—	—	—	—	2
Обманутого	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Нуждающегося в помощи	—	13	—	17	—	—	—	—	30
Бедняка	—	2	1	—	—	—	—	—	3
Не боящегося нечисти	—	—	—	—	—	4	—	—	4
Оказавшего услугу нечисти	—	—	—	8	—	—	—	—	8
Всего . . .	8	27	5	33	4	16	4	2	99

Нечисть проявляет уважение к подлинному ученому (№ 286, 406, 1117), помогает достойному, обиженному, нуждающемуся в помощи (т. е. как бы вносит коррективы в действительность, восстанавливая попранную в реальной

жизни справедливость); но, кроме того, Цзи Юнь показывает также, что нечисть обладает чувством юмора (№ 188 и 648); может ошибаться, как ошибаются люди (№ 68 и 924, а в № 893 прямо говорится: «Дух был совсем бестолковый!»); ей совсем чужды человеческие слабости: заносчивость (№ 981), привередливость (№ 599), склонность к обману (№ 711 и 580), непостоянство (№ 581), обидчивость (№ 675); бесы и духи воруют (№ 754, 1056), ссорятся, как простые смертные (этой теме посвящено 15 рассказов; см. указатель сюжетов: Б, а, α, III, 16, 11).

Авторское рассуждение (№ 1140) о том, что среди духов, вызываемых гадателями, бывают мудрецы, но встречаются и самые настоящие невежды, как бы служит теоретическим обоснованием тех рассказов, где дух, вызванный гадателем, пишет неудачные стихи (№ 537, 675), путает исторические факты (№ 114) [101].

Во многих рассказах (из 518 недидактических рассказов о сверхъестественном — в 121, см. указатель сюжетов: Б, а, α, III, 16, 9—13) Цзи Юнь доказывает и наглядно показывает, что нечисть стремится во всем подражать человеку: в 20 рассказах нечисть занимается искусствами и науками, в 40 — рассуждает об искусстве, на философские, нравственные и религиозные темы (указатель сюжетов: Б, а, α, III, 12, 1—4). У духов мертвых, как и при жизни, есть свои компании, душа покойного держится своего круга, тех, кто ближе ему по воспитанию, привычкам или профессии; духи мертвых сохраняют свои прежние симпатии и антипатии (№ 196, 323, 393 и др.— всего 10 рассказов), ведь прежде они были людьми, и их по-прежнему интересует то, что творится в мире живых, в их семьях. Поэтому они помогают своим родственникам (№ 623, 1045, 1143) или мстят людям, причинившим зло их родне (№ 201, 209, 644, 1013), заботятся о судьбе своих близких или друзей (17 рассказов) и т. п.

[101] При чтении этих рассказов вспоминаются типы невежественных «ученых», изображенных У Цзин-цзы в романе «Неофициальная история конфуцианцев» (У Цзин-цзы, Неофициальная история конфуцианцев, М., 1959, гл. 4, 7, 8, 26).

Как же не должен вести себя человек, какие его отрицательные качества и дурные поступки влекут за собой наказание или осуждение? Ответ на этот вопрос дает приведенная ниже табл. 3.

Из таблицы видно, что самыми отрицательными качествами (по частотности наказаний) являются развращенность (58 случаев), злоба (19 + 7 — «задумавший зло»), нечестность (16), жестокость, проявляющаяся в лишении жизни живых существ (15), педантизм (10), непочтительность к старшим (9), недобросовестность в исполнении своих обязанностей (9). Характерно, что акцент на преступлениях против личности (193 случая из 218, когда состав преступления известен) больший, чем на преступлениях против веры (убийство животных — 15 случаев, неверие — 8, осквернение могил — 2 случая) [102].

Хотя рассказов, разоблачающих педантов-начетчиков, не очень много, они написаны с особенной силой, свидетельствующей о том, какую глубокую ненависть питал Цзи Юнь к этой касте. Так, в рассказе № 99 начетчик сравнивается с не-

[102] Эти данные могут служить дополнением и своего рода контрольным материалом к наблюдению, сделанному В. Эберхардом (на других источниках), о том, что «более древние тексты делают акцент на преступлениях против божества гораздо больший, чем тексты недавнего времени, и заняты буддийскими представлениями, в то время как поздние тексты подчеркивают основные этические концепции конфуцианства, касающиеся главным образом отношений между людьми. Таким образом, процент социальных грехов в текстах недавнего времени выше, чем в старых» (W. Eberhard, Guilt and Sin, стр. 61).

Приводимые В. Эберхардом таблицы (основанные на источниках V, XIX и XX вв.) позволяют утверждать, что в той части этических концепций Цзи Юня, где он говорит о наказаниях за грехи и о том, что является грехом, Цзи Юнь пользуется традиционными представлениями, хорошо известными его читателям.

Совпадение некоторых выводов Эберхарда с наблюдениями, сделанными в настоящей работе (до знакомства с книгой Эберхарда), использование сходных групп понятий и сходных методов решения аналогичных задач позволяют высказать предположение, что широкая разработка аналогичных проблем методами количественного анализа и табличной росписи дала бы возможность построения достаточно точной системы общекитайских этических универсалий разных времен.

чистью; в рассказе № 842 выведен начетчик, который своим педантизмом и приверженностью к старине («...не понимая, что в наши дни все по-иному, чем в древности...») разрушил счастье любящей пары и послужил причиной смерти девушки и безумия юноши; в рассказе № 1044 фигурирует слуга, который, подражая педантам-начетчикам, свято соблюдал «правила должного поведения» и не решился окликнуть спавшую женщину, ребенок которой играл в опасной близости от колодца. Пока он «степенной походкой» шел на розыски ее мужа, ребенок упал в колодец и погиб. В рассказе № 836 осуждаются конфуцианские начетчики, требующие, чтобы им оказывали знаки почтения, не понимая того, что уважение или неуважение, питаемые другими людьми к человеку, зависят от поступков этого человека. Здесь же Цзи Юнь подчеркивает, что сила человека не во внешнем уважении, проявляемом к нему другими людьми, а в его собственных нравственных достоинствах. Уже упоминался рассказ № 181, в котором разоблачаются два начетчика, пытавшиеся отнять поле у вдовы...

Устами своих персонажей Цзи Юнь неустанно высмеивает педантов-начетчиков: над педантом-начетчиком смеется его знакомый (№ 783), издеваются бесы (№ 185), дух покойного приятеля (№ 3); нечисть посрамляет начетчика его же орудием — цитатами (№ 182); в рассказе № 334 начетчика посрамляет дух, вызванный гадателем; в № 333 лиса смеется над педантом. В Царстве мертвых осуждают начетчиков, которые своим педантизмом причиняют людям вред (№ 543); вред, приносимый неоконфуцианцами, проник даже «за Желтые истоки», ибо души покойников ссорятся из-за различия во взглядах на философию Чжу Си и Лу Цзю-юаня (№ 633). Отрицательное суждение о сунских неоконфуцианцах звучит и в рассказе № 659, и в рассуждениях (№ 21, 535, 1020).

Резкое осуждение педантизма начетчиков, скованных соображениями о том, как «должно поступать», звучит и в рассказе № 488, где фигурирует врач, отказавшийся дать женщине лекарство, могущее вызвать выкидыш. Потом этому

Таблица 3

1	Небо		Царство мертвых	Нечисть					Сверхъестественное	Люди				Естественное	Итого
	карает	обличает	карает	карает	разоблачает	осуждает	насмехается	наказывает за зло		карают	разоблачают	осуждают	насмехаются		
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Непочтительного к старшим	6	—	1	1	—	—	—	—	8	—	—	1	—	1	9
Развратника	13	2	4	13	1	8	11	2	54	3	—	—	1	4	58
Нечестного	6	—	—	4	—	—	1	1	12	2	2	—	—	4	16
Неблагодарного	2	—	—	—	—	1	—	—	3	—	—	—	—	—	3
Плохого родственника	—	—	—	—	—	2	—	—	2	—	—	—	—	—	2
Псевдоученого	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Педанта	—	—	1	1	—	1	6	—	9	1	—	—	—	1	10
Шарлатана	—	2	—	—	3	2	—	—	7	—	—	—	—	—	7
Злого	4	—	2	2	—	3	1	—	12	4	—	3	—	7	19
Задумавшего зло	4	1	—	—	1	—	—	—	6	1	—	—	—	1	7
Вора	3	—	—	—	1	—	—	3	7	—	—	—	—	—	7
Отнимавшего жизнь у живых существ	12	—	—	—	—	—	—	2	14	1	—	—	—	1	15
Сутягу	1	—	—	—	—	1	—	—	2	—	—	—	—	—	2
Недобросовестного	2	—	4	—	—	2	1	—	9	—	—	—	—	—	9
Взяточника	3	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	3
Карьериста	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	1
Сплетника	3	—	1	—	—	—	—	1	5	—	—	—	—	—	5

Продолжение табл. 3

1	Небо		Царство мертвых	Нечисть					Сверхъестественное	Люди				Естественное	Итого
	карает	обличает	карает	карает	разоблачает	осуждает	насмехается	наказывает за зло		карают	разоблачают	осуждают	насмехаются		
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Пьяницу	2	—	—	2	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	4
Клеветника	—	—	1	1	—	—	1	—	3	—	—	—	—	—	3
Доносчика	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1
Заносчивого	2	—	1	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	3
Хвастуна	—	—	—	2	—	—	2	—	4	—	—	—	—	—	4
Наглеца	—	—	—	—	—	1	2	—	3	—	—	1	—	1	4
Неверующего	1	1	—	—	—	3	3	—	8	—	—	—	—	—	8
Осквернителя могил	—	—	—	2	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2
Труса	—	—	—	3	—	1	3	—	7	—	—	—	—	—	7
Корыстолюбца	—	—	—	2	—	—	2	—	4	—	—	—	—	—	4
Скупца	—	—	—	1	—	1	2	—	4	—	—	—	—	—	4
За неизвестную провинность	5	—	—	1	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	6
Всего . . .	69	6	16	35	6	26	36	9	203	13	2	5	1	21	224

врачу снится, что его вызвал к себе судья Царства мертвых, в присутствии которого женщина обвинила врача в том, что из-за его отказа она вынуждена была покончить с собой, загубив в утробе и ребенка. На это судья Царства мертвых отвечает женщине: «Ты рассуждаешь применительно к своим обстоятельствам, а он придерживался нравственных норм. Разве со времени династии Сун один только он такой, что придерживается лишь нравственных норм, не считаясь с тем, насколько они применимы к обстоятельствам?» Здесь критика уже перерастает в борьбу с педантизмом, ибо в данном случае речь идет о том, что даже хорошая норма может причинить вред. Это уже диалектика!

Осуждение Цзи Юня вызывают люди, недобросовестно выполняющие свои обязанности; шарлатаны, сутяги, взяточники также отвратительны Цзи Юню (№ 17).

В рассказе № 1092 соседи удивляются тому, что у ранее ничем не выделявшегося чиновника дурной сын, разоривший семью. На это Цзи Юнь отвечает: «Ну а то, что бедный ученый, прослуживший уездным правителем всего каких-нибудь десять лет, сумел накопить десятки тысяч монет, разве это ничего не значит?». Это значит, что чиновник брал либо непосильные налоги с народа, либо взятки, и, следовательно, Небо справедливо покарало его. (Здесь тоже диалектика видимости и сущности!)

Врач-вымогатель заслуживает такого же наказания, как чиновник-взяточник: в рассказе № 36 сына врача-вымогателя убивает молнией, и Цзи Юнь считает, что Небо справедливо наказало вымогателя, лишив его продолжателя рода.

Несмотря на большое количество рассказов, в которых люди несут наказание за совершаемые ими поступки, Цзи Юнь в целом оптимистически смотрит на возможности человеческой природы (на этом строится сам тип «воспитательного» рассказа). Он не считает, что природа человека дурна; о том, что отрицательные качества не являются врожденными или извечно присущими человеку, свидетельствуют рассказы, в которых люди меняются к лучшему. Так, в результате совершенной ошибки, на которую указала ему лиса,

меняется к лучшему персонаж рассказа № 1018 Лю Ни-шань, избивший служанку, заподозренную им в краже браслета его жены. Пожалевшая служанку лиса советует поискать браслет в туалетном ящичке. Браслет оказывается там. С тех пор, «двадцать лет занимая чиновничью должность, Лю Ни-шань ни разу во время допросов по уголовным делам не прибегал к пыткам».

Богач Ло, увидев в пламени пожара лицо обиженного им покойного соседа, «совсем переменился, посвятил себя добрым делам» (№ 209). Человеку свойственно раскаяние, гарантирующее его от повторения прошлых ошибок или проступков (№ 281, 358, 1184).

Иногда возникает конфликт между чувством долга и жалостью (№ 893), нормами поведения и жалостью (№ 696), между почтительностью к старшим и любовью к ребенку (№ 659), между целомудрием и любовью к нуждающемуся в помощи мужу (№ 1108 и 1171), между дружбой и честностью (№ 478), любовью и честностью (№ 1004), и во всех этих случаях побеждает чувство: певичка обманывает богача, чтобы спасти от голода свою семью; женщина соглашается стать наложницей богача, чтобы спасти от голодной смерти мужа; благородный человек обманул друга, чтобы предотвратить непорядочный поступок с его стороны. (И здесь имеет место уже отмечавшаяся ранее диалектика видимости и сущности.)

Есть около 60 рассказов, основной темой которых является проявление людьми каких-нибудь определенных качеств; табл. 4 показывает, как распределяются эти качества: положительные проявляются в 39 случаях, отрицательные — в 20 (баланс скорее оптимистический!).

В этом оптимистическом ощущении того, что зло лишь временное нарушение гармонии и баланса, существующих в хорошо организованном обществе, читателя должно было укрепить и то обстоятельство, что не только хорошие примеры благотворно влияют на людей (так, пример почтительного сына, терпевшего лишения, чтобы перевезти тело покой-

Таблица 4

	Случаи проявления положительных качеств людей		Случаи проявления отрицательных качеств людей
Добродетель	2	Нечестность	5
Почтительность к старшим	6		
Целомудрие	3	Развращенность . .	2
Верность в любви . .	8		
Благодарность . . .	1	Склонность к клевете	1
Раскаяние	4		
Любовь к семье . . .	2		
Верность в дружбе .	2	Ложное понимание дружбы	1
Подлинная ученость	3	Педантизм	3
Доброта	2	Злоба	3
Добросовестное отношение к обязанностям	1	Склонность к взяточничеству	2
Смелость	1		
Ум	1	Глупость	1
Мудрость	2	Склонность к сутяжничеству	1
Незлопамятность . .	1	Склонность к спорам	1
Всего . . .	39	Всего . . .	20

ного отца на родину, благотворно влияет на разбойника[103]— № 897), но даже дурные примеры могут оказать положительное влияние, послужив своего рода предостережением, заставляющим человека задуматься о своем поведении и его последствиях. Так, рассказ старой няньки, которую бросила родня, заставляет услышавшую его женщину стать добрее

[103] Если подойти к этой проблеме утилитарно, то «быть хорошим» выгодно: разбойник щадит почтительного сына (№ 897); глава богатой семьи женит своего сына на служанке, которая спасла их от грабителей (№ 993); людоеды, истребившие семью воров, оставляют в живых невинного мальчика (№ 1129).

к престарелым родственникам (№ 999); мясник, услыхавший рассказ монаха (он был мясником, в наказание за то, что отнимал жизнь у животных, переродился в облике свиньи и был заколот, а потом в награду за страдания переродился в облике монаха), бросает свое ремесло и становится зеленщиком (№ 1123); молодая вдова, услышав о муках ревности, испытываемых душой покойного, жена которого вышла вновь замуж, поклялась не выходить больше замуж (№ 154).

Цзи Юнь идет дальше, показывая, что нет безнадежно испорченных людей: свирепый разбойник нежно любит свою жену (№ 129), людоеды щадят невинного ребенка (№ 1129), проститутка оказывается человеком благородной души (№ 617); душевные качества не зависят от общественного положения человека: простая служанка хранит верность своему жениху, несмотря на попытки хозяина выдать ее замуж за другого (№ 1058); служанка оказывается на редкость смелой девушкой и спасает хозяев от грабителей (№ 993 и 1000).

Такие примеры должны были воздействовать на читателя с еще большей силой, чем рассказы о наградах добродетельных людей и наказаниях дурных.

Мораль, которую проповедует Цзи Юнь,— мораль конфуцианская. Человек должен помнить, что он является членом общества, а обязанности члена общества начинаются прежде всего в ячейке этого общества — семье. Следовательно, надо вести себя как подобает хорошему семьянину, быть почтительным сыном (невесткой), послушной и заботливой женой, проявлять уважение к старшим в семье и обществе, тогда будут соблюдаться «пять человеческих взаимоотношений» и порядок в обществе будет обеспечен. Человек должен заботиться о духах предков, служить им, как служили им при жизни их дети[104], не обращая к ним молитв с просьбами о наградах за службу им.

[104] «Конфуцианское почитание предков не обязательно предполагает веру в жизнь после смерти; оно представляет собой высший знак памяти и чаще всего является моральным обязательством, а не религиозным обрядом» (J. Liu, The Art of Chinese Poetry, Chicago, 1962, стр. 52). Кон-

Конфуцианский взгляд на мир позитивен (в отличие от взглядов даосов). В триаде Небо — Земля — Человек человек находится между Небом и Землей как равный им. Надо быть достойным этого положения и уметь блюсти «середину», разумно относясь к жизни и своему положению. Люди движимы страстями и желаниями. Сами по себе страсти и желания не хороши и не плохи (в этом отличие конфуцианской концепции от буддийской, призывающей к подавлению желаний, отказу от них), надо лишь уметь их регулировать, следить за тем, чтобы они были в гармонии, чтобы желания одного человека не причинили вреда и ущерба другим людям.

Это положение находит место в рассказе № 625, кончающемся следующим заключением Цзи Юня:

«Высокие взгляды были у этой старой женщины. Видно, такую долгую жизнь она прожила благодаря тому, что находилась вне мирской суеты и тщеты, не желала того, чего не могла добыть собственным трудом, и, предаваясь скромной безмятежности, воспитывала в себе ощущение гармонии».

Таким образом, «высокие взгляды», добродетель — это «средний путь», «золотая середина», стабильность, баланс между действием и разумным «недеянием», средний достаток, желания, находящиеся под контролем разума. Недаром в *Чжунъ юне* говорится:

«Установленное Небом зовется природными свойствами, обуздание природных свойств называется Путем; совершенствование Пути именуется Учением... Перед тем как радость, злоба, печаль или счастье находят свое выражение, они находятся в «равновесии»; когда они выражены в должной мере, имя им — гармония. Равновесие является великой основой мира, а гармония — всепроницающим Путем. Если люди достигнут равновесия и гармонии, то на земле и небе бу-

фуцианство вообще не верит в бессмертие. Человеку дана одна жизнь, и продлить ее нельзя. Единственная форма бессмертия для человека — это жизнь в его потомках.

дет порядок и все живое будет процветать» (*Чжунъ юн*, I, 1—5).

Небо наблюдало за гармонией и балансом, существовавшими в обществе, но человек из-за своего невежества или плохого поведения мог послужить причиной серьезных нарушений баланса. Нарушить гармонию мог любой, но только ученый и мудрый мог восстановить ее. Ключ к гармонии — мудрость — лежал в конфуцианских классиках и в традиции, как и в корпусе исторических и других сочинений, содержащих прошлый опыт Китая [105].

В этих произведениях уделялось не столь уж большое внимание этнической теории, абстрактным рассуждениям о добре. Вместо этого выдвигались конкретные фигуры прошлого, выступавшие (в конкретных обстоятельствах, в связи со стоявшими перед ними дилеммами нравственного порядка) в качестве образцов для подражания. Поэтому биографии, жизнеописания имели дидактическую цель (образцы для подражания или, реже, иллюстрации того, чего надо избегать). Как справедливо указывает Дени Твитчет [106], китайская биография — *лечжуань* — прослеживает не жизнь человека, а исполнение им некоей роли, функции. Для конфуцианского писателя — историка или биографа — главное то, как объект биографии выполнял две функции: члена семьи и чиновника. Эти две сферы человеческой активности рассматривались как тесно между собой связанные. Увлечение функцией и карьерой человека не означало отказа от интереса к другим аспектам его жизни, но этими аспектами жизнеописания не занимались. Короткие заметки и анекдоты о личностях можно было найти в дневниках, записных книжках,

---

[105] A. Wright, Values, Roles and Personalities,— «Confucian Personalities», ed. by A. F. Wright, Stanford. 1962. Там же указывается, что сила примера, образцового поведения была основным принципом образования и воспитания в Китае. Первые живые примеры — лучшие ученые-чиновники, которым приписывалось умение переделывать свое окружение, вести людей по пути добродетели.

[106] D. Twitchett, Problems of Chinese Biography,— «Confucian Personalities».

случайных заметках *(бицзи)* и т. д. Те же аспекты жизни человека — выполнение им роли чиновника или члена семьи — интересовали и Цзи Юня, который как истинный конфуцианец считал, что природа человека может быть усовершенствована путем воспитания и образования, путем благотворного влияния хороших примеров на людей. Вот почему он так пристально следит за деталями человеческого поведения, показывая своих персонажей и в семье, и в обществе, и в государственном аппарате, приводя примеры хороших и дурных невесток, злых и добрых свекровей, верных и неверных жен, добросовестных и недобросовестных чиновников, подлинных ученых и шарлатанов.

5

Факт, событие, случай (вымышленный или реальный) интересуют Цзи Юня в той мере, в какой они иллюстрируют поучительную мысль, могут служить материалом для морализующего вывода, для назидания. Поэтому он и выбирает жанр короткого рассказа, не требующего показа переживаний героев, их внутреннего мира. Он генерализует характер своих героев по одной какой-либо страсти, одному качеству (скупость, лицемерие, почтительность к старшим, честность и т. п.). Его персонажи обладают заранее заданным характером, чаще всего фигурируют в отдельном эпизоде, не связанном с их предшествующей жизнью и уж во всяком случае ею не обусловленном.

В отличие от древних авторов рассказов о необычайном, не интересовавшихся поведением разных людей в одной и той же определенной ситуации, ни тем более выявлением их характеров, Цзи Юня занимает именно поведение разных людей в определенной ситуации (повторение одних и тех же ситуаций — это как бы варианты одной и той же темы). Вместе с тем Цзи Юня не интересует подробное раскрытие духовной жизни героя, он редко описывает, как то или иное событие преломилось в душе человека, отразилось на формировании его характера в отличие от своих современников — создателей китайского романа XVIII в. Герои Цзи Юня не

раздумывают, а действуют; психологические причины их поступков (за исключением нравственных соображений) писателя не волнуют. Побочные персонажи рассказа вовлекаются в сферу действий главного героя, а не функционируют самостоятельно.

Интересно, что из рассказа в рассказ как бы накапливаются отдельные черты характера героев, складывающиеся в тип. Получается типический характер, но центр тяжести оказывается в ситуации, в которой этот характер проявляет себя. Этот типический характер часто бывает связан с профессией или образом мышления персонажей (так из рассказа в рассказ обрастает все новыми чертами образ начетчика: в одном рассказе он строг и предельно требователен к своим ученикам, но сам втайне от всех предается разврату; в другом — он участвует в обмане, цель которого — по дешевке купить дом; в новой ситуации он хвастлив и заносчив, или он выступает как трус и лицемер и т. д.).

В итоге создается некий идеальный характер, заданный конфуцианской нормой. Такого нормативного характера Цзи Юнь не воплощает в своих рассказах, но некоторые его герои приближаются к этому идеалу, большинство же дается как отклонение от него. «Должное» всюду невидимо присутствует, и мера индивидуальности персонажей — это мера отклонений и схождений с идеальным характером.

В понятие типического включается и обобщенная характеристика и индивидуальная (связанная именно с данным персонажем). Сходство многих персонажей Цзи Юня приводит к тому, что типическое превалирует, подавляя индивидуальное, акцент делается на моральной стороне человеческого поведения, т. е. на стороне понятийно воспринимаемой, а не на индивидуальной, неповторимой, образной. Отсюда — скупость индивидуальных черт (портрета, деталей), замена их словесными характеристиками, говорящими больше мысли, чем образному представлению. Уже сама проблематика «правильного» и «неправильного» поведения апеллирует к понятийному, а не к чувственному восприятию.

Цзи Юнь не дает описания внешности своих персонажей;

исключение делается для женщин, но и в этом случае перед нами не индивидуализированный портрет, не развернутое описание, а стандартная фраза — «красавица, какой во всем государстве, пожалуй, не было равных» (№ 1039); «женщина, нарумяненная и напудренная, как на картине» (№ 58); «красоты, подобной ее, не бывало на свете» (№ 218) и т. п.

Детали описания обстановки, жилищ персонажей (которые часто являются метафорическим выражением характера и в китайском романе этой поры дополняют характеристику персонажей [107]) у Цзи Юня почти отсутствуют. Такие фразы, как: «Дед мой... был человеком высокой нравственной чистоты. В кабинете его столы и тушечницы были изысканно-строги, книги, картины — все находилось в строгом порядке. Двери он держал на запоре и впускал только близких» (№ 58), свидетельствующие о том, что этот прием характеристики был известен Цзи Юню, очень редки в собрании его рассказов. Кстати, надо отметить, что и здесь это не столько описание жилища персонажа, сколько подготовка к необычайному происшествию: в запертом и недоступном чужим людям кабинете деда сидит красивая женщина, которая оказывается лисой-оборотнем.

К чистым деталям можно отнести лишь подробное описание того, как вела себя женщина, решившая притвориться духом повесившейся, чтобы напугать шедшего за ней ночью мужчину: «Ли-цзе спряталась под большим тополем, росшим у старой могилы, опустила за пазуху свои головные шпильки и серьги, обвязала снятым поясом горло, распустила волосы, высунула язык, выпучила глаза и, уставившись неподвижным взглядом прямо перед собой, стала ждать...» (№ 106); здесь каждая емкая деталь «работает»: тополь рос у могилы, в месте, где скорее всего можно повстречать беса; дух покойницы не может носить шпильки и серьги, их пришлось снять; пояс взялся не откуда-нибудь, а снят с себя женщиной и т. д., все это создает впечатление реальности

[107] О. Л. Фишман, Китайский сатирический роман, стр. 103—106.

«призрака» и объясняет испуг мужчины, сошедшего с ума после этой встречи.

Точные детали в описании одежды и внешности существ, которые были либо иноземцами, либо горными духами, любопытны в этнографическом отношении и в этом смысле приближаются к этнографическим заметкам, встречающимся в сборниках Цзи Юня: «Я увидел человека в одежде фиолетового цвета из тибетского сукна, лицо его, руки и ноги обросли черной шерстью, похожей на побеги травы длиною в цунь. Напротив него сидела очень красивая женщина в монгольской национальной одежде из зеленого сукна, ноги у нее были босые...» (№ 1035).

Пейзаж, описание явлений природы не самоцель у Цзи Юня (редкое исключение составляют пейзажные зарисовки типа заметки № 640, специально посвященной описанию местности), обычно они лишь фактор действия, одна из пружин движения сюжета: «...внезапно потемнело, раздался гром, поднялся ветер, полил дождь» — это изменение погоды заставляет героиню рассказа № 7 спрятаться в полуразрушенном храме, где ее пытается изнасиловать компания молодых шалопаев во главе с ее собственным мужем. Когда же гроза кончилась, «облака рассеялись, вышла ясная луна» — это дает возможность всей деревне увидеть, как муж героини шествует домой без штанов, унесенных порывом ветра в реку...

«...Все заросло кустарником, было темно, запущено, тихо» — эта обстановка пугает забредших на заброшенное подворье начетчиков (№ 14).

В рассказе № 42 на реке стоит туман, мешающий видимости; все здания на берегу скрыты туманом, и становится понятно, что монах, сумевший разглядеть стоявшую на башне девушку, не простой человек, а провидец.

Если луна светит ясно (как в № 90), то это помогает герою разглядеть появившуюся ночью в его комнате женщину; «ущербная луна светила тускло» — и женщине удается выдать себя за духа повесившейся (№ 106).

Даже такая, казалось бы, чисто пейзажная зарисовка,

как в рассказе № 164 («...павильон находится в густом лесу к западу от города, тысячи деревьев тянутся к самому небу, солнца там никогда не увидеть»), тоже служит фактором действия, ибо такое место, как это,— подходящая обстановка для бесов, во множестве там водящихся.

Такую же служебную роль играет и описание местности, увиденной женщиной, которая понесла наказание за развратное поведение: «...она стояла одна среди песчаной пустыни. Вокруг нее были белые травы и желтые облака, и не было видно им ни конца, ни края» (№ 219).

Даже фраза, начинающая рассказ № 220 («Как-то раз я прогуливался вместе с Гао Си-юанем у реки. Была весна, и лед начал таять, обнажая зеленоватый простор вод»), выполняет чисто служебную роль, подготовляя (и психологически мотивируя) реплику, услышав которую начинает спорить бес. Аналогичную роль выполняет пейзаж и в рассказе № 748.

Цзи Юню просто неважны детали, пейзаж, внешность персонажей, отсюда — стандартность в их изображении. И тропы он использует простейшие (эпитеты, сравнения), стремясь не загружать ничем лишним свое повествование, не задерживать стремительное развитие действия. Многие используемые им сравнения трафаретны, широко распространены в китайской литературе: «Разве близость с любимой не похожа на весенний сон?» (№ 13); «женщина... прошла, словно дуновение ветерка, сквозь бумагу...» (№ 90); «лошадь... стояла неподвижно, как глиняное изваяние» (№ 98); «исчезли, как ветер, что исчезает в мгновение ока» (№ 110); «слезы лились по его щекам, как дождь» (№ 154); трава «шелковистая, словно зеленый ковер» (№ 640) и т. д.

Но наряду с такими трафаретными сравнениями в рассказах Цзи Юня встречаются иногда сравнения точные, необычные, неизбитые, в которых Цзи Юнь показывает себя истинным художником: «Радость... мгновенна, как вспышка молнии или искра, высеченная из камня» (№ 13); «волосы были спутаны, словно птичьи перья», «кожа белая, как яичная скорлупа» (№ 74); «те, кто никогда не совершал добра и не творил зла... гибнут, как роса или пузырьки воды, что

на мгновение появляются и тотчас исчезают, как полевые цветы и дикие травы, что сами расцветают и сами увядают» (№ 206); «хвост, похожий на олений рог или ветку кораллов», «затвердение, напоминавшее виноградную гроздь или гриб» (№ 417); «воздух был знойный, застоявшийся, словно сидишь в котле для варки пищи» (№ 765); «...одежда поддается под рукой, как вялая трава, тело рыхлое, словно стебли ненюфаров... все снова сравнивалось, как на воде, из которой вытянули бамбуковую вершу» (№ 1174). (Стоит отметить что большинство сравнений черпает материал из природы, а не быта.)

Наличие таких сравнений, как и упоминавшихся ранее случаев использования емких деталей, превосходных пейзажных зарисовок, свидетельствует о том, что отказ Цзи Юня от использования психологической и портретной характеристики героев был принципиальным отбором средств изображения, связанным как с жанром его произведений, так — и это главное — с их дидактической установкой, рассчитанной на воспитательное воздействие сюжета с его назидательным подтекстом, а не на изобразительность.

Отсюда — прямолинейность и лаконизм характеристик персонажей, дающих основное в характере человека, то, что иллюстрируется рассказом о нем.

Развертывающееся в рассказе № 7 повествование о Люйсы подтверждает справедливость авторской характеристики этого персонажа: «Человек без стыда и совести, способный на любые подлости, местные жители боялись его, как дикого зверя».

В рассказе № 31 фигурирует «мирской ученый, человек недалекий, рассуждавший вульгарно и пошло»; находясь в гостях среди людей, собравшихся полюбоваться на цветы, он все время ораторствовал, «что называется, не закрывая рта, и надоел всем невыносимо». Оказавшись в необычной ситуации (его околдовал даос, и ему кажется, что он у себя дома разговаривает со своей женой и наложницей), он оправдывает свою характеристику, проявляя все качества слабохарактерного человека, запутавшегося в бабьих дрязгах.

Герой рассказа № 68, старый конфуцианский начетчик Хань-шэн, «был человеком твердого и прямого характера, во всех своих поступках руководствовавшийся правилами образцового поведения». Эта характеристика оказывается верной и в необычной ситуации: когда больному Хань-шэну приснилось, что за ним прислали из Царства мертвых, где его спутали с его однофамильцем, Хань-шэн возмущается непорядком и ошибкой, вызванной тем, что дело поручили «бестолковому бесу». Дух, проверяющий списки, с улыбкой говорит Хань-шэну: «Говорили, что ты человек несговорчивый, видно, так оно и есть!».

Ван Плешивый (№ 161) по характеру был человек «злой и хитрый, вечно хулиганил, дети, завидев его, пускались наутек, даже собакам и курам не было от него покоя». Пьяный, он бесстрашно вступает в драку с толпой бесов, но терпит поражение.

В рассказе № 170 фигурируют два брата: «Цянь-цзюй по характеру своему был человеком мягким, кротким, а Цанлин — прямым и резким. Но жизненные принципы были у них одинаково твердыми». Эта посылка подтверждается отрицательным отношением обоих братьев к намерению духа женщины, которая повесилась из-за жестокого обращения с ней свекрови, отомстить свекрови путем тяжбы (что противоречит нормам сыновней почтительности).

Рассказ № 404 о человеке, который хотел, подобно Сун Дин-бо, продать духа, подтверждает его характеристику: «Человек смелый, но глупый».

Характеристика женщины из Хэцзяни (№ 288) включает в себя и описание ее поведения: «В Хэцзяни жила женщина очень развратная и очень уродливая. Накрасившись и принарядившись, она целыми днями простаивала у ворот, не стыдясь людей».

В рассказе № 429 фигурирует историограф Лю Го-ши, «человек широких помыслов, душевным складом своим напоминавший того, кто жил в пору Цзинь (т. е. Тао Цяня.— *О. Ф.*); водил он дружбу с людьми не от мира сего, такими, как Отшельник с горы Ишань и Житель горы Ляншань...»

Это упоминание о друзьях Лю Го-ши (реальных лицах — известных поэтах и ученых XVII в.) не случайно: оно способствует углублению краткой его характеристики, так же как характеристику бесстыдного Люй-сы (№ 7) дополняет упоминание о том, что его приятелями были «такие же негодяи, как он сам». Рассказывая о скромном образе жизни Лю Го-ши, который питался лишь той скудной пищей, что ему приносили его ученики, Цзи Юнь пишет: «Он ел немного сушеных овощей, а короб для вареного риса часто бывал пустым, но он не горевал» (эта фраза очень напоминает соответствующее место из «Жизни ученого «Пяти ив»» Тао Юань-мина: «В корзинке, в тыквине бывало пустовато, но он был равнодушен и не тужил»). И в исключительных обстоятельствах Лю Го-ши остается верен своим принципам: когда, восхищенная его «манерами и просвещенностью», лиса хочет помочь ему, пополняя его запасы риса, Лю Го-ши отказывается от ее помощи, так как он не знает, откуда она берет рис, и не хочет «пить из уворованного источника».

Следует отметить, что такой подробный (близкий к психологическому) портрет — явление редкое в сборниках рассказов Цзи Юня.

Поведение персонажа рассказа № 945 подтверждает характеристику, которую дает ему Цзи Юнь в начале повествования («...заносчивый студент, человек строптивый и сумасбродный, поносивший и древность, и наши дни и так высоко ценивший себя, что, если находился кто-нибудь, кто указывал хотя бы на одно неверное слово в его стихах или сочинениях, он начинал негодовать до глубины души и готов был лезть в драку»).

Цензор Ху Му-тин, говорит Цзи Юнь, «был человеком выдающимся, обладающим огромной эрудицией, но не от мира сего. Он ничего не понимал в житейских делах, как говорится, не знал, сколько ног у лошади. Слуги водили его за нос, как младенца». В рассказе (№ 1184) приводятся эпизоды, подтверждающие эту характеристику Ху Му-тина; смерть его в бедности является логическим завершением его жизненного пути.

Интересны те случаи, когда характеристика двойственна, как в рассказе № 93: «У моего покойного отца... был слуга, который внешне был сама почтительность и услужливость, а в душе думал лишь о своей выгоде... Жена этого слуги тоже, казалось, совсем не думала о себе, ни на что дурное не была способна, а на самом деле имела любовника и давно уже хотела бежать с ним из дома...». Лицемерное поведение персонажей вступает в противоречие с их истинной сущностью; это происходит в тех случаях, когда Цзи Юнь показывает, что человек не всегда соответствует представлению окружающих о нем; персонаж из рассказа № 3 — «человек честный, твердого характера и не из робких» — оказывается тщеславным начетчиком, чья голова набита заученными наизусть цитатами из конфуцианского канона и экзаменационными эссе[108] (см. также № 2 и 181, уже упоминавшиеся).

Бывают случаи, когда характеристика персонажа принадлежит не Цзи Юню, а другим персонажам (так, в № 10 писец в Царстве мертвых говорит о деревенской старухе: «...за всю свою жизнь она никому не причиняла вреда ради личной выгоды»; в том же рассказе Владыка Царства мертвых говорит чиновнику: «Всю свою жизнь ты думал только о собственной шкуре»).

Есть рассказы, в которых персонаж обрисован не словесной характеристикой, а только его поступками (в № 9 фигурирует чиновник, который хотел бы обелить человека, несправедливо обвиненного в преступлении, но боится начальства; в № 114 излагается история Го-лю, которая торговала собой, чтобы прокормить родителей мужа, а потом покончила с собой, чтобы не позорить имя вернувшегося мужа).

Как правило, Цзи Юнь со скрупулезной точностью указывает время действия своих рассказов, но время это «внеисторическое», ни событие, ни персонажи не наделяются примета-

[108] Строго говоря, противоречия между честностью и смелостью, с одной стороны, и тщеславием человека — с другой, может и не быть, но для Цзи Юня положительный в одном отношении человек должен быть положительным во всем своем поведении; тщеславие и педантизм начетчика — это уже отклонение, противоречащее заданной характеристике персонажа.

ми времени[109]; местный колорит также, как правило, отсутствует, хотя место действия почти всегда указано (чаще всего это провинция Хэбэй, действие многих рассказов переносится также в Урумчи, где Цзи Юнь подолгу жил).

По прочтении рассказов Цзи Юня создается то же впечатление двуплановой конструкции, какое отмечал акад. Я. Прушек для произведений жанра *хуабэнь*: сочетание индивидуального, исторически уникального и типического, повторяющегося; но если в *хуабэнь* это впечатление создается за счет того, что «документальность» сведений о герое, привязанность персонажа к определенному времени и месту действия сочетаются с лирическими вставками — стихами, носящими общий характер и «поднимающими реальность в метафизический, вечный и поэтический план»[110], то в большинстве рассказов Цзи Юня, где даются варианты повторяющихся типов человеческого поведения, общее (концепция мира и места в нем человека) сталкивается с частным (конкретным персонажем, отличающимся от другого не столько поведением, сколько социальным положением, местом и временем действия — конкретными деталями).

Язык рассказов Цзи Юня лаконичный, точный и простой. Диалог скуден, и речь персонажей индивидуально не окрашена и не служит средством характеристики персонажей. Думается, что отсутствие характеристик персонажей через диалог, как и отсутствие психологических характеристик, не

---

[109] Любопытно использование «художественного времени» в рассказе № 542, где человек видит, как ночью у могилы разговаривают двое: *юноша* «лет шестнадцати-семнадцати, изящный и красивый, и женщина лет семидесяти-восьмидесяти, со свисающими до шеи седыми космами, скрюченная, опирающаяся на палку. Прижавшись друг к другу, они смеялись и болтали, видимо бесконечно радуясь встрече». Удивленный прохожий узнает, что в этой могиле похоронены безвременно умерший *юноша* и его вдова, которая оставалась ему верна до самой смерти... Представляется, что и этот рассказ свидетельствует о том, что Цзи Юнь сознательно ограничивал себя как художник, избирая определенный художественный метод изображения действительности.

[110] Y. Průšek, The Realistic and Lyric Elements in the Chinese Mediaeval Story,— «Archiv Orientální», 1964, vol. 32, № 1.

только связано со спецификой избранного Цзи Юнем жанра короткого рассказа, но — и это главное — является принципиальной установкой писателя-рационалиста, возражавшего против изображения писателем того, что «посторонний человек... не может знать» (№ 1193); восхищавшегося авторами древних рассказов — Тао Юань-мином, Лю Цзин-шу, Лю И-цином — за то, что они «были немногословны, их стиль был прост и чист, естествен и возвышен»; стремившегося подражать им: «...моя цель — не отличаться от них по стилю и по духу» (предисловие автора к четвертому сборнику).

В этой связи большой интерес представляет высказывание Шэн Ши-яня, ученика Цзи Юня, в его послесловии к сборнику «Не принимайте всерьез»:

«Когда-то я сказал, что хотя книги учителя и относятся к категории *сяошо*, но смысл их заключается в «похвалах и порицаниях», там нет ни одного неклассического слова, и это знают все. Что же до установления [нравственных] принципов, проникновения в тонкости, использования мыслей древних, то все это имеется в полной мере, свидетельствуя о его учености...

Чем отличаются книги учителя от *сяошо*? Он обязательно использует мысли классиков, и основная идея его пряма; обязательно сообразуется с материалами истории, и принцип его ясен; обязательно черпает у философов, и форма его произведений исчерпывает все возможности.

Когда искусный мастер строит здание, он подгоняет все детали одну к одной. Поэтому человек, не понимающий принцип писания книг, хотя бы он и комментировал классиков и оценивал труды историков, не способен создать свое; понимающий же этот принцип, будь он хотя чиновником, собирающим для государя слухи, и то сумеет создать стройное произведение.

Как-то учитель сказал:

— «Странные истории Ляо Чжая» весьма популярны, но, хотя они и вышли из-под кисти талантливого человека, написаны они не так, как должен писать серьезный ученый. Большинство древних рассказов до Гань Бао утеряно; те, что ос-

тались, делятся на две категории: одна — *сяошо* типа «Сада необычного» Лю Цзин-шу и «Продолжения записок о поисках духов» Тяо Цяня, другая — *чуаньци* [повествования о жизни] типа «Частной жизни Порхающей ласточки» и «Истории Ин-ин». *Тай-пин гуанцзи* — коллекция, содержащая разные типы повествований, поэтому она и может включать в себя обе эти категории. В наши же дни необычно находить обе формы в одном произведении. Рассказы, излагающие то, что видел или слышал человек, должны быть чистым повествованием о происходящем, а не вымыслом, как пьесы, что ставятся на сцене...

[Пу Сун-лин] дает живую картину мельчайших деталей, вплоть до любовных жестов и тайн, которые любовники поверяют друг другу на ухо. Нелепо было бы предположить, что автор сам все это испытал; если же он описывает то, что происходит с другими, так откуда же все это ему известно? Это трудно поддается объяснению...» [111].

Таким образом, Цзи Юнь критикует Пу Сун-лина за то, что тот смешивает подробные описания, характерные для танских новелл *(чуаньци)*, со сжатым, точным стилем рассказов периода Шести династий, создавая нечто не являющееся биографией, но включающее в себя присущие этому жанру описания личной жизни. В «Странных историях» Пу Сун-лина имеются сравнительно длинные новеллы, копирующие танские *чуаньци*, есть и рассказы, похожие на *чжигуай сяошо* периода Шести династий, т. е. в сборнике рассказов одного и того же автора сочетаются литературные формы, характерные для двух совершенно различных литературных направлений и эпох. Описания Пу Сун-лина страдают чрезмерной

[111] Послесловие Шэн Ши-яня датировано 11-м месяцем 1793 г. (Цзи Юнь, Заметки из хижины Великое в малом, т. 3, стр. 157—158).

Интересно, что Г. А. Гуковский по поводу «психологической точки зрения автора» на своих героев пишет: в XVIII в., «при первых преддверия будущего реализма, перед литературой встал вопрос — откуда автор знает мысли и чувства своих героев». Эта проблема возникла как проблема «достоверности знаний автора о своих героях и проблема точки зрения автора на своих героев» (Г. Гуковский, Реализм Гоголя, М.—Л., 1959, стр. 202).

детализацией и, следовательно, являются плодом авторского воображения (талант писателя противопоставляется добросовестности ученого!).

К установкам Цзи Юня вполне приложимы наблюдения, сделанные Ю. Л. Кролем над «двухголосицей» в «Исторических записках» Сыма Цяня, обусловленной установкой Сыма Цяня на предание и желанием «высказаться по поводу изложенного материала»; у Цзи Юня тоже имеет место эта «установка на предание» — изложение событий прошлого простым и сдержанным языком — и подбор материала с одной определенной точки зрения, объединение материала «авторским намерением — проиллюстрировать определенную схему поведения, названную или охарактеризованную личным голосом» [112]. Этот «личный голос» Цзи Юня, появляющийся в концовках его рассказов (как и голос Сыма Цяня, дающего свою оценку событиям и людям), эмоционален, в то время как в корпусе рассказов позиция автора — стороннего наблюдателя, пищущего о своих героях как «третье лицо», не имеющее доступа в их внутренний мир, в их мысли,— не допускает эмоциональности и «преувеличения действительного».

Эта «установочность» произведений Цзи Юня, видимо, объясняет невозможность проследить эволюцию самого Цзи Юня от сборника к сборнику, неизменность его манеры изложения, подхода к материалу и тематике.

В ряде рассказов Цзи Юня дается по два (или даже больше) эпизода с разными действующими лицами (часто излагаемых разными рассказчиками) на одну и ту же тему или подкрепляющих один и тот же тезис, подтверждающий один вывод, иллюстрирующих одно положение.

Так, в рассказе № 35 два эпизода подтверждают, что все на свете предопределено, в № 682 два эпизода показывают, что человек не может уйти от уготованной ему судьбы. В рассказе № 49 два эпизода и в № 968 четыре эпизода показывают, как карается жестокость. В рассказе № 199 приводится

[112] Ю. Л. Кроль, Сыма Цянь — историк, М., 1970, стр. 48—51.

серия эпизодов, повествующих о наказании неверных жен; в № 730 — два эпизода, которые должны служить предостережением для повес. В рассказе № 377 даны три эпизода, в которых сверхъестественные силы карают сутяг и доносчиков; в рассказе № 417 — три эпизода, подтверждающих тезис о том, что надо хорошенько взвешивать последствия своих поступков или намечаемых действий; в № 974 — четыре эпизода, повествующих о любителях спорить; в № 1156 — три эпизода, рассказывающих о людях, которые не боятся бесов. В рассказе № 1184 первый эпизод повествует о слуге, который после смерти своего хозяина публично каялся в том, что вместе с другими слугами грабил и обманывал хозяина; во втором эпизоде этого рассказа фигурирует лиса-оборотень, доведшая до могилы любившего ее человека; она отвергает ухаживания юноши, потому что дала клятву духам, «что такое больше не повторится». Рассказ заканчивается фразой Цзи Юня, связывающей вместе оба эти эпизода: «Не был ли похож на эту лису тот слуга?»

Примечательно, что во второй части рассказа № 1128 Цзи Юнь приводит эпизод из «Юянских заметок о всякой всячине» Дуань Чэн-ши, сюжет которого аналогичен первой части этого рассказа, и заканчивает весь рассказ следующей фразой: «Вот и еще одно доказательство».

Наличие рассказов, в которых дается несколько однородных примеров, типизирующих явление и подчеркивающих обязательность нравственного урока, извлекаемого из них, рассматривается мной в том же плане, что и очень многие рассказы Цзи Юня, написанные на одну и ту же тему. В самом деле, расположение материала по указателю сюжетов показывает, что около 100 рассказов иллюстрируют тезис о том, что сверхъестественные силы положительно относятся к хорошему человеку, более 200 рассказов свидетельствуют об отрицательном отношении сверхъестественных сил к дурным людям. В 16 рассказах нечисть «не трогает» хороших людей, а в 53 — люди побеждают нечисть благодаря своим положительным качествам (главным из которых является смелость — 16 рассказов); уже упоминалось, что 121 рассказ иллюстри-

рует положение о том, что нечисть ведет себя как люди; этих цифр достаточно для того, чтобы можно было утверждать, что повторяемость сюжетов в сборниках Цзи Юня — явление не случайное, а возведенное в некий принцип [113]. Создается впечатление, что, повторяя сюжеты и мотивы, Цзи Юнь как бы подготовляет цепь доказательств, «работающих» на одну и ту же идею — общественные нравы плохи, обязанность просвещенных и по-настоящему нравственных людей исправлять их, служа образцом для других.

И Цзи Юнь подбирает все новые и новые примеры, все новые и новые звенья в своей цепи доказательств того, что быть нравственным лучше, чем быть безнравственным; духи знают все, что делают люди, и фразами, показным благочестием от них не укроешься; о характере человека говорят его поступки, а не речи; дело не в месте, которое занимает человек в обществе, а в поведении человека.

Интересен в этом смысле рассказ № 786, где фигурирует начетчик, не веривший в существование духов; его уговорили провести ночь на заброшенной могиле, но он не увидел там нечисти и после этого совсем уверовал в свою правоту. Цзи Юнь же доказывает неправомочность вывода начетчика, ибо этот вывод основан лишь на единичном опыте. «Пройдя ты-

[113] В структуре дидактических рассказов Цзи Юня о сверхъестественном (А, а, α) есть известное сходство со структурой волшебной сказки. Сходство это заключается в том, что (пользуясь терминологией В. Я. Проппа и его выводами, сформулированными в «Морфологии сказки») сверхъестественные персонажи рассказов Цзи Юня (как и персонажи волшебной сказки) по ходу действия разных рассказов выполняют одно и то же. Функции их являются «постоянными величинами», сами же персонажи, мотивировка их действий, способы осуществления функций — «величины переменные». Так, и Небо, и судья Царства мертвых, и духи мертвых, и бесы, и лисы могут карать злого и награждать доброго; бесы действуют иначе, чем Небо, лисы — иначе, чем судья Царства мертвых, но функции у них одни и те же: награждение, наказание, предостережение, разоблачение и т. п. Вывод В. Я. Проппа о том, что, поскольку функций мало, а персонажей много, этим объясняется и «поразительное многообразие» и «не менее поразительное однообразие» сказок, их повторяемость (В. Я. Пропп, Морфология сказки, изд. 2, М., 1969, стр. 24), вполне приложим и к структуре сборников Цзи Юня.

сячу ли с поклажей и не встретив на дороге грабителей, вы не станете утверждать, что на дорогах нет грабителей. Проведя весь день на охоте и не встретив зверей, вы не станете утверждать, что в лесах не водятся звери. Если в одном месте не было бесов, делать из этого вывод, что в Поднебесной нет бесов, так же неверно, как утверждать, что бесов вообще никогда не было, на том основании, что не видел их в эту ночь».

Из логической структуры этого высказывания видно, что Цзи Юнь апеллирует к множественности точек времени и пространства. Последняя фраза цитаты может быть расшифрована так: если явление не зафиксировано в данном месте, это не значит, что оно не может быть зафиксировано в других точках пространства; если явление не зафиксировано в определенный момент, это не значит, что оно не может быть зафиксировано в прочие моменты времени.

Часто встречаются случаи, когда кардинально важные положения высказываются в негативной форме; то же мы видим и здесь: для доказательства несуществования нечисти герою рассказа нужно было бы зафиксировать множество (в пределе — все) точек пространства и времени, в которых, по слухам, водится нечисть, и показать, что ее там нет. И наоборот, для доказательства какого-то позитивного положения недостаточно зафиксировать, что где-то и когда-то это явление было замечено (таким образом, Цзи Юнь со своих рационалистических позиций призывает к тому, что позже получило название «полноты индукции»).

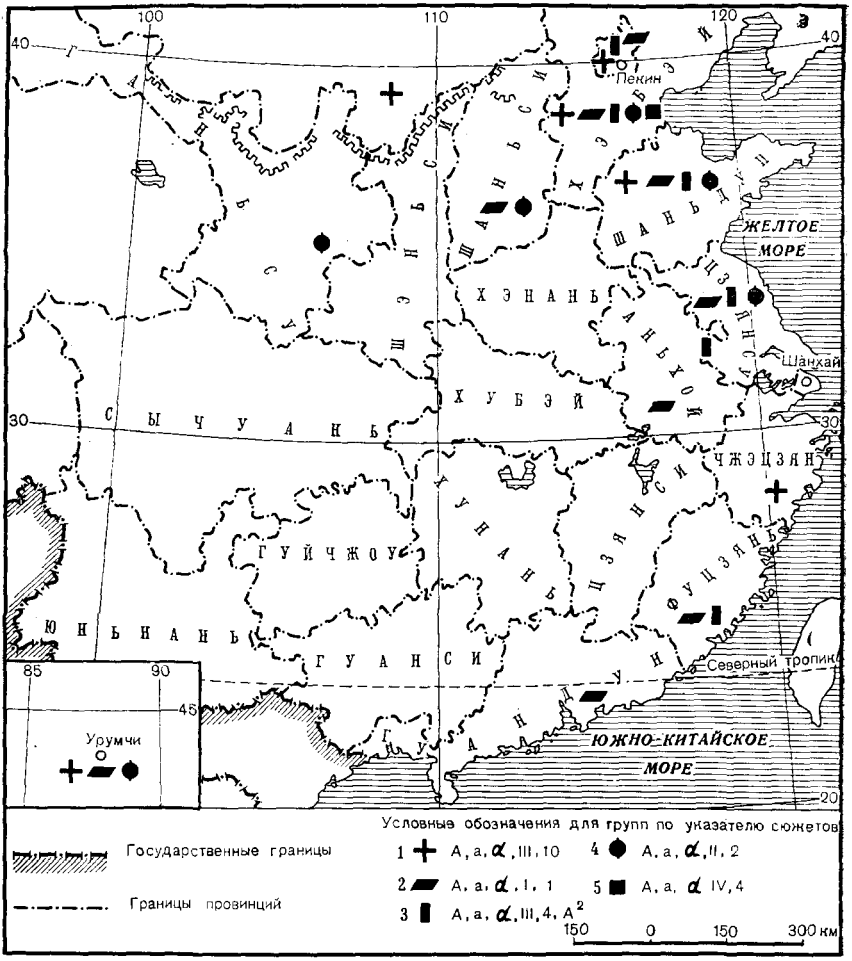
Эта теория реализована в рассказах Цзи Юня: место и время действия (или упоминание имени рассказчика, связанного с определенным хронологическим отрезком) служат не только доказательством достоверности повествуемого, но и показывают, что описываемые случаи происходят в разных местах и в разные исторические периоды, что и подтверждает их неслучайность, независимость от места и времени, абсолютность закона.

Для проверки были взяты пять контрольных групп по указателю сюжетов; результаты показаны на прилагаемых табл. 5 и 6 и карте, иллюстрирующей табл. 6.

Таким образом, Цзи Юнь как бы доказывает, что, если нечисть карает развратника (А, а, α, III, 4, А²), это явление не случайное, а проверенное веками: это было и в середине XVII, и в первой трети XVIII, и в середине XVIII в., и при жизни автора рассказов. Естественно при этом, что наибольшее число рассказов относится ко времени, когда жил Цзи Юнь, в противном случае читатель мог бы предположить, что речь идет о явлениях отмирающих. Хронология строится как опрокинутая пирамида: наибольшее число случаев относится ко второй половине XVIII в., наименьшее — к древности. Рассказы о событиях, происходивших при жизни автора, имеют чисто дидактические функции, случаи же из прошлого служат доказательством, как бы фундируют эту дидактику.

Точно так же Цзи Юнь доказывает, что смелые, умные, честные люди всегда и всюду побеждали нечисть (А, а, α, III, 10) и происходило это не только в хорошо знакомой ему провинции Хэбэй (девять рассказов этой группы), но и в Цзянсу, Шаньдуне, Шаньси и даже в Синьцзяне и в Монголии.

Характерно при этом, что бóльшая часть рассказов локализуется вокруг тех районов, где подолгу жил Цзи Юнь (Сяньсянь и другие районы южной части провинции Хэбэй, Пекин, Урумчи), о чем знали многие его читатели. Хронологически большинство рассказов также приурочено к тому времени, когда жил Цзи Юнь (или его родственники и друзья). Введение в качестве рассказчиков реальных и хорошо известных читателю людей делает мораль рассказа как бы вдвойне фундированной: с одной стороны, это факты достоверные, так как есть живые и авторитетные свидетели, с другой стороны, это факты абсолютные (что подкрепляется «опрокинутой пирамидой»). Количество рассказов, действие которых отнесено к древним временам (или к другим районам), весьма невелико, так что может показаться, что появление их случайность, но контрольный материал и не должен быть многочисленным (ибо обилие его делает доказательство тяжеловесным и однообразным).

Территориальное распространение сюжетов

Таблица 5

Время действия	Группа по указателю сюжетов				
	A, a, γ, III, 10	A, a, α, I, 1	A, a, α, III, $\frac{4}{A^2}$	A, a, α, II, 2	A, a, α, $\frac{IV}{4}$
Вторая половина XVIII в.	22 (39,6%)	3 (37,5%)	7 (53,9%)	4 (25%)	2 (22,2%)
Середина XVIII в.	2 (3,6%)	1 (12,5%)	1 (7,7%)	—	—
Первая треть XVIII в.	17 (30,6%)	2 (25%)	4 (30,8%)	—	1 (11,1%)
Середина XVII в.	1 (1,8%)	—	1 (7,7%)	1 (6,25%)	—
IX в.	1 (1,8%)	—	—	—	—
VIII в.	1 (1,8%)	—	—	—	—
Дата не установлена	11 (19,8%)	2 (25%)	—	11 (68,75%)	6 (66,6%)

Таблица 6

Место действия	Группа по указателю сюжетов				
	A, a, α, III, 10	A, a, α, I, 1	A, a, α, III, $\frac{4}{A^2}$	A, a, α, II, 2	A, a, α, $\frac{IV}{4}$
Пекин	4 (7,2%)	1 (12,5%)	1 (7,7%)	—	—
Провинция Шаньси . .	1 (1,8%)	—	—	1 (6,25%)	—
Провинция Хэбэй . . .	9 (16,3%)	2 (25%)	4 (30,8%)	1 (6,25%)	3 (33,3%)
Провинция Шаньдун . .	2 (3,6%)	1 (12,5%)	1 (7,7%)	1 (6,25%)	—
Провинция Цзянсу . .	3 (5,4%)	—	—	1 (6,25%)	1 (11,1%)
Между провинциями Цзянсу и Аньхой . .	—	—	—	1 (6,25%)	—
Провинция Аньхой . .	1 (1,8%)	—	—	—	—
Провинция Чжэцзян . .	1 (1,8%)	—	—	—	—
Провинция Фуцзянь . .	1 (1,8%)	—	—	1 (6,25%)	—
Провинция Гуандун . .	—	1 (12,5%)	—	—	—
Между провинциями Ганьсу и Шэньси . .	—	—	1 (7,7%)	—	—
Монголия	1 (1,8%)	—	—	—	—
г. Урумчи	1 (1,8%)	1 (12,5%)	—	1 (6,25%)	—
Место не указано . . .	31 (56,3%)	2 (25%)	6 (46,2%)	9 (56,25%)	5 (55,5%)

Сходные результаты получаются при фронтальной проверке первых 100 рассказов из первого сборника. Результаты проверки см. в таблицах пространственного (табл. 7) и временно́го (табл. 8) распространения сюжетов.

Таблица 7

Место не указано	Хэбэй	Пекин	Урумчи	Шаньси	Шаньдун	Чжэцзян	Фуцзянь	Цзянсу	Цзянси	Хэнань	Жэхэ
26	40	14	6	3	2	2	2	2	1	1	1

Таблица 8

Время не указано	Вторая половина XVIII в.	Середина XVIII в.	Первая треть XVIII в.	XVII в.	До IX в.
25	33	22	10	9	1

В системе аргументации Цзи Юня, считающего надежным лишь тот вывод, который подкреплен рядом доказательств, отчетливо ощутимо влияние его друга философа-просветителя Дай Чжэня (1724—1777) [114]. Школа Дай Чжэня подвергла суду разума классические тексты, отбросив окружающие их леса, которые на протяжении веков воздвигали все новые и новые комментаторы конфуцианских классиков.

«Кульминационный пункт конфуцианского канона,— писал Дай Чжэнь,— это *Дао* (Истина); оно выражено фразами; фразы состоят из слов; значит, сначала надо понять слова; поняв слова, мы узнаем смысл фраз; поняв фразы, мы по-

[114] О философских взглядах Дай Чжэня см.: Хоу Вай-лу, История идеологии раннего Просвещения в Китае *(Чжунго цзаоци цимэн сысян ши)*, Пекин, 1956, стр. 430—464; Чжоу Фу-чэн, Дай Чжэнь — китайский философ-материалист XVIII в. *(Дай Чжэнь ши ба шицзи чжунго вэйучжуи чжэсюэцзя)*, Ухань, 1957; Chang, Carsun, The Development of Neo-confucian Thought, vol. II, New York, 1962, стр. 337—358; M. Freeman, The Philosophy of Tai Tung-yu'an,— «Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society», New Series, vol. LXIV, 1933; Я. Б. Радуль-Затуловский, Дай Чжэнь — выдающийся китайский просветитель.

стигаем *Дао.* Такова последовательность»[115]. В поисках верного понимания «слов» Дай Чжэнь искал «достоверных доказательств», для этого он использовал филологическую технику исследования; он не считал, что древнее происхождение той или иной концепции является доказательством ее авторитетности; обоснованным он считал лишь такое толкование слова или фразы, какое находило подтверждение в целом ряде случаев, в ряде текстов эпохи. Если интерпретация слова или фразы не основывается на таких доказательствах — она спекулятивна. Одно изолированное доказательство не давало, по мнению Дай Чжэня, точной научной интерпретации. То, чему нет противоположных доказательств, можно считать временной гипотезой, которую следует постепенно подкреплять новыми доказательствами. Но гипотезу Дай Чжэнь не признавал за окончательный результат научного исследования. Идея, которая в начале исследования может быть верна на 10%, нуждается в проверке до достижения полной уверенности в ее правильности[116]. В письме к Яо Наю Дай Чжэнь говорит, что услышанное от кого-нибудь одного, или единичное, выбранное из ряда доказательство, основанное на случайности, или выведенное из ничем не подкрепленных слов, не является достоверным. Путь ученого труден потому, что он должен обладать обширными знаниями, способностью суждения и точностью методов исследования[117].

В письме к Чжи Юн-му Дай Чжэнь говорит: «Не давай другим ввести себя в заблуждение и не дай ввести себя в заблуждение своим собственным предубеждениям». Ученый должен быть свободен от зависимости перед научными авторитетами и от предвзятости заранее сделанных умозаключений[118].

Цзи Юнь разделял убежденность Дай Чжэня в том, что

---

[115] Дай Чжэнь, Письмо к Ши Чжун-мину об учении,— «Собрание сочинений Дай Чжэня» *(Дай Дун-юань цзи), цз.* 9,— «Сыбу бэйяо», т. 250, стр. 60.

[116] См.: Liang Ch'i-ch'ao, Intellectual Trends, стр. 57.

[117] Там же, стр. 61.

[118] Там же.

интерпретация слова, явления, учения должна основываться на повторяемости явлений или на ряде доказательств, изолированное же доказательство не может служить основой для выведения общего закона.

Вместе с Дай Чжэнем он пропагандировал критическое и рациональное изучение конфуцианского канона [119], основанное на «подтверждающих доказательствах»,— школа *као-чжэн-сюэ* [120]. Связь метода Цзи Юня с методами исследования этой школы помогает ответить на вопросы о том, почему Цзи Юнь в конце XVIII в. возрождает форму древних рассказов о необычайном (потому что эта форма помогает ему сделать рассказ интересным, запоминающимся, позволяет приводить эпизоды и случаи, поддающиеся морализующей интерпретации), почему он повторяет темы, мотивы, выводы (это как бы отдельные звенья в его «цепи доказательств»), почему он критикует стиль Пу Сун-лина (потому что стиль этот эклектичен, а метод не «научен»; потому что рассказы его не удовлетворяют тем требованиям, которые Цзи Юнь предъявлял к *сяошо,*— нести морализующую нагрузку, расширять знания, служить справочным материалом) [121].

Рационализм Цзи Юня проявляется и в том, что он находит естественные объяснения некоторым странным явлениям (это отмечалось в связи с жанром «заметок и рассуждений»), сверхъестественные персонажи его рассказов тоже рассу-

[119] В этом отношении интересен рассказ № 124, в котором фигурирует учитель, обучающий лис конфуцианскому канону, минуя комментарии к нему, ибо смысл конфуцианских классиков и так ясен; примечательна и заметка № 119 об отношении к книгам древних: читать только их — вредно для дела, не читать их совсем — вредно для образования (это напоминает высказывания ранних просветителей Гу Янь-у, Янь Юаня, Ли Гуна — см.: О. Л. Фишман, Китайский сатирический роман, стр. 28, 32, 34).

[120] Chang Carsun, The Development of Neo-confucian Thought, vol. II. стр. 337—340; Liang Ch'i-ch'ao, Intellectual Trends, pt II

[121] Именно этими критериями Цзи Юнь руководствовался при включении некоторых сборников *сяошо* в «Полный свод четырех сокровищниц». См.: Levy, [рец. на]: Maeno Naoaki, Min shin no shōsetsuron ni okeru futatsu no kyokuten: Kin Seitan to Ki Yun,— «Nihon Chūgoku gakkai ho», 10, стр. 7—25,— «Revue bibliographique de Sinologie», № 4, Année 1958, Paris, 1964, стр. 344—345.

ждают с позиций здравого смысла. Так, например, лиса (№ 868) доказывает людям, что «только своей породы и надо опасаться», поэтому она опасается только лис: «Люди, живущие в разных районах, не ссорятся из-за земли. Люди, живущие на реках, не спорят из-за проезжих дорог с владельцами телег и лошадей. Они принадлежат к разным категориям. Отец и сын спорят между собой из-за имущества; жена и муж ссорятся из-за любви; сослуживцы соперничают из-за власти. По положению они близки друг к другу и причиняют взаимный вред...»

Создаваемая Цзи Юнем модель мира организована рационально, в ней все настолько нормализовано, что людям не пришлось бы сетовать на нечисть, соблюдай она правила поведения и нормы общежития.

Цзи Юнь, видимо, не уделял специального внимания расположению материала внутри сборников; нравоучительный, сюжетно-организованный материал соседствует и с чисто развлекательными рассказами (указатель сюжетов: Б, а, α, Х), и с заметками научного или этнографического характера, и с рассуждениями публицистического порядка. Может быть, наоборот, это осознанный прием — стремление избежать однообразия. Отдельные рассказы и заметки совершенно самостоятельны, кажется, что между ними вообще отсутствует какая бы то ни было связь. Но связь эта имеется: есть группы рассказов на одну тему, есть группы, иллюстрирующие одну и ту же морализующую мысль, есть и группы, объединяемые рассказчиками.

Из 1044 произведений повествовательных жанров 546 имеют рассказчиков: 251 рассказчик рассказывает по одному разу, 56 — по два, 27 — по три, 8 — по четыре, 4 — по пять, 2 — по шесть, 1 — семь (наставник Цзи Юня — Ли Ю-дань), 1 — восемь (ученый Цянь Бо-янь), 1 — девять (друг Цзи Юня ученый Дунь Цюй-цзян), 1 — четырнадцать (отец Цзи Юня).

Всего рассказчиков 352. По их близости к Цзи Юню и по их социальной принадлежности рассказчиков можно отнести к следующим группам (табл. 9):

Таблица 9

	Ученые, литераторы, чиновники	Врачи	Торговцы	Арендаторы	Монахи	Гадатели	Музыканты	Слуги	Простолюдины	Матери, жены	Неизвестной национальной и социальной принадлежности	Итого
Родственники Цзи Юня . . .	48	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	51
Наставники Цзи Юня или его отца	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—5
Друзья, соученики, сослуживцы Цзи Юня	46	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	46
Ученики Цзи Юня или его отца	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—7
Слуги семьи Цзи Юня . . .	—	—	—	—	—	—	—	7	—	—	—	7
	106							7		3		116
Посторонние	119	5	1	2	6	1	1	14	1	6	80	236
Всего . . .	225	5	1	2	6	1	1	21	1	9	80	352

Таким образом, 116 рассказчиков имеют непосредственное отношение к Цзи Юню и его семье, причем подавляющее большинство из них — это ученые и литераторы того времени (106 человек); из всего же числа рассказчиков к этой категории принадлежат 225 человек, т. е. почти 63%.

Можно утверждать, что принадлежность рассказчиков к определенным социальным группам не отражается ни на языке, ни на тематике их рассказов. О том, что духи покойников продолжают интересоваться жизнью своих близких, страдать от их бед и мучиться ревностью, рассказывают буддийская монахиня (№ 491), врач (№ 550) и служанка (№ 154); о сбывшихся предсказаниях рассказывают гадатель (№ 838), отец Цзи Юня (№ 144), два чиновника (№ 246, 52); о том, как Небо карает развратника, повествуют слуга (№ 717), тетка Цзи Юня (№ 388), сановник (№ 70); о том, что нечисть просит помощи человека, рассказывают начетчик (№ 383), наставник Цзи Юня (№ 425), шесть неизвестных рассказчиков (№ 604, 693, 928, 1010, 1175 и 1190) и т. д.

Часть рассказчиков — реальные люди — современники Цзи Юня, его родственники, друзья и т. п., но они не столько действующие лица, сколько нейтральные фигуры, к которым приурочен тот или иной рассказ или анекдот.

На вопрос о том, дифференцированы ли сюжеты по рассказчикам, связан ли определенный рассказчик с определенным кругом сюжетов, однозначного ответа нет. С одной стороны, в пользу положительного решения этого вопроса говорят такие наблюдения: оба рассказа Мао Чжэнь-юаня (№ 94 и 95) касаются расплаты в будущем перерождении за грехи, совершенные в прошлой жизни; все три рассказа У Линьтана (№ 459, 580, 581) посвящены лисам-оборотням; в обоих рассказах Цзэн Ин-хуа (№ 633 и 1026) речь идет о ссорах и тяжбах между бесами; в обоих рассказах Тянь Сян-циня (№ 951 и 952) фигурируют духи, «занимающиеся искусствами»; Ян Хуай-тин рассказывает, как был наказан чиновник-взяточник (№ 1092) и как Небо покарало даоса, принявшего взятку от лисы (№ 1093); в рассказах Шао Жэнь-во нечисть

спасает женщину от насильника (№ 922) и служанка спасает хозяев от грабителей (№ 993); все три рассказа Ху Мутина (№ 1, 440, 978) носят дидактический характер; из семи рассказов Тянь Бо-яня шесть носят дидактический характер; из трех рассказов Сун Цин-юаня в двух (№ 31 и 399) фигурируют люди, умеющие творить чудеса; из трех рассказов Сун Мэн-цюаня два касаются предсказаний (№ 52 и 149); из девяти рассказов Дун Цюй-цзяна семь носят дидактический характер (в шести из них наказывается порок), в остальных двух души покойников обращаются с просьбами к живым (№ 571 и 928); из шести рассказов Лю Сян-ваня в четырех порок наказан; из четырнадцати рассказов господина из Яоани (отца Цзи Юня) десять посвящены сверхъестественным персонажам. Но, с другой стороны, трудно найти что-либо общее, что объединяло бы шесть рассказов Чжу Цинлэя, пять рассказов Чэн Юй-мэня, пять рассказов Го Шичжоу, семь рассказов Ли Ю-даня и др.

С уверенностью утверждать, что каждый рассказчик (или хотя бы большинство) имеет свои, специфические сюжеты, или что один рассказчик излагает события, в которых фигурируют сверхъестественные силы, а другой предпочитает повествовать о людях, или что один рассказчик интересуется дидактическими выводами рассказываемых им историй, а другого привлекает чисто развлекательная сторона,— мы не можем.

Можно только сказать, что рассказчик служит вообще для ввода в действие и как бы свидетельствует о достоверности случая, о котором он слышал или свидетелем которого ему довелось быть. Рассказчики лишены индивидуальных черт, язык их лишен индивидуальной окраски, они не способствуют «субъективации» повествования, привнесению в него лирического, эмоционального элемента.

И все-таки из наблюдений над сменой рассказчиков можно сделать вывод, что они способствуют некоему объединению разбросанных по сборникам повествований. Помимо того что повторение имен ряда рассказчиков в разных сборниках создает эффект «узнавания», в 34 случаях Цзи Юнь использует

прием «сцепления» разных рассказов одним рассказчиком, когда один и тот же человек сообщает два следующих друг за другом рассказа [122]; в некоторых случаях этот прием подчеркивается фразой: «А еще господин Мао [Чжэнь-юань] рассказывал так...» (начало № 95; № 94 тоже ведется от имени Мао Чжэнь-юаня); рассказ № 607 вкладывается в уста Юй Дуня, и № 608 начинается словами: «Юй Дунь еще рассказывал»; рассказы № 321 и 322 «сцеплены» не только одним рассказчиком (Дай Суй-таном), но и сюжетом (преступления хозяев, пристающих к женам своих слуг), такая же связь имеет место в рассказах № 992 и 993, 951 и 952, 1092 и 1093.

Есть случаи, когда лица, выступавшие в качестве рассказчиков, в других рассказах фигурируют в качестве персонажей; так, Юй Дунь (рассказчик в № 607, 608, 615, 780 и 781) выступает в качестве персонажа в рассказе № 654; Сюй Нань-цзинь (рассказчик в № 297) фигурирует в качестве персонажа в рассказе № 255; Ху Му-тин (рассказчик в № 1, 440 и 978) выступает как персонаж рассказа № 1184; отец Цзи Юня, господин из Яоани, выступающий как рассказчик в 14 случаях, часто упоминается в других рассказах как очевидец происшествия или как человек, выносящий свое суждение о случившемся, во многих рассказах приводятся его высказывания [123].

---

[122] Этот прием встречается в рассказах № 94, 95, 111, 112, 135, 136, 216, 217, 321, 322, 359, 360, 365, 366, 371, 372, 402, 403, 488, 489, 500, 501, 511, 512, 580, 581, 607, 608, 647, 648, 660, 661, 732, 733, 738, 739, 755, 756, 780, 781, 823, 824, 854, 855, 856, 857, 871, 872, 927, 928, 947, 948, 951, 952, 992, 993, 1052, 1053, 1054, 1055, 1092, 1093, 1154, 1155, 1165, 1166, 1173, 1174.

[123] В сборнике Поджо Браччолини (Поджо Браччолини, Фацетии, М.—Л., 1934) я обнаружила четыре приема «сцепления» отдельных фацетий друг с другом: 1. Подряд идет несколько фацетий на одну тему (связь подчеркивается названием: 28-я фацетия — «О чуде», 29-я — «Другое чудо, рассказанное Уго из Сиены», 30-я — «Еще одно чудо», 31-я — «Еще чудо»). 2. Подряд идет несколько фацетий, связанных одним персонажем (то же отражено в названиях: 11-я фацетия — «О том, что сказал повар славному миланскому герцогу», 12-я — «Слова того же повара к

В редких случаях рассказы сцепляются местом действия (№ 601 и 602) или единым моралистическим выводом (№ 921 и 922).

Но главным связующим звеном является сам автор, объединяющий произведения, заключенные в сборниках, своей личностью, своим мировоззрением, отношением к действительности. Он присутствует во многих рассказах как повествователь или действующее лицо, вторгается в повествование иногда с помощью заключительной сентенции, иногда оценкой персонажа или события, иногда юмористическим отношением к тому, о чем говорит. Его сборники воссоздают картину (хотя и мозаичную) нравов и быта современного ему общества.

Если же рассматривать рассказы Цзи Юня как цепь доказательств, в которой анекдот, короткий рассказ играют роль звена этой цепи, то разбросанность этих звеньев в сборниках своей «случайностью» создает иллюзию некоей достоверности (автор как бы говорит читателю: я не выбирал специально своих доказательств, а записывал то, что слышал от других людей[124]). Может быть, именно эта «случайность» верности случая и, имитируя видимость хаотичности и разнообразия жизненных впечатлений, делает морализующий вывод более весомым для читателя, чем если бы рассказы, иллюстрирующие какой-то один вывод, шли друг за другом

тому же государю», 13-я — «Просьба того же повара к герцогу»). Иногда название не подчеркивает связи, например в 14-й и 15-й фацетиях, где фигурирует миланский гуманист Антонио Лоски. 3. Связь через место действия (9-я фацетия начинается словами: «Аэлло — одно из наиболее серых местечек в глуши наших Апеннинских гор»; 10-я: «Из того же городка были отправлены в Ареццо люди»). 4. Внутренняя тематическая связь (в 24-й фацетии речь идет о свободе, которой добивались многие во время Констанцского собора, в 25-й приведен ответ императора Сигизмунда на чью-то жалобу по поводу того, что на Констанцском соборе отсутствует свобода. Такая же внутренняя связь существует между фацетиями 33-й и 34-й).

[124] В предисловии к первому сборнику Цзи Юнь пишет: «...я стал записывать то, что когда-либо видел и слышал, без особого порядка занося на бумагу все, что всплывало в памяти».

в строгой логической последовательности (жизни не присущей) [125].

В памяти читателя остаются не отдельные рассказы, не отдельные случаи и назидания, а общая система норм поведения людей, возможных причин и следствий, кар и наказаний людей.

6

Из всего ранее сказанного ясно, что Цзи Юнь — фигура сложная и противоречивая, которую невозможно рассматривать однозначно, как делают это современные китайские литературоведы.

Можно ли считать конфуцианцем этого писателя, который объектом своих насмешек избрал конфуцианских начетчиков, во всем руководствующихся «правилами и нормами»?

Можно ли считать Цзи Юня буддистом, если он не звал к достижению нирваны, а, наоборот, пропагандировал активное участие людей в жизни общества и утверждал ответственность человека за нравы современного ему общества?

Ответы на эти вопросы, видимо, могут быть следующими.

Цзи Юнь был сторонником конфуцианства, не извращенного схоластами позднейших времен, верившим в возможность исправления общественных нравов путем воспитания отдельных членов общества.

Буддийскую теорию воздаяния он использовал для того, чтобы нагляднее довести до своего читателя тот нравственный урок, который содержался в его произведениях. Мораль Цзи Юня строилась не столько на религиозном веровании и традиции, сколько на разуме, на «всеобщей пользе». Поэтому его произведения, хотя в них и не было явно политического антифеодального и антиманьчжурского острия, вплетались в общую идеологию китайского Просвещения, растянутость ко-

[125] Такую последовательность тем мы наблюдаем, например, в «Декамероне» Боккаччо или в «Кентерберийских рассказах» Чосера.

торого во времени[126] была сопряжена с широтой его диапазона; идеологами китайского Просвещения были на одном фланге сторонники «просвещенной монархии», на другом — борцы за свержение абсолютизма; в произведениях одних просветителей содержалась сокрушительная критика феодальных установлений, в произведениях других превалировала вера в решающую роль воспитания и образования людей, порожденная просветительскими иллюзиями. Такого рода нравственное, морализующее учение, направленное не столько в социальную, сколько в этическую сферу, характерно для более умеренных идеологов китайского Просвещения, к которым принадлежал Цзи Юнь, и имеет ряд аналогий в просветительском движении на Западе, в частности в деятельности издателей английских и русских сатирико-нравоучительных журналов XVIII в.

В английской литературе эпохи Просвещения морализующее нравоописание выдвинулось на первый план. В начале XVIII в. в Англии не было еще ни одного романа, изображавшего быт и нравы современного английского общества, предшественниками английского просветительского романа (выдвинувшего проблему воспитания, согласования интересов личности с интересами общества) были нравоописательные эссе, публиковавшиеся в сатирико-нравоучительных журналах начала века с их просветительской трактовкой «человеческой природы», способной к совершенствованию[127]. Эти нравоучительные и нравоописательные эссе затрагивали самую разнообразную тематику, проявляя особый интерес к повседневной жизни современников.

Развивавшееся уже после «славной революции» 1688 г. английское просветительское движение было лишено того общественного размаха, который отличал Просвещение во Франции, где «философская революция предшествовала поли-

[126] «Подготовка» китайского Просвещения началась на рубеже XVII в., ранние произведения Лу Синя еще созвучны идеям просветителей.

[127] А. Елистратова, Английский роман эпохи Просвещения, М., 1966, стр. 22, 31.

тическому перевороту»[128]. Деятели раннего английского Просвещения считали, что в Англии установилось наилучшее из всех возможных общественных устройств, что английская конституция — лучшая в мире. Поэтому в их произведениях речь шла не о переустройстве общества, а о том, чтобы сделать своих соотечественников достойными жить в современном им обществе, приобщить их к культуре, улучшить их обычаи и нравы; отсюда и несколько ограниченный характер английской просветительской литературы, ее морализующий, а не гражданский пафос (сближающий ее с китайской просветительской литературой конца XVIII в.). Это определило ведущие темы в сатирико-нравоучительных журналах той поры: общественные нравы (пропаганда нравственной доктрины просветителей), обычаи (интерес к внешнему поведению человека в обществе), вкусы (с этой темой связаны статьи о литературе и искусстве, рецензии на произведения поэзии и драмы)[129]. В нравоучительных эссе пропагандировались простота и умеренность, скромность, довольство жизнью, высмеивались излишества, хвастовство, щегольство и т. п.

Мысль о введении своеобразной цензуры нравов для исправления английского общества появилась в начале XVIII в. у Дж. Свифта. В «Проекте для поднятия религии и преобразования нравов, составленном знатным лицом» Свифт отмечал развращенность английского общества. Он предлагал ввести должности цензоров (ими должны были стать люди умные, добродетельные и ученые), которые наблюдали бы за нравственным и религиозным поведением людей и докладывали об этом двору для соответствующих наград и наказаний[130].

---

[128] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 273, 1952, стр. 341.

[129] M. R. Watson, Magazine Series and the Essay Tradition, 1746—1820,— Luisiana State University Press, Humanities Series, 1956, № 6, стр. 2.

[130] Вл. Лазурский, Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона. Из истории английской журналистики XVIII в., т. I, Одесса, 1909, стр. 133—134 (далее — Вл. Лазурский).

Эта идея была подхвачена Стилем и Аддисоном в их журналах. Уже в первом из этих журналов, в «Болтуне» («The Tatler»), издававшемся от имени заимствованного у Свифта персонажа Исаака Бикерстафа (под этим именем Свифт публиковал памфлеты, разоблачавшие астролога Партриджа), вымышленный издатель именует себя «цензором английских нравов». Р. Стиль начал выпускать три раза в неделю сатирические листки под названием «Болтун» (12.IV.1709—2.I.1711), в 1710 г. к нему присоединился Дж. Аддисон, всего они выпустили 271 номер. С 1.III.1711 г. они стали выпускать еженедельный журнал «Зритель» («The Spectator»), который выходил до 6.XII.1712 г., выпущено 555 номеров; вторую серию выпускал Аддисон (с 18.VI по 15.XII.1714 — 90 номеров). В 1713 г. Стиль и Аддисон выпускали ежедневный журнал «Опекун» («The Guardian», 12.III.1713—1.X.1713 — выпущено 175 номеров).

В № 89 «Болтуна» говорится, что, если этим листкам «удастся изгнать хоть одну нелепость из человеческой жизни, уничтожить хоть один порок... словом, если мир украсится хоть одной добродетелью или станет до некоторой степени менее порочным, я буду думать, что мои старания и сама моя жизнь истрачены не попусту» [131].

В первом номере «Зрителя» его воображаемый издатель пишет: «Я буду публиковать каждое утро листок с размышлениями на благо современников, и если я могу сколько-нибудь способствовать развлечению или преуспеянию страны, в которой живу, то я оставлю ее, когда буду отозван из нее, с тайным чувством удовлетворения, что жил недаром» [132].

Наконец, в первом номере «Опекуна» вымышленный издатель Нестор Айрнсайд заявляет: «Главной целью этого сочинения будет покровительствовать скромному, трудолюбивому, прославлять мудрого, храброго, поощрять доброго, благочестивого, нападать на бесстыдного, ленивого, высказывать

[131] Цит. по кн.: Вл. Лазурский, т. I, стр. 238.

[132] Там же, стр. 239.

презрение к тщеславному, трусливому, обезоруживать беззаконного, нечестивого»[133].

Таким образом, уже из деклараций самих издателей журналов видно, что целью этих изданий было нравственное воспитание современников. Журналы публиковали рассуждения на философские, литературные и главным образом этические темы. В «Болтуне» были помещены очерки о гордости (№ 127), о честолюбии (№ 202), о лести (№ 208), о вспыльчивости (№ 438); в «Зрителе» — о зависти (№ 19), об идеале человеческого счастья (№ 30, 68), о том, что счастье заключается в довольстве человека своей участью (№ 94, 574), о добродушии (№ 169, 177), о скромности (№ 231) и т. п.

Естественно, что в эту пору повышенного интереса к вопросам нравственности поднимался вопрос о реформе воспитания как «средстве подготовки новых людей для лучшего будущего»[134]: в № 173 и 235 «Болтуна» появляются заметки о воспитании, в № 157 «Зрителя» опубликовано эссе по вопросам образования и воспитания, здесь же критикуется школьное образование в Англии, в нескольких номерах «Зрителя» (№ 307, 313, 337, 357) были опубликованы очерки Ю. Бёджела о воспитании[135], в № 94 «Опекуна» — статья Стиля об университетском образовании. Многие эссе были посвящены вопросам женского образования и приобщения женщин к серьезному чтению.

Журналы Стиля и Аддисона критиковали «неразумные» общественные установления, высмеивали маскарады, модные танцы, дуэли, костюмы щеголей и щеголих, алхимию, суеверия; выступали против пьянства, шулерства, азартных игр, грубых и жестоких забав, жестокого обращения с животными; разоблачали гадателей и знахарей; говорили об оздоровляющем воздействии природы на человека; с рационалисти-

[133] Там же, стр. 240.

[134] Вл. Лазурский, т. II, Одесса, 1916, стр. 30.

[135] Интересно, что позднее, в 1731 г., Бёджел писал о достоинствах китайской системы замещения должностей по результатам государственных экзаменов и предлагал ввести подобную систему в Англии (см.: H. G. Creel, Confucius. The Man and the Myth, London, 1951, стр. 278).

ческих позиций трактовали нравственность. Они печатали также религиозно-нравственные эссе, защищавшие идеи бессмертия души, нравственного закона, критиковавшие деистов и атеистов.

Помимо рассуждений на этические, философские, литературные темы журналы Стиля и Аддисона печатали бытоописательные сценки, характерологические очерки, «восточные рассказы», иллюстрировавшие моралистическое или философское содержание эссе, в которые эти рассказы включались [136], аллегории, анекдоты, письма вымышленных или реальных корреспондентов — читателей журналов.

В аллегориях, печатавшихся в этих журналах, также, как правило, присутствовало нравоучение. Характерно в этом отношении опубликованное в № 159 «Зрителя» и переведенное на многие языки «Видение мирзы». В этой аллегории некоему багдадскому мирзе предстает видение человеческой жизни в виде моста посреди моря; по этому мосту, состоящему из 70 целых и 30 разрушенных арок, движется людская толпа, которая постепенно редеет, потому что люди проваливаются в отверстия и исчезают в морской пучине. Затем глазам мирзы является видение загробной жизни: алмазная гора делит море на две части: одна его часть скрыта черными облаками и недоступна взору (это ад), другая усеяна островами, где обитают люди, обретшие после смерти райское блаженство [137].

Популярна в журналах Стиля и Аддисона была и форма «разговоров мертвых» и «пророческих снов» [138].

Все три журнала Аддисона и Стиля использовали своеобразную «литературную рамку»: в «Болтуне» фигурировали «сочинитель» этих листков Исаак Бикерстаф, его родные и друзья; в «Зрителе» — главное действующее лицо — Зритель, окруженный членами его клуба (помещик сэр Роджер де Коверли — чудаковатый, но привлекательный человек, сту-

[136] «Зритель», № 94, 289, 293, 535 и др.; «Опекун», № 99, 162.

[137] Другие аллегории см.: «Зритель», № 183, 212, 463, 524; «Болтун», № 120.

[138] «Болтун», № 100, 120 и др.

дент-юрист, купец — сэр Эндрю Фрипорт, капитан Сентри, светский щеголь Виль Хоником и пастор — человек философского склада ума, широко образованный и начитанный); в «Опекуне» фигурировали Нестор Айрнсайд, опекаемая им семья Лизард (мать-вдова и четверо сыновей) и помещик-филантроп Чарвел. Кажется справедливым предположение о том, что вымышленный клуб, издававший «Зритель», был призван «воспроизвести в миниатюре английское общество тех времен, каким оно представлялось Аддисону и Стилю» [139]. Американский исследователь журналов Стиля и Аддисона указывает на то, что «одна из функций членов клуба — индивидуализировать характер Зрителя с помощью прогулок, визитов и разговоров. Другая функция — помогать Зрителю в его обсуждениях различных проблем спорами в клубе и своими собственными суждениями...» [140]. Участие в этих спорах и обсуждении различных сторон английского быта представителей разных социальных групп делало очерки Стиля и Аддисона более живыми и интересными для широких кругов их современников [141].

Стиль и Аддисон оказали огромное влияние на современную им английскую литературу. О популярности их журналов свидетельствует тот факт, что с 1709 по 1800 г. вышло 30 английских переизданий «Болтуна», 56 — «Зрителя» и 27 — «Опекуна». С 1709 по 1750 г. в Англии под влиянием журналов Стиля и Аддисона существовало около 150 журналов, опубликовавших более 500 нравоучительных эссе [142].

Множество подражаний журналам Стиля и Аддисона появилось также в Германии, Франции, Дании, Польше, России.

[139] А. А. Елистратова, Английский роман эпохи Просвещения, стр. 34.

[140] M. R. Watson, Magazine Series, стр. 7—8.

[141] Недаром журналы конца XVIII и XIX в. использовали этот прием: журнал «Писака» («The Scribbler») издавался «прямым потомком Бикерстафа»; «Сельский священник» («The Country Curate») выходил от имени клуба, членами которого были шесть человек; «Кофейня» («The Coffee-room») — от имени клуба из восьми человек и т. д. (см.: M. R. Watson, Magazine Series, стр. 12—14).

[142] M. R. Watson, Magazine Series, стр. 15.

Русская литература XVIII в. характеризуется бурным расцветом периодических изданий [143], в большинстве которых публиковались переводы из западноевропейских сатирико-нравоучительных журналов.

Так, в одном из ранних русских периодических изданий — «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях» — с 1731 по 1735 г. было напечатано 16 переводов из журналов Стиля и Аддисона: нравоучительные очерки и религиозно-философские рассуждения [144].

В журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» [145] публиковались популярные в то время произведения сатирико-дидактического характера, разоблачавшие пороки, слабости и недостатки, присущие «человеческой природе» вообще. Это не было художественное изображение конкретной действительности, а скорее развитие в художественной форме общих идей, заимствованных из сферы нравственной философии. Поэтому так велик был удельный вес переводных произведений, говоривших о пороках и добродетелях людей любой эпохи и любой страны. В «Ежемесячных сочинениях» был напечатан 31 очерк из журналов Стиля и Аддисона [146] (среди них «Видение мирзы», «Сон о пороках и жалобах человеческих», «Описание во всем приятного человека», «Письмо о том, что, собственно, высоко почитать надлежит», «О доброй совести» и т. п.), печатались там и переводы с немецкого, и переводы из «Нового французского Зрителя» — журнала, подражавшего «Зрителю» Стиля и Аддисона.

---

[143] П. Н. Берков указывает, что число таких изданий доходило в XVIII в. до 150 (П. Н. Берков, История русской журналистики XVIII в., М.—Л., 1952, стр. 17).

[144] Ю. Д. Левин, Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII в.,— «Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы», Л., 1967, стр. 20—24.

[145] С 1758 по 1762 г. журнал выходил под новым названием — «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие».

[146] Ю. Д. Левин, Английская просветительская журналистика, стр. 26.

Дидактические очерки и рассуждения, взятые в основном из «Зрителя», печатались и в журнале «Праздное время, в пользу употребленное» (1759—1760) [147], и в журналах херасковского кружка — «Полезное увеселение» (1760—1762) и «Свободные часы» (1763), и в журнале В. Санковского «Доброе намерение» (1764) [148]. Более 20 номеров возглавлявшегося Екатериной II журнала «Всякая всячина» (1769) представляли собой переводы и переделку статей из «Зрителя» [149].

Успех в России произведений европейских просветителей объясняется тем, что «одна из основных черт воззрений просветителей состояла в горячем стремлении к европеизации России» [150], особая же популярность журналов Стиля и Аддисона с их умеренно-просветительскими идеалами связана с тем, что политическая умеренность английских просветителей отвечала взглядам большинства издателей русских журналов первой половины XVIII в. и цензурным условиям того времени.

Со второй половины XVIII в. журналистика в России, возникшая как «элемент правительственной политики», пытается стать «выражением не правительственных мнений, а стремлений и исканий оппозиционно настроенных общественных групп» [151]. Видимо, с этим связано увеличение числа оригинальных, а не переводных статей сатирического содержания. Так, в журнале «Трудолюбивая пчела» (1759), издававшемся Сумароковым, звучат «нападки на лихоимство судей, взяточничество и плутни подьячих и т. п.». Наряду с сатирой на общественные нравы в журнале отражены и положительные идеалы Сумарокова: пользуясь популярной в то время формой «сна», «Сумароков изображает идеальный строй, как

---

[147] Там же, стр. 38.

[148] Там же, стр. 40—42.

[149] Там же, стр. 52—54.

[150] В. И. Ленин, От какого наследства мы отказываемся? — Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 542.

[151] П. Н. Берков, История русской журналистики XVIII в., стр. 31.

он ему представляется»[152],— «счастливое царство», основанное на разуме.

В журнале «Адская почта» (1769) Федор Эмин опубликовал 112 писем Кривого и Хромого бесов, осмеивающих «конкретных носителей самых разнообразных пороков... общества тех лет...»[153], критикующих безнравственность, развращенность, насмехавшихся над волокитами, женщинами легкого поведения, судьями, чиновниками-взяточниками (письмо 2-е), хвастунами и болтунами (письмо 15-е), сутягами (письмо 28-е) и т. д.

Федор Эмин играл руководящую роль и в журнале «Смесь» (1769), боровшемся с невежеством и сословной спесью дворянства. В листе № 25 этого журнала была помещена программная «Речь о существе простого народа», в листе № 2 — очерк «Праздные люди», высмеивавший бездельников, в листе № 16 объектом сатиры были богатые бездельники, скупцы, неплательщики долгов, хваставшиеся своей щедростью, люди, судящие о других по их одежде, и т. п.

Наиболее яркое выражение идеи русского Просвещения нашли в сатирических журналах Н. И. Новикова[154]. В «Трутне», «Живописце» и «Пустомеле» нашло себе место обличение взяточников, чиновников, злоупотреблявших своим положением, неправедных судей, помещиков-крепостников, невежества правящих кругов, страстный протест против крепостничества, пропаганда просвещения, мечты о лучшей доле народа. Многие страницы этих журналов были посвящены разоблачению «неограниченного самолюбца» — Екатерины II[155].

В «Трутне» (1.V.1769—27.IV.1770), л. III, мая 12-го дня,

[152] Там же, стр. 119, 120.

[153] Там же, стр. 263.

[154] О журналах Н. И. Новикова см.: П. Н. Берков, Вступительная статья,— сб. «Сатирические журналы Н. И. Новикова», М.—Л., 1951; Г. Макагоненко, Николай Новиков и русское Просвещение XVIII в., М.—Л., 1951, стр. 128—170.

[155] Об использовании Новиковым примера «просвещенного Китая» для борьбы с Екатериной см.: О. Л. Фишман, Китайский сатирический роман, стр. 163—166.

помещена была притча «Два вора» (о чиновниках), л. IV, мая 19-го дня,— о просителях доходных мест, л. IX, июня 23-го дня, — о жестоком неправедном судье и судье-взяточнике, л. XIII, июля 21-го дня, — еще о судьях, л. XXIII, сентября 29-го дня, — о кичливости дворян; в этом же листе (как и в л. XXIV, октября 6-го дня) были помещены рецепты из «Лечебника», полностью напечатанного позднее в «Живописце». В «Лечебнике» перечислялись симптомы болезней и предлагались рецепты такого рода: для г-на Злорада — «чувствований истинного человечества — 3 лота, любви к ближнему — 5 золотников и соболезнования к несчастью рабов — 3 золотника...», предлагались рецепты для г-на Недоума, для «некоторого судьи», «некоторого военного человека», «некоторого купца», для г-на Скудоума, для госпожи Бранюковой и т. д.

В «Живописце» же была опубликована сатира «Смеющийся Демокрит» (о скупцах, заносчивых людях, льстецах, ханжах, ветрениках, бесчестных судьях и т. п.). Много внимания уделял Новиков вопросам воспитания (письмо «Следствия худого воспитания», «Письмо о пользе наук и о воспитании во оных юношества», «О том, как отрицают молодые люди науки»).

Широкой известностью пользовалась «Почта духов», издававшаяся И. А. Крыловым в 1789 г. По существу, это был сборник сатирических очерков, разделенных на месячные выпуски. С февраля 1792 г. Крылов выпускал журнал «Зритель», где напечатал «Каиб» и «Похвальную речь в память моему дедушке» — произведения, в которых содержались резкие выпады против монархии.

В «Сатирическом вестнике», издававшемся Н. И. Страховым (1790—1792), печатались очерки, обличавшие грубость нравов, пустоту и развращенность жизни дворян, погоню за модой, презрение к науке, расточительность и мотовство.

Исследователи русских сатирико-нравоучительных журналов XVIII в. подчеркивали влияние на эти журналы западноевропейской просветительской философии, учения о воспитании нравов, апеллировавшего к чувствам справедливости и человеколюбия как способу борьбы с социальным злом.

«Главная задача европейского образования, перенесенного на русскую почву, заключалась в умягчении нравов общества и в водворении тех гуманных идей, которые были выработаны энциклопедистами и которые за каждым отдельным лицом требовали признания его человеческого достоинства. Ту же задачу имела и журнальная сатира»[156], требовавшая «сообразного с человеческим достоинством поведения»[157], осмеивавшая все, что противоречило «общественному благу и вечной правде»[158].

Таким образом, цели, которые ставили перед собой русские и английские просветители XVIII в., были аналогичны тем целям, которые преследовал своими назидательными рассказами Цзи Юнь. Как для них, так и для Цзи Юня литература была средством борьбы с конкретными нравственными пороками общества.

При всем различии социальных условий, при всей национальной специфике литератур объекты критики у Цзи Юня и европейских просветителей-моралистов были одни и те же: дурные нравы, нелепые обычаи, невежество и суеверия, злоупотребления чиновников. И Цзи Юнь, и западные эссеисты пропагандировали образование и воспитание, верили в то, что положительные примеры, давая образцы для подражания, могут способствовать изменению нравов к лучшему.

Определенное сходство наблюдается и в форме их произведений: и у Цзи Юня, и в сатирико-нравоучительных журналах используются морализующие анекдоты[159], разговоры

---

[156] А. Афанасьев, Русские сатирические журналы 1769—1774 г., стр. 246.

[157] Там же, стр. 250.

[158] Там же, стр. 254.

[159] В книге «У истоков немецкой литературы социалистического реализма» (Киев, 1967) Н. Матузова отмечает, что сборники анекдотов занимали большое место в творчество французских, немецких и русских просветителей («Анекдоты» Шамфора, «Вольтериана», «Арлекиана», анекдоты, включенные Монтэнем в его «Опыты», народные календари Гриммельсхаузена, прозаические басни Лессинга, «Беседы немецких эмигрантов» Гёте, «Апокрифы» Зейме, «Рейнский домашний друг» И. П. Гебеля и др.).

мертвых, сны, сюжетные повествования (в английских журналах — «восточные повести»), рассуждения; есть сходство и в их структуре: А. А. Елистратова отмечает, что публиковавшиеся в журналах Стиля и Аддисона материалы отличались «необычайной жанровой синкретичностью» — в них совмещались «в зародыше и газетная хроника — «смесь», и фельетон, и публицистический памфлет, и литературно-критическая статья, и проповедь, и юмористическая или серьезная новелла...» [160]. Тот же «синкретизм» имеет место и в сборниках Цзи Юня, где, как уже отмечалось ранее, анекдоты или серьезные рассказы (несущие в себе элемент «проповеди») перемежаются публицистической заметкой, научной информацией, критикой стихов и т. п.[161]. Сходство наблюдается и в способах характеристики персонажей. Основу почти каждого номера журналов Стиля и Аддисона помимо эссе составляли также очерки, характеры в которых были, как правило, функциональными, используемыми в дидактических, а не в художественных целях. Типические характеры в этих очерках можно было найти гораздо чаще, чем индивидуальные. «Изображаются ли характеры прямым описанием, косвенно — через поступки — или путем соединения двух этих методов; характеризуют ли персонажи сами себя, или их характеризуют другие; становится ли тип человека очевиден из нескольких его поступков, или описательных фраз, или из краткой биографии,— каким бы ни был используемый метод, цель одна и та же: изображение некоей типической фигуры ради ее нравственной и дидактической ценности» [162]. Эти слова с равным успехом могут быть отнесены к творческому методу Цзи Юня, у которого мы находим тот же подход к изображению характеров, те же приемы, ту же целевую установку.

---

[160] А. А. Елистратова, Английский роман эпохи Просвещения, стр. 33.

[161] Построение сборников средневековой корейской прозы *пхэсоль* напоминает в этом отношении сборники Цзи Юня (Д. Д. Елисеев, Корейская средневековая проза пхэсоль, М., 1968, стр. 22—24).

[162] M. R. Watson, Magazine Series, стр. 11.

Стиль и Аддисон писали на заре английского Просвещения. «Элементы просветительского реализма еще не вполне высвобождаются у них из-под влияния классицизма с его тенденцией к обобщению». Иногда даются «персонификации отвлеченных моральных качеств и привычек», рисуются «обобщенные портреты человека вспыльчивого, рассеянного», исключение представляют более индивидуализированные характеристики «чудаков», оригиналов типа Исаака Бикерстафа или сэра Роджера де Коверли [163]. Причем эта индивидуализация достигается в «Зрителе» постепенным накоплением дополнительных характеристик и черт в разных номерах [164]; Цзи Юнь как бы накапливает характеристики персонажей из рассказа в рассказ, дорисовывая все новыми и новыми штрихами образ начетчика, шарлатана и т. п.

В отличие от Лабрюйера, изображавшего в своих «Характерах» только пороки человечества, Стиль и Аддисон были оптимистами, верившими во врожденную доброту человека и его способность к нравственному совершенствованию. Поэтому их очерки характеров изображали и пороки и добродетели, давая некие «образцы», которым следовало подражать либо которых следовало избегать. Так, в № 449 «Зрителя» помещен рассказ о Фиделии, которая отдала свою молодость уходу за больным отцом; в № 164 приведена история Констанции и Теодосиуса, иллюстрирующая необходимость довольствоваться своей участью. Вместе с тем в № 491 «Зрителя» опубликован рассказ о Ринзольте, понесшем заслуженную кару за то, что он обесчестил молодую женщину и убил ее мужа; в № 198 — рассказ о молодой жене, обманывавшей старого мужа, который всецело ей доверял; в № 11 — знаме-

---

[163] А. А. Елистратова, Английский роман эпохи Просвещения, стр. 42—43.

[164] Так, первый очерк о сэре Роджере дан в № 2 «Зрителя», в № 106 обрисован его деревенский дом, отношения со слугами и родней, в № 115, 116 и 131 сэр Роджэр показан на охоте, в № 125 излагаются его политические взгляды, в № 329 — его исторические познания, в № 113, 118, 130, 295 — его отношение к женщинам и т. д. (см.: Вл. Лазурский, т. I, стр. 170 и сл.).

нитый рассказ «Инкл и Ярико» — о неблагодарности и подлости моряка Томаса Инкла, продавшего в рабство спасшую его от гибели и ставшую его возлюбленной индианку Ярико. Точно так же относится к «человеческой природе» и Цзи Юнь: большинство персонажей в его дидактических рассказах служит именно такого рода «образцами» для подражания или своеобразными «предостережениями», показывающими, как опасен путь порока.

Публиковавшиеся в журналах Стиля и Аддисона письма (вымышленных и действительных читателей), так же как участие в разговорах членов клуба «Зрителя» и семейства Лизард, давали издателям этих журналов возможность приводить различные мнения по определенным поводам или на определенную тему, различные примеры, иллюстрирующие то или иное положение нравственного или философского порядка. Той же цели служат концовки рассказов Цзи Юня, где он сталкивает несколько мнений об изложенном событии или о дидактическом смысле рассказа.

Большое место в английских просветительских журналах отводилось вопросам «разумно организованного быта» в английском обществе XVIII в. (организация досуга, борьба с азартными играми, щегольством, флиртом, гаданиями, бездельем и т. п.). «Просветительская этика приобретает в журналах Стиля и Аддисона буднично-практичный, прикладной характер. Мелочи обыденного быта, рассматриваемые с точки зрения своей разумности и сообразности с достоинством человеческой природы, оказываются важными и заслуживающими обсуждения»[165]. Стиля и Аддисона живо интересует семья как основная ячейка общества, и тема отношений в семье освещается ими не только в дидактических очерках, но и в нравоучительных историях, и в письмах «читателей».

На месте злободневных бытовых тем (маскарады, дуэли, прически, одежда и т. п.), на месте совмещения бытовизма с

[165] А. А. Елистратова, Английский роман эпохи Просвещения, стр. 33.

нравоучением у Цзи Юня оказываются черты человеческого поведения, различные проявления человеческой природы.

Стиль и Аддисон изображают людей из разных социальных подгрупп, в разных сферах поведения, но их при этом интересуют только моральные проблемы, только вопросы этики в чистом виде; Цзи Юнь иногда выводит в качестве своих персонажей чиновников, правителей областей и провинций, но и в чиновнике, и в правителе области, и в ученом, и в служанке его интересует одно и то же — соблюдение ими этических норм поведения: человек должен вести себя так, как предписано в данной социальной ситуации. Когда в рассказе Цзи Юня фигурирует недобросовестный чиновник или непочтительный сын, то и в том и в другом случае речь идет о человеке, ведущем себя «неправильно». В общем можно считать, что различные социальные функции или социальные положения героев Цзи Юня соответствуют функции пространственно-временно́й разбросанности сюжетов (см. стр. 112—115) и показывают закон [166], как инвариантный относительно «социального пространства» (наказание за неправильное поведение ждет и нерадивого чиновника, и непочтительного сына). Разница между сюжетами здесь бо́льшая, чем в тех случаях, на примере которых было показано значение пространственно-временно́й соотнесенности. Собственно, дидактичность рассказа вытекает из данного конкретного сюжета, и наставления чиновнику даются одни, сыну — другие. Однако если говорить о концепции мира у Цзи Юня, то эти рассказы надо рассматривать как варианты.

Таким образом, кажущаяся разница между журналами Стиля и Аддисона и рассказами Цзи Юня, которая заключается в том, что Стиль и Аддисон обращаются только к этическим вопросам, а Цзи Юнь в своих дидактических рассказах иногда обращается и к вопросам государства, на более глубоком уровне оборачивается существенным сходством и тождественностью основного принципа.

Главный философский смысл рассказов Цзи Юня — эти-

[166] См. стр. 80—82.

ческий (и в этом они совпадают с материалами, публиковавшимися в английских просветительских журналах); в то же время реализация концепции Цзи Юня может иметь и самостоятельное значение. Вполне возможны случаи, когда в произведении, в целом аполитичном или затрагивающем только моральные проблемы, встречаются отдельные моменты, имеющие острую политическую направленность. Для центральной концепции эти явления вторичны, менее значимы, однако с точки зрения читательского восприятия современников они играют большую роль. Поэтому если на одном уровне можно говорить о сходстве дидактических рассказов Цзи Юня с журналами Стиля и Аддисона как произведений в целом моралистических, а не политических, то на другом уровне мы можем противопоставлять Цзи Юня английским просветителям и сравнивать его рассказы с произведениями русских просветителей XVIII в., выступавших против пороков чиновников и подьячих, против жестокости помещиков и неправедных судей.

Говоря о гражданской смелости Цзи Юня, поднимавшего голос протеста против притеснений рабов и слуг, против произвола власть имущих и унижения человеческого достоинства, мы не можем забывать о том, что речь идет не о позиции политического писателя, занимающегося политической борьбой или политической пропагандой. Цзи Юнь — моралист, но определенная радикальность его взглядов сказалась в том, что свое доказательство действия закона, свое моральное назидание он проводит и в таких ситуациях, которые имеют и политическую остроту. «Закон» действует не только среди малых сих; если человек ведет себя неправильно, то «закон» покарает его, какой бы высокий пост он ни занимал; и наоборот, достоинство «маленького человека», занимающего низшее место на социальной лестнице, охраняется «законом» от посягательств сильных мира сего. И эта проблема тоже волнует Цзи Юня, поскольку социальное неравенство — одна из важнейших причин человеческих бедствий (хотя в то же время и только проявление «общих пороков»). Иначе говоря, Цзи Юнь ничего не имеет против чиновничества, он

не считает, что правитель плох уже потому, что он правитель при данном общественном строе (как считает политический борец). Но свои моральные концепции Цзи Юнь проводит «невзирая на должности», и в этом смысле мы должны признать некоторый радикализм Цзи Юня в сравнении со Стилем и Аддисоном и отдать должное — вслед за Лу Синем — его мужеству.

И это естественно, ибо Цзи Юнь жил в стране деспотической, где всякое проявление независимости, собственной точки зрения могло быть воспринято как нонконформизм и соответственно осуждено официальной цензурой. Критика чиновника-взяточника и сочувствие к его жертвам по-разному воспринимаются, если чиновник воплощает в себе существующий режим и если он является частным лицом, которому могут быть присущи любые недостатки. В Англии взяточника критиковали как частное лицо. В Китае это частное лицо в сознании народа было представителем власти, и его личная испорченность могла быть воспринята как коррупция всего аппарата, как случай типический, репрезентативный. Именно здесь открывалась связь сатиры морализующей с сатирой политической. Этой связи не было в Англии, но в Китае она существовала в читательском восприятии. Вместе с тем такая эфемерная связь, существующая «сегодня», глохнет, ослабевает с годами. Следующие поколения ее уже не различают. Это, видимо, было одной из причин того, что сатира Цзи Юня, с таким интересом читавшаяся при его жизни, в дальнейшем утрачивает свою популярность. Ее уже не воспринимали как острый, злободневный материал, ее заслонили другие литературные явления.

Тем не менее Цзи Юнь с его воспитательно-моралистическим пафосом был не только воспитателем нравов, но и критиком некоторых явлений социальной действительности, и в этом смысле его этический протест выражал общественное недовольство, критиковал реальные формы жизни современного ему общества.

Просвещение всегда включало в себя проблемы этики, воспитания, исправления нравов. Но разные его фракции по-

разному освещали функцию этого исправления. Одни делали акцент на исправлении общественных учреждений, формирующих общественные нравы, коверкающих добрую от природы душу человека, другие же полагали, что, прежде чем изменить общественные учреждения, нужно готовить граждан для будущего строя. Последняя точка зрения характерна не только для английских просветителей типа Стиля и Аддисона, т. е. для раннего этапа победившей буржуазной революции, когда речь шла лишь о «доделках» нового общественного строя, о завершении и увенчании совершившегося переворота, но и для новой стадии немецкого Просвещения, в период веймарского классицизма, когда просветителей разочаровала Французская революция в ее террористической форме и когда Гёте и Шиллер проповедовали «эстетическое воспитание», т. е. моральное совершенствование людей до наступления революции.

В Китае во времена Цзи Юня революция не стояла непосредственно в порядке дня. Более того, общественное возбуждение второй половины XVII в. было подавлено. Но недовольство феодальным гнетом не было уничтожено, ибо не были устранены его причины. Суровая цензура могла загнать его в подполье, но люди ощущали феодальные формы жизни как гнет. Единственное, что могло быть раскритиковано,— это порочные чиновники — лихоимцы и угнетатели, порочные главы семейств — деспоты и эксплуататоры, порочные идеологи — начетчики и схоласты, за буквой утратившие здравое понимание классических текстов, и т. п. То, что все эти пороки неумолимо и обязательно порождались феодальной структурой общества, оставалось в тени как некий эмоциональный фон, усиливающий и актуализирующий «частные случаи». Этот тип критики выглядел как наведение порядка в признаваемом писателем мире, а не как критика самого этого мира. Но по существу это было частью общепросветительской антифеодальной критики всего «неразумного», «аморального», «противоестественного».

Именно это и роднит Цзи Юня с блестящей плеядой китайских просветителей конца XVII — первой половины

XVIII в. Ресурсы передовой просветительской мысли не исчерпывались теми мятежными умами, которые были известны всем. Они уходили в менее явные сферы, которые тем не менее работали в том же направлении, расшатывая веру в идеальность существующего строя, критикуя его частные стороны, показывая неблагополучие этого строя в сфере этики, настаивая на моральном исправлении людей.

О. Л. Фишман

ЦЗИ ЮНЬ

ЗАМЕТКИ ИЗ ХИЖИНЫ „ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ"

(ЮЭВЭЙ ЦАОТАН БИЦЗИ)

ПЕРЕВОД

СБОРНИК ПЕРВЫЙ

ЗАПИСИ, СДЕЛАННЫЕ ЛЕТОМ В ЛУАНЬЯНЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «ЗАПИСИ, СДЕЛАННЫЕ ЛЕТОМ В ЛУАНЬЯНЕ»

Летом года *цзи-ю* правления императора под девизом Цянь-лун * меня послали в Луаньян проверять книги, вошедшие в императорскую библиотеку. Работа моя была завершена, и я лишь наблюдал за чиновниками, надписывавшими на обложках заглавия книг. Дни без дела тянулись долго, и я стал записывать то, что когда-либо видел и слышал, без особого порядка занося на бумагу все, что всплывало в памяти.

Чиновники, в древности собиравшие уличные толки, не принадлежали к разряду сочинителей. «Беседы на улицах и разговоры в переулках могут оказаться полезными для моральных оценок» [1].

Закончив записи, я вручил их писцу, чтобы он сделал на них надпись: «Записи, сделанные летом в Луаньяне».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(1.) Цензор Ху Му-тин [1] рассказывал:

«В одной деревушке жил человек, у которого была свинья. Стоило ей увидеть старика соседа, как она приходила в ярость, начинала визжать, гналась за ним и норовила укусить; при виде других людей ничего подобного с ней не происходило.

Старик сосед сначала из себя выходил от злости. Он уже

---

* 1789 г.

стал подумывать о том, чтобы купить эту свинью, [заколоть ее и] зажарить, как вдруг прозрел, все понял и сказал:

— Уж не кровный ли она враг[2], о котором идет речь в буддийском каноне? Однако нет в мире такой вражды, с которой нельзя было бы покончить.

И вот за хорошую цену он выкупил свинью у соседа и отдал ее в буддийский монастырь[3], чтобы она стала, как говорится, «свиньей вечной жизни».

Прошло некоторое время. Когда свинья вновь увидела старика, она прижала уши и вообще повела себя совсем иначе, чем прежде.»

Как-то мне довелось видеть картину Сун Чжуна, на которой был изображен буддийский архан[4], сидящий на коленопреклоненной тигрице. Надпись в стихах, сделанная неким Ли Янем из Баси, гласила:

Ты можешь, Истину познав,
С враждой и яростью бороться,
Ты можешь, тигра оседлав,
Взнуздать его, как иноходца.
Но если зверь теперь пуглив,
Узды признает власть и крепость,
Пред ликом Истины смирив
Свою природную свирепость,
Тогда меж небом и землей
Для всех, кто мыслит и страдает,
Возможны благо и покой,
Пусть только верностью одной
Живет и дышит род людской,
А страх и зависть угасают *.

Это может кое-что объяснить в нашей истории.

(2.) У *цзюйжэня*[1] Лю Ши-юя из Цанчжоу в кабинете завелась лиса. Среди бела дня она вступала в разговоры с людьми, кидалась в них черепицей и камнями, но на глаза не показывалась.

* Здесь и дальше стихи в переводе А. Г. Левинтона.

Был честный сановник Дун Сы-жэнь, правитель округа Пинъюань. Прослышав об этой лисе, он решил сам поехать и посмотреть, что там делается. Только начали было рассказывать ему про лису, как у карниза крыши послышался голос:

— Господин сановник любит народ и не берет взяток, поэтому я не осмелюсь швырять в него всякой дрянью. Однако народ-то вы любите из любви к своему доброму имени, а взяток не берете из страха, как бы чего не вышло. Так что и щадить вас мне тоже нет особой причины. Шли бы вы отсюда без лишних слов, а то как бы вам не попасть в трудное положение!

Дун Сы-жэнь в смущении удалился, а потом несколько дней все охал да ахал, очень был расстроен случившимся.

В доме этого Лю была служанка, здоровая глупая девка. Она единственная не боялась лисы, и одну ее лиса не трогала. Кто-то спросил лису про эту служанку.

— Хоть она и простая служанка, но по-настоящему почтительна к старшим,— ответила лиса.— Даже духи, видя это, избегают с ней встреч. А уж наша порода и подавно!

Тогда Лю приказал этой служанке поселиться в кабинете. В тот же день лиса исчезла.

(3.) Господин Ай Тан рассказывал:

«Слышал я об одном старом начетчике, который шел куда-то ночью и по дороге повстречал своего покойного друга. Начетчик был человеком честным, твердого характера и не из робких, вот он и спросил друга, куда тот держит путь.

— Я служу в Царстве мертвых,— ответил тот,— сейчас направляюсь в Наньцунь, чтобы схватить там кое-кого. Так что нам по пути.

Дальше они пошли вместе. Дошли до какой-то полуразрушенной хижины, и тут дух сказал:

— Это жилище писателя.

— Откуда вы знаете? — удивился начетчик.

— Обычно днем люди суетятся, занимаются всякими делами, иссушают свои мозги. Только во сне они ни о чем не

думают, тогда их изначальная энергия чиста; все накопившиеся в памяти книги, слово за словом, в виде сияния выходят наружу через все поры тела. Вид у этого сияния неразличимо-туманный, бесформенно-хаотичный или блестящий, словно парча. У великих ученых вроде Чжэна[1] и Куна[2], у писателей вроде Цюя[3], Суна[4], Баня[5] или Ма[6] сияние озаряет весь небосклон, соперничает со светом луны и звезд; у тех, кто шел следом за ними,— сияние окружностью в несколько чжанов, а у тех, что за этими,— в несколько чи; постепенно сияние сходит на нет, так что у совсем посредственных это мерцающий огонек, подобный тусклому светильнику, отраженному в окне. Людям не дано видеть сияние, а духи могут. Так вот, над этой хижиной я вижу сияние высотой в семь или восемь чи, поэтому и знаю, что это — обиталище писателя.

— Я всю свою жизнь учился,— сказал начетчик.— Какое же от меня исходит сияние?

Дух долго мялся и наконец сказал:

— Вчера днем я проходил мимо вашего дома, вы как раз прилегли вздремнуть, и я увидел, как все заученные вами толкования [классиков], пятьсот-шестьсот экзаменационных эссе, семьдесят-восемьдесят классических текстов, тридцать-сорок исторических сочинений — все это слово за словом превращалось в черный дым, который устилал все помещение, и сквозь него, словно через плотные облака, пробивался ваш голос, скандирующий отдельные слова. А вот сияния — не решусь солгать — никакого и не было!

Начетчик в ярости начал браниться. Тогда дух захохотал и исчез.»

(4.) Господин Ли Ю-дань из Дунгуана попал как-то в заброшенный сад в Юаньпине, принадлежавший первому министру. Там он увидел на галерее два стихотворения. Первое гласило:

А западный ветер свистит да свистит,
В окно задувает, в траве шелестит,
Двором пробежится, и буйный и шалый,

Где месяц скользит над стрехой обветшалой,
И мох озаряет в пустой немоте,
Оставивши контур окна в темноте.

Второе стихотворение было такое:

Далекие звезды мерцают, мерцают,
Как светлые точки. Вдали проплывают
На Млечном Пути облака, как ветрила,
А я засиделся, склонясь на перила,
И слушаю башню; ночным барабаном
Там пятую стражу [1] пробьют горожанам.

Следы туши были бледны, а почерк, пожалуй, не был похож на то, как пишут люди.

[5. Человеку снится вещий сон.]

(6.) *Цзюйжэнь* Ван Чжи-сянь из Пиндина как-то сопровождал своего отца, следовавшего на новую должность в Юйлинь. Ночь они провели в заброшенном храме. Неожиданно наверху послышалось монотонное бормотание, словно кто-то читал стихи. Удивились: откуда бы тут взяться ученым? Начали прислушиваться, но голоса были приглушенными. Потом стало слышнее, словно говорившие спустились вниз, уже стали различимы отдельные слова.

Один голос сказал:

— У Тан Янь-цяня [1] поэтический стиль не очень высок, но хороши строки:

На границе колосья кровавы,
Не собрать с полей урожая.
Весною вымерзнут травы;
Лишь битва гремит, не смолкая.

— А я когда-то написал такие стихи,— послышался второй голос:

Яростно над пустыней
Взвиваются клубы песка.
Слепит раскаленное солнце
Сквозь желтые облака.

— Тот, кто сам не бывал на границе, не знаст такого пейзажа,— добавил он.

Первый голос ответил:

— У меня тоже были похожие строки:

В дальних горах на границе
Воздух безжалостно синий,
Трещит мороз над рекою,
Про осень напомнил иней.

Должен сказать, что они довольно верно воспроизводят картину заката солнца на границе.

И долго еще читали они друг другу стихи.

Но вот ударил монастырский колокол, и воцарилась мертвая тишина. Когда рассвело, отец с сыном пошли поглядеть: все замки покрыты пылью и заперты.

Стихи «В дальних горах на границе» они нашли потом в черновиках, оставшихся после покойного полководца Жэня. Имя полководца было Цзюй, во время мятежа племен в годы Кан-си[2] он выступил в поход и погиб в бою. Узнать, кто написал стихи «Яростно над пустыней...», так и не удалось. Ясно только, что стихи эти заслуживали увековечения и были написаны соратником Жэня, а не духом какого-нибудь простого смертного.

(7.) В прибрежной деревушке к югу от Цанчжоу жил некий Люй-сы, человек без стыда и совести, способный на любые подлости. Местные жители боялись его, как дикого зверя.

Как-то вечером он с несколькими приятелями, такими же негодяями, как и он сам, отправился прогуляться за пределами деревни. Внезапно потемнело, раздался гром, поднялся ветер, полил дождь. Вдали появилась какая-то фигура, похожая на молодую женщину. В старом храме, стоявшем на берегу реки, она искала укрытия от грозы.

— А не побаловаться ли нам с ней? — предложил Люй приятелям.

Уже наступила ночь, затянутое тучами небо было чер-

ным-черно. Люй вбежал в храм и зажал женщине рот, приятели его стали сбрасывать одежды, спеша овладеть женщиной. Вдруг сверкнула молния, и при ее свете Люй увидел, что женщина — вылитая его жена. Он разжал руки, заговорил с нею,— оказалось: она! Люй пришел в ярость и хотел бросить жену в реку, но она закричала:

— Хотел обесчестить чужую, и чуть не дошло до того, что меня обесчестили,— да Небо спасло! За что же меня-то убивать?

Люй ничего не мог сказать, стал искать одежду, но в это время порывом ветра снесло его рубаху и штаны в реку. Он растерялся, не знал, что ему делать, но был он человек наглый и решил идти домой голым. А тут облака рассеялись, вышла ясная луна, вся деревня покатывалась от хохота, все расспрашивали, что случилось. Люй не мог заткнуть соседям рты и в конце концов бросился в реку.

Жена его, гостившая у своих родителей, должна была вернуться домой только через месяц с лишним, но так как дом ее родителей сгорел, ей некуда было деться, и она вернулась раньше срока. Люй об этом не знал, поэтому-то все так получилось.

Через некоторое время Люй явился к своей жене во сне и сказал ей:

— Я совершил тяжкий грех и был навсегда обречен пребывать в На́раке[1]. Но так как при жизни своей я был почтительным сыном, то судья Царства мертвых внес изменение в списки, и в своем следующем перерождении я должен пребывать в теле змеи. Это уже произошло. Скоро ты вновь выйдешь замуж, служи хорошенько новой свекрови. Непочтение к старшим — самое тяжкое преступление. Смотри, как бы не пришлось тебе кипеть в адском котле!

В тот день, когда жена Люя вторично вышла замуж, в углу комнаты появилась змея, которая, опустив голову, смотрела вниз, словно в глубоком раздумье. Жена вспомнила свой сон, подошла к змее, приподняла ее голову и стала расспрашивать. За дверью послышалась музыка, змея несколько раз подпрыгнула и исчезла.

[8. Лиса испытывает любовь к человеку, с которым более двадцати лет живет в супружеском согласье.]

(9.) Мин Чэнь, уроженец Иншаня, был начальником в Сяньсяне, как-то раз он задумал обелить человека, несправедливо обвиненного в уголовном преступлении, но, боясь, что начальство этого не позволит, все колебался и никак не мог принять решения. Был там некий Ван Бань-сянь, слуга в училище, друживший с лисом, который часто говаривал, что человек проверяется в беде, а не в счастье. Ван по просьбе Мин Чэня пошел посоветоваться с лисом.

— Господин Мин заботится о народе, как любящий отец,— начал торжественно лис,— но речь должна идти о том, виновен данный человек или на него возвели напраслину, а совсем не о том, позволит его освободить начальство или запретит. Разве забыты слова главы областной управы господина Ли Вэя[1]?

Когда Ван повторил Мин Чэню слова лиса, тот сильно испугался.

— Когда господин Ли Вэй еще не достиг высоких чинов,— сказал он,— ему пришлось как-то вместе с одним даосским монахом переправляться через реку, а тут кто-то разругался с лодочником. Монах громко вздохнул и сказал:

— Рок настигнет через мгновение, так стоит ли спорить из-за гроша!

И вдруг основанием паруса лодочника сбросило за борт, и он камнем пошел ко дну. Ли Вэй был поражен. Джонку несло по течению, поднялся сильный ветер и чуть не перевернул ее, но даосский монах сделал несколько шагов походкой Юя[2] и начал читать заклинания. Ветер тотчас улегся. Ли Вэй начал благодарить спасшего его монаха, но тот ответил:

— То, что лодочник упал в реку, это судьба, его я не мог спасти; вы, знатный человек, попав в беду, получаете поддержку, и это тоже судьба, вас я не мог не спасти. За что тут благодарить?

Вновь поклонившись монаху, господин Ли сказал:

— Благодаря вашим наставлениям я всю жизнь буду доволен своей судьбой.

— И это не совсем так,— возразил даос.— Тот, кто всю жизнь преуспевает, доволен своей судьбой. Недовольный судьбой мечется, бьется, ни перед чем не останавливается. Он не знает, что Ли Линь-фу[3] и Цинь Гуй[4] были министрами, а сколько вреда причинили они хорошим людям, сколько преступлений совершили. Когда приносят вред государству и народу, нельзя ссылаться на судьбу! Рожденные Небом и Землей таланты, поставленные двором чиновники должны помогать судьбе. А если стоящий у власти опускает руки и все валит на судьбу, то зачем Небу и Земле такие таланты, зачем двору такие чиновники?[5]. Когда-то страж у городских ворот сказал: «Знает, что времена неподходящие, и все-таки действует»[6]. Чжугэ У-хоу[7] говорил: «Все силы отдай служению родине, перед лицом смерти не изменяй своим принципам, а успешен исход дела или нет — заранее не угадаешь». Вам известно учение этих мудрецов о судьбе!

Выслушав это поучение, Ли Вэй с поклоном спросил даоса, как его зовут.

— Если скажу, вы еще, пожалуй, испугаетесь,— ответил даос, сошел с джонки, сделал несколько десятков шагов и вдруг исчез.

Как-то, находясь в Гуйчэне, господин Ли рассказал об этом случае, но откуда об этом узнал лис — ума не приложу!

(10.) Чжэнь Су-сяню из Бэйцуня как-то приснилось, что он попал в подземное царство и увидел, как Яньло-ван[1] допрашивает доставляемых к нему людей. Когда перед Яньло предстала старуха — односельчанка Чжэня, Яньло даже в лице изменился, приветствовал ее низким поклоном, поднес ей чай и велел писцу немедленно препроводить старуху в рай, где ей будет даровано новое рождение.

— Каковы же заслуги этой деревенской старухи? — спросил с недоумением Чжэнь, отвешивая низкий поклон писцу.

— За всю свою жизнь,— ответил писец,— она никому не

причинила вреда ради личной выгоды, а ведь корысть движет всеми, даже мудрецами и вельможами. Но те, кто преследует личную выгоду, обязательно приносят вред другим людям: они живут всяческими хитростями, творят всяческие подлости, и дурной запах от их поступков остается в веках, отравляя страну и принося все новый вред людям. Да ведь этой деревенской старухи, которая так умеет обуздывать свои корыстные побуждения, могли бы устыдиться многие ученые-конфуцианцы! Что же удивительного в том, что наш Владыка отнесся к ней с уважением?

Чжэнь был человеком понятливым, и это объяснение повергло его в такое смятение, что он сразу проснулся.

А еще Чжэнь рассказывал, что, до того как появилась эта старуха, к Яньло гордо вошел какой-то чиновник в парадных одеждах. Обойдясь без слуг, он сам доложил о себе, выпил только чистой воды [2] и вообще держал себя так, словно сам черт ему не брат.

Яньло с улыбкой сказал:

— Чиновников назначают для того, чтобы они управляли народом. Даже от самых низших вроде курьеров или прислуги в таможне — от каждого есть свой вред и своя польза. Однако если считать чиновника хорошим только по одному тому, что он не гонится за деньгами, тогда и деревянный болван, стоящий в зале, который даже и воды не пьет, окажется во много раз лучше вас, а?

— Хотя у меня нет заслуг, но нет и проступков,— возразил чиновник.

— Всю свою жизнь ты думал только о собственной шкуре,— сказал Яньло.— [Разве], расследуя какое-либо уголовное дело, уклониться и ничего не сказать о своих подозрениях — не значит причинить вред людям? Или, предпринимая какое-либо дело, испугаться его серьезности и сложить руки — не значит принести вред стране? Что ты сделал за три года, расследуя дела? Не иметь заслуг — это и значит иметь проступки!

Чиновник начал подобострастно отвешивать поклоны. Яньло окинул его взглядом, засмеялся и сказал:

— Ну что ты так суетишься! Давай рассуждать спокойно: если окажется, что ты хоть в чем-нибудь проявил себя хорошим чиновником, то и в будущем перерождении ты не лишишься чиновничьих шапки и пояса.— И тут же велел препроводить его к Чжуаньлунь-вану [3].

Из двух этих историй видно, что, как бы ни была темна и неясна душа человека, духи и бесы в ней все углядят; и мудрецу, если он думает лишь о своей личной выгоде, не избежать наказания. И не верно разве то, что говорится в «Поучении правителю» [4]?

(11.) Было это в год *жэнь-цзы* правления императора под девизом Юн-чжэн *. У сына одного чиновника была жена, женщина кроткая, никогда ни с кем не споривша я. Однажды в окно ее комнаты вдруг влетела молния, озарила все вокруг ярким светом, с грохотом вошла к ней в сердце и вышла, пробив отверстие в левом боку. Муж ее тоже был обожжен пламенем, так что спина и крестец его почернели, да и дыхания он чуть не лишился. Прошло много времени, прежде чем он очнулся. Глядя на труп жены, он сказал, заливаясь слезами:

— Характер у меня тяжелый, упрямый, даже со своей матерью и то, бывало, ссорился. Ты же только тихонько жаловалась да огорчалась, молилась да скрывала слезы. Так почему же молния сразила тебя?

Уж если замыслят что-нибудь, толком не разобравшись во всем, то тут что люди, что духи — одинаково [допустят ошибку].

(12.) Буддийский монах У-юнь — не знаю, из каких мест он был родом,— в середине годов под девизом Кан-си временно пребывал в монастыре Цзышэн в Хэцзяни. Целыми днями он сидел, не произнося ни слова, и, когда с ним заговаривали, не отвечал.

Однажды он вдруг поднялся с сиденья, ударил по столу

* 1733 г.

и, не издав ни звука, исчез. Поглядели, а на столе лежит буддийский псалом, и в нем говорится:

Я голову обрил, забросил дом родной,
От суеты житейской отстранился,
Без сожаления порвал с семьей
И с бренным миром распростился.
Творить добро на благо всех людей,
Изведать мир душой любвеобильной
Способны только те, кто всех мудрей, —
Кун цзы да Чжоу гун [1],— а мы бессильны.

Законы Будды близки к учению Мо-цзы [2], а этот монах был ближе к Ян Чжу [3].

(13.) Студент У из Нинбо любил совершать прогулки по «Северному селению» [1], потом сошелся с лисой, часто тайно встречался с ней, но по-прежнему продолжал бывать в веселых домах. Однажды лиса предложила ему:

— Я владею искусством превращений. Могу принять облик любой красавицы, которая приглянется вам, стоит мне лишь разок на нее взглянуть. Подумайте об этом, почтеннейший, и если вы согласны, то так и сделаем: зачем вам тратить деньги на любовь!

Решили, и действительно лиса тотчас же приняла другой облик, так что ее не отличить было от той, что понравилась У. С тех пор он больше уже не ходил на сторону.

Как-то раз У сказал лисе:

— Разнообразие действительно радует душу, но жаль, что превращения разлучают навеки.

— Неверно,— возразила лиса,— радость от песен и плясок мгновенна, как вспышка молнии или искра, высеченная из камня. Если я превращаюсь в другую женщину, то подвергается превращению и она. Если подвергается превращению другая, то превращаюсь и я. На протяжении тысячелетий знаменитые певички, прекраснейшие из женщин проходили через превращения. Есть ли хоть одно место среди тополей и зеленых трав, на желтой земле и в темных горах, которое с древности не служило бы сценой для песен и тан-

цев? Чтобы оборвать любовную встречу, зарыть в землю нежный аромат, похоронить красавицу яшму, разлучить любящую пару — на все это нужно лишь одно мгновение! Двое становятся четой на краткий миг или на дни, на месяцы, даже на годы — и все равно наступает пора разлуки. А когда приходит пора разлуки, то и для тех, кто расстается, пробыв вместе несколько десятков лет, и для тех, кто встретился лишь на минуту, одинаково наступает момент, когда разжимаются объятия и в мгновение ока возникает пустота. Разве близость с любимой не похожа на весенний сон[2]? Как бы ни была глубока старинная привязанность, все равно наступает конец, исчезает цветущий лик и берет свое седина. Ведь человеческое тело не может принять прежнего облика. А если начать красить брови и белить щеки, нельзя ли это назвать превращением? Так разве со мною одной происходят превращения?

У понял то, что хотела сказать лиса.

Прошло несколько лет, и наступил день, когда лиса распрощалась с У и исчезла, а У покинул родные места и стал скитаться по свету.

(14.) Цзи Жу-ай из Цзяохэ и Чжан Вэнь-фу из Цинсяня были старыми начетчиками и имели учеников в Сянь. Как-то прогуливаясь при лунном свете, они оказались у заброшенного подворья. Все заросло кустарником, было темно, запущено, тихо...

Ощутив в сердце тревогу, Чжан предложил пуститься в обратный путь.

— В развалинах и у могил часто водятся бесы,— сказал он,— зачем нам здесь задерживаться?

Вдруг, откуда ни возьмись, появился какой-то старик, опирающийся на посох, и пригласил обоих присесть.

— Откуда бы в мире живых взяться бесам? — спросил он.— Разве вы не слыхали о рассуждениях Юань Чжаня[1]? Оба вы, достопочтенные, ученые-конфуцианцы, зачем же вы верите глупой болтовне буддистов о существовании нечисти!

И тут он стал объяснять им смысл учения братьев Чэн?

и Чжу Си[3], приводить всяческие аргументы и доказательства, и все это в изысканных выражениях, плавно и красноречиво. Слушая его, оба начетчика согласно кивали головами, проникаясь истиной, содержащейся в учении сунских конфуцианцев. Угощаясь предложенным им вином, они даже забыли осведомиться об имени своего хозяина.

Но вот вдалеке послышался грохот проезжающих мимо больших телег и повозок[4], зазвенели колокольчики коров. Оправив одежду, старик поспешно поднялся и сказал:

— Покоящиеся под Желтыми источниками[5] люди обречены на вечное молчание. Если бы я не повел речей, отрицающих существование бесов, то не смог бы удержать вас здесь, почтеннейшие, и мне не довелось бы скоротать вечерок за беседой. Сейчас нам пора расстаться, и я почтительнейше прошу вас не сетовать на меня за шутку!

Мгновение — и старик исчез.

В этой местности ученых мужей было очень мало, только могила господина Дун Кун-жу находилась неподалеку. Может быть, это был его дух?

(15.) Студент Тан из Хэцзяни любил всякие шутки и розыгрыши. Еще и до сих пор местные жители передают рассказы о его проделках.

Был один учитель, который любил разглагольствовать о том, что бесов на свете не бывает. Как-то раз он сказал:

— Говорят, что Юань Чжаню повстречался бес, а было ли такое на самом деле? Может, это просто бредни буддистов?

Той же ночью Тан кинул мокрую землю в окно этого учителя и начал стучать в его дверь.

— Кто там? — дрожащим голосом спросил учитель.

Тан ответил:

— Я — врожденные способности сил Света и Тьмы[1].

Испугавшись так, что руки и ноги у него задрожали, учитель заставил двух своих младших братьев остаться с ним до рассвета. Измученный бессонной ночью, он не поднялся на

следующий день с постели и на расспросы друзей, пришедших проведать его, только отвечал со стоном:

— Нечистая сила одолела.

Те понимали, что это проделки Тана, и от души веселились. Однако с этих пор нечистая сила расходилась вовсю: стала швыряться камнями, черепицей, дергать двери и окна, не пропуская ни одной ночи. Вначале думали, что это снова приходит Тан, но потом проследили, и оказалось, что это действительно бес. Справиться с ним не было никакой возможности, и учителю пришлось покинуть свой дом.

После первого пережитого им страха учитель устыдился [2], тут-то дух его совершенно ослаб, и нечисть, воспользовавшись этой слабостью, овладела учителем. Разве не в этом кроется секрет власти духов над человеком?

(16.) Некий *цзюйжэнь* [1] родом из Тяньцзиня гулял как-то с друзьями в предместье. Все это были люди молодые, ветреные. Заметив, что в тени деревьев верхом на осле едет молодая женщина, друзья воспользовались тем, что ее никто не сопровождает, и всей толпой увязались за ней следом, выкрикивая всякие шутки и оскорбительные словечки.

Женщина ни словом не отзывалась на их приставания и только нахлестывала своего ослика. Когда же двое или трое из этих молодцов забежали вперед, женщина неожиданно соскочила с осла и ласково заговорила с ними, словно радуясь этой встрече.

В это время подоспел и *цзюйжэнь* с остальными приятелями и узнал в ней свою жену. Но только жена его не ездила верхом и в тот день не была в предместье. В сомнении и гневе он подошел поближе и стал бранить женщину, а она по-прежнему весело смеялась. Тогда, охваченный яростью, он замахнулся, собираясь дать ей оплеуху, но она вдруг легко вскочила на спину осла, приняла другой облик и, указав хлыстом на *цзюйжэня,* сказала с упреком:

— Увидев чужую жену, начал оскорблять ее, а увидев свою, вон в какую ярость пришел. Книги древних мудрецов вы читали, но, видно, так и не поняли значения слова «про-

щать». Да разве выйдет из вас что-нибудь путное? — сказала и уехала.

А *цзюйжэнь* даже посерел весь, стоит как вкопанный и с места сдвинуться не может. Так он и не узнал, что это был за оборотень.

(17.) Тянь Бо-янь из Дэчжоу рассказывал:

«Губернатор Э, оказавшись в горах между провинциями Дянь и Цянь, увидел, как даосский монах, прижав к камню молодую красивую женщину, собирается вырезать у нее сердце. Красавица жалобно звала на помощь. Э галопом погнал своего скакуна и успел схватить даоса за руку. Красавица вскрикнула и, превратившись в пламя, улетела.

Топнув в ярости ногой, даос воскликнул:

— Она — оборотень! Своими чарами она довела до погибели уже более сотни людей, ее нужно было покарать, но так как она искусна и опытна в своем деле, то, если ей отрубить голову, дух ее сумеет спастись, а чтобы она умерла, необходимо было вырезать ее сердце. Отпустив ее на волю, вы стали причиной нескончаемых бед [в грядущем]. Это все равно что пожалеть хищного тигра, не подумав о тех лосях и оленях, которых он растерзает, о тех жизнях, которые он отнимет!

Вложив кинжал в ножны, даос в досаде и огорчении перешел речку и скрылся из виду.»

Рассказанная Бо-янем притча напоминает поговорку: «Пусть уж лучше один плачет, чем многие».

Тот, кто отнесся снисходительно к чиновнику-взяточнику, считает, что совершил доброе дело, да и другие называют его великодушным, но ведь о бедном-то люде, что продает своих сыновей и отдает своих жен в наложницы, он не подумал. Куда же годится такой сановник?

(18.) Сяньсяньский чиновник Ван (имени его я не знаю) работал писцом и поднаторел в вымогательствах. Но каждый раз, как у него накапливалось достаточно денег, он непременно тратил их на жертвоприношения в предместье.

В храме духа — покровителя города[1] был мальчик — даосский служка. Прогуливаясь как-то ночью по галерее храма, он заметил двоих в одежде мелких чиновников. Держа в руках счетную книгу, они что-то сверяли в ней.

— В нынешнем году он довольно много скопил, — сказал один из них,— но как бы его заставить все промотать?

Поразмыслив, второй ответил:

— Цуй Юнь вполне с этим справится, не стоит вам утруждать себя этой заботой.

В храме постоянно водились бесы, мальчик привык их видеть и не испугался, но он не знал, кто же эта Цуй Юнь и кого надо заставить промотать деньги.

Прошло некоторое время. В том городе появилась молоденькая певичка Цуй Юнь. Этот писец Ван страстно в нее влюбился и потратил на нее чуть ли не восемь-девять десятых всего, что скопил. Потом он заболел, и все, что оставалось, ушло на врачей и лекарства. Когда же поправился, оказалось, что он разорен начисто.

Люди подсчитали, что раньше у него было тысяч тридцать-сорок.

Позже он сошел с ума и скоропостижно скончался. На гроб[2] и то денег не оставил.

[19. Человеку является красавица-оборотень.].

(20.) В доме цензора Е Люй-тина начались вдруг лисьи чудеса: то средь бела дня кто-то с кем-то разговаривает, то Е Люй-тина с места сгонят, повсюду устроят беспорядок, нашкодят, то вдруг рюмки и чашки в пляс пойдут, то мебель по комнатам начнет расхаживать... Е Люй-тин рассказал об этом Чжан Чжэнь-жэню, и тот послал за даосским монахом.

Сначала даос написал амулет, но кто-то сейчас же разорвал этот амулет в клочья. Тогда даос посоветовал устроить жертвоприношение в честь духа — хранителя города, но и это не помогло.

— Наверняка это проделки Небесной лисы[1],— сказал даос,— без доклада Небу тут не обойтись.

Тогда воздвигли помост и начали семидневное служение. На третий день лиса все еще бранилась, но на четвертый она вдруг стала сама любезность и уступчивость. Е Люй-тин не хотел с ней ссориться и предложил кончить дело миром, но Чжан Чжэнь-жэнь возразил:

— Доклад ведь уже пошел на Небо, теперь не догонишь.

Наступил седьмой день. Внезапно послышался шум, грохот, окна и двери все нараспашку, до самого вечера не стихал шум.

Даос вызвал на подмогу других духов, и тогда только удалось схватить лису. Ее затолкали в глиняный сосуд с узким горлышком и закопали за воротами Гуаньцюймэнь[2].

Как-то я спросил Чжан Чжэнь-жэня о том, как удается изгнать нечистую силу. Он ответил:

— Я тоже толком не знаю, как это происходит, но следую установленным правилам. В большинстве случаев духи и бесы подчиняются печати[3], амулеты же находятся в ведении даосов. Постигший истину[4] подобен сановнику, а даос — мелкому чиновнику, без даоса он не может составить амулет, а даос без Постигшего истину не сможет поставить печать, амулет его не будет чудотворным. Что же до того, будет ли толк от этого или нет, так это похоже на официальные документы по судебным делам: либо они принимаются во внимание, либо оспариваются — раз на раз тут не приходится.

Рассуждение это показалось мне очень близким к истине. Я еще спросил:

— Допустим, что в заброшенном жилище или в глубоких горах вам повстречается вдруг нечистая сила, сумеете вы подчинить ее себе или нет?

— Возьмем в качестве примера сановника в пути,— ответил Чжан Чжэнь-жэнь,— разбойники, естественно, разбегаются и прячутся от него кто куда, а какой-нибудь из них не знает, что здесь проезжает сановник со свитой, продолжает себе разбойничать, и вдруг перед ним бунчуки и зна-

мена. Сановник же, хотя у него есть все полномочия, все-таки не решится завербовать его на военную службу. Вот так обстоит и с тем, о чем вы спрашиваете.

Эти слова тоже очень верны. Но в таком случае, все разговоры о чудесах, которые творят духи, сильно преувеличены.

[21. Оценка Цзи Юнем конфуцианцев ханьской и сунской династий.]

(22.) Глава палаты земледелия Цао Чжу-сюй[1] рассказывал, что его двоюродный брат как-то на пути из Шэ в Янчжоу заехал к своему приятелю. Лето было в разгаре, стояла жара, и его приняли в библиотеке — большой прохладной комнате. Когда наступил вечер, он спросил, нельзя ли ему тут переночевать, но приятель ответил:

— В этой комнате водится нечистая сила, ночевать здесь невозможно.

Однако Цао настоял на своем.

Когда наступила полночь, через щель в двери стало вползать с шуршанием что-то тонкое, как листок бумаги. Очутившись в комнате, оно начало расти, принимать человеческий облик и превратилось наконец в женщину. Цао ни капельки не испугался. Тогда бес неожиданно распустил волосы и, высунув как можно дальше язык, принял облик повесившейся женщины. Но Цао рассмеялся и сказал:

— Волосы те же самые, только растрепанные, и язык тот же самый, только подлиннее немножко, чего же, собственно, тут бояться?

Тогда бес вдруг сорвал с себя голову и положил ее на стол. Но Цао снова засмеялся:

— Даже с головой вы были не страшны, а уже без головы-то и подавно.

Больше, видно, у беса не было трюков, и ему пришлось удалиться с позором.

На обратном пути Цао опять остановился на ночлег в этом же доме. Когда наступила полночь, в дверь снова ста-

ло что-то вползать, но не успело оно просунуть голову, как Цао закричал:

— Эта мерзость опять здесь? — и бес исчез, так и не войдя в комнату.

История эта похожа на то, что произошло с Цзи Чжун-санем [2].

Ведь тигр не станет жрать пьяного, ибо тот его не боится. Когда человек боится, сердце его не на месте, раз сердце не на месте, то и мысли в смятении, а когда мысли в смятении, тут-то злой дух и завладевает человеком. А если человек не боится, сердце его спокойно, раз сердце спокойно, то и воля тверда, а раз воля тверда, то никакой злой дух не осмелится и подступиться. Древний автор рассказа о Чжун-сане говорит, что сердце его было таким твердым и спокойным, что бес, устыдившись, убрался восвояси.

[23. Небо карает заносчивого человека.]

(24.) Для актерского искусства нужна сноровка и сметка, но то же самое нужно и для искусства «перемещать предметы».

Помню, когда я был маленьким, какой-то фокусник в доме моего деда, господина Сюэ-фэна, поставил на стол рюмку с вином, а затем ударил по столу рукой, и рюмка вошла в стол, так что верхний ее край оказался на одном уровне с поверхностью стола. Когда же стали щупать, то дна рюмки не было заметно, и только по прошествии некоторого времени она вылезла обратно на свое место. Вот это была ловкость рук!

Потом фокусник приподнял большую пиалу с рыбным фаршем, толкнул ее, и она исчезла. Он приказал пиале вернуться на место, но потом сказал:

— Нет, не получится. Фарш залез в выдвижной ящик шкафа, что с картинами в библиотеке.

А в библиотеке тогда находилось множество всяких старинных вещей, все впритык, в тесноте, да и, кроме того, ведь высота выдвижного ящика была всего только два цуня,

а пиала была высотой цуня в три-четыре, не меньше. Конечно, пиала не могла бы в него влезть. Даже странно, что он сам этого не сообразил сразу.

Тетка велела открыть библиотеку. Смотрим, а пиала стоит на столе, и в ней отросток цитруса, блюдо же, в котором раньше был этот отросток, стоит с фаршем в ящике шкафа.

Разве это не пример искусства «перемещать предметы»?

По мысли кажется, что обязательно чего-то не должно быть, а на деле оказывается, что оно будто присутствует, как в данном случае; и выходит, что и по мысли предполагалось его отсутствие. Всяческие чудеса, проделки горных духов, ворующих вещи и похищающих людей, ничем от этого не отличаются. Да и умение тех, кто может изгонять горных духов и разрушать лисьи чары, тоже ничем не отличается: раз могут изгонять, значит, могут и подчинить себе; раз могут воровать людей, значит, могут воровать и для людей. В чем же разница?

(25.) Наш старый слуга по имени Чжуан Шоу рассказывал:

«Когда-то, служа у одного чиновника, я увидел на рассвете, что к моему хозяину прибыл какой-то сановник и сразу вслед за ним другой. Видно было, что все они состоят в дружеских отношениях. Побеседовали, обменялись какими-то секретными сообщениями, а затем оба гостя вместе ушли. Хозяин мой тоже велел запрягать и уехал, а вернулся уже в сумерках. Лошадь была сильно утомлена, да и сам хозяин выглядел очень усталым. Вдруг снова явились те двое и стали шептаться при свете лампы, кивают головами, руками размахивают, хмурят брови, в ладоши хлопают, видно, важное дело обсуждают. На водяных часах уже было время второй стражи, и я услышал вдали за северным окном чье-то хихиканье, а они в доме ничего не слышали. Пока я колебался, не зная, что предпринять, вдруг послышался протяжный вздох и кто-то сказал:

— Зачем же так?

Тут уж я поднял и хозяина и гостей, они распахнули ок-

но, но после недавнего дождя земля стала гладкая, как ладонь, никаких следов не осталось, они решили, что я брежу со сна.

Но ведь все это время, чтобы кто-нибудь не подслушал их разговор, я сторожил под южной стороной кровли, спрятавшись в цветнике, и глаз не сомкнул, и слова не произнес.

Так и до сих пор не знаю, что же это было.»

(26.) *Цзюйжэнь* Цю Эр-тянь из Юнчуня как-то отдыхал на дороге у озера Цзюлиху и увидел, что по тропе быстро едет мальчик на быке. Доехав до Цю Эр-тяня, он на минуту остановился и продекламировал:

Приду я — и ветер с дождем налетят,
Уйду я — и солнце в тумане волнистом.
Вершину косые лучи озарят —
Это я возвращаюсь тропою гористой.

Цю очень удивился: как это деревенский мальчишка сумел сочинить такие стихи? Хотел было расспросить его, смотрит — только бамбуковая шляпа мелькает среди елей и можжевельника, мальчишка успел уже проехать больше половины ли.

Так Цю и не узнал, дух ли какой-нибудь или бессмертный над ним пошутил, то ли деревенский мальчишка, услыхав, как кто-то читал эти стихи, запомнил их...

[27. Человек на заброшенном постоялом дворе видит стихи, написанные бесом.]

(28.) Мой свояк Ли Лу-юань, по прозванию Цзи-чао, родом из Цзинчжоу, получивший степень *цзюйжэня* в год *цзя-у* правления под девизом Кан-си *, был искусен в сочинении стихов.

Как-то в тот период, когда он ожидал назначения на должность, во сне сочинил парные строки:

* 1715 г.

С горы Цзи разлетаются прочь *луани* [1],
На горе Эмэй служил Цюй.

Проснувшись, он сам не мог понять, что это значит. Впоследствии получил назначение в Хунань. Там он и умер. А это было место, где слагал свои стихи Цюй Юань [2].

(29.) У моей покойной бабушки, госпожи Чжао, был маленький пятнистый щенок. Боясь, что он будет воровать мясо, служанки, сговорившись, убили его. Среди них была одна, по имени Лю-и. Ей приснилось, что этот щенок пытается загрызть ее, и она стала кричать и бредить во сне. Узнав об этом, бабушка сказала:

— Служанки убили собаку сообща, почему же она затаила обиду на одну только Лю? Видно, Лю сама воровала мясо и потому не может успокоиться.

Стали выяснять. Оказалось, так и было.

[30. Цзи Юнь видит духов деревьев.]

(31.) Господин Сун Цин-юань из Дэчжоу рассказывал: «Даос Люй — не знаю, откуда он родом,— был искусен в магии. Как-то он гостил в доме главы палаты земледелия Чжана из Тяньшаня, а там как раз собрались гости полюбоваться вистариями. Среди них был один мирской ученый, человек недалекий, рассуждавший вульгарно и пошло; говорил он, что называется, не закрывая рта и всем невыносимо надоел. Особенно же надоел он одному молодому человеку, который и буркнул, не подумавши:

— Хватит языком-то молоть без конца!

Этот ученый чуть не с кулаками полез на него. Находившийся среди гостей старый начетчик начал было их мирить, но они его и слушать не стали; тогда и он разозлился. Настроение у всех, разумеется, испортилось. Даос что-то шепнул мальчику-слуге, тот принес ему бумагу и кисть, даос нарисовал амулеты и тут же их сжег. Внезапно все трое ссорившихся поднялись со своих мест и начали кружиться по двору.

Затем тот пошляк-ученый быстро направился к юго-восточному углу двора, уселся там и стал без умолку рассуждать сам с собой. Когда прислушались, оказалось, что он ведет беседу с женой и наложницей о всяких своих домашних делах. Вдруг он начинал оглядываться по сторонам и словно мирить кого-то, или оживленно спорил сам с собой, или принимал виноватый вид: то согнет одно колено, а потом оба, то без конца бьет поклоны.

Поглядели на юношу, а он сидит в юго-западном углу на перилах, стреляет глазами во все стороны и что-то вкрадчиво говорит; то вдруг весело засмеется, то начнет рассыпаться в благодарностях, а то запоет тихонько арию из «Девушки, стирающей пряжу»[1], а потом трубит, трубит без конца и руками ударяет в такт, принимая изящные позы.

Что же до старого начетчика, то он сидел в строгой позе на каменном мостике и читал наизусть главу из *Мэн цзы*[2], повествующую о делах цисского Хуаня и цзиньского Вэня, рассекая фразы и слова, взглядами делая замечания, словно руководя занятиями четырех-пяти учеников: то покачает вдруг головой и скажет: «Неверно», то вдруг посмотрит сердито и крикнет: «Все еще не понял?» — и без конца клокочуще кашлял.

Все в удивлении стали смеяться, но даос взмахом руки прекратил смех.

Наступило время расходиться по домам. Даос снова сжег три амулета, и те трое тупо замерли в растерянных позах. Прошло немного времени, и они стали приходить в себя. Решив, что спьяну задремали в гостях, они стали рассыпаться в извинениях. Гости начали расходиться, потихоньку посмеиваясь.

— Это ничтожное искусство,— сказал даос,— о нем и говорить-то не стоит. Е Фа-си[3], когда он привел танского императора Мин-хуана в Лунный дворец, пользовался этими амулетами.»

В то время Е Фа-си по ошибке числили настоящим святым, а узколобые конфуцианцы считали все это вздором — ведь это свидетельствует об узости кругозора и обывателей

и начетчиков. Потом на постоялом дворе Е Фа-си задержал с помощью талисмана отлетевшую душу любимой наложницы Мин-хуана. Когда она ожила, он поднялся на колесницу и исчез вместе с красавицей.

Уж не потому ли книга «Чжоуских установлений»[4] запрещает говорить народу о чудесах?

(32.) Старый начетчик Цзи Жунь-чу из Цзяохэ в год *и-мао* правления под девизом Юн-чжэн * отправился сдавать государственные экзамены в главный город провинции[1] и к вечеру прибыл в Шимэньцяо.

На постоялом дворе все было переполнено, свободна была только маленькая комнатушка, выходившая окнами на конюшню,— там никто не соглашался ночевать. Временно он и поместился в ней. Лошади били копытами, и всю ночь ему не удалось сомкнуть глаз.

Когда все в доме заснули, Цзи Жунь-чу вдруг услышал, что лошади разговаривают между собой. Он любил читать всякие старые истории, и ему вспомнился рассказ о каком-то человеке времен Сун, который у плотины слышал, как разговаривали лошади. Поняв, что это не оборотни, Цзи, затаив дыхание, стал слушать разговор лошадей.

— Только сегодня мне довелось узнать вдруг муки голода. Где же теперь сено, бобы, деньги, которые я обманом копил? — сказала одна лошадь.

— Мы ведь чаще всего перерождаемся из конюхов[2],— ответила ей другая,— как переродимся, так узнаем, что это значит, а при жизни не понимаем. Так чего уж тут жаловаться!

При этом все лошади жалобно вздохнули.

— Приговоры в Царстве мертвых тоже не очень-то справедливы,— послышался голос одной из лошадей,— ну за что Ван-у превратили в собаку?

— Как-то стражник в Царстве мертвых рассказывал,— ответила другая,— что Ван распутничал с чужой женой и

* 1735 г.

двумя ее дочерьми, а потом отобрал у них все деньги. И это ведь только часть его преступлений.

— Это верно! Вина бывает большой, бывает и незначительной! — сказала какая-то лошадь.— Вот Ци Лю убил свинью и в перерождении стал мясником. Ему-то гораздо хуже, чем нам[3].

Цзи Жунь-чу кашлянул, и в то же мгновение разговор стих. Цзи рассказал об этом конюхам, чтобы предостеречь их.

(33.) Была у нас служанка, которая за всю жизнь не произнесла ни одного бранного слова. Она рассказывала, что была свидетельницей того, как у ее бабки, великой мастерицы ругаться, без всякой болезни вдруг распух язык до самой гортани, так что она ни пить не могла, ни есть, ни слова сказать. Несколько дней промучилась и умерла.

(34.) Один студент, находясь как-то вечером дома, позвал жену и наложницу, а те не шли. Спросил маленькую служанку, где они, и та ответила:

— А они с каким-то молодым человеком уехали в южном направлении.

Студент схватил меч и помчался вдогонку. Догнав, хотел было отрубить им головы, как вдруг юноша исчез, а на месте его появился старый буддийский монах в красном плаще[1], в одной руке у него чашка для сбора подаяний, в другой — посох. Ударив посохом по мечу, старик сказал:

— Ты все еще ничего не понял! Слишком много думаешь о личной выгоде, слишком много в тебе зависти, слишком много хитростей, они и мешают тебе прозреть. Духи питают отвращение ко злу, творимому исподтишка, поэтому и решено было, чтобы эти женщины отмолили твои грехи. Чья же тут вина? — сказал и исчез.

В полном молчании студент повез женщин домой. Обе они говорили:

— Мы раньше никогда не видали этого юношу, да он нам совсем и ни к чему, только нас вдруг одолела какая-то

растерянность, мы были словно во сне, когда поехали за ним.

Соседи рассуждали так:

— Ведь не из развратных же побуждений сбежали эти женщины из дому! И не сговаривались раньше. Как же они поехали за ним? Ведь при побеге от людей прячутся, а они так открыто, средь бела дня уехали, да еще медленно, словно дожидаясь, пока их нагонят? Наверное, студента действительно духи покарали!

Но так в конце концов и не могли назвать совершенное им зло. Видно, это действительно было зло, творимое исподтишка!

(35.) Как не поверить в то, что дела наши всегда предопределены?

Весной года *у-цзы** по просьбе одного человека я написал стихи на картине, изображавшей инородца-охотника, вооруженного луком и едущего верхом на коне:

Белых трав островерхий раскинулся луг,
Скот тучнее день ото дня.
Ты могучей рукой натянул свой лук
И спешишь, горяча коня.
Но куда же ты мчишь? Выпить алую кровь
Антилопы, сраженной стрелой,
Чтобы завтра средь горных тяньшаньских снегов
Не свалил тебя ветер ночной.

В восьмую луну того же года человек этот был отправлен с армией в Сиюй.

В другой раз достопочтенный Дун Вэнь-кэ[1] нарисовал мне картину, на которой был изображен осенний лес. Стихотворной надписи на картине не было. После этого я попал в Урумчи. К западу от города на протяжении нескольких десятков ли тянулся густой лес, огромные древние деревья вздымались до самых облаков. В былые дни полководец

* 1768 г.

Уми Тай[2] воздвиг в этом лесу беседку и дал ей имя Сю е*. Гуляя там на досуге, я понял, что эти места — точь-в-точь те, что были изображены на подаренной мне картине. Поэтому в год *синь-мао* **, вернувшись в столицу, я написал следующее стихотворение:

Подмерзающий лист пожелтел,
На каменьях темнеет иней.
Одиночество — мой удел,
Я пишу, околдован пустыней.
Кто мог знать, что у западных круч
Мне придется по свету мыкаться,
Где деревья до сизых холодных туч
И беседка Цветущей дикости.

(36.) В Наньпи жил человек, умевший излечивать кожные заболевания. Талант у него был большой, но он любил втайне применять ядовитые лекарства, требовал с больных высокой оплаты, а тот, кто не выполнял его требований, обязательно умирал. Держал он свои средства в глубокой тайне, так что другие врачи ничего о них не знали.

И вот однажды его сына убило молнией, а тот человек жив и до сих пор, только никто больше не решается обращаться к нему за врачебной помощью.

Кто-то сказал:

— Он многих убил, почему же Небо не его казнило, а его сына? Это несправедливое наказание!

Но ведь если преступление не карается высшей мерой, о нем будет неведомо даже детям преступника; если зло не достигает высшего предела, о нем не узнают даже современники. Небо казнило его сына, и благодаря этому преступления его стали известны повсюду.

(37.) Ань Чжун-куань рассказывал:

«Некогда, во время измены У Сань-гуя[1], жил колдун, искусный в гаданиях и предсказаниях. Намереваясь примкнуть к У Сань-гую, он отправился в путь и по дороге повстречал

* Сю е — букв. «цветущая дикость».

** 1771 г.

человека, который тоже собирался присоединиться к У Сань-гую. Они заночевали вместе в пути. Новый знакомый колдуна улегся спать около южной стены.

— Не спите здесь, почтеннейший,— остерег его колдун,— к одиннадцати часам ночи эта стена обрушится.

— Не очень-то вы, почтеннейший, овладели своим искусством,— возразил тот,— стена-то ведь обрушится наружу, а не внутрь!

Наступила ночь, так и вышло, как он предсказал.»

А я скажу, что все это очень преувеличено! Если этот человек мог знать, что стена обрушится наружу, как же он не знал, что У Сань-гуй наверняка потерпит поражение?

(38.) Один буддийский монах гостил в доме уроженца Цзяохэ господина Су из палаты личного состава и аттестации; этот монах был искусен в магии, постоянно устраивал всякие чудеса и фокусы, говорил, что у него был общий учитель с самим даосским патриархом Люем [1].

Как-то раз он вылепил свинью из комка глины, произнес заклинание, и свинья ожила. Еще раз прочитал заклинание, она подала голос, прочитал в третий раз — свинья стала скакать по комнате. Тогда он передал ее повару, чтобы тот приготовил ее и подал гостям. Было не очень вкусно, а когда поели, всех гостей стало рвать кусочками глины.

Был там один ученый. Из-за дождя ему пришлось остаться ночевать вместе с этим монахом. Отвесив поклон, он обратился к монаху со следующими словами:

— В *Тай-пин гуанцзи* [2] рассказывается об одном колдуне, который произнес заклинание над кусочком черепицы, дал этот кусочек одному человеку, и стена перед ним раздвинулась, так что он смог проникнуть в чужие женские покои. А вы можете так сделать?

— Это нетрудно,— ответил монах, подобрал кусочек черепицы, долго читал заклинание, а потом сказал:

— Держа эту черепицу в руках, вы сможете проникнуть но только не произносите ни слова, а то чары мгновенно рассеются!

Ученый попробовал, и стена действительно расступилась перед ним. Он пошел вперед и увидел ту, о которой мечтал. Она только что сняла с себя украшения и легла спать. Помня запрет монаха, человек этот не решился заговорить, а сразу закрыл навесную дверь, поднялся на лежанку и овладел женщиной, которая радостно отвечала на его ласки. Утомившись, он крепко заснул. Когда он открыл глаза, он увидел, что на лежанке рядом с ним... его жена. Только было начали они расспрашивать друг друга, как в дверь постучал монах.

— Мое ничтожное искусство развлекло вас, почтенный,— сказал он.— К счастью, серьезного вреда добродетели оно не причинило и не явится причиной тяжелых последствий.

— Правда, бог домашнего очага уже внес в записи это событие, хотя серьезной кары и не воспоследует, но боюсь, что карьере вашей это помешает,— вздохнув, добавил он.

И действительно, ученый этот потерпел неудачу. Только в старости он проникся пониманием Истины и кончил жизнь в нищете.

(39.) В середине годов правления под девизом Кан-си Ху Вэй-хуа из Сяньсяня под предлогом моления собрал своих сообщников, с которыми хотел поднять мятеж. Одну группу, идущую по дорогам из Дачэна и Вэньани, отделяло от столицы сто с лишним ли. Тем, кто шел из Цинсяня и Цзинхая до Тяньцзиня, надо было проделать больше двухсот ли. Вэй-хуа решил поделить отряды на две группы: первая должна была неожиданно захватить столицу, вторая, взяв Тяньцзинь, завладеть морскими судами. Если все сложится благополучно, то из Тяньцзиня отряды должны были пойти на север, а нет — обойти Тяньцзинь и на судах выйти в открытое море. Но один из сторонников Ху Вэй-хуа изменил ему, и все обнаружилось. Правительственные войска окружили их, стали палить из пушек и никого не оставили в живых.

А началось все с отца Вэй-хуа, Ху, который слыл человеком щедрым, любившим помогать беднякам и никому не причинившим серьезного вреда. У соседа Ху, старого начетчика

Чжан Юэ-пина, была дочь, красавица, какой во всем государстве, пожалуй, равных не было. Увидев ее, Ху совсем потерял голову. Но старый Юэ-пин очень дорожил дочерью и не хотел отдавать ее в наложницы Ху, все оттягивал, ссылаясь на то, что она еще очень молода.

Родители Юэ-пина скончались в Ляодуне, и он постоянно скорбел, что не смог их похоронить как положено, на родине. Наняв человека, чтобы он перевез тела родителей в родные края, Юэ-пин обещал ему подарить за это участок земли для погребения его родных. Труп этого человека нашли на поле Юэ-пина — так он его отблагодарил! Чиновники, ведшие расследование, пытались доказать, что убийца — Юэ-пин, но тому всеми правдами и неправдами удалось отвести от себя обвинение и добиться оправдания.

Однажды жена Юэ-пина, взяв с собой дочь, отправилась проведать своих родителей, вернуться она должна была через несколько дней. Юэ-пин остался дома с тремя сыновьями, совсем еще маленькими. Ху втайне подослал своего человека, тот ночью запер все двери и поджег жилище Юэ-пина, отец и трое сыновей сгорели. Ху притворился очень опечаленным, похоронил их за свой счет, помогал жене Юэ-пина и его дочери. Жена Юэ-пина приняла все это как веление судьбы.

[Когда кто-то] хотел жениться на дочери Юэ-пина, мать ее посчитала необходимым посоветоваться с Ху, и тот запретил ей отдавать дочь замуж, и брак не состоялся. Прошло довольно много времени, и Ху перестал скрывать свое намерение взять дочь Юэ-пина в наложницы. Мать ее считала, что Ху этим оказывает им честь, и готова была согласиться. Дочь вначале не соглашалась, но потом ей приснился отец, который сказал ей:

— Если не пойдешь за него, помешаешь исполниться моей воле!

Тогда она покорилась судьбе.

Через год с небольшим она родила Вэй-хуа и сразу же умерла.

А Вэй-хуа кончил предательством, как и его отец, Ху.

[40. Женщина мстит за смерть своего мужа.
41. Дух человека, умершего в чужих краях, плачет потому, что его не похоронили на родине.]

(42.) Фань Вэй-чжоу рассказывал, что как-то раз, когда ему пришлось переправляться через реку Цяньтанцзян, на джонку поднялся буддийский монах, прошел, не поздоровавшись, мимо того места, где сидел Вэй-чжоу, и стал, прислонясь к мачте. На попытку втянуть его в разговор монах не откликнулся и смотрел в сторону, словно целиком был занят своими мыслями. Удивленный его заносчивостью, Вэй-чжоу не стал к нему больше обращаться. В это время поднялся вдруг сильный западный ветер, и Вэй-чжоу невольно произнес вслух:

На джонку волны [1]
Несутся бурно,
И встречный ветер
Гребца страшит, —

и так как следующие строки не давались ему, то он что-то бормотал себе под нос, а монах тихо проговорил:

Зачем же на башне [2]
В наряде пурпурном
По-прежнему дева стоит?

Не вникая в сказанное монахом, Вэй-чжоу снова попытался втянуть его в разговор. Монах по-прежнему не отвечал. Как раз в это время джонка причалила к берегу и стала видна башня и стоящая на ней девушка в красной одежде. Очень удивившись этому, Вэй-чжоу снова стал расспрашивать монаха, и тот сказал:

— Случайно заметил издали.

Однако на реке стоял туман, мешавший видимости, здания были им скрыты так, что издали заметить что-либо было невозможно. Догадавшись, что перед ним провидец, Вэй-чжоу хотел было воздать ему должные почести, но монах уже ушел. Растерявшийся Вэй-чжоу неуверенно пробормотал:

— Видно, это был второй Ло Бинь-ван [3]!

[43. Дух дерева, срубленного чиновником, мстит его дочери.]

(44.) Достопочтенный Цянь Вэнь-минь [1] сказал:

«Разве то, как Небо дарует счастье и беды, не напоминает государя, который дарует награды и наказания? Разве то, как тщательно во всем разбираются духи, не напоминает подробных донесений чиновников?

Допустим, поступила письменная жалоба, в которой говорится: «Такой-то живет безупречно, успешно исправляет занимаемую должность. Однако карьера его должна кончиться плохо, ему предстоят плохие дни, следует сурово его покарать». Как должно к этому отнестись начальство — согласиться или оспорить?

Или допустим еще, что поступило представление о повышении кого-то в должности, в котором сказано: «Такой-то совершает множество проступков, на занимаемой должности груб. Однако карьера его будет счастливой, ему предстоят благоприятные дни; заслуги его должны быть награждены повышением в должности». Как должно отнестись к этому начальство — согласиться или оспорить?

То, что им надо, чиновники оспорят, а согласие свалят на духов. Вот почему я считаю неправильным все эти разговоры о выборе жилья с помощью геомантов [2].»

Сказанного Вэнь-минем совершенно достаточно, чтобы осудить геомантов, тут и спорить, собственно, не о чем. Однако я сам видел примеры того, что можно назвать «несчастливым выбором жилья».

В столице, на южной стороне улицы, напротив храма Цзигусы [3], стоял дом. В нем поселился чиновник Цао Сюэ-минь [4]. Только он переехал туда, как в тот же вечер двое его слуг умерли насильственной смертью. В испуге он сейчас же съехал оттуда.

В северном конце улицы Фэньфан люлицзе [5] был дом, в котором поселился профессор Шао Да-шэн. Средь бела дня в нем постоянно происходили всякие чудеса, но Шао был

человеком твердым, не трусливого десятка, так и прожил там до самой смерти. Разумно ли это?

Достопочтенный Лю Вэнь-чжун[6] говорил:

— Выбирая место для жилья, глядели в «Книгу исторических деяний»[7], выбирая же благоприятный день [для каких-либо начинаний], глядели в «Книгу о правилах поведения»[8]; если бы там не было благоприятных и неблагоприятных предзнаменований, как гадали бы мудрецы? Но опасаюсь, что нынешним гадателям это неизвестно.

Вот это — беспристрастное рассуждение.

(45.) Пань Бань[1] из Цанчжоу был искусен в каллиграфии и живописи. Сам он называл себя «Даос Хуан-е». Как-то раз он заночевал в кабинете у своего приятеля. Вдруг слышит, как за стеной кто-то тихонько проговорил:

— Раз господин не оставил никого ночевать с собой сегодняшней ночью, я к нему выйду.

Испуганный Пань Бань убежал из комнаты.

— Да тут давно уже водится это диво,— сказал ему приятель,— это прелестная девушка, никому не причиняющая вреда.

Потом приятель по секрету говорил близким людям:

— Разве господин Пань так всю жизнь и будет оставаться бедным ученым? Ведь это диво не бес, не лиса, я, правда, не доискивался, что оно такое, но только знаю, что к простым людям оно не выходит и к богачам не выходит; только если человек окажется очень талантливым, тогда оно выйдет, чтобы разделить с ним ложе.

Впоследствии Пань Бань потерпел неудачу. Лет через десять, а может, и больше ночью в кабинете вдруг послышался чей-то плач. На следующий день порывом ветра сломало старое абрикосовое дерево. На этом чудеса кончились.

Дед мой со стороны матери, господин Чжан Сюэ-фэн, как-то пошутил:

— Какое прекрасное наваждение! А он-то — все его помыслы и были лишь о красавицах!

(46.) Начальник внутренней стражи дворца Чэн Фэн-яй рассказывал:

«В середине годов правления под девизом Кай-си учащийся государственного училища в Фэнцзине, как-то находясь за городом и читая на вольном воздухе книгу, увидел в траве обломок каменной плиты, растрескавшейся и облупившейся от времени. На камне сохранилось несколько десятков иероглифов, составлявших одну или две фразы, из которых можно было понять, что это часть мемориальной надписи на могиле безвременно ушедшей из жизни молодой девушки.

Желая совершить доброе дело, студент, решивший, что могила девушки должна быть где-то совсем неподалеку, положил на камень всяких трав и цветов и прочитал молитву.

Через некоторое время навстречу ему попалась красивая девушка, в одиночестве гулявшая среди трав, в руках она держала его цветы. Увидев студента, девушка улыбнулась ему. Тогда студент поспешил ей навстречу, обменялся с ней взглядом и увлек за ограду, в самые густые заросли. Девушка смотрела перед собой застывшим взглядом, словно глубоко задумавшись, а потом вдруг ударила его по щеке и воскликнула:

— Уже более ста лет сердце мое было подобно высохшему колодцу и вдруг тронуто развратником! — Несколько раз топнула в гневе ногой и внезапно исчезла. Лишь тут студент понял, что это был дух девушки из той могилы.»

Историограф Цай Цзи-ши сказал:

— Древние говорили, что репутация человека может установиться только тогда, когда будет закрыта крышка его гроба. Однако из этой истории ясно, что даже когда гробовая крышка закрылась, и то трудно установить репутацию! Из-за одного нелепого желания душа этой девушки чуть не лишилась всего, чего достигла.

Господин Хой-ань [1] в своих стихах говорит:

Как прискорбно, что в этом мире,
Мире страстном и неудержимом,
Столько славных свой век сгубили
В вечной гонке за недостижимым.

И это верно!

(47.) *Цзюйжэнь* Ван Цзинь-ин рассказывал:

«Один студент из Цзяннина заночевал как-то в заброшенном саду у своих родичей. Когда вышла луна, в окно заглянула молодая красивая женщина. Сердцем студент понимал, что если это не дух, то лиса-оборотень, но так очаровала его красота этой женщины, что, не испытывая ни малейшего страха, он пригласил ее в комнату и слился с ней в любовной радости. За все время она не произнесла ни одного слова, не отвечала на его расспросы и только тихонько улыбалась да смотрела на него сияющими глазами.

Так продолжалось у них более месяца, и он ничего о ней не знал. Однажды он так настойчиво принялся ее расспрашивать, что она наконец взяла кисть и написала:

«Я была служанкой у одного *ханьлиньца*[1] прошлой династии Мин, жизнь моя рано оборвалась. Я всегда искусно умела опорочить человека и доводила самых близких до взаимной вражды, за это судья Царства мертвых приговорил меня стать немым духом. Исчезла я из мира смертных более двухсот лет назад. Если бы вы, господин, смогли для меня переписать десять раз «Алмазную сутру»[2], то милосердием Будды вы вытащили бы меня из моря страданий[3]; тогда во всех моих перерождениях я не переставала бы испытывать к вам благодарности».

Студент сделал, как она просила.

В тот день, когда он закончил переписку, она пришла проститься с ним. Взяла кисть и написала:

««Алмазная сутра» помогла моему покаянию, я уже отрешилась от чувств и желаний[4], обуревающих духов. Однако грехи мои в прошлой жизни были слишком велики, и это скажется на моем будущем: в третьем перерождении я буду немой и только после этого смогу наконец заговорить».»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

[48. Предсказание, сделанное неизвестным голосом о том, что деревенский старик станет крупным сановником, сбывается.]

(49.) Мой двоюродный дед, достопочтенный Гуан Цзи, в начале годов правления под девизом Кан-си занимавший должность правителя области, рассказывал:

«У некоего Ли из государственного училища была жена, которая зверски мучила его наложницу, дня не проходило, чтобы она не порола ее плетьми, заставив предварительно снять всю одежду.

В деревне, где они жили, была старуха, обладавшая способностью во сне спускаться в Царство мертвых и там по их книгам узнавать будущее. Предостерегая жену Ли, старуха сказала ей:

— У вас, госпожа, с этой наложницей старая вражда, но ведь за двести плетей вам придется расплачиваться! Да и к тому же, хотя по официальным законам с женщины из благородной семьи, подвергаемой телесному наказанию, одежды не снимают, вы настаиваете на том, чтобы она раздевалась, и тем самым заставляете ее испытывать еще и муки стыда. Вам это доставляет радость, а между тем это даже духам отвратительно! Вы со мной были откровенны, и я не смею скрыть от вас то, что узнала из записей в Царстве мертвых.

Усмехнувшись, жена Ли ответила:

— Глупая старуха, неужели ты думаешь своим враньем выманить у меня деньги на моление о предотвращении беды?

Как раз в это время мятежник Ван Фу-чэн[1] убил командующего Моло[2], когда тот инспектировал район. Весь край был захвачен мятежниками. Ли погиб в войсках, а наложница его досталась помощнику командующего Хань Гуну. Восхищенный ее умом и сметливостью, Хань Гун воспылал к ней страстной любовью. Первой жены у него не было, и наложница Ли стала полной хозяйкой в его доме.

Жена Ли попала к мятежникам в руки. Часть пленных они истребили, часть разделили между собой начальники и солдаты. Жена Ли попала в дом Хань Гуна. Приняв ее как рабыню, наложница заставила ее встать на колени в зале и обратилась к ней со следующими словами:

— Воля моя такова: каждый день ты будешь вставать на рассвете, опускаться на колени перед туалетным столиком; за-

тем, сняв с себя одежду, ты будешь ложиться ничком и получать пять плетей; будешь мне прислуживать, чтобы искупить свою вину. В противном случае я отдам тебя в жены солдату из мятежников, который сможет безнаказанно убить тебя, разрезать на куски и скормить собакам и свиньям.

Боясь смерти, жена Ли лишилась всякой воли и, отбивая поклоны, умоляла поучать ее. Не желая быстрой ее смерти, наложница била ее не в полную силу, а так, чтобы она узнала, что такое боль от порки, и только.

Через год с небольшим жена Ли заболела и умерла. Полученное ею количество плетей общим счетом соответствовало предсказанному старухой. Ну, разве не была эта женщина тупой и бесстыдной? Ее душой втайне владело то, к чему и бесы питают отвращение».

Хань Гун эту историю не только не скрывал, но, напротив, рассказывал, чтобы прояснить вопрос о воздаянии за дела, совершенные человеком при жизни, и его приятели знали эту историю во всех подробностях.

Хань Гун приводил еще один пример того, как может измениться положение человека.

— В конце правления Мин,— рассказывал он,— я путешествовал в районе между Сян и Дэн и остановился на постоялом дворе вместе с колдуном Чжан Юнь-ху. Этот колдун хорошо знал, что жена хозяина постоялого двора ненавидит его наложницу и всегда к ней несправедлива, поэтому он сказал по секрету наложнице:

— У даосов есть способ одалживать чужую внешнюю оболочку, когда процесс очищения[3] еще не завершился, а жизненные силы слабеют и нет никакой возможности достать лекарство, возвращающее человеку жизнь, тогда занимают у спящего его здоровое, цветущее тело и меняются с ним своим. Я сам когда-то пользовался этим способом, советую и тебе попробовать.

И вот на следующий день в доме вдруг услышали, что в комнате наложницы разговаривает жена, а в покоях жены слышится голос наложницы. Когда же обе женщины вышли, то оказалось, что голосом жены разговаривает наложница, а

голосом наложницы — жена. Овладевшая телом жены наложница сидела молча, жена же, получив тело наложницы, была ужасно недовольна, все время спорила и бранилась. Родня не знала, кто из них кто на самом деле.

Пожаловались судье. Тот решил, что это шутки нечистой силы, велел бить обеих женщин палками, чтобы прогнать нечисть. Никто не знал, что делать. Ведь если судить по внешнему виду, то получалось, что жена стала в действительности наложницей, потеряла свое положение [в доме], лишилась авторитета. Кончилось тем, что пришлось им разъехаться и жить отдельно.»

Да, в высшей степени удивительная история!

(50.) Рассказывают, что один учитель как-то летней ночью при ясной луне повел своих учеников прогуляться по тропе на меже между полями, лежавшими за храмом Сяньвана[1] в Хэцзяни. Так как шли они, рассуждая все вместе об экзаменационных сочинениях на темы «Книги песен», то шум подняли страшный. Учитель велел одному юноше читать наизусть «Книгу о сыновней почтительности»[2]. Когда тот кончил, снова начался общий разговор. Неожиданно учитель заметил, что под старыми кипарисами у ворот храма прячутся какие-то люди. Подошли поближе и увидели, что у этих прячущихся очень странная внешность. Учитель понял, что это духи или бесы, но так как рядом был храм Сяньвана, то решил, что злыми духами они быть не могут. Он спросил, как их зовут.

В ответ он услыхал:

— Мао Чан[3], Гуань Чжан-цин[4], Янь Чжи[5]. Пришли с визитом к Сянь-вану.

Обрадованный учитель низко поклонился [духам] и попросил их дать свои толкования классического канона. Мао и Гуань отказались:

— Мы слышали ваши толкования, но наше поколение понимало это иначе. Не можем ответить вам.

Вновь поклонившись, учитель сказал:

— Смысл «Книги песен» очень глубок, вам трудно разъяс-

нить его таким невежественным людям, как мы, но, может быть, можно просить господина Яня рассказать нам о «Книге о сыновней почтительности»?

Поглядев на него, Янь ответил:

— То, что читал ваш ученик,— сплошная путаница, ничего общего с тем, что я завещал миру. Я тоже не могу ответить на ваш вопрос.

И тут из храма послышалось:

— Похоже, что за воротами собрались какие-то пьяницы и болтают. Совсем оглушили! Гнать их сейчас же!

Я беседовал с господином Ай Таном об этом случае, когда учитель частной школы повстречал посланцев Царства мертвых. [Духи] эти прежде были людьми большой образованности и тонкой души, а говорили они в шутку, чтобы пристыдить начетчиков. Видно, где тонко, там и рвется!

(51.) Господин из Яоани[1] был человеком строгим, сдержанным, редко кого принимал у себя дома. Однажды он беседовал с каким-то человеком, одетым в лохмотья, потом позвал моего младшего брата и сказал ему:

— Это правнук Сунь Мань-чжу. Я давно о нем ничего не слыхал, теперь вот удалось свидеться. Во время военного мятежа в конце династии Мин твоему прадеду было одиннадцать лет. Он погиб бы на чужбине, если бы не Сунь Мань-чжу.— И тут же начал строить планы, как помочь гостю.

Предостерегая моего брата, он сказал:

— Проявление чувства долга должно быть вознаграждено и без разговоров о делах и воздаянии за них.

В этих «воздаяниях за дела» ошибок не бывает.

Когда-то один человек был обязан другому жизнью. Разбогатев, он узнал, что семья его благодетеля разорилась, но отнесся к этому совершенно безразлично, будто речь шла о совсем чужих ему людях.

Прошло время, он заболел. Только было собрался принять лекарство, как вдруг, словно во сне, увидел руку своего благодетеля, протягивающего ему два письма, оба не запечатанные. Пригляделся, а это его старые письма, в которых он

просил о помощи. Тогда он бросил на пол чашку с лекарством и сказал:

— Я умираю с опозданием.

Он умер в ту же ночь.

(52.) Инспектор Сун Мэн-цюань рассказывал:

«Один чиновник во время династии Мин служил в должности цензора. Как-то во время гадания[1] он спросил, какова будет продолжительность его жизни. Бессмертный изрек, что он умрет в такой-то день такой-то луны такого-то года, и срок этот оказался недалеким, поэтому чиновник постоянно печалился. Но вот назначенный срок прошел, а он все находился в добром здравии. Когда пришла нынешняя династия, он дослужился до сановника высшего ранга.

Как-то вместе с сослуживцами он занимался гаданием. Когда бессмертный спустился на землю, наш сановник поклонился ему и сказал, что предсказание не сбылось. Бессмертный ответил:

— Ничего не могу поделать с тем, что вы, почтенный, не умерли.

Сановник задумался на мгновение, а потом приказал запрячь повозку и уехал.

Предсказанная ему дата смерти приходилась на девятнадцатый день третьей луны года под циклическими знаками *цзя-шэнь*[2].»

[53. Надпись на старой тушечнице.]

(54.) В году *гэн-у* правления императора под девизом Цянь-лун * из казенной сокровищницы пропал яшмовый сосуд. Стали проводить дознание среди привратников, и, когда сличали реестры, привратник Чан Мин внезапно сказал детским голосом:

— Яшмового сосуда он не крал, а вот человека убил. Я и есть дух убитого.

---

* 1750 г.

Проводивший дознание чиновник был очень удивлен и решил передать дело в уголовную палату. Начальником отделения этой палаты в Цзянсу был назначен в это время достопочтенный господин из Яоани. Вместе с достопочтенным Юй Вэнь-и и другими чиновниками он проводил допрос, и дух рассказал им следующее:

— Зовут меня Эр-гэ, мне четырнадцать лет, семья моя живет в столице, отца зовут Ли Син-ван. В пятнадцатый день первой луны[1] прошлого года Чан Мин повел меня смотреть на фонари. На обратном пути глубокой ночью, когда все вокруг спали, Чан Мин стал приставать ко мне, я его оттолкнул что было силы и сказал, что, вернувшись домой, пожалуюсь отцу. Тогда Чан Мин задушил меня своим поясом и закопал мой труп на берегу реки.

Отец мой, подозревая, что Чан Мин похитил меня и спрятал, подал жалобу губернатору, дело передали в уголовную палату, но доказательств у отца не было и арестовать злодея оказалось невозможно. С тех пор мой дух постоянно следовал за Чан Мином, куда бы он ни отправился, но стоило мне приблизиться к нему на расстояние четырех-пяти чи, как я начинал ощущать жар, словно от яркого пламени. На большем расстоянии жар ослабевал, и я стал приучать себя, постепенно приближаясь к нему, пока между нами не осталось расстояние в какой-нибудь чи с небольшим. Наконец вчера я совсем не ощутил жара и смог проникнуть в его тело.

Показаний, данных во время допроса, дух придерживался и в уголовной палате, он все время стоял на своем. Основываясь на указанной им дате, среди старых дел нашли жалобу его отца. На вопрос, где находится его труп, дух ответил, что рядом с ивами, растущими на берегу реки. Труп выкопали, он еще не успел разложиться. Вызвали отца для опознания. Зарыдав, он закричал:

— Это мой сын!

Хотя дело это носило фантастический характер, улики были налицо, к тому же когда во время допроса называли Чан Мина по имени, то он, словно вдруг пробудившись ото сна, отвечал своим голосом, когда же обращались по имени к

Эр-гэ, откликался голосом мальчика. Долго тянулись допросы, пока Чан Мин наконец не повинился. Отец с сыном много беседовали о своих семейных делах, все было ясно, и сомнений ни у кого не оставалось. Запросили высшие инстанции, велено было поступить по закону.

В день вынесения приговора дух был очень весел, он вдруг начал подражать выкрикам разносчиков пирожков. Отец, плача, сказал:

— Давно я не слышал этого, ну точь-в-точь как при жизни! — Потом спросил:

— Куда же теперь отправишься, сынок?

— Не знаю,— ответил мальчик,— но отсюда уйду.

С этой минуты, сколько бы к нему ни обращались, Чан Мин больше не отвечал голосом Эр-гэ.

[55. Дух предостерегает судью, готового вынести неправильный приговор; тот подает в отставку, понимая, какая лежит на судье ответственность.

56. Рассказ о волшебной лошади, сделанной из яшмы.]

(57.) Покойная тетка моего отца рассказывала:

«Когда умер Цао Хуа-чунь, его домашние положили ему в гроб яшмовую подвеску, пожалованную ему императором прежней династии Мин. Прошло несколько лет, и вдруг перед его могилой увидели белую змею. Потом заметили, что гроб источила вода.

В тот день, когда останки перенесли в другое место, увидели, что все драгоценности целы, но яшмовая подвеска пропала. А на теле змеи узоры были расположены точь-в-точь как на той подвеске.

Ну не наглость ли это со стороны духов так изменить яшму?»

(58.) Дед мой, достопочтенный господин Чжан Сюэ-фэн, был человеком высокой нравственной чистоты. В кабинете его столы и тушечницы были изысканно строги, книги, картины — все находилось в строгом порядке. Двери он держал на запоре и впускал только близких. (А во дворике, куда выходили ок-

на кабинета, пышно цвели деревья и цветы, зеленел мох.) Слуги без особого на то распоряжения не решались туда и ногой ступить.

Моему дяде, достопочтенному господину Цзян-тину, в то время было лет одиннадцать или двенадцать. Дождавшись, когда дед ушел как-то из дому, он самовольно пробрался во дворик подышать свежим воздухом среди деревьев. Вдруг ему показалось, что в кабинете кто-то ходит. Решив, что дед вернулся домой раньше времени, он тихонько подкрался к окну и заглянул в комнату.

В бамбуковом кресле сидела женщина, нарумяненная и напудренная, как на картине. Напротив кресла было большое квадратное зеркало высотой примерно в пять чи, и отражалась в этом зеркале лиса. Мальчик испугался так, что пошевелиться не мог, и остался у окна словно прикованный.

Неожиданно женщина заметила свое изображение, встала, подышала на зеркало, и оно словно покрылось туманом, затем она вернулась на прежнее место. Через некоторое время следы ее дыхания стали исчезать с зеркала, и в нем снова отразилось ее изображение, но теперь уже в виде красавицы женщины. Боясь, что она заметит его, мальчик, крадучись, убежал. Впоследствии он сам рассказывал об этом моему отцу, достопочтенному господину из Яоани.

Достопочтенный господин из Яоани, излагая внукам раздел книги «Великое учение» [1], в котором шла речь о самоусовершенствовании личности, привел в пример эту историю.

— Чистое зеркало,— сказал он,— пусто, поэтому вещи не могут в нем спрятать свое изображение. Однако когда оно потускнело от дыхания нечисти, то истинный облик в нем уже не отражался. Личное чувство ведет к пристрастию, а может быть, и в прошлом было что-то, что теперь служит преградой на пути к совершенству [2].

И еще он добавил:

— И не только личные чувства, но и забота об общем благе тоже может служить преградой добродетели. Благородный муж, посвятивший себя воспитанию людей, если и даст подлым людишкам возможность обойти себя, то все-таки в

конце концов отринет их, порвет самые крепкие узы и отличит истину от лжи. Некогда Бао Сяо-су [3] делал вид, что злоупотребляет властью и полностью полагается на показания арестованных, а на самом деле совсем на них не полагался; так и с этим затуманенным нечистью зеркалом. Поэтому, чтобы сердце было искренним, а помыслы честными, стремясь к знаниям, сначала надо постичь сущность вещей [4].

(59.) Старуха — торговка цветами рассказывала:

«Был в столице один дом, стоявший поблизости от заброшенного сада. В саду том издавна водилось множество лис. Одна красавица, перелезая через невысокую стену, ходила туда на свидания со своим возлюбленным, юношей, жившим по соседству. Боясь, как бы люди не узнали об их связи, она вначале назвалась ему чужим именем, а потом, увидев, что он все больше привязывается к ней и уже не бросит, выдала себя за лису-оборотня из этого сада. Увлеченный ее красотой, юноша, конечно, не отверг красавицу.

Прошло уже много времени, как вдруг с крыши дома этой красавицы посыпалась черепица и послышалась брань:

— Я давно уже живу в этом саду, у меня там дети бегают, кирпичами бросаются, соседи жалуются, что их беспокоят, до развратных ли мне развлечений? Да как же ты посмела на меня клеветать?

И тут все узнали об этой истории.»

Вот уж поистине чудеса! Завлекая мужчин, лиса обычно выдает себя за женщину, а тут женщина выдала себя за лису. В искусстве обольщения она оказалась посильнее лисы, но лиса-то оказалась куда добродетельнее!

(60.) Был один странствующий ученый, который зарабатывал на жизнь каллиграфически исполненными надписями и рисунками. Попав как-то в столицу, он купил себе наложницу, которую нежно полюбил. Если он бывал на каком-нибудь богатом пиру, обязательно прятал в рукав фрукты или сладости для нее. Женщина платила ему сердечной привязанностью. Прошло немного времени, и он тяжело заболел.

— У меня нет семьи,— сказал он своей наложнице,— и не у кого будет тебе поселиться. Нет у меня и родных, так что никто не будет тебе опорой. Я зарабатывал на жизнь кистью и тушью. Умру — выходи снова замуж, так будет правильно. Долгов после меня тебе платить не придется, родителей и братьев у тебя нет, никто не помешает тебе поступить как захочешь. Только на дешевую цену не соглашайся. И договоримся с тобой так: во все сезоны года ты будешь выполнять обряды на моей могиле, и тогда у меня не будет на тебя обиды.

Наложница, плача, выслушала его наставления.

Тот, чьей наложницей она потом стала, заключил с ней брачный контракт и тоже очень полюбил ее. Однако наложница постоянно тосковала, вспоминая о былой любви, по ночам ей снилось, что покойный ее господин делит с ней ложе, и она часто бредила во сне.

Поняв, в чем дело, новый муж втайне от нее пригласил мага, тот написал амулет, и женщина перестала разговаривать во сне, но начала болеть и вскоре совсем ослабла и зачахла. Перед смертью она обратилась к мужу:

— Чувство мое к покойному было настолько сильным, что я так и не смогла его забыть. Вам, господин, все это известно, я ничего от вас не скрывала. Вчера ночью он явился ко мне во сне и сказал: «Нас разлучили, но сегодня я снова пришел к тебе. Раз болезнь твоя так серьезна, почему же нам снова не быть вместе?» И я ответила ему согласием. Окажите мне исключительную милость: опустите мой труп в его могилу, и тогда я и после смерти сумею отблагодарить вас за это благодеяние. Только к вам могу я обратиться с такой просьбой.

Сказала и испустила дух.

Новый ее муж тоже был человеком исключительным, в ответ на ее просьбу он великодушно сказал:

— Душа твоя уже ушла от меня, зачем же удерживать бренную оболочку? Уж если Ян Су захотел помочь Ло Чан[1] соединить половинки зеркала, то разве я не могу помочь любящим соединиться в могиле? — и сделал, как она просила.

Произошло это между годами *цзя-инь* и *и-мао* правления под девизом Юн-чжэн*, мне было тогда лет двенадцать; я слышал, как об этом рассказывали, но не запомнил имена героев истории. Что же касается того, что она вторично вышла замуж[2], то я считаю, что это неблагодарность по отношению к первому [мужу]; а если, выйдя вторично замуж, раздваивалась в своем чувстве, то это неблагодарность по отношению ко второму. Правда, у этой женщины иного выбора не было.

Господин Хэ Цзы-шань по этому поводу высказался так:

— Что лучше: умереть, помня все, что было прежде, или умереть во имя кого-то?

А господин Хэ Ли-ань[3] еще так сказал:

— В *Чуньцю*[4] осуждаются те просвещенные люди, которые не были в состоянии во имя долга, связанного с их положением вельмож и сановников, наставить своих детей и женщин.

Можно горевать о положении, в которое она попала, и можно соболезновать ее чувствам!

[61. Пьяный бес подшучивает над человеком.

62. Крестьянин с испугу забивает цилиня, родившегося у его коровы.]

(63.) Когда господин Дун Вэнь-кэ еще не получил ученой степени, он как-то раз остановился на заброшенном постоялом дворе. Говорили, что там часто появляются оборотни, но Дун не верил этому и решил ночью посидеть при свете лампы — посмотреть, что будет. Миновала третья стража, как вдруг поднялся ветер, дверь сама растворилась и в комнату ввалилась целая компания каких-то существ, похожих на людей. Увидев Дуна, они испугались и с криками «Здесь бес!» в панике обратились в бегство.

Дун бросился за ними, но они, крича: «Бес гонится за нами! Скорее, скорее!» — и отталкивая друг друга, попрыгали через ограду и исчезли.

---

* Соответственно 1734 и 1735 гг.

Рассказывая эту историю, Дун всегда смеялся:

— Не понимаю, почему они меня обозвали бесом?

Цзя Хань-хэн из Гучэна, уже слышавший рассказ Дуна об этой истории, напомнил ему, что в *Тай-пин гуанцзи* повествуется о том, как якша [1] хотел полакомиться трупом только что скончавшейся наложницы некоего Гэ Шу-ханя, но, увидев, что Гэ Шу-хань находится тут же, воскликнул: «Благородный господин здесь, что же делать?» Гэ Шу-хань подумал: «Раз он назвал меня благородным господином, так не будет вреда, если я его отлуплю» — и набросился было на якшу с кулаками, но тот мгновенно исчез.

— *Гуй* «бес» и *гуй* «благородный господин»,— продолжал Цзя Хань-хэн,— звучат одинаково. Может быть, те бесы назвали вас благородным господином, а вы просто не разобрались.

— А что,— рассмеялся Дун,— вполне возможно!

[64. Рассуждения Цзи Юня о стихах, прочитанных им в книге сунского времени *Пи-я*, в которой повествуется о птицах, рыбах, животных и растениях.]

(65.) Господин Чжан Сюань-эр [1] из Цанчжоу как-то во сне сочинил стихотворение:

Осенние воды Янцзы в исступленье,
А берег обрывист и крут.
У пристани ждет одинокая джонка —
Сейчас барабаны пробьют.
У башни высокой — жилища бессмертных —
Стоят тополя стеной.
Откуда доносятся звуки свирели
Под ясной холодной луной?

Потом он приписал к этим стихам предисловие:

«Если во сне не думаешь, то каким образом получились стихи? А если во сне думаешь, так за всю свою жизнь я ни разу не был к югу от Янцзы, почему же моя мысль залетела туда? Не понимая причины, я записал эти стихи, чтобы они сохранились.

Раньше я не был знаком с тунчэнским Яо Бе-фэном[2], но, когда он только приехал из Цзяннани, мы увиделись с ним в доме Ли Жуй-дяня. Зашла речь о последнем его произведении, и он прочел стихи, те самые, что приснились мне. Я спросил его, когда он их написал, оказалось — более года спустя после того, как мне приснился этот сон. Тогда я показал ему мою запись стихов, и все очень удивились.

Действительно, бывают на свете вещи, которым невозможно подыскать объяснение. Сунские конфуцианцы во всех случаях говорили о нравственном законе, который лежит в основе всего. Ну а как же мы доищемся до закона, лежащего в основе этого случая?»

А еще был случай с хайянским Ли Шу-лю, по прозванию Чэн-фэн. В год *дин-мао** мы служили вместе. Я повесил у себя в кабинете картину, изображающую Юань-мина[3], который рвет хризантемы. Картина эта принадлежала кисти моего дяди Лань-тяня. Дун Цюй-цзян[4] сказал:

, — И до чего же похож на Ли Шу-лю!

Я пригляделся и увидел, что так и есть. Потом, когда Ли Шу-лю приехал в столицу, он выпросил у меня эту картину, потому что ни один его портрет не был так похож на него, как это изображение Тао Юань-мина.

Случай этот тоже не поддается объяснению.

(66.) К западу от Цзинчэна находилось несколько заброшенных могил, которые почти сровнялись с землей. В юности я проезжал там, и старый слуга Ши Сян показал их мне и сказал, что это могилы трех поколений потомков некоего Чжоу, которые сохранились благодаря его доброму поступку.

Оказалось, что в конце правления под девизом Чунчжэнь[1] в провинциях Хэнань и Шаньдун была такая засуха, что жители этих мест, съев дочиста все травы, корни растений и кору деревьев, начали есть людей, и власти ничего не могли поделать. Женщин и малых детей со связанными за

* 1747 г.

спиной руками продавали на рынке, мясники покупали их и закалывали, как свиней и баранов.

Некто из рода Чжоу, вернувшись из Дунчана, куда он ездил по торговым делам, зашел в лавку, чтобы купить говядины.

— Мясо кончилось, прошу вас немного обождать,— сказал ему мясник и, увидев, что в кухню втащили в это время двух женщин, закричал: — Покупатель давно уже ждет, несите скорее ногу!

Послышалась какая-то возня, а затем громкие крики. Вбежав на кухню, Чжоу увидел, что одна женщина с отрубленной по самое плечо правой рукой извивается от боли на полу, а другая вся дрожит от ужаса. Заметив Чжоу, обе разразились жалобными воплями: одна умоляла скорее прикончить ее, вторая — спасти ей жизнь. Охваченный жалостью, Чжоу уплатил выкуп за обеих. Спасти первую было уже невозможно, поэтому он уплатил за то, чтобы ее немедленно умертвили, вторую же он взял к себе домой, а так как детей у него не было, то сделал ее своей наложницей.

У нее родился сын. У мальчика на правом плече был красный узор, тонкий, словно нитка, заходивший под мышку и под лопатку, в точности повторяя линию отрубленной руки у той женщины. И это передавалось трем поколениям потомков Чжоу. Сына у того Чжоу не было, но могилы сохранялись в целости благодаря его доброму поступку.

[67. В Царстве мертвых награждают целомудренную жену крестьянина, несмотря на ее кажущееся легкомыслие.]

(68.) Старый конфуцианский начетчик Хань-шэн из Сяньсяня был человеком твердого и прямого характера, во всех своих поступках руководствовавшийся правилами образцового поведения. По выбору земляков он стал распорядителем жертвоприношений в округе.

Однажды, когда он был сильно простужен, перед ним вдруг предстал бес и сказал:

— Вас призывает дух — хранитель города!

Хань начал было читать заклинания, чтобы отогнать смерть, но сопротивление было бесполезно, и ему пришлось последовать за бесом.

Когда они прибыли в административное управление [подземного царства], дух проверил списки и сказал:

— Допущена ошибка, надо было привести его однофамильца.

Он приказал дать провинившемуся бесу двадцать палок и проводить Хань-шэна. Однако Хань возмутился:

— Человеческая жизнь — дело серьезное,— заявил он,— как же можно посылать с такими поручениями бестолкового беса и доводить дело до таких ошибок! А если бы вы не проверили списков, что же мне так и умирать зря? Разве это называется мудростью и честностью?

Дух засмеялся в ответ:

— Говорили, что ты — человек несговорчивый, видно, так оно и есть! Уж если в движении небесных тел происходят ошибки, то могут ли избежать их бесы и духи? Совершить ошибку и осознать ее — в этом и заключается мудрость. Осознать ошибку и не скрыть ее — это и есть честность. Тебе ли этого не знать? Но раз уж ты такой безупречный в словах своих и поступках, временно отпустим тебя, а потом, уж не обессудь, потревожим снова.

И тут вдруг Хань-шэн проснулся.

(69.) У покойного моего деда была маленькая служанка лет тринадцати-четырнадцати, по имени Да-юэ. Как-то раз она вместе с односельчанами отправилась ловить бамбуковыми плетенками рыбу в реке и поймала большую рыбу, длиной не меньше двух чи. Когда девочка подняла ее на вытянутых руках, чтобы все могли увидеть, рыба вдруг резко вильнула хвостом и ударила им девочку по левой щеке так сильно, что та упала в воду. Все вокруг были удивлены, что девочка не поднимается, и поспешили ей на помощь. Ее подняли и тогда увидели, что лицо ее залито кровью: на дне реки лежала разбитая пиала, и острый как нож осколок пробил висок девочки.

А до этого матери этой девочки как-то приснилось, что какой-то чужой человек накрепко привязал на жертвенном столе ее дочь и режет, словно барана или свинью, да так, будто охвачен сильным гневом. Мать стала предостерегать девочку, чтобы та ни с кем не смела ссориться. Могла ли она ждать, что девочку ударит хвостом рыба!

Не это ли буддисты называют расплатой за содеянное в прошлой жизни?

(70.) Помощник главы палаты жертвоприношений Лю Цин-юань[1] рассказывал:

«Один мой дальний родственник со стороны жены, совсем как в «Повести об Ин-ин»[2] Юань Чжэня, сошелся с девушкой из хорошей семьи. Девушка забеременела, а когда мать ее заметила это, девушка солгала ей, сказав:

— Однажды ночью меня силой взял какой-то великан, огромный, тяжелый и весь черный.

— Не иначе как это было глиняное изображение божества,— сказала мать и дала дочери шелковые нити, чтобы, когда тот снова придет к ней, она спутала ему потихоньку ноги.

Посмеиваясь про себя, дочь опутала этими нитями ноги статуи генерала Чжоу, стоящей в храме Гуань-ди[3].

Узнав, что хотела, мать отхлестала статую по ногам.

В одно из тайных свиданий влюбленных перед ними неожиданно предстал генерал Чжоу и ударил их обоих по пояснице так, что оба свалились замертво и не смогли подняться.

Все, кто об этом узнал, говорили:

— Это возмездие ей за то, что оклеветала духа.»

Если представится выгода, брать ее себе, а другим оставлять беду — это тоже своего рода искусство! Но Небесному творцу такие искусники противны, все их ухищрения в конце концов оборачиваются против них же — таков небесный закон.

Духу противна была не ее клевета, а риск, на который она пустилась.

(71.) Ло Лян-фэн[1] из Янчжоу умел с первого взгляда отличить беса. Он говорил:

«Там, где живут люди, есть и бесы. Есть, например, злой

бес, погибший насильственной смертью, он всегда таится от всех, укрывается во всяких уединенных местах, в заброшенном жилье; приближаться к нему нельзя, приблизишься — причинит вред, а вот нерешительный бес, тот в первую половину дня, когда солнце в зените, прячется в тени, а к вечеру, когда сгущаются тени, гуляет повсюду, может проходить сквозь стены, но в двери не входит; если завидит человека, уклоняется от встречи с ним, боится его силы. Такие бесы водятся повсюду, вреда они не причиняют.»

И еще Ло говорил так:

«Бесы водятся кучно, обычно там, где живет много людей, а в захолустье, на пустырях их редко увидишь. Они любят сидеть вокруг кухонного очага, словно хотят быть поближе к запаху пищи. А еще они любят забираться в отхожие места, почему — мне неясно. Может быть, потому, что люди там бывают реже, чем в других местах?»

Есть одна картина, на которой изображены бесы. Замысел ее мне неясен. Среди них один — с головой раз в десять больше, чем его туловище,— совсем уже невообразимого вида.

Но я слышал рассказ моего покойного отца, достопочтенного господина из Яоани:

«Достопочтенный Чэнь из Яоцзина как-то лежал под открытым окном, а окно то было в ширину не меньше целого чжана, и вдруг все оно заполнилось чьей-то огромной физиономией, а тела не было видно. Чэнь быстро ударил мечом по левому глазу видения, и в то же мгновение оно исчезло.

Старый слуга, находившийся в доме, тоже видел чудовище. По его словам, оно выскочило из-под земли под окном, как внезапно забивший фонтан. Стали рыть землю под окном, больше чем на чжан углубились под землю, но ничего не обнаружили.»

Вот такой бес и был изображен на той картине. Увы, как много еще нам неясно и смутно!

(72.) Летом года *жэнь-чжэнь* * слуга Лю-сы попросил от-

* 1772 г.

пуск, чтобы проводить родителей. Сам он правил волом, а жена сидела в телеге. Отъехали от дома на тридцать-сорок ли, было уже за полночь, как вдруг вол остановился, не желая сделать дальше ни шагу.

Из телеги послышался голос жены:

— Перед волом — бес, голова огромная, как кувшин!

Лю пригляделся, видит — черная женщина небольшого роста, на голове поломанная плетенка для кур, приплясывает и говорит: «Ну иди же, иди!»

В испуге Лю повернул телегу назад, но женщина снова забежала перед волом и повторяла: «Иди же, иди!»

Так повторялось несколько раз, пока не прокричал петух. Тогда женщина перестала плясать и засмеялась:

— Ночью прохладно, делать мне нечего, вот я и решила скоротать с вами время. Пошутили, а теперь я пойду, только не вздумайте меня ругать, как уйду: обругаете, я вернусь. Плетенку для кур я взяла в чьем-то доме в бывшей моей деревне, отдам ее вам.

Кинула плетенку в телегу и исчезла.

Доехали они домой, когда было уже светло. И муж и жена — оба были почти без сознания, как пьяные.

Вскоре жена заболела и умерла, а Лю-сы все не мог усидеть на месте, где-то бродил, на человека стал непохож. Видно, виной тому бесовская проделка!

[73. Лиса подшучивает над стариком, который не верил в лисьи чудеса.]

(74.) Фан Гуй был сыном бродяги из Урумчи. Рассказывают, что как-то он пас в горах лошадей и одна из лошадей вдруг ускакала прочь. Он побежал искать ее и за горным перевалом услышал как она отчаянно ржет.

Идя на голос лошади, Фан Гуй дошел до уединенного ущелья и увидел там несколько странных существ — не то людей, не то зверей. Все тело у них, словно чешуей, было покрыто трещинами и пятнами, как кора старой сосны; волосы были спутаны, словно птичьи перья, глаза выпучены, а ко-

жа белая, как яичная скорлупа. Они пожирали убежавшую лошадь.

У пастухов обычно бывает с собой ружье для защиты от диких зверей. Фан Гуй был человек упорный, он залез на дерево и оттуда выстрелил из ружья. Существа эти кинулись в лесную чащу врассыпную. Лошадь была уже наполовину съедена. Больше Фан Гуй их никогда не видел и так и не узнал, что же это были за существа.

[75. Лиса не трогает семью, мирящуюся с ее присутствием в доме, но когда новый арендатор начинает преследовать лису, дом сгорает.]

(76.) Помощник главы уголовной палаты Ван Лань-цюань[1] рассказывал:

«Когда Мэн У-тан[2] учился в районе к югу от реки Янцзы, там, за зданием административного управления, была высокая насыпь, откуда постоянно был виден странный свет. Говорили, что там наверху живут фазан и змея, оба старые и умеющие становиться оборотнями.

У-тан в молодости был человеком горячим, вспыльчивым. [Однажды], собрав людей и приказав им взять с собой заступы и корзинки для переноса земли, он отправился сровнять насыпь с землей. Но спутники его колебались и не решались взяться за дело. У-тан страшно рассердился и стал кричать на них. И вдруг внезапный порыв ветра окутал его голову словно бы парусом, затем отпустил и снова налетел, как бы затянув всех ледяным парусом. Увидев такие чудеса, У-тан решил отступиться.

Насыпь эта и до сих пор существует.»

[77. Небо карает смертью обманщика.
78. Предсказание гадателя о сдаче экзаменов сбывается.]

(79.) Покойный господин из Яоани рассказывал:

«В год *гэн-сюй* правления под девизом Юн-чжэн *, во вре-

* 1731 г.

мя экзаменов в столице[1], я делил комнату с Таном — *цзюйжэнем* из Сюнсяни.

В полночь Тан вдруг увидел женщину-беса с распущенными волосами, которая рвала его экзаменационное сочинение на клочки, разлетавшиеся во все стороны, словно бабочки. Тан был человеком чистого и твердого нрава, без всякого страха он сказал, не вставая с места:

— За прошлую свою жизнь не ручаюсь, но в нынешнем моем перерождении я никому не причинил зла, зачем же вы пожаловали сюда?

Удивленная бесовка поглядела на Тана в упор и спросила:

— А разве это не сорок седьмая комната?

— Нет, сорок девятая,— ответил Тан.

(Перед нашей были две пустые комнаты, видно, она их не посчитала.) Она довольно долго вглядывалась в Тана, а затем вежливо извинилась перед ним за причиненную неприятность и исчезла. Через мгновение из сорок седьмой комнаты послышались вопли, кому-то там пришлось плохо.

Бесовка была очень рассержена, и Тан оказался без вины виноватым. Хорошо, что совесть его была чиста, поэтому он посмел без всяких колебаний и промедлений призвать ее к порядку и отделался только порванным сочинением, а ведь мог и погибнуть!»

(80.) Помощник начальника отдела Гу Дэ-моу как-то рассказывал мне о чиновниках Царства мертвых. Я не очень-то ему поверил, но оказалось, что в рассказе его была заключена истина.

Когда-то в доме достопочтенного Цю Вэнь-да[1] мне довелось услышать следующее:

«Судья в Царстве мертвых очень ценит целомудрие в женщинах, но делает между целомудренными женщинами такое различие: те, которые не могут отрешиться от страстной привязанности к своим детям или дому, принадлежат к низшей категории; те, которые не избегли зарождения в них чувств и желаний, но сумели должным образом их обуздать, относят-

ся к следующей категории; к высшей же категории[2] надо отнести тех, у кого сердце как высохший колодец, который и под ветром не шелохнется, кого не влекут к себе богатство и знатность, не тревожат голод и холод, не трогает удача или несчастье. Но таких, что относятся к этой высшей категории, не найдешь и одну на тысячу, а уж если и найдется такая, то к ней даже духи и бесы питают почтение.

Однажды сообщили, что прибыла целомудренная женщина. Владыка Царства мертвых приосанился, все чиновники его привели свои одеяния в должный порядок и поспешили ей навстречу. И вот видят: идет совершенно растерянная старуха, делает шаги все выше и выше, словно поднимаясь по лестнице, вплотную подошла к самым стрехам и не видит, куда ее несет.

— Там уже Небо, а это не записано для тебя в наших книгах,— сказал ей с разочарованным видом Владыка.»

А еще так рассказывали: «Мудрых чиновников тоже есть три категории: низшая — те, кто проводит свою жизнь в страхе перед законом; следующие за ними — те, кто превыше всего ценит свою репутацию; к высшей же категории относятся те, кто, являясь хозяевами своего сердца, заботится о благе страны и народа и не заботится о своем личном счастье или беде, хуле или хвале в свой адрес».

И еще было сказано: «Судья Царства мертвых презирает тех, кто стремится к карьере. Он считает, что они способны на всяческие злоупотребления, а толку приносят мало. Чем больше хитрят и изощряются люди, тем больше хитростей придумывают бесы и духи. Но судья не очень-то ценит и тех, кто удаляется от дел. Он считает, что талант, рожденный Небом и Землей, в первую очередь должен служить мирским делам. А если бы все люди вели себя, как Чао и Сю[3], то воды Великого потопа[4] до сих пор заливали бы наши земли, и это тоже недопустимо!»

И к этому добавлено было следующее: «В *Чуньцю* идет речь о мудрых, обладавших чувством ответственности и доброты к людям. Благородный муж, злоупотребив властью, записывает это как свое преступление; мелкий же человечек,

единожды принеся кому-то пользу, ожидает за нее вознаграждения. Смертные, не разбираясь в том, что должно, часто сомневаются в причинах и следствиях[5]».

(81.) Секретарь государственного совета Юн (посмертное имя ему дали Пин-ин), совершенно измученный тяжелой болезнью, пригласил врача, чтобы тот его осмотрел, но так как выздоровление сразу не наступило, то он позвал другого врача.

Тот потребовал, чтобы ему показали рецепт, выписанный первым врачом, однако рецепта нигде не могли найти, и господин Юн, решив, что его куда-то задевала молоденькая служанка, велел ей немедленно разыскать рецепт, пригрозив:

— Не найдешь, велю выпороть.

И вот, когда обессилевший господин Юн откинулся на подушку, перед ним, словно во сне или в тумане, появился коленопреклоненный человек.

— Не наказывайте служанку, почтенный,— сказал он.— Это я спрятал рецепт. Я тот, кому вы, в бытность вашу главным судьей провинции, спасли жизнь, сняв ложное обвинение.

— Зачем же вы спрятали рецепт? — спросил Юн.

— Врачи всегда завидуют друг другу,— ответил человек,— поэтому новый врач непременно счел бы необходимым отменить предписание своего предшественника. А между тем лекарство вам было назначено правильно, оно просто не успело еще оказать своего действия. Покажи вы рецепт новому врачу, он стал бы на другую точку зрения, и вы, господин, могли бы погибнуть. Вот почему я украл рецепт.

Юн был почти в полуобморочном состоянии и не сразу понял, что перед ним бес. Когда же он по прошествии некоторого времени стал приходить в себя, то весь затрясся от страха, так что с него даже пот градом полился. Новому врачу он сказал, что рецепт потерян, не стоит даже вспоминать о нем, и попросил прописать ему другое лекарство. Предписанное новым врачом лекарство оказалось тем же, что вы-

писал первый врач. После нескольких приемов этого лекарства болезнь как рукой сняло.

Когда Юн был в Урумчи, он мне сам рассказывал об этом случае, заключив свой рассказ словами:

— Бес этот, можно сказать, по-настоящему основательно разбирался в житейских делах.

[82. Бедный буддийский монах наказывает обидевшего его конфуцианского начетчика.]

(83.) Чжу Цин-лэй [1] рассказывал:

«Некто, скрываясь от врага, спрятался глубоко в горах. Ярко светила луна, дул чистый ветерок, и вдруг этот человек заметил под тополем беса. Человек упал ничком и не решался подняться. Увидев его, бес спросил:

— Почему вы не выходите из укрытия, почтеннейший?

Тот, весь дрожа от страха, ответил:

— Я боюсь вас, господин.

— Люди ведь пострашнее будут,— возразил бес,— а бесов чего же бояться? Сюда-то вас кто загнал — человек или бес? — Засмеялся и исчез.»

В рассказе Чжу Цин-лэя, по-моему, заключена аллегория.

[84. Огромный питон, который легко мог менять свои размеры.
85. Нечисть карает слугу-пьяницу.]

(86.) В Душэнцуне, в восемнадцати ли от нашего дома, жил один скупец, который решил продать свою будущую невестку наложницей в чужую семью. Хотя эта девушка еще не стала женой его сына, но она жила в их доме уже несколько лет и ни за кого другого не хотела выходить замуж.

Видя, что отец не откажется от своего намерения, любящие договорились, что они убегут из дому. Заметив исчезновение сына и девушки, родители отправились в погоню за ними.

Те двое спрятались ночью в храме духа — покровителя нашей деревни, чтобы немного там передохнуть. Они плакали, обнявшись, как вдруг из глубины храма послышался голос:

— Преследователи скоро будут здесь, можете спрятаться под алтарем.

В это время в храм вернулся смотритель, он был пьян и улегся спать перед дверями. Идя по следам беглецов, родители юноши добрались до храма. На их вопросы смотритель ответил:

— Молодая парочка? Лет примерно столько-то, одеты так-то? Пошли по такой-то дороге.

Родители поспешили в том направлении, которое указал им монах.

Спасшись таким образом от преследования, [молодая] чета, прося по дороге милостыню, добралась до дома родителей девушки. Те обратились с жалобой в суд, прося, чтобы их дочь не продавали.

В то время, когда влюбленные прятались в храме, там никого, кроме них, не было. А монах потом говорил:

— Я ничего об этом деле не знаю и не помню, чтобы я что-нибудь сказал.

Значит, чудо это сотворил местный дух.

[87. Пожар щадит помещение, в котором живет бедная вдова, ухаживающая за больной свекровью.

88. Вещий сон о теме экзаменационного сочинения сбывается.

89. Небо карает пьяного монаха.]

(90.) Когда правитель области Гэ Тун-юань из Цзинчжоу был назначен в Шопин, его домашний секретарь как-то ночью проснулся и в ярком свете луны, заливавшем окно, увидел женщину, которая сидела у столика. В страшном испуге секретарь принялся звать слуг. Взмахнув рукой, женщина сказала:

— Я давно уже живу здесь, но избегала встреч с вами, господин, и сегодня лишь случайно попалась вам на глаза. Ну стоит ли подымать такой шум из-за этого?

Секретарь стал кричать еще громче. Тогда женщина снисходительно усмехнулась и сказала:

— Если бы я действительно хотела причинить вам вред, неужели же помощь слуг спасла бы вас?

Расправив одежды, женщина быстро поднялась с места, прошла, словно дуновение ветерка, сквозь бумагу, которой была затянута оконная решетка, и исчезла.

[91. Разговор конфуцианского начетчика с духом о том, что надо понимать под истинно добрыми поступками.

92. Разговор человека с чиновником Царства мертвых о предопределении судьбы.]

(93.) У моего покойного отца, господина из Яоани, был слуга, который внешне был сама почтительность и услужливость, а в душе думал лишь о своей выгоде. Как-то раз, воспользовавшись тем, что был срочно нужен хозяину, он сумел выманить у него хитростью несколько десятков золотых.

Жена этого слуги тоже, казалось, совсем не думала о себе, ни на что дурное не была способна, а на самом деле имела любовника и давно уже хотела бежать с ним из дому, да только денег на дорогу не было. Теперь, когда у ее мужа оказались деньги, она выкрала их и бежала со своим возлюбленным. Дней через десять их поймали. Вероломство и мужа и жены стало явным.

Мой младший брат был очень этим доволен. А господин из Яоани сказал:

— В этом деле одно плутовство потянуло за собой другое. И вот до чего дошло! До такого и нечисть, пожалуй, не докатится! А если и докатится, так разве просвещенный человек этому радуется? Нет, он примет это за предостережение. Поэтому, столкнувшись с такого рода делом, должно испытать чувство тревоги, но никак не удовлетворения.

Вот, скажем, А дружит с Б [1]. А живет в Сякоу, а Б — в Бочжэне, в тридцати ли от А. Жена Б по делу проходит мимо дома А, А напаивает ее допьяна и оставляет у себя. Б узнает об этом, но не решается ничего сказать, а, наоборот, пишет А благодарственное письмо. Жена А переправляется на лодке через реку, лодка опрокидывается, женщину течением несет к дому Б. Люди спасают ее. Б, узнав об этом, приводит женщину к себе, напаивает ее допьяна и оставляет у себя но-

чевать. А не решается ничего сказать, а, наоборот, пишет благодарственное письмо Б.

Обо всем этом узнает старуха соседка. Сложив молитвенно руки и поминая имя Будды, она кричит:

— Вот что бывает-то! Даже подумать страшно!

А сын ее разносит об этой истории повсюду.

Таких, как ты, можно сравнить с этой старухой!

(94.) Когда господин Мао Чжэнь-юань из Сычуани служил в должности старшего помощника правителя области в Хэцзяни, он рассказывал, что был у него сосед, который както на закате солнца очутился в горах и спрятался от дождя в разрушенном храме. Оказалось, что там уже кто-то сидит. Приглядевшись, он узнал в этом человеке своего покойного дядю, испугался и бросился бежать. Дядя поспешно остановил его:

— Я потому и ждал здесь, что мне надо кое-что сказать тебе. Не бойся, я не причиню тебе никакого вреда. После моей смерти твоя тетка лишилась расположения моей матери — твоей бабушки. Та постоянно грозила ей побоями, твоя тетка хотя и вела себя покорно, не роптала, но в душе затаила обиду и ненависть и проклинает мою мать на чем свет стоит. В загробном мире я по своей должности делаю доклады местному духу. Прошу тебя передать твоей тетке следующее: я предостерегаю ее, чтобы она исправилась, если же не раскается, боюсь, не миновать ей в следующем перерождении расплачиваться за нынешнее поведение.

Сказав это, дух исчез.

Сосед вернулся домой и рассказал все своей тетке. Та не отрицала и не подтверждала правдивости слов духа, но по тому, что ее и узнать было трудно, он понял, что дух обвинил ее не ложно.

[95. Развратник осужден на перерождение в облике свиньи.]

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

[96. Рассказ о гигантской ящерице, которая ходила на задних лапах, как человек.]

(97.) Во время мятежа в Санчжи пленных мятежников казнили в лесу западнее Дихуа (Дихуа — старое название Урумчи, сейчас это округ. Лес, о котором идет речь, тянется на несколько десятков ли и зовется в народе лесным логовом). Дело было в восьмой луне года *у-цзы* *. Через некоторое время в лесу появились круги черного воздуха, быстро двигавшиеся туда-сюда. Те, кто проходили ночью по лесу в этих местах, сходили с ума.

Думается мне, что это души казненных повстанцев причиняли людям такое зло. Так ядовитая змея после смерти оставляет свой яд на травах и деревьях, и этому никто не удивляется.

Обычно, когда темные силы сталкиваются с силами света, они исчезают. Сюда прислали солдат, они стреляли при лунном свете из засады, и черный туман рассеялся.

(98.) При храме Гуань-ди в Урумчи имелась лошадь, купленная кем-то на рынке и поднесенная в дар духу. Лошадь эта паслась в горном лесу и не возвращалась в конюшню. Но каждый раз, когда наступало новолуние или полнолуние и приносились жертвы духу, она обязательно появлялась на заре перед воротами храма и стояла там неподвижно, как глиняное изваяние, всегда на одном и том же месте, ни на шаг не ошибаясь в расстоянии. Даже если был короткий месяц [1], она и тогда являлась вовремя. Когда церемония жертвоприношения кончалась, лошадь опять уходила неизвестно куда.

Думается мне, что раньше какой-то даосский монах приводил ее к воротам храма и духу это нравилось.

В первую ночь второго месяца по лунному календарю, в году *гэн-янь* **, я пришел к храму пораньше и действительно увидел, как по слежавшемуся снегу шла лошадь, неспешно приблизилась к воротам храма и остановилась. Никаких следов сопровождавшего ее человека на снегу не было. Странно!

---

* 1768 г.

** 1770 г.

(99.) Хуайчжэнь находится в пятидесяти пяти ли к востоку от Сяньсяня, в династийной «Истории Цзинь»[1] это место называется Хуайцзячжэнь.

Жила там семья Ма, и вдруг у них в доме стало неспокойно: то ночью кто-то кидается черепицей и камнями, то вдруг словно бесы завоют, то в комнате, где никого нет, возникнет пожар. Тянулось это долго, конца этому не было, ни моления, ни заклинания не помогали, и пришлось этой семье продать дом и переехать в другое место. Но с теми, кто у них купил дом, началось то же самое, так что вскоре и они вынуждены были переехать. И больше никто уже не решался приобрести этот дом.

Был там один старый конфуцианский начетчик, который не поверил во все эти чудеса, купил по дешевке этот дом, выбрал благоприятный день и переселился туда. В доме воцарилась тишина, и пошел слух, что добродетель этого начетчика способна обуздать даже нечистую силу.

Но тут начетчика разоблачил один грабитель: оказалось, что чудеса в этом доме творила не нечистая сила, а грабитель, которого нанял сам начетчик.

Покойный господин из Яоани по этому поводу сказал:

— Бесы не произвели бы бóльших беспорядков, чем были в этом доме. Раз этот человек был способен на такое, он сам и есть настоящая нечисть.

[100. Буддийский монах выдает себя за бессмертного.

101. Лиса не трогает человека, мирящегося с ее присутствием в доме.

102. Лиса отвечает на стихи, написанные о ней Цзи Юнем.

103. Персонажу рассказа во сне является человек, правильно предсказывающий его будущее.]

(104.) Господин Ши Сун-тао, уроженец Хуачжоу (посмертное имя ему дали Моу), дослужившийся до должности начальника музыкального приказа, был близким другом моего покойного отца — господина из Яоани. Когда мне было лет четырнадцать-пятнадцать, он рассказал господину из Яоани такую историю:

«Некий человек насмерть забил своего провинившегося

слугу, а затем и глупую служанку. В споре с ним я сказал:

— Слуга подшутил над вами и за это поплатился жизнью; хозяин убивает раба, но раб не смеет ничего сделать. Высокий ранг хозяина, большое жалованье — не превосходит ли это тех милостей, которыми пользуется раб? Огромные суммы, накопленные продажей должностей и рангов, — не превышают ли они взятки, полученной слугой? Устройство всяких делишек, извращение понятий истины и лжи, жизни и смерти — не больше ли это, чем проступок слуги, посмеявшегося над хозяином? Если хозяину позволительно проявлять неблагодарность по отношению к стране, так можно ли карать слугу, проявившего неблагодарность по отношению к хозяину? Хозяин убивает раба, но раб ничего не смеет сделать.

Человек этот пришел в страшную ярость, размахивал руками, кричал, никак не мог успокоиться. И кончил он плохо.»

Вздохнув, господин из Яоани сказал:

— До такого наше поколение не доходило. Но все эти повышения по службе и отставки без особых на то оснований, все эти бездельники, получающие жалованье! Да разве не клевета, когда каждый считает своим долгом бранить слуг за то, что они бездельничают?

(105.) Некий Ли из Дунчэна, ходивший по соседним уездам, торгуя вразнос жужубами, соблазнил бежать с ним жену хозяина одного постоялого двора. Когда они прибыли в дом Ли, его жена, еще раньше собиравшаяся бежать с другим человеком, обрадовалась:

— Вот хорошо-то, что он привел эту женщину, а то оставаться бы ему одному.

Но ее друг считал, что она должна подождать с осуществлением их плана, пока новая не привыкнет к дому.

— Неужели ты не понимаешь, что так вы обе окажете друг другу услугу? — объяснил он жене Ли. Однако этой новой житье в деревенском доме пришлось не по вкусу, и она, потеряв всякий стыд, бежала от Ли с каким-то юношей.

Впоследствии ее муж, хозяин постоялого двора, приехал в Дунчэн, идя, так сказать, по ее следу, и хотел привлечь Ли к суду. Но из этого ничего не вышло, так как женщины у Ли в доме уже не было и доказать ее муж ничего не мог.

Пока шли споры, кто-то вспомнил, что в деревне есть гадатель, и все решили: «Почему бы не спросить духа?»

Дух, вызванный гадателем, вынес такое решение в стихах:

Влюбленные плотских желают утех,
Мечтают о сладких минутах,
Но вот ведь Ло Фу [1] не втянули же в грех
Коварные речи в тутах.
А ту, что, прохожим улыбки даря,
Глядит из окна воровато,
Ее не удержат ни муж, ни семья
От похоти и разврата.

Хозяин постоялого двора, не произнеся больше ни слова, пустился в обратный путь. А в соседних местах все, кто узнал об этой истории, говорили:

— Ну да ведь в свое время эту женщину ее муж тоже от кого-то увез!

(106.) У старухи Мань, кормилицы моего младшего брата, была дочь Ли-цзе, которая вышла замуж за простолюдина из близлежащей деревни. Однажды, узнав, что мать ее тяжело заболела, Ли-цзе очень испугалась и, не дожидаясь, пока муж ее проводит, пустилась в путь одна. Уже наступила ночь, ущербная луна светила тускло, и Ли-цзе вдруг заметила, что за ней вслед спешит какой-то человек. Боясь насилия и понимая, что звать на помощь в этом пустынном, диком месте нет смысла, Ли-цзе спряталась под большим тополем, росшим у старой могилы, опустила за пазуху свои головные шпильки и серьги, обвязала снятым поясом горло, распустила волосы, высунула язык, выпучила глаза и, уставившись неподвижным взглядом прямо перед собой, стала ждать. Преследователь, направляясь к ней, делал пригла-

шающие знаки рукой, но, подойдя вплотную, понял, что это дух повесившейся женщины, и так испугался, что упал и больше не поднимался. А Ли-цзе как сумасшедшая помчалась прочь.

Когда она прибежала домой, там уже очень беспокоились, начали ее расспрашивать и, узнав, что с ней произошло, и сердились и смеялись. Решили, что надо будет сходить в соседнюю деревню, узнать, что там. На следующий день выяснили, что накануне некий юноша повстречал злого духа, который до сих пор его преследует, так что юноша этот помешался и бредит. Прибегали ко всяким лекарствам и талисманам, но ничего не помогло, так он и остался безумным до конца своих дней.

Может быть, это случилось оттого, что нечистая сила действительно овладела им, воспользовавшись охватившим его страхом,— неизвестно! Может быть, все это было создано его воображением — как знать? А может, вездесущие духи тайно завладели его душой, карая за задуманное им зло,— это тоже неизвестно! Но все равно можно считать, что безумие было ему карой.

(107.) Правитель области Тан Чжи-юй расследовал как-то дело об убийстве, виновник которого находился в тюрьме. Однажды ночью, когда Тан сидел один при свете лампы, ему послышался чей-то плач, звуки слышались все ближе и ближе к окну. Тан приказал молоденькой служанке выйти посмотреть, в чем дело, и сразу же услышал ее крик и какой-то стук. Тогда он сам поднял занавес и увидел, что у подножия лестницы на коленях стоит окровавленный дух и кричит что есть мочи.

Отвесив Тану земной поклон, дух сказал:

— Меня убил такой-то, а уездные власти по ошибке посадили в тюрьму другого. Пока невинного не оправдают, глаза мои не закроются.

— Я займусь этим,— сказал Тан, и дух ушел.

На следующий день Тан лично занялся расследованием. Одежда и обувь покойного оказались точь-в-точь такими же,

как у духа, и вера Тана укрепилась. Он освободил арестованного и на его место посадил в тюрьму того, чье имя назвал ему дух.

Началось следствие, посыпались жалобы, пошли споры. Усилий прилагалось столько, что можно было бы передвинуть Южные горы, а дело не двигалось с места. Друг Тана сомневался в его правоте. Он стал расспрашивать его во всех подробностях, но как поступить, тоже не знал. И вот однажды вечером друг пришел к Тану и спросил его:

— А этот дух — откуда он взялся?

— Он стоял у подножия лестницы.

— А куда он ушел? — продолжал спрашивать друг.

— Перелез через стену,— ответил Тан.

— У духов,— сказал друг,— всегда имеется внешняя оболочка, но плоти нет. Уходя, духи внезапно исчезают, а не перелезают через стену.

Тогда они сами перелезли через стену и стали осматривать: черепица не была повреждена, но после недавнего дождя на крыше оставались грязные следы, ведущие прямо к стене и оттуда вниз. Указав на них, друг сказал:

— Наверняка вас провел какой-нибудь ловкий мошенник, подкупленный арестованным.

Тан глубоко задумался, и вдруг ему все стало ясно. Тогда он снова утвердил первое решение.

О деле этом он не любил рассказывать и на расспросы не отвечал.

[108. Небо наказывает развратного буддийского монаха.

109. Монах исцеляет студента, заболевшего от тоски по умершему мальчику-слуге, с которым он сожительствовал.]

(110.) Старуха Ляо, служившая у моей покойной матери кормилицей, рассказывала:

«В Малопо, что в Цанчжоу, жила женщина, которая зарабатывала на пропитание продажей лапши, а оставшейся лапшой она кормила свою свекровь. Из-за бедности она не могла купить осла и поэтому каждую ночь до наступления четвертой стражи сама крутила мельничный жернов.

Когда свекровь ее умерла, женщина, возвращаясь с ее могилы, повстречала по дороге двух женщин, которые с улыбкой поздоровались с ней и сказали:

— Более двадцати лет мы живем вместе с вами, а до сих пор не знакомы, не так ли?

Испуганная женщина не знала, что им ответить. Тогда те двое сказали:

— Тетушка, не удивляйтесь, мы сестры-лисы. Тронутые вашей почтительностью к свекрови, мы каждую ночь помогали вам крутить мельничный жернов. Мы не ждали, что Верховный владыка одарит нас своей милостью, а стремились подлинно добрым делом достичь определенной степени святости. Теперь, когда окончились ваши заботы о свекрови, мы также уходим, чтобы вступить в сонм бессмертных. Разрешите нам проститься с вами и поблагодарить вас за помощь, которую вы нам оказали.

Сказав это, они исчезли, как ветер, что исчезает в мгновение ока.

Вернувшись домой, женщина, как всегда, принялась крутить жернов, но оказалось, что силы оставили ее и она уже не могла с прежней легкостью молоть муку.»

[111. Вещий сон сбывается.
112. Вещий сон сбывается.]

(113.) Когда воздвигали городские стены в Санчжи, землю раскопали глубже, чем на пять чи, и там нашли женскую туфельку из простой красной материи, расшитую цветами. Сшита эта туфелька была необычайно искусно и почти не пострадала от времени.

В своих стихах я рассказал об этом так:

Когда стены возводили,
Почву заступом разрыли —
Вдруг взревели духов голоса.
Дружно так они орали
Будто в сто вальков стирал
Сотрясая воем небеса.

Слух о том прошел повсюду,
Не хотели верить чуду,
До чего же были все удивлены,
Обнаружив под камнями
Туфлю с пестрыми цветами,
Туфлю в форме молодой луны [1].

Эта туфелька была положена в землю не менее чем несколько десятилетий назад, почему же она не истлела? Ойратские женщины не бинтовали ног, почему же туфелька эта была изогнутой формы и в длину не превышала трех цуней?

Конечно, на все это есть свои причины, но мы их не знаем.

(114.) Го-лю была женой крестьянина из Хуайчжэня. Не знаю, то ли мужа ее была фамилия Го, то ли — отца, но называли ее Го-лю.

В год *цзя-чэнь* или в год *и-сы* правления под девизом Юн-чжэн* в тех краях был большой голод, и муж Го-лю, не имея возможности просуществовать, ушел из дому и стал просить милостыню. Перед уходом, прощаясь с женой, он сказал ей:

— Родители мои стары и больны, я оставляю их на твое попечение.

Го-лю была хороша собой, и молодые люди из их деревни, пользуясь тем, что в доме ее не было еды, пытались соблазнить ее деньгами, но это им не удавалось. Она кормила свекра и свекровь трудами своих рук. Однако на жизнь не хватало, и она обратилась к односельчанам с просьбой:

— Мой муж поручил мне своих родителей, но силы мои истощились, и, если я не найду выхода, оба они умрут. Соседи, если вы можете мне помочь, помогите. А если не поможете, то мне придется начать «торговать цветами», и тогда уж не смейтесь надо мной.

---

* Соответственно 1725 и 1726 гг.

(В деревне о женщине, торгующей собой, говорили, что она «торгует цветами».)

Соседи топтались на месте, мялись, что-то мямлили и так и разошлись, а она, горько рыдая, сообщила о своем решении старухе свекрови.

С тех пор Го-лю открыто стала водить компанию с мотами и гуляками, втайне копя деньги, зарабатываемые ею по ночам. Через некоторое время она купила молоденькую девушку, держала ее в большой строгости, не разрешала показываться посторонним людям. Когда кто-то сказал, что она просто набивает на эту девушку цену, она не стала спорить.

Прошло три с лишним года, и муж ее вернулся. Когда кончился обмен приличествующими в таких случаях фразами, Го-лю взглянула на свекровь и сказала, обращаясь к мужу:

— Родители остались живы, а теперь и вы вернулись.— А затем она вывела к нему ту молоденькую девушку и проговорила: — Тело мое запачкано, нельзя, чтобы вы делили мой позор, возьмите себе в жены другую, я вверяю ее вам.

Потрясенный муж ничего не ответил, тогда Го-лю сказала:

— Пойду приготовлю вам поесть,— ушла на кухню и там перерезала себе горло.

Чтобы освидетельствовать труп, прибыл правитель области и увидел, что глаза ее сияют, не хотят закрываться. Тогда он вынес решение о том, чтобы ее похоронили в семейной могиле, приготовленной для свекра и свекрови, но не в могиле, приготовленной для мужа:

— Не хороните ее в могиле для мужа, ведь она порвала с ним; погребите ее там, где будут лежать старики, ведь она не порвала со своей свекровью.

Но и после этих слов правителя глаза ее не закрылись. И тогда свекровь, плача, закричала:

— Она была истинно добродетельной женщиной, из-за нас двоих довела себя до такого! Не сын ли, который не сумел прокормить своих родителей, перестал о них заботиться, [виновен во всем]? Да к тому же это еще тот, кто родился

мужчиной, не смог прокормить нас, а поручил слабой женщине, сам убежав от трудностей. Так кто же виноват в разрыве? И вообще, это наше семейное дело, чиновников оно не касается.— Когда старуха замолчала, глаза покойницы закрылись.

Земляки, обсуждая случившееся, ожесточенно спорили, не сходясь во мнениях. А дед мой, ныне покойный господин Чун-юй, сказал:

— Целомудрие и почтительность к старшим — две наиважнейшие добродетели в человеке, но сохранить и то и другое ей было невозможно. Разобраться в подобном деле тому, кто не является настоящим мудрецом или святым-бессмертным, немыслимо. И я не решусь выносить свое суждение по этому поводу.

[115. Разговор духа казненного с судьей о правильности приговора.]

(116.) Редактор Чэн Юй-мэнь [1] рассказывал:

«Яд ненависти силен в человеке!

Сун Сяо-янь перед смертью отправил следующее послание своему другу:

Могут белые кости рассыпаться в прах,
Но душа наша вечно пребудет в блужданьях.
За истоками Желтыми [2], в мертвых краях,
У волшебного зеркала [3] жду я свиданья.

Я сам видел это письмо. А когда друг, которому было адресовано это письмо, лежал на смертном одре, он хлопнул рукой по постели и воскликнул: «Посидите, господин Сун, подождите!»

И это я сам видел.»

[117. Красивый отрок тщетно пытается соблазнить чиновника, чтобы тот помог освободить из тюрьмы убийцу.]

(118.) В конце правления императора династии Мин, чьим девизом было Чун-чжэнь, в деревне Мэнцунь появился разбойник, который бесчинствовал без зазрения совести.

Увидев как-то красивую девушку, он связал веревками ее родителей и стал понуждать ее «слиться с ним в радости», а так как девушка не соглашалась, то он начал пытать ее родителей огнем. Они жалобно кричали и приказывали дочери уступить разбойнику. Девушка просила его освободить родителей и только на этом условии соглашалась уступить его домоганиям. Боясь, что она обманет его, разбойник настаивал, чтобы сначала она отдалась ему, а потом уж он отпустит ее родителей. В гневе девушка из всех сил ударила разбойника по лицу. Она погибла вместе со стариками родителями. Трупы их разбойник бросил в поле.

Через некоторое время пришлось ему драться с правительственными солдатами. Когда лошадь его доскакала до того места, где был труп девушки, она отпрянула и ни за что не хотела идти вперед. Разбойник слетел в грязь, и тут его и взяли в плен. Девушка была отомщена. К сожалению, мне не удалось выяснить ни фамилии ее, ни имени.

Среди тех, кто обсуждал эту историю, были такие, кто считал, что раз девушка жила со своими родителями, то обязана была повиноваться им во всем. Родители приказали ей уступить домогательствам разбойника, а она не послушалась, стала свидетельницей их мук, значит, она виновата перед ними. Другие же говорили, что не всем родительским приказам можно повиноваться. Девушка на выданье не могла отдаться разбойнику, приказ родителей как бы превращал ее в проститутку, могла ли она подчиниться? Значит, девушка не виновата.

Мой отец, ныне покойный господин из Яоани, сказал так:

— Эта история прямо противоположна истории Го-лю[1]. У спорящих одинаковые основания упорствовать, но я не решусь настаивать на какой-либо определенной точке зрения. Если человек не ест лошадиной печени, это еще не значит, что он лишен вкуса.

[119. Рассуждение об отношении к книгам древних: читать только их — вредно для дела, не читать их совсем — тоже вредно.

120. О злодеяниях евнуха Вэй Чжун-сяня.

121. О карликах в горах Урумчи, упоминания о которых встречаются в «Книге о горах и морях».

122. Об удивительных цветах, растущих на границе.

123. Описание различных местностей в Синьцзяне.

124. Учитель обучает лис конфуцианским классикам без комментариев (смысл и так ясен, зачем же еще комментарии).]

(125.) Был один гадатель, прибывший из Цзяннани. Дух, которого он вызывал, именовал себя Отшельником с горы Спящего тигра. Предсказаний, связанных со счастьем и несчастьем в человеческой судьбе, он не делал, а только слагал стихи-заклинания[1]. Еще он умел рисовать, но лишь одни орхидеи и бамбуки. Стихи его были прозрачно-ясными, без тени мирской вульгарности.

Как-то раз он сложил такие стихи:

Здесь бренностью краса тревожит грудь,
В воде багряным цветом отражаясь.
В сомнении, куда направить путь,
Остановился белый аист.
И на меня взирает дух цветов,
Дивясь на мой халат зеленый;
А я возлег на зелень свежих мхов,
Блаженствуя в истоме сонной.

Для джонок, чтобы уберечь их от опасностей в пути, он написал такие стихи:

Вода неглубока, она журчит, струясь,
И путь у джонки не тяжел.
А вот на берегу устало месит грязь
Запряженный в телегу вол.

А для телег он написал так:

Возок катится невелик
По каменистой глине,
В упряжке — черной масти бык,
А груз — вино в кувшине.
И к златоуздым скакунам
Бык завистью не тронут...
Бегут колеса по камням,
Как джонка через омут.

Ну и еще были стихи в таком же роде...

Когда его спросили, как его фамилия и имя, он ответил.

— Зачем людям, живущим вне мира, имя? Разве обязательно нужно общение с людьми, если есть определенная судьба!

Двое, некие А и Б, вместе пробовали его вызывать. Он явился по зову, но большинство написанных им слов было неразборчиво. Однажды Б сжег амулет, но дух не явился. Еще через несколько дней снова призвал его, но напрасно. Через некоторое время дух появился в доме А. Со всем почтением А спросил его, почему он не пришел на призыв Б. Дух ответил:

— В человеческой жизни основой является почитание родителей и старших братьев. Тех, кто изменяет этим чувствам, и за людей нельзя считать. Тот человек недавно разделил имущество со своим старшим братом и, утаив от него тысячу золотых, солгал, что от их отца остались долги, которые им, братьям, надо совместно уплатить. На самом деле, он просто решил обманом присвоить себе имущество брата. Хотя такие вещи меня и не касаются, я в них не вмешиваюсь, но не считаю для себя возможным определять судьбу таких людей, как он. Не хочу больше иметь с ним дела, чтобы не марать себя его обществом,— и, указывая на самого А, он добавил:

— Вы недавно разбогатели, заботитесь о своих детях денно и нощно, но вот свою племянницу-сироту совсем забыли, оставили лить слезы без всякой помощи. Видно, вы думаете только о своих. Если снова позовете меня, я больше не приду.

Господин из Яоани, ныне покойный, сказал:

— Стихи его, на мой взгляд, содержат в себе нечто чудесное, а рассуждения его достойны святого.

(126.) Военачальник провинции Гуанси, господин Тянь Гэн-е, был женат на женщине из рода Мэн, она рано умерла. Когда господин Тянь был военачальником в Лянчжоу, он как-то лунной ночью сидел у себя в ставке и вдруг, словно

во сне, увидел, как его покойная жена легко скользнула по ветвям деревьев с таким же занятым и озабоченным видом, какой бывал у нее при жизни.

— Я ведь небожительница,— сказала она ему,— но в одном из перерождений мне уготовано было стать вашей женой. Когда же подошел назначенный срок, я вернулась на Небо. Наша встреча означает, что узы еще не порвались.

— В каком чине я умру? — спросил ее господин Тянь.

— На этом ваше продвижение не остановится, у вас еще многое впереди.

— А сколько мне уготовано жить?

— Трудно сказать. Вы умрете не в деревне, не в присутственном месте, не на постоялом дворе в пути, не на поле сражения. Придет время, сами узнаете.

— Увидимся ли мы после моей смерти?

— Это зависит от вас. Если вы приложите все силы, чтобы быть вознесенным на Небо, мы увидимся, нет — значит, не сможем.

Впоследствии господин Тянь командовал войсками, посланными на усмирение мяо[1]; на обратном пути он умер в походном шатре.

[127. Сластолюбивый слуга гонится за красивой девушкой, которая превращается в свирепого беса.

128. Слепой, упавший в колодец, спасен случайно свалившимся туда мясником.

129. Свирепый разбойник нежно любит свою жену.]

(130.) Чжан Цин-лань[1], человек начитанный в сутрах, рассказывал:

«В верхнем помещении одной кумирни, где хранились сутры, поселилась лиса, и монахам пришлось устроиться внизу. Однажды, когда стояла невыносимая жара, какой-то странствующий монах, устав от тесноты внизу, решил переселиться наверх. И вдруг монахи услышали сверху голос лисы:

— Каждому ведь нужно свое помещение, семья у меня не маленькая, придется переселяться вниз.

— Вы ведь давно живете наверху,— удивился один из монахов,— чего же вдруг решили переселиться?

— Да тут один буддийский монах пожаловал.

— Неужто вы от монаха бежите? — спросил тот.

— Монах этот — истинный последователь Будды, как же мне не бежать от встречи с ним,— ответила лиса.

— А разве среди нас нет таких, как он? — спросил ее монах.

Лиса не ответила, тогда этот монах стал настаивать.

— Вы сами себя считаете такими,— сказала лиса наконец,— а мне зачем же повторять чужие слова?»

Старший брат мой, Мао-юань, рассказавший мне эту историю, добавил:

— Эта лиса прекрасно отличала белое от черного. Но, видно, она к тому же еще могла заставить каждого из приверженцев трех учений[2] вникнуть в их суть.

[131. *Некий человек, влюбившись в жену соседа, с помощью третьего человека разводит ее с мужем.*

132. Человек беседует с бесом о стихах.

133. Даос, умевший творить чудеса.

134. Предсказание, сделанное в разговоре неизвестных, сбывается.]

(135.) Господин Хэ Ли-ань рассказывал:

«Когда мне было лет тринадцать-четырнадцать, я вместе с моим отцом, вышедшим в отставку, возвращался в столицу. На джонке было множество людей, было тесно, стояла толкотня, и мне постелили на большом сундуке. Ночью я почувствовал, что меня кто-то трогает холодной как лед рукой; продолжалось это долго, пока я совсем не проснулся. Это повторялось каждую ночь. Решили, что у меня галлюцинации, но никакие лекарства не помогали. Когда я оказался на суше, все прошло.

Впоследствии мы узнали, что сундук принадлежал одному слуге, мать которого умерла в присутственном месте. Слуга тайно сжег гроб с ее телом, а одежду и кости сложил в сундук. Не нашедшая упокоения душа таким образом являла себя тому, кто спал на сундуке.»

Это возможно, потому что блуждающие души действительно следуют за останками своего тела.

[136. Человек беседует с бесом о путях живых и мертвых.

137. Лиса, подсмотревшая сон человека, упрекает его в развратных помыслах.

138. Неизвестный человек убит громом — Небо карает за неизвестную провинность.

139. Лиса доводит до сухотки сожительствующего с ней человека.]

(140.) У первой жены моего отца, госпожи Чжан, была рабыня, которую звали Сяо-ин. Как-то раз госпожа Чжан, сидевшая при лунном свете в зале, кликнула Сяо-ин, и вдруг из западной галереи появилась Сяо-ин и из восточной галереи появилась Сяо-ин. Обликом и одеждой одна не отличалась от другой: даже складка на правой поле халата, даже закатанный левый рукав и те совпадали. Госпожа испугалась так, что чуть не упала.

Посмотрела еще раз — осталась только одна Сяо-ин. Стала спрашивать, оказалось, что она пришла из западной галереи.

— А в восточной галерее ты никого не видела? — спросила госпожа.

— Никого,— ответила та.

Произошло это в седьмой луне, а в одиннадцатой луне Сяо-ин умерла.

Не потому ли, что срок ее кончины был так близок, дух осмелился явиться в ее облике?

(141.) Монахиня Дун из монастыря Дяньхуамяо в Цанчжоу в день рождения Да-ши, судьи из Царства мертвых, кончала приготовления к жертвоприношению в его честь, как вдруг почувствовала слабость и головокружение и оперлась на стул, чтобы прийти в себя. И тут, словно во сне, услышала она обращенные к ней слова Да-ши:

— Если ты не принесешь мне подношений, то я не почувствую голода, а если принесешь, то я не буду от них сыт. За воротами храма находится несколько нищих, которые мо-

лят о еде и, не получив ее, умрут с голоду. Если ты отдашь им, что приготовила для меня, заслуги твои будут во много раз больше, чем если ты принесешь жертву мне.

Очнувшись, монахиня выглянула за ворота и действительно увидела нищих. С этих пор она ежегодно все приготовленное для жертвоприношений отдавала нищим, приговаривая при этом: «Это бодхисаттва позаботился о вас!»

(142.) Покойная супруга моего отца как-то рассказывала:

«В Цанчжоу был некий носильщик паланкина Тянь, мать которого страдала водянкой и была на краю гибели. Тянь узнал, что у одного врача в городе Цзинхо есть чудодейственное лекарство. До Цзинхо было более ста ли. В сумерках Тянь как безумный выбежал из дома, а на рассвете уже пустился с лекарством в обратный путь. Но в этот вечер река Вэй бурно разлилась, и ни один лодочник не решался переправиться через нее. Тянь, громко рыдая, взывал к Небу. И хотя все жалели его, никто не знал, чем же помочь. И вдруг один лодочник отвязал канат и крикнул:

— Если есть божественная справедливость, то этот человек не утонет. Идем, идем! Я перевезу тебя.

Яростно работая веслом, он вел свою лодку наперерез бушующим волнам. И вот они уже причалили к восточному берегу. Все видевшие это разводили руками и славили имя Будды.»

Господин из Яоани сказал по этому поводу так:

— Вера этого лодочника была более искренней, чем у конфуцианцев-начетчиков.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

[143. Ответы духа, носящего имя Отшельник с горы Спящего тигра (который фигурирует в рассказе № 125), во время гадания.]

(144.) Когда господин из Яоани еще не получил степени, он как-то встретил гадателя и спросил его:

— Прославлюсь я или нет?

— Перед вами путь в десять тысяч ли[1],— ответил гадатель.

— В каком году я достигну степени? — осведомился господин из Яоани.

— Надо ждать десять тысяч лет,— последовал ответ.

Исходя из этого, видимо, следовало предположить, что продвижение господина из Яоани по службе пойдет путем необычным.

Наступил год *гуй-сы* *, праздновался день рождения государя, и господин из Яоани получил степень; тогда он понял, что означали слова гадателя о «десяти тысячах лет»[2].

Впоследствии господин из Яоани был правителем уезда Яоань в провинции Юньнань. Получив согласие властей на просьбу вернуться на родину, чтобы ухаживать за престарелыми родителями, он уже не уезжал больше. Так подтвердились слова о «пути в десять тысяч ли». В магии есть всякие приемы, их великое множество, у одного только гадания на песке есть всякие дополнительные приемы, все духи их знают. Есть такие духи, которые о себе говорят «некий святой», «некий бессмертный», прямо они не ответят на вопрос. Некоторые сами себя называют «такой-то человек»; спросишь его о стихотворении из какого-нибудь сборника — будет нести всякую околесицу, ссылаться на ослабевшую от старости память, а ответа так и не даст. Если они владеют искусством каллиграфии, то пишут; если умеют слагать стихи, слагают; если стихов сочинять они не умеют, но каллиграфией владеют, то могут написать целый трактат, состоящий из сплошных глупостей.

Когда я был маленьким, то умел сочинять стихи, но искусством каллиграфии не владел, а мой двоюродный брат Тань-цзюй хорошо писал, но не умел сочинять стихов. И вот, когда я гадал, кисть писала удачные стихи, но почерк был небрежный; когда же гадал Тань-цзюй, иероглифы получались аккуратные, красивые, зато стихи были поверхностные и претенциозные. У нас с Тань-цзюем ведь не было еще свос-

* 1714 г.

го опыта, мы заимствовали его у других, и только в этом случае у нас что-нибудь получалось. То есть можно сказать, что сами духи не одухотворены, их одухотворяют люди. Тысячелистник, щит черепахи, сухая трава, кости[8] — хотя по ним и можно узнать, что тебе предопределено, беда или счастье,— чудотворными они становятся лишь с помощью человека.

(145.) Покойный дед мой со стороны матери жил на восточном берегу реки Вэй. У реки стояла башня, носившая название Промелькнувший парус. Башня выходила фасадом на запад, а у подножия ее были многоярусные ворота, выходившие на восток и отделявшие внутренний двор, который не соединялся с башней.

Когда-то жена слуги Ши Цзинь-цзе повесилась в этом дворе, поэтому там давно уже никто не жил, и ворота не запирались. Не зная об этом, туда пришли на тайное полночное свидание молодой слуга и рабыня. И вдруг за воротами послышались какие-то звуки, похожие на шаги человека. Боясь, что их увидят, влюбленные прижались к земле и замерли, не решаясь пошевелиться.

Наконец, тихонько заглянув в створки ворот, они увидели, что дух повесившейся женщины поднимается по лестнице и тихо вздыхает, обратив лицо к луне. Дрожа от страха, влюбленные застыли у ворот, не осмеливаясь выйти оттуда, а дух не мог пройти в ворота, так как эти двое стояли у него на дороге. Так стояли они довольно долго, как вдруг залаяла собака, почуявшая духа. Ее лай подхватили другие собаки, и люди, решив, что собаки лают на грабителя, зажгли светильники, похватали оружие и бросились во двор. Дух скрылся, а влюбленная пара была застигнута на месте. Не в силах перенести позора, рабыня дождалась наступления вечера и повесилась там же, во дворе. Но ее вовремя обнаружили и спасли. Она прокралась тихонько к себе, а затем вернулась домой, к своим родителям, на этом все и кончилось.

Ясно, что дело было не в том, что дух не мог пройти

в ворота. Значит, он хотел, чтобы влюбленных обнаружили и чтобы рабыня от позора повесилась (как было с женщиной, ставшей этим духом).

Покойная моя бабушка по этому поводу сказала:

— Эта женщина и при жизни была хитра и коварна, с чего же ей было меняться после смерти?

А покойная супруга моего отца говорила:

— Если бы эта рабыня не вела себя так, то и дух ничего бы не мог с ней сделать. Значит, нельзя сваливать вину на духа.

[146. Духи повесившихся женщин доводят нескольких женщин до самоубийства.

147. Бесы спасают от пожара помогшего им ранее чиновника.]

(148.) Когда господин из Яоани служил в уголовной палате, за воротами Дэшэнмэнь[1] была поймана шайка грабителей. Пятеро были арестованы, а двоим — Ван-у и Цзиню Клыкастому — удалось бежать. Ван-у бежал до Госяня, и тут путь ему преградил глубокий ров. Переброшенный через него мостик был так узок, что по нему мог пройти только один человек. На этом мостике лежал огромный бык, свирепо глядевший на Ван-у и изготовившийся броситься на него. Ван кинулся назад, чтобы отыскать другую дорогу, и прямиком налетел на патруль.

Цзинь Клыкастый перебежал мост через Цинхэ[2], и там ему встретился пастух с двумя быками, которые, барахтаясь в грязи, свирепо нацелили на него свои страшные рога. Цинхэ недалеко от столицы, там услыхали [об этом], сообщили властям и связанного разбойника доставили в суд.

Оба этих разбойника были мусульманами и профессиональными убойщиками быков, оба они от быков и погибли[3].

Разве не естественно, что животные не могли не затаить злобы на такую жестокость, как убой скота? Если живешь жестокостью, то и возмездие тебя ждет такое же. А если это не верно, то разве так уж часто приходится встречать свирепых быков, которые загораживают дорогу на мост?

[149. Больной человек во сне оказывается в доме, куда он потом попадает наяву.

150. Вещий сон сбывается.

151. Мудрый судья распознает преступника.]

(152.) Сановник, ведающий императорскими выездами, Гэ Сянь-чжоу[1] рассказывал:

«В год *у-чэнь* *, в правление императора под девизом Цянь-лун, на мосту, ведшем к западным воротам города Хэцзянь, ударом молнии был убит человек. Смерть застигла его на коленях, и он так и остался, не падая, а в руке была зажата бумага, которую не спалил огонь молнии. Проверили, оказалось, что она была пропитана мышьяком. Никто не понимал, в чем тут дело.

Узнав о случившемся, на место происшествия прибыла жена погибшего. Увидев его, она сказала, не пролив ни единой слезинки:

— Давно знала, что это случится, только жаль, что так поздно. Он все бранил старуху мать, а вчера у него возник злой замысел: он решил купить мышьяк, чтобы отравить ее. Всю ночь я, рыдая, уговаривала его, но он не слушал.»

[153. Красавица лиса отказывается сожительствовать с начетчиком.]

(154.) У госпожи Цао, матери моей покойной матушки, была служанка, которая обладала способностью видеть духов.

Когда бабушка приехала навестить своих родителей, зашел разговор о потустороннем мире, и эта служанка рассказала:

«Вчера в одном доме я видела духа, у него был совершенно обезумевший вид, так его было жалко, что просто сердце разрывалось, глядя на него. Звали его так-то, жил он в таком-то месте, семья у него небогатая. Когда он умер, ему было лет двадцать семь—двадцать восемь. Через сто дней после его смерти жена его попросила меня составить ей компанию. И вот тогда я увидела, что его дух сидит во

* 1748 г.

дворе под гвоздичными деревьями. Стоило ему услышать плач жены или крик ребенка или как жена его старшего брата бранит его жену, он, несмотря на то что при солнечном свете ему нельзя приближаться к людям, все-таки подбегал к окну и прислушивался с видом полного отчаяния.

Потом, когда он увидел, что к жене его пришла сваха, он горько зарыдал и стал, как затравленный, озираться по сторонам. Позднее, услыхав, что дело расстроилось, он стал повеселее. Когда же сваха пришла снова и начала разговаривать с женой его старшего брата, а потом и с его собственной женой, он бегал с таким растерянным видом, словно что-то потерял.

В день, когда прислали свадебные подарки, он сидел под деревом, устремив взгляд на комнату жены, и слезы лились по его щекам, как дождь.

С этих пор он стал следить за каждым шагом своей жены, и любовь его к ней все росла. Вечером накануне свадьбы она собирала свои вещи, а он бродил перед домом, то останавливался и начинал плакать, то стоял, понурив голову, словно погрузившись в глубокое раздумье. Услыхав плач в доме, он стал подглядывать в щелку. И так продолжалось всю ночь.

Тяжко вздохнув, я спросила его:

— Зачем вы так терзаете себя?

Он словно и не слышал моих слов.

Прибыл жених, чтобы при свете факелов вести к себе невесту. Дух притаился у стены и, подняв голову, ждал выхода своей жены. Я вышла вместе с ней. Не сводя с нее глаз, он проводил ее до самого дома ее нового мужа. Войти в двери он не смог, тогда стал бить земные поклоны, чтобы его впустили.

Войдя, он спрятался в углу и смотрел на брачную церемонию, вид у него был как у пьяного. Когда жена вышла в свою комнату, он потихоньку подошел к окну, и вид у него был такой же, как тогда, когда она собирала свои вещи. Уже потушили свечи, легли спать, но он все не уходил. Только когда дух домашнего очага стал гнать его прочь,

он выбежал в испуге. Жена его просила меня присмотреть за ее ребенком, и он последовал за мной в их старый дом. В прежней комнате жены он стал подходить к каждому месту, где она раньше сидела или спала.

Заплакал ребенок, и он начал бегать вокруг него и протягивать обе руки, словно хотел взять его, но понимал, что это невозможно. Вскоре вышла жена его старшего брата и дала ребенку шлепка. Тогда он начал топать ногами и бить себя в грудь с таким видом, словно готов был перегрызть ей горло. Я не могла вынести этого и ушла. Что было дальше, не знаю.

Потом я рассказала об этом потихоньку его жене, и та от раскаяния зубами скрипела.

В этой же деревне жила молоденькая вдова, которая собиралась снова выйти замуж. Услыхав об этой истории, она поклялась не выходить замуж.

— Я не допущу, чтобы такое могло случиться с моим покойным мужем! — сказала она.»

Увы! Человек благородный не отшатнется от другого из-за того, что живые и мертвые принадлежат к разным мирам. Ничтожество же отвернется, но не потому, что существует разница между живыми и мертвыми. У людей заурядных чувства таковы, что, пока жив человек, и чувство к нему живо, а умрет, умирает и чувство. Если живой и вспомнит об умершем, то не испытает печали.

Видя, как люди лестью и приставаниями добиваются богатства, как морочат и обманывают других всякой чертовщиной, конфуцианцы неуклонно отстаивают положение о том, что духов нет. Их учение утратило Путь священной истины, которую знали древние государи, и это приводит к тому, что невежественные мужчины и женщины ни в чем не знают сомнений. Насколько же лучше рассказ этой деревенской женщины, способствующий сохранению чувства живых к мертвым!

[155. Покойница воскресает, но в нее вселяется душа другой женщины.
156 Даос проучил скупца.

157. Комментарий к стихам некоего Цзяна.
158. Разговор духов о судьбе крестьянина, подслушанный им самим.

(159.) Мой дядя, господин Ма Чжоу-лу, рассказывал:

«В деревне к югу от Дунгуана жил некий Ляо, который собирал пожертвования на устройство общественных могил для бедняков. Односельчане охотно помогали ему, и он более тридцати лет занимался этим делом. В начале правления под девизом Кан-си в Дунгуане началась большая эпидемия. И вот этому Ляо как-то приснилось, что перед воротами его дома стоит толпа, более чем сто человек, и один из них выходит вперед и обращается к нему со следующими словами:

— Духи болезней придут за вами, достопочтенный. Прошу вас, сожгите десяток бумажных знамен и сотню деревянных мечей, мы будем сражаться с этими духами, чтобы отблагодарить деревню за оказанные нам милости.

Для такого доброго дела Ляо согласился выполнить их просьбу.

Прошло несколько дней, и как-то ночью Ляо услыхал несущиеся с западного пустыря крики и шум битвы, которые стихли только к рассвету. И в этой деревне действительно никто не заболел.»

160. Дух покойного мужа является, чтобы покарать неверную жену.

(161.) Ван Плешивый в младенчестве лишился отца и матери. Настоящая фамилия его забылась, а так как воспитывался он в доме тетки, то и принял ее фамилию — Ван. Он был злой и хитрый, вечно хулиганил, дети, завидев его, пускались наутек, даже собакам и курам не было от него покоя. Однажды, когда он с приятелем, пьяный, возвращался из Гаочуаня и проходил ночью мимо заброшенного кладбища в Наньгэнцзы, им загородила дорогу толпа бесов. Приятель Вана, дрожа от страха, упал на землю, а Ван один стал драться с бесами.

— Нет в тебе, Ван Плешивый, сыновней почтительно-

сти! — закричал один бес.— Ведь я твой отец! Как же ты смеешь поднимать на меня руку?

Так как Ван Плешивый никогда не знал своего отца, то начал сомневаться, а вдруг тот правду сказал, но в это время другой бес завопил:

— Я тоже твой отец, как ты смеешь мне не кланяться?

И тут все бесы хором закричали:

— Не приносит жертвы матери, довел ее до того, что голодным духом блуждает здесь, а мы все — твои отцы!

Разозлившийся Ван снова кинулся на них с кулаками, но удары его попадали в пустоту. Так он плясал, размахивая кулаками, пока не закричал петух. Совершенно обессиленный, он упал в заросли и не мог пошевелиться от усталости. А толпа бесов смеялась над ним:

— Иссяк героический дух у Вана Плешивого! На тебя сегодня все твои земляки плевать будут! Смотри, если не устыдишься своего поведения, мы и в другой раз тебя подстережем здесь!

А у Вана Плешивого совсем уже не было сил, он даже ответить им не мог.

Когда рассвело, бесы исчезли, и спутник Вана повел его, поддерживая под руки, домой. С тех пор удали у Вана поубавилось. Как-то ночью он ушел из деревни вместе с женой, и никто не знает, что с ним сталось.

Подробности этой истории, может, и не заслуживают упоминания, но из нее видно, что наглый злодей в конце концов обязательно встретит того, кто не потерпит его наглости. С тем, кого не сумели обуздать люди, обязательно справятся бесы, которым он тоже противен.

[162. Рассказ о летающих насекомых, которые причиняли вред людям.
163. К чиновнику является дух повесившейся женщины, он прогоняет его.]

(164.) Начальник отдела палаты Дэ Хэн как-то летним днем прогуливался за пределами города Урумчи и дошел до павильона Сю е, чтобы подышать свежим воздухом, присел немного отдохнуть и вдруг услышал громкий голос.

— Уходите домой, почтенный. Ко мне сейчас придет гость.

Дэ Хэн как сумасшедший пустился прочь.

Рассказав мне об этом, он спросил:

— Наверное, моя смерть близка? Средь бела дня увидеть беса!

— Вот так неожиданно увидеть беса, конечно, мало приятного,— ответил я,— но если увидишь беса, придя в его берлогу, то это все равно, что увидеть человека, в дом которого ты пришел. Что же в этом удивительного?

Ведь этот павильон находится в густом лесу к западу от города, тысячи деревьев тянутся к самому небу, солнца там никогда не увидеть. В павильоне ставят гробы в ожидании похорон, казни преступников совершаются тоже в этом лесу, и часто можно услышать рассказы о всяких чудесах, которые там происходят.

[165. Нечисть прогоняет человека с башни храма, где она живет.

166. Начатый художником портрет женщины дорисован какой-то сверхъестественной силой.]

(167.) Арендатор Чжан Тянь-си как-то раз на заброшенном поле увидел череп и шутки ради помочился ему в рот.

И вдруг череп подпрыгнул и сказал:

— У людей и бесов разные пути, зачем же ты оскорбляешь меня? К тому же я женщина, а ты мужчина, не стыдно ли тебе позорить меня? Это уж совсем не годится! — и стал подпрыгивать и подпрыгивать, все выше и выше, пока не ударил Чжана по лицу. Тот в ужасе бросился к дому, а череп мчался за ним, ночью пристроился на гребне стены и ругался без передышки. Чжана стало кидать то в жар, то в холод, затем у него помрачился разум, он не узнавал людей. Вся семья явилась, чтобы поздравить его с днем рождения, а он пришел в такую ярость, словно ничего не понимал.

Тогда кто-то осведомился у черепа, как его звали при жизни и где он жил. Тот подробно ответил.

Тогда его спросили:

— Раз так, выходит вы — его прабабушка, зачем же причиняете такой вред своему потомку?

— А это действительно моя семья? — спросил печально череп.— Когда же вы переселились сюда? И кто вы такие?

Когда рассказали все по порядку, череп тяжело вздохнул и сказал:

— Вообще-то я не собиралась сюда приходить, но меня подстрекали пойти другие духи мертвых в надежде достать еды. Несколько духов находятся сейчас в спальне больного, а другие остались за воротами. Приготовьте мне тыкву-горлянку с отваром, и я сейчас их прогоню. Духи почти всегда страдают от голода и поэтому даже без причины творят зло, а так как при этом они еще боятся добрых духов, то стараются при каждом удобном случае выманить у живых жертвоприношение. Подождите немного, и я со всей вежливостью попрошу их удалиться, чтобы они не воспользовались случаем.

Сделали, как он велел.

— Ну вот,— сказал череп,— теперь все ушли. Но у меня во рту нестерпимая вонь, надо вернуться к себе, разыскать свои кости, помыться и лечь в землю.

Затем послышалось несколько вздохов и всхлипов, и наступила тишина.

[168. Человек встречает в поле духа своего покойного прадеда, который расспрашивает его о жизни семьи.]

(169.) В году *бин-цзы* правления под девизом Цянь-лун * некий ученый из Минь отправился на место службы. В конце года он прибыл в столицу и, не найдя себе сразу жилья, снял комнату в полуразрушенном храме к северу от алтаря Сянь-нуна [1]. Дней через десять после этого в середине ночи вдруг послышался чей-то голос за окном:

— Проснитесь, господин! Мне надо вам кое-что сказать. Я в этом помещении живу уже давно. Сначала я принял вас

* 1756 г.

за ученого, прибывшего издалека в поисках славы, и поэтому поступился своими правами на это помещение. Затем, увидев, что вы ежедневно уходите из дому, и зная, что в столице вы человек новый, я решил, что вы ищете родных или друзей, и тоже счел это естественным. Недавно я заметил, что вы возвращаетесь пьяным, и постепенно меня охватили сомнения. И вот сейчас я слышал, как вы рассказывали монаху о виденном вами представлении в каком-то питейном заведении. Да вы просто мот и бездельник! А я-то из-за вас переселился в главный зал, стеснял себя; чтобы избегать с вами встреч, терпел всякие неудобства. Ну уж бездельнику я уступать не намерен. Если завтра же вы не уберетесь отсюда, то учтите: я уже запасся черепицей и камнями!

Монах в соседней комнате тоже слышал эти слова и стал уговаривать ученого переселиться в другое место.

С этих пор монах уже не решался сдавать это помещение и тем, кто спрашивал его о причине, рассказывал эту историю.

(170.) Имя господина Ю Цан-лина было Дань, он был младшим братом господина Цянь-цзюя. Цянь-цзюй по характеру своему был человеком мягким, кротким, а Цан-лин — прямым и резким. Но жизненные принципы были у них одинаково твердыми.

В их деревне повесилась женщина из-за жестокого обращения с ней свекрови. Так как люди в обеих семьях были образованные, то господину Цан-лину удалось уговорить отца и брата покойной не затевать с ее свекровью тяжбы. В ту же ночь где-то вдалеке послышался плач. Постепенно приближаясь, плач слышался уже за воротами, затем прямо под окном; слышны были рыдания и жалобы, горькие упреки и сетования на Цан-лина за то, что он помешал начать тяжбу.

Тогда Цан-лин закричал:

— Ты умерла из-за жестокости свекрови, в этом нет нарушения законов, и тяжба не даст тебе удовлетворения. Более того, тяжба обязательно повлечет за собой расследо-

вание, расследование наверняка раскроет другие семейные секреты, так надо ли позорить две семьи?

Однако дух покойной по-прежнему продолжал плакать, нудно и неумолчно.

Тогда господин Цан-лин сказал:

— Подданный не судится с государем, сын не судится с отцом, а тебе надобно, чтобы люди жалели о твоей безвинной кончине и осуждали жестокость твоей свекрови. Жена, а хочет подать в суд на мать своего мужа, да ведь это оскорбление его имени, поступок против того, что дóлжно. Даже если ты пожалуешься светлым духам, они тоже решат, что ты не права.

В конце концов дух замолк и удалился.

Господин Цянь-цзюй сказал:

— Речи Цан-лина пояснили всем в Поднебесной, что то, что возможно, когда дело касается жены, невозможно, если речь идет о свекрови.

Отец мой, достопочтенный господин из Яоани, сказал об этой истории так:

— Цан-лин вел речи о сыновней почтительности к старшим, а Цянь-цзюй — о любви родителей к детям.

[171. Лиса исправляет стихи Дун Цюй-цзяна, пока он спит.
172. Насекомое загрызло нищего. Не возмездие ли это?]

(173.) Ван Сяо-юань, занимавший должность секретаря государственного совета, снял помещение на улице Яньван мяоцзе[1]. Там во дворе росло финиковое дерево, которому было уже более ста лет. Каждый месяц в светлые вечера на склоненной ветке этого дерева появлялась девица в красном платье, сидевшая, свесив ноги, и глядевшая на луну, не обращая внимания на людей. Если подойти поближе, то девицу не было видно, а если отступить назад и смотреть издали, то она оказывалась на своем старом месте.

Как-то Сяо-юань заставил одного человека стать под этим деревом, а другого — в комнате. Тот, что находился в комнате, увидел, что рука человека, стоящего под деревом, каса-

ется ноги девицы. Тот же, что стоял под деревом, так и не видел девицы. Когда поглядели издали, то оказалось, что тень от дерева видна, но тени от этой девицы нет. Стали кидать в нее черепицей и камнями, но попадали в пустоту, в которой ничего не было. Стреляли из ружья, но, когда дым рассеивался, девица оказывалась целой и невредимой.

Хозяин дома сказал:

— Когда я купил этот дом, это чудо уже было здесь. Она не причиняет вреда людям, поэтому и они ее оставляют в покое.

Вообще духи деревьев и цветов постоянны в своих действиях: большинство их принимает какой-нибудь определенный облик, они не двигаются, не говорят, а сидят на ветке, почему — неизвестно. Опасаясь, что это к несчастью, Сяоюань сменил квартиру.

Впоследствии хозяин дома срубил это дерево, и чудо больше не появлялось.

[174. Бесы не решаются трогать праведную старуху служанку.

175. Человек дружит с лисой и беседует с ней о способах достижения бессмертия.

176. Дух — хранитель города наставляет чиновника разумному правлению.

177. Небо карает женщину, которая любила есть кошачье мясо; она умирает, мяукая.

178. Рассуждение о взглядах конфуцианцев и буддистов на смерть.]

(179.) Старуха шаманка Хао морочила голову своими хитросплетениями деревенским женщинам. Когда я был маленьким, я встречал ее в доме моей тетки, госпожи Лю, в Цанчжоу. Сама Хао говорила, что в нее вселилась лиса-оборотень и рассказывала ей о судьбах, ожидающих того или иного человека, а так как она знала подноготную каждого, то ей очень многие верили. На самом же деле она рассылала своих приспешниц, чтобы те заводили дружбу со служанками и старухами и через них выведывали всякие семейные секреты, тем самым помогая ей дурачить людей.

Как-то раз одна беременная женщина спросила у Хао —

мальчик у нее родится или девочка. Хао обещала ей мальчика. Когда же та разрешилась от бремени девочкой, она упрекнула Хао в том, что ее предсказание не сбылось. Однако Хао гневно взглянула на нее и сказала:

— У тебя и должен был родиться мальчик, но в такой-то день такой-то луны твоя мать дала тебе двадцать лепешек, шесть ты поднесла своей свекрови, а остальные четырнадцать съела сама. Судья Царства мертвых покарал тебя за непочтительность к старшим, превратив мальчика в девочку. Теперь поняла, в чем дело?

Женщина, не знавшая, что об этом случае Хао разузнала раньше, испуганно признала свою вину.

И все умение Хао предсказывать судьбу строилось на таких уловках.

Однажды, когда жгли благовония и вызывали духа, Хао неожиданно застыла на своем месте и отчетливым голосом произнесла:

— Я и есть лиса-оборотень. Хотя мы и живем вместе с людьми, но на самом деле каждый остается верен своей природе. Неужели же я соглашусь связать себя с какой-то деревенской старухой, чтобы участвовать во всяких людских пустяках! Тайные планы этой старухи совершенно ясны: она всяческими ухищрениями собирает сведения, пользуясь при этом именем мне подобных. Вот почему я сегодня действительно вселилась в ее тело, чтобы все узнали о ее вероломстве! — И тут последовал подробный рассказ о кознях старухи, и даже были названы имена ее сообщниц.

Когда голос духа замолк, Хао будто внезапно очнулась от сна и в панике бросилась бежать.

Потом никто так и не знал, чем она кончила.

[180. Небо карает смертью женщину, обижавшую свою свекровь.]

(181.) Два учителя, содержавшие частные школы в соседних деревнях, пригласили как-то своих учеников на беседу. Собралось человек десять. Шел спор о природе человека и Неба, выяснялись вопросы высших принципов и чело-

веческих желаний, речи их были серьезны и осанка строга, как у истинных мудрецов или святых.

И вдруг легкий порыв ветра смел с возвышения, на котором они сидели, лист бумаги и, подхватив его, понес с собой. Когда ученикам удалось схватить этот лист, они обнаружили, что на нем написан подробно разработанный этими двумя начетчиками план присвоения поля, принадлежавшего одной вдове.

Может быть, добрым духам стало противно их лицемерие, поэтому они и сделали явной их подлость? Эти двое так владели своим искусством, что никогда не знали поражения. Теперь же, когда план их стал известен, они не смогли его осуществить, и поле осталось во владении вдовы.

Наверное, нравственная стойкость этой одинокой женщины тронула жителей потустороннего мира, поэтому они и сотворили чудо, чтобы тайное стало явным.

[182. Нечисть посрамляет начетчика-конфуцианца его же оружием — цитатами.]

(183.) Скончался некий почтенный человек. Его вдова и сироты-дети, не зная подлинной стоимости оставшейся после него коллекции старинной утвари, попросили его друга помочь ее продать. Друг назначил высокую цену, и коллекцию долго не удавалось продать. Дождавшись, когда семья покойного оказалась в совершенно безвыходном положении, он сам приобрел коллекцию за ничтожную сумму.

Прошло два года, и этот человек тоже умер. Его вдова и дети, не зная подлинной стоимости коллекции, в свою очередь обратились к близкому другу покойного, и тот, пользуясь старой дружбой, забрал коллекцию себе за бесценок.

Кто-то сказал:

— Вот как все повторилось — коллекция переходила из рук в руки. Второй пошел по пути первого, и его вина меньше.

А я считаю это рассуждение несерьезным, сказанным просто для красного словца, его нельзя считать поучением. Ска-

жем, грабитель является преступником. Так что же, разве тот, кто обокрадет его, будет меньше виноват, чем он?

[184. Мясник наказан смертью за свою жестокость по отношению к животным.

185. Бесы издеваются над педантом-начетчиком.

186. Человек беседует с бесом о трех религиях.

187. Рассуждение о том, что у каждой профессии есть свой дух-покровитель.]

(188.) Покойный мой дядя, господин И-ань, держал закладную лавку в Сичэне. Там в маленькой башенке водились лисы. По ночам постоянно были слышны их разговоры, но людям они не причиняли вреда, и те оставляли их в покое. И вот как-то ночью с башни послышались крики, брань, возня. Сбежались люди, вдруг раздался крик, и чей-то голос сказал:

— Вы, господа, собравшиеся внизу, наверняка все знатоки высших принципов. Скажите, неужели в мире смертных тоже есть жены, которые бьют своих мужей?

А среди собравшихся внизу людей как раз был один, которого только что побила жена. На его лице еще отчетливо были видны следы ее ногтей. Поэтому все засмеялись и в один голос ответили:

— Вот уж что есть, то есть. Это у нас не диво!

Лисы там, наверху, тоже стали смеяться, и ссора утихла. Свидетели этого лопались от смеха.

Господин И-ань сказал:

— То, что лисы сумели смехом умерить гнев, это прекрасно.

[189. Встретив в лесу почтительного сына, бесы уступают ему дорогу.

190. Монаху снится, что он попал в Царство мертвых.

191. Лиса помогает больной вдове своего бывшего возлюбленного.

192. Жены бесов ссорятся между собой, как смертные женщины.]

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

(193.) Чжэн-у (не знаю, откуда он был родом) вместе с матерью и женой поселились в Хэцзяни. Здесь он зарабаты-

вал на жизнь, плотничая. Тяжело заболев, он перед смертью обратился к жене с такими словами:

— После меня не останется ни клочка земли, ни другого имущества, а ты неискусна в рукоделии, так что матери моей не избегнуть голодной смерти. Я хочу с тобой договориться так: если найдется человек, который вместо меня будет кормить мою старуху мать, выходи за него замуж, я после своей смерти не буду на тебя в обиде за это.

Жена поступила, как велел ей муж, и существование его матери было обеспечено.

Если жена бывала невнимательна к старухе, в комнате слышались то звуки разбиваемой посуды, то треск бамбука.

Прошел год. Зимняя одежда для матери не была еще сшита, и старуха плакала и стонала от холода. И вот как-то послышались звуки, похожие на удары колокола, такие громкие, что начали трескаться стены.

Так продолжалось лет семь или восемь. Только после смерти старухи снова стало тихо.

[194. Больному крестьянину в бреду представляется, что он попал в специальное отделение ада для неблагодарных и забывших о добродетели.

195. Умершие до совершеннолетия дети становятся духами, отвечающими за поведение родителей.

196. Вдова проводит ночь с мужчиной и видит в зеркале разгневанное лицо своего покойного мужа.

197. Старик, приснившийся чиновнику, дает ему рецепт лекарства, исцеляющего его болезнь.

198. В Царстве мертвых судью обвиняют в неправильном приговоре по делу о сборе налогов.]

(199.) В одной деревне жил некий Цзян. Перед смертью он приказал своей жене не выходить вновь замуж. Жена со слезами обещала выполнить его приказ.

Впоследствии некий любитель красивых женщин предложил высокую цену за то, чтобы она стала его наложницей. Когда он приехал за ней и она в лучшем своем наряде садилась в повозку, собака ее покойного мужа бросилась на нее со страшным лаем и, вцепившись ей в лицо передними лапами, откусила ей кончик носа и ослепила ее на один глаз.

Красота женщины погибла, и покупатель ее сразу же уехал. После этого никто уже не испытывал к ней влечения.

Произошло это в годы *цзя-у* или *и-вэй* правления под девизом Кан-си*, до сих пор еще остались в живых старики, бывшие свидетелями этого происшествия. Рассказывая об этом, они говорили:

— У этой собаки было чувство долга. Как она любила своего хозяина! Мудрая была собака! Сумела нанести удар в самый корень зла.

А я считаю, что собака никак не могла сама на это пойти, а ее подвигнул злой дух, в которого превратился покойный муж этой женщины.

[200. Дух помогает человеку, сброшенному на землю лошадью, которая испугалась появления духа.

201. Дух мертвого карает смертью соседа, обманувшего его мать.

202. Лиса издевается над скупцом.

203. Человек слышит беседу духов о хозяине дома, в котором ночует этот человек.]

(204.) Дун Цю-юань из Пинъюаня рассказывал:

«В Хайфыне есть буддийский храм, где водится множество лис. Они часто кидаются камнями и черепицей, пугая людей. Один старый учитель решил в восточном флигеле этого храма давать уроки своим ученикам. Узнав, что там водятся лисы, он пошел в главный зал монастыря и принес жалобу Будде, упрекая и понося лис. После этого несколько вечеров было тихо, и учитель радовался.

Однажды настоятель монастыря зашел к учителю побеседовать с ним. Когда учитель отвешивал ему поклоны, из его рукава выпал свернутый лист бумаги и упал на пол. Настоятель поднял лист. Увидев, что на нем нарисованы «тайные радости», он молча удалился. На следующий день никто из учеников не пришел на занятия.»

Лисы не трогали этого человека, а он их задел, поступил обратно тому, как они вели себя с ним. Если благородный

* Соответственно 1715 и 1716 гг.

муж по отношению к мелким людишкам ограничивается предостережением, не проявляя без повода своей силы, то он не потерпит неудачи в общении с ними.

(205.) В храмах в честь Гуань-ди всегда стоит статуя полководца Чжоу[1], имя которого в исторической традиции не встречается. Я выяснил, что на стеле юаньского периода[2], установленной в храме в честь Ханьшоу-тинхоу[3], Лу Чжэнь[4] сделал надпись: «Приехал верхом на Красном зайце[5], следуя за Чжоу Цаном», что свидетельствует о давности события. Чжоу — это очень известный дух.

Одной деревенской старухе, некой Лю По-чэ, приснилось, что ее муж пьяным заснул подле благовоний, зажженных перед статуей Гуань-ди, и вдруг она увидела, как полководец Чжоу дал ему такого пинка, что он вскочил на ноги. На левом его бедре появился синяк, не исчезавший недели две.

(206.) Если считать, что бесы не знают круговращений[1], то с древности до наших дней бесов должно было бы становиться все больше и больше, так что скоро им и разместиться было бы негде на всем великом земном пространстве. Если же считать, что бесы знают круговращения, то, умерев и возродившись снова, они сразу бы меняли свой облик и переставали быть бесами, так что в мире совсем бы не осталось их.

Мелкие торговцы, крестьянские жены перерождаются, и создается впечатление, что все проходят через круговращения. Однако на заброшенных могилах и в пустошах часто встречаются бесы, поэтому кажется, что не все проходят через круговращения.

Когда мой двоюродный брат Ань Тянь-ши лежал больной, душа его спустилась в Царство мертвых и спросила об этом у чиновника, ведающего реестрами. Чиновник ответил так:

— Одни знают круговращения, другие их не знают.

Есть три категории тех, кто проходит через круговращения: награжденные за добро, наказанные за зло и те, кто получают воздаяние за милости, оказанные ими другим людям, или за обиды, которые они сами терпели при жизни.

И есть три категории тех, кто не проходит через круговращения: совершенномудрые и святые бодхисаттвы — они не перерождаются; обитатели Царства душ умерших грешников — они не получают права на перерождение; те, кто никогда не совершал добра и не творил зла, их несет течением в заброшенные могилы; если остаток жизненных сил их не иссяк, то они существуют, а если иссяк, то гибнут, как роса или пузырьки воды, что на мгновение появляются и тотчас исчезают, как полевые цветы и дикие травы, что сами расцветают и сами увядают,— такие не могут перерождаться.

Бывают еще такие, что вселяются в человека и, как говорится, крадут его жизнь. Бывают буддийские монахи и даосы примерного поведения, которые перерождаются в чужом облике,— что называется, отнимают жизнь у других. Все они внезапно меняют свой облик, и это выходит за пределы обычных круговращений. Бывает и так, что бессмертные спускаются на землю и даруют помощь людям, а чудища убивают направо и налево и грабят людей. Это тоже определяется велением судьбы, а не разговорами о круговращениях.

Сам Ань Тянь-ши не верил в круговращения. Когда он выздоровел, то рассказал о словах чиновника Царства мертвых и добавил:

— По его словам, выходило так, что предопределение судьбы неоспоримо.

[207. Предсказание духа, вызванного гадателем, сбывается.]

(208.) Среди родственников господина Чжан Сюань-эра был один, взявший в наложницы лису-оборотня. Он поселил ее в уединенных покоях, убранство которых было таким же, как у обычных людей. Однако лиса имела своих служанок и не обращалась к домашним рабыням. В ее покоях не было ни пылинки; если там посидеть подольше, то чувствовалось скопление силы *инь*[1]. Временами слышались смех и разговоры, но никого не было видно.

Родня у Чжанов была большая, и на родственных пирушках все просили разрешения поглядеть на лису, но она всем

отказывала. Однажды Чжан Сюань-эр стал настаивать, и она сказала:

— Вот этому господину, пожалуй, можно, а больше никому нельзя.

Чжан вошел к ней. Манеры у нее оказались изысканные, по виду ей можно было дать лет тридцать. Когда он спросил, почему у нее в комнате такой холод, что дрожь берет, она ответила:

— Это у вас сердце трепещет, а комната здесь ни при чем.

Затем Чжан спросил, почему она одного его согласилась впустить. Она сказала:

— Люди принадлежат к категории *ян,* бесы — к категории *инь.* Лисы находятся между людьми и бесами, но тоже принадлежат к категории *инь,* поэтому общение может происходить только ночью, а средь бела дня, когда сила *ян* в расцвете, мы не решаемся общаться с людьми. У вас сила *ян* — мужское начало — уже в упадке, поэтому я и согласилась вас повидать.

Чжан в испуге спросил:

— Ты приняла меня днем в спальне, не потому ли мои силы пришли в упадок?

— На то другая причина,— ответила она.— Вообще, у лис есть два пути опутать человека: один называется «обольщение», другой — «старая связь», возникающая в результате прежних перерождений. Когда обольщают, то сила *инь* побеждает силу *ян,* человек заболевает и умирает от истощения. Когда же действует «старая связь», то значит у человека с самого начала была привязанность. Силы влияют взаимно друг на друга, *инь* и *ян* соединяются, поэтому связь может тянуться долго, не причиняя вреда человеку. Однако тех, кто прибегает к «обольщению», приходится девять на десять; тех же, кто основывается на «старой связи», на десять приходится не больше одной; те, кто пользуется «обольщением», всегда называют себя основывающимися на «старой связи», но правду они говорят или лгут, становится ясно только из того, причинили они вред человеку или нет.

Вскоре тот человек, что был с ней близок, умер.

(209.) Ло и Цзя жили рядом. Ло был богат, а Цзя беден. Ло хотел присоединить к своему дому жилище Цзя, но не соглашался на его цену и принимал тайные меры, чтобы помешать ему продать дом кому-нибудь другому. Время шло, и Цзя оказался в таком бедственном положении, что был вынужден уступить Ло свой дом по низкой цене.

Ло занялся перестройкой дома — все деревянные части его были заменены. В тот день, когда перестройка была закончена, Ло устроил пиршество и принес жертвы духам. Когда он стал жечь жертвенные бумажные деньги, внезапно налетел страшный вихрь и раздул пламя, огонь взметнулся до потолка, пламя охватило разом все строение, даже балок целых не осталось. Старый дом Ло тоже загорелся. Когда начался пожар, все, кто там был, кинулись на помощь, но Ло, ударив себя рукой в грудь, остановил их.

— В пламени я внезапно увидел лицо покойного отца Цзя,— сказал он.— Пожар был вызван его ненавистью ко мне, и помочь нельзя. Простого раскаяния тут недостаточно.

Он велел срочно позвать к нему сына Цзя и дал ему дарственную на участок в двенадцать му тучной, плодородной земли.

С этих пор Ло совсем переменился, посвятил себя добрым делам. Скончался он в преклонном возрасте.

(210.) Некий Фань из Цанчжоу давал сеансы гадания с вызовом духа[1]. Среди присутствующих был чиновник из управления по регулировке рек. Вызывали дух Гуань-ди. Вдруг на песке появилась надпись крупными иероглифами:

«Такой-то пусть выйдет вперед! Ты делаешь вид, что раскаиваешься, много говоришь о своих угрызениях совести, чтобы это стало известно и духам и людям. Но ведь тот, кто причиняет людям вред без умысла, совершает лишь ошибку, а раскаивается тот, кто причинил людям зло. Небо прощает ошибки, но зло оно карает. Станет ли оно слушать твою хитрую болтовню?»

Чиновник, к которому были обращены эти слова, упал ниц и боялся перевести дыхание, пот с него так и катился градом.

С тех пор он все время находился в подавленном состоянии, словно лишился чего-то. Через несколько месяцев заболел и умер. А в чем он раскаивался, так и не стало известно.

[211. Небо в награду делает добрым духом невестку, спасшую свою свекровь.

212. Лиса отказывается показаться на глаза человеку, с которым она дружит, так как их связывает духовная дружба, а не телесная связь.]

(213.) Старый начетчик Ван Дэ-ань из Сунина, получивший степень *цзиньши* в год *бин-сюй* правления под девизом Кан-си *, был наставником моего покойного отца, господина из Яоани.

Как-то летним днем, проходя мимо дома своего приятеля, Ван Дэ-ань залюбовался тенистым павильоном в его саду и захотел улечься там на плетеной лежанке. Приятель объяснил ему, что ночью там водятся бесы. Тогда Ван Дэ-ань рассказал ему историю, свидетелем которой он был:

«Цэнь-шэн из Цзяннани как-то заночевал в семье Чжан Дэ-чжуана из Цанчжоу. На стене дома висело большое, в рост человека, изображение Чжун Куя[1], а перед ним стояли часы с боем. Так как Цэнь-шэн был сильно пьян, то он завалился спать, не обратив внимания на эти вещи. В середине ночи он проснулся, хмель уже выветрился, от лунного света было светло как днем. Он услышал, как стучат колесики часов, и очень удивился. Вдруг он увидел, как изображение на картине, принятое им за беса, схватило со стола тушечницу и швырнуло ее с такой силой, что раздался грохот, от которого затряслись двери и окна. У мальчика-слуги, прибежавшего посмотреть, в чем дело, голова и лицо оказались залитыми тушью дочерна, часы, нефритовая ваза и фарфоровый треножник, стоявшие перед картиной, разлетелись вдребезги. Все, кто слышал этот шум, невольно повалились на землю.

* 1707 г.

Выходит, они видели беса, потому так испугались. Но где же этот бес был?»

Не успел Ван Дэ-ань окончить свой рассказ, как вдруг из-за стены послышался голос:

— Здесь бес, здесь. Ночью приду с визитом. К счастью для вас, здесь нет тушечницы.

Ван поспешил уйти, не произнеся ни слова.

Впоследствии, рассказывая об этой истории своим ученикам, Ван Дэ-ань каждый раз добавлял:

— Бесам не положено средь бела дня разговаривать с людьми, значит, это была лиса. Но так как я боялся, что моей добродетели не хватит, чтобы победить это наваждение, то и предпочел уйти от него.

Все-таки он перестал утверждать, что бесов не существует.

[214. Умерший оживает, его душа возвращается на бумажной лошади, которую сожгли во время похоронного обряда.

215. Дух — покровитель литературы, явившись во сне студенту, предсказывает исход экзамена.]

(216.) Лю Юй-дянь из Хайяна рассказывал:

«Два студента занимались в буддийском храме. Ночью, когда один из них стал заигрывать с другим, на стене внезапно появилось большое круглое зеркало более чжана в поперечнике, осветившее своим сиянием все вокруг, так что стал виден каждый волосок. А из-за занавеса послышался голос:

— Буддийский закон обширен и велик, он на вас не рассердится. Но посмотрите на себя в зеркало, на что вы похожи?»

Я скажу по этому поводу, что уединенные свидания и тайные встречи проходят всегда без посторонних людей, — так кто же их увидел? Оба студента не произносили ни слова, как же их услышали? Однако в этом случае речь шла о восстановлении приличий, значит, видевший их вряд ли был вымышленным лицом из какой-нибудь небылицы.

[217. Начетчик слышит ссору бесов в заброшенном саду.]

(218.) Студент Мэн Вэнь-си из Тяньцзиня отличался исключительной талантливостью. Чжан Ши-линь очень любил его.

Как-то раз, возвращаясь с кладбища, Чжан повстречал Мэна в придорожной винной лавке. На стене он увидел только что написанные Мэном стихи:

Ветер весенний подул на восток,
Он взвивает и рвет одежды,
Бесцельно шагаю, ища цветок,
Обратно бреду без надежды.
Цвет персика розовым солнцем облит,
И я улыбаюсь, добрея,
Зеленые ивы и тополь вдали,
И парами ласточки реют.
В лесу на извилистых узких путях
Я запах травы вдыхаю.
Мне грустно, а где-то над лесом, в ветвях,
Запуталось солнце, сникая.
Стою и забыть не могу этот день,
И долго еще мне дивиться
У винной лавки, где старый плетень
На западе служит границей.

Чжан стал спрашивать, по какому поводу Мэн написал эти стихи, но тот молчал. Чжан стал настаивать на ответе, тогда Мэн сказал:

— У дороги я увидел красавицу девушку. Красоты, подобной ее, не бывало на свете. Поэтому я и уселся здесь в надежде, что она еще раз покажется мне.

Чжан спросил, где именно он видел девушку. Мэн показал рукой направление. Тогда Чжан в сильном испуге сказал:

— Но там кладбище. Оно давно уже заброшено и пришло в запустение. Как же это могло быть?

Они вместе пошли на поиски. И на самом деле, все там заросло спутанными, как лошадиная грива, травами, а следов человека не было видно.

(219.) Когда я находился в Урумчи, там произошел такой случай наказания за прелюбодеяние.

Военачальник Ван был направлен перевозить вооружение в Или, жену он оставил дома одну. Было уже за полдень, а она не открывала дверей и не откликалась, когда ее звали. Послали за местным чиновником Му Цзинь-таем, чтобы он выяснил, в чем дело. Сломали дверь и вошли. Видят: на постели, обнявшись, лежат обнаженные мужчина и женщина; они умерли, вспоров себе животы. Никто не знал, откуда взялся этот мужчина, никому он не был знаком.

Стали допрашивать соседей, но толком никто ничего не мог сказать. Неясно было — убийство это или самоубийство.

В тот же вечер труп женщины внезапно застонал, напугав стороживших дом, и ожил. Через день женщина уже могла говорить.

Она призналась, что с детства они с этим человеком любили друг друга, и, даже когда она вышла замуж, их связь продолжалась. Мужа ее послали сюда, в Западный Китай, и она поехала с ним, а этот человек не только не забыл ее, но разыскал и приехал. Он сразу же прошел к ней в комнату, и никто из соседей его не видел. Понимая, что встрече их подходит конец, они решили умереть вместе. Боль от удара ножом была так сильна, что женщина потеряла сознание, и в мгновение ока, словно во сне, душа ее покинула тело.

Стала искать своего возлюбленного, но неизвестно было, куда он исчез, и она стояла одна среди песчаной пустыни. Вокруг нее были белые травы и желтые облака, и не было видно им ни конца ни края.

Пока она металась по пустыне, появился бес и, связав ее веревкой, привел в присутственное место. Здесь ее срамили и сказали, что хотя у нее нет ни стыда ни совести, но ей еще не пришел срок умереть, и поэтому ей дадут сто ударов палками и выгонят с позором. А палки эти были железные, боль от них была нестерпимая, и женщина вновь потеряла сознание. Когда же пришла в себя, то воскресла.

Посмотрели на ее ноги, и, действительно, на них были следы от ударов палками.

Находившийся здесь проездом сановник, достопочтенный Ба-гун, сказал:

— Это ее покарали в Царстве мертвых. За разврат это не такое уж тяжелое наказание.

Среди стихотворений, написанных мною во время пребывания в Урумчи, есть такое:

Им не реять парой в поднебесье,
Разлучили нежных юаньянь [1].
Вспомни ту, из края Хуашань [2]!
В Царстве мертвых не бывать им вместе,
Врозь им жить и в этой жизни бренной,
В нашей скорбной горестной юдоли...
Лишь взойдет трава седая в поле,
Чтоб сокрыть их гроб непогребенный.

Стихотворение написано именно по этому поводу.

(220.) Чжу Цин-юнь рассказывал:

«Как-то раз я прогуливался вместе с Гао Си-юанем [1] у реки. Была весна, и лед начал таять, обнажая зеленоватый простор вод.

Гао Си-юань сказал:

— Мне вспоминаются строки одного поэта Поздней Тан [2]:

Чешуйки рыбьи трогательно сини,
Утиный пух голубовато-зелен.

Здесь ни одним словом не упоминается о весенних водах, но перед глазами так и встает вид озаренных солнцем волн и речной глади. Жаль, что я не помню, кому именно принадлежат эти строки.»

Погруженный в глубокое раздумье, Чжу Цин-юнь не ответил, но в это время из-за старой ивы вдруг послышался чей-то голос:

— Это стихи Лю Си-и [3], поэта Ранней, а не Поздней Тан.

Посмотрели, но за деревом никого не оказалось.

— Средь бела дня бес явился, — испуганно сказал Чжу Цин-юнь; Гао усмехнулся:

— Если это бес, то, наверное, красавица-[оборотень]. Боюсь только, что нам она не захочет показаться.

Трижды поклонившись дереву, друзья ушли. По возвращении домой они просмотрели стихи Лю Си-и и действительно нашли у него эти две строки.

В разговоре с Дай Дун-юанем[4] я случайно упомянул об этой истории, и он ответил мне следующим рассказом:

«Двое студентов беседовали при светильнике. Они спорили о том, какая династия в *Чуньцю*[5] считается законной — **Чжоу**[6] или Ся[7]. Спорили они долго и горячо. И вдруг за окном послышался чей-то голос:

— Ведь сам-то Цзо[8] был чжоусцем, как же можно не знать, что для него законной была династия Чжоу! Зачем вам, почтенные, тратить время на эти споры?

Выглянули в окно, а там только мальчишка-слуга спит крепким сном.»

Оба эти случая свидетельствуют о том, что, пока конфуцианцы проводят дни в разговорах о «доказательных исследованиях»[9] и произносят сотни тысяч слов вроде: «Если обратиться к древности»[10], рядом с ними, может быть, находится кто-то из Царства мертвых и передразнивает их. Как знать?

[221. Студенту снится, что его осел рассказывает, кем он был в прошлом перерождении.

222. Охотник водворяет мир между враждующими лисами.

223. Дух покойницы просит человека уступить ей место в доме, так как она не может делить жилье с мужчиной.

224. Мальчик играет с ребенком, который оказывается духом — воплощением сына, о котором мечтала мачеха живого мальчика.]

(225.) Когда умерла жена моего двоюродного дяди Ван Би-бо, гадатель сказал, что в такой-то час такого-то дня она вернется в виде беса-наваждения. В указанный день все члены семьи ушли из дому, чтобы не встретиться [с бесом]. Вор, прикинувшийся бесом, проник в дом, и только было начал раскрывать короба и доставать оттуда головные шпильки и

серьги, как вдруг появился второй вор, тоже принявший вид беса и издававший какие-то загробные стоны. Первый вор в испуге бросился бежать, и во дворе они столкнулись лицом к лицу. Каждый принял другого за настоящего беса, и, обомлев от страха, оба без чувств упали на землю.

На рассвете вернулась домой вся семья. Увидев лежавших на земле, все очень испугались, но, приглядевшись, поняли, что это были воры. Спрыснули их отваром из имбиря и, когда те пришли в себя, связанными и все еще в наряде бесов повели их к судье. По дороге все, кто их видел, покатывались со смеху.

Судя по этой истории, разговоры о возвращении покойника в виде беса-наваждения являются несуразицей. Однако мне своими глазами доводилось видеть такое наваждение. Бесы и духи имеют смутный облик, и в конце концов мы не знаем, какие они.

(226.) Чжу Тянь-мэнь из Иду рассказывал:

«Летом года *цзя-цзы* * я вместе с несколькими приятелями устроил пирушку у озера Минху. Мы пригласили певичку, чтобы она подносила нам вино. Только мы как следует выпили, как вдруг эта певичка, женщина простая, неграмотная, схватила кисть и написала следующее стихотворение:

Проливень льет ночь напролет,
Молча в постели лежу.
Сон отойдет, утро придет,
Я от прохлады дрожу.
Надобно встать, занавес снять
Девушке я прикажу.
Пал или нет персиков цвет,
Я из окна погляжу.

Это стихотворение она бросила перед одним из моих приятелей. Он прочитал, вдруг разом переменился в лице и упал ничком на землю. Певичка тоже лишилась чувств. Вскоре она пришла в себя, а он так и остался лежать на земле.

* 1744 г.

Впоследствии мы расспрашивали его родных, но так и не смогли выяснить, в чем тут была причина.»

[227. Предсказание, сделанное в стихах духа, вызванного гадателем, сбывается.

228. Небо карает смертью злую жену крестьянина.

229. Размышления Цзи Юня о происхождении и природе драконов.

230. Человек, средь бела дня повстречавший духа мертвого, вскоре умирает.

231. Умирающая женщина точно предсказывает час своей смерти.

232. Человек, поссорившийся во сне с бесами, умирает.

233. Эпитафия собаке, спасшей Цзи Юня от опасности.

234. Лис-оборотень околдовывает жену слуги и открыто сожительствует с ней.

235. Человек видит, как солдаты бьют плетьми красавиц женщин, позже узнает, что это были летающие по небу якши.

236. Человеку во сне является пропавший в горах слуга; потом находят труп слуги.]

(237.) Ли-вэнь, уроженка Цинсяня, была нашей кухаркой в годы *дин-сы* и *у-у* правления под девизом Цянь-лун *. Она рассказывала, что у них в деревне был один крестьянин, живший неподалеку от древней могилы. Две его коровы часто поднимались на эту могилу и топтали ее. Как-то ночью ему приснилось, что какой-то человек ругает его деревенским дураком и невеждой за то, что он не мешает коровам [топтать могилу].

Потом в его доме стали твориться чудеса: вдруг откуда-то взялись два существа величиной с коров, начали топтаться на месте, толкать все, крушить, перебили всю посуду. Так продолжалось несколько ночей. Потом они втащили на крышу каменный валек и скинули его вниз, взметнулись языки пламени, валек с грохотом разлетелся на куски.

Разозленный крестьянин одолжил дробовик и, дождавшись появления этих двух [существ], выпустил в них заряды. Они с воем замертво грохнулись на землю. Крестьянин обрадовался, зажег лучину и вышел посмотреть. Глядит — а на

* Соответственно 1737 и 1738 гг.

земле лежат две его коровы. С тех пор чудеса больше не повторялись, но хозяйство его пришло в упадок.

Выходит, его заставили счесть этих коров наваждением и потому их убить; можно сказать, неплохо его разыграли. Воспользовались его злостью, чтобы загрести жар чужими руками.

[238. Двоих даосских монахов находят мертвыми в заброшенном дальнем колодце. Расследование ничего не проясняет.

239. Рассказ об удивительном ядовитом змее.

240. Пьяный слуга пугает лис тем, что его хозяин дружен с заклинателем бесов.

241. Лошадь, на которой едет слуга, пугается заколдованного дерева.

242. Крестьянка бьет ветер, погубивший ее урожай, приняв его за злого духа. Небо ее прощает.

243. В теле черепахи находят волшебного человечка.

244. Лиса тайком ходит слушать, как ученый читает классиков.

245. Волшебная кисть, извергающая пламя.]

(246.) У помощника главы военной палаты Ши И-тана, сына министра Вэнь-цина, как-то, когда он находился у себя дома, внезапно потемнело в глазах, и он почувствовал, что душа его вылетела за ворота. Какие-то люди подхватили его там под руки и усадили в паланкин. Его несли уже несколько ли, но тут их стал догонять другой паланкин, откуда послышались крики: «Остановитесь!»

В человеке, сидевшем в том паланкине, Ши И-тан узнал своего покойного отца — Вэнь-цина.

Выйдя из паланкина, Ши И-тан поклонами приветствовал его.

Вэнь-цин сказал:

— У тебя будут сыновья, но они еще не родились. Как же можно сейчас отправляться в последний путь?

Носильщики повернули назад, и вдруг Ши И-тан очнулся. Тогда ему было семьдесят четыре года.

На следующий год у него родился сын, а еще через два года — еще один сын, как и предсказал Вэнь-цин.

Когда Ши И-тану было семьдесят восемь лет, он приезжал в столицу и сам рассказывал мне об этой истории.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

(247.) Когда Уши Хой поднял бунт, на высоком холме к западу от города, где, как говорили, находилась могила основателя династии, каждый день на закате солнца появлялась огромная фигура человека с лицом шириной более чем одно чи; подняв голову, человек этот смотрел на восток, словно ожидая кого-то. После поражения мятежников его больше там не видели.

Кто-то предположил:

— Он знал, что беда близка, и ждал, чтобы принять души своих потомков.

— Он смотрел на восток, чтобы его предки заметили, что с востока идет войско, и смогли заранее подготовиться,— сказал другой.

Третий сказал:

— Войско Уши Хоя — из Западного края, а он смотрел на восток, показывая своим потомкам, что нельзя бунтовать.

И все они были не правы. Нет сомнения в том, что это была нечисть, погубившая Уши Хоя.

[248. Монах во сне видит, как мучают в аду нерадивых чиновников.]

(249.) Слепой из Цанчжоу Лю Цюнь-жуй как-то, зайдя к нам со своими струнными инструментами, рассказывал, что к дому его напарника, слепца Линя, однажды вечером подошел человек и крикнул:

— Джонка некоего чиновника причалила к берегу. Он слышал, что ты искусный музыкант и певец, и выразил желание послушать тебя. Получишь щедрую награду.

Линь взял свою лютню-*пиба*[1] и пошел за провожатым, опираясь на бамбуковый посох. Пройдя четыре или пять ли, он дошел до берега, где стояла на причале джонка. После взаимных приветствий хозяин сказал тоном, не допускающим возражений:

— На джонке слишком жарко, сядь на берегу и играй, а я буду слушать из окна.

Заинтересованный в награде Линь играл и пел, что было сил. Ночь подходила уже к третьей страже, он почувствовал, что сильно устал и в горле у него пересохло, но когда попросил воды, ему не дали. Тогда он стал прислушиваться и понял, что вокруг него сидят вперемежку мужчины и женщины, хохочут, разговаривают, вопят во весь голос. Ему стало ясно, что это не могут быть ни члены семьи чиновника или ученого, ни обычные смертные.

Перестав играть, он захотел было подняться, но все стали сердито кричать:

— Ах ты слепой бандит, да как ты смеешь не слушаться приказа? — и давай его бить. Боль была такая, что он взмолился о пощаде и вновь принялся играть. Прошло много времени, пока наконец Линь не услышал, что окружавшие его стали постепенно расходиться, но и тогда не решался перестать играть.

Вдруг рядом кто-то сказал:

— Что это вы, господин Линь, в такую рань уселись среди могил и играете? Не простудитесь ли вы в тени деревьев?

Линь в испуге спросил, кто это, оказалось — его сосед; рано поднявшись в это утро, он проходил здесь со своим лотком разносчика. Тогда Линь понял, что над ним подшутили бесы, и, разозленный, отправился к себе домой.

Этот Линь по природе своей был человеком очень изобретательным, поэтому его прозвали «Линь-бес». Те, кто узнал о его приключении, смеялись:

— Сегодня бес встретился с бесами.

[250. Бесы избивают человека, купившего талисман для изгнания нечисти.

251. Человек слышит, как ссорятся бесы.

252. Диалог двух ученых, спорящих о существовании бесов. Слуга одного из них рассказывает историю, подтверждающую существование бесов.

253. Буддийский монах, умевший творить чудеса.

254. Двое ученых беседуют с духом о понимании различными философскими школами термина *и* («перемены»).]

(255.) Господин Сюй Нань-цзинь из Наньпи был человеком исключительной смелости. Как-то он ночевал вместе со своим приятелем в храме. В полночь на северной стене вдруг загорелись два огня; вглядевшись, господин Сюй увидел, что из стены высовывается лицо величиной с целое сито, а огни оказались светящимися глазами [этого чудища]. У приятеля Сюй Нань-цзиня подкосились ноги, он чуть не умер со страху, но господин Сюй спокойно накинул на себя одежду, поднялся с постели и сказал:

— Как раз хотел почитать, да на беду свеча догорела, как хорошо, что вы, почтенный, пожаловали.

С этими словами он взял книгу, уселся, повернулся спиной к чудищу и принялся читать вслух. Не прочитал и нескольких страниц, как свет постепенно стал меркнуть. Сюй Нань-цзинь стучал кулаком в стену, звал, но [чудище] больше не появлялось.

В другой раз господин Сюй Нань-цзинь вечером отправился в отхожее место, его сопровождал мальчик-слуга со свечой. И вдруг из выгребной ямы высунулась морда этого [чудища] и начала насмехаться. Мальчик упал навзничь, выронив свечу, а господин Сюй привел себя в порядок и спокойно сказал:

— Свечу некуда было воткнуть, а тут как раз вы, на счастье, подошли.

Чудище выпучило на него глаза и не двигалось с места.

— А другого места для прогулок вы не нашли? — продолжал господин Сюй.— Вот, говорят, на море есть любители вони [1], так вы не из их ли числа? Я никак не хочу вас разочаровывать,— и грязной бумагой он вытер рот [чудища]. Чудище стало плеваться, его начало рвать, оно громко ревело, затем глаза потухли и исчезли. С тех пор это [чудище] больше уже не появлялось.

Господин Сюй Нань-цзинь как-то сказал:

— Бесы и нечисть действительно существуют, и даже некоторые могут их видеть. Но только те, кто ведет упорядоченную жизнь, могут встретиться с ними, не дрогнув.

(256.) Дай Дун-юань[1] рассказывал:

«В конце годов правления династии Мин жил некий Сун. Гадание о месте захоронения привело его далеко в горы в уезде Шэсянь. Солнце уже зашло, поднялся ветер, собирался дождь. Под утесом Сун заметил пещеру и хотел было укрыться там от непогоды. Из пещеры послышался голос:

— Здесь бес! Вам, господин, сюда входить нельзя!

— А как же вы вошли? — спросил Сун.

— А я и есть бес,— ответил голос.

Сун попросил разрешения поглядеть на него.

— Если мы поглядим друг на друга,— ответил голос,— то силы Света и Тьмы вступят в единоборство, вам будет то холодно, то жарко, вы будете себя плохо чувствовать. Лучше вам, господин, развести огонь, сесть подальше и оттуда беседовать со мной.

— У вас же наверняка есть своя могила, почему же вы поселились здесь? — спросил Сун.

— Во времена Шэнь-цзуна[2],— сказал голос,— я был правителем уезда. Дурные чиновники брали взятки и занимались грабежом, стремясь разбогатеть. Я отказался от должности и уехал в родные края. Когда я умер, то обратился к Владыке Царства мертвых с мольбой, чтобы мне не пришлось вновь рождаться в мире смертных. Просьбу мою удовлетворили, и я стал чиновником в Царстве мертвых. Но оказалось, что и там то же — взяточничество и взаимный обман, как в мире живых. Я снова отказался от должности и вернулся в свою могилу. Но там жило множество бесов, которые сновали взад и вперед, гомонили и горланили неумолчно. Я не выдержал этого и бежал сюда. Здесь хотя и дует холодный ветер, льет дождь и одиноко так, что это трудно перенести, но по сравнению с той волчьей ямой, какой является мир чиновников, я себя чувствую здесь, как на Небе. В этих тихих пустынных горах я живу уже много лет. Не знаю, сколько времени я не встречался с бесами, сколько лет не видел людей. Я наслаждаюсь тем, что освободился от всех земных связей, мертвое сердце мое чудесно переродилось, и я не хочу больше идти по стопам людей. Завтра утром мне придется переме-

нить место своего жилья. Улинский рыбак уже больше не посетит Персиковый источник[31]

Сказав это, бес не произнес больше ни слова. Сун спрашивал, как его фамилия и имя, но он и на это не ответил.

У Суна были с собой кисть и тушечница. Написав на входе в пещеру два больших иероглифа: «Убежище беса», он ушел.»

[257. Предсказание, сделанное духом, вызванным гадателем, сбывается.

258. Проделки лисы, подшучивающей над пьяницей.

259. Лиса доводит до неизлечимой болезни околдованного ею человека.

260. Быки спасают женщину от разбойников.

261. На могиле родственника Цзи Юня вырастает древесный гриб — символ долголетия.

262. Рассуждение о разнице между «Желтой сектой» и «Красной сектой» ламаизма.

263. Лиса вредит поймавшему ее мальчику.

264. Предсказание в стихах, написанных духом, вызваиным гадателем, сбывается.

265. Лисы издеваются над лгуном.]

(266.) Часто бывает, что нечисть подшучивает над людьми. Ли Юнь-цзюй рассказывал:

«Был один необычайно трусливый человек, другой, решив над ним подшутить, велел своему слуге, у которого руки были черные, как тушь, спрятаться в комнате. Условился он с этим слугой так:

— Я буду с господином таким-то сидеть при лунном свете, и, когда я в испуге вскрикну, что здесь бес, ты просунешь руку в окно.

И вот этот человек крикнул, а в окно просунулась рука величиной с большое сито, пальцы на ней вытянуты, как пестики для ступки. И гость и хозяин перепугались; слуги закричали: «Здесь действительно бес!» — с факелами и палками вбежали в комнату, где увидели того слугу в обмороке, лежащего в углу. Когда его привели в чувство, он сказал:

— В темноте мне показалось, что какое-то существо дохнуло на меня, и я потерял сознание.»

Мой дядя Му-ань рассказывал:

«Двое занимались вместе в буддийском храме; один из них, приняв вид духа повесившегося человека, при слабом свете светильника вышел к своему товарищу, но, увидев, что тот перепугался до смерти, закричал:

— Это я, это не дух!

— Я знаю, что это ты,— ответил его товарищ,— но кто у тебя за спиной?

Тот обернулся и увидел, что у него за спиной стоял настоящий дух повесившегося.»

Человек задумал шутку, а бес ее осуществил. Это напоминает аллегорию о богомоле и канарейке [1].

[267. Бесы убивают нечестного слугу.]

(268.) Когда судья Лю И-чжай был цензором, он снял дом на берегу Сихэ, и каждую ночь там слышался шум, словно несколько сторожей били в свои колотушки; продолжалось это до рассвета, сменяясь иногда ударами барабана, как на сторожевой башне. Смотрели, искали, но никого не было видно, а спать от шума было совершенно невозможно.

И-чжай был человеком непреклонным. Он выбрал текст для обличения [бесов], переписал его крупными иероглифами и приклеил к стене, чтобы прогнать [бесов]. В тот же вечер воцарилась тишина.

И-чжай хвастался, что он не уступает Чан-ли, изгнавшему крокодила [1].

Я сказал ему:

— По учености и добродетели вы, вероятно, все-таки уступаете Чан-ли. Но так как характер у вас твердый и за всю свою жизнь вы не совершили поступка, которого должны были бы стыдиться, то вы можете позволить себе не бояться бесов. Кроме того, ваши средства истощились после того, как вы сняли этот дом, и переехать из него вы уже не можете, поэтому у вас не было иного выхода, как объявить смертельную войну бесам. Вы отбивались, как загнанный зверь, а бесы, как говорится, не стали бить лежачего. Разве вы не

помните приведенный в *Тай-пин гуанцзи* рассказ о некоем Чжоу Шу-цзи, который вступил в борьбу с бесом из-за жилья, и бес, испугавшись его упрямства, ушел?

И-чжай, засмеявшись, хлопнул меня по спине:

— Вы насмешник, как Вэй Шоу[2], но знаете меня неплохо!

[269. Горные духи не трогают людей, которые им не мешают.

270. Горный бес вредит ни в чем не повинному человеку.

271. Дух покойницы рассказывает новобрачной о семье, в которую та вступила.

272. Дух предсказывает человеку дату его смерти.

273. Рассуждение Цзи Юня о том, что человек после своей смерти может стать духом, но может и не стать.

274. Дух разоблачает чиновника, не знающего правил поведения.

275. Рассуждение о перерождениях.

276. Родственник Цзи Юня рассказывает о своей встрече с каким-то диковинным человекообразным существом.

277. Друг прадеда Цзи Юня превратился в бессмертного.

278. Стихи, написанные прадедом Цзи Юня.

279. Небо карает вора смертью.

280. Разбойник попадает в руки правительственных войск: его выдала жена обиженного им соседа.

281. Чиновник понуждает красивого мальчика-слугу к сожительству; увидев его отчяние, раскаивается.

282. Халат покойника стоит посредине комнаты.

283. Бесы дразнят студента, занимающегося в храме.

284. Бесы ссорятся из-за денег, оставшихся от умершего даоса.

285. Дух выводит на дорогу заблудившегося добродетельного слугу.

286. Бесы являются на поклон к ученому.

287. Бес избивает человека, явившись к нему в виде его жены, уехавшей проведать родителей.]

(288.) В Хэцзяни жила женщина очень развратная и очень уродливая. Накрасившись и принарядившись, она целыми днями простаивала у ворот, не стыдясь людей.

Муж ее отправился вслед за Гао Се-фэем в Тяньчан, получил там место, брал взятки и через год с лишним смог отправить жене большую сумму денег. Получив эти деньги, жена стала приглашать к себе в дом красивых молодых людей, и двери дома почти не закрывались.

Потом Гао Се-фэя постигла кара, и муж этой женщины бежал в родные края. Оказалось, что сундуки совсем опустели, вся утварь продана, осталась только уродливая жена, которая от разврата вся покрылась болячками.

Люди говорили, что это произошло по воле Неба, так как муж не сберег своего богатства, а жена — своей чести.

[289. Родственники Цзи Юня погибали от бессонницы; оказалось, что штукатур вмазал в стену талисман, прогоняющий сон.

290. Человеку снится, что он попал в Царство мертвых и увидел там рядом со своей фамилией иероглиф, означающий высокую должность; сон потом сбывается.

291. Человеку снится, что дух показывает ему стихи; предсказание, содержащееся в них, сбывается.

292. Заметка о способах гадания.

293. Больному в бреду чудится, что он попал в Царство мертвых и видит, как там вершат суд.

294. Человек слышит разговор духов о людях.]

(295.) Цао Шэн-чжу из Фуцзяни, служивший по ведомству вассальных территорий, рассказывал:

«В такой-то год в помещении ведомства было торжество. Пир еще не кончился, как вдруг появился слуга, который вел за руку маленького мальчика. Мальчик в страхе прятался за спину слуги и кричал:

— Там много каких-то бесов ростом в чжан с лишним, плечами они достают до потолочных балок.

И тут все услышали какой-то шум и крики, вышли посмотреть, а в покинутой ими комнате сверху начала сыпаться густая пыль и послышался шум, словно бобы сыпались. Глядят — а поперечная балка раскололась и упала на пол. Все сложили руки в знак благодарности, решив, что это бесы или духи сохранили им жизнь.»

Дин Чжан, правитель Хугуана, который совершал в это время инспекционную поездку, услыхав об этой истории, сказал со вздохом:

— Видно, повсюду есть духи и бесы охраняющие, а значит, и всюду есть духи и бесы, наблюдающие за людьми.

СБОРНИК ВТОРОЙ

ТАК Я СЛЫШАЛ

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К СБОРНИКУ «ТАК Я СЛЫШАЛ»[1]

Я еще не считал законченными «Записи, сделанные летом в Луаньяне», как на них накинулись книготорговцы и издали их без спроса и против моего желания. Правда, ученые мужи не сочли это моей виной; к тому же набрались всякие новые истории, которые мне хотелось рассказать, я присоединил их к тем, что слышал раньше, и составил эти четыре части...

Записал в двадцать первый день
седьмой луны года *синь-хай* *
Наблюдающий игру в шашки

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

[296. Стихи, написанные духом, вызванным гадателем, правильно предсказывают исход события.]

(297.) Господин Сюй Нань-цзинь рассказывал:

«В году *и-вэй* правления под девизом Кан-си** я проезжал мимо реки Маньхэ, что в Фучэне. Лил летний дождь, глина стала вязкой, лошадь моя устала и не шла дальше. Я решил отдохнуть под деревом, росшим у дороги, сел и нечаянно заснул.

Во сне я увидел женщину, которая, отвешивая мне поклоны, сказала:

---

* 1791 г.

** 1715 г.

— Я жена Хуан Бао-нина, урожденная Тан. В этом месте на меня напали насильники, я сопротивлялась насмерть, и они зарубили меня. Хотя власти поймали злодеев и покарали их, но я-то ведь была обесчещена и даже ходатайство об увековечении моей памяти сооружением ворот с мемориальной надписью[1] не было возбуждено. Судья Царства мертвых из жалости к целомудренным и добродетельным женщинам велел мне поселиться здесь и стать старшей над душами тех, кто погиб насильственной смертью. С тех пор прошло уже более сорока лет. Ведь я, нищенка из чужих краев, брела здесь одна-одинешенька по своим делам и вдруг столкнулась с тремя здоровенными парнями, которые привязали меня к дереву и надругались надо мной, и мне оставалось только молить о смерти. Я терпела надругательства, скрежеща зубами не потому, что была недостаточно добродетельна, а оттого, что не было сил справиться с насильниками. Разве не обидно, что вершащие суд вынесли недостаточно суровый приговор? У вас, господин, облик ученого мужа, вы должны понимать, в чем справедливость, и я прошу вас обелить меня.

Во сне я хотел спросить, где ее найти, но вдруг проснулся.

Потом я расспрашивал фучэнских сановников, но никто из них ничего не знал об этой истории. Спрашивал я и старых служащих, но не нашел документов об этом деле. Видно, тогда ее не сочли добродетельной женщиной, и дело давно заглохло.»

[298. Дух обличает даосского монаха в шашнях с молоденькой женщиной.

299. Рассуждение о том, связаны ли явления природы с действиями сверхъестественных сил.

300. Странный колодец, который ежедневно в полдень ненадолго высыхал.

301. Злые духи, приняв вид птиц или насекомых, выходят из гроба, где лежит покойник.

302. Рассуждение о том, есть ли у иностранцев свой владыка загробного мира и куда попадают их души после смерти.]

(303.) Мой односельчанин Янь Сюнь заподозрил свою жену в том, что она сошлась с его двоюродным братом. И вот он сначала зарубил топором двоюродного брата, а потом вернулся домой, чтобы убить жену, схватил кочергу, но, когда острие вонзилось в грудь женщины, послышался лязг, словно там камень или железо. Так ему и не удалось нанести ей рану.

Кто-то сказал:

— Это бесы и духи из жалости к невинно убиваемым невидимо заколдовали ее.

Но ведь невинно убитых много, почему же бесы и духи не всегда заколдовывают их? Должно быть, женщина эта отличалась особо добрыми поступками, поэтому она и смогла безмолвно призвать их на защиту.

[304. Человеку во сне является дух, защищающий от него (поклонника даосизма) буддизм.

305. Человек слышит разговор двух бесов на бытовые темы.

306. Лиса сообщает рецепт лекарства, чтобы спасти умирающую от застоя крови женщину.

307. Бесы подшучивают над человеком, убивавшим птиц.].

(308.) Мой односельчанин Ван У-сян (в детстве я слыхал его имя, но не уверен, что эти два иероглифа пишутся именно так) был старым учителем. Как-то поздно вечером, проходя мимо древней могилы, он вдруг услыхал удары плетью и чей-то голос, приговаривающий:

— Не будешь читать и учиться грамоте, не сможешь понять, в чем высшие принципы, ни с одним делом не сможешь справиться. Еще вдруг пойдешь против Неба, а раскаиваться будет поздно!

— Скажите-ка, в такой поздний час в таком заброшенном месте кто-то учит сына! — удивился У-сян. Внимательно прислушался — а голос-то шел из лисьей норы.

— Вот уж не ждал услышать здесь такое! — сказал У-сян.

[309. Лиса подшучивает над скупцом.

310. О способах гадания.

311. Нечисть подшучивает над человеком, который очень боялся бесов.
312. Бес не трогает не боящегося его человека.
313. Бесы, ищущие себе «замену», доводят человека до самоубийства.
314. Неудавшаяся попытка беса заставить человека покончить с собой.
315. Небо помогает бедной вдове, прогнав с помощью духа, крикнувшего: «Здесь бесы», воров, которые забрались в ее дом.
316. В Царстве мертвых строго карают за непочтительность к родителям.]

(317.) За воротами Фэнъи, в саду Фэншиюань, росла старая сосна. Многие из прошлых поколений слагали о ней стихи. Господин Цянь Сян-шу[1] еще видел ее, а сейчас сосна уже засохла.

Хэ Хуа-фэн рассказывал:

«Передавали, что, когда сосна эта еще не засохла, в безветренную погоду и при свете луны всегда можно было услышать звуки музыки. Некое весьма значительное лицо, как-то прогуливаясь в этих местах, поздним вечером вместе с моими гостями и приятелями направилось к этой сосне послушать музыку. Когда миновала вторая стража, послышались звуки лютни, которые шли то изнутри дерева, то с его вершины. Спустя довольно много времени нежный голос неторопливо запел:

Лгут, будто холодно ночью морозной зимой,
Я же скажу: лучше ночи и времени нет,
Под одеялом расшитым тепло нам с тобой,
Даже досадно, что скоро рассвет!

— Это что еще тут за оборотень! — закричало значительное лицо,— как ты смеешь петь мне такие непристойности!

Раздался скрип, пение прекратилось.

И вдруг снова донеслись звуки лютни и послышалась песня:

Милый как персика цвет или сливовый цвет,
Я ж как сосна или стройный младой кипарис.
Сливовый цвет отцветает — мгновенье и нет,
Сосны по-прежнему тянутся ввысь.

Значительное лицо кивнуло головой и произнесло:

— Вот это уже ближе к классическому стилю.

Еще звучали последние слова песни, а за деревом чуть слышно прошептали:

— Этот старец очень податлив. Стоит только сочинить ему что-нибудь в таком же роде, и он сразу возрадуется.

Тут что-то хлопнуло, как бывает, когда лопается струна, и, сколько они ни прислушивались, [сосна] молчала.»

[318. Человек слышит во сне беседу духов о наказании провинившихся.
319. Дух мертвого обвиняет брата, соблазнившего его дочь.
320. После смерти человека ему безразлично, что станет с его любимыми вещами.
321. Дай Суй-тан рассказывает о преступлениях чиновников, развращающих жен своих слуг.]

(322.) Дай Сун-тан еще рассказывал:

«Некто заигрывал с женой своего слуги, но женщина ему не отвечала. Рассердившись, хозяин сказал ей:

— Посмеешь дальше сопротивляться, насмерть запорю плетьми!

Плача, женщина рассказала все мужу. А тот сильно напился и закричал на нее в сердцах:

— Посмей только поддаться ему! Да я тебе сейчас вонжу в грудь клинок!

Женщина возмутилась:

— Кого бы ни послушалась, все равно смерти не миновать, так уж лучше я раньше умру! — и повесилась.

Прибыл чиновник расследовать. На трупе раны нет, улик никаких, вину возложить не на кого, докопаться до истины было невозможно.

Однако с тех пор в комнате, где она повесилась, какая бы погода ни была — ясная или пасмурная, всегда было темновато, словно там стоял легкий туман. По ночам слышались звуки, словно кто-то рвет шелк. При свете лампы или при луне каждый раз виден был черный пар, колыхавшийся, как человеческая тень; когда подходили поближе, она исчезала. Так продолжалось лет десять с лишним и кончилось, только

когда умер хозяин. А пока он бы жив, и днем и ночью заставлял людей сидеть у постели, где он лежал больной. Видно, ему что-то чудилось.»

[323. Дух женщины, обиженной буддийским монахом, не может найти себе успокоения в могиле.

324. Волшебное зеркало, в котором отражается подлинный облик человека.

325. Стихи, написанные духом, вызванным гадателем, оказываются принадлежащими другу Цзи Юня.]

(326.) Двоюродный брат мой Тань-цзюй рассказывал:

«Когда-то я слышал, как Лю Син-тин рассказывал две истории. Первая была такая:

Одного крестьянского сына опутала своими чарами лиса. Позвали колдуна, чтобы он вылечил его. Лису поймали, хотели сварить ее живьем в котле с кипящим маслом, но крестьянский сын слезно молил отпустить ее, и ее отпустили. Впоследствии думы о ней привели юношу к тяжелой болезни, и врачи не могли ему помочь. И вот однажды снова явилась лиса. При встрече с ней он и радовался и печалился. Чтобы отвратить его от себя, лиса сказала:

— Вы, сударь, скорбите от воспоминаний, вам надо перестать мечтать обо мне. Ведь вы не знаете, что я просто химера. Увидев истинный мой облик, вы в испуге пуститесь наутек.

И вдруг лиса упала на землю и появилась в седой шкуре, с длинным хвостом, из ноздрей валил пар, глаза горели, как факелы; прыгнула на потолочную балку, застонала и исчезла.

С тех пор здоровье крестьянского сына пошло на поправку. Про эту лису можно сказать, что ей было знакомо чувство благодарности за благодеяние.

Другая история была такая:

Еще одного крестьянского сына околдовала лиса. Тоже позвали колдуна, чтобы вылечил, но ничто не помогало, талисманы и амулеты лиса рвала в клочья.

Когда же лиса собралась влезть на алтарь, чтобы все там

раскидать, какая-то старуха, видно ее мать, остановила ее, сказав:

— Как твари жалеют себе подобных, так и люди защищают своих единомышленников. Искусство этого колдуна ничтожно, но, если ты уж слишком его заденешь, боюсь, как бы не явились другие отомстить за него. Пожалуй, будет лучше, чтобы ты ушла отсюда, когда твой муж заснет.

Про эту лису можно сказать, что она была дальновидная.»

[327. Чудесный цветок, выращенный отцом Цзи Юня.

328. Крестьянин хочет вести на убой вола, но узнает, что в свое время вол спас ныне покойного отца этого крестьянина, когда тот тонул.

329. Свиная голова слетает с плеч и бежит.

330. Человек беседует с группой незнакомцев о стихах; потом понимает, что это были бесы.

331. Даже самый умный человек не может знать срок своей смерти.

332. Слуга, притворившись бесом, пугает ученого.

333. Лиса насмехается над педантом-начетчиком.

334. Во время сеанса гадания дух посрамляет начетчика.]

(335.) Мой дядя, достопочтенный Чжан Мэн-чжэн, рассказывал:

«Когда я был ребенком, то слышал, что в Цанчжоу был служащий государственного училища. Он жил на берегу реки. Как-то ночью прибежал посыльный с визитной карточкой, постучал в двери и сообщил, что здесь проездом находится новый правитель области, который, услыхав, кому принадлежит самый большой дом, пригласил его владельца к себе на джонку.

Как раз в этот вечер хозяин дома ночевал у своих родных, ли в десяти с лишним отсюда. Привратник с визитной карточкой побежал туда, чтобы сообщить хозяину, но, когда тот вернулся, оказалось, что джонка уже отошла от берега.

Тогда хозяин дома в парадной повозке поехал вслед вдоль берега. Он мчался ночь и день, проехал более двухсот ли и прибыл в район Дэчжоу, что вблизи Шаньдуна; стал расспрашивать людей, но оказалось, что не только такого чи-

новника не было, но и джонка тоже не прибывала. Удивленный и напуганный, хозяин вернулся домой и несколько дней ходил совершенно растерянный, как во сне.

Некоторые высказывали предположение, что поскольку в доме было много всякого добра, то воры решили, воспользовавшись его отсутствием, обмануть и ограбить хозяина.

Другие считали, что так как он смотрел на своих бедных родственников и приятелей, как на врагов, а на связи с богатыми и знатными не жалел денег, то над ним зло подшутила нечистая сила или лисы, которые издавна водились в ближайшей деревне.

Но доказательств всему этому не было. Когда же эта история стала известна в округе, там говорили:

— Этот господин столкнулся с бесом.»

Покойный мой дед, достопочтенный Сюэ-фэн, сказал по этому поводу:

— Если это не лисы, и не бесы, и не воры, так, значит, это сделал кто-то из его бедных родственников или приятелей.

И это похоже на истину.

[336. Сомнения Цзи Юня по поводу справедливости народного суеверия, считавшего место, где произошел бой сороки со змеей, счастливым.

337. Лиса в горах преследует людей, загоняя их на деревья.

338. Учитель пристыдил лису, околдовавшую мальчика-пастуха.

339. Человек беседует с духом о категориях духов.

340. Лиса старается выжить людей из храма, где она давно поселилась.

341. Проделки лисы, подшучивающей над развратником.

342. Охотник стреляет в волшебного зайца, но ранит самого себя.]

(343.) Мать слуги Ван Тин-ю рассказывала:

«В последний день года в ворота дома простолюдина, что жил в Цинсяне, постучалась женщина, продававшая цветы одного лекарственного растения.

— Я давно уже стою, почему же мне не выносят деньги за цветы? — сказала она.

Спросили у домашних, оказалось, что никто у нее цве-

тов не покупал. Однако женщина продолжала настаивать, что девочка с косичками взяла у нее цветы и вошла в дом. Поднялась суматоха. А в это время прибежала старуха с криком:

— Вот уж поистине чудеса-то! В ручку моего веника в отхожем месте воткнули несколько цветков.

Пошли посмотреть: действительно, оказались те цветы, что продавала эта женщина.

Когда веник бросили в жаровню и стали жечь, послышался крик и [из веника] потекла кровь тоненькими, как шелковые нити, струйками.»

Уж если нечисть освободилась от своей оболочки, то должна была как-то тайно питать свой жизненный дух, зачем же ей было совершать такие превращения, чтобы люди об этом узнали и уничтожили ее? Разве не сама она привела себя к погибели?

На свете есть люди, которые, еще ничего не совершив, кричат о своем успехе, а добившись чего-то, скрывают, подобно этой [нечисти] с веником.

[344. Лиса причиняет вред стрелявшему в нее охотнику.

345. Нечисть преследует чиновника, безрезультатно меняющего свое жилье, чтобы избавиться от ее преследований.

346. Человек слышит спор духов мертвых, борющихся за место в могиле.]

(347.) Чэнь Чжу-инь как-то снимал помещение у одной богатой семьи. Маленькая девочка-служанка, узнав, что ее мать побирается по дорогам и вот-вот умрет с голоду, пришла в такое отчаяние, что украла три тысячи чохов[1] и отдала их матери. Другие слуги выдали ее, и девочку жестоко выпороли.

В одном из верхних помещений этого дома уже давно жила лиса, которая никогда никому не причиняла зла. И вот в то время, как девочку пороли, из верхнего помещения вдруг послышались горькие рыдания. Удивившись, хозяин задрал голову и стал спрашивать, в чем дело. Сверху послышался голос:

— Хотя мы и другой породы, сердце у нас, как у людей. Мне стало жалко эту девочку, которой еще нет и десяти лет, а она ради матери терпит побои. Я нечаянно подала голос, не хотела вас беспокоить.

Хозяин бросил плетку на пол, и в течение нескольких дней на нем лица не было.

(348.) Чэнь Чжу-инь и Чжу Цин-лэй, прогуливаясь, зашли в храм Чанчуньсы [1]. Там, где продавали картины и книги, они увидели свиток со стихами, написанными крупными иероглифами:

Сок от созревших слив
Течет по моим губам.
Оба окна осенив,
Листву распростер банан.
Встаю, блаженный от сна,
Молча взгляну на восток;
Малыш, играя, догнал
Падающий лепесток.

Подпись под стихами была «Даос из горного ущелья» [2].

Когда они стали спорить, подлинник ли это или подделка, наблюдавший за ними в стороне нищий, усмехнувшись, сказал:

— Странно слышать, что Хуан Лу-чжи [3] мог бы переписать стихи Ян Чэн-чжая [4],— и побрел дальше.

— Как может человек, способный на такие речи, просить милостыню? — удивился Цин-лэй.

— А как может человек, способный на такие речи, не просить милостыни? — сказал со вздохом Чжу-инь.

А я скажу так, негодование Чжу-иня относилось к замашкам так называемых знаменитых ученых [5]. Умные же и выдающиеся ученые либо крайне заносчивы, невероятно сварливы и неуживчивы, так что люди не решаются к ним подступиться, и это доводит их до нищеты; либо среди них есть такие, кто достаточно учен, но неправильно ведет себя, создает себе дурную славу, так что люди гнушаются иметь с ними

дело, и это тоже доводит их до нищеты. Разве не встречаются такие среди подлинно даровитых ученых?

[349. В Царстве мертвых карают развратника.

350. Бесы не решаются трогать человека праведной жизни.

351. Птицы жалобным криком извещают родителей о беде, случившейся с их сыном.

352. Бесы рассуждают о стихах.

353. Небо карает беглого разбойника.

354. Слуга слышит беседу двух духов о правосудии в Царстве мертвых.

355. Старуха служанка спасает хозяев от разбойников; в прошлом своем перерождении она была храбрым воином.

356. Неестественная смерть развратного чиновника.]

(357.) В доме младшего брата моего деда, господина Чжан Цзы-хэна, был маленький сад. Посредине сада высилась искусственная гора с гротом, носившим название Рассеявшиеся тучи. Перед гротом была площадка для разведения хризантем, а за горкой жило несколько журавлей.

Некий господин Ван Хоу-лу из строк, взятых из стихов Оуян Юн-шу [1] и Тан Янь-цяня [2], составил стихотворное посвящение [3]:

Не сравнить осенние цветы
С теми, что увяли по весне.
Тот, кто спит среди тревог и суеты,
Что он знал о журавлином вечном сне?

и очень старательно вырезал эти стихи на стене грота.

Как-то днем в этом гроте вдруг оказались сдвинуты со своих мест тушечница и кисти, а вся стена была исписана стихами, скопированными кем-то с надписи, вырезанной господином Ван Хоу-лу. Иероглифы были написаны вкривь и вкось, без всякого соблюдения правил правописания: писавший вел кисть снизу вверх и справа налево [4]; там, где нужна была сплошная линия, был обрыв, а где следовало оторвать кисть, шла сплошная линия, как будто писал не знающий грамоты ребенок. Решив, что это забавлялись дети, хозяин велел смыть надписи и запереть грот. Когда он зашел погля-

деть через несколько дней, то надписи снова были на стене, и он понял, что это оборотень, дурачивший людей.

Однажды вечером из грота послышались звуки, словно кто-то тер тушь. Люди вбежали туда с ножами, пытались схватить [оборотня], но их растолкала старая обезьяна, выбежавшая из грота. С тех пор надписи там больше не появлялись.

Непонятно, зачем этой обезьяне было учиться писать.

Я как-то говорил, что в рассказах, где речь идет о всяких удивительных созданиях, способностью к сочинительству наделяют только бесов и лис. Это еще можно как-то понять. Бесы ведь прежде были людьми, ну а лисы близки к людям. Но вот все остальное: растения, деревья, животные, птицы — к ним-то откуда придет понимание?

Чтобы навозная муха или, скажем, веник могли писать стихи — это уже скорее из области басен, и не следует до такой степени выдумывать!

Эта обезьяна долгие годы общалась с людьми, вот и подражала им, как это в природе у всех невежд. Но, конечно, не обязательно искать в этом [случае] какой-то глубокий смысл.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

[358. Человек, послуживший причиной смерти друга, всю жизнь заботится о его родителях, искупая свою вину.

359. Невестка относится к свекрови как почтительная дочь.

360. Человек слышит рассуждения духов о наградах и наказаниях за поступки, совершенные при жизни.]

(361.) Дун Цюй-цзян рассказывал:

«Какой-то негодяй летней ночью забрался в окно к одной вдове из Линсяня и, воспользовавшись тем, что она спала, обесчестил ее. Проснувшись, женщина в испуге стала кричать, но он уже убежал. От омерзения женщина эта заболела и вскоре умерла, так и не узнав, кто был этот насильник.

Прошло более четырех лет, и вдруг, когда крестьянина Ли-ши убило ударом молнии, одна старуха, молитвенно сложив руки и возблагодарив Будду, сказала:

— Наконец-то эта женщина отомщена! Когда она звала на помощь, я собственными глазами видела, как этот Ли-ши перелез через забор, но боялась его и поэтому не решилась никому рассказать.»

[362. Лиса хочет жить в доме, где ведут ученые разговоры и читают стихи.

363. Предсказание, сделанное духом, вызванным гадателем, сбывается.

364. Человек, которого гостеприимно принял монах в храме, на обратном пути не находит этого храма.

365. Человек встречает красавицу, которая оказывается духом мертвой.

366. Из могилы выкапывают диковинную тушечницу.]

(367.) Подобно тому как в море водятся якши, так и в горах бывают горные духи. Это и не бесы, и не оборотни, а какой-то особый род, нечто среднее между человеком и тварью.

Ревизор Лю Ши-ань рассказывал:

«Чжучэн стоит на берегу моря. Несколько тамошних рыбаков выехали однажды на джонке, и среди них вдруг оказался якша. Он украдкой попивал их вино, а когда высосал целый жбан, то опьянел и свалился. Рыбаки схватили его, связали и избили, и настолько ничего в нем не было чудесного, что он вытянул ноги и издох.»

[368. Человек видит тени женщин, превращающиеся в тени тигров: это духи, не находящие себе приюта.

369. Необъяснимая смерть младенца. Не была ли его иянька лисой-оборотнем?

370. Странные явления, предвещающие смерть человека.

371. Человек во сне беседует с духом о загробном существовании душ.

372. Предзнаменование сбывается.

373. Места в пустыне Гоби, где нельзя хоронить покойников.

374. Странные места в пустыне Гоби.

375. О растениях в Урумчи.

376. Бес сочиняет песню, которая снится человеку.]

(377.) В древности иероглифы писали на бамбуковых дощечках; если случалась ошибка, то ее исправляли ножом, и

поэтому существовало название *дао би* «резец для письма». Хуан Шань-гу назвал свой письмовник этими же словами, но смысл тут уже был иным.

Есть и такой еще смысл: кисть называют резцом у тех, кто наловчился писать жалобы в суд, имея в виду, что кисть их остра как нож.

Когда я был инспектором школ в провинции Фуцзянь, один студент составлял с чужих слов текст ложного доноса о том, что начальник пограничной стражи собирается сдать [врагам] передовые укрепления. Как раз в то время, когда он писал донос, кисть, которую он держал в руках, громко затрещала и по ее середине прошла трещина, словно прорезанная ножом. Студент перепугался насмерть.

А еще был такой случай:

Ван Юе-фан из Вэньаня рассказывал, что у него на родине был человек, любивший навлекать на других неприятности. Как-то раз, когда он приготовил черновик жалобы, все иероглифы вдруг стали красного цвета. Всмотрелся — а это кровь, проступающая с ворсинок кисти. С тех пор он перестал заниматься подобными делами, поэтому ему и удалось благополучно кончить жизнь.

Я тоже видел одного сутяжника, который составил бумагу, ложно обвинив некоего богача в том, что он похитил жену одного человека. В результате тяжбы богач почти разорился. Разбирательство этого дела еще не закончилось, как у самого сутяжника действительно похитили жену, и все его жалобы ни к чему не привели.

[378. Предсказание, сделанное человеком, сбывается.

379. Бес не смеет причинить зло человеку праведной жизни.

380. Человек беседует с горным духом о возможности достичь бессмертия.

381. Дух, вызванный гадателем, указывает, как лечить больного.

382. Врачу-шарлатану снится дух, обвиняющий его в убийстве больного.]

(383.) Старый ученый Лю Тин-шэн рассказывал:

«Был один охотник в Дунчэне. Проснувшись как-то в сере-

дине ночи, он услышал, что в окне шуршит бумага [1], а потом под окном раздаются какие-то неясные звуки. Накинув одежду, он сердито спросил, кто там.

— Я — дух покойного *, у меня к вам, сударь, есть просьба, только, пожалуйста, не пугайтесь,— послышалось в ответ.

Охотник спросил, какая у него просьба, и дух ответил ему:

— Лисы и духи мертвых не могут селиться в одном месте, так повелось с древности. Могилы, в которых лисы роют себе норы, никогда не бывают могилами, где обитают духи. Моя могила находится в трех с лишним ли к северу от деревни, но туда, воспользовавшись моей отлучкой, забралась лиса, привела с собой всю свою родню и меня же гонит оттуда. Теперь я не могу даже войти [к себе].

Если бы я с ней стал сражаться, то потерпел бы поражение, ведь при жизни я был ученым — человеком гражданским; если бы я подал жалобу на нее местным духам-хранителям, то, будь решение и в мою пользу, лиса в конце концов все равно отомстила бы мне и я опять-таки потерпел бы поражение. Поэтому мне остается только ждать, пока вы пойдете на охоту, в надежде, что вы согласитесь сделать крюк в пол-ли, чтобы пройти мимо этой могилы. Тогда лиса наверняка так перепугается, что переселится в другое место. Если вы встретитесь с ней, не спешите ее убивать, а то как бы она раньше времени не узнала о задуманном и не стала опять строить против меня козни.

Охотник сделал так, как просил дух. Потом ему приснилось, что дух приходил благодарить его.»

Кукушкам есть прямой смысл захватывать гнезда сорок. Если не хватает сил, чтобы одолеть захватчика, его избегают и не вступают в сражение; если даже сил для победы достаточно, то и в этом случае все серьезно продумывают, чтобы не истощить силы до конца. Когда же на слабого напирает сильный, то можно действовать так, как вел себя этот дух мертвого.

---

* Дух покойного — в тексте букв.: *гуй* «бес».

[384. Душа умирающей отлетает перед ее смертью.
385. Об удивительных растениях.
386. Умирающий точно предсказывает дату своей смерти.
387. Примеры поведения героических женщин.]

(388.) Госпожа Ван из Сунина, тетка моего отца — господина из Яоани, рассказывала:

«Жила у нас на родине одна вдова и вместе со своей старой свекровью растила единственного сына, мальчика лет семи-восьми. Вдова была красива, сваты и свахи неоднократно приходили к ней, но она не соглашалась вторично выйти замуж. Неожиданно ее сын опасно заболел черной оспой, и она позвала врача, чтобы он посмотрел мальчика. Врач же прислал к ней соседку, чтобы та тайно передала женщине следующее:

— Болезнь эту я могу излечить, но если ты не согласишься разделить со мной ложе, я не приду.

Возмущенная женщина пожаловалась свекрови. Мальчику тем временем стало совсем плохо. Вдова и ее свекровь, связанные слепой любовью к ребенку, всю ночь напролет решали, как быть, и наконец, глотая слезы, женщина сдалась. Но оказалось, что помощь уже опоздала, теперь спасти мальчика было уже невозможно. Замученная угрызениями совести, женщина повесилась.

Люди считали, что причиной этому болезнь мальчика, и не предполагали, что дело в другом. Свекровь же держала все это в тайне, не решаясь никому ничего рассказать. И вдруг этот врач умер. Внезапно умер и его сын, а дом врача неожиданно загорелся, так что даже нитки не осталось от всего его имущества. Жена врача совсем опустилась, поступила в публичный дом и там невзначай проболталась об этой истории, на радость клиентам.»

[389. Ученый попадает в место, где духи изучают древние комментарии к классикам. Потом это место не удается найти.
390. Рассуждение о том, может ли сон предвещать несчастье.
391. Странное самоубийство любящей четы.
392. Развратник, послуживший причиной смерти обесчещенного им мальчика, вынужден покончить с собой.

393. Дух покойного в поисках любимой им вещи посещает место, где он жил.]

(394.) В доме моего деда по матери, господина Чжан Сюэ-фэна, расцвели пионы. Ночью слуга Ли Гуй увидел двух женщин, которые стояли, опершись на перила.

— При луне они особенно прекрасны,— сказала одна.

— В этих местах очень мало таких цветов,— ответила другая,— только в саду у господина Туна их больше.

Ли Гуй понял, что это лисы, схватил черепицу и бросил в них. В то же мгновение обе исчезли.

Внезапно посыпался град кирпичей, все оконные переплеты были повреждены. Господин Сюэ-фэн сам вышел из дома и видел это; разведя руками, он воскликнул:

— Как же можно таким утонченным красавицам, которые умеют любоваться цветами, слагать стихи и восхищаться луной, опускаться до того, чтобы уподобляться ничтожным людишкам? Да ведь это значит «убивать красоту пейзажа» [1].

Не успел он сказать это, как воцарилась тишина.

Дед со вздохом облегчения произнес:

— Обывательская вульгарность чужда этим лисам.

[395. Даос изгоняет из человека околдовавшую его лису-оборотня.

396. Человек прогоняет пугающего его беса.

397. Предсказание, сделанное лисой, сбывается.

398. Разбойники изображают из себя нечисть, чтобы легче добиться своей цели.

399. Фокусник, который не хотел делиться секретом своего искусства.

400. Предсказание, сделанное духом во время гадания, сбывается.

401. Лиса карает развратника.

402. Проделки горного духа, подшучивающего над сторожившим огород человеком.

403. Странные явления, происходящие в доме, где покончил с собой человек.]

(404.) Мой отец, господин из Яоани, слышал от моего покойного прадеда, господина Жунь-шэна, такой рассказ:

«В Цзинчэне был некий Цзян Сань-ман, человек смелый, но глупый. Однажды он услыхал чей-то рассказ о том, как

Сун Дин-бо[1], продав беса, получил за него деньги, и очень обрадовался:

— Я только сейчас узнал, что можно поймать беса,— сказал он.— Если каждую ночь ловить по бесу и, плюнув в него, превращать в барана[2], а утром продавать его в городе, то мне всегда будет хватать денег и на вино и на мясо!

С этих пор Цзян каждую ночь бродил потихоньку между заброшенными могилами, взяв с собой палку и веревку, словно охотник, выслеживающий лису или зайца. Но он так и не встретил беса.

Тогда он стал посещать места, слывшие логовом бесов. Прикидывался мертвецки пьяным, чтобы привлечь беса, но все было тихо, и бесов не было видно.

Как-то вечером он увидел в лесу несколько блуждающих огней, большими прыжками понесся туда, но еще не добежал до места, как огни эти рассеялись. Раздосадованный, он вернулся назад.

Так длилось более месяца, и ни одного беса он не поймал. Пришлось ему бросить это дело.»

Вообще-то ведь бесы вредят людям, пользуясь тем, что люди их боятся. А этот Цзян Сань-ман твердо верил в то, что духов мертвых можно поймать. Он смотрел на них с презрением, его характер устрашил бесов, поэтому они и избегали встречи с ним.

[405. Дух растения объясняет человеку разницу между нечистью, причиняющей людям вред, и духами растений, которые не трогают людей.

406. Бесы проявляют уважение к талантливому человеку.

407. Слуга видит нечисть — женщину без носа, глаз и рта.

408. Дух — хранитель города разбирает жалобу человека.

409. Яшма, обладающая волшебными качествами.

410. Мошенник выдает камень за волшебный предмет.

411. О местных суевериях.

412. Талисманы не всегда помогают, так как среди монахов много шарлатанов.

413. О человеке, обладавшем даром провидения.]

(414.) Жена и семнадцатилетняя дочь Пэн Ци, сосланного за преступление в Санчжи, заболели чахоткой. Жена умер-

ла первой, и дочь тоже находилась уже при смерти. Пэн Ци должен был пахать казенное поле и не мог ухаживать за дочерью. Поэтому он бросил ее в лесу, предоставив ей выжить или умереть, и она там рыдала, стонала и мучилась так, что сердце разрывалось, глядя на нее.

Ян Си, сосланный вместе с Пэн Ци, сказал ему:

— Это слишком жестокое испытание, почтенный. [Не думал], что такое может встретиться на свете! Я хочу взять вашу дочь к себе и попробовать лечить ее. Если умрет, я ее похороню, а если останется в живых, возьму в жены.

— Прекрасно! — сказал Пэн Ци, и соглашение было заключено.

Прошло полгода, девушка так и не поднялась. Перед смертью она обратилась к Ян Си со следующими словами:

— Вы удостоили меня своими заботами, которые трогают меня до глубины души. Я знаю, что вы хотели сделать меня своей женой и мой отец дал согласие, поэтому я делила с вами питье, еду и кров, не боясь никаких подозрений, и принимала ваши ласки, ничего не опасаясь. Но я совсем уже зачахла, даже одеяло кажется мне тяжелым. Я мучаюсь, чувствуя всю свою неблагодарность по отношению к вам. Если после смерти я не стану духом, то чем смогу ответить вам? Если же душа будет способна на это, я обязательно отблагодарю вас.— Сказав это, она испустила последний вздох. Ян Си, оплакивая, похоронил ее.

После похорон она каждую ночь являлась ему во сне, и связь их продолжалась, словно девушка осталась жива. Когда же он просыпался, то и следа ее не было видно. Ночью, когда бы он ни позвал ее, она всегда являлась; стоило ему сомкнуть ресницы, как она уже лежала рядом с ним, сбросив с себя одежды. Так продолжалось долго, и он знал, что это ему снится. Когда он спросил, почему она не соглашается показаться ему наяву, она ответила:

— Я слыхала от духов, что люди принадлежат к категории *ян,* а духи — *инь*; если сила *инь* вторгнется в область силы *ян,* то это обязательно повредит человеку; только если он уснет и умерит в себе силу *ян,* человек может встречаться

с духом, не опасаясь вреда для себя, и то, если все ограничится духовной встречей, без телесного слияния.

Произошло это весной года *дин-хай* и длилось более четырех лет — до весны года *синь-мао**.

Потом я уехал на родину и не знаю, чем эта история кончилась.

Ведь в старину слыхали о золотой пиале Лу Чуна [1], а Сун Юю внезапно явилась Яшмовая дева [2], и потом он ежедневно видел ее, но только во сне, и написал о своей надежде увидеть вновь наяву.

[415. Старуха встречает красивую девушку, потом узнает, что в том доме, где она ее видела, такой не было.

416. Дух упрекает человека, сомневающегося в небесной справедливости и теории воздаяния за поступки.]

(417.) В годы *жэнь-сюй* и *гуй-хай* правления под девизом Цянь-лун** в одной деревне женатые мужчины и замужние женщины болели какими-то странными болезнями: у мужчин на крестце вырастал хвост, похожий на олений рог или на ветку кораллов; у женщин в тайном месте — затвердение, напоминавшее виноградную гроздь или гриб. Был лекарь, умевший лечить такие болезни: раз отрежет, и больной поправляется; те же, кто не лечился, умирали. Распространился слух, что есть колдуны, бросавшие в колодцы снадобье, от которого те, кто пил воду из этих колодцев, заболевали такими болезнями, а лекарь извлекал из этого выгоду для себя.

В то время секретарь государственного совета, достопочтенный Юн, был правителем Хэцзяни. Кто-то предложил ему задержать и наказать этого лекаря, на что господин Юн ответил:

— Действительно, эта история подозрительна, но у нас нет никаких обоснованных доказательств. На деревню приходится не больше двух-трех колодцев. Если вести за ними тщательное наблюдение, то никто не сможет заниматься там кол-

* С 1767 по 1771 г.

** Соответственно 1742 и 1743 гг.

довством. А вот если сразу арестовать [лекаря] и допросить, то после этого уже ни один человек не решится лечить от такой болезни, и тогда смертность, пожалуй, сильно возрастет. Вообще, в делах надо хорошенько думать о последствиях, чтобы впопыхах не наделать ошибок.

Так он и не согласился на арест лекаря. А напасть эта прекратилась.

Некоторые из местных жителей сочли это решение правильным, другие же, наоборот, полагали, что колдунам сделана поблажка.

Впоследствии, когда я был в Урумчи, там было очень мало коров, и цены на них поднялись, крестьяне очень страдали от этого. Тогда последовал запрет убивать скот, и цены упали. Однако торговцы скотом, узнав, что цены на коров низкие, неохотно приезжали туда, и на следующий год цены на рогатый скот поднялись вдвое; только когда был отменен этот запрет, цены начали приходить в норму.

И еще: в глубоких горах скрывалось, пожалуй, несколько сот разбойников, отнимавших у людей деньги. Арест их мог вызвать большие волнения, а простить их означало бы закрыть глаза на преступления. Поэтому было решено просто перерезать дорогу, по которой им доставлялся провиант; от голода все они разбежались. Теперь они оказались в бедственном положении и снова занялись разбоем; тогда на них начались облавы, пошли аресты, допросы. Разбирательство продолжалось почти полгода, и только тогда начал водворяться порядок в этих местах.

Те, кто ведает делами в Поднебесной, знают одно и не знают другого, и часто, погнавшись за быстрым эффектом, они навлекают неприятности в дальнейшем; а вот слова достопочтенного Юна: «Хорошенько думать о последствиях» — это пример подлинной дальновидности.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

[418. Беседа двух бесов, жалующихся на холод в саду.]

(419.) Внучатый племянник Хань Цин рассказывал: «Сын некоего Чжао из Наньпи был околдован лисой; она

прилепилась к его телу и постоянно пряталась в складках его халата, откуда разговаривала с людьми. Повесили на стене маленькое изображение Чжун Куя[1]. Ночью в комнате слышались прыжки и удары, решили, что лиса изгнана, но на следующий день она разговаривала по-прежнему. Подумали было, что Чжун Куй не настоящий, но лиса сказала:

— Чжун Куй очень страшен, но, к счастью, он ростом всего лишь чи с небольшим, а меч у него только в несколько цуней длиной. Когда он вскакивал на кровать, я пряталась под кроватью, а когда он лез под кровать, я прыгала на нее, поэтому ему и не удалось меня ни разу ударить.»

Но действительно ли изображение на картине обладает чудодейственной силой? И зависит ли эта чудодейственная сила от величины духа, нарисованного на картине? Если изображение величиной в цунь и оно держит в руках тонюсенький, как иголка, меч, может ли оно обезглавить нечисть?

Этого я никак не возьму в толк.

(420.) Летом года *у-у* правления под девизом Цянь-лун * в Сяньсяне чинили городскую стену. Повинность эту отбывало несколько мужчин, сносивших старые зубцы, выламывавших кирпичи и бросавших их к основанию стены. У основания стены работало несколько сотен людей, уносивших мусор в плетеных корзинках. Когда еда была готова, объявляли перерыв и все вместе садились есть.

И вот во время такой общей трапезы некий Син-у, тоже отбывавший повинность, рассказал людям:

— Когда я только что нес кирпичи, над моим ухом вдруг раздался чей-то громкий голос, сказавший: «Убивший человека заплатит за это своей жизнью, а задолжавший — деньгами, это тебе известно?»

Я обернулся, но никого не увидел. Вот удивительное-то дело!

Вскоре все снова принялись за работу, кирпичи летели, как град, и один кирпич попал прямо в голову Син-у, кото-

* 1738 г.

рый тут же испустил дух. Раздались крики, поднялась суматоха, но бросившего кирпич не нашли. Чиновники и судьи ничего не смогли выяснить и ограничились присуждением старосты выполнявших повинности к штрафу в несколько тысяч, чтобы похоронить Син-у.

Как знать, может быть, этот Син-у в прошлой своей жизни был причиной чьей-нибудь смерти, а староста в прошлой жизни задолжал Син-у деньги... Причина и следствие тесно между собой связаны, в конечном счете они дополняют друг друга. А если бы этот бес или дух не сказал заранее, разве не сочли бы это случайностью?

[421. В комнате видны следы крошечных женских ножек, но обладательница их не показывается людям.

422. Душа умершего ребенка возрождается в теле другого ребенка.

423. Предсказание, сделанное неизвестно кем, сбывается.

424. Бес, принявший вид красивой девушки, заманивает мальчика и насилует его, приняв вид мужчины.]

(425.) Господин Чжо Хэн-шань, мой бывший учитель, в молодые годы занимался в районе озера Сиху. На верхнем этаже общежития не было людей и царили тишина и покой, поэтому он там и поставил себе лежанку.

Однажды ночью он услыхал в комнате какой-то шорох, словно кто-то подкрадывается к нему.

— Ты дух или лиса? Зачем тревожишь меня? — спросил он сердито.

— Я и дух и лиса, — послышался не сразу ответ.

— Дух — это дух, а лиса — это лиса,— возразил господин Чжао Хэн-шань,— как же можно быть одновременно и лисой и духом?

Наступило долгое молчание, а затем последовал ответ:

— Вообще-то я лиса, которой несколько сот лет. Когда во мне скопилась сокровенная эссенция бессмертия, существа моей же породы схватили меня и убили, чтобы выкрасть ее. Душа моя застряла на перепутье, и я стал духом покойницы-лисы.

— Почему же вам не пожаловаться судье Подземного царства? — спросил господин Чжао Хэн-шань.

— Обычно бессмертия достигают путем тренировки дыхания[1] и телесных упражнений, они слиты воедино, заключены в тебе самом, и никто не может их отнять. В том же случае, когда эликсир долголетия приготовляют из составных частей, его можно отнять — ведь он не часть тебя, поэтому люди могут убить тебя и воспользоваться им. Я добывала эссенцию жизни у соблазненных мной людей[2] и этим причинила многим смертельный вред; убить виновного в смерти других — не преступление, поэтому, если я и пожалуюсь доброму духу, он не будет на моей стороне. Так что мне уж лучше томиться здесь.

— И что же вы делаете, поселившись здесь? — спросил господин Чжао Хэн-шань.

— Я прячу свое тело и приглушаю звуки, закаляя телесную оболочку воздействием луны. Яркое сияние силы *ян,* исходящей от вас, государь, нестерпимо для моей души, источающей силу *инь,* поэтому я и вышла просить вас сжалиться надо мной и сделать так, чтобы живой с мертвой не встречались.

[Дух лисы] кончил говорить, и стало слышно только рыдание; господин Чжао Хэн-шань снова обратился к нему с вопросом, но тот больше не отвечал.

На следующий день господин Чжао Хэн-шань переехал оттуда.

Как-то, рассказывая об этой истории своим ученикам, он добавил:

— Кто овладевает тем, что ему не принадлежит, не сможет этим владеть и сам себя обрекает на смерть. Вот что страшно!

[426. Осел спасает жену своего хозяина, у которого он в прошлом перерождении украл деньги.]

(427.) Когда слуга Жэнь Юй был тяжело болен, сидевшие ночью у его постели родственники услыхали, как за окном вдруг заревел бык. Жэнь Юй от испуга испустил дух.

На следующий день пошли разговоры о том, что это очень странно, и жена Жэнь Юя, плача, объяснила:

— В молодости он как-то украл и зарезал нескольких быков. Об этом никто из людей не знал.

[428. Чиновник перед смертью видит во сне бесов, упрекающих его в неправильном поведении.]

(429.) Историограф Лю Го-ши из Цанчжоу был человеком широких помыслов, душевным складом своим напоминавшим того, кто жил в пору Цзинь[1]; водил он дружбу с людьми не от мира сего, такими, как Отшельник с горы Ишань[2] и Житель горы Ляньяншань[3], хотя интересы и вкусы их были разными.

На закате дней он жил дома и за определенную плату принимал учеников. С бедных брал лишь то немногое, что они могли принести ему[4]; он ел немного сушеных овощей, а короб для вареного риса часто бывал пустым, но он не горевал[5].

Как-то раз он купил доу с лишним риса, положил его в глиняный сосуд, питался им больше месяца, а рис все не кончался. Лю Го-ши это показалось очень странным.

Вдруг из-под крышки послышался голос:

— Я — небесная лиса[6]. Восхищаясь вашими манерами и просвещенностью, потихоньку пополняла ваши запасы — не удивляйтесь!

— Помыслы ваши поистине прекрасны,— сдержанно ответил Лю.— Но ведь вы, достопочтеннейшая, не можете сами обрабатывать землю, откуда же берется этот рис? Я не хочу пить из уворованного источника. Прошу вас больше не делать этого!

Лиса вздохнула и удалилась.

(430.) Мой покойный племянник Жу-бэй[1] (прозвание его было Ли-хань) увидел во сне, будто какой-то человек читает ему стихи. Проснувшись, он записал одно четверостишие:

Цветы вишневые повсюду и везде,
Весна, как быстролетный сон, мелькнет,
А ночь под хмурым пологом дождей
Готова длиться долгий год.

Когда он рассказал мне об этом, я выразил сомнение в том, что это доброе предзнаменование. И действительно, он безвременно скончался в седьмую луну года *у-чэнь* *. Впоследствии его жена, госпожа Чжан из Уцяна, сделала наследником всего имущества сына своего младшего брата. Оставшись вдовой, она проявляла необычайную моральную стойкость, за тридцать с лишним лет ни разу не легла спать нагой; служанки и сейчас могут это засвидетельствовать.

Я только теперь понял, что в этих стихотворных строках крылось предзнаменование одинокого существования, которое влачит вдова в своих покоях.

[431. Человек женится на неизвестной девушке; оказывается, что она та, которую ему просватали в детстве его покойные родители.]

(432.) Не Сун-янь [1] рассказывал:

«В верхнем помещении одного монастыря в Цзяочжоу както вечером монах открыл окно, чтобы подышать свежим воздухом. От луны было светло как днем, и монах увидел человека, стоявшего прислонясь к старому дереву. Боясь, не ворует ли тот овощи в огороде, монах спросил его, кто он такой. Согнувшись в поклоне, человек ответил:

— Не удивляйтесь, наставник, я — дух мертвого.

— Чего же ты не возвращаешься в могилу? — спросил монах.

— У духов тоже бывают свои компании, каждый держится своих. При жизни я был книжником, но, к несчастью, меня похоронили на большом кладбище. Кроме коновала Ся Ци, меня все сторонятся, я им не подхожу, поэтому я сбежал сюда,— сказал он и исчез.

Потом его часто можно было видеть издали, но, когда монах звал его, он не отзывался.»

* 1748 г.

[433. Нечисть боится благородных людей.

434. Лиса-оборотень отказывается сожительствовать с человеком, так как это помешает ее самоочищению.

435. Покойный отец двух бандитов предостерегает их. Предсказание сбывается: их казнят власти.]

(436.) Летом года *синь-мао* * я вернулся из Урумчи и поселился в одном доме, на восточной стороне улицы Чжучаоцзе[1], по соседству с домом провинциального судьи Лун Чэнцзу.

На втором этаже было пять комнат; в самой южной из них занавес неожиданно поднимался на чи с лишним в высоту, словно от ветра. В остальных комнатах ничего подобного не происходило, и неизвестно было, в чем дело.

Войдя как-то в комнату, мои маленькие дети в испуге закричали:

— На кровати сидит толстый монах и скалит зубы!

Каким образом злой дух в монашеской одежде поселился в доме, где живут люди? Это уже совсем было непонятно.

После третьей стражи [соседям] часто было слышно, как в доме судьи Луна плачет женщина. В самом доме тоже слышали плач и говорили, что это в нашем доме. Понять, в чем тут дело, было невозможно. Однако ясно было, что место это недоброе, и я переселился в кабинет «Два дерева» господина Чжэ Наня.

С теми, кто потом жил в одном из этих двух домов, случилось несчастье. Бо Хуань-цзю из уголовной палаты неожиданно умер, перед этим он не болел, и произошло это в доме господина Луна.

Я верю, что разговоры о домах, приносящих несчастье,— не пустая болтовня.

Бывший мой учитель, господин Чэнь Бо-яй, говорил: «Живущий в доме, приносящем счастье, не обязательно счастлив, но с живущим в доме, приносящем несчастье, обязательно случится несчастье. Это так же, как не обязательно, чтобы человек выздоровел от теплого ветра, но жестокий

* 1771 г.

холод или зараза от вредных испарений мгновенно вызывает болезни; хорошее лекарство не обязательно поможет человеку, но если принять огромную дозу, то лекарство повредит.»

Во всем этом есть свои закономерности, и спорить с этим, основываясь на предопределениях судьбы, невозможно.

В книге *Мэн цзы* есть такая фраза:

«...тот, кто знает веления [Неба], не становится под стеной, грозящей обвалом» [2].

[437. Небо посылает бурю в ответ на жалобы женщины, насильно выдаваемой замуж.

438. Разговор человека с бесом о путях живых и мертвых.

439. Служанка, на могиле которой сожгли недостаточно бумажных денег, дважды воскресает из мертвых.

440. Человек разговаривает с чиновником Царства мертвых о правосудии в Царстве мертвых.

441. Человек подслушивает разговор двух лис-оборотней об обольщенных ими людях.

442. Судья Царства мертвых карает человека за совершенные им в молодости проступки.

443. Лиса обольщает мальчика, который, будучи в прошлом перерождении монахом, обольстил ее, когда она была молоденькой девушкой.

444. Проделки нечисти, дурачащей людей.

445. Нечисть преследует человека, занявшего ее жилье.]

(446.) Мой родственник Чэн Е-юань жил в старом доме Цао Чжу-сюя; однажды вечером он был неосторожен с огнем, и все рукописи, картины и антикварные вещи сгорели дотла. Среди них была сделанная Чу Хэнаньцем [1] копия предисловия к «Орхидеевой беседке» [2] в одном свитке, стоила она 500 лян серебром. В тот момент, когда Чэн Е-юань в отчаянии подумал о том, как он может возместить ее стоимость, он неожиданно нашел эту рукопись в золе. Футляр и материя, в которую был завернут футляр, сгорели, но в самой рукописи ни один знак не пострадал.

Мой двоюродный брат Чжан Гуй-янь гостил в это время у Чэн Е-юаня и видел это собственными глазами.

Не значит ли это, что, как говорил Бо Сян-шань [3], повсюду есть охраняющие нас духи? А может быть, то, что должно

быть уничтожено, тоже предопределено и эта тетрадь не входила в число вещей, которые должен был погубить огонь?

Во всяком случае, эта история странная, и она может послужить прекрасной иллюстрацией для любителей поучений.

[447. Человека пугает дух женщины, умершей когда-то в доме, где он живет.

448. Рассуждение о предопределенности событий.

449. Рассуждение о том, каким может родиться ребенок от человека и лисы-оборотня.

450. Лиса-оборотень по неизвестной причине избегает встреч с молодым военным.

451. Тигры не едят людей, творивших добро.

452. Рассуждение о том, не являются ли блуждающие огни духами деревьев.

453. Стихи, написанные на тушечнице.

454. Добродетельный человек заболевает непонятной и неизлечимой болезнью.

455. В наказание за непочтительность к свекрови на женщину насылается болезнь.

456. Рассуждение о буддийских законах.

457. О странных отблесках света на море.

458. Смерть неправедного чиновника.]

(459.) У Линь-тан из Уцзяна рассказывал:

«Среди моих двоюродных братьев был один, который имел связь с лисой-оборотнем, что хотя и не привело к тяжелой болезни [1], но вызвало в нем какую-то вялость и утомление. Это очень тревожило его родителей, и они спросили у странствующего буддийского монаха, не может ли он изгнать лису и излечить их сына.

Монах ответил:

— Связь между вашим сыном и этой нечистью — давняя, она идет еще с прошлого перерождения. Вреда она ему не приносит, но он сам слишком к ней пристрастился. Однако боюсь, что, хотя нечисть и не причиняет вреда молодому господину, он сам неизбежно причинит себе вред; так что ее надо изгнать.

В тот же вечер монах пришел к ним в дом, уселся, поджав под себя крестообразно ноги [2], и стал читать вслух мо-

литвы-заклинания. Домашние издали увидели при свете лампы, как появилась молодая женщина в вышитых одеждах и, отбивая поклоны, приблизилась к монаху.

Монах замахнулся мухогонкой и сказал:

— Не случится ли так, что, оставаясь здесь, пока не исчерпается ваша связь, вы лишите себя радости в будущем перерождении?

Лиса исчезла и больше уже не появлялась.»

Линь-тан был знаком с этим удивительным монахом и попросил его рассказать историю о любовных встречах с духами и бессмертными.

Монах ответил так:

«С древности рассказывают об этом [истории] и сохраняют их в записях; слагают басни, прикрываются чужими именами, любят насмехаться и лгать, чтобы поразить слушающих. Бывает, что приукрашивают распущенность, чтобы создать интересную тему для разговора; есть такие, которым и вовсе нечего сказать, и они выдумывают всякие непристойности, как поэты, пишущие любовные стихи. Все эти рассказы на восемь-девять десятых лживы, достоверных среди них не больше одного или двух из десяти, да и из этих одного-двух большинство повествует о талантливом бесе или чудесно одаренной лисе, о духах цветов или деревьев, но не о бессмертных, а то, что рассказывают о бессмертных, всегда лживо.

Ведь вообще-то бессмертный дух прямодушен и одарен умом, бессмертный свободен [от всего наносного] и чист душой. Так разве могут быть знаменитые бессмертные, которые жили бы в даосских монастырях, изготовляя эликсир долголетия, и путались бы с развратницами, заманивая их на «свидания в тутовые рощи»?»

Линь-тан был восхищен ученостью этого монаха. Такого он никогда не встречал раньше.

В то время, когда произошла эта история, Линь-тан не осведомился об имени монаха.

Впоследствии я стал расспрашивать Чжун-цяо, сына Линь-тана. Он ответил мне:

— Когда я видел этого монаха, мне было только пять

или шесть лет, в то время я не слыхал, чтобы его называли по имени, а сейчас уже не у кого выяснить. Помню только, что произношение у него было, как у жителей Ханчжоу.

[460. Дух, вызванный гадателем, отказывает наглецу, требующему у него секрет эликсира долголетия.

461. Рассказ о гадателе и вызываемом им духе.

462. Предсказание, сделанное женщине духом ее покойной дочери, явившимся ей во сне, сбывается.

463. Человек, пытавшийся подглядывать за лисой-оборотнем, наказан.

464. Человек, увидевший нечисть, умирает.

465. Человек слышит, как бес читает стихи.

466. Лиса заставляет человека выехать из дома, где она давно живет.

467. Лиса ведет себя умнее и вежливее, чем буян-слуга.

468. Нашествие летучих мышей.

469. Нечисть наказывает хвастающегося своей храбростью слугу.

470. Кара в Царстве мертвых может настигнуть человека и через много лет после того, как он совершил преступление.

471. Бесы расправляются со старухой, хваставшейся своей дружбой с лисой.

472. Вещий сон сбывается.

473. Рассуждение даоса об игре в шахматы, приложимое к стратегии вообще.]

(474.) Достопочтенный Ань Цзе-жань, мой двоюродный дядя, рассказывал:

«У арендатора Лю Цзы-мина семья была большая и зажиточная. В кладовой у них уже несколько десятков лет жила лиса, никому не причинявшая никакого беспокойства. Только во время принесения сезонных жертвоприношений приходилось подносить ей пять чарок вина и несколько куриц. Если начинался пожар или забирался вор, она стучала в ворота или подавала голос у окна, чтобы предупредить хозяина. Все было спокойно в доме Лю Цзы-мина.

Однажды Лю услышал, как лиса неудержимо хихикает. Спросил ее, в чем дело, но она не ответила, а стала смеяться еще сильнее. Тогда он разозлился и обругал ее.

— Я смеюсь про себя,— неожиданно отозвалась лиса,— над тем, кто заключил союз с названым братом, а пострадал от этого родной брат. Я смеюсь про себя над тем, кто щедро

оделил сына первого мужа своей жены, а своего сына от покойной жены обездолил. Почему мой смех смог вызвать у вас такой гнев, господин?

Лю стало очень стыдно, и он ничего не мог ответить.

Вдруг сверху снова послышался голос лисы, процитировавшей из «Бесед и суждений»[1]: «Можно ли не послушаться сурового предостережения? В нем ценно то, что оно вызывает изменения [в поведении того, кому адресовано]. Можно ли не радоваться мягкому увещеванию? В нем ценно то, что оно вскрывает основной смысл [слов, в нем заключенных]».

Лиса несколько раз вздохнула и умолкла.

С этих пор Лю изменил свое поведение.»

Впоследствии я рассказал об этой истории Шао Ань-гу, и он сказал:

— Даже самый близкий друг и то счел бы для себя затруднительным произнести такое, а вот лиса смогла. Столь откровенное и серьезное рассуждение воспринять трудно, но лиса сумела шутливо преподать его. Что мог бы к этому прибавить даже сам Дунфан Мань-цянь[2]? Если бы мне довелось попасть хотя бы к сараю этого Лю, я непременно отвесил бы перед дверью три низких поклона.

[475. Небо спасает женщину, которую чуть не съели людоеды.

476. Корова и лошадь крестьянина, ненавидящие друг друга, видимо, были врагами в прежних их перерождениях.

477. Дух покойного отца отговаривает сына затевать тяжбу.]

(478.) Есть такой способ гадания: на стену прикрепляют белую бумагу, сжигают амулет, вызывающий духа, и велят мальчику лет пяти-шести смотреть на бумагу. Он наверняка увидит, как на бумаге внезапно появляется большое круглое зеркало. В этом зеркале проходят люди, о будущем которых гадают, они похожи на тени, но видны отчетливо.

Пан Доу-шу владел этим искусством гадания.

Один учащийся, давний знакомый Пан Доу-шу, воспылал как-то страстью к женщине и стал умолять Доу-шу устроить тайное гадание, чтобы узнать, удастся ли ему сойтись с этой женщиной.

— Разве можно такими делами докучать духам? — удивился Доу-шу.

Но студент так настаивал, что Доу-шу пришлось сжечь амулет. Мальчик очень долго глядел в зеркало и наконец сказал:

— Я вижу беседку, в ней стоит лежанка, а на ней сидит Третья госпожа с каким-то молодым человеком.

Третья госпожа — это была покойная жена студента.

Студент начал обвинять мальчика во лжи, тогда Доу-шу, громко рассмеявшись, сказал:

— Я тоже ее вижу, и, кроме того, в беседке есть еще доска с надписью, но мальчик не умеет читать.

Студент сердито спросил, что написано на доске.

— Там написано: «Не делай другому того, чего не пожелаешь себе»,— ответил Доу-шу.

Студент промолчал и ушел, обиженный.

Некоторые говорили: «Доу-шу сжег не настоящий амулет, и он заранее подкупил мальчика пирожками и научил его, что говорить».

Это очень правдоподобное объяснение; хотя и говорят, что насмехаться над людьми нехорошо, но зато Доу-шу не утратил понимания того, что его долг — предотвратить ошибку друга.

[479. Волшебная игрушка, танцевавшая по ночам.]

(480.) Супружеская чета может познакомиться еще в предшествующем перерождении, как это было с Вэй Гао и Юйсяо [1], такое иногда случается.

Ли Си-яй из Цзинчжоу рассказывал:

«В год *и-чоу* * на столичном экзамене на степень *цзиньши* я видел одного *цзюйжэня* из Гуйчжоу. Он рассказывал, что в доме одного простолюдина, его земляка, родился сын, который, едва научившись говорить, сказал:

— В прошлом перерождении я был дочерью такого-то, фамилия мужа моего такая-то, имя такое-то. В год моей смер-

* 1745 г.

ти мужу было столько-то лет, а в этом году ему исполнилось столько-то.

Место, где этот мальчик жил в своем прошлом перерождении, было на расстоянии нескольких дней пути от того места, где он родился теперь, и слухи о его рассказе не очень скоро дошли до старого его дома.

Когда мальчику было уже лет четырнадцать или пятнадцать, прежний муж узнал об этой истории и отправился на поиски своей покойной жены. Когда они встретились, оба зарыдали, начали вспоминать события прежней своей жизни, дополняя друг друга. Когда пришла ночь, они улеглись вместе, крепко обнявшись. Мать мальчика не могла запретить этого, но, чувствуя беспокойство, стала подслушивать их разговор. Когда потушили свечу, она услышала любовный шепот, страшно рассердилась и выгнала мужчину, называвшего себя мужем. Мальчик от негодования и тоски перестал принимать пищу, а муж ни за что не соглашался уехать из этих краев и поселился на постоялом дворе.

Однажды, когда случайно ослабили надзор за мальчиком, ему удалось бежать вместе с мужем, и больше о них никто ничего уже не знал.»

Странно! Такого и в древности не слыхали. Об этом можно сказать: дали волю своему чувству, не останавливаясь перед мыслью о долге перед родителями или о правильном поведении!

[481. Дочь наказана за жестокость матери по отношению к служанкам.

482. Дух мертвого в благодарность за то, что человек не дал в обиду его жену, охраняет его от беды, когда тот напился пьяным.

483. Бесы или духи наказывают грабителей, потревоживших могилу добродетельного человека.

484. Три примера того, что нечисть, овладевшая человеком, может говорить его устами.]

(485.) В Цзинь убили циньского [1] шпиона, но через шесть дней он воскрес. Возможно, что его удавили веревкой или забили палками, поэтому он и смог ожить [2]. Но неизвестно, не прикинулся ли он мертвым, чтобы потом воскреснуть.

Комментарии к древним текстам ограничены определенной структурой, мешающей описывать всякие мелочи, как это делается в повествовательной литературе.

Арендатор Чжан Тянь-си был мертв уже семь дней, как вдруг его мать услыхала стук в гробу. Открыли гроб и увидели, что Тянь-си ожил.

— Что ты видел после смерти? — спросили его.

— Ничего не видел и не знал, что прошло уже семь дней,— ответил он.— Я мгновенно погрузился в сон и также мгновенно проснулся.

В это время в моем доме гостил один старый начетчик. Услыхав об этой истории, он стал хлопать себя по бедрам и подскакивать от восторга, восклицая при этом:

— Чжу Си и братья Чэн — истинные мудрецы! О бесах и духах ни Конфуций, ни Мэн цзы не осмелились вынести своего суждения, и только эти трое великих посмели судить. То, что сегодня мертвый ожил, соответствует тому, о чем они говорили, а разве могло бы это случиться, если бы они не были подлинными мудрецами?

А я полагаю, что у Тянь-си был приступ удушья, он не узнавал никого, и его семья ошибочно посчитала его мертвым, когда он не был мертв.

В «Исторических записках» приводится случай с наследником престола Го[3]. Неужели же старый начетчик их не читал?

[486. Награды и наказания, поощрение и осуждение не всегда могут направить человека на путь праведный.

487. Лиса-оборотень водит за нос сластолюбивого монаха.]

(488.) У Хой-шу рассказывал:

«Был некий врач, человек осторожный и осмотрительный. Однажды ночью какая-то старуха принесла ему пару золотых браслетов, чтобы он продал ей лекарство, вызывающее выкидыш. Врач очень испугался и резко отказал ей.

На следующий вечер старуха пришла снова и принесла две жемчужные диадемы. Врач еще больше испугался и силой выгнал старуху.

Прошло более полугода, и врачу неожиданно приснилось, что по обвинению в убийстве его привели к судье Царства мертвых. Представ перед судьей, он увидел женщину с распущенными волосами и красным платком на шее[1], которая, обливаясь слезами, рассказала, как он отказался продать нужное ей лекарство.

— Лекарство служит для спасения жизни, как же я мог решиться убить им человека ради собственной выгоды? — возразил врач.— Ты поплатилась за свое развратное поведение, при чем здесь я?

— Когда я просила лекарство,— ответила женщина,— ребенок еще не оформился в моем чреве, и, если бы вы помогли избавиться от него, мне не пришлось бы умереть, был бы уничтожен бесчувственный сгусток крови и сохранен взрослый человек. Раз вы не дали лекарства, мне пришлось рожать; в результате ребенок задохнулся, а ко мне все так относились, что я вынуждена была повеситься. Вы хотели сохранить одну жизнь, а погубили две. Если вы не виноваты, так кто же виноват?

Судья Царства мертвых вздохнул и сказал:

— Ты рассуждаешь применительно к своим обстоятельствам, а он придерживался нравственных норм. Разве со времени династии Сун[2] один только он такой, что придерживается лишь нравственных норм, не считаясь с тем, насколько они применимы к обстоятельствам? Оставь его в покое!

Судья ударил кулаком по столу, врач вздрогнул и проснулся.»

[489. В Царстве мертвых богатство и знатность — пустой звук по сравнению с добродетелью. Поэтому добродетельного бедняка там награждают, а злого богача карают.]

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

[490. Лиса, живущая в доме ученого, обвиняет слуг, вступивших в тайную связь со служанками.

491. Духи покойных следят за благополучием своих родных.

492. Человек во сне разговаривает с покойным другом о загробном существовании душ.

493. Душа умершего следит за тем, что происходит в его семье.
494. Лиса упрекает человека за развратное поведение.]

(495.) Мой дядя со стороны матери, достопочтенный Чжан Мэн-чжэн, рассказывал:

«К западу от деревни Уцзячжуан, где я жил, на дороге умер нищий. Его собака сторожила труп, не отходя от него. Ночью прибежал волк, но собака, свирепо оскалив зубы, не подпустила его к телу своего хозяина. Потом собралась целая стая волков. Лишившись сил, собака упала, и они сожрали ее, осталась только голова с широко раскрытыми, полными гнева глазами, словно собака все еще рвалась разорвать волков в клочья.

Один арендатор, сторживший свою бахчу, видел все это собственными глазами.»

И еще был случай. К Чэн И-мэню в Урумчи ночью в дом забрался вор. Он уже перелез через забор и хотел проникнуть в комнату, как вдруг собака Чэна укусила его за ногу. Ударом ножа вор убил ее, но собака не выпустила его ногу из зубов, и благодаря этому вора схватили.

В это время у Чэн И-мэня был слуга по имени Гун Ци-лун, который, проявив неблагодарность, ложно оговорил своего хозяина. Поэтому все говорили, что в доме Чэна было два необычных существа — одно с внешностью человека и душой зверя, а другое — с внешностью зверя, но человеческой душой.

[496. Цепь предзнаменований.
497. Волшебная птица предостерегает человека от опасности.
498. Дух покойного предсказывает срок смерти человека.
499. Бык похищает девочку, ее спасают пастухи; видимо, в прошлом перерождении девочка причинила вред быку.
500. Дяо Фэй-вань рассказывает о лисе, рассердившейся на двух начетчиков, которые засиделись в храме, где было жилище лисы.]

(501.) А еще Дяо Фэй-вань так рассказывал:

«Был один студент, очень смелый, он все время мечтал повстречать беса, но это ему не удавалось. Однажды вечером, когда небо после дождя прояснилось и ярко светила луна,

он приказал маленькому рабу отнести на кладбище вино. Оглядевшись по сторонам, он вздохнул:

— Грустно одному прогуливаться в такую прекрасную ночь. Не согласится ли кто подняться из Желтых истоков, чтобы выпить вместе со мной?

Вдруг он увидел, как замелькали блуждающие огоньки в траве. Он позвал снова, и десяток теней окружили его, держась на расстоянии чжана с лишним; не подходя ближе, тени остановились. Тогда он зачерпнул большую чарку вина и обрызгал их. Тени втягивали в себя аромат вина, а одна из них сказала, что вино хорошее, и попросила, чтобы он снова налил.

Наливая вино, студент спросил:

— А почему вы все не перевоплощаетесь?

Тень ответила:

— Те, кто вел праведную жизнь, рождаются снова. Те же, кто творил зло, сходят в ад. Нас здесь тринадцать. Четверо, грешившие мало, ждут перерождения; девять же не дождутся его — слишком они погрязли в грехах.

— А почему бы вам не покаяться и не молить об отпущении грехов?

— Каяться следует до того, как умер, а после смерти покаяние не имеет силы.

Вино уже иссякло. Студент поднял сосуд и показал, что он пуст. Духи покойных собрались уходить, как вдруг один из них обернулся и наставительно проговорил:

— Голодным духам, которых вы угостили вином, нечем вас отблагодарить, разве только передать вам один завет: «Каяться следует до того, как умер».»

[502. Человек, погибший на поле боя, снова воскресает.

503. Члены семьи мясника, убившего несчетное количество быков, умирают в мучениях.

504. Дух, вызванный гадателем, советует человеку, как жить счастливо: не спешить радоваться, когда повезло, не спешить жаловаться, когда не повезло.

505. Небо награждает почтительную невестку.

506. Бесы карают человека за корыстолюбие.

507. Бес смеется над вновь назначенным чиновником, зная, что тот скоро совершит серьезный проступок.

508. Нечисть пугает труса-начетчика.

509. Серия рассказов о том, как Небо карает развратных чиновников, злоупотребляющих своим положением.]

(510.) Достопочтенный господин из Яоани рассказывал: «Как-то раз, когда я был в доме дяди, достопочтенного Чэн Дэ-иня, начался сильный ливень, не прекращавшийся с девяти часов утра до часу дня. Все, что попадало под дождь, покрывалось пузырьками пенящейся воды. В это время домашний учитель, старый конфуцианский начетчик, вел занятия. Ученики, поклонившись, спросили его:

— Какое же в конце концов «разумное начало» заложено в этом ливне?

Отвернувшись к стене, начетчик ответил:

— Учитель не говорил о чудесах [1].»

[511. Лиса мстит обругавшему ее начетчику.

512. Скупой ученый наказан нечистью за скупость.

513. Умерший не может и после смерти забыть своих близких.

514. Умерший и после смерти продолжает заботиться о своих близких.

515. Дядя после смерти помогает ограбленной племяннице.

516. Лисы натравливают друг на друга обидевших их слуг.]

(517.) В год *сы-вэй* правления под девизом Цянь-лун * один *цзюйжэнь* перед столичными экзаменами проходил как-то по Юнгуансы сицзе [1] и увидел красивую женщину, стоявшую у ворот. Она очень ему понравилась, и он поручил свахе походатайствовать за него, дав ей сотню лян для этой женщины. Затем он зашел к ее родным, и они пришлись по душе друг другу.

Возвращаясь с экзаменов, он увидел, что окна в доме женщины разбиты, стены в пыли, а людей нет ни души. Кучи грязи лежали там, как на помойке, накапливавшейся годами.

Цзюйжэнь пошел спрашивать соседей.

— Этот дом давно пустует,— ответили ему,— а семья, о

* 1799 г.

которой вы говорите, жила здесь немногим больше месяца. Как-то вечером они уехали отсюда, никто не знает куда.

Кто-то сказал:

— Это лисы. В старых рассказах часто встречаются упоминания о подобных случаях.

— Женщина была приманкой,— сказал кто-то другой,— присвоила деньги и уехала далеко отсюда, подражая лисьим повадкам.

Да, но если лиса подделывается под человека, на это нужна хитрость. А если человек подделывается под лису, не бóльшая ли нужна хитрость для этого? Я прожил в столице лет пятьдесят-шестьдесят, сходных случаев знал немало, но такого — ни одного!

[518. Лиса рвет любовную связь с человеком, боясь причинить ему физический вред.]

(519.) Господин Дай Суй-тан рассказывал:

«Я как-то видел одного именитого человека, который в восьмой день четвертой луны пришел в храм Будды, чтобы совершить церемонию покаяния, отпустив на волю птиц. Когда он шел между цветами, ему повстречался странствующий монах. Сложив руки для приветствия, монах спросил:

— Что привело сюда господина?

— Желание совершить доброе дело.

— А почему вы решили совершить доброе дело именно сегодня?

— Потому что сегодня — день рождения Будды.

— Значит, в день рождения Будды надо совершать добрые дела? А в остальные триста пятьдесят девять дней не надо? Вы сегодня отпускаете птиц на свободу, и это зримая заслуга, которая вам зачтется, но разве вы не знаете, сколько птиц убивает ваш повар, готовя вам пищу?

Сановник не нашелся, что ответить.

В это время появился монах высшего ранга, который сказал:

— Благородный человек придерживается закона, три дра-

гоценности[1] сияют новым блеском. Как же осмеливается какой-то нищий монах нести вздорные речи?

Странствующий монах засмеялся и сказал, уходя:

— Поскольку монах в лиловых одеждах[2] не скажет этого, то пришлось сказать нищему монаху.

Пожав плечами, он удалился. Никто не знал, куда он ушел.

Один старый монах, вздохнув украдкой, заметил:

— Этот монах не очень-то разбирался в делах, но зато слова его о нашем учении прозвучали, как львиное рычание.»

Когда-то Мин-юй, буддийский монах с горы Утай, сказал:

— Если сердце всегда полно думами о Будде, то злые намерения не возникнут; если же в неустановленные дни читают молитвы, то делают это, чтобы приобрести заслуги. Если ежедневно будут поститься, то исчезнет ремесло тех, кто убивает животных; если же выбирают для поста несколько дней в месяц, то этим приобретают заслуги. Готовят лакомые блюда, с утра до вечера насыщаются, а в такие-то и такие-то дни установленных месяцев не едят мяса — и это называется быть хорошим человеком! Но разве назовут бескорыстным беззастенчивого чиновника-взяточника, того, кто открыто берет взятки, если он в такие-то и такие-то дни установленных месяцев и не будет брать взятки!?

Эти слова совершенно совпадают с теми, что говорил тот странствующий монах.

Главный цензор Ли Син-пу[3], однако, сказал так:

— Не в пользу ли их веры это рассуждение? Подлинный ученый питается всю жизнь скромно, его и силой не заставишь изменить этому. Но если ему придется соблюдать пост в определенные дни, то эти дни можно считать вычеркнутыми из его жизни; если же несколько человек будут соблюдать пост, то их можно будет снять со счетов. Так не лучше ли совсем не соблюдать постов?

В этом рассуждении также проявляется и мудрость и человечность, и в этом тоже есть свой смысл. Не знаю, легко ли было бы Мин-юю оспорить это, если бы он оказался здесь!

[520. Дух недавно умершего человека напоминает своему знакомому о том, что тот не вернул долг его семье.

521. Дурное предзнаменование сбывается.]

(522.) В опасном месте или в месте, к которому торопишься прийти, внезапно можешь быть застигнут врасплох. Явления, кажущиеся бессмысленными или иррациональными, могут иметь свои причины. Исключительное не может быть подогнано под норму.

В моем родном краю какая-то старуха, ведя за собой несколько десятков других старух, вдруг без всякой на то причины ворвалась в один дом в соседней деревне и в начавшейся суматохе силой похитила дочь этих соседей.

Думали было, что это месть с ее стороны, но оказалось, что она никогда не встречалась с этой семьей. Предполагали, что она хотела отдать девушку в жены своему сыну, но у старухи не было сына. Соседи удивлялись и не могли найти объяснения случившемуся.

Семья похищенной девушки обратилась с жалобой в суд. Был издан приказ арестовать старуху, но она успела бежать, взяв с собой девушку, и следов ее найти не удалось. Другие старухи, участвовавшие в похищении, тоже скрылись кто куда. Многие были арестованы по этому делу, всех их без конца допрашивали, и наконец один человек выложил все начистоту:

— У старухи был сын, он заболел чахоткой, и перед его смертью старуха, обнимая его, воскликнула:

«Видно, судьба тебе умереть! Но, увы, после тебя не останется мне внука, и твоим родителям суждено влачить существование голодных духов[1]».

Сын простонал:

— Надежда на внука есть, хотя и не обязательно, что родится мальчик. У меня была тайная связь с девушкой из такой-то семьи, она на восьмом месяце беременности. Боюсь, что если она родит, то ребенка могут убить.

После смерти сына старуха дней десять все ахала да охала и вдруг решилась на такой шаг. Видно, хотела успеть до родов.

— Тогда ее нечего и разыскивать, сама вернется по прошествии двух-трех месяцев,— сказал судья.

И верно, в назначенный срок старуха явилась к судье с повинной, неся на руках своего внука. Судья решил не налагать тяжелого взыскания, а ограничился штрафом.

Все произошло молниеносно. Старуха была быстрая, как дух.

Ань Цзин-хань сказал:

— Старуха, похитив девушку, бежала ночью, другие старухи уселись на три телеги, и все разъехались в разные стороны, поэтому неизвестно было, где они. Кроме того, они поехали не по главной дороге, а кружили по задворкам, по переплетению дорог, и поэтому никто не знал, в каком направлении они ехали. Днем они ехали, а ночью спали, нигде не задерживаясь ни на день. Только когда пришло время родов, они поселились в помещении, снятом старухой. Поэтому никто не знал, где они. Все это было тщательно продумано старухой, проявившей большую изобретательность.

Когда девушка вернулась в родную деревню, ее родители отказались от нее, и она вместе со старухой растила своего сына-сироту, так и не выйдя замуж. Правда, начала она с того, что вброд перешла реки Чжэн и Вэй[2], поэтому и не достигла того, чтобы добродетель ее была прославлена. И я тоже не стану обнародовать фамилию ее семьи.

[523. Мыши, съевшие любовное зелье, обезумевают и гибнут.
524. Не только время, но и место смерти человека предопределено.]

(525.) Люди и твари принадлежат к разным породам, а лисы находятся где-то посредине. У живых и мертвых пути различны, лисьи пути лежат где-то между ними; бессмертные и оборотни идут разными дорогами, а лисы — между ними. Поэтому можно сказать, что встреча с лисой — событие удивительное, но можно сказать и так, что встреча с лисой — дело обычное.

Во времена Трех первых династий[1] на этот счет не было надежных сведений.

В «Исторических записках», в «Родословной Чэнь Шэ»[2], говорится: «...зажег факел и поставил его в плетенку; подражая голосу лисы, кричал: «Воспрянет великое княжество Чу, а Чэнь Шэ будет его государем»». Это можно считать свидетельством того, что уже в то время лиса считалась необычной.

В «Записях о разном из Западной столицы» У Цзюня[3] сказано: «Ученый Ван Фа из Гуанчуани ранил лису, спрятавшуюся в могиле, потому что ему приснился старик, который пришел жаловаться на обиду». Это первое упоминание о том, что лиса превращается в человека, при династии Хань.

В «Записках, сделанных при дворе и в народе» Чжан Чжо[4] говорится, что с начала династии Тан простой народ так часто имел дело с лисами и духами, что в то время постоянно говорили: «Если нет лис или другой нечисти, это не деревня». Эта поговорка имела наибольшее распространение при династии Тан.

В *Тай-пин гуанцзи* целых двенадцать глав посвящено записям о лисах[5], и девять десятых рассказов танского времени могут служить подтверждением этому.

То, почему записи в книгах не похожи одна на другую, подробно объяснено в рассказанном господином Лю Ши-туем.

Когда-то к югу от Цанчжоу жил один наставник, который подружился с лисом и познакомил с ним Лю Ши-туя. У этого лиса было короткое туловище, видом своим он напоминал невысокого мужчину лет пятидесяти-шестидесяти. Его одежда и головной убор были не из тех, что носили в старину, но не походили и на современные. Лиса этого можно было принять за даосского монаха. Он отвесил приветственные поклоны гостю, и вид у него при этом был безмятежно-спокойный. После первых положенных расспросов о здоровье лис почтительно осведомился у Лю Ши-туя о цели его визита, и Ши-туй сказал:

— Существует много странных рассказов о смертных, вступавших в тесную связь с особами вашей благородной

породы, многие из этих рассказов не совсем ясны. Я слышал, что вы, достопочтенный, великодушны и не скрытны, поэтому и прошу вас рассеять мои недоумения.

— Небо рождает мириады созданий,— с улыбкой ответил лис,— и у каждого из них есть свое имя. Лису зовут лисой, точно так же как человека зовут человеком; названная лисой и является лисой, так же как названный человеком является таковым. Что же тут скрывать? А что касается того, что среди нас не все одинаковы, что есть хорошие и есть дурные, так ведь и среди людей не все одинаковы: есть люди благородные, но есть и порочные. Люди не скрывают людских пороков, зачем же лисам обязательно скрывать лисьи пороки. Я расскажу вам все без утайки.

— Есть ли между лисами различия? — спросил Ши-туй.

— Вообще, все лисы могут воспитывать в себе способность проникать в суть вещей,— ответил лис,— но самые проницательные из нас зовутся *биху*; это как у людей — грамотных крестьян мало, а грамотных начетчиков не счесть.

— *Биху* так и рождаются премудрыми?

— Это зависит от категории,— последовал ответ.— Те, кто родился, не постигнув *Дао*[6], это обыкновенные лисы; те же, кто родился, постигнув *Дао,* могут превращаться [в людей].

— Значит, те, кто постиг *Дао,* могут сохранять молодость, а вот в рассказах пишут, что лисы иногда являются в виде старика или старухи, как же это? — спросил Ши-туй.

— Под постижением *Дао* подразумевается человеческое *Дао* — Путь; лисы едят и пьют, как люди, рождаются и старятся, болеют и умирают, как люди; вообще же, тех, кто способен высоко взлететь, проявив себя в каком-нибудь деле, мало, как среди сотен тысяч людей лишь один или двое способны сделать служебную карьеру. Те, кто занимается тренировкой и дисциплинирует себя, подобны людям, обретающим славу путем накопления знаний; те же, кто чарами завлекает людей, подобны тем, кто добивается успеха наилегчайшими способами. Но для того чтобы гулять по островам Бессмертных или воспарить в Небеса, необходимо совершен-

ствовать себя. Те, кто завлекает с помощью чар, причиняют много вреда и часто нарушают небесные законы.

— А кто ведает запретами, наградами и наказаниями? — спросил Ши-туй.

— Мелкими наградами и наказаниями ведают старейшие,— ответил лис,— а в серьезных случаях награды и наказания находятся в ведении сонма духов и бесов. Если бы не было запретов, то бестелесные духи носились бы повсюду, проникали бы везде, не нуждаясь в дорогах, и не было бы такого, чего бы они не могли сделать.

— Но ведь те, кто своими чарами завлекает людей, поступают против закона *Дао,* почему же не запретить им этого, а обязательно ждать, пока они причинят вред человеку, и только после этого карать их?

— Это похоже на случай, когда человек с помощью хитросплетений выманивает у другого его богатство, да так, что тот еще радуется, что оказал помощь,— ведь за это ваши государственные законы не карают. А вот когда грабят и убивают, этому оказывают противодействие. В «Жизнеописаниях бессмертных»[7] имеется рассказ о старухе из семьи Цзю, а разве случалось, чтобы осмеливались оказать противодействие каре, назначенной в Царстве мертвых?

— Я слышал,— сказал Ши-туй,— что лисы рожали людям детей, но вот не слыхал, чтобы женщина родила ребенка-лису. Так ли это?

— Такое рассуждение ничего не стоит,— снисходительно усмехнулся лис,— разве бывает так, чтобы было у кого взять, да некому было дать?

— Не ревновала ли Ткачиха Волопаса[8]? — спросил Ши-туй.

Лис снова усмехнулся:

— Вы слишком безответственно судите о том, чего не можете знать в подробностях. Вообще, женщины, как в истории Цзи-цзи и Цзэн-цзы[9], могут сами выбирать себе пару, но если у женщины есть предназначенная ей пара, то она не смеет преступать пределы. Бывает, что мужчина подарит гортензию или орхидею[10], случайно нарушив правила по-

ведения; но человеческие чувства подчиняются естественным законам, поэтому у разных людей они сходны, и их можно понять на отдельных примерах.

— Некоторые из вас селятся в домах людей, а другие живут на пустырях, почему это? — спросил Ши-туй.

— Тем, кто не постиг *Дао,* кто не расстался со своей звериной сущностью, надлежит оставаться вдали от людей, и для них нет места лучше, чем леса и горы. Те же, кто постиг *Дао,* во многом равны людям, и им хорошо вблизи людей, для них нет места лучше, чем город. Те, чей путь устремлен ввысь, могут жить и в городе, и среди гор и лесов, подобно тому как богатые и знатные семьи, которым доступно все, могут жить в захолустье так же хорошо, как в столичном округе.

Ши-туй заметил, что основная цель лисы — побуждать людей к изучению *Дао.* Лис сказал:

— Только после тяжкого сто- или двухсотлетнего труда мы начинаем обретать возможность принимать человеческий облик, вы же и вам подобные являетесь на свет людьми; больше половины отпущенного вам времени уже истекло, и все попусту. Вы исчезнете, как высохшая трава или сухое дерево, и это очень досадно!

Будучи человеком начитанным в буддийском каноне, Ши-туй навел речь на буддийское созерцание, но лис уклонился от этой темы, заметив:

— Буддисты занимают весьма высокое положение, однако те, кто еще не достиг самоусовершенствования, проходят перерождения и утрачивают свой первоначальный облик; не лучше ли искать бессмертия, чтобы иметь уверенность? Я всегда любил знание и не могу менять своих убеждений.

Прощаясь с лисом, Ши-туй сказал:

— Наша сегодняшняя встреча была для меня громадным счастьем, не удостоите ли вы меня, сударь, каким-нибудь наставлением на прощание?

Лис довольно долго колебался и наконец сказал:

— То, что после Трех династий, пожалуй, не было любящих славу,— это говорилось для низов общества. С древно-

сти совершенномудрые были безмятежно спокойны и не занимались пустыми выдумками [11]. А вот последователи Ван Ян-мина с самодовольным видом не переставали создавать всякие затруднения и головоломки. Помните это, почтеннейший.

Ши-туй ушел с разочарованным видом.

Вообще-то, попав в затруднительное положение, Лю Ши-туй оказался слишком уж педантичным.

[526. Разговор лис о *Дао*-Истине.

527. Бесы по непонятной причине боятся встретиться с курьером.

528. Покойный отец, явившись во сне сыну, упрекает его в пристрастии к тяжбам.

529. Небо карает любителя тяжб.

530. Трудности вынесения справедливых судебных приговоров.

531. Рассказ о бесах, насылающих болезни.

532. Дух покойного отца предостерегает сына от развратных друзей.]

(533.) Некий студент Ван из Уцзюньсая рассказывал:

«Старый крестьянин ночью сторожил жужубы и увидел, как что-то, похожее на человеческую тень, мелькнуло за деревьями. Решив, что это вор, он притаился и стал караулить его. Внезапно слева появился какой-то человек и подошел к нему.

— Чего вы здесь остановились? — спросил крестьянин.

— Когда меня клали в гроб,— ответил этот человек,— некто стоял в стороне и про себя злорадствовал. Я более двадцати лет таил на него злобу. Сейчас он тоже расстался с жизнью, и я поджидаю здесь, пока его поведут на загробный суд.

Какую же ненависть питал он к тому человеку!»

[534. О принесении жертв голодным бесам.

535. О хвастливой самоуверенности сунских неоконфуцианцев.

536. Лев, которого прислали из-за океана в подарок китайскому двору.

537. Дух, вызванный гадателем и именующий себя человеком эпохи Тан, пишет стихи, отличающиеся от танских канонов стихосложения.

538. Волшебное зеркало, выкопанное из земли.

539. О могильной надписи, раскопанной в Сяньсяни.

540. Лиса заставляет человека уступить ей дом, где она жила много лет.

541. *Даосы* владеют секретом оживления мертвых.]

(542.) Жэнь Цзы-тянь [1] рассказывал:

«В одной деревне некий человек шел ночью и при свете луны увидел, что между соснами и туями, растущими у могилы, разговаривают двое: юноша лет шестнадцати-семнадцати, изящный и красивый, и женщина лет семидесяти-восьмидесяти, со свисающими до шеи седыми космами, скрюченная, опирающаяся на палку. Прижавшись друг к другу, они смеялись и болтали, видимо бесконечно радуясь встрече.

Путник решил посмотреть, что это за развратная старуха спуталась с мальчиком. Он подкрался поближе, но те двое исчезли.

На следующий день он стал выяснять, чья могила была в том месте, и узнал, что там похоронен безвременно скончавшийся юноша, чья вдова оставалась ему верна более пятидесяти лет, а когда умерла, ее похоронили в той же могиле.»

В «Книге песен» говорится:

Хоть с тобою, мой милый,
И в разных домах мы живем,
Мы умрем и могилу разделим
Под общим холмом [2].

Вот каковы были их чувства!

В «Книге о правилах поведения» [3] сказано: «Иньцев погребали порознь, а чжоусцев [4] вместе». Не правда ли, хорошо?

Древние мудрецы знали, что мертвым не по пути с живыми, поэтому они могли судить о чувствах злых и добрых духов по чувствам людей. Не испытав чувства любви, могли ли они понять смысл правильного поведения?

[543. В Царстве мертвых осуждают конфуцианских начетчиков, приносящих вред людям.

544. Люди карают задумавшего зло односельчанина.]

(545.) Сельский житель Фань Хун-си подружился с лисом. Лис этот любил выпить, и Фань тоже понимал толк в вине. Они стали названными братьями и часто напивались вместе чуть ли не до потери сознания. И вдруг лис перестал приходить к Фаню.

Прошло много времени. Наконец Фань случайно встретил лиса в поле, засеянном просом, и спросил:

— Почему ты вдруг бросил меня?

— Если человек жесток по отношению к своему родному брату,— покачал головой лис,— то каким же окажется он в отношении брата названого? — и ушел прочь, не оглядываясь.

А Фань в это время затеял тяжбу со своим младшим братом.

В «Песне о седой голове» Ян Те-ая [1] говорится:

За тысячу звонких монет
Вы, как муж, завладели мной,
Только души моей цвет
Не добудешь такой ценой.
К тому же у вас есть жена,
Хорошо ли, чтоб их было две?
Ведь и так по ночам читает она
«Песнь о седой голове» [2].

Именно это и имел в виду лис.

[546. Небо вознаграждает человека за добрый поступок.

547. Лиса подшучивает над уродливым человеком.

548. Человек становится свидетелем драки двух лис.

549. Чиновник Царства мертвых наставляет человека буддийскому закону.]

СБОРНИК ТРЕТИЙ

ЗАПИСКИ О РАЗНОМ, СОСТАВЛЕННЫЕ К ЗАПАДУ ОТ СОФОРЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «ЗАПИСКИ О РАЗНОМ, СОСТАВЛЕННЫЕ К ЗАПАДУ ОТ СОФОРЫ»

Я снова заведовал «Птичьей палатой»[1], решал всякие дела, а в дни, когда попадал в Сиюань[2], бывал у зятя из семьи Юань. На его доме была надпись: «Старое жилище к западу от софоры». Здесь невдалеке от города я отдыхал от дел. Кроме сослуживцев, я почти не видел гостей. Досуга было много, и дни без дела тянулись долго.

Две мои книги — «Записи, сделанные летом в Луаньяне» и «Так я слышал» — были изданы книжными лавками. На дружеских встречах мне часто приходилось слышать рассказы о всяких странных вещах, поэтому я положил тетрадь и на дежурстве, вспомнив что-либо из услышанного мною, записывал в нее. В дни, когда дежурства не было, я не писал и, если ничего не припоминалось, тоже не писал. Время шло быстро, и незаметно для себя я закончил эти четыре части. Сунь Шу-син сделал заголовок на обложке: «Записки о разном, составленные к западу от софоры»; эти записки построены так же, как две первые мои книги.

Предамся ли я отныне лени, забросив кисть? Можно ведь считать, что хватит и трех сборников «Записок мухогонки»[3]. Или же старику не пристало безделье и надо продолжать нанизывать рассказы? Тогда будем считать, что я продолжаю «Записи И-цзяня»[4].

Записал в шестую луну года *жэнь-цзы** Наблюдающий игру в шашки

* 1792 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

[550. Душа покойного продолжает ревновать жену.
551. Рассуждение о стихах, написанных другом Цзи Юня.
552. Небо награждает людей высоких нравственных принципов.
553. Молодой развратник, представляясь бесом, насилует девушку.
554. О происхождении названия одного храма.
555. О тексте книги *Ло шу*.]

(556.) Мой двоюродный брат Лю Сян-вань рассказывал: «Когда я служил в Минь, то слыхал об одной молодой женщине, скромной, тихой, любившей уединение, которую после ее смерти похоронили на склоне горы. И вот каждый вечер, когда ярко светила луна, был виден ее дух, привязанный к дереву со связанными руками. Когда же подходили поближе, то видение исчезало. Никто не мог понять, в чем тут было дело.»

Я сказал по этому поводу:

— В этом кроется какое-то поучение. Люди не знали, за что она терпит наказание, но надо было, чтобы увидели, что она терпит наказание, и поняли, что если люди чего и не знают, то духам известно все.

[557. Дух — хранитель города излечивает мальчика, околдованного лисой.
558. Лиса пишет стихи.]

(559.) Тянь Бо-янь рассказывал:

«Как-то мы с друзьями были у гадателя. Вызванный им дух именовал себя Чжэнь Шань-минем — отшельником, жившим в конце правления династии Сун. (Собрание стихов этого Шань-миня сохранено в «Полном своде четырех сокровищниц литературы»[1].) Дух отвечал на все наши вопросы, как вдруг доложили о приходе еще двоих гостей, и он перестал писать.

В другой раз, когда он снова явился, его спросили, почему он тогда исчез, и он написал следующее:

«Из этих двух господ один был слишком полон мирскими интересами и слишком любезен; кого бы он ни встретил, обя-

зательно начинал делать комплименты и льстить не зная удержу. Мне, парящему в облаках и не искусному в светской беседе, лучше было избежать встречи с ним. Второй гость был слишком педантичен в соблюдении правил приличия; беседуя с людьми, он взвешивал буквально каждое слово, не делая никаких скидок; ну а я, дикой птицей носящийся в тучах, разве могу удовлетворить его требованиям? Вот почему я и удалился».»

Впоследствии, когда господин из Яоани узнал об этом, он сказал:

— Этот дух в конце концов уж слишком был требователен, ему не хватало душевной широты.

(560.) Троюродный брат мой Мао-юань рассказывал:

«В году *бин-чэнь* правления императора под девизом Цянь-лун * на уездных экзаменах надзиратель, обходя каморки, на которых была написана фамилия Цю, спросил у одного экзаменовавшегося его имя и место рождения, а потом, сложив руки для приветствия, поздравил его следующим образом:

— Вчера мне приснилась девушка, которая держала в руках ветку цветущего абрикоса. Она оставила ветку в экзаменационной комнате и сказала мне: «Завтра придет сюда такой-то из такого-то уезда. Скажите ему, что Син-хуа ** здесь».

Ваше имя, фамилия и место рождения полностью совпадают с теми, что она назвала. Разве это не благоприятное предзнаменование?

Экзаменующийся от испуга даже в лице переменился, не стал писать сочинение и, отговорившись болезнью, ушел.

Узнав об этом случае, его земляки объяснили:

— У этого человека была молоденькая служанка, которую звали Син-хуа. Он соблазнил ее, а потом прогнал, она скиталась и неизвестно чем кончила. Видно, после смерти она так проявила свою обиду на него.»

* 1736 г.

** Букв.: «цветок абрикоса».

[561. Заметка об обряде, при котором люди, давая клятву на верность и дружбу, мазали рот кровью жертвенного животного.

562. Гигантский боа-констриктор охраняет государственную сокровищницу.]

(563.) Мой старший брат Цин-ху [1], ныне покойный, рассказывал:

«Некий Ван Чжэнь-шэн на старости лет похоронил своего нежно любимого сына и печалился о нем так, что жизнь стала ему не мила.

Однажды ночью, проходя мимо могилы сына, он остановился, охваченный печалью, долго медлил и все не мог уйти. Неожиданно он заметил, что сын его сидит на насыпи, поспешил к нему, дух не уклонился от встречи, однако, когда Ван захотел взять его за руку, дух отшатнулся. Ван заговорил с ним, но видно было, что духу неприятно его слушать.

Удивленный отец спросил его, в чем дело, и дух, снисходительно усмехнувшись, ответил:

— Отношения отца и сына — это карма [2], когда карма кончается, то ты — это ты, а я — это я, зачем же нужен обмен всякими любезностями и пустыми фразами? — покачал головой и исчез.

С тех пор Ван Чжэнь-шэн стал меньше тосковать о своем сыне.»

Кто-то сказал:

— О таком сыне и печалиться нечего!

Мой брат возразил на это:

— Он был в высшей степени почтительным сыном, подобным Си Чао [3], и принял облик духа, чтобы отец перестал тосковать о нем. Но это неправильно. Какого же отца, мужа или брата таким способом можно заставить стать равнодушным к утрате?

[564. Женщина, любившая своего покойного мужа сильнее, чем нового.

565. Вдова после смерти мужа дает обет безбрачия.]

(566.) Когда господин из Яоани был начальником госу-

дарственных амбаров, задняя стена одного из амбаров начала почему-то разрушаться. Стали рыть под ней и нашли мертвую крысу величиной с кошку. В крысиной норе под стеной жил целый выводок крыс, которые размножались с невероятной быстротой и расширяли свои норы так, что все пространство под стеной было пустым и грозило обвалом стены.

Сослуживец господина из Яоани, достопочтенный Фу Хай, сказал:

— Губя жилище людей, чтобы расширить свое жилье, они начисто забыли о том, что их жилье держится на людском.

А я спрошу:

— Чем же люди, подобные Ли Линь-фу[1] и Ян Го-чжуну[2], не понимающие этой зависимости, лучше крыс?

[567. Буддийский монах ставит на место болтливого богача.

568. Старик находит естественное объяснение тому, что в руках у утопленницы зажаты пригоршни проса.

569. Чемпион по шашкам выигрывает партию у беса.

570. Лиса боится праведного ученого.

571. Человеку во сне является плачущая женщина, которую плохо захоронили много лет назад.

572. Вещий сон сбывается.

573. Удивительный случай из жизни поэта Ян Те-ая.

574. Об удивительном растении.

575. Дед Цзи Юня скептически относится к истолкованию необычайного происшествия как плохого предзнаменования. Несчастья действительно не случается.]

(576.) Мой троюродный брат Сяо-дун рассказывал:

«Возвращаясь со столичных экзаменов в год *дин-вэй* правления под девизом Юн-чжэн*, я встретил нищенку, у которой рот находился на шее, но пила она, как все люди. Эта женщина — нечисть или нет?»

Я ответил:

— Это у нее такая болезнь, никакая она не нечисть!

* 1728 г.

Человек с шестью пальцами ведь тоже отличается от всех других людей, но разве можно назвать его нечистью? Мне доводилось видеть свинью, у которой была одна голова и два туловища, корову, у которой выросла на спине нога. И еще: среди прихожан в храме Вэньцзямяо я видел человека, у которого ладонь правой руки была размером в целую корзину, пальцы на этой руке были величиной с молоток, а левая рука была нормальная. Правой рукой он ежедневно делал каллиграфические надписи и рисунки на продажу.

Если бы любители рассуждать о гадательных книгах увидели такие явления, то они обязательно сказали бы: «Эта свинья принесет несчастье, эта корова принесет беду, а человек этот болен. Кому-то это предвещает несчастье».

Другие бы сказали так: «Это надо рассматривать как ответ на гадание по поводу какого-либо затеваемого дела».

Но виденные мною странные явления до сих пор ничем не подтвердили справедливости этих суждений.

Вот почему в работах ханьских ученых я меньше всего верю в объяснение теории сил Света и Тьмы, развиваемой в *Чуньцю* и в главе «Пять элементов» [1], в разделе «Великий план», «Книги исторических деяний», а в работах сунских ученых я меньше всего верю в комментарии к *Хэ ту* [2] и *Ло шу* [3], с помощью которых якобы привели мир в порядок.

[577. Литератор угощает беса вином и беседует с ним о стихах.

578. Рассуждение Цзи Юня о стихах его приятеля.

579. Вельможа отказывается от связи с красивой женщиной, так как узнает в ней лису-оборотня.

580. Лиса-оборотень обманывает одного мужчину с другим.

581. Лиса бросает юношу, который из-за нее же утратил мужскую силу.

582. Предсказание, сделанное духом, вызванным гадателем, сбывается.]

(583.) Мой двоюродный дядя, достопочтенный Мэй-ань, рассказывал:

«У одного жителя Хуайчжэня на заднем дворе пустовало помещение из пяти комнат, которое он превратил в склад

различных вещей. Дети часто забирались туда играть, прыгали, скакали, бегали, кидались чем попало, подымали страшный шум и возню. Ни запертые двери, ни запреты не помогали: дети лазали через низенькую стену. Тогда хозяин дома повесил большое объявление: «Здесь живет святая лиса, безобразничать воспрещается».

Женщины напугали детей, и те больше не лазали туда.

Через несколько дней кто-то ночью произнес за окном:

— Я очень тронута вашим приглашением, почтеннейший, и уже переселилась в ваше помещение, буду его охранять.

С этих пор стоило кому-нибудь зайти в это помещение, лиса начинала кидаться кирпичами и черепицей, так что, если слугам и нужно было взять там какую-нибудь вещь, они не решались войти. Это продолжалось долго, пока хозяину не пришлось наконец снести это помещение. Только тогда лиса убралась оттуда.»

Вот уж можно сказать: «Люди сами возвышают нечисть».

[584. Духи помогают бедняку жениться.]

(585.) Ван Хун-сюй из Цзяохэ рассказывал:

«Некий Лю из Гаочуани занимал дом, в котором было семь комнат. Сам он жил в трех средних комнатах. В восточном флигеле, где было две комнаты, стоял гроб с телом его жены, еще не преданным земле, а в двух комнатах западного флигеля помещались младшая сестра Лю и его грудной сын.

Однажды вечером Лю услышал громкий плач своего сына, но голоса младшей сестры не было слышно. Лю подумал, что она задержалась на кухне. Заглянул в оконную щель, свеча была потушена, но луна светила ярко, и он увидел, что из-под дверей восточного флигеля кольцами поднимается черный дым и стелется под окном западного флигеля, не рассеиваясь. Только когда сестра Лю проснулась и стала успокаивать ребенка, черный дым постепенно ушел обратно в восточный флигель. Лю понял, что это душа его покойной жены.

С тех пор каждую лунную ночь, когда плакал ребенок, Лю потихоньку вставал и смотрел в окно и каждый раз видел одно и то же.

Он рассказал об этом своей сестре, и та растрогалась до слез.»

Как это печально! Значит, родители и после смерти не могут забыть своих детей? А вот дети, разве они так же помнят своих родителей?

[586. Судья по просьбе своего покойного предшественника, явившегося ему во сне, исправляет его несправедливый приговор.

587. Бесы беседуют о путях живых и мертвых.

588. Человек, который мог видеть бесов, рассказывает, что они во многом ведут себя как люди.

589. Лекарство, рекомендованное духом, помогает тяжелобольному.

590. Нечисть просит пощады у человека, кидавшего в нее камнями.

591. Небо карает смертью человека, задумавшего отравить своего врага.

592. Драгоценные тушечницы, о которых сохранились записи в древних книгах.]

(593.) Мой бывший наставник, достопочтенный Цзе Е-юань, рассказывал:

«Среди моей родни был один, не боявшийся бесов. Стоило ему услышать, что где-нибудь есть дом, где водится нечисть, как он сразу же отправлялся туда ночевать. Кто-то сказал ему, что в строении за таким-то храмом в Сишани часто видят нечисть. Как раз в том году проходили областные экзамены, и он отправился туда. Каждую ночь около его ложа кружили всякие чудовища устрашающего вида, но он оставался совершенно спокоен, и они не могли причинить ему никакого вреда.

Как-то вечером, когда ярко светила луна, он распахнул окно, чтобы полюбоваться окрестностями. Под деревом он увидел красивую девушку.

Засмеявшись, он сказал:

— Напугать меня не удалось, так пришла соблазнять? Ну и что же ты за диво такое? Подойди-ка поближе!

Девушка засмеялась в ответ.

— А ты не узнал меня,— сказала она,— ведь я младшая сестра твоего деда, похороненная на этой горе. Я слышала, что ты тут ежедневно воюешь с бесами. Но ведь ты более десяти лет отдал занятиям, неужели все это было только для того, чтобы обрести славу человека, не боящегося бесов? А может быть, тебе стоило бы в интересах своего рода подумать об экзаменах, чтобы прославить имя твоих предков? Ночью ты борешься с бесами, а днем от усталости засыпаешь, время экзаменов приближается, и ты можешь провалиться. Для этого ли снаряжали тебя в путь твои родители? Хоть я теперь и живу у Желтых истоков, мне не безразлично то, что происходит в доме моих родителей, поэтому я и говорю с тобой так прямо. Подумай об этом! — сказала и исчезла.

Поняв, что она права, он быстро собрался в обратный путь. Вернувшись домой, стал расспрашивать родителей. Оказалось, что никакой младшей сестры у его деда не было.

Топнув с досады ногой, он воскликнул:

— Хитрая бесовка все-таки провела меня! — и хотел ехать обратно.

Один из его друзей сказал ему:

— Не осмелившись сражаться с тобой с помощью силы, бесы прибегают к уговорам с помощью добрых слов, значит, они тебя боятся. Зачем же обязательно бить лежачего?

Тогда он отказался от своего намерения.»

Про этого друга можно сказать, что именно он-то и прибег для разрешения спора к уговорам с помощью добрых слов.

Но ведь в том, что говорила бесовка, тоже был свой смысл. Выходит, что разумные рассуждения на него не подействовали, а хитрость подействовала. Друг этот понимал, как надо воздействовать на упрямца.

[594. Волшебное насекомое мстит продавшей его женщине.

595. Чиновник, которого спас от смерти слепой, строит приют для слепых.

596. Цзи Юнь устами своего персонажа осуждает человека, не пожелавшего помочь другому в беде.

597. Предзнаменования сбываются.

598. Человек беседует с бесом о стихах.]

(599.) *Цзюйжэнь* Цю Эр-тянь рассказывал:

«В Юнчуньских горах есть разрушенный храм, земля вокруг него вся выжжена. Рассказывают, что когда-то там жил буддийский монах, который в совершенстве владел искусством заклинать нечисть. Послушники, которым по ночам встречались горные духи, попросили его запретить нечисти появляться здесь, но монах на это ответил:

— Люди сами по себе, а нечисть сама по себе, и между собой они не соприкасаются. Люди ходят днем, нечисть разгуливает по ночам, и они не приносят друг другу вреда. Все создания существуют рядом друг с другом, и у каждого есть свои соответствия. Нечисть не запрещает людям выходить днем, с чего же это люди станут запрещать нечисти выходить ночью?

Прошло некоторое время, и нечисть начала уже и днем задевать людей. Монаху от нее даже в келье не было покоя, и тогда он принялся читать заклинания, но ничего из этого не получалось. Придя в ярость, он прочитал такое заклинание, что грянул гром и ударила молния, нечисть была истреблена, но сгорел и храм.

Ударив себя в грудь, монах сказал:

— Это моя вина! Вначале, чтобы обуздать нечисть, моих заклинаний было бы достаточно, но я не захотел их прочесть. Когда же я увидел, что не могу ее обуздать, то безрассудно захотел добиться своего. Действуя не во имя добра, а ради своей репутации, я потерпел полное поражение. Погубил себя, скрывая собственные ошибки!»

[600. Возница, жестоко обращавшийся с лошадьми, умирает от удара лошадиным копытом.

601. О происхождении местных географических названий.

602. Волшебное дерево.

603. Небо помогает бедняку — почтительному сыну.

604. Человек кормит голодных бесов.
605. Человек убивает тигра-оборотня.
606. Лиса благодетельствует людей, в доме которых она живет.
607. Подушка, в которой завелись пчелы.]

(608.) Юй Дунь еще рассказывал:

«Линь Юй-мэнь, правитель уезда Есянь, сам мне рассказывал, что его дед, которому было уже за восемьдесят, так одряхлел, что не узнавал людей, не мог ходить, только любил еще поесть. Он всегда сидел в своей комнате и скучал. Сыновья и внуки выносили его в кресле за ворота дома, чтобы он мог посмотреть на окрестности и развеять скуку.

Однажды он послал служанку в дом за какой-то вещью, а сам остался ждать ее на улице. Служанка вышла, а в кресле никого нет. В доме поднялся плач, все перепугались, никто не знал, что же делать. Отправились на поиски, но и следов старика не было видно.

А как раз в это время один приятель Линь Юй-мэня ехал из Лаошаньских гор и по дороге встретил Юй-мэня. Еще издали [приятель] закричал ему:

— Вы не деда ли своего ищете? Так он сейчас в таком-то храме на горе. Не волнуйтесь!

Помчались туда. Старик действительно был там. А место это находилось на расстоянии нескольких сот ли от Есяня, и монах не знал, как старик оказался у него в храме. Сам старик только почувствовал, что двое людей подняли его и полетели с ним, а кто они были, он не знал.»

Эта история и удивительная и обычная, только горные бесы или лисы могли так подшутить над старым человеком себе на забаву.

[609. К умирающему юноше является бес, продолжающий стихи, начатые им.
610. Монах разгоняет бесов, напавших на путника.
611. Рассказ о волшебной птице *ша*.
612. Нечисть подшучивает над человеком, сев к нему в телегу юношей, а к концу короткой поездки превратясь в седого старца.
613. Нечисть карает мужчину, изнасиловавшего двух мальчиков.
614. Курица сносит светящееся яйцо.

615. Человек ночью заходит в чайную, где видит труп повесившейся женщины. Утром на этом месте оказывается дерево с висящей на нем старой кожей змеи.]

(616.) Тянь Сян-гу рассказывал:

«К юго-западу от города Цзинхэ есть одна маленькая деревушка, где живет тридцать-сорок семей. Некий Цзоу, житель этой деревни, как-то в середине ночи услышал лай своей собаки. Накинув одежду, он вышел посмотреть, в чем дело. При слабом свете луны был виден силуэт сидящего на крыше человека огромного роста. В испуге Цзоу стал звать соседей, те выбежали на улицу и разглядели, что это корова, которая, сидя на задних ногах, смотрела вверх, задрав голову. Как она попала на крышу, непонятно.

Стали звать других людей, и вся деревня вышла на улицу.

Тут вдруг загорелся один из домов. Поднялся сильный ветер, разнес пламя, и вся деревня сгорела дотла. Тогда крестьяне поняли, что эта корова предвещала несчастье, будучи вестницей божества огня.»

Господин из Яоани сказал так:

— В это время как раз собрали урожай, солома и скирды сена кучами лежали между домами, соприкасаясь впритык. Крестьяне устали после тяжелой работы, и в полночь вся деревня крепко спала, внезапно вспыхнувший пожар мог спалить всех жителей деревни. Небо человеколюбиво, и с помощью этой коровы оно разбудило людей. Разве можно считать это проделкой нечисти?

[617. Девица из публичного дома проявляет благородство своей натуры.

618. Приятель Цзи Юня видит на постоялом дворе неизвестно кем написанные стихи.

619. Разговор человека с духом мертвого о делах семьи.

620. Лиса распознает в даосском монахе обманщика и шарлатана.

621. Жена и после смерти продолжает любить своего мужа.

622. В древних рассказах о необычайном много фактических неточностей в реалиях (в одном месте не растет такая трава, в другом — бамбук и т. п.).

623. Дух покойного отца спасает семью от разорения.]

(624.) Ли Цзяо-фэн рассказывал:

«В Ханчжоу за воротами Юнциньмэнь рыбацкая лодка причалила к берегу, на котором стояла кумирня. Рыбак услышал, что в кумирне шумят люди. Затем послышался голос духа, упрекавший кого-то:

— Вы, грубые бесы, зачем срамите ученых людей? За такую провинность вас надо палками бить!

Послышались возражения:

— Когда люди заснут и луна ярко светит, души умерших выходят гулять к реке, чтобы развеять тоску. А эти двое устроились здесь в одиночестве и стали заниматься и беседовать о стихах; зудят, зудят без конца, ничего нельзя понять, нам очень надоело это слушать, так что мы потихоньку начали разговаривать между собой; но намека им было недостаточно, тогда мы тихонечко вывели их отсюда, и только. Никогда бы мы не решились обойтись с ними грубо!

Дух помолчал немного, а потом сказал:

— Рассуждения о литературе — занятие благородное, для него надо выбирать подходящее место и подходящих компаньонов. Прекратите, почтенные!

И вдруг из храма посыпались блуждающие огоньки, словно светлячки, вдали послышалось неумолкающее хихиканье, и потом все исчезло.»

(625.) Лю Тун был уроженцем Цанчжоу. Мать его родилась в год *жэнь-шэнь* правления под девизом Кан-си *, в год *жэнь-цзы* правления под девизом Цянь-лун ** ей исполнился сто один год. Несмотря на это, она была женщиной крепкой, здоровой и любила поесть.

Когда местные чиновники хотели выхлопотать ей от казны зерно, шелк и повозку, она наотрез отказалась.

В прошлом году собирались воздвигнуть ворота с мемориальной надписью в связи с ее столетием, но и этого она не захотела.

---

* 1692 г.

** 1792 г.

Кто-то спросил, чем вызван ее отказ, и она ответила:

— Мне, вдове из бедной семьи, самой судьбой предуготовлены были беды и трудности, но мои беды вызвали сочувствие духов, которые даровали мне долголетие. Если желания мои будут чрезмерными, то этим я приближу срок своей кончины.

Высокие взгляды были у этой старой женщины. Видно, такую долгую жизнь она прожила благодаря тому, что была вне мирской суеты и тщеты, не желала того, чего не могла добыть собственным трудом, и, предаваясь скромной безмятежности, воспитывала в себе ощущение гармонии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

[626. Человек находит книгу, оброненную лисами.

627. Лисы обманывают жадного фокусника.

628. Мальчик, приревновав своего покровителя к его новому любимцу, убегает из дому.

629. Лиса-оборотень помогает родителям покойного мужа.]

(6.30.) Инспектор Лу из Хойцзи рассказывал:

«В Жэньпине были муж и жена, которые умерли почти одновременно, когда сыну их только-только исполнился год. Тетка мальчика совсем о нем не заботилась, и ему грозила смерть от голода.

Но вот какая-то молодая женщина внезапно распахнула двери дома, ворвалась в комнату, схватила ребенка на руки и обрушилась с упреками на его тетку:

— Трупы твоего деверя и его жены,— кричала она,— еще не успели остыть, а ты, бессовестная, довела их ребенка до такого состояния. Лучше отдай его мне, уж я найду место, где ему будет хорошо!

И ушла с ребенком, больше никто о нем никогда не слыхал.

Соседи видели это собственными глазами.

Знавшие об этой истории говорили:

— При жизни своей отец этого мальчика был близок с

лисой. Может быть, она не забыла старую любовь и пришла, чтобы спасти его ребенка.»

Эта лиса поступила так же, как жена Чжан Сы-си [1].

[631. Юноша, уличенный в скотоложестве, вынужден покончить жизнь самоубийством.

632. Человек убивает изменившую ему жену.]

(633.) Цзэн Ин-хуа из Цзясяна рассказывал:

«Однажды вечером, когда ярко светила осенняя луна, я прогуливался с несколькими друзьями за цветником. Внезапно с юго-востока налетел вихрь, принесший с собой с десяток бесов. Связанные одной веревкой, они дрались и бранились. По донесшимся до нас обрывкам двух-трех фраз у нас создалось впечатление, что они ссорились из-за того, сходны или отличны друг от друга Чжу и Лу [1].»

Значит, распря между этими школами просочилась и до Желтых истоков?

[634. Стихи неизвестной поэтессы, сохранившиеся в энциклопедии *Юн-лэ да дянь*.]

(635.) Мой дядя со стороны матери, достопочтенный Ань Ши-чжай, однажды вечером лег уже спать, как вдруг услышал, что в дверь стучатся. Он спросил, кто там, никто не ответил, выглянул за дверь, но никого не увидел.

Через несколько дней повторилось то же самое.

Еще через несколько дней произошло то же самое, но на этот раз, когда он был в другой комнате. Так повторялось раз десять, и он не мог понять, что происходит.

Потом в их деревне поймали вора, и он признался, что раз десять пытался забраться в один дом, но каждый раз возвращался ни с чем, так как там не спали. Спросили, когда это было, все дни совпадали.

Тогда дядя понял, что это бесы предостерегали его от вора.

Поэтому можно сказать, что счастливые предзнаменования не обязательно оборачиваются счастьем, а оборотни не

всегда приносят беду. Все зависит от того, с каким человеком это случается.

[636. О местах, в которых жили в разное время предки Цзи Юня.

637. Цзи Юнь обменивается во сне стихами с душой покойной служанки.

638. О разных комментариях к *Чуньцю.*

639. Различные источники, устанавливающие местонахождение одной кумирни.]

(640.) Когда я занимался сверкой книг[1], то мог наблюдать все четыре времени года в Бишу шаньчжуан[2]: зимой года *дин-вэй,* осенью года *у-шэнь,* летом года *цзи-ю* и весной года *жэнь-цзы* *.

Каждый раз, когда на лодке добираешься до Вэньцзиньгэ[3], вид гор и вод там совершенно [новый] и необычный; оттенки деревьев и шум ручьев такие, каких нет в мире смертных; в пасмурную погоду и в ясную, ранним утром и в сумерках все меняется и принимает тысячу новых очертаний и форм. Даже птицы и цветы там, как на картинках. Особенно же удивительна нежная трава, окаймляющая склоны и опоясывающая ущелья: шелковистая, словно зеленый ковер, высотой не более нескольких цуней, ровная, словно ее подстригли ножницами, ни одного стебелька, который был бы выше или ниже других. Садовники дали ей название «травы, подстриженной под линейку». А если отклониться на несколько шагов в сторону от ограды дворца, то повсюду заросли бурьяна в буйном беспорядке.

Не для того ли Небо рождает такие прекрасные травы, чтобы по ним прогуливались государи?

[641. Человек подружился с бесом, начитанным в классических книгах.

642. О женщинах, кончивших самоубийством после смерти мужа.

643. Однофамилец Цзи Юня, сошедшийся с молодой женщиной, бросает ее, узнав в ней лису-оборотня.

644. Лиса мстит людям, убившим ее подругу.

645. Даосский монах прогоняет лису-оборотня, околдовавшую юношу.

646. Наложница человека оказывается лисой-оборотнем, наказанной за грехи, совершенные в прошлом перерождении.

* Соответственно 1787, 1788, 1789, 1792 гг.

647. Проделка беса, заставившего человека тащить для него тяжелый мешок.

648. Пьяница выздоравливает от тяжелой болезни, так как в Царстве мертвых ему дали возможность жить, пока он не выпьет еще три чана с вином.

649. Даосский монах помогает людям справиться с нечистью.

650. Небо карает женщин, жестоко обращавшихся со своими служанками.

651. Рецепт чудотворного лекарства.

652. Об искусстве заклинаний.

653. Покойные жены одного человека ссорятся из-за места своего захоронения.]

(654.) У Юй Дуня был арендатор, некий Сунь, который искусно стрелял птиц, ни разу не промахнувшись. Как-то раз Юй Дунь увидел иволгу и велел Суню добыть ее. Сунь спросил:

— Как добыть? Живой или мертвой?

Юй Дунь удивился:

— Ты стреляешь металлической пулей, как же можно заранее решить, живой или мертвой?

— Чтобы достать ее мертвой,— ответил Сунь,— надо целиться прямо в нее, а чтобы достать живой, надо целиться в крыло: вспугнешь ее, и она взлетит.

Юй Дунь приказал добыть птицу живой. Сунь вскинул ружье, выстрелил, и иволга упала на землю. Юй Дунь взглянул — у нее оказалось перебито крыло.

Вот это настоящее мастерство!

Случился там человек, умевший читать заклинания, которые обычно читают, отпуская животных на волю, и он предложил:

— Я прочту три заклинания, и ты ни разу из ста выстрелов не попадешь в цель.

Сунь попробовал и действительно ни разу не попал. Еще несколько раз проделали они этот опыт, и всегда он увенчивался успехом.

Вообще-то, когда эти деревенские слышат какое-нибудь «запретительное заклинание», на них оно всегда оказывает действие, а почему — неизвестно.

[655. Рецепты, содержащиеся в древних сборниках рассказов.
656. Жизненный опыт и такт врача помогают ему при встрече с духами.
657. Лиса-оборотень подшучивает над легкомысленным студентом.
658. Небо карает развратника, любившего маленьких мальчиков.]

(659.) В Дунгуане есть река Ванманьхэ, иначе называемая еще Хусухэ. Когда бывает засуха, она мелеет, а во время сезона дождей разливается так, что через нее трудно перебраться.

Мой дядя, достопочтенный Ма Чжоу-лу, рассказывал: «В конце периода правления под девизом Юн-чжэн нищенка, неся на одной руке ребенка, а другой ведя свою свекровь, переходила эту реку. Дойдя до середины, свекровь оступилась и упала. Женщина бросила ребенка в воду и, выбиваясь из сил, вытащила свекровь из водоворота.

Старуха стала упрекать ее:

— Я старуха, мне семьдесят лет, кому причинит вред моя смерть? Этот мальчик — единственный потомок нашего рода Чжанов, как ты могла бросить его, чтобы спасти меня? Этим ты положила конец жертвоприношениям духам наших предков!

Невестка упала на колени и рыдала, не решаясь ответить ни словом.

Через два дня свекровь умерла. Она так тосковала о своем внуке, что отказалась от пищи. А через несколько дней умерла и невестка, все это время сидевшая неподвижно, словно в забытьи.

Откуда они были родом, неизвестно, знали только, что их фамилия Чжан; это сказала старуха, когда упрекала невестку.»

Люди, обсуждавшие этот случай, говорили так:

— Если сравнить ребенка и свекровь, то свекровь важнее. Но если сравнить свекровь и почитание предков, то важнее почитание предков. Если бы был жив муж этой женщины или у нее были братья, то правильно было бы пожертвовать ребенком. Но так как и свекровь и она были вдовами, а ребенок являлся единственным продолжателем их рода,

то свекровь упрекала ее за дело! Хотя женщина эта и умерла, но не указать на ее ошибку невозможно!

Господин из Яоани сказал так:

— Как эти начетчики любят упрекать людей! Могла ли эта женщина все как следует продумать в этом стремительном потоке, где каждый неверный шаг грозил гибелью? Спасти обоих у нее не было сил, и она пожертвовала сыном, чтобы спасти свекровь. Это согласуется и с небесными законами, и с человеческими чувствами. Если бы умерла свекровь, а ребенок остался жив, разве не думала бы она об этом всю свою жизнь? И разве не обвиняли бы ее в том, что из любви к сыну она пожертвовала свекровью?

К тому же ребенок был еще совсем мал, и неизвестно, суждено ли ей было выкормить его и вырастить; а если бы свекровь погибла и ребенка ей не удалось бы вырастить, разве не раскаивалась бы она еще сильнее?

Поступок этой женщины свидетельствует о ее удивительном здравом смысле. К несчастью, свекровь ее не захотела жить, и это повлекло за собой и ее смерть. Вот это, действительно, достойно сожаления!

А эти, самодовольно болтающие языками о чувствах и долге, да они способны вывести из себя даже мертвецов за Желтыми истоками!

Сунь Фу[1] в своем «Исследовании о благородных владыках периода *Чуньцю*» порицает всех, не найдя за весь период в двести сорок лет никого, достойного похвалы.

Ху Чжи-тан[2] в своем «Скромном взгляде на историю» утверждает, что со времени Трех династий не было ни одного настоящего человека. Рассуждать-то они рассуждают, но это не то, что мне бы хотелось слышать!

[660. Лис объясняет человеку даосскую теорию тренировки и очищения сердца, освоение которой необходимо для овладения искусством перевоплощений.

661. Лисе-оборотню не удается завлечь добродетельного юношу.

662. О диких зверях, водившихся в районе Урумчи.

663. Кумирня, построенная предками Цзи Юня.

664. Об увлечении шахматами в разные эпохи.]

(665.) Во времена правления минского императора под девизом Тянь-ци* человек с Запада, Ай Жулю[1], составил книгу в одном томике «Изложение науки Запада», где он рассказывал о том, как в его стране пестуют талантливых ученых; речь шла о шести отраслях знаний: *ледолоцзи* — филология, *фэйлософэйя* — философия, *модицина* — медицина, *лэсыи* — законоведение, *цзяноносы* — педагогика и *тулужия* — теология.

Преподавание у них имеет свою последовательность: в подавляющем большинстве случаев от филологии переходят к философии, и философия является основой всего. Их филология сходна с нашей, китайской филологией, и философия их похожа на нашу; медицина, законоведение и педагогика у них профессиональные занятия; теология — это высшее учение о судьбе в Законе божьем.

Все свои силы они отдают исчерпывающему постижению существа вещей, а также разумному применению формы, что несколько сходно с порядком учения неоконфуцианцев. Особое значение придается сущности вещей; при исчерпывающем постижении остаются отклонения, не составляющие системы,— это область метафизики.

В конце своей книги Ай Жулю говорит о стеле танского времени[2], показывая, что их религия давно проникла в Китай.

В надписи на этой стеле говорится о том, что в двенадцатом году Чжэнь-гуань** А Лобэнь[3] прибыл издалека в Китай, привезя с собой в дар священные книги и изображения. Тогда в одном квартале Иннина по императорскому указу был построен монастырь Дацинь, могущий вместить двадцать одного монаха... и так далее.

Согласно «Собранию речений из Сици»[4], в пятом году правления Чжэнь-гуань*** в Китай прибыл проповедник — *муху*[5] Хэлу, который рассказал императору о зороастризме, и император повелел построить в квартале Чунхуа столицы

* 1621—1627 гг.

** 638 г.

*** 632 г.

Чанъань зороастрийский храм и наименовать его дациньским или персидским храмом. В седьмую луну четвертого года Тянь-бао * был издан указ — считать персидскую религию идущей из Дациня и давно уже распространившейся в Китае. Поэтому ранее построенные храмы были соответственно переименованы. Персидские храмы в обеих столицах переименованы в дациньские храмы. Такие храмы имелись во всех областях и уездах.

В «Сокровищах книжных палат»[6] говорится, что в седьмом году под девизом Кай-юань ** владетель Тухэло[7] обратился к императору с предложением прислать великого *мучжэ*[8], разбирающегося в небесных законах: «Это человек глубоких знаний, нет такого вопроса, на который он не мог бы ответить. Смиренно надеюсь, что император в своем милосердии примет его и расспросит о нашей религии»[9]. Видя, что это человек больших способностей, император попросил его учредить храм, в котором «он занимался бы культом», предписанным их религией.

Дуань Чэн-ши[10] в «Юянских заметках о всякой всячине» пишет: «Страна Сяои[11] тянется на три тысячи ли. Там исповедуют зороастризм и не знают закона Будды. У них более трех тысяч зороастрийских храмов».

Там же имеется еще одна запись: «На реке Уху в стране Дэцзяньго[12] есть зороастрийский храм духа Огня. Говорят, что этот дух пришел сначала из Персии. В храме нет статуи; около зала находится маленькая пристройка, обращенная на запад, а люди молятся духу, обратясь на восток. Там есть бронзовая лошадь. Местные жители говорят, что она спустилась с небес».

Судя по множеству сообщений подобного рода, записи о жителе Запада, так называемом боге персов, именуемом Сянь[13], имелись в Китае уже давно, а не только в этой стеле.

Еще Ду Юй[14] в своем комментарии к *Цзо чжуань* — «Религиозная община на реке Суй» — писал: «Река Суй принимает в себя на востоке реку Бянь, протекающую по Чэнлю,

* 745 г.

** 712 г.

Шицяо, Пэнчэну, и соединяется с Сы. На берегу этой реки есть храм Огня, здесь община поклоняется».

В «Яшмовой книге» Гу Е-вана[15] также встречается знак *сянь,* читающийся *ань* и означающий «дух огня». Основываясь на таком значении данного слова, Сюй Сюань[16] включил его в свое издание *Шо вэнь.*

В «Записках о Восточной столице» Сун Минь-цю[17] говорится: «Храм Огня в квартале Нинъюнаньфан»; комментируется это так: «Иноземцы на аудиенции поднесли императору картину и сказали, что в стране Кан[18] есть дух, имя его Сяньбиго; есть храм духа Огня; передают, что он был построен во времена Ши Лэ[19]».

Следовательно, зороастрийская религия пришла в Китай уже давно, а не при Тан.

В «Исторических записях» Юэ Кэ[20] говорится: «Самого выдающегося человека среди приморских ляо Паньюя[21] звали «Чужеземцем». Он был купцом из Чжаньчэна, оставшимся в Китае, чтобы распространять там свои товары. Дом его был роскошен, человек он был проницательный и чистый [душой]; целые дни он проводил с друзьями в храме для принесения жертв, отбивая земные поклоны в молениях о счастье. [Это храм], какие в Китае строят в честь Будды, но только без ступы...»

Слог этой записи тяжелый, труднодоступный для понимания, так что остается неизвестным, почему, собственно, [чужеземца] считают духом.

Есть каменная стела высотой в несколько чжан, на ней высечены непонятные письмена, несколько напоминающие древний почерк *чжуань;* она заменяет ступу, и молящиеся обращаются к ней.

Значит, зороастрийская религия к концу периода правления династии Сун благодаря торговым джонкам распространилась вплоть до Гуанчжоу, и, когда Ли Матоу[22] прибыл в Китай, он решил, что эта религия появилась именно при династии Сун.

Ай Жулю, основываясь на танской стеле, считал ее безусловным доказательством того, что зороастризм появился

именно при Тан. В то время никто не основывался на материалах древности.

Ведь начиная с годов правления под девизом Вань-ли* конфуцианцы давно уже занимаются не тем, что главное. В последнее же время возобладала проповедь учения Ван Ян-мина[23], на которую они расходуют все свои способности, и поэтому учение о подтверждающих доказательствах[24] совершенно пришло в упадок.

[666. Жена в шутку грозит мужу, что покончит с собой. Дух повесившейся женщины толкает ее на самоубийство.

667. Свекровь жестоким обращением доводит невестку до самоубийства.

668. Лиса не осмеливается причинить вред благородному человеку.

669. Странный свет на стене, пугающий человека,— это проделки нечисти.

670. Тигр, говорящий человеческим голосом и пытающийся достать человека, который в страхе забрался на дерево.

671. Змея, принявшая вид красавицы женщины.

672. Небо награждает волшебной вещью из яшмы доброго человека.

673. Теория воздаяния в будущем перевоплощении за содеянное при жизни.

674. Дух — хранитель города, которому лиса жалуется на людей, напоминает ей о том, сколько вреда людям причинила она сама.

675. Дух, вызванный гадателем, обижается на критику написанного им стихотворения.

676. Дух покойницы просит человека уступить ей свой дом. Он соглашается.

677. Надпись, найденная при раскопках на могиле женщины.

678. Человек, умеющий гадать, отказывается гадать просящим его об этом.

679. Вещий сон сбывается: мужчина женится на женщине, привидевшейся ему во сне.]

(680.) Однажды ночью во время выпивки один близкий приятель Лю Ши-цюя стал настаивать, чтобы тот вызвал бессмертную фею.

Ши-цюй приказал подмести одну из комнат, повесить на дверь бамбуковый занавес и зажечь на столе две свечи.

* 1573—1620 гг.

Стулья были перенесены во двор, и Ши-цюй стал прохаживаться там походкой Юя[1] и читать заклинания, а потом ударил по столу линейкой. За занавесом появилась неподвижно стоявшая женщина. Приятель посмотрел на нее — оказалось, это его жена. Он в ярости вскочил и только хотел кинуться на нее с кулаками, как Ши-цюй поспешно ударил линейкой по столу, и тогда блики света, похожие на зигзаги молний, пронизали занавес, и женщина исчезла.

— Мы с вами дружим уже более двадцати лет,— сказал, смеясь, Ши-цюй приятелю,— неужели же я мог на самом деле так подшутить над вашей женой? Это был всего лишь ее облик, заимствованный лисою. Смените же свой гнев на милость, прошу вас!

Приятель поспешил домой, чтобы удостовериться. Оказалось, что жена его и не отрывалась от своего вышивания.

Не находится ли такого рода шутка на грани вымысла и действительного? Поэтому я подумал: когда Ли Шаоцзюнь[2] вызвал Ли Фужэнь, он сказал: «Но смотрите на нее издалека, приближаться нельзя»,— может быть, это тоже был какой-нибудь вызванный им оборотень, принявший облик госпожи Ли?

[681. Лисы мстят изгоняющим их заклинателям.]

(682.) Мой дядя, достопочтенный У Чжань-ань, рассказывал:

«В деревне Люфучжуан некий плотник спросил у предсказателя, на ком ему предстоит жениться. Предсказатель в шутку ответил:

— В сотне ли к юго-западу отсюда, в таком-то месте, скоро умрет некий А. Его жена станет твоей. Если ты поспешишь, она непременно достанется тебе.

Плотник поверил и отправился в путь. Прибыв в указанное место, он остановился на ночь на постоялом дворе, где повстречал человека, у которого осведомился:

— Где живет некий А?

— Зачем он вам понадобился? — спросил тот человек.

Плотник все ему рассказал.

Этот человек и был тем самым А. Услыхав рассказ плотника, он пришел в ярость и хотел заколоть плотника ножом, висевшим у него на поясе. Плотник бросился бежать на задний двор и перелез через забор. Решив, что плотник спрятался от него в комнате хозяина постоялого двора, А стал ломиться туда, хозяин его не пускал, завязалась драка, и хозяин был убит. Убийцу судили и приговорили к смертной казни. Имя же плотника даже не фигурировало на суде.

Через несколько лет какая-то старуха, сопровождаемая мужчиной и женщиной, проходила через Сяньсянь, мужчина был ее свояком, а женщина — вдовой ее брата. Старуха скоропостижно скончалась, и похоронить ее было не на что. Тогда ее свояк решил продать женщину кому-нибудь в жены. Воспротивиться она не могла. Плотник еще не был женат, и через сваху дело было быстро улажено.

Впоследствии плотник спросил свою жену, кто был ее первым мужем, оказалось, тот самый А.»

Удивительно!

Если бы предсказатель не пошутил, плотник не отправился бы в путь; если бы плотник не отправился в путь, у него не произошло бы столкновения с А; если бы не произошло столкновения с А, хозяин постоялого двора не был бы убит; если бы хозяин не был убит, А не приговорили бы к смертной казни; если бы А не приговорили к смертной казни, его жена не вышла бы замуж за плотника!

Смерть, наступившая без всякого повода и оборвавшая жизнь, повлекла за собой брак, но разве не было так предназначено судьбой?

И еще я слышал, что в столице, в районе Сисы пайлоу [1], был предсказатель, который ежедневно ставил свою палатку в торговых рядах. В шестую луну високосного года *гэн-сюй* правления под девизом Юн-чжэн * он неожиданно сам себе предсказал, что восемнадцатого числа умрет от несчастного случая. Это должно было произойти через два дня. От чего

* 1731 г.

последует смерть, он не знал, но гадательные символы были совершенно ясны.

В указанный день он не вышел из дома, накрепко запер дверь, и казалось, что ничего с ним произойти не может. Как вдруг земля содрогнулась, помещение, в котором он находился, обрушилось, и его завалило.

Если бы он сам себе не гадал, то в тот день, как всегда, установил бы свою палатку в торговых рядах, и как бы его тогда могло задавить?

И это тоже говорит о том, что от судьбы не уйдешь, а если он знал заранее, то сам совершил ошибку.

[683. Бес рисует картину.

684. Отец Цзи Юня разбирает запутанное судебное дело об изнасиловании.]

(685.) Некий вельможа, вернувшись летним днем с аудиенции, улегся в отдаленной комнате со своей служанкой. В это время привратник хотел ему о чем-то доложить и спросил:

— Где хозяин?

Мальчик-слуга, решив подшутить [над привратником], брякнул, не подумав:

— А хозяин только что привел в такую-то комнату твою жену и лег с ней.

Как раз в это время подошла жена привратника и стала ругать мальчишку.

Хозяин вышел узнать, в чем дело, и приказал выпороть мальчика.

Прошло три или четыре года, и жена привратника умерла.

К этому времени служанка надоела хозяину, и он отдал ее в жены привратнику, совсем забыв про тот случай.

Только когда свадьба уже состоялась, он вспомнил об этом и воскликнул:

— Разве такое может быть случайностью?

[686. Люди прогоняют бесов, шумевших в храме.

687. Лиса ведет себя благороднее человека, который, презрев оказанное ею добро, хотел ее убить.

688. Предсказание, сделанное нечистью, сбывается.]

(689.) Один крестьянин из Цинсяня заболел и не мог работать. Ему грозила голодная смерть, и он решил продать свою жену, чтобы спасти жизнь им обоим.

— Если я уйду, как же вы будете жить? — сказала жена.— Когда кончатся вырученные за меня деньги, вы же все равно умрете с голоду. Лучше мне остаться и служить вам, подавать питье, еду, лекарства, держать дом в порядке, и, может быть, вы еще оправитесь. Уж лучше я буду торговать собой!

Лет через десять с лишним жена этого крестьянина тяжело заболела и находилась на грани между жизнью и смертью. Неожиданно она пришла в себя.

— Только что, — сказала она мужу, — словно во сне, я побывала в Царстве мертвых, и тамошний чиновник сказал мне так: «Проститутки к своему падению относятся как пташки, а ты ни на минуту не забывала о своем муже и проявила настоящую человечность. Живи!»

[690. Предсказание, сделанное во время гадания, сбывается.

691. Источники, в которых упоминается о начале составления гороскопов в Китае.

692. Картина, изображающая фею, оживает, когда ее не видят люди.

693. Лиса-оборотень просит человека изгнать «небесную лису», которая собирается ее околдовать.]

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

[694. Бес обращает внимание рассказчика на стихи, написанные кем-то перед смертью на стене постоялого двора.

695. О жестоком обращении мужей с женами.

696. Новобрачная, нарушив обычай, показывается на люди, чтобы спасти тонущую женщину.

697. Цзи Юнь отрицательно отзывается о человеке, который стал отшельником и много лет сидел в горах, не произнося ни слова.

698. Рассуждение о том, в каждом ли доме есть свой бог домашнего очага, или он один на весь Китай? Сопровождает ли он людей при их переезде на новое местожительство?

699. Ученый остроумным ответом прогоняет оборотня.

700. Слуга, не оправдавший доверия хозяина, кончает самоубийством.]

(701.) Почтенный Ван Цзы-фу из Вэньаня рассказывал:

«В Бачжоу женился один чиновник. Едва кончился свадебный обряд, как новобрачный, словно обезумевший, выбежал из дома, не произнося от страха ни слова. Все бросились за ним с расспросами, и он наконец ответил:

— У молодой лицо синее, волосы красные, весь облик, как у чудовища. Я убежал с испугу!

А молодая, которая видела себя такой, как всегда, не могла понять, что случилось с ее мужем.

Его заставили снова войти в брачные покои, но повторилось то же самое.

Когда же родители стали снова посылать его к молодой, то он улучил минуту и с отчаяния повесился.

Дом был еще полон людей, поздравлявших молодых, и отец новобрачной вывел ее к гостям, поклонился и спросил:

— Дочь моя действительно уродлива[1], но разве может она напугать человека до смерти?»

В «Записках о чудесах»[2] есть сходный с этой историей рассказ о том, как Лу-шэн женился на дочери правителя уезда Хуннун, только там дело не дошло до смерти.

Видимо, в прошлом перерождении это были кровные враги, и о них нельзя судить по обычным нормам человеческих отношений.

Ну а начетчики рассудили бы так: «Значит, было нервное заболевание, жизненная энергия истощилась, и голова помутилась...»

(702.) Правитель канцелярии Ли Цзай-лин был внуком правителя Хань Саня. Когда я служил в палате обрядов, он был в моем подчинении. Характер у него был открытый, и я считал, что он далеко пойдет.

Вскоре после своей свадьбы он неожиданно скончался совсем молодым.

Когда я стал расспрашивать об обстоятельствах, сопут-

ствовавших его брачной ночи, оказалось, что молодая жена, отбивая поклоны небесным духам, выронила из-за пазухи зеркальце, которое, ударившись о землю, разлетелось на две части. Это показалось Ли плохим предзнаменованием. А тут еще послышался бесовский свист, не прекращавшийся всю ночь. Все это вызвало у него подавленное состояние духа.

[703. Человек, принеся жертву вином, умилостивляет лис, мешавших ему жить в новом доме.

704. Небо карает злую женщину.

705. Бесы не решаются причинить вред целомудренной женщине.

706. Лисы смеются над трусливым ученым, уклонившимся от их вопросов о правилах образцового поведения.

707. Лисы околдовывают влюбленную пару: одна из лис проводит время с девушкой, выдавая себя за ее возлюбленного, другая — с юношей.

708. Человек, который мог видеть духов мертвых, рассказывает о том, как они приходят вкусить приносимые им жертвы.]

(709.) Сун Цзы-ган рассказывал:

«Один старый начетчик учил детей в сельской частной школе. Рядом со школьным помещением, где лежали дрова, поселилась лиса. Сельские жители не решались туда вторгаться, а школьники были непослушные, упрямые и часто безобразничали.

Однажды старый начетчик отправился на похороны и обещал вернуться на следующий день.

Мальчики связали вместе несколько столов, покрасили их красной краской, устроили театральные подмостки и стали разыгрывать спектакль. В это время неожиданно вернулся старый начетчик, выпорол всех мальчишек до крови и, рассерженный, ушел.

Все удивлялись тому, как строго обошелся учитель с детьми, старшим из которых было всего лет по одиннадцать-двенадцать, а младшим — лет по семь или восемь.

На следующий день начетчик вернулся домой и решительно отрицал, что возвращался накануне.

Тогда поняли, что это лиса отомстила детям.

Некоторые жители этой деревни хотели принести жалобу на лису духу — хранителю местности, другие предлагали выбросить дрова; были и такие, что хотели пойти и как следует выругать лису.

Но нашелся человек, который сказал:

— Мальчики действительно вели себя неприлично, и их выпороли по заслугам, только слишком жестоко. Я слышал, что победить нечисть можно только добродетелью, но никак не силой. Если мы станем наносить друг другу взаимные обиды, то боюсь, что наши беды не ограничатся этой.

Все согласились с ним.»

Этого человека можно назвать беспристрастным, а также и дальновидным.

[710. Рассуждение о том, что гусь с двумя головами — не нечисть, ибо у людей рождаются близнецы, а куриные яйца бывают двухжелтковыми.

711. Лиса нарушает договор, заключенный ею с человеком, и оправдывается тем, что и среди людей много обманщиков.

712. Поверье, объясняющее, почему женщины, собирающиеся повеситься, надевают красное платье.

713. Человеку во сне является дух дерева, которое он хотел срубить.

714. Дух самоубийцы продолжает заботиться о семье.

715. Дух ученого перебирается с кладбища в горы, чтобы избежать насмешек других покойников над его прежним скромным образом жизни.

716. Бес помогает благородному мужу, который спьяна оказался в реке.

717. Небо карает человека, изнасиловавшего свою овдовевшую невестку.]

(718.) Духи повесившихся людей, духи утопленников всегда ищут себе замену, об этом существует немало рассказов. А вот о духах тех, кого зарезали, или тех, кто был отравлен, или сгорел, или раздавлен, с самой древности не рассказывали историй, связанных с поисками замены. Чем это можно объяснить?

Горный пик Лоханьфэн[1] в Жэхэ по форме очень похож на сидящего на корточках старого буддийского монаха, и многие поднимались на гору, чтобы поглядеть [на пик].

Недавно оттуда упал человек и разбился насмерть.

И вдруг некоторых из его земляков стало охватывать безумие. Люди упорно карабкались на вершину пика, бросались вниз и разбивались. Все решили: «Это дух ищет себе замену».

Пригласили буддийского монаха, чтобы он прочел молитвы, но это не помогло. Только когда установили стражу, [самоубийства] прекратились.

Вообще, духи самоубийц ждут себе замену от тех, кто легко смотрит на свою жизнь. О тех, кто умер, потеряв ногу, нельзя сказать, что они не ценили своей жизни, а тем более этого не скажешь о тех, кто бросился с горы, потому что их одурманил дух. Какой же смысл было духам губить этих людей одного за другим в ожидании замены?

Думается, что либо это была кара за несправедливо нанесенную обиду, либо наваждение, вызванное горными бесами, которые никак не могли найти себе замены.

[719. Люди обуздывают нечисть, которая боится огня и предметов, производящих огонь, так как она принадлежит к полюсу Тьмы.

720. Мужчины, заигрывающие с незнакомыми женщинами, сами виноваты в том, что становятся жертвами проделок лис.

721. Дух покойного упрекает жену своего брата, не смотрящую за его детьми.

722. Пьяный падает в колодец; не искал ли дух утопленника замены?

723. В древних рассказах о чудесах встречается много упоминаний о духах деревьев, принимающих облик коровы, и о летающей женщине.

724. Человек ночью встречает двух духов мертвых, оплакивающих разлуку друг с другом.

725. Монахиня наставляет непокорную жену.

726. Категории людей, духи которых после смерти не утрачивают своих прежних качеств (любящие жены, благородные ученые, смелые воины и т. д.).

727. Страшный ураган, повредивший деревья и не тронувший цветы.

728. Камень на горе Жилище бессмертных, который издали кажется огромным человеком, а вблизи — маленьким камнем.]

(729.) Почтенный Шэнь Цан-лин рассказывал:

«Двое ученых из Лючжимяо, которым предстояло сдавать государственные экзамены, ночью заблудились. Они устали и, увидев заброшенное поместье, решили отдохнуть. Здание

было полуразрушено, ни окон, ни дверей не сохранилось. Они собирались посидеть в западном флигеле, как вдруг из-за дерева послышался голос:

— Не решусь скрыть от вас, почтеннейшие, в западном флигеле живет юная девушка, и вам туда вход запрещен. В восточном флигеле старый ученый наставляет своих учеников. Там вы можете посидеть.

Они поняли, что это если не бес, то лиса, но устали до такой степени, что у них не было сил сделать лишний шаг, и поэтому поклонились дереву и уселись напротив него.

Спустя некоторое время они стали спрашивать, как им выйти на дорогу, но ответа не получили.

В темноте они почувствовали, как что-то коснулось их рук. Пощупали — оказалось, что в руках у каждого по половинке тыквы. Они поблагодарили, но и на это ответа не последовало.

Когда рассвело и они собирались снова пуститься в путь, из-за дерева снова послышался голос:

— В двух ли к востоку отсюда проезжая дорога. И примите в дар еще одно слово: нельзя не учитывать изменений расположения черт в гексаграммах «Книги перемен» [1].

Смысла сказанного они не поняли, но вежливо поклонились. Ответа не было.

Оказалось, что на экзамене спрашивали об изменениях расположения черт в гексаграммах. Все экзаменующиеся отвечали, как учат сунские неоконфуцианцы, и только эти двое, ответившие так, как сказал голос, заняли первые места.»

(730.) В год *цзя-цзы* правления под девизом Цянь-лун * я должен был сдавать государственные экзамены в Хэцзяни. У одного из экзаменовавшихся была забинтована голова, и он объяснял это тем, что упал с осла и разбил лоб.

Однако его товарищ, приехавший вместе с ним, услыхав это, сказал:

— Дело в том, что по дороге нам встретилась молодень-

* 1744 г.

кая женщина. Нарядно одетая и накрашенная, она стояла в одиночестве под ивой, и он опустил поводья и стал спрашивать ее о дороге.

Женщина сказала:

— С севера на юг идет большой почтовый тракт, повозки и лошади непрерывно снуют туда и сюда, как можно бояться сбиться здесь с дороги? Вы просто решили подурачить меня, пользуясь тем, что я здесь одна.

И тут вдруг в него полетела черепица и разбила ему лицо до крови. А эта женщина вошла в просяное поле и исчезла из виду. Я не знаю, была эта женщина человеком, бесом или лисой. Однако я не видел, чтобы она поднимала руку, а между тем черепица все-таки в него полетела. Видно, она не человек. Но бесы не разгуливают средь бела дня. Думается мне, что это была лиса.

Гао Мэй-цунь сказал:

— Нечего и доискиваться. Все равно человек она или лиса, но залепила она ему правильно!

И еще: осенью года *дин-мао* * я слышал, что сын некоего столичного чиновника вечером проходил по улице с дурной репутацией, и проститутка заманила его к себе домой.

Среди ночи неожиданно вернулся ее муж и угрозами заставил сына столичного чиновника бежать совершенно голым, без одежды и туфель. Он был вынужден спрятаться среди зарослей на могильном кургане и поднял крик, что повстречал беса. Кто-то сообщил его домашним, чтобы те пришли за ним.

Господин из Яоани служил в это время в палате чинов. Услыхав об этой истории, он засмеялся и сказал:

— Я только сегодня узнал, что бесы могут грабить людей!

Оба эти случая могут послужить предостережением для повес.

[731. Дух мертвого в благодарность за оказанное ему в прошлом благодеяние спасает человека.

* 1747 г.

732. Борьба с судьбой напрасна, как показывает опыт заклинателя бесов, умершего под их радостные возгласы.

733. Человек, увидевший в комнате беса, умирает.

734. Духи карают пьяниц, забравшихся в буддийский храм.

735. Будда ставит отметку на лбу нечестивца.

736. Небо карает чиновников-взяточников.

737. Лисы губят двух сестер-проституток и объясняют даосскому монаху, думавшему расколдовать сестер, что они не стоят его заступничества.]

(738.) Чэн Юй-мэнь рассказывал:

«Некий Чжу сошелся с певичкой с реки Хуайхэ, которая выгнала его, как только у него кончились деньги.

Однажды некий торговец Си посетил эту певичку. У него было много слуг, роскошные экипажи, и деньгами он сорил, как песком. Боясь, чтобы он не уехал, певичка отказала всем своим посетителям и всяческими ухищрениями старалась обворожить купца.

Каждый день он дарил ей несметное количество золота, шелка, жемчуга, изумруды. Прожив у нее два с лишним месяца, он неожиданно объявил, что уезжает в Янчжоу. Больше он не появлялся. Певичка расспрашивала о нем людей, но никто ничего не знал.

Как-то она проверила корзины и короба — оказалось, что от его подарков ничего не осталось, так же как и от подарков, сделанных ей Чжу. Сохранилось лишь двести с чем-то золотых, составлявших как раз ту сумму, что ушла на еду и питье в те два месяца, что торговец жил у нее.

Певичка очень удивилась и огорчилась.

Кто-то сказал:

— Я слыхал, что у этого Чжу есть приятель лис. Возможно, что он-то и отомстил ей за Чжу!»

[739. Женщина, бросившая мужа ради любовника, в прощальном письме к мужу выдает себя за лису-оборотня.

740. Бесы, собирающиеся на поле боя и заимствующие жизненные силы умирающих.

741. Мальчик кидает с дерева девушкам финики, из-за которых они ссорятся. Потом понимают, что это бесенок.]

(742.) Некий ученый пил как-то ночью в одном сомнительном доме. При лунном свете он пустился в обратный путь. Жил он на улице Чжушикоу [1], поэтому от Сянчана [2] он пошел кратчайшим путем. Его сопровождал мальчик-слуга, несший фонарь в плетенке. На середине дороги мальчик упал, и фонарь потух. Вдали был виден дом, в котором еще не потушили свет. Они пошли туда, чтобы попросить огня. Дверь открыла женщина, пригласившая ученого войти и выпить чаю. Он решил, что это «дом радости» и женщина развлечет его. Но она стыдливо опустила голову, и весь ее облик выражал печаль. Ученый хотел уйти, но она крепко вцепилась в его рукав и не пускала. Тогда он попробовал пошутить с ней, и, хотя она увертывалась от него, он все-таки слился с ней в радости. У него было при себе несколько золотых, и он хотел дать их ей в уплату, но женщина отказалась принять деньги.

— Прошу вас о милости,— взмолилась она,— в таком-то месте есть такой-то человек. Он слуга, который давно уже не имеет работы, жена его умерла, осталось двое малых детей, им не миновать голодной смерти. Если вы согласитесь взять его к себе на службу, то и находясь за Желтыми истоками я не перестану испытывать благодарность к вам.

Ученый спросил шутя:

— А ты пойдешь со мной?

Плача, она ответила:

— Я ведь не человек, я была женой того слуги, и так как он не может содержать детей, то, презрев стыд, я вынуждена молить о помощи.

Задрожав от страха, ученый бросился прочь. Оглянувшись, он увидел на месте дома свежий могильный курган.

Позже, растроганный ее просьбой, он послал за ее мужем и детьми. И слугу получил, и с духом мертвой разделил ложе; да еще у этого слуги, как стало известно, завелось много денег.

Откуда взялись эти деньги? Да от грабежа чиновников и вреда, приносимого народу.

[743. Развратник насилует попавшегося ему на дороге старика, принявшего его за беса.

744. Человек принимает кусок черепицы, раскрашенный мальчиками, за чудовище и пытается его застрелить.

745. Сравнение теории о воздаянии за добро и зло с христианской концепцией рая и ада.

746. Лисы, читающие книги и знающие правила поведения, не боятся приблизиться к благородным людям, не причиняющим им вреда.]

(747.) Шэнь Жуй-чжан поселился в монастыре Гаомяо[1] и там занимался. Как-то летней ночью он спал под террасой зала, построенного в честь бога Вэньчана[2]. Когда все стихло, на башне послышались голоса.

— Мы ведь не пользуемся деньгами,— сказал первый голос,— а ты их скопил много. Зачем?

— Хочу на эти деньги отлить бронзовую статую Будды и поднести ее в дар кумирне Таньчжэсы, что в Западных горах[3],— ответил второй.— Надеюсь, Будда защитит меня и я получу видимый облик.

— Тьфу!— сплюнул первый.— Это большая ошибка! На пожертвование необходимы деньги, которые принадлежат лично тебе. Да разве Будда, не спросив тебя, откуда ты их взял, согласится принять награбленные деньги?

Шэнь Жуй-чжан продолжал прислушиваться, но воцарилась тишина.

Лиса-дарительница! А вот услышать бы такие речи, когда дарители стекаются тучами, так это произвело бы впечатление, подобное удару грома.

(748.) И еще Жуй-чжан рассказывал так:

«Как-то я с несколькими приятелями прогуливался в Западных горах; дошли до поросшей лесом возвышенности; дул теплый ветерок, светило солнце, в ручьях блестели камни, деревья были покрыты глянцевитой свежей зеленью, начали раскрываться полевые цветы.

Пока мы любовались видом, с вершины одного из деревьев послышался голос, читающий нараспев. Мы подняли головы, но никого не было видно.

Тогда я отвесил поклон и громко сказал:

— Тот, кто читает здесь вслух, наверняка принадлежит к сонму бессмертных, удостойте же вниманием своих товарищей по занятиям. Не согласитесь ли спуститься, чтобы побеседовать с ними?

И вдруг голос на вершине дерева смолк. А по ту сторону речки послышался звук, подобный звону колокольчика. Среди нас нашлись желающие пуститься в погоню, чтобы отыскать читавшего вслух, но я сказал:

— Человек, удалившийся от мира, воспользовался хорошей погодой, чтобы предаться изучению классических книг. Мы же с вами пришли сюда из служебных помещений, взяв с собой вино, чтобы полюбоваться гуляющими девушками. Правильно, что он не обратил на нас внимания. Зачем же нам куда-то тащиться за ним?

Тогда все успокоились.»

[749. Буддийская монахиня, которая брала пожертвования только от хороших людей.

750. Юноша, подобравший чужие деньги, умирает от лисьих чар.

751. Человек, любивший подглядывать за женщинами, слепнет; сплетника Небо карает болезнью языка.

752. Небо карает неблагодарного человека, желавшего устроиться поудобнее за счет других людей.]

(753.) Шэнь Шу-сунь, родом из Усяня, была внучкой господина Чжи Гуана, имевшего чин цензора. Родители ее умерли, когда она была совсем маленькой, и ее воспитывала бабушка. Эта бабушка, младшая сестра господина Ян Вэньшу, получила посмертное имя Фэн Яо-цзи. Она искусно слагала стихи и превосходно рисовала цветы и травы; поэтому и Шу-сунь училась писать стихи и искусно накладывала краски.

С детства Шу-сунь была обещана в жены моему племяннику Жу-бэю, но умерла, не успев выйти замуж.

Когда Шу-сунь стало совсем плохо, моя матушка пришла навестить ее. Бабушка, плача, окликнула внучку:

— Шао-сунь! (Это было ее детское имя.) Пришла сестра твоей свекрови, поздоровайся с ней.

В это время Шу-сунь находилась уже в забытьи, но она открыла глаза, на ресницах ее блеснули слезы, и, подняв руку, она потрогала браслет моей матери. Та сняла с себя браслет и надела его на руку девушки. Шу-сунь слабо улыбнулась и закрыла глаза.

Мать сразу поняла ее желание: девушка хотела, чтобы какая-нибудь вещь, принадлежащая семье Цзи, сопровождала ее в могилу.

В начале своей болезни она, зная, что ей уже не подняться, нарисовала картину, накрепко запечатала свиток[1] и спрятала его подальше, под свою подушку. Когда ее спрашивали, что это, она не отвечала. Теперь она дала понять, что оставляет картину моей матери. Когда свиток раскрыли, оказалось, что Шу-сунь нарисовала орхидеи под дождем; стихи над рисунком гласили:

Одиноко сижу у окна,
Орхидеи рисую в унынье,
Только я и увижу одна,
Как они оживут на картине.
Как мне жаль их, растущих в долине,
Где их ветер сорвет, не щадя,
Где не спрятаться им от дождя,
Где замерзнут они в пустыне.

В их семье был один несговорчивый человек, из-за которого откладывалась ее свадьба. Видимо, это она имела в виду в своих стихах.

Моя мать очень горевала о Шу-сунь. Она хотела купить участок земли, чтобы похоронить ее, но господин из Яоани сказал ей, что это неудобно.

Впоследствии, когда гроб с телом Шу-сунь погрузили на джонку, чтобы везти на ее родину, она явилась моей матери во сне и со слезами благодарила ее.

[754. Духи собираются вместе, чтобы выпить вино, принесенное в благодарность им людьми.

755. Бес пытается заманить ученого в страшную опасность, приняв вид терзаемой души его умершей наложницы.

756. Юноша влюбляется в девушку, увидев написанные ею стихи.

757. Слуга, ненавидящий кошек, проучен своей хозяйкой.

758. Человек присутствует при сборище духов древности, приветствующих божество пашни.

759. Скрывая из жалости к другу неприятную правду, человек становится виновником гибели его жены.]

(760.) Ученый старшего поколения Доу Дун-гао[1] рассказывал:

«Когда я служил в управлении школами в Чжэцзяне, в канцелярии постоянно крутился маленький мальчик, доставлявший приказы. Никто не удивлялся этому, так как все считали его сыном кого-либо из курьеров. Однажды я велел ему принести какую-то вещь, и он ответил:

— Не могу.

Я удивился и стал его расспрашивать. Он объяснил, что был слугой у прежнего начальника, умер в малолетстве и душа его осталась здесь. Внешний облик у него был, но плоти не было, поэтому он мог передавать только устные поручения, но вещь поднять не мог. Это объяснение показалось мне разумным. Однако записи, содержащиеся в древних книгах, говорят, что духи могут делать все, что могут люди. Как же это понять?»

[761. Древнее городище и археологические находки в нем.

762. Наскальные рисунки в пещерах Кашгара.]

(763.) Мой сын Жу-чжуань был женат на девушке из рода Чжао. Характер у нее был мягкий, кроткий, и к нам с женой она относилась, как почтительная дочь. Моя жена не могла нахвалиться ее внешностью, речами, умением, добрым нравом. К несчастью, Чжао рано умерла, когда ей было всего тридцать три года. Я до сих пор оплакиваю ее.

Впоследствии, когда Жу-чжуань служил в Хубэе, он купил себе наложницу, которая и телосложением и лицом была вылитая Чжао, так что смотреть было страшно. Даже когда ее увидели служащие канцелярии, их потрясло это сходство.

Как получилось, что эти двое были так похожи? И что особенно удивительно, обе достались одному и тому же мужу!

Но эта наложница Жу-чжуаня через несколько месяцев после того, как переступила порог его дома, тоже безвременно скончалась.

Зачем творец всего сущего создал такой иллюзорный призрак, на который только взглянешь, как пора уже прощаться?

[764. Дух мертвой просит деда Цзи Юня переписать для ее спасения часть «Алмазной сутры».]

(765.) Знаток классического канона Юй Нань-мин рассказывал:

«Нет предела горестям и радостям в человеческой жизни, как нет и установленного порядка в чередовании печали и веселья в человеческой душе. Достигнешь предела радости и постепенно невольно начинаешь ощущать горесть. Дойдешь до предела горести и постепенно невольно начнешь ощущать радость.

Как-то я остановился в подворье поселка Каннин; комната там была узкая, низенькая, просто голову не поднять. На дверях не было занавеса, у постели — полога, во дворе — ни одного дерева. Давно уже стояла засуха, воздух был знойный, застоявшийся, словно сидишь в котле для варки пищи.

В полдень я разделся и прилег отдохнуть. Мухи мешали сомкнуть глаза, беспокоили меня немилосердно, и я сказал себе, что это — настоящий ад. Прошло много времени, пока я, вконец измучившись, не заснул.

И вот во сне я очутился на джонке среди моря. Дул тайфун, небо стало темным, борт джонки дал трещину, парус сломался, меня охватил ужас: еще минута — и джонка опрокинется и затонет. Но какой-то человек вытащил меня на берег, а люди связали веревками и затолкали в яму, где было так темно, что ничего нельзя было разглядеть, и было трудно дышать, меня охватил неописуемый ужас.

Я услышал стон и открыл глаза — оказалось, что я по-прежнему лежу на трехногой деревянной лежанке. Я лег поудобнее, и настроение у меня сразу поднялось, стало так хорошо, словно я попал в обитель бессмертных.

Вечером при ясной луне я прогуливался с учениками по берегу реки. Мы присели под ивой, и я излагал им свои мысли по этому поводу. И вдруг в траве послышался тихий вздох.

— Это справедливые речи,— сказал кто-то тихо.— Нам, потонувшим в глубинах вод, в конечном счете все-таки лучше, чем тем, кто в аду!»

[766. Духи помогают слуге, искавшему брод в глубокой реке.

767. Тысячелетние сосны обладают чудодейственными свойствами.

768. Попытка установить автора стихотворения, воспевающего знаменитую певичку Юэ-бинь.

769. Нечисть не может испугать ученого, если он не боится ее.

770. Сны, которые снятся одновременно двум людям, или одному снится то, что реально происходит с другим.

771. Свидетельства о том, что измельченные в порошок и вымоченные в вине монеты танского времени являются прекрасным средством для сращивания переломов.]

(772.) Притоны для азартных игр, судя по «Дополнениям к государственной истории» Ли Чжао[1], существовали уже со времен Тан.

Что же касается сборищ накрашенных особ, с которыми за деньги можно было бы провести часть ночи, то этого не было в обычае до династии Мин, ибо в частных домах были домашние певички, а в государстве — казенные проститутки. После того как упразднили актерское управление[2], обычай этот расцвел и стал источником дохода для всяких разнузданных типов и ловушкой для глупцов. Хотя закон это и запрещал, но искоренить зло так и не удавалось.

Я видывал занимающихся этой профессией гулящих девиц, что липнут к богатым домам; помешать молодым людям спьяна разделить с ними ложе нет никакой возможности.

Оба сына Юань Цзи[3] заразились дурной болезнью, пере-

дали ее своей семье и таким образом распространили в своем уезде. Наследников у них не было. И дух Жоао[4] голодал.

[773. Корова, убитая мясником, является причиной его мучительной смерти.

774. Дух покойника продолжает следить за поведением жены.]

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

[775. Ученый видит, как танцуют и играют на струнных инструментах неземные девы, но не знает, кто это — небесные феи или лисы-оборотни.

776. Дух мертвого мстит студенту, сошедшемуся с его женой.

777. Лисы насмехаются над хвастуном.

778. Бог грома оставляет в доме человека следы своего посещения, хотя обычно их можно видеть только в горах.

779. Меч, которым убили много людей, звенит сам по себе.

780. Наскальные рисунки, сохранившиеся в пещерах Западного Китая.

781. Небо карает человека, ловившего рыбу с помощью ядовитых ягод.

782. Человек слышит беседу бесов, сравнивающих достижения поэтов разных эпох.]

(783.) Дун Цюй-цзян рассказывал:

«Был один начетчик, очень педантичный, больше всего он заботился о том, чтобы не совершить какой-нибудь ошибки; при этом был заносчив и считал себя вправе всех осуждать.

Один его приятель, снявший в пятой луне траур, собирался в седьмой луне жениться.

Начетчик выразил протест против этого в письме, в котором говорилось: «Жениться, когда не прошло и трех месяцев после окончания траура,— значит, мысль об этом вынашивалась уже давно. *Чуньцю* учит нас судить о человеке по его помыслам, ведь Лу Вэнь-гун[1] хотя и не носил траура, но соблюдал его.

Видя, что друг совершает ошибку, я не могу не указать ему на нее. Жду вашего ответа по этому поводу».

Он занял такую твердую позицию.

И вот однажды жена этого начетчика поехала проведать своих родителей. Она обещала вернуться в такой-то срок, а

вернулась на день раньше. Начетчик спросил ее, почему она вернулась раньше, и жена ответила:

— По ошибке, думала, что это короткий месяц.

Начетчику это не показалось странным. На следующий день пришла еще одна жена. Начетчик страшно перепугался и стал искать вчерашнюю, но та исчезла.

С этого дня начетчик стал хиреть и в конце концов заболел чахоткой. Это лиса, приняв вид его жены, высосала из него жизненные силы и за одну ночь так истощила его.

Узнав об этом, его приятель в свою очередь написал ему письмо: «Муж и жена делят ложе, и это нельзя назвать нарушением устоев. Приняв вид вашей жены, лиса-оборотень неожиданно для вас заняла ее место. Но причинить такой серьезный ущерб вашему началу за одну ночь она не смогла бы, если бы вы не дали волю своим необузданным страстям. В противном случае разве осквернила бы она ваше мужское начало, если бы образцовым поведением вы дали отпор ее распущенности?

К тому же древние учили нас, что наваждение не может устоять перед добродетелью. Что-то не доводилось слышать, чтобы подобные истории случались с мудрецами древности или с братьями Чэн и Чжу Си. И ведь эта нечисть открыто вторглась к вам, иначе разве не хватило бы у вас добродетели? Учитель, вы — мудрец, а то, что с мудрецов спрашивается больше,— ведь это принцип *Чуньцю*.

Видя, что друг совершает ошибку, я не могу не указать ему на нее. Жду вашего ответа по этому поводу».

Начетчик получил письмо и стал утверждать, что ничего не было, все это выдумали его односельчане.»

Господин Сун Цин-юань, узнав об этом, сказал:

— Вот это, как говорится, сам себе вырыл яму!

[784. Цзи Юнь помнит свои впечатления раннего детства; он хорошо видел в темноте, но с годами утратил эту способность.

785. Крестьянин присутствует при ссоре двух духов мертвых из-за проститутки, которая и в загробном мире не изменяет своим профессиональным навыкам.]

(786.) Был один начетчик, который утверждал, что бесов не существует. Собеседники стали как-то наседать на него:

— Сегодня стоит ужасная жара, решитесь ли вы провести ночь в прохладе на заброшенном кладбище?

Старик смело отправился туда и действительно ничего не увидел.

Вернувшись, он еще более самоуверенно заявил:

— Разве Чжу Вэнь-гун [1] обманул меня?

Я сказал:

— Пройдя тысячу ли с поклажей и не встретив на дороге грабителей, вы не станете утверждать, что на дорогах нет грабителей. Проведя весь день на охоте и не встретив зверей, вы не станете утверждать, что в лесах не водятся звери. Если в одном месте не было бесов, делать из этого вывод, что в Поднебесной нет бесов, так же неверно, как утверждать, что бесов вообще никогда не было, на том основании, что не видел их в эту ночь.

Да к тому же и рассуждения о том, что бесов не существует, идут от Юань Чжаня [2], а не от Чжу Си.

Чжу Си подчеркивал, что то, что *хунь* — духовное начало — стремится вверх, а *по* — земное начало — вниз, это нормальный принцип, а все чудесное лежит вне нормы. Это не означает, что он утверждал, будто бесов не существует.

Поэтому Цзинь Цю-вэй писал: «Братья Чэн сперва не говорили, что духов и бесов не существует, и это лучше, чем нынешние толки».

Ян Дао-фу [3] писал: «Дождь, ветер, роса, гром, солнце, луна, день, ночь — все это следы духов и бесов; это прямодушные духи и бесы, открыто являющиеся средь бела дня. Если говорят, что кто-то свистит на мосту, кто-то колотит себя в грудь, то это так называемые зловредные бесы, появляющиеся во тьме. Могут быть, а могут и не быть, приходят или уходят, могут собираться вместе, могут жить и поодиночке. Существуют и так называемые явления в ответ на молитву, отзыв на моление. Их тоже называют бесами и духами по тому же принципу».

У Бао Яна[4] сказано: «У бесов и духов принципы жизни и смерти совсем не такие, как говорят о них буддисты, как видят их миряне. Но прояснить это с помощью разума невозможно, и даже не надо пытаться вникнуть».

И еще у него говорится: «Нань Сюань[5] тоже упрямо отказывался верить. Он допускал только такие вещи, как треножники Юя[6], призраки, духи гор, рек и деревьев. Их жилье в глубоких горах, в больших болотах; а когда люди приходят, чтобы завладеть этими местами,— разве они не проявляют себя?

Лю Дао-жэнь из Юйчжана жил в хижине на вершине одной горы. Однажды к нему забрались ящерицы и выпили всю воду, находившуюся в хижине; вскоре все вокруг хижины было усыпано градом. На следующий день под горой действительно шел град. Одна женщина, бесхитростная и честная, не способная на ложь, рассказывала: «Я проходила мимо горы и услышала шум в лесу у реки, вижу — бессчетное множество ящериц, и каждая несет во рту вещь, похожую на хрусталь; не прошла я и нескольких ли, как начался град».

А здесь в чем была суть?

В древности был уездный город, там находилась большая статуя Будды, и все в нее верили. Потом кто-то безликий отрубил ему голову, и народ плакал, шея Будды, сделанная из глины и дерева, давала им испрашиваемые блага. Разве глина и дерево способны на это? Такое постигается только сердцем человека».

У Би-да[7] пишет: «Поэтому в рассуждении о том, что Се Ши-лун[8] увидел духа, скажу: «Те в миру, кто верит в бесов и духов, говорят, что на свете они действительно существуют; те же, кто не верит, заявляют, что их нет. Но ведь есть и такие люди, которые действительно их видели.

Чжэн Цзин-ван[9] считал, что увиденное Се Ши-луном было действительно таким, как он говорил. Он не знал, что это был особый вид радуги».

Спросили: «Радуга — ведь это воздух, как же она могла иметь телесную плоть?»

Отвечу: «Раз могут пить воду, значит, обязательно должны иметь желудок. Только когда растворится в воздухе, тогда теряет тело. Дух грома тоже принадлежит к этой категории».

Линь Сы спросил: «В мире очень много тех, кто видел духов и бесов. Не знаете, существуют они или нет?»

Отвечу: «Раз так много людей их видели, как можно говорить, что они не существуют. Но это неверный подход. Например, Бо Ю[10] стал бесприютным духом[11]; Ин-чуань[12] говорил, что это [следует рассматривать] особо. Но ведь этот человек не исчерпывается убийствами и насилиями, а между тем душе его некуда было вернуться, и с тех пор так и пошло.

Был когда-то человек, который шел ночью вдоль реки Хуай и увидел несметное множество теней, похожих на людей и в то же время не похожих, они то появлялись, то исчезали. Он понял, что это бесы, и предпочел обойти их стороной. Потом расспросил людей и выяснил, что в этом месте было когда-то древнее поле сражений. Видно, все они умерли не своей смертью, затаили обиду, поэтому и не рассыпались в прах».

Некто, присутствовавший здесь, сказал, что в деревне был человек, звали его Ли-сань, после смерти он стал бесприютным духом и причинял людям вред; во всех захолустьях, когда приносят жертвы Будде, обязательно оставляют часть для этого человека. Впоследствии, из-за того что люди стали пускать хлопушки, загорелось дерево, стоявшее рядом с кумирней, и с тех пор он перестал причинять вред.

На это отвечу: «Жизненная энергия после несправедливо причиненной смерти еще не рассеялась, а когда хлопушка напугала,— рассеялась».»

Шэнь Сянь[13] пишет: «Есть среди людей такие, кто не примирился со своей смертью, поэтому, хотя они и умерли, жизненная энергия их не рассеялась, они стали нечистью и творят всякие чудеса. Если человека убили или если умирают даосские и буддийские монахи, то их жизненная энергия часто не рассеивается». (Даосские и буддийские мо-

нахи усиленно совершенствуют свой дух, поэтому жизненная энергия у них сконцентрирована и не рассеивается.)

— У Вань Жэнь-цзе[14] говорится: «Умер — и жизненная энергия рассеялась, исчезла без следа, это естественно. Бывает, правда, что у некоторых переродившихся жизненная энергия не рассеивается, и бывает, что она скапливается, тогда [умершие] снова возрождаются».

Е Хэ-сунь[15] говорит: «В Таньчжоу было судебное дело: жена убила мужа, тайно зарыла его в землю, а потом он стал злым духом. Когда дело было раскрыто, он перестал проявлять себя как злой дух; значит, он знал, что она понесла кару, а если бы он не был согласен с приговором, то обида несправедливо убитого не прошла бы».

Ли Чжуан-цзу пишет: «Некто спросил: «Есть духи, получающие жертвенную пищу в уездных храмах по нескольку сотен лет. В чем же тут дело?»

Отвечу: «Через какое-то время и они рассеиваются. Когда-то в Нанькане очень долго стояла засуха, пришлось повсюду устраивать моления духу. И вдруг он появился в одном храме, где было только три комнаты, запущенные, в ужасном беспорядке. Тамошние жители говорили, что лет тридцать-сорок назад дух звучал, как эхо; если приходили люди, то дух, скрытый занавесом, разговаривал с ними; очевидно, тогда был такой дух, а теперь — иной».»

У Е Хэ-суня также сказано: «Беседуя о духах и бесах, говорили, что храм Эрланмяо на Гуанькоу в Шу установлен в честь Ли Бина[16], прорывшего канал в Лидуй. Теперь в этом храме бывают всякие чудеса — это появляется второй его сын. Вначале слыхали, что ему был пожалован титул князя, а потом, когда Хой-цзун[17] увлекся даосизмом, он изменил этот титул на «Бессмертного святого». Чжан Вэй-гун, набирая войска, молился в этом храме. Ночью ему приснилось, что явился дух, сказавший: «До сих пор я носил дарованный мне титул князя, получал в дар жертвенных животных, и поэтому авторитет мой и богатство были велики. Ныне же меня именуют Бессмертным святым и, хотя почитают, приносят в жертву [лишь] растительную пищу, и по-

этому авторитет мой ослаб и богатства иссякли. Надо снова сделать меня князем, чтобы я стал влиятельным духом».

Вэй-гун пожаловал ему этот титул. Неизвестно, действительно ли Вэй-гун видел этот сон, или он это придумал, чтобы быстро навербовать войско.

Есть также дух Цзы-тун [18], очень чудодейственный. Два эти духа в равной мере властвуют над двумя реками.

Большинство духов используют приносимых им в жертву животных, чтобы заимствовать у них жизненную энергию. В древности люди именно поэтому смазывали ритуальные сосуды кровью жертвенных животных.

Хань-цин [19] говорил, что Ли Тун [20] рассказывал о некоем человеке, застрелившем тигра. Он видел, как за тигром следовали несколько человек: это были люди, убитые тигром, жизненная энергия их еще не вся иссякла, поэтому они сохранили внешний облик.

Хуан И-ган [21] пишет: «Речь зашла о том, что Цзы Гушэнь [22] просили прочитать стихи».

Отвечу: «Просьбу она выполнила и явилась в своем подлинном облике, ее видела какая-то девочка, не знаю, кто такая. И еще: в Цюйчжоу был человек, который прислуживал духу. Он написал о своем деле на бумаге, запечатал ее и положил перед кумирней. Немного погодя распечатал бумагу, а на ней был написан ответ. Что же это такое, не знаете?»

Все эти рассказы собраны в «Категориях речений [Чжу Си]», составленных Ли Цзин-дэ [23].

Как же вы решаетесь клеветать на Чжу Си?

Старик взял книгу, долго ее перелистывал и наконец произнес с видом разочарования:

— А разве при Чжу Си эта книга была?

Огорченно помолчал и ушел.

Однако у меня еще остаются сомнения: основная идея Чжу Си в том, что люди владеют вторичным материальным началом, а после их смерти оно возвращается к Небу и Земле. Это то, о чем Е Хэ-сунь говорит: «Как рыба в воде; вода

с поверхности та же, что у рыбы в желудке; вода в желудке речного окуня та же, что вода в желудке карпа».

Это бесспорный принцип. Но тем не менее принцип принесения жертв духам устанавливался совершенномудрыми людьми, он записан в канонических книгах, и, следовательно, невозможно отрицать, что духи собираются вместе для того, чтобы получать жертвы от потомков. Когда же жертвоприношение завершается, они по-прежнему растворяются в пустоте. Неизвестно, после того как дух их растворяется в пустоте, сливается ли он с первичным духом или нет? Теряется ли он среди первичного духа? Если сливается с ним в одно, то это похоже на то, как реки возвращаются в море и составляют единое водное пространство, из которого невозможно выделить Янцзы, Хуанхэ, реки Хуай и Хань. Как если бы пять вкусовых ощущений смешались в одной похлебке, составив единый вкус, и нельзя было бы выделить из него имбирь, соль, уксус и сою.

И еще: разве можно выделить дух каждого, чтобы он встретил именно своего потомка? Ведь если он смешался с первичным духом, то разлетелся на все четыре стороны, как пыль, и неизвестно, через сколько мириадов ли сумеет отделиться; так нити, летящие в беспорядке, разлетаются на множество мириадов ли.

Жертвы приносят потомки, а мелкие точки в беспорядке непрерывно соединяются в одно целое, не похоже ли это, [по существу], на то, что происходит [в мире]? А если говорить о массе духов, то, если дух не обладает познанием, как можно растрогать каждого из этой массы? Как можно усладить его, как получить от него просимую выгоду? Если же он обладает познанием, как пробудить его? Для этого ведь он должен обладать сердцем. Где же оно у него? Значит, он должен иметь тело. Если он обладает телом, тогда он бес.

К тому же, до того как все они собрались вместе, все эти мириады пылинок, спутанных в непрерывных потоках хаотического смешения, обладали знанием; в таком случае ведь это не единичный бес.

Бес — душа буддиста будет скрываться под землей; бес —

душа конфуцианца будет проходить превращения в пустоте; души буддистов обычно существуют отдельно; души же конфуцианцев в нужный момент собираются вместе. Каким же образом они побеждают друг друга?

По правде говоря, без специального изучения этого не узнать.

[787. Бес, выдающий себя за даосского монаха, хочет убить больного неправильно назначенным лекарством.

788. Редкая тушечница сунского времени.

789. Бес продает грибы, от которых умирают съевшие их люди.]

(790.) В доме моих родственников рядом с залом находилась пристройка из трех комнат. В средней комнате долго ночевал один гость. Каждую ночь он видел, как голые мужчина и женщина, напудренные, с подведенными бровями, гонялись друг за другом, затем соединялись, свиваясь в объятиях и принимая всякие непристойные позы. Сперва это зрелище доставляло ему большое удовольствие, но, когда оно стало повторяться каждую ночь, он стал тревожиться. Однако, после того как он переселился в другую комнату, сон больше не повторялся. Тогда он решил, что это было наваждение. Когда он бодрствовал, царила полная тишина; когда он со свечой дожидался рассвета, тоже ничего не было видно.

Этот человек и сам любил грубые шутки, но ведь рядом не было людей, да и нечисти тоже. Так он и не мог понять, в чем тут дело.

И вот однажды он вспомнил, что в кабинете хозяина хранился десяток лежавших навзничь фигурок из слоновой кости и драгоценных камней, а также не менее десятка непристойных пьес, которыми и воспользовалась нечисть. По секрету он рассказал об этом хозяину дома, и тот все сжег.

Некто, узнав эту историю, сказал:

«Как же вещи могли быть использованы нечистью? Хозяин приглашал сюда певичек, атмосфера была определенная, и бес-развратник на нее откликнулся. Да и сам гость был постоянным посетителем «домов радости», душа его бы-

ла устремлена к этому, вот и вещий сон оказался таким. Вода загнивает — и в ней рождаются москиты, вино скисает — и уксус выпадает в осадок, это естественный закон.

В торговых рядах, где продают самые разнообразные товары, таких вещей немало, почему же ни одна из них не стала орудием нечисти? В той комнате в свое время ночевал не один этот гость, почему же другим людям не привиделись такие сны?»

Хозяину следовало додуматься до истинной сути, сжигать же вещи не было никакого смысла. А гость его, наверное, совсем опустился!

[791. Буддийский монах преподает чиновнику урок справедливого суда.

792. Дух в написанных им стихах насмехается над готовящимися к экзаменам молодыми людьми, по просьбе которых его вызвал гадатель.

793. Лиса-оборотень бросает возлюбленного, боясь кары со стороны даосского монаха.

794. Нечисть устраивает беспорядки в доме, где она живет.

795. Нечисть не дает покоя даосскому монаху, поселившемуся в горах.

796. Нечисть преследует буддийского монаха.

797. Дух покойника мстит другу, женившемуся на его вдове.

798. Больной в бреду попадает в Царство мертвых, где его упрекают за непочтительность к родителям; выздоровев, становится любящим сыном.

799. О тщетности споров между буддистами и конфуцианцами, приносящих вред их учениям.]

(800.) Я слышал от Чэнь Жуй-аня:

«На холмах за городской стеной Сяньсяня, как гласит предание, находятся могильные курганы времен династии Хань. Один землепашец по ошибке распахал могилу. Когда он вернулся домой, его стало бросать то в жар, то в холод, в бреду он бранился и дрался.

В это время случайно пришел Чэнь Жуй-ань и спросил:

— Кто ты такой?

— Я человек времен Хань,— последовал ответ.

— Человек времен Хань из каких краев? — продолжал спрашивать Чэн Жуй-ань.

— Человек времен Хань из Сяньсяня, мой дом — здесь, чего тут спрашивать?

— Разве это место при династии Хань называлось Сяньсянь? — допытывался Жуй-ань.

— Конечно,— ответил тот.

— В этом месте при Хань было княжество Хэцзянь, и уезд тогда именовался Лочэн; при династии Цзинь он был сначала переименован в Сяньчжоу, а при Мин получил название Сяньсянь. Как же мог он так называться в ханьское время? — спросил Жуй-ань.

Бес не ответил, Жуй-ань повторил вопрос, и тут землепашец пришел в себя.»

Так как традиция гласила, что [в этой местности] находятся могилы ханьского времени, то бес привык это слышать и рассчитывал кормиться здесь, и вот неожиданно для себя потерпел такую неудачу!

[801. Бесы издеваются над хвастуном, решившим помериться с ними силами: для борьбы с бесами нужна не сила, а мудрость.

802. Стихи, написанные на древней тушечнице.

803. Дух мертвой женщины, чья могила была потревожена строителями дома, является людям.

804. Случаи смерти от отравления рыбой-шар, употребляемой в пищу.

805. Лиса околдовывает женщину, и та умирает от сухотки.

806. Предсказание бесов, подслушанное человеком, сбывается.

807. Лиса мудро управляет домом своего приятеля — человека, уехавшего по торговым делам.

808. Нечисть не может околдовать добродетельную вдову.

809. Заметка о том, как ловят волков в районе Цанчжоу.

810. Добродетельная жена прогоняет нечисть, явившуюся к ней под видом красивого студента.

811. Предсказание беса сбывается.

812. Бессмертный помогает семье благородного человека, впавшего в нищету.

813. Проститутки бывают опаснее лис-оборотней.

814. Лисы насмехаются над развратником.]

(815.) Учитель Кан — буддийский монах из Дулиньчжэня (на севере монахов обычно называют по фамилии, поэтому имя и прозвание его не сохранились) — был искусен во врачевании нарывов. В детстве мне довелось его видеть.

Он рассказывал:

«В одной деревне умерла служанка от любовной тоски, душа ее не рассеялась и часто обольщала людей. Однако плоти она не сохранила, не произносила ни звука, не разговаривала с людьми, не насылала на них никаких болезней, а только иногда сходилась с молодыми людьми, являясь им во сне. Стоило одному юноше немного ослабеть, как она обольщала другого, никого не доводя до смерти от истощения.

Поэтому хоть она и стала бесовкой, но не считалась ею. Являлась она людям только во сне, поэтому они не могли бы ее обуздать. Так длилось несколько десятков лет, люди ее не боялись и не считали необходимым принимать против нее какие-либо меры.

Действительно, хитрая была бесовка!

Про нее можно сказать, что она искусно скрывала свои цели, искусно пряталась в пустоте, искусно сохраняла свое неисчерпаемое мастерство, избегая привлекать к себе внимание даосских монахов.

Но в конце концов нашлись люди, которые знали о ней и начали рассказывать, так что хитрость ее была разгадана. Так всегда и бывает.»

[816. Лиса во время пожара гибнет вместе со своим возлюбленным.

817. Во время разлуки с любимым душа девушки отлетает, но возвращается в тело, когда он приезжает.]

(818.) Батрак Тянь Бу-мань однажды ночью сбился с пути, попал на заброшенное кладбище и нечаянно наступил ногой на череп.

— Не попорть мне лицо! — закричал череп.— А то нашлю на тебя беду.

Бу-мань был человек глупый, но смелый.

— А кто тебе велит лезть под ноги? — крикнул он.

— Меня перенес сюда один человек,— ответил череп,— я не лез под ноги.

Бу-мань опять закричал:

— Чего же ты не наслал беду на того, кто тебя принес сюда?

— У него сейчас период везения, я ничего не могу ему сделать, — ответил череп.

— А я что, невезучий? — сердито засмеялся Бу-мань.— Это что же, правильно — бояться везучих и обижать невезучих?

— У вас, почтенный, сейчас тоже полоса удачи,— плаксиво сказал череп,— поэтому я не смею причинить вам вред; я просто хотел попугать вас пустыми угрозами. Бояться везучих и обижать невезучих — так ведется у людей, почему же вы ругаете за это меня, беса? Если бы вы меня пожалели и зарыли в яму, то этим оказали бы мне великое благодеяние!

Бу-мань решительно прошел мимо черепа, сзади него слышались всхлипывания, но ничего больше не произошло.

Я скажу, что этот Бу-мань не был гуманным человеком. Но и бес тоже был виноват: встретив неотесанного грубияна, разозлил его угрозами.

[819. Бес, приняв вид красивого мальчика, насмехается над развратным ученым.

820. Благородный муж не идет на сделку с нечистью, и та вынуждена оставить его в покое.

821. Кукла, изготовленная искусным мастером, ведет себя как нечисть.

822. Предсказание духа, вызванного гадателем, сбывается.]

(823.) Гао Мэй-цунь рассказывал:

«Двое крестьян из соседних деревень шли вместе. Один из них неожиданно споткнулся и поддал ногой кусок черепицы, под ней оказался сосуд, на котором был выгравирован иероглиф — фамилия его спутника. Он испугался и, сославшись на необходимость вернуться, спрятался в зарослях. Идти ему было еще далеко, а сосуд оказался наполненным чистой водой. Не удержавшись, он выпил всю воду. Было уже поздно, отдохнуть здесь было негде, и он подумал, что недалеко отсюда дом его спутника, и пошел туда попросить ночлега.

Вдруг в середине ночи у него начались неукротимый понос и рвота, несколько раз он обмарал постель. Ему было стыдно показаться на глаза хозяевам дома, и он сбежал, не дожидаясь рассвета.

Утром хозяева дома увидели, что пол залит расплавленным серебром.»

Я думаю, что ничего этого не было и рассказывалось в шутку, но Гао Мэй-цунь настаивал, что все это — чистая правда.

В таком случае скажу, что у каждой вещи есть свой хозяин, и человеку не дано ею распоряжаться.

[824. Лиса спасает помогшего ей в свое время человека.]

(825.) Чжоу Тай-юй рассказывал:

«Был некий Лю Чжэ. Когда-то у него была связь с лисой, и он сделал ее своей второй женой. Она трудилась по дому, как обычный человек, была почтительна к родителям мужа, дружила с женами его братьев, любила детей от первой жены, словно они были ее собственными, а на это далеко не каждый человек способен. Потом она состарилась и умерла, и труп ее не превратился в лисий.»

Кто-то сказал:

— Это была женщина, которую умыкнули, и, утаивая это, она выдавала себя за лису.

Другой возразил:

— Она была настоящей лисой, стремилась постичь людской путь, положения бессмертной не достигла, поэтому состарилась и умерла; сама освободилась от своего подлинного облика, поэтому, когда умерла, труп ее имел вид человеческого, а не лисьего.

Я считаю, что оба не правы в своих рассуждениях: ее охраняло ее сердце. Ведь вообще человеческий облик меняется вслед за изменениями, происходящими в сердце человека. Государыня Си[1] стала четырехпалым драконом, Фэн Шао[2] превратился в тигра, изначальное сердце ее было

драконьим, а его — тигриным, поэтому они и обрели облик дракона и тигра.

В древности передавали, что лиса сначала была развратной женщиной по имени А-цзы. Если у человека сердце лисье, то и человек может стать лисой. Если у лисы сердце человека, то и лиса может стать человеком!

Человек, носящий рясу буддийского монаха или шапку даосского монаха, не сбросит кожу, как змея; кости верного чиновника и целомудренной женщины не сгниют. Святости их души достаточно, чтобы они могли сохранить свой облик. Эта лиса после смерти не изменила своего облика, значит, она принадлежала к категории, о которой только что шла речь!

Чжоу Тай-юй сказал:

«Верно! Рассказывают, что, когда Лю Чжэ только-только взял эту лису в дом, он не мог отделаться от страха и сомнений. Лиса ему сказала так:

— Женщине хочется счастливо жить в семье. Если семья счастлива, то чем лиса отличается от человека? Люди боятся лис, но не научились дружить с ними! Иная женщина держит себя неподобающим образом, подрывает здоровье мужа ненасытностью. В чем же ее отличие от лисы, истощающей мужчин? Иная женщина перелезает через забор, чтобы попасть на тайное свидание с любовником. Чем же она отличается от лисы-обольстительницы? Иная женщина сплетнями сеет раздоры, вызывает разлад в доме. В чем же ее отличие от лисы, сеющей смуту? Иная женщина тайно разворовывает семейное добро и отдает его возлюбленному. Чем же она отличается от лисы-воровки? Иная сварлива и бранчлива, не дает покоя родне. В чем же ее отличие от лисы, приносящей вред людям? Почему вы, господин, не боитесь подобных женщин, а меня боитесь?»

Лиса эта была тверда в своих убеждениях, хотела подняться до уровня человека, во всем быть как люди. Если категории лис, о которых она говорила, проходят превращения шести путей[3] в зависимости от того, каким было их сердце, то она, пожалуй, права.

[826. Борьба братьев из-за наследства вызывает осуждение чиновников в Царстве мертвых.

827. Встреча человека с бессмертной феей, запрещающей ему приближаться к ней.

828. Предсказание в стихах, написанных духом, вызванным гадателем.

829. Появление на поле боя предвестника военного поражения.

830. Случаи сбывшихся предсказаний, сделанных гадателями.

831. Описание картины и стихов на ней, принадлежащих кисти неизвестного автора.

832. Лиса наказывает юношу, приставшего к дочери ее приятеля-крестьянина.

833. Лиса карает изменившего ей возлюбленного.]

(834.) Мосты на севере делают с перилами, чтобы люди не оступились.

В районе Минь бывает много дождей, и на мостах там делают укрытия с навесами для защиты путников от дождя.

Цю Эр-тянь рассказывал:

«Один человек ночью попал под дождь и поспешил спрятаться в укрытие на мосту. Там уже находился чиновник с бумагами, сопровождаемый солдатами, которые охраняли нескольких арестантов, закованных в цепи. Человек понял, что это государственные преступники и, боясь приблизиться к ним, сидел, сжавшись, в углу.

Один из арестованных, не переставая, рыдал, и чиновник крикнул на него:

— Сейчас ты узнал, что такое страх, отчего же раньше не боялся?

Арестованный, плача, ответил:

— Меня ввел в заблуждение мой учитель. Он ежедневно поучал меня, что рассуждения о бесах и духах, о воздаянии за добрые и злые дела — сплошной вздор, придуманный буддистами. Я поверил его словам и решил про себя, что глубокая хитрость, хорошо замаскированная, позволит мне делать все что душе угодно, всю жизнь не зная поражений. А через сто лет мой дух вернется к Великому началу, где не услышит ни осуждений, ни похвал. Чего же мне было бояться и как было не дать волю своим желаниям? И вот неожиданно для меня в Царстве мертвых меня осудили, ока-

залось, что действительно существует загробный суд, я только сейчас понял, что предан, и поэтому так мучительно страдаю!

Тут другой арестант сказал:

— Твое падение вызвано тем, что ты поверил конфуцианцам, моя же ошибка была в том, что я поверил буддистам. Буддисты говорят, что, хотя бы ты и творил злые дела, последствия их могут быть уничтожены «приобретением заслуг», достигаемых добродетельными поступками. Хотя человек и попадает в Царство мертвых, покаяние и молитвы вызволят его оттуда. Я считал, что если при жизни буду возжигать курения и делать пожертвования, а после смерти буддийский монах прочтет молитву, то мне все дозволено; поскольку меня охраняет закон Будды, то нет того, чего бы я не смел сделать и за что отвечал бы потом в Царстве мертвых.

И вот неожиданно для себя я столкнулся с так называемыми наказаниями и воздаяниями: стали рассуждать о содеянном мною добре и зле, не принимая в расчет того, много или мало мною было пожертвовано. Деньги на пожертвования были истрачены попусту, а если бы я не доверился буддистам, разве дошел бы до такого положения?

Кончив говорить, арестант долго стонал, остальные тоже горько рыдали, и тогда человек понял, что перед ним не люди.»

Ведь в шести классических книгах[1] не говорится, что духов и бесов не существует, а в буддийских канонах не перечисляются средства их подкупа. Но конфуцианцы домогаются известности, а буддисты гоняются за прибылью. Их порочность доводит до таких крайностей.

Ведь изначально буддизм был чужеземной религией, и монахи пользуются этим, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Может быть, это и не такая уж вина, но зачем же конфуцианцам-то обязательно вести себя так же?

[835. Вдова голодает, но не соглашается вновь выйти замуж.]

СБОРНИК ЧЕТВЕРТЫЙ

НЕ ПРИНИМАЙТЕ ВСЕРЬЕЗ

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «НЕ ПРИНИМАЙТЕ ВСЕРЬЕЗ»

По характеру своему я привержен к одиночеству и тишине, но не могу сидеть без дела. За время, прошедшее с тех пор, как я сменил свою детскую прическу, и до сегодняшнего дня, было не больше нескольких десятков дней, когда я расставался со свитками, кистью и тушечницей. До достижения тридцатилетнего возраста я изучал методы «школы исследований, основанных на доказательствах»; место, где я занимался, было заполнено книгами, как нора выдры рыбой. После тридцати лет я сдавал государственные экзамены, продвигался по службе и ночи напролет проводил в занятиях и раздумьях. После пятидесяти лет я был назначен редактором «Каталога Полного свода четырех сокровищниц литературы», тогда я опять занялся «исследованиями, основанными на доказательствах».

Сейчас я уже стар, мысль моя уже не так остра, как в прежние годы, лишь по временам лениво беру в руки кисть и записываю слышанное мною когда-то, чтобы скоротать время. Таким образом я уже составил «Записи, сделанные летом в Луаньяне» и еще две книги, а сейчас и вот этот сборник.

Я думаю о писателях прошлого. Такие, как Ван Чжунжэнь[1] и Ин Чжун-юань[2], цитатами из классического канона и древних авторов демонстрировали свою обширную эрудицию и глубину проникновения; Тао Юань-мин[3], Лю Цзин-шу[4] и Лю И-цин[5] были немногословны, их стиль был прост и чист, естествен и возвышен. Я не смею гнаться за их достижениями, но основная моя цель — не отличаться от них

по стилю и по духу, постоянно помнить о том что является добром, что злом, что правильным и что ложным...

Итак, я объединяю множество слышанных мною рассказов под названием, заимствованным мною у Чжуан цзы[6]: «Не принимайте всерьез».

В двадцать пятый день седьмой луны года *гуй-чоу* правления под девизом Цянь-лун* написал
Наблюдающий игру в шашки

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(836.) В доме цензора Фэн Цзин-шаня один слуга вдруг сошел с ума, начал сам себе наносить удары и кричать в бреду:

— Хоть я и умираю в нищете, на самом деле я знатен. Какое презренное ничтожество посмеет в своей заносчивости не уступить мне дороги? Предупреждаю вас, чтобы вы знали об этом!

Фэн Цзин-шань сам зашел взглянуть на слугу и сказал ему:

— Господин средь бела дня явился в своем внешнем облике? Боюсь, что принцип «пути живых и мертвых различны» нарушен вами. Если вы скросте свой внешний облик, то по-прежнему сможете меня видеть, но я вас видеть не смогу, как же нам избежать встречи?

Тут слуга внезапно погрузился в забытье, а через некоторое время пришел в себя.

Мой ученик, Гэн Шоу-юй из Тунчэна, человек непреклонный и самоуверенный, очень любил спорить о правилах образцового поведения. Как-то, беседуя с ним об этой истории, я сказал:

— Конфуцианцы не терпят соперников, домогаются почтительного отношения к себе, называя это «самоуважением»; они не знают, что уважение и неуважение зависят от их поступков. Если по своим нравственным достоинствам че-

* 1793 г.

ловек не уступает святым и совершенномудрым, то пусть князь возьмет метелку [1] в его честь, это не прибавит ему славы, так же как его не унизит, если он станет арестантом на строительных работах. То, что ценно во мне самом, может быть другими и не принято в расчет. Если всегда судить со стороны о том, что достойно уважения, а что — презрения, то это значит ждать, пока другие люди станут меня уважать, и тогда считать, что я прославился; а если люди не окажут мне почестей, то выйдет, что я опозорен. Если слуги, прислужницы и наложницы могут заработать мне уважение или презрение людей, то не слишком ли все это ничтожно?

Гэн Шоу-юй сказал на это:

— Всю свою жизнь, достопочтеннейший, вы были богаты и знатны, поэтому так и рассуждаете. Если же бедный ученый не будет держать себя надменно, то люди станут его презирать.

Я ответил:

— Так рассуждал Тянь Цзы-фан [2], но уже Чжу Си критиковал его. Сделайте одолжение, не спорьте об этом! Если уж говорить о том, что вы сказали, то я считаю, что подлинная ценность нравственных достоинств не в том, чтобы покориться нищете,— в этом нет ни капли нравственных достоинств,— но и не в том, чтобы заноситься перед другими людьми. Если держаться ваших рассуждений, то нищий еще беднее вас, а раб еще беднее нищего. Так что же, они должны заноситься перед вами, а вы станете утверждать, что это делает их достойными людьми?

Мой бывший наставник, господин Чэнь Бо-яй, как-то собственноручно начертал парную надпись в кабинете, которая гласила:

Кто деловит, разумен и учен,
Тот светел сердцем и познал блаженство,
Но только тот достигнет совершенства,
Кто от желаний навсегда освобожден.

Это поистине глубокое рассуждение, в последних словах которого скрыта мудрость древних.

[837. Даос устраивает для своих знакомых театральное представление, в котором лисы-оборотни играют роль карликов.

838. Предсказание гадателя сбывается.

839. Люди в горах встречают странные маленькие человекообразные существа, которые не только не причиняют им вреда, но, накормив их, выводят на дорогу.

840. О разноцветных кристаллах, находимых в Чанчжоу.

841. О случаях, когда украденные вещи возвращаются снова владельцу.]

(842.) В деревне Дунцзячжуан жил арендатор Дин Цзинь; были у него сын, которого звали Эр-ню, и дочь, муж которой — Цао Нин — жил в доме Дин Цзиня, помогал ему в работе и очень всем был по душе.

У Эр-ню родился сын, которого назвали Сань-бао*, а дочь Дин Цзиня родила девочку, и так как жили они в одном доме, то как бы в пару к имени сына Эр-ню новорожденную назвали Сы-бао**. Дети родились в один и тот же месяц одного и того же года, разница между ними была всего в несколько дней. Невестки вместе нянчили детей, вместе кормили их; уже в пеленках их предназначили друг другу как мужа и жену.

Сань-бао и Сы-бао очень любили друг друга и ни на минуту не разлучались. Семья была простая, не знала, что так не положено поступать, и каждый раз, когда дети играли вместе, им говорили: «Вот твой муж», «Вот твоя жена». Дети, хоть и не понимали, почему им так говорят, привыкли это слышать.

Так прошло лет семь или восемь, и они постепенно стали понимать, в чем дело, но так как жили они по-прежнему в доме родителей Эр-ню, то в одно время ложились, вместе вставали и не могли избегать друг друга [1].

Случилось так, что с года *синь-чоу* правления под девизом Кан-си*** до года *гуй-мао* под девизом Юн-чжэн****

---

* Букв.: «Три драгоценности».

** Букв.: «Четыре драгоценности».

*** 1722 г.

**** 1724 г.

сплошь были неурожаи. Дин Цзинь и его жена — оба умерли. Цао Нин еще раньше переехал в столичный округ, бедствовал, не мог прокормиться, и ему пришлось отдать Сы-бао под заклад в дом некоего Чэня — начальника отдела одной из палат (не знаю его имени, знаю только, что родом он был из Цзянани). Эр-ню поехал следом; попросил Чэня, чтобы тот взял его прислужником к себе в палату, и тоже отдал ему в качестве заклада Сань-бао, но запретил мальчику говорить, что Сы-бао предназначена ему в жены.

Нравы в семье Чэнь были строгие. Каждый раз, когда Сы-бао наказывали палками, Сань-бао потихоньку проливал слезы; когда били Сань-бао, плакала Сы-бао. Заподозрив неладное, Чэнь передал Сы-бао в семью некоего Чжэна, а Сань-бао прогнал.

С помощью посредника Сань-бао устроился слугой в один дом. Через некоторое время ему удалось разузнать, где находится Сы-бао. Тогда он стал всяческими способами пытаться проникнуть в дом Чжэна, и через несколько дней ему посчастливилось увидеть Сы-бао. Обнявшись, они громко зарыдали. (В то время им было уже лет по тринадцать-четырнадцать.) Чжэн очень удивился, но они его обманули, сказав, что они брат и сестра, случайно встретившиеся. У Чжэна, сопоставившего их имена и порядковые числительные, не возникло никакого подозрения. Но любящие были разлучены и могли лишь обмениваться взглядами при случайных встречах.

Наконец наступили урожайные годы. Эр-ню и Цао Нин приехали в столицу, чтобы выкупить своих детей; выяснилось, что они у Чжэна. Тогда только Чжэн узнал, что они предназначены друг другу. Он очень сочувствовал им и решил помочь пожениться и оставил служить у себя.

Некий наставник Янь, обучавший детей Чжэна, не понимая, что в наши дни все по-иному, чем в древности, открыто осудил решение Чжэна.

— Родственникам по брачным связям ритуальные установления запрещают жениться друг на друге, и законы тоже это запрещают. Те, кто нарушит запрет, понесут тяжелое

наказание. Хоть намерение хозяина и превосходно, но мы — ученые люди — считаем своим долгом улучшение общественных нравов; видеть, как люди идут против высших принципов и нарушают отношения, установленные Небом между людьми, и не прекратить этого — значит причинить людям зло. Благородные мужи так не поступают!

В таком духе он спорил, не жалея сил.

Так как господин Чжэн был человеком робким, а Эр-ню и Цао Нин — просто деревенскими невеждами, то, услыхав, что нарушить закон — значит совершить тяжелое преступление, все трое перепугались и отступились от своего намерения.

Впоследствии Сы-бао отдали в наложницы одному чиновнику. Не прошло и нескольких месяцев, как она заболела и умерла. Сань-бао сошел с ума, убежал из дому, и никто не знал, как он кончил свою жизнь.

Кто-то говорил:

— Хотя Сы-бао и насильно отдали другому, но она горевала, лила слезы и не делила ложе с этим чиновником.

К сожалению, таких подробностей я не знаю. Если это действительно так, значит, было предопределено этим двоим встретиться на Небе или среди людей, так что они не могли не свидеться.

Не знаю только, что думал этот Янь, совершая такое недоброе дело! Пусть он и не знал, чем это кончится, но ведь божественные законы совершенно ясны, и поступок Яня никак не был добрым делом, за которое он заслужил бы награду.

Кто-то еще так сказал:

— Это не было пристрастием к древности или любовью к доброй славе; пожалуй, просто он сам страстно желал Сы-бао и хотел, чтобы она была рядом.

Если это так, то такой человек, как Янь, заслуживает самого жестокого приговора в Царстве мертвых.

[843. После появления духа утонувшей женщины тонет матрос; видимо, он был виновен в смерти этой женщины.

844. На столе находят запись, в которой бес выразил свои сомнения в том, что танские поэты подражали древним.

845. Дух, вызванный гадателем, пишет стихи о судьбе певицы времен Мин.

846. Лисы-оборотни, проведя ночь с тремя знатными вельможами, исчезают, обокрав их.

847. Бес насилует женщину.

848. Заметки об изменении вкусов людей и соответственно стоимости товаров в разные времена.]

(849.) Из восьми деликатесов только медвежьи лапы и олений хвост встречаются часто; верблюжий горб за пределами страны уже редко увидишь (горб одногорбого дикого верблюда, а не двугорбого; подробно я писал об этом в «Записках о разном, составленных к западу от софоры»). Что же касается губ человекообразной обезьяны, то я только слышал это название.

В год *и-вэй* правления под девизом Цянь-лун * военачальник Минь Шао-и [1] преподнес мне пару обезьяньих морд в парчовых футлярах, словно большую драгоценность. От лба до подбородка передняя часть морды была ободрана и засушена; не только обе губы, но и рот, нос, брови, глаза сохранились, как при жизни, напоминая театральную маску.

Мой повар не мог приготовить обезьяньи губы и послал за своим приятелем. Тот тоже не знал, как их надо готовить, и пригласил еще одного человека. Может быть, следовало обратиться еще к кому-нибудь. Так я и до сих пор не знаю, как приготовить обезьяньи губы.

[850. О вине, настоянном на неизвестном Цзи Юне цветке.

851. О различных фруктах, растущих в Западном Китае.

852. Благородный муж даже в юности не поддается заигрываниям лисы-оборотня.]

(853.) Господин Ван Чжун-ин из Хэцзяни (достопочтенный Ли Вэнь-чжэнь [1] из Аньци называл его иначе, а именно Чжун-туй; однако господин Ван так долго носил свое первоначальное имя, что никто не называл его измененным име-

* 1775 г.

нем), именовавшийся также Чжи-жуй, был учеником Ли Вэнь-чжэня. Это был человек, превосходно начитанный в классиках, в действиях своих всегда придерживавшийся должного, прямой, чистый душой, словом, настоящий благородный муж, какие встречались в старину.

В год *и-мао* * или в год *бин-чэнь* ** я сопровождал моего отца, господина из Яоани, в столичный округ. Господин Ван занимал тогда должность, кажется, в государственном училище, я до сих пор жалею, что ни разу не смог его увидеть.

Рассказывали, что как-то ночью господин Ван зашел в пустой двор за своим домом, чтобы выдернуть растущую там редьку — закуску к вину. Вдруг, словно во сне, ему привиделась человеческая тень. Он подумал, что это вор, но тень тут же исчезла, и он понял, что это нечисть. Руководствуясь высшим принципом, по которому пути живых и мертвых различны, он стал сурово бранить ее.

Тогда в зарослях послышался человеческий голос:

— Господин глубоко проник в «Книгу перемен». Есть сила *ян* и есть сила *инь* — таков путь Неба. Люди выходят днем, а бесы — ночью, в этом и заключается отличие живых от мертвых. Люди живут в тех местах, где нет бесов; бесы селятся там, где нет людей. Это и есть «пути... различны». Поэтому между небом и землей нет такого места, где не водились бы люди, как нет места, где не было бы бесов. Но между собой они не общаются и таким образом не причиняют друг другу вреда. Если бы бес днем зашел в ваш дом, вы были бы правы в своем гневе. Но сейчас глубокая ночь, место здесь пустынное, заброшенное, поэтому бес и вышел. Из уважения к вам я уклонился от встречи, казалось бы, этого достаточно. Почему же вы, господин, так сурово браните меня?

Господин Ван засмеялся и ответил:

— Ты рассуждаешь правильно, отложим наш спор на время! — и, выдернув редьку, он пошел в дом.

---

* 1735 г.

** 1736 г.

Впоследствии господин Ван рассказал об этом своим ученикам, и те заметили ему, что поскольку бес этот умел разговаривать, а господин Ван его не испугался, то почему было бы не узнать его фамилию и, воспользовавшись ею на время, не выяснить у судьи Царства мертвых, глупости он говорил или был прав, рассуждая таким образом.

Господин Ван ответил на это:

— Но ведь это означало бы, что человек фамильярничает с духом. А как же тогда быть с рассуждением о том, что пути у живых и мертвых различны?

[854. Растения в лесу, птицы и рыбы взволнованы посещением бессмертных фей.

855. На дереве сидит крошечная девушка в красном — видимо, дух дерева.

856. Духи карают развратника.

857. Человеку с помощью смекалки удается спастись от тигра-оборотня.

858. Заметка об ажурных камнях со скважинами, пробитыми водой, которые используют для украшения садов.

859. Заметка о древних растениях, встречающихся в столичном округе.]

(860.) Почтенный старец Чэнь Цзюй-шань[1] переехал жить в другой дом. Когда перевозили домашнее имущество, то прежде всего во дворе поставили более десяти коробов с книгами. И вдруг из-за деревьев Чэню послышался чей-то голос:

— Тридцать с лишним лет здесь не было подобных вещей!

Кто-то сказал:

— Наверняка это была лиса!

На это господин Чэнь, покачав головой, ответил:

— Если и лиса, то, судя по ее словам,— прелесть!

[861. Марионетки, изображающие бесов, сами разыгрывают спектакль в пустой комнате.]

(862.) Один уездный начальник из Сяньсяня все ждал, когда же его служащие начнут платить ему вниманием за

доброе к ним отношение. После его смерти его родня оставалась в присутственном месте, но ни один из служащих не зашел даже узнать, не надо ли им чего-нибудь. Стали громко звать, тогда несколько человек пришли, но они кидались друг на друга, как дикие собаки, показывая всем своим видом, что времена изменились.

Жена покойного была очень возмущена этим и громко рыдала у его гроба. Устав, она прилегла, не раздеваясь, и вдруг, словно во сне, услышала голос мужа, сказавший ей:

— Это люди бесчестные, такова уж их судьба. Я ждал, что их тронет мое доброе отношение, но это было большой ошибкой. Обвинять их в отсутствии добродетели — такая же ошибка.

Жена пришла в себя и больше уже не винила служащих.

[863. В Царстве мертвых награждают дурного человека, спасшего от смерти беременную женщину.

864. Небо карает человека за любовную связь с соседкой.]

(865.) Не знаю, какими видят себя лисы, когда с ними происходят превращения. И какими кажутся они друг другу? Я говорил уже об этом в «Записях, сделанных летом в Луаньяне». Однако лисы по природе своей искусные соблазнительницы; что же касается бесов, то ведь это жизненная энергия, оставшаяся от умерших людей, и их чудотворные способности сходны с человеческими. Человек не может отсутствие чего-либо превратить в наличие, но малое он превращает в большое, уродливое — в прекрасное. В книгах, описывающих встречи людей с бесами, гроб превращается во дворец, куда можно пригласить людей, могила становится двором, где может поселиться человек. Зловещий бес, наделенный уродливой внешностью, может превратиться в красавицу.

Что же, стоит стать бесом — и все это сумеешь? Может быть, даже есть те, кто этому научат? С этой точки зрения особенно неясны лисьи превращения.

Помню, как на дороге в Лянчжоу возница, указав на низину между горами, рассказал:

«Когда-то я с десятком телег ночевал под открытым небом в этих горах. При ярком свете луны вдали были видны человеческие жилища и окружавшие их земляные стены, можно было даже сосчитать количество домов. Когда же на следующий день я проезжал мимо этого места, то оказалось, что здесь находилось лишь несколько могил.»

Место это было безлюдное и само могло обнаружить себя как символ. Когда сжигали бумажную утварь и деньги[1], совершенномудрые в древности, видимо, знали это положение дел.

[866. Красавица-оборотень осуждает буддийского монаха, который не решается взглянуть на нее, так как боится, что не устоит перед ее красотой.

867. Дух, вызванный гадателем, рассуждает об игре в шашки и шахматы.]

(868.) Цзи из Цанчжоу рассказывал:

«В библиотеке одного человека несколько десятков лет жила лиса. Следя за сохранностью свитков, она изгоняла оттуда жучков и мышей, как бы хорошо те ни прятались. Она умела разговаривать с людьми, но не показывалась им на глаза. Когда собирались гости, для нее оставляли пустым почетное место, и она участвовала в беседах, обнаруживая красноречие и изящество слога и часто прибегая к иносказаниям.

Однажды, сидя за вином, решили играть так: каждый говорит, чего он боится, солгавший обязан выпить штрафную чарку; тот, кто скажет, что боится того, чего боятся и другие, тоже штрафуется.

Кто-то из гостей сказал, что боится начетчиков, кто-то — знаменитых ученых, кто-то — богачей, кто-то — знатных сановников, кто-то — искусных льстецов, кто-то — чрезмерных скромников, кто-то — людей, скованных правилами поведения и законами; еще кто-то сказал, что боится молчальников, из осторожности не решающихся высказать свое мнение; наконец спросили лису.

— А я боюсь лис,— ответила она.

Все стали смеяться:

— Лис могут бояться люди, но вы-то ведь с ними одной породы, чего же вам их бояться? Извольте-ка выпить штрафную!

Снисходительно засмеявшись, лиса ответила:

— Во всем мире только своей породы и надо опасаться! Люди, живущие в разных районах, не ссорятся из-за земли. Люди, живущие на реках, не ссорятся из-за проезжих дорог с владельцами телег и лошадей. Они принадлежат к разным категориям. Отец и сын спорят между собой из-за имущества; жена и муж ссорятся из-за любви; сослуживцы соперничают из-за власти; торговцы борются между собой из-за выгоды. По положению они близки друг к другу и причиняют взаимный вред; когда причиняется взаимный вред, начинаются и взаимные притеснения. Стреляющий в фазана приманивает его с помощью фазаночки, а не с помощью курицы или утки; ловящий оленя не пользуется для этой цели овцой или свиньей.

Чтобы ввести в заблуждение противника через его же шпионов, нужно использовать принадлежность их к той же категории; если бы не это, невозможно было бы проникнуть, выждать случай и напасть.

Учитывая все это, может ли лиса не бояться лис?

Среди гостей были люди, испытавшие в своей жизни немало трудностей; все они говорили, что лиса совершенно права. Только один гость, налив лисе вина, сказал:

— Ваши слова очень убедительны, но ведь этого все в мире боятся, а не вы одна. Так что придется вам выпить штрафную!

Все засмеялись и вскоре разошлись по домам.»

Я скажу, что штрафную чарку лисе надо было скостить наполовину. О взаимном вреде и взаимных притеснениях знают все. Что же касается тех, кто, спрятавшись между локтем и подмышкой, становится бедой, грозящей изнутри[1], тех, кто, притворяясь ближайшим другом, держит камень за пазухой,— о них знают немногие!

[869. Лиса-оборотень, став наложницей человека, не выдерживает преследований его жены и уходит из дому.

870. Предсказание духа, увиденного человеком во сне, сбывается.

871. Небо воскрешает отравленную служанкой женщину в теле этой служанки, тем самым отняв жизнь у преступницы.]

(872.) Племянница Фань Вэй-чжоу (он был уроженцем Шаньиня, звали его Цзя-сян, степень *цзиньши* он получил в году *цзя-сюй* *, потом служил на должности правителя области Лючжоу), не выйдя еще замуж, погибла, спасая свою честь; она приняла яд, но не умерла, тогда утопилась в реке.

Дочь правителя области Цзэна (он был уроженцем Цзясяна, дальним потомком Цзэн цзы [1], имя его я забыл), спасая свою мать, сгорела.

Эти славные дела в свое время были известны всем во всех подробностях. А сейчас, по прошествии сорока с чем-то лет, невозможно выяснить подробности. Необычное запоминается легко, заурядное же легко забывается, но разве эти случаи были обычными?

Сохранились хоть их фамилии, и хочется верить, что дальний их свет не исчезнет.

В «Домашних наставлениях» Конфуция записаны семьдесят два его ученика, но совсем не обязательно знать о каждом из них все.

[873. В Царстве мертвых карают дурного чиновника.

874. Рассуждение о том, что, если бы люди не боялись смерти, они не остановились бы ни перед какими преступлениями.

875. Скромность целомудренной девушки, попавшей в трудную ситуацию, вознаграждена.]

(876.) В стихотворении Ли Бо [1] говорится:

Укрывшись веером, как месяц из-за тучи,
Ты лишь украдкой выглянешь, любя.
Но видеть и не обладать — уж лучше
Не видеть никогда тебя!

* 1754 г.

У людей, ставших мужем и женой, бывают разлуки, возникают между ними и преграды; те, кто видится ежедневно, не знают связи причин и следствий.

Го Ши-чжоу рассказывал:

«В Чжунчжоу жил некий студент Ли. Не прошло и десяти дней с момента его женитьбы, как заболела его мать, и молодые супруги, сменяя друг друга, дежурили около нее месяцев семь или восемь подряд, даже не раздеваясь по ночам.

После смерти матери, соблюдая должные установления, они три года не делили супружеского ложа. Затем Ли сильно обеднел, и ему с женой пришлось переехать к ее родителям. Та семья тоже с трудом перебивалась, дом у них был маленький, и Ли с женой получили крошечную комнатенку.

Не прошло и месяца, как издалека приехал брат тещи Ли, и так как поместить его было негде, то жена Ли перешла в комнату своей матери, а Ли поставили лежанку в библиотеке, и супруги виделись только утром и вечером, когда семья собиралась за едой. Так прошло два года, и Ли уехал в город, чтобы попытаться устроиться на службу. Тесть же его перевез семью в Цзянси.

Через некоторое время Ли получил письмо, в котором ему сообщали, что его жена умерла. Он был так огорчен, что совершенно потерял над собой власть.

Потом на джонке он отправился на юг, чтобы разыскать тестя, но тот успел уже переехать в другое место.

Не имея ни пристанища, ни средств к существованию, студент Ли начал зарабатывать на жизнь продажей каллиграфически выполненных надписей. Однажды на рынке ему встретился мужчина властного вида, который, посмотрев на продаваемые студентом надписи, сказал:

— Вы прекрасно пишете, почтеннейший, не согласитесь ли пойти ко мне в делопроизводители, я буду платить вам тридцать-сорок золотых в год.

Это превосходило всякие ожидания, и Ли очень обрадовался. Вместе со своим новым хозяином он поднялся на

джонку, перед ними простиралось необозримое водное пространство. Куда они едут, Ли не знал.

Когда прибыли в дом хозяина, студенту был оказан прекрасный прием. Тут только он узнал, что в его обязанности входит учет награбленного «храбрецами из зеленого леса»[2]. Не зная, что делать, Ли остался, но, предвидя, что в будущем может иметь неприятности из-за этой службы, назвался вымышленным именем и неправильно указал место своего рождения и жительства.

Хозяин Ли был человеком дерзким и расточительным. Он часто приглашал к себе гостей, которых развлекали музыкантши и певицы, и всегда звал в этих случаях Ли. Однажды Ли увидел там наложницу хозяина, которая была очень похожа на жену Ли. Он решил, что это бес. Женщина тоже все время посматривала на Ли, словно признала его. Но они не решались обмолвиться и словечком.

А дело было в том, что, когда тесть Ли ехал по реке, он попал в руки этой шайки разбойников и их предводитель, увидев, как красива его дочь, оставил ее у себя, а отца ее отпустил на все четыре стороны. Сочтя это большим для себя позором, тесть Ли поспешил в город, купил там гроб якобы для скончавшейся дочери и, заливаясь притворными слезами, погрузил гроб на джонку, чтобы везти его на родину. Дочь его, избежавшая смерти ценой бесчестия, стала наложницей предводителя разбойников, благодаря чему Ли и увидел ее. Однако Ли поверил тому, что его жена умерла, а она, введенная в заблуждение новым именем, которое он принял, решила, что он случайно похож на ее мужа. Поэтому они и не искали тайных встреч. Виделись они раз в четыре-пять дней и, привыкнув к этому, уже не искали взглядом друг друга.

Так прошло лет шесть или семь. Однажды хозяин Ли позвал его и сказал:

— Я потерпел поражение. Вы человек ученый, и вам незачем делить со мной беду. Возьмите эти пятьдесят лян и спрячьтесь в зарослях тростника. Дождитесь, когда уйдут солдаты, разыщите рыбацкую джонку и уезжайте отсюда.

Местные жители вас знают и наверняка не оставят в беде, — сказав это, он сделал знак рукой, торопя Ли спрятаться.

Вскоре послышался шум, началась драка, а потом раздались крики: «Вся банда уже подняла паруса, берите золото и женщин!»

Уже стемнело, и Ли при свете факелов увидел, как во двор со связанными за спиной руками вывели певиц и музыкантш, их осыпали ударами палок. Среди женщин была и наложница хозяина, которая так дрожала от страха, что больно было на нее смотреть.

На следующий день на острове не осталось ни души. Долго стоял Ли в растерянности на берегу. Внезапно появился человек на маленькой джонке и крикнул ему:

— Вы господин такой-то? Наш повелитель невредим и прислал за вами джонку, чтобы вы могли вернуться к себе домой.

Плыли они целый день, ночью причалили к берегу, и Ли, боясь неприятностей, поехал со своим золотом прямо домой, на север, куда его тесть уже давно успел вернуться.

Привезенное Ли золото помогло семье зажить в достатке. Ли вспомнил о том, как они с женой полюбили друг друга и как за десять лет, прошедшие со дня свадьбы, и месяца не делили друг с другом супружеского ложа. Теперь, когда у него были деньги, он не мог примириться с тем, что жена его была так скромно похоронена. Ему хотелось переложить ее останки в гроб из самого хорошего дерева. Тесть всячески противился его намерению, но не мог отговорить Ли и вынужден был рассказать ему всю правду. Тогда Ли помчался в Лэчан, надеясь, что ему удастся соединиться с женой, но оказалось, что певицы и музыкантши, арестованные в доме разбойника, давно уже были отданы в разные руки, и никто не знал кто где.

Ли вернулся мыслями к тем шести-семи годам, когда, находясь совсем рядом, они были так далеки друг от друга, будто их отделяло расстояние в тысячу ли. Его охватило такое разочарование, словно он только сейчас ее утратил.

Вспомнилась ему и та ночь, когда ее арестовали и били связанную, и ему стало мучительно больно.

Больше Ли не женился. Говорят, в конце концов он стал монахом.»

Господин Гэ Цзе-чжоу[3] сказал:

— Из этой истории можно было бы сделать драму вроде «Веера с персиковыми цветами»[4], жаль, нет развязки. Но эта неясность, словно волны в тумане, не может не усилить сочувствия людей.

[877. Лиса, верно служившая человеку, предсказывает ему долголетие.
878. Человек подружился с лисой, которая дает ему разумные советы.
879. Табун лошадей в бурю разбегается и через неделю появляется в очень отдаленном месте.]

(880.) Мать слуги Ван Тин-ю рассказывала:

«Когда я была ребенком, наша семья жила у реки Вэйхэ. Однажды, встав рано утром, я услыхала шум множества голосов, доносившийся с обоих берегов реки. В это время Вэйхэ сильно разлилась, и я решила, что река вышла из берегов, и побежала посмотреть. В середине реки на воде была видна баранья голова размером с корзину, в которую вмещается пять доу; голова неслась по течению к северу, как стрела. Все говорили, что это дух барана.»

А я полагаю, что это тип водяного дракона, у которого голова напоминает баранью.

В «Категориях существ»[1] описаны разные виды драконов, у одного голова похожа на коровью.

[881. Странные явления во время разлива реки Вэйхэ.]

(882.) Когда моей покойной прабабке, госпоже Ван, исполнилось восемьдесят лет, дом был полон гостей. Раб Ли Жун, ведавший винами и чаем, стащил полкувшина с вином и спрятал его у себя в комнате. Ночью, вернувшись к себе и собираясь лечь спать, он услыхал храп, доносившийся из кувшина. Удивленный Ли Жун потряс кувшин. Оттуда вдруг послышался голос: «Я пьян и хочу спать, не мешай!»

Ли Жун понял, что это лис-оборотень, разозлился и еще сильнее потряс кувшин, но лис захрапел еще громче. Тогда Ли Жун сунул в кувшин руку и стал тащить лиса. В отверстии кувшина показалась человеческая голова, которая начала расти и стала величиной с целую корзину. Ли Жун стукнул ее по щеке, тогда лис потряс головой так, что кувшин перевернулся и с грохотом разлетелся на куски; вино было пролито до капли.

Ли Жун затопал ногами и стал браниться. И вдруг с потолка послышался голос: «Чжан-сунь не знает приличий! (Чжан-сунь — это детское имя Ли Жуна.) Почему тебе можно воровать, а мне нельзя? Ну уж раз тебе жалко вина, то я тебе отдам все, что выпил».

Лис вызвал у себя рвоту и окатил Ли Жуна с головы до ног.

Это похоже на историю с лисой из Западного Китая, о которой я писал, но, пожалуй, злее. Однако то, что лис немного проучил ничтожного жадину, неплохо.

[883. Лисы ссорятся и дерутся в комнате, где сложены старые вещи.

884. Человек, находящийся на чужбине, видит на пьяном сборище свою жену; из письма, полученного из дому, узнает, что она уже полгода как умерла.

885. Вещий сон сбывается.

886. Человека обвиняют в убийстве исчезнувшей из его дома наложницы. Его жена находит беглянку в доме своего брата. Видимо, в поисках ей помогло Небо.

887. Люди встречают тигра-оборотня, который, приняв вид даосского монаха, хочет увлечь их в лес.

888. Умершие слуги, явившись во сне своему хозяину, просят его устроить жертвоприношение в их честь.

889. Человек видит наяву то, что снится другому человеку.

890. Пастух становится жертвой клеветы своих односельчан.

891. Заметка о лечебных свойствах золы.]

(892.) Военный писарь из Урумчи Ван Фу рассказывал: «Как-то в Синине я с несколькими товарищами из моего подразделения пошел в горы поохотиться. Вдалеке мы увидели идущую по склону женщину в иноземной одежде, за

которой бежали четыре волка. Думая, что волки собираются растерзать ее, а она их не замечает, мы стали громко кричать ей, но она как будто не слышала. Тогда один из нас выстрелил в волков, но попал в женщину, и та полетела с горы. Все мы очень испугались и побежали к ней, а она тоже оказалась волком. Те четыре волка убежали.»

Вообще, призраки, являющиеся в виде зверей, заманивают людей и пожирают их, встреча с ними предвещает смерть. Если зло достигло крайних пределов, как его обуздать?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(893.) В Поднебесной основываются на высоких принципах справедливости и морали, но иногда они приходят в противоречие друг с другом.

Одна деревенская женщина жестоко обращалась с будущей своей невесткой, отданной ей на воспитание. Она была так бесчеловечна в обращении с девочкой, что та убежала обратно к своей матери. Мать, жалея девочку, спрятала ее и сказала, что не видела ее. Тогда свекровь обратилась в суд. В качестве свидетеля она назвала соседа матери, некоего Чжу-лао, который должен был видеть девочку, когда та прибежала к своей матери.

Чжу-лао подумал, что если он скажет, что видел, как девочка вернулась к матери, то этим обречет ее на смерть; если же он скажет, что она не возвращалась домой, то этим помешает состояться браку между ней и сыном свекрови. Он никак не мог решить, что ему делать, и запросил духа с помощью гадательных жребиев[1]. Но хотя он несколько раз встряхивал сосуд со жребиями, ни один из них не выкатился из сосуда. Когда же он встряхнул сосуд изо всех сил, то из него высыпались все жребии.

Значит, дух тоже не мог прийти к решению.

Узнав об этом, господин Син Тун-фу сказал:

— Дух был совсем бестолковый! Десятилетнюю девочку ежедневно зверски мучили, забыв о всяком милосердии, и она правильно сделала, что сбежала!

[894. Человеку снятся стихи, которых он раньше не знал, потом он узнает, что их написал родственник его знакомого.

895. О чудесном яйце, упоминавшемся в одном из рассказов Юань Мэя.]

(896.) Старуха Шэнь рассказывала:

«Был некий Чжао-сань, вместе со своей матерью работавший по найму у господина Го. Год спустя после смерти матери Чжао-саню — то ли во сне, то ли наяву — послышался ее голос.

— Завтра выпадет много снегу,— сказала она,— на гребне стены замерзнет курица. Хозяин отдаст ее тебе, но ты, смотри, не ешь ее! Когда-то я украла у нашего хозяина триста монет, и в наказание в Царстве мертвых меня приговорили в следующем перерождении быть курицей. Завтра я снесу полное число яиц и умру.

На следующий день все произошло так, как сказала мать. Чжао-сань не стал есть курицу, а, плача, зарыл ее в землю.

Только когда к нему пристали с расспросами, он рассказал все начистоту. После этого он соблюдал положенный траур по матери.»

Если человек одолжил кому-нибудь лошадь, а ее вернули ему с содранной кожей и сваренную, то, видно, на это имеется своя причина, но люди ее не знают. А если человек совершит хитрую кражу, то это обязательно будет иметь свои последствия, но люди об этом не думают.

[897. Пример почтительного сына, терпевшего лишения, чтобы перевезти труп отца на родину, благотворно влияет на разбойника.

898. Лиса вредит человеку за зло, которое он причинил ей в своем прошлом перерождении.

899. Лиса показывает заблудившемуся юноше дорогу.]

(900.) На государственных экзаменах в год *гуй-чоу* * один *цзюйжэнь* из Шэньси увидел в экзаменационной комнате беса и как сумасшедший выбежал оттуда, вбежал в дом, где

* 1794 г.

временно жил, бес — за ним. *Цзюйжэнь* стал биться головой об стену, причинив себе серьезные повреждения. Потом он снова побежал и так добежал до южной части Пекина[1], а бес преследовал его, и тогда он закололся своим мечом.

Перед этим он вручил своему другу клочок бумаги, на котором его почерком было написано:

«Небесная кара всеобъемлюща. Помоги, но не разглашай».

Хотя и неизвестно было, что он натворил, но неоспоримо, что это было возмездие за нанесенную обиду.

[901. Лиса одергивает обнаглевшего мальчишку-слугу.

902. Нечисть, принявшая вид красавицы, подшучивает над купцом, решившим жениться на ней.

903. У девушки из нарыва вылетает летучая мышь.

904. Стихотворная надпись, сделанная Цзи Юнем на картине, изображающей победителя бесов — Чжун Куя.

905. Из почтения к ученому лиса тайком убирает его комнату в монастыре, где он занимается.

906. В практических делах матрос оказывается умнее ученого.

907. Нечисть подшучивает над развратником, приставшим к женщине.]

(908.) Мой сверстник Чэнь Бань-цзян рассказывал:

«Был один даос, очень искусно писавший амулеты. Он всегда успешно изгонял бесов и обуздывал нечисть. Приходя в какой-нибудь дом, ел только простую пищу, пил чай, не брал в оплату ни драгоценностей, ни золота, ни шелков. Постепенно искусство его перестало действовать, из десяти случаев в четырех-пяти ничего не получалось. Потом совсем перестало получаться, над ним стали смеяться, и он в испуге отправился жаловаться своему наставнику.

Наставник поднялся на алтарь, произнес заклинание и стал допрашивать нечисть. Оказалось, что хотя сам даос ничего у людей не брал, но его ученик постоянно требовал щедрой оплаты, кроме того, он еще и воровал амулеты у даоса, чтобы заигрывать с лисами-оборотнями, а те крали у него гонг и медные тарелки и вываливали их в нечисто-

тах. Поэтому дух разгневался и перестал приходить по зову даоса, а нечисть дала себе полную волю.

В сильном волнении наставник сказал со вздохом:

— Это не нечисть нанесла тебе поражение, а твой ученик, и даже не он, а ты сам, не разобравшись в своем ученике, нанес себе поражение. Опирайся ты на того, кто соблюдает обет чистоты, не было бы с тобой такого несчастья. Чем же ты оказался лучше нечисти?

Оправил свои одежды и ушел.»

Конфуцианцы постоянно утверждают, что Небесный владыка пребывает в спокойствии — все следуют его приказам. Однако этот вероломный ученик не отказался от своих корыстолюбивых замыслов ради бескорыстия своего учителя!

Бань-цзян, когда служил в Чжили, рассказывал эту историю у меня дома, где он встретился с одним правителем уезда, которого хотел высмеять. Но этот правитель не понял намека. А жаль!

[909. Бесы вскрывают преступление, совершенное человеком.

910. Вещий сон сбывается.

911. Лиса оказывается любящей женой и почтительной невесткой.

912. Девушка, с которой больше года прожил лис, остается девственницей и получает от лиса богатое приданое.

913. Оборотень, принявший вид даосского монаха, прельщается видом красивого мальчика, но обуздывает свое желание, боясь утратить путь к совершенству.

914. Стихи, написанные кем-то на стене дома, где жил знакомый Цзи Юня.

915. Человек является невольным свидетелем ссоры бесов.

916. Небо карает сплетника сумасшествием.

917. Раб, который много болтал о своем хозяине, умирает.

918. Смелый ученый прогоняет беса, одетого в одежду древних.

919. Деревенские способы гадания о том, выживет больной или нет.

920. Человека, замыслившего зло против соседа, преследует бес.]

(921.) Цензор Дин Чжи-си рассказывал:

«Как-то в Тяньцзине во время праздника фонарей[1] один молодой человек, вышедший полюбоваться фонарями, возвращался домой и увидел красавицу женщину, стоявшую на перекрестке в нерешительности, словно поджидая кого-то.

Одежда ее, прическа были такими броскими и [она была так сильно] надушена, что сначала молодой человек решил, что это веселая девица, потерявшая своего спутника. Он заговорил с ней, но она не ответила. Стал спрашивать, как ее зовут и где она живет, и на это ответа не последовало. Тогда он подумал, что она пришла на тайное свидание, но тот, кого она ждет, не явился и можно, заигрывая с ней, чего-нибудь добиться.

Он пригласил ее к себе домой отдохнуть, но она решительно отказалась. Он стал настаивать и в конце концов уговорил ее.

Дома он просил подать вина и закусок и, так как было еще не очень поздно, велел своей жене и младшей сестре усадить гостью рядом с собой и потчевать ее вином.

Вначале гостья очень смущалась, а потом начала шутить и подпаивать жену и сестру молодого человека. Тот очень обрадовался и стал потихоньку уговаривать гостью остаться ночевать.

Та с усмешкой ответила:

— Придется мне просить разрешения совершить у вас туалет. Боюсь, что меня ждут, и я не смогу долго у вас оставаться.

Она сняла верхнюю одежду, изменила прическу, отвесила низкий поклон и быстро пошла к двери. Все узнали в ней молодого актера, исполнявшего женские роли.

Молодой человек, придя в ярость, вытолкал актера за дверь и хотел с ним драться. На шум собрались соседи. Среди них были люди, видевшие, как молодой человек настойчиво приглашал «красавицу» к себе домой, так что обвинить актера в том, что он явился ночью непрошеным в дом, было невозможно. Многие знали, что этот актер исполнял роли женщин, и обвинить его в том, что он специально переоделся в женское платье, чтобы подшутить над ним, молодой человек тоже не мог. Кончилось тем, что все посмеялись и разошлись.»

Вот уж, действительно, сам себя поставил в смешное положение!

(922.) Старый слуга Лу Тай рассказывал, что его дядя как-то ночью сидел во дворе под финиковым деревом и увидел, как на стене показалась соседская дочь. Она сорвала с дерева несколько десятков фиников, отдала ему и сказала:

— Я только сегодня вернулась в дом родителей. Старший брат с женой сторожат тыквы, а отец с матерью спят.

И, указав ему на лестницу, стоявшую у стены, поманила взглядом и ушла.

Дядя Лу Тая понял намек, влез по лестнице на стену, где она только что была, и, думая, что внизу обязательно должен стоять какой-нибудь табурет, начал нащупывать его ногой, ступил в пустоту и шлепнулся вниз.

Отец и брат женщины, разбуженные шумом, выбежали во двор и стали бить его. Только заступничество соседей спасло дядю Лу Тая.

Лишь узнав, что дочь соседа в тот день еще не вернулась в дом своих родителей, он понял, что это была шутка нечисти.

Бывают случаи, когда попадешь в беду ни за что. Но ведь если бы она его позвала, а он не пошел, как бы тогда нечисть смогла проявить свою хитрость? Значит, сам был виноват!

[923. Человек, подглядывавший за бесами, заболевает.

924. По ошибке чиновника Царства мертвых женщина погружается в летаргический сон; ошибка исправлена, и она оживает.

925. Лиса мстит семье, из которой заклинаниями ее изгнал монах.

926. Человек спасает лису от собак. Красавица-оборотень, выдающая себя за спасенную им лису, сходится с ним и истощает его. Ее изгоняет действительно спасенная им лиса.

927. Лиса-оборотень соблазняет развратного начетчика. Об этом узнают его ученики, которых он держал в крайней строгости.

928. Человеку во сне является покойная служанка его семьи, которая, став голодным духом, просит его принести ей в жертву еду.]

(929.) Посланник Чжу Цзы-ин [1] рассказывал:

«Когда я служил в Сюйюне, то как-то раз, возвращаясь

из управления в Чэнду и проезжая мимо большого леса, велел остановить там паланкин, чтобы немного отдохнуть. Вдали виднелись вершины горной цепи. Мне показалось, что на этой головокружительной крутизне, куда не ступала нога человека, находятся жилища людей. У меня была с собой привезенная с Запада подзорная труба, и я рассмотрел три крытые соломой хижины с открытыми дверями. У сосны стоял старик, под навесом сидела молодая девушка, державшая что-то в руках и склонившая голову, словно занятая шитьем. На столбах дома как будто висели парные надписи, но разглядеть их было невозможно. Внезапно собрались тучи и закрыли собой все — ничего не стало видно.

Впоследствии, когда я снова проезжал там, лес был так же прекрасен. Я снова поглядел в подзорную трубу, но увидел горы, и только. Было ли это жилище бессмертных, по недоразумению явившее себя человеку, или же люди, жившие там, переехали куда-нибудь?»

[930. Стихи, написанные Цзи Юнем, оказываются пророческими.]

(931.) Ван Энь-бо из Цинсяня — внук кормилицы моей покойной бабушки, госпожи Чжан,— возвращаясь как-то из Синцзи лунной ночью, когда было светло как днем, увидел несколько человек, сидевших под деревьями и распивавших вино среди раскиданных в беспорядке чарок и блюд.

Какой-то молодой человек пригласил его составить им компанию, но старик, [обращаясь к нему], возмущенно заметил:

— Нельзя так зло шутить над незнакомым,— и затем серьезно сказал Ван Энь-бо:

— Вам, сударь, лучше будет поскорее уйти отсюда! Мы ведь не люди, боюсь, что этот юноша принесет вам несчастье.

В страшном испуге Ван Энь-бо бросился бежать со всех ног. Дома долго не мог перевести дыхания.

Позже, на траурной церемонии в доме одного из своих

родичей, Ван Энь-бо неожиданно увидел этого старика. От страха он упал на землю и мог только повторять: «Бес, бес...».

Старик, смеясь, помог ему подняться и сказал:

— Вашего покорного слугу зовут Дань Цюй-не. В ту ночь я пригласил к себе соседей, вина уже оставалось совсем немного, как вдруг появились вы, сударь, и я испугался, что если прибавится еще один гость, то пить будет совсем нечего, и солгал вам в надежде, что вы уйдете. Неужели же вы приняли это за правду?

Гостей была полная комната, и все они чуть не попадали со смеху. Один из гостей, бывший свидетелем подобной истории, рассказал о ней.

Однажды ночью он шел мимо разрушенного храма и увидел несколько человек, пьющих вино. Его тоже пригласили подсесть к ним. Почувствовав, что у вина необычный вкус, он заподозрил неладное. Тогда бесы затолкали его в болото, а сами обернулись болотными огнями и исчезли. Только когда на востоке посветлело, какой-то крестьянин спас его, вытащив из болота.

Так как Ван Энь-бо был трусом, то я сомневаюсь в том, что те, кто ему повстречался, были настоящими бесами. Позднее он встретил этого старика, но не осмелился вступить с ним в разговор.

Так рассказывал мой двоюродный брат Чжан Цзи-сю.

Господин Дай Энь-чжао сказал так:

— Этот случай действительно произошел, но рассказавший его все перепутал. На самом деле сначала тот гость встретил бесов, а Ван Энь-бо услыхал об этом. Проходя ночью мимо какой-то деревни, он увидел приятеля, с которым много лет не встречался, и тот пригласил его выпить, но так как Ван Энь-бо казалось, что приятель этот давно уже умер, то он в панике бросился бежать. А потом, увидев его в доме своих родственников, от испуга обозвал его бесом.

Кто же из этих двоих прав? Из слов Чжан Цзи-сю следует, что ничего сверхъестественного не произошло, а Ван Энь-

бо попал впросак из-за излишней доверчивости. Из слов же Дай Энь-чжао тоже следует, что ничего сверхъестественного не произошло, но Ван Энь-бо, наоборот, попал впросак из-за излишней недоверчивости.

[932. Лиса, дружившая с человеком, преследует его недостойного сына.
933. Женщина заболевает; придя в себя, говорит, что в ее теле возродилась душа умершего мужчины, обреченного в следующем перерождении быть женщиной.]

(934.) Мой прежний наставник, достопочтенный Цю Вэньда, рассказывал:

«Был некий студент Го, человек прямой и раздражительный. Как-то он отмечал с друзьями праздник Середины осени[1]. Разговор зашел о бесах и духах, и Го сказал, что не боится их. Тогда друзья предложили ему проверить себя, переночевав в одном доме со зловещей репутацией. Го охотно согласился, взял с собой меч и пошел.

В доме том было несколько десятков комнат, двор зарос осенними травами, повсюду были запустение и темнота. Заперев за собой двери, Го уселся в одиночестве. Было тихо, ничего не видно и не слышно.

После наступления четвертой стражи в дверях появился какой-то человек. Выхватив меч, Го хотел вскочить, но этот человек замахал руками, и Го почувствовал, что у него закрылся рот, тело одеревенело, словно во сне, когда видишь кошмар, но сердце продолжало биться.

Человек нагнулся к нему и сказал:

— Вы, господин, действительно храбрый ученый. Вы пришли сюда, подстрекаемый людьми; любовь к победам — чувство обычное, и меня вы не удивляете. Раз уж вы удостоили меня своим посещением, мне бы следовало удовлетворить ваше желание, но сегодня праздник, все мое семейство придет полюбоваться луной, а правила поведения не позволяют обитательницам внутренних покоев общаться с чужими мужчинами, и я не хотел бы, чтобы вы с ними встретились. Возвращаться же вам домой так поздно тоже нельзя. У меня

есть план: я хочу просить вас залезть в глиняный кувшин, надеюсь, вы не рассердитесь. Чарка вина, бобы и мясо слегка развеют вашу скуку, и я надеюсь, что вы не сочтете себя обиженным.

Тотчас же появились несколько людей, они подняли Го и опустили его в большой сосуд, куда поставили квадратный столик, а отверстие кувшина закрыли камнем. Затем Го услыхал разговоры и смех. Видимо, в этом помещении пили и веселились несколько десятков мужчин и женщин. Он почувствовал, что ноздри его щекочет запах вина, нашел на ощупь столик, нашарил в темноте винный чайник, чарку, четыре тарелочки, палочки для еды, а так как его мучили голод и жажда, то он принялся за еду и питье. Позднее несколько подростков, окружив кувшин, спели красивую песню. Какой-то человек, постучав по кувшину, сказал: «Хозяин велел развлечь гостя». Все доносилось до ушей Го тихо, но вполне отчетливо.

Прошло уже много времени, и тут кто-то снова постучал по кувшину и сказал:

— Господин Го, не вините меня! Все перепились и не могут поднять этот большой камень. Придется вам потерпеть, пока не придут ваши благородные друзья.

Голос замолк, и наступила тишина.

На следующий день, видя, что Го не открывает дверь дома, друзья его заподозрили неладное и проникли в дом, перелезши через стену.

Услыхав голоса, Го начал кричать. С большим трудом его друзьям удалось сдвинуть камень. Го вылез из кувшина и рассказал о том, что видел и слышал, друзья его принялись хлопать в ладоши.

Когда Го при свете дня увидел утварь, находившуюся внутри кувшина, ему показалось, что это его вещи. Придя домой, стал выяснять. Оказалось, что вчера во время семейного празднества пропали вина и закуски и их с бранью искали повсюду.

Можно сказать, лукавая это была нечисть!

Однако рассказ об этом вызвал у людей смех, а не гнев,

хотя студент Го, когда вылез из кувшина, [на время] даже лишился дара речи.

Конечно, это была злая шутка!»

Юй Жун-жо сказал:

«Похоже на то, что они ради забавы так подшутили над этим Го. Как-то я был проездом между Цинь и Лун и слыхал там об одном юноше, который, сопровождая своего учителя, занимался в горном храме. Рассказывали, что в башне этого храма водилась нечисть, появлявшаяся по временам, чтобы завлекать людей. Думая втайне, что лиса-оборотень обязательно должна быть поразительной красавицей, юноша каждый вечер подходил к башне и, обращаясь к лисе со всякими фамильярными речами, умолял ее о свидании.

Однажды ночью, стоя в нерешительности под деревом, он увидел молоденькую служанку, манившую его рукой. Он понял, что ее прислала лиса-оборотень, и побежал ей навстречу.

— Господин — человек понимающий, и я не буду докучать ему многословными речами,— тихонько сказала служанка.— Вы очень понравились моей госпоже. Однако можно ли делать такие вещи всеобщим достоянием? Хозяин на вас очень сердится, и только потому, что вы человек знатный, он не решается причинить вам зло. С госпожой же он очень суров. К счастью, сегодня он ушел на ночь, и госпожа послала меня тайно пригласить вас к ней, так что вам надо скорее идти.

Юноша последовал за служанкой, которая глухими улицами и кривыми переулочками провела его к входу во внутренние покои храма. Подошли к комнате с полуоткрытой дверью; там было темно, но он разглядел постель со спущенным пологом.

— Боясь, что будет смущаться в первые минуты, госпожа заранее легла в постель. Снимите с себя одежду, господин, и поднимитесь к ней, только не произносите ни слова, а то вас могут услышать другие служанки.

Сказав это, служанка тихонько ушла.

Не в силах сдержать радости, студент приподнял одея-

ло, обнял лежавшую там и прижался губами к ее устам; внезапно человек, лежавший на постели, вскочил в испуге с громким криком. Юноша оторопел. Хотя в комнате и было темно, он узнал своего учителя, который лег спать под пологом в прохладе.

Учитель пришел в ярость, велел выпороть юношу, а так как тот был вынужден признаться во всем, то учитель прогнал его.

Вот это действительно злая шутка!»

Достопочтенный Цю Вэнь-да сказал:

— Студент Го был самонадеян, поэтому нечисть только высмеяла его. У [второго] же студента было порочное сердце, поэтому нечисть погубила его. Каждый из этих двух студентов сам навлек на себя беду. А нечисть разве бывает добрая или злая?

[935. Добродетельная женщина молит Будду помочь ее покойной подруге; просьба ее услышана.

936. Небо карает непочтительного сына.

937. Бесы в академии Ханьлинь со знанием дела рассуждают о стихах.

938. Лиса рассказывает своему другу — человеку, как научиться менять свой облик.

939. Человек, попав во сне на судилище в Царство мертвых, видит волшебное зеркало, в котором отражаются поступки и мысли людей.

940. Добродетельная женщина становится нищей, но не выходит вновь замуж.

941. О стихах, написанных Цзи Юнем во время его пребывания в Урумчи.

942. Лиса-оборотень, сойдясь с бедняком, содержит его семью, торгуя собой.]

(943.) Тесть Лю Цзин-наня, достопочтенный Чжан Линюй из Уцяна, получивший степень *цзюйжэня* в год *дин-ю* правления под девизом Кан-си *, рассказывал:

«Некий ученый купил наложницу. С него спросили недорого, но сказали, что мать очень любит свою дочь и поэтому наложница в доме ученого будет проводить только

* 1718 г.

пятнадцать дней в месяц, а остальные пятнадцать — в доме своей матери. Прельщенный красотой девушки и умеренной ценой, ученый вынужден был согласиться на это условие.

Через некоторое время другой ученый купил себе наложницу на таких же условиях. Правда, сперва он не соглашался, но когда ему в пример привели того человека и он разузнал о нем, то скрепя сердце согласился.

Оказалось, что двое этих ученых когда-то были соучениками, и вот как-то раз они разговорились о своих семейных делах. Внезапно о чем-то догадавшись, первый ученый спросил:

— Ваша А-цзяо[1] возвращается к своим родителям в первую половину месяца или во вторую?

— Во вторую,— последовал ответ.

И тогда первый ученый окончательно все понял и повел второго к себе на женскую половину, чтобы тот посмотрел на его наложницу. Оказалось, что они говорили об одной и той же женщине.»

Значит, когда ее продавали в первый раз, уже готовились ко вторичной продаже. Достопочтенный Чжан Лин-юй — благородный муж, он никак не мог это выдумать. Семье, продавшей в столичном округе свою дочь в наложницы, такое один раз могло сойти с рук, но если месяц за месяцем женщина в назначенный день отправляется навещать своих родителей, это уже выглядит как-то странно; и если она при этом появляется то в одном доме, то во втором, как же люди об этом не узнали?

Если бы их хитрость ограничивалась только этим, то она наверняка сразу же провалилась бы. Может быть, рассказывавший об этом упустил что-то или же достопочтенный Чжан чего-то недослышал?

Однако ведь, наверное, не зря было придумано изречение о том, что люди, любующиеся «цветочками» по пути в столицу, от волнения сбиваются с пути!

(944.) Чжу Цин-лэй рассказывал:

«Ли Хуа-лу купил в столице наложницу за пятьсот золо-

тых, потом он по другим делам посетил Тяньцзинь. В день возвращения в столицу он встретил своего друга и вышел из повозки, чтобы поздороваться с ним. В это время вдали он увидел проезжающую мимо повозку, в которой сидела его наложница с двумя свахами. Ли Хуа-лу очень встревожился, наложница же как будто и не заметила его. Он подумал было, что ошибся, но узнал ее платье и совсем растерялся. Поспешно простившись с другом, он помчался домой. Приехал, а наложница там.

— Успела приехать раньше меня? — спросил он сразу.— За кого же выдают тебя эти свахи?

Наложница растерялась, не понимая, о чем он говорит, и тогда он в гневе послал мальчика-слугу за ее родителями, чтобы они забрали свою дочь. Те в панике примчались. Младшая сестра наложницы, узнав, что у сестры какие-то неприятности, приехала вместе с ними. Когда она вошла, то Ли Хуа-лу узнал в ней ту, что проезжала мимо него в повозке. Она еще не успела снять платье, одолженное у старшей сестры.

Девушка была моложе своей сестры на год и очень похожа на нее. Ли Хуа-лу, метавшийся до этого, как ревущий тигр, при виде ее сразу понял свою ошибку и так был этим ошеломлен, что не мог вымолвить ни слова.

Родители наложницы стали спрашивать, почему он их вызвал, и Ли Хуа-лу рассказал им о своей ошибке и выразил раскаяние. Тогда родители объяснили ему, что только что продали младшую дочь, которая ездила со свахами в одолженном у сестры наряде.

— За сколько вы ее продали? — спросил Ли Хуа-лу.

— За триста золотых. Денег еще не получили.

Ли Хуа-лу засмеялся, поспешно открыл дорожный короб, вынул оттуда пятьсот золотых и положил их на стол.

— Согласитесь ли вы на ту же цену, за которую я приобрел ее сестру? — спросил он.

Тотчас же было заключено соглашение, и в ту же ночь она разделила с ним ложе.»

«Ветер, столкнувшись с водой, неожиданно приспосабливается к ней» — это, можно сказать, вполне подходящая к данному случаю фраза.

(945.) Лю Дун-тан рассказывал:

«Был один заносчивый студент, человек строптивый и сумасбродный, поносивший и древность, и наши дни и так высоко ценивший себя, что, если находился кто-нибудь, кто указывал хотя бы на одно неверное слово в его стихах или сочинениях, он начинал негодовать до глубины души и готов был лезть в драку.

Когда пришло время сдавать ежегодные экзамены, проводившиеся в Хэцзяни, этот заносчивый студент с несколькими десятками других экзаменующихся, среди которых были знакомые, а были и совсем незнакомые ему люди, сидел летней ночью во дворе, наслаждаясь прохладой. И вот он пустился ораторствовать, не считаясь ни с кем. Боясь его злого языка, все молчали. Только кто-то, сидевший за деревом, самым решительным образом спорил с ним, атакуя его по всем уязвимым пунктам.

Заносчивый студент, отстаивавший неверную точку зрения, естественно, не обладал вескими доводами и в ярости спросил:

— Да вы кто такой?

— Ваш покорный слуга — Цзяо Ван-сян. (Это был известный хэцзянский ученый.)

— Так вы же давно умерли? — в испуге спросил заносчивый студент.

— Если бы я не умер,— смеясь, ответил тот,— разве посмел бы схватить тигра за усы?

Заносчивый студент с криком вскочил с места и обежал вокруг забора, но никого не увидел, а только услышал, как кто-то хихикает — то ли на верхушке дерева, то ли на крыше.»

[946. Лисы обманным путем заставляют человека отвести воду, затопившую их жилища.]

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

[947. Пропавший без вести человек оказывается живущим у лисы.

948. Человек слышит разговор бесов с духом — хранителем города о людях.

949. Судья Царства мертвых снисходителен к монахине, продолжающей встречаться со своим мужем, с которым ее разлучила злая свекровь.

950. Дух дерева мстит своему обидчику.]

(951.) «В пустоте слышу, как бес печально поет «Песнь полуночи»»,— писал Ли Шан-инь[1], используя рассказы о том, как во времена Цзинь бесы пели любовные «Песни полуночи».

«На осенней могиле бес читает стихи Бао Чжао[2]»,— писал Ли Чан-гу[3], имея в виду стихотворение Бао Чжао «Похоронная песнь» и развивая выраженную там идею.

Такие случаи действительно имеют место.

Тянь Сян-цинь рассказывал:

«Как-то ночью я занимался у себя в загородном доме. Ветер стих, ярко светила луна, и я услышал, как кто-то исполняет арию *куньцюй*[4] мелодично и нежно, трогая душу. Внимательно прислушавшись, я узнал сцену «Плач перед картиной» из «Пионовой беседки»[5]. Забыв обо всем, я прослушал ее до конца.

Вдруг я вспомнил, что за стеной моего дома находится лишь дикий берег бухты, где почти не бывает людей. Откуда же тут взялся певец?

Я открыл двери и выглянул, но только ветер шелестел в тростниках.»

(952.) Тянь Сян-цинь еще рассказывал:

«Один старый начетчик занимался со своими учениками в заброшенном храме, вблизи которого находилось много запущенных могил. По ночам там видны были фигуры бесов, слышны были их разговоры. Начетчик этот был человек смелый и ни капельки их не боялся. Мальчик-слуга тоже привык и не испытывал страха.

Как-то вечером за стеной послышался разговор. Голос сказал:

— Господин живет уже давно по соседству с нами и вызывает к себе доверие. Я слышал, как он читает вслух, и видел у него на столе стихи Вэнь Тин-юня [1]. Мне хотелось бы списать стихотворение «Песнь о Дамо [2]» и сжечь.

— В последней строке,— тихо сказал второй голос,— «В Ечэне ветер и дождь касаются небесных трав» — слово «касаются» заменено словом «липнут», что гораздо сильнее. Готов побиться с человеком об заклад и выставить вино.

У старого начетчика было с собой собрание стихов Вэнь Тин-юня, и он кинул книгу через стену. Прошло немного времени, и вдруг листья на деревьях затрепетали, поднялся сильный ветер, окна и двери залило мутным вином, словно ливнем.

Старый начетчик, смеясь и сердясь, крикнул:

— Я оказался прав, а вы нет. Когда двое бьются об заклад, один из них обязательно проигрывает, проигравший обязательно обижается, это дело обычное. Но если обида вызвана тем, что я изменил слово в стихотворении, значит, я цитировал неправильно. Если же вы обиделись на текст самой книги, значит, я правильно цитировал. Стыдно вам мошенничать.

Начетчик замолчал, и ветер сразу же стих.»

Чу Хэ-тин сказал:

— В конце концов грамотный бес разозлился потому, что хотел выиграть в этом споре, но оказался не прав. А разве начетчик не мог не бросить ему эту книгу и сделать вид, что они оба правы?

Ван Гу-юань [3] ответил:

— Благородные мужи спорят между собой — это житейский закон. Начетчик, который отказался бы от этого,— это уже не начетчик!

[953. Тигр-оборотень убивает человека.

954. Бессмертный разоблачает шарлатанов, рекламирующих секреты достижения бессмертия.]

(955.) В доме моего дяди Ван Хун-шэна была лиса, жившая в кладовой. Она не причиняла людям вреда, но когда

дети играли около кладовой, швырялась в них черепицей.

Однажды под кухней поймали лисенка и хотели забить его насмерть, чтобы излить злобу на лису. Но Хун-шэн сказал:

— Это значит вызвать ссору. А разве люди смогут победить в борьбе с лисами?

И он положил лисенка на лежанку, накормил фруктами и блинами и сам отнес его к кладовой.

С тех пор, когда дети приходили к кладовой, лиса больше их не трогала. Без борьбы подчинилась человеку.

[956. Женщина спасает лису, которую преследуют другие лисы.
957. Гадание на бараньих костях сбывается.
958. Лисы спасают женщину, избиваемую мужем.
959. Лис наказывает своих сыновей, заманивших служанку на пьяную пирушку.
960. Человек спасает лису-оборотня, потом женится на ней.
961. Заметка о подвеске для пояса, сделанной из кораллов.
962. Заметка о прекрасной яшме, которую Цзи Юнь видел в Урумчи.
963. Заметка о художественном изделии из яшмы.
964. Заметка еще об одном изделии из яшмы.
965. Наставник спасает студента от злого беса.
966. Лиса-оборотень разоряет влюбленного в нее студента.]

(967.) Мой племянник Сю-шань рассказывал:

«Раб У Ши-цзюнь как-то подрался с одним человеком и потерпел поражение. В ярости он решил покончить с собой и стал искать уединенное место за пределами деревни.

Только он вышел за околицу, как его остановили два беса. Один сказал, что броситься в колодец — прекрасно, а другой уверял, что еще лучше — повеситься. Стали тянуть его в разные стороны, и он не знал, кого же из них слушать. В это время появился шедший с севера старый знакомый У Ши-цзюня — некий Вэнь Куй. Он кулаками разогнал бесов и повел У Ши-цзюня домой. Ши-цзюнь словно пробудился от сна, все мысли о самоубийстве покинули его.»

Вэнь Куй задолго до этого случая повесился. Он и Ши-цзюнь в свое время работали в доме моего дяди, достопочтенного Ли-фу. После смерти Вэнь Куя его мать тяжело за-

болела и не вставала с постели. Ши-цзюнь помог ей, дав пятьсот цяней, поэтому Вэнь Куй теперь отплатил ему добром.

Эта история, недавно происшедшая в нашем доме, очень похожа на случай с портным, который встретился с бесами и о котором рассказывал Юань Мэй[1],— случай, видимо, достоверный.

А то, что Вэнь Куй смог прийти и, отплатив за милость, удалился, особенно может побудить людей к добру.

[968. Четыре эпизода, повествующих о том, как люди и духи мертвых мстят хозяевам, жестоко обращавшимся со служанками.

969. Заметка о редкостных изделиях, которые доводилось видеть Цзи Юню.

970. Девушка, которую хотели выдать замуж за нелюбимого ею человека, принимает лекарство, вызывающее летаргический сон, и бежит с любимым.

971. Заметка о скульптурных изделиях из мрамора.

972. Описание трех картин неизвестных мастеров сунского времени.

973. О человеке, верном в дружбе.]

(974.) Чжу Цин-лэй рассказывал:

«Как-то я посетил храм Цзяошаньсы[1] и увидел, как туда вошла компания из нескольких человек, начавшая отбивать земные поклоны, но один из них кланялся только в пояс. Кто-то спросил его почему, и он ответил:

— Достопочтенный Ян[2] был начальником отделения, и я тоже начальник отделения, ранг у нас равный, и у меня нет причин оказывать ему особые почести.

Спрашивавший заметил:

— Достопочтенный Ян был преданным подданным.

Тот изумленно воскликнул:

— А я что, вероломный подданный?»

Юй Да-юй рассказывал так:

«Не Сун-янь ехал как-то верхом на осле и повстречал [каменщика], изготовлявшего мельничные жернова, который не уступил ему дорогу.

— Мастер по камню встретил мастера по камню,— ска-

зал он,— почему же надо уступать дорогу?» (Не Сунь-янь был учеником Чжан Ман-цзюня из Аньци и одно время славился как искусный гравировщик вязью.)

А еще я расскажу:

«Один учитель из Цзяохэ рассуждал с Чжан Цин-ланем о литературе, и они поносили друг друга.

Учитель, разозлясь, сказал:

— Мы с тобой в один год поступили в школу, вместе дожили до нынешнего дня, оба не выдержали экзаменов, на каком же основании победа должна остаться за тобой?»

Все эти три случая сходны; можно любить спорить, но не до такой же степени!

Тянь Бо-янь сказал:

«Чего только не встретишь в этом огромном мире! С людьми такого рода можно справиться, только не реагируя на них, чтобы они не мешали делу. Если же стремиться обязательно все им растолковать, то лишь еще больше все осложнишь.

Когда-то я видел двух студентов, живших в буддийском монастыре, один из них поносил [местность] Цзыян, второй ругал Сяншань; так они ругались до середины ночи. Монах, думая разрешить их спор, сказал, что оба они не правы. Тогда они накинулись на него с кулаками. На следующий день все трое с разбитыми лбами пришли в суд с жалобой.

Если бы в нашем мире не было скандалов, то как удавалось бы обывателям удовлетворять свое стремление к смуте?»

[975. Куры помогают женщине, выкормившей их.

976. Лисы наказывают людей, ловивших их.

977. Неразрешимая тяжба из-за пустяка.

978. Богач, живущий жизнью отшельника, награжден за праведную жизнь в прошлом перерождении.

979. Влюбленные умирают, так как не могут пожениться.]

(980.) В Хэцзяни странствующий буддийский монах продавал на рынке лекарство. На столике он устанавливал медного Будду с протянутой рукой, словно берущего с тарелки, на которой лежал запас пилюль. Покупатели снача-

ла молились Будде, а потом брали тарелку и протятивали ему. Если болезнь была легкоизлечимой, то пилюля прыгала в руку Будды, если же болезнь трудно было излечить, то пилюля оставалась на тарелке. В это верили по всей стране.

Впоследствии один человек как-то попал в храм, где жил этот монах, и увидел, как тот, заперев за собой двери, толчет железные опилки. Тогда человек понял, что половина пилюль, лежавших на тарелке, была начинена железными опилками, а половина — нет; в руке же Будды был помещен магнит, к которому прилипал металл.

Человек этот проверил свою догадку, она подтвердилась, и трюк монаха был раскрыт.

Был один начетчик, который втайне писал доносы. Когда его разоблачили, он вел себя у судьи надменно, не обнаружил никакого волнения и упорно все отрицал. Только когда сличили почерк, которым были написаны доносы, с его замечаниями на «Большой свод [речений] о природных свойствах и [нравственных] принципах»[1] и обнаружили полное совпадение, он признал свою вину.

Правитель области, достопочтенный Суй, сказал с улыбкой:

— Всю свою жизнь я верил в Будду и не верил монахам, верил в совершенномудрых, но не верил в учение даосов. Сегодня я вижу, что не ошибался!

[981. Бес, не желая разговаривать с необразованными бесами, спрашивает у ученого дорогу до ближайшего села.

982. Голос беса поправляет человека, банально рассуждающего о стихах.

983. Даосский монах эрудированно поправляет человека, рассуждающего о пейзаже и стихах.]

(984.) Известный ученый, достопочтенный Вэнь[1], рассказывал, что во время карательного похода в Уши один отважный командир-конник получил несколько ножевых ран в живот, которые врач не смог зашить. В это же время было взято в плен несколько уйгурских женщин.

Врач сказал:

— Давайте их сюда!

Выбрал одну в зрелом возрасте, лоснящуюся от жира, вспорол ей живот, наложил ее жир на раны командира, забинтовал их шелком, и никаких осложнений не было. Раны зажили, раненый исцелился.

Достопочтенный Вэнь говорил, что если бы не было битвы, то не было бы и такой болезни, если бы не было битвы, не нашлось бы и такого лекарства. Это верно.

Конечно, мятежников следует казнить по закону, а не сдирать с живых кожу. Однако использовать это ради спасения преданного родине мужа — ведь не то же самое, что убить одного человека ради спасения другого.

[985. Люди слышат разговор бесов, осуждающих метафизические рассуждения неоконфуцианцев.

986. Предсказание в стихах духа, вызванного гадателем.

987. Человек, которому грозила смертная казнь, спасается от нее, отдав судье своего красивого подростка-сына.

988. Дятел пишет на песке клювом заклинание, и колышек, вбитый человеком в отверстие его гнезда, вылетает.]

(989.) Раб Ли Фу как-то темной ночью забрался на кладбище к югу от деревни и, подражая звукам, издаваемым бесами, пугал прохожих. Внезапно со всех сторон появились блуждающие огоньки, издававшие те же звуки. Тогда он в панике пустился бежать домой.

Вот так же перекликаются дети, когда идут гулять.

[990. Человек видит красавицу женщину, которая превращается в тигра и пожирает оленя.

991. Ученый видит танские стихи, написанные кем-то на стене постоялого двора.]

(992.) Шучжоуский арендатор Шао Жэнь-во рассказывал:

«Женщина из рода Ли возвращалась домой от своей матери. Наступили сумерки, поднялся ветер, полил дождь. Она

спряталась в заброшенном храме. Спустилась ночь, и в темноте она не могла идти домой.

В это время несколько рабочих-поденщиков с мотыгами на плечах вошли в храм. Испугавшись насилия, она поспешила скрыться в разрушенной пристройке за храмом. Поденщики, увидев в темноте ее тень, перекликаясь, погнались за ней. Не зная, что делать, женщина с отчаяния стала подражать крику бесов, и вдруг по обе стороны ограды в ответ ей послышались такие же крики. Поденщики в испуге убежали. Дождь к этому времени уже прошел, и никто ничего не узнал об этой истории.»

Это похоже на случай с Ли Фу[1], но в том случае бесы прогнали человека, а в данном — пришли ему на помощь.

Ведь говорят, что чистота и целомудрие могут растрогать души умерших, и не обязательно, чтобы это рассуждение было ошибочным.

(993.) Жэнь-во еще рассказывал так:

«Один разбойник, сломав двери, ворвался в богатый дом. Его сообщники, размахивая обнаженными мечами, собрали всю семью вместе и предупредили:

— Тот, кто осмелится крикнуть, умрет! Да при таком сильном ветре все равно и крика никто не услышит, так зачем же зря умирать?

После этого никто и рта раскрыть не осмелился.

Служанка, девушка лет пятнадцати-шестнадцати, спавшая на кухне, тихонько выхватила из очага головешку и в темноте, извиваясь, как змея, выползла на задний двор. Ветер раздул огонь, дрова и хворост, лежавшие во дворе, загорелись. Пламя осветило небо, в деревне все повскакали в испуге и бросились на помощь.

Толпа все прибывала, при свете пожара стало светло как днем, разбойникам пришлось драться врукопашную, и всех их поймали.

Испытывая глубокую благодарность к служанке, хозяин решил сделать ее женой своего сына. Сын, утвердительно кивнув головой, сказал:

— С такой смекалкой она наверняка будет хорошей хозяйкой. Что же плохого в том, что она служанка на кухне?

Хозяин очень обрадовался и стал торопить девушку, чтобы она поскорее оделась: он хотел в ту же ночь совершить брачную церемонию, боясь, что девушка передумает или поднимутся всякие разговоры.»

Удивительная была девушка!

[994. Нечисть разоблачает шарлатанство даосского монаха.

995. Человеку снится, что он попал в Царство мертвых, где отбывает наказание обманывавшая его жена.

996. Рассказ о всяких мошенничествах торговцев.

997. Бес раскрывает сговор чиновника с человеком, задумавшим отнять имущество у своего старшего брата.

998. Больной женщине мерещится, что у ее постели стоят покойные члены семьи ее мужа, из чего она понимает, что семья мужа стала ей ближе семьи родителей.

999. Рассказ старой няньки, брошенной родней, заставляет услышавшую его женщину стать добрее к своим пожилым родственникам.]

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

[1000. Служанка спасает хозяев от разбойников.]

(1001.) Дай Дун-юань рассказывал:

«В доме у одного человека в пустой комнате поселилась лиса. Она часто беседовала с хозяином дома, обменивалась с ним подарками, как это водится между ближайшими соседями.

Однажды лиса сказала хозяину дома:

— Во втором дворе, господин, в пустом помещении уже много лет живет дух повесившейся женщины. Если вы снесете это помещение, то духу негде будет жить и он начнет ссориться со мной из-за жилья, будет являться вам в своем страшном виде и пугать детей. Мне бы этого не хотелось. Или же напустит наваждение, это будет уж совсем нестерпимо. Почему бы вам, господин, с помощью какого-нибудь даосского монаха, который мог бы пожаловаться на этого духа, не избавиться от этой беды?

Хозяин послушался совета лисы и, получив от монаха

амулет, сжег его во втором дворе. Внезапно поднялся сильный ветер, послышался треск, подобный раскатам грома. В страшном испуге хозяин услышал, как на крыше стала трещать черепица, словно десятки людей топтали ее на бегу.

— Мой план оказался никуда не годным, — раздался сверху голос лисы,— раскаянию моему нет предела! Вызванный вами дух сейчас перейдет в атаку, чтобы изгнать и меня, и духа повесившейся. Так что я должна с вами расстаться, господин!

И прозорливая лиса кинулась опрометью прочь, не ожидая неминуемого поражения.»

А еще рассказывал достопочтенный Люй, мой двоюродный брат:

«Один человек, страдавший от лисьего наваждения, пригласил колдуна, чтобы тот прочитал заклятия и изгнал лису.

Но этот колдун стал без конца заниматься вымогательством, часто насылал [всякую нечисть] вроде бумажных тигров и деревянных человечков, причинявших сильное беспокойство этой семье. Хозяин дома давал ему деньги, чтобы он прекратил это, но дней через десять все начиналось сначала, и это наваждение было похуже, чем лисье.

Кончилось тем, что хозяину пришлось перевезти свою семью в столицу. Только тогда удалось избавиться от этого колдуна.»

Вот еще доказательство того, что когда обращаешься за помощью к ничтожеству, то наталкиваешься на предательство.

[1002. Попытка человека стрелять в испугавшего его горного духа кончается ничем.

1003. Смелая девушка прогоняет бесов, не посмевших ее обидеть.

1004. Умная певичка обманывает богача, чтобы спасти от голода семью.

1005. Лиса-оборотень не подчиняется магу, который хочет прогнать ее из дома любимого человека по навету его жены.

1006. Наказания в Царстве мертвых соответствуют проступкам: сквочник — нем, любитель сплетен — глух.

1007. Студент сожительствует с красавицей, которая оказывается бесом, не пожелавшим причинить ему вреда.

1008. Женщина идет на бесчестье, чтобы спасти от смерти мужа, на которого был сделан ложный донос.

1009. Бесы убивают людей, чтобы с помощью их жизненной энергии продлить свою жизнь, а лисы-оборотни для этой же цели сходятся с мужчинами.]

(1010.) Ли Цин-цзы рассказывал:

«Студент Чжу Ли-юань в год *синь-ю* * должен был ехать на север, чтобы сдавать экзамены в Шуньтяне. Вечером он проезжал к северу от Янлю, и, так как пришлось объезжать грязь, в конце концов он сбился с дороги и не нашел постоялого двора, где мог бы отдохнуть. Вдали, за лесом, он увидел человеческое жилье и решил попроситься на ночлег. Подойдя ближе, он разглядел земляную хижину с черепичной крышей на шести-семи подпорках. На стук дверь открыл мальчик-слуга. Чжу объяснил, как попал сюда, и попросил разрешения переночевать. Хозяин дома, старик в простой, но изящной одежде и головном уборе, провел гостя в комнату, велел принести лампу, но та светила тусклым светом.

— Год был неурожайный,— сказал старик,— и масло плохое, вам, верно, будет здесь скучно.

И еще он сказал:

— Сейчас ночь, и я не могу устроить вам подобающего приема, есть только деревенское вино, если вы не побрезгуете им.

Старик был очень любезен и гостеприимен.

Чжу спросил:

— С кем вы живете здесь?

— Я живу в одиночестве и бедности,— ответил старик,— со мной только моя старая жена и мальчик-слуга.

Спросив у Чжу, куда он едет, и узнав, что путь его лежит на север, старик сказал:

— У меня есть письмо и маленький пакет, которые мне надо отправить в столицу, но в нашем захолустье нет почты, так что мне очень повезло, что мы встретились с вами.

---

* 1741 г.

— Вокруг вас нет никаких соседей, не страшно вам жить в таком одиночестве? — спросил Чжу.

— У меня лишь маленькое поле в несколько му да бедная хижина, в которой нет никаких сбережений, мне нечего опасаться воров.

— Но говорят, что в заброшенных местах водятся бесы и нечисть,— сказал Чжу.

— Мне не приходилось видеть ни бесов, ни нечисти, но если вы, сударь, боитесь, то я могу с вами посидеть до рассвета, хотите?

Взяв у Чжу бумагу и кисть, старик написал письмо, запечатал в пакет несколько каких-то вещичек, завернул их в старую тряпку, зашил и передал Чжу, сказав при этом:

— Адрес написан на конверте, когда приедете в столицу, раскроете пакет и узнаете его.

Когда наступил рассвет, они распрощались, и старик просил Чжу не потерять пакет.

Прибыв в столицу, Чжу распорол обшивку пакета, на конверте было написано: «Господину Чжу Ли-юаню». В пакете лежали пара золотых шпилек и два серебряных браслета. Письмо гласило:

«У вашего покорного слуги нет сына. Послушавшись неправильного совета жены, я оставил наше имущество зятю, чтобы его дети заботились о наших могилах. Но они носят другую фамилию и считают нас чужими. Давно уже не сжигают они на наших могилах бумажных денег и не приносят нам жертвенной пищи. Наши могилы в полном запустении, и мы, находясь за Желтыми истоками, не можем обрести душевный покой. Все, что осталось у нас, я вручаю вам, господин, продайте это и на обратном пути на вырученные деньги приведите в порядок наши могилы, чтобы вода не размывала их больше. Если вы согласитесь выполнить эту просьбу, моя благодарность будет неизбывной.

Зная, что вы боитесь бесов и духов, я принимал вас в полумраке и не осмелился предстать в своем настоящем виде, чтобы не вызвать у вас опасений.

Покойный Ян Чжу земно вам кланяется».

Чжу испугался так, что с него градом полил пот; только сейчас дошло до него, что он имел тогда дело с духом. Но он понимал, что не может не выполнить просьбы, содержащейся в письме.

Вернувшись в Янлю, на вырученные от продажи браслетов и шпилек деньги он нанял людей, чтобы они привели в порядок могилы, но сам не решился пойти туда снова.»

[1011. Беседа человека с бесом о существовании бесов, отрицаемом конфуцианцами.

1012. Спор духа, вызванного гадателем, с человеком о стихах, написанных этим духом.

1013. Лиса мстит семье человека, испугавшего ее лисят.

1014. Даосский монах обучает человека магическому трюку, чтобы обмануть ревнивую жену, не позволяющую ему купить наложницу.

1015. Лиса помогает человеку обуздать родню жены, разоряющую его.

1016. Слепой, десять лет поджидавший на берегу реки своего врага, топит его и сам тонет с ним.

1017. Человек слышит беседу бесов о пейзажных стихах.].

(1018.) В доме Лю Ни-шаня пропал золотой браслет. Лю Ни-шань стал под палками допрашивать молоденькую служанку, и та сказала, что продала браслет «бьющему в барабан».

(В столице немало бродяг, которые, неся в руках корзину и маленький барабан с короткими палочками, бьют в барабан в знак того, что готовы купить различные вещи. Такие люди называются «бьющими в барабан». Мальчишки-слуги, молоденькие служанки, ребятишки продают им украденные вещи за ничтожную цену. Хотя эти люди сами и не воруют, фактически они являются пособниками воров. Однако им обычно продают всякое старье небольшой стоимости, они умело скрывают свои следы, и дознаться о них нет возможности. Поэтому закон не может запретить их существование.)

Под палками Лю Ни-шань узнал у служанки, как выглядел и во что был одет этот «бьющий в барабан», но найти его не удалось, и допрос служанки возобновился.

Внезапно сверху послышался чей-то тихий голос:

— Вот уже сорок лет я живу в вашем доме, господин, и ни разу не показалась вам на глаза, ни разу не подала голоса, поэтому вы не знали, что я существую. Однако сейчас я не могу больше выдержать! А не положила ли ваша супруга этот браслет по ошибке в лаковый туалетный ящичек, когда она приводила в порядок различные вещицы?

Посмотрели — браслет действительно оказался там. Но у служанки на теле живого места уже не осталось.

Лю Ни-шань очень огорчался и раскаивался. С тех пор он часто говорил самому себе: «Такие вещи неизбежно могут случаться не раз, но ведь лиса не всегда будет при этом присутствовать».

Вот почему, двадцать лет занимая чиновничью должность, он ни разу во время допросов по уголовным делам не прибегал к пыткам.

[1019. Превосходные стихи, написанные духом, вызванным гадателем, из которых ясно, что это дух женщины, умершей от любви.]

(1020.) В «Новых [записях] Ци Се»[1] говорится, что судья Царства мертвых сказал о вине Люй Лю-ляна[2]: «Слишком далеко зашел, раскрывая противоречия буддийского учения».

Это совсем не соответствует действительности.

Вина Люй Лю-ляна заключалась в том, что после падения династии Мин он не смог, идя по стопам И и Ци, голодать на горе Шоуян[3] и не сумел также остаться в неизвестности, спрятаться от мира, как настоящий отшельник. В халате студента сдавал он государственные экзамены, поставив себя наравне с учащимися областных школ. И старший сын его, Бао-чжун[4], тоже погнался за ученой степенью и вместе со своим младшим братом получил место в академии.

Разве можно оттого лишь, что он долго ел чжоуское просо, не отрекаясь от Инь, клеветать на него, вводя в заблуждение народ сомнением в его преданности? Он был нерешительным человеком, метавшимся то туда, то сюда, не имевшим твердых убеждений. Если вдуматься, его жизнь была

сходна с жизнью Цянь Цянь-и[5]. Он умер от невзгод и неожиданных бед, а не от чего-либо другого. Что же касается того, что, занимаясь изучением буддизма, он раскрывал его противоречия, то это было вызвано его уважением к Чжу Си. Он не мог, раскрывая противоречия в теориях Лу и Вана[6], не коснуться секты чань[7]. Поскольку же он раскрывал противоречия в учении секты чань, то не мог не затронуть противоречий в буддизме. Это не было его изначальным намерением и не было его изначальной виной.

После того как золотой человек явился во сне[8], много было людей, разоблачавших противоречия буддизма, так же как много было тех, кто слишком далеко заходил в этом; если считать это преступлением, то, пожалуй, Люй Лю-лян и виноват. Однако мне довелось как-то слышать рассуждение Мин Юя, монаха с гор Утай[9].

— Если говорить о тех, кто раскрывал противоречия буддизма, то сунские конфуцианцы делали это глубоко, а Чан-ли[10] — поверхностно, сунские конфуцианцы — тонко, а Чан-ли — грубо. Но монахи и приверженцы буддизма боялись Чан-ли и не боялись сунских конфуцианцев, они ненавидели Чан-ли, а не сунских конфуцианцев.

Чан-ли осуждал практику пожертвований в пользу монастырей и содержания монахов за общественный счет, речи его были адресованы невежественному люду; сунские же конфуцианцы осуждали [буддийскую] теорию проникновения в суть предметов, их речи были адресованы ученым мужам и вельможам. В Поднебесной ученых мужей и вельмож немного, а невежественных простолюдинов много; средства, получаемые монахами от ученых мужей и вельмож, незначительны, получаемые же от невежественного люда,— велики.

Поэтому, если бы победу одержали речи Чан-ли, то в курильницах не жгли бы благовоний, монастыри не имели бы земли, то пусть бы и нашлись учители, искусные в проповедях, которые привели бы монахов на берега рек, где они ночевали бы под открытым небом с пустыми желудками, но смогли бы ли они проповедовать учение Будды? Это можно уподобить тому, как терпят поражение, когда противник, да-

же не пойдя в атаку, отрезает пути, по которым подвозят провиант. Вот почему они так боялись Чан-ли и так ненавидели его!

А если бы победили речи сунских конфуцианцев, то все ограничилось бы тем, что: «ваша конфуцианская теория такова, ваш конфуцианский закон таков, и вам совершенно не обязательно следовать за нами. Наша же буддийская теория такова, наш буддийский закон таков, и нам тоже не обязательно прислушиваться к вам. Каждый почитает ту проповедь, что он слышит, каждый поступает по своему разумению. Оба учения подпирают друг друга, не причиняя взаимного вреда». Вот почему они не боялись сунских конфуцианцев и не питали к ним ненависти.

Однако в речах конфуцианцев, писавших до династии Тан, была практическая польза; дела же конфуцианцев после Сун сводились к пустой болтовне. Разоблачение буддизма конфуцианскими начетчиками не нанесло буддистам ни малейшего ущерба, какой бы шум они ни поднимали.

Считать это заслугой — значит судить пристрастно, считать это виной — значит придавать слишком большое значение Люй Лю-ляну.

[1021. Слуга выстрелами из ружья прогоняет бесов, подстрекавших к самоубийству женщину, обиженную свекровью.

1022. Человеку снится, что он попал в Царство мертвых, где людей судят согласно поступкам, совершенным ими в жизни.

1023. Заметка о применении гипса как лекарства во время моровых поветрий.

1024. Человек прогоняет беса, выдающего себя за посланца духа — хранителя пашни.

1025. Духи мертвых ссорятся из-за того, кого из них считать старше и почтеннее.

1026. Человек слышит разговор бесов о тяжбах между ними.

1027. Ядовитые насекомые мстят людям за обиду.

1028. Лиса дурачит человека, обуреваемого сладострастными помыслами.

1029. Души двух оленей, которых должен загрызть тигр, плачут, приняв облик людей.

1030. Человек спасает другого человека во время боя, чтобы отплатить за милость, оказанную тем в прошлом перевоплощении.

1031. Рассказ об исключительно честном помощнике Цзи Юня, которого в юности лиса предостерегла от излишеств.

1032. Небо управляет судьбой человека: если ему не суждено погибнуть в когтях тигра, то тигр его даже не заметит.

1033. Предсказание гадателя не сбывается.

1034. Ученый смелостью побеждает лису, которая не может его испугать.]

(1035.) Главнокомандующий Цзи Му-са рассказывал:

«Как-то преследуя фазана, я забрался глубоко в горы, и мне показалось, что я вижу стоящего на высокой отвесной скале человека. Я перебрался через ручей, чтобы получше его рассмотреть, и очутился не более чем в четырех или пяти чжанах от того места. Я увидел человека в одежде фиолетового цвета из тибетского сукна, лицо его, руки и ноги обросли черной шерстью, похожей на побеги травы длиной в цунь. Напротив него сидела очень красивая женщина в монгольской национальной одежде из зеленого сукна, ноги у нее были босые. Они ели поджаренное на огне мясо; человек пять, тоже обросших черной шерстью и похожих на маленьких детей, ростом не более одного цуня, прислуживали им. Заметив меня, они начали смеяться.

Говорили они не на монгольском, ойратском, уйгурском или тибетском языке, речь их напоминала щебетание птиц и была совершенно непонятной. Судя по их виду, они как будто не принадлежали к нечисти, и я, упав на колени, приветствовал их поклоном. Вдруг что-то упало со скалы — это был большой кусок вареного мяса дикого мула. Я снова поклонился в знак благодарности, а они помахали мне в ответ. Я пустился в обратный путь, захватив с собой мясо, которого мне хватило на несколько дней.

Впоследствии я вернулся туда с табунщиками, но не нашел и следов этих людей. Не были ли они горными духами?»

[1036. Заметка о том, что не дождь прекращается, когда появляется радуга, а радуга появляется после того, как перестает идти дождь.

1037. Муха влетает в ухо человеку и говорит человеческим голосом; это нечисть, мучающая его.

1038. Заметка о жемчуге, который уничтожает пыль.

1039. Пожар прекращается, дойдя до дома, откуда вся семья пытается вынести гроб с покойной матерью хозяина, чтобы его не охватил огонь.

1040. Рассказ о почтительном сыне, который, не сумев во время пожара вытащить гроб с телом матери из комнаты, успел вырыть в ней яму и закопать гроб; таким образом, огонь не коснулся его.

1041. Маленькие дети забрасывают камнями силача, ударившего одного из них; это лисы.

1042. Лиса в облике давно уехавшего человека является его домашним и разыгрывает их.

1043. Лиса, явившись во сне заблудившемуся человеку, указывает ему дорогу.]

(1044.) Слуга Фу Сянь любил читать книги, хорошо разбирался в смысле прочитанного, кое-что понимал в медицине и фармакологии. По характеру он был человеком медлительным, держал себя надменно, как старый конфуцианский начетчик.

Однажды степенной походкой пришел он на рынок, где стал спрашивать у встречных, не видали ли они третьего брата — Вэя (слуга Вэй Цао был третьим братом в семье). Когда кто-то указал ему, где можно того найти, Фу Сянь, так же не спеша направился туда. Увидев Вэй Цао, он долго переводил дыхание. Наконец Вэй Цао спросил, зачем он его искал, и Фу Сянь ответил:

— Я проходил мимо колодца и увидел вашу почтенную супругу, которая шила под деревом и, утомившись, уснула. Ваш маленький сын играл рядом с колодцем, отделенный от него расстоянием всего лишь в три-пять чи. У меня создалось впечатление, что это может оказаться опасным. Но мужчине не должно общаться с чужой женщиной, и мне было неудобно окликнуть вашу супругу, чтобы разбудить ее. Поэтому я и пошел искать вас.

Вэй Цао в ужасе бросился бежать к колодцу, над которым уже склонилась его жена, оплакивая сына.

Вообще, то, что слуги читают книги, можно назвать прекрасным занятием, но книги читают для того, чтобы постичь высшие принципы, а высшие принципы постигают, чтобы применить их в жизни. Если же впитывают прочитанное, не вни-

кая [в суть], доходят до такой тупости, что причиняют вред другим людям. Так что же драгоценного в таких начетчиках?

[1045. Дух предка ограбленного вельможи помогает вору бежать, чтобы тот не натворил еще бóльших бед, убив своих преследователей.

1046. Бес в облике юноши тщетно пытается обольстить целомудренную девушку драгоценностями.

1047. Бес дает бедняку деньги, чтобы успокоить духа покойного отца бедняка, плач которого раздражает беса.

1048. Пророчество духа сбывается: у умирающего рождается сын, который сможет прислуживать родителям умирающего.

1049. Рассказ о почтительном сыне, десятки лет искавшем пропавшего без вести отца.

1050. О чудесных рождениях.]

СБОРНИК ПЯТЫЙ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛУАНЬЯНСКИХ ЗАПИСЕЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛУАНЬЯНСКИХ ЗАПИСЕЙ»

Годы мои клонятся к закату, и жизненная энергия иссякает с каждым днем. Нет у меня стремления писать книги, лишь изредка я делаю разные заметки, чтобы как-нибудь скоротать свободное время. «Записи, сделанные летом в Луаньяне» и другие книги были для меня забавой в прошлые дни. Годы принесли с собой лень, но иногда, услыхав рассказ о необычном, я записывал его на клочке бумаги или же, вдруг вспомнив старое происшествие, присоединял его к написанному раньше; порядка особого в этих записях не было, взор будто был застлан пеленой тумана, поэтому я долго не мог кончить эту книгу.

В пятую луну нынешнего года я сопровождал императора в Луаньян. Свободный от дел, я тяготился тем, как тянулись дни, и стал собирать свои записи для этой книги, которую решил назвать «Продолжение луаньянских записей». Их еще не переписали набело, и я решил дописать несколько слов, чтобы выразить свои мысли. Если они неясны, то подробнее я говорил в предисловиях к четырем первым сборникам, а сейчас не хочу распространяться.

В последние три дня седьмой луны года *у-у* правления под девизом Цзя-цин* в возрасте 75 лет написал

Наблюдающий игру в шашки

---

* 1798 г

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

[1051. Рассказ о двух слепых, которые, ощупав лицо человека, точно угадывали его характер и положение в обществе.

1052. Храм, от стен которого исходило золотое сияние.

1053. Заметка о сомнениях Цзи Юня в достоверности сведений, изложенных в «Книге о горах и морях».

1054. Человек, могущий видеть бесов, описывает их внешность.

1055. Тот же человек описывает внешний вид дракона.]

(1056.) Почтенный Чжао Лу-цюань[1] из старшего поколения рассказывал:

«Когда господин Сунь Сюй-чуань[2] еще не получил степени, он как-то остановился на одном постоялом дворе. Мать хозяина этого двора была при смерти. Слуга, который должен был подать ужин, был чем-то занят, и Сунь Сюй-чуаню накрыли стол в хозяйском помещении. Господин Сунь заметил, что туда нерешительно вошел человек в белой одежде, а за ним неуверенно проследовал другой, небольшого роста, в черном. Решив посмотреть, в чем дело, господин Сунь вошел в комнату и увидел, что эти двое, сидя друг против друга, спеша и давясь, поглощают приготовленный ему ужин. Он сердито крикнул на них, и человек в белом бросился наутек, тот же, небольшой, в черной одежде, которому господин Сунь преградил дорогу к двери, забился в угол. Господин Сунь уселся за дверью комнаты, чтобы посмотреть, что будет дальше. В это время к нему поспешно выбежал хозяин дома и сказал:

— У больной началась агония, посланцы Царства мертвых явились за ее душой. Если вы, господин, не выпустите того, кто задержан вами, то боюсь, что произойдет ошибка в предначертанном сроке и покойницу обвинят в серьезном проступке.

Тогда господин Сунь пересел на другое место, и ему показалось, что он увидел, как из комнаты в ярости выскочил тот невысокий человек в черной одежде. В помещении, где лежала больная, послышались рыдания.»

Господин Сунь был человеком правдивым и благород-

ным. За всю свою жизнь он не сказал слова неправды, значит, этот случай действительно имел место.

Однако законы загробного мира суровы, слух у духов очень чуткий, а посланцы, собирающие души, не удержались от того, чтобы украсть вино и еду в доме умирающей. Можно ли в таком случае помышлять о строгом надзоре за слугами в мире смертных?

[1057. Лиса-оборотень обольщает мужчину, значит, в нем была склонность к нравственной нечистоплотности.

1058. Служанка остается верна слуге, с которым ее обручили в детстве, несмотря на то что хозяин вынуждает ее выйти за другого.]

(1059.) У Мао-линь, ученик господина из Яоани, увидев, как ругаются двое мальчишек-слуг, рассказал такую историю:

«Некий человек из Цзяохэ повстречал какого-то старика, который, поскользнувшись на глинистой дороге, толкнул его так, что он чуть не упал. Будучи человеком вспыльчивым, тот помянул крепким словцом мать старика, и старик так рассердился, что чуть не полез в драку. Но вдруг он опустил голову, задумался, потом стал кланяться и извиняться, спросил, как того зовут и где он живет, и распрощался с ним на развилке дорог.

Когда человек из Цзяохэ подошел к своему дому, оказалось, что его мать средь бела дня заперла двери, не отзывается на зов, и слышно, как она странно дышит, будто задыхается. Заподозрив неладное, он заглянул в окно: мать его, совершенно голая, лежала, словно пьяная, а на нее взгромоздился человек, в котором сын, приглядевшись, узнал встреченного им на дороге старика. В негодовании сын закричал, хотел ворваться в дом, чтобы схватить старика, но двери и окна были на запоре. Тогда он схватил ружье и выстрелил в щель. Старик вскрикнул и упал. Это оказался старый лис.

Сбежались соседи, все удивлялись и смеялись.»

То, что этот человек попусту оскорбил мать старика, а

старик отплатил ему, так сказать «осуществив ругательство», можно посчитать предостережением для любителей ругаться. А то, что лис, дав волю своему гневу, погиб, тоже можно счесть предостережением для тех, кто в ярости спешит отомстить за обиду.

[1060. В маленьком ручье найдена огромная раковина с двумя жемчужинами.

1061. Район, в котором из-за климатических условий лотосы расцветают на месяц позже, чем в других местах.

1062. Заметка о двух искусных оружейниках.

1063. Заметка об искусных стрелках из лука.

1064. Бес усваивает обычаи людей и не причиняет никому вреда, так как, живя в храме, не видит дурных примеров.

1065. Небо награждает человека, отдавшего бóльшую часть имущества вдове брата и обедневшего, сделав его сына чиновником.

1066. В спальне молодой вдовы появляется портрет ее покойного мужа, неизвестно как туда попавший и кем нарисованный.

1067. Примеры того, как злоупотребление лекарствами приводит к болезням.

1068. Описание различных чудес, встречающихся в горах определенной местности.

1069. Стихи, написанные неизвестно кем на стене разрушенной хижины в горах.

1070. Пророчество, содержащееся в стихах, сбывается.

1071. Правитель уезда, не веривший в чудотворность храма, смертельно заболевает.

1072. Лисы ссорятся из-за жены одного из них.

1073. Умерший муж продолжает беспокоиться о благополучии жены и сына.]

(1074.) Монах Хой Дэн рассказывал:

«Некий *цзюйжэнь* снял на лето помещение в кумирне за воротами Фэнъи, в месте уединенном и отдаленном [от города].

Однажды, достав очень редкую книгу, он переписывал ее при свете лампы, как вдруг за окном послышались звуки, словно там стоял человек. *Цзюйжэнь* спросил, кто там. Снаружи ответили:

— Я — бесприютный дух, давно пребывающий в этих местах. Более ста лет мне не доводилось слышать, как читают

вслух. В последние же дни я все слышу, как вы, сударь, читаете, словно удовлетворяя мою мечту. Вот мне и захотелось побеседовать с вами, чтобы развеять свою тоску. Мы с вами люди одного типа, и, к счастью, нам не приходится опасаться друг друга.

Сказав это, дух поднял занавес и вошел в помещение. Манеры у него были изысканные, как у настоящего ученого высокой души.

В испуге *цзюйжэнь* стал звать монаха из этой кумирни, тот пришел на зов, но дух не испугался его, а сказал, показывая на стул:

— Присаживайтесь, учитель! Я вас давно уже знаю, вы человек по сути своей бесхитростный, не заразившийся обывательским духом, с вами тоже можно беседовать.

Монах и *цзюйжэнь* в страшном смятении не решались произнести ни слова.

Тогда дух взял книгу, которую переписывал *цзюйжэнь*, пробежал глазами несколько строк, а потом швырнул ее на пол и внезапно исчез.»

[1075. Змея мстит отцу ранившего ее пастуха.

1076. Предсказание, сделанное в стихах духа, вызванного гадателем, сбывается.

1077. Лиса мстит обидевшему ее человеку.

1078. Пророчество, содержащееся в стихах, сбывается.]

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

[1079. Маленький пляшущий человечек пугает своим видом ученого.

1080. Души погибших на поле боя солдат спасают заблудившегося в лесу военачальника.

1081. Примеры магического искусства даосских монахов.]

(1082.) Ли Нань-цзянь[1] рассказывал:

«В соседнем уезде жил студент, сын почтенных родителей. Смолоду он отличался легкомыслием и был падок на связи с красивыми мужчинами. Однажды, возвращаясь в подпитии от родных, он был застигнут непогодой неподалеку от города. Сгустились черные тучи, повалил густой колючий снег,

идти стало невозможно. Топчась в нерешительности на месте, студент заметил в нескольких шагах от себя свет и послал слугу узнать, что там такое. Оказалось, что рядом с ними небольшая хижина, вокруг ни души, а в хижине только мальчик и старуха.

Студент спросил, найдется ли место для ночлега.

— Сын мой давно уже в отъезде,— ответила старуха,— и я живу здесь вдвоем с внуком, у нас есть две свободные комнатки. Если вы не побрезгуете нашей теснотой, можете переночевать.

Приказав внуку привязать лошадей студента и его слуги к дереву, старуха пригласила студента сесть, а затем, сославшись на преклонные года и болезнь, сказала, что рано ложится спать и за гостем поухаживает внук. Мальчику было лет четырнадцать-пятнадцать. Одежда у него была рваная, но сам он был необычайно красив.

Студент попробовал было втянуть мальчика в разговор, но тот был занят, раздувая огонь и заваривая чай, и откликался без особой охоты. Однако постепенно он стал отвечать на шутки студента, смеялся, и студент решил намекнуть ему на свое желание. Мальчик, словно ожидавший этого, сказал шепотом:

— Здесь мы слишком близко от комнаты бабушки. Когда пройдет снег, я приду к вам, господин, надеюсь, вы вознаградите меня.

Обрадованный студент вынул из шелкового кошеля яшмовые подвески и передал их мальчику, который взял их со стыдливым видом. Долго вели они нежные речи, пока наконец не ушли, закрыв за собой двери и захватив фонарь.

Студент и слуга, прислонившись к стене, от усталости незаметно для себя заснули. Когда же проснулись, то никакой хижины не было, они сидели под туей, посаженной на чьей-то могиле. Лисья шуба, соболья шапка, халат, штаны, туфли, чулки студента — все было снято с него до нитки. Голому в снегу было нестерпимо холодно. Обе лошади неизвестно куда делись. Хорошо еще, что не забрали одежду слуги, он снял с себя свою рваную шубейку и прикрыл ею

наготу студента. В таком виде студент и пришел домой. Дома он солгал, что ему на пути встретились грабители.

Вскоре вернулись и лошади, знавшие дорогу к дому. Хвосты их и гривы были обрезаны, в седельном мешке лежала одежда и шапка студента, вывалянные в грязи. Ясно было, что грабители здесь ни при чем и на этой версии больше нельзя настаивать, тогда слуга рассказал, как было дело, и все поняли, что лисы посмеялись над человеком, навлекшим на себя позор своим легкомыслием.»

[1083. Заметка об обстоятельствах беспорядков, вспыхнувших в городе Санчжи.

1084. Видение Гуань-ди, перерезавшего дорогу повстанцам, бегущим от правительственных войск.

1085. Заметка о мятеже в Санчжи.

1086. Стихи, написанные неизвестно кем.

1087. Певичка, к которой пристает уродливый богач, выдает себя за лису-оборотня, чтобы избавиться от него.

1088. Небо карает дурного сына.]

(1089.) Прибывший из Кореи Чжэнь Сы-сян подарил мне две коробки с шахматными фигурками, выточенными самой природой, а не руками человека.

Он сказал, что черные шахматы — это осколки камней с морского берега, много лет омывавшиеся водами прилива, а белые — чистейший шпат, тоже обточенный морской водой, так что все это не диковина; но чтобы отыскать камешки нужной толщины, правильных очертаний, ровного цвета и блеска, копить их день за днем, месяц за месяцем, постепенно заменяя их все лучшими и лучшими,— на это необходимо много времени.

Я поставил шахматы в своем кабинете как изящную безделушку.

Впоследствии я подарил их главе палаты финансов Фаню. После смерти Фаня семья его распалась, и сейчас я не знаю, где же находятся эти шахматные фигурки.

[1090. Заметка, выражающая сомнение в правильности традиции, по которой Куньлунь считается священной горой.

1091. Небо карает смертью женщину, задумавшую отравить мужа и нечаянно погубившую сына.]

(1092.) Ян Хуай-тин рассказывал:

«В нашем уезде был один чиновник, который, после того как вышел в отставку, поселился в родном селе, запер двери и не интересовался делами внешнего мира, наслаждался радостями частной жизни и скорбел только о том, что у него нет потомства. На старости лет родился у него сын, которым он дорожил, как редкой драгоценностью. Когда сын его тяжело заболел, он узнал, что в горах Лаошань есть даос, обладающий даром провидения, и сам отправился к нему на поклон.

Даос сказал, улыбаясь:

— У вашего почтенного сына впереди еще столько незавершенных им дел, разве может он сейчас умереть?

И действительно, нашелся искусный врач и сын выздоровел.

Впоследствии этот сын своим себялюбием и расточительством довел семью до полного разорения, родным его пришлось мыкаться по свету в поисках средств к жизни, а дух Жоао голодал [1].

Обсуждая это, сельские жители говорили:

— Этот старик [за время службы чиновником] не заслуживал ни похвал, ни осуждений, за что же ему достался такой сын?»

Ну а то, что бедный ученый, прослуживший уездным правителем всего каких-нибудь десять лет, сумел накопить десятки тысяч монет, разве это ничего не значит?

[1093. Небо карает смертью даоса, принявшего взятку от лисы и под благовидным предлогом отказавшегося изгнать ее из дома людей, которым она досаждала.

1094. Люди наказывают девушку, из корысти согласившуюся на обман жениха.

1095. Цзи Юнь пишет стихи о давно умершей служанке, которая явилась ему во сне.

1096. Цзи Юнь цитирует запись одного писателя о павильоне, выстроенном в память ручной сороки — предвестницы счастья.]

(1097.) Врач по кожным болезням Инь Цзань-янь возвращался из Шэньчжоу от больного. В провожатые ему дали слугу по фамилии Ян, у которого был такой злой характер, что все называли его Свирепым тигром. На протяжении всего пути он искал ссор с людьми, и не было дня, чтобы он с кем-нибудь не подрался.

Однажды в сумерках они пришли в деревню, где постоялый двор был уже полон людьми. Тогда они отправились в буддийский монастырь, и монах сказал им:

— Пустое помещение есть только позади главного зала, но там, не решусь скрыть от вас, водится нечисть, причиняющая вред людям.

— Хотел бы я посмотреть, какая это нечисть посмеет причинить вред Свирепому тигру? — сердито воскликнул Ян, велел монаху обтереть лежанки и устроился на ночлег вместе с Цзань-янем. Цзань-янь, человек нехраброго десятка, улегся ближе к стене, а Свирепый тигр — с краю и стал ждать при свете лампы.

Когда люди утихомирились, действительно послышались звуки, словно кто-то плакал за дверью. Появилась красавица и медленно стала приближаться к лежанке. Тут Ян вдруг вскочил, схватил красавицу и, прильнув к ее устам, стал тискать ее. Но она вдруг приняла вид духа повесившейся женщины, такой омерзительный, что было страшно на нее смотреть. У Цзань-яня от ужаса зубы стали выбивать дробь, а Ян крикнул, смеясь:

— Хоть вид у тебя премерзкий, но снизу-то ты не должна отличаться от людей, давай побалуемся разок!

Обхватив левой рукой ее за спину, правой он стал поспешно стаскивать с нее штаны, намереваясь повалить ее на лежанку. Дух с воплем бросился наутек. Ян звал, но дух не вернулся, и они спокойно проспали до утра.

Перед уходом Ян сказал монаху:

— У вас тут есть красотка, я еще как-нибудь вернусь к

вам, чтобы переночевать, но только чтоб других гостей тогда не было.

Инь Цзань-янь, рассказывая об этом Ван Ю-чжу из Цанчжоу, добавил:

— Оказывается, на свете водятся и такие люди, что могут принуждать к сожительству дух повесившейся женщины. Не зря его прозвали Свирепым тигром.

[1098. Заметка о государственных экзаменах.
1099. Заметка о правилах поведения на государственных экзаменах.
1100. Заметка о приметах, связанных с государственными экзаменами.]

(1101.) Рассказывали, что в павильоне Баошаньтин во дворе академии Ханьлинь жила лиса, которую звали Вторая барышня, но никто никогда ее не видел.

Только однажды, когда академик Чу Цзюнь-синь[1] ночевал в своем кабинете, ему приснилось, что какая-то красавица повела его с собой и он перенесся через стены, словно ступая по облачной дымке. Оказавшись у подворья Гаоличуань, что у подножия городской стены, он повстречал старика, в испуге вскричавшего:

— Да это академик Чу! Как же Вторая барышня вас привела сюда? Скорее возвращайтесь!

И тут он сразу же проснулся.

Академик Чу Цзюнь-синь сам об этом рассказывал.

[1102. Дух покойного мужа доводит до смерти богача, отнявшего у него жену.
1103. Заметка о происхождении названия храма.]

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

[1104. Случаи воскрешения умерших в другом теле.
1105. Смельчак одолевает беса, но становится жертвой чар лисы-оборотня и после проведенной с ней ночи тяжело заболевает.
1106. Бесы не решаются трогать добродетельную женщину, давшую пощечину одному из них.]

(1107.) Лю Шу-тай рассказывал:

«Был у нас в деревне человек, обучавший достижению бессмертия. Он сидел на месте, расправив плечи, пока руки и ноги его не свело судорогой, но не оставлял своих занятий. Одному человеку пришлись по душе его рассуждения, и он попросился к нему в ученики. Ежедневно он выполнял наставления и через некоторое время добился того, что и у него руки и ноги свело судорогой.

Жена его и дети, озабоченные тем, что он бросил все дела, очень огорчались. И вот, посадив «учителя» на плечи, они принесли его в свой дом, усадили на подушку напротив «ученика», чтобы те могли беседовать о секрете эликсира долголетия. Усевшись так близко, что колени их соприкасались, те двое начали оживленный разговор и пришли к выводу, что из всех жителей Поднебесной секрет достижения бессмертия известен лишь им двоим, никто третий не в силах его постичь.

Подслушивавшие стали смеяться, тогда те двое громко вздохнули:

— Грибная плесень не отличает начала месяца от конца, цикада не знает, весна или осень, — как верны эти слова! Смертным ли рассуждать о бессмертии?

И до самой своей смерти они не только не образумились, но еще завещали своим потомкам спрятать записи их секрета и опубликовать их только через пятьсот лет.»

Кто-то сказал: «Это были люди, обладавшие путем Истины, под предлогом болезни скрывавшиеся от мира».

Я читал немало книг, но ни в одной не вычитал рецепт эликсира долголетия. Выдумка он или нет? Невеждам этого знать не дано.

(1108.) Достопочтенный Ань Цзе-жань рассказывал:

«Был в Шучжоу бедняк, который продал свою жену, уже получил за нее деньги, а жена сбежала. Купивший ее хотел затеять тяжбу, тогда бедняк сказал:

— Я продал, вы купили, вина наша одинакова, так что уплаченные вами деньги все равно пойдут судьям, какая же

вам от этого выгода? Давайте я возмещу вам потерю моей сестрой. Вы лишились женщины, уже побывавшей замужем, а получите девушку. Разве это вам не выгоднее?

Тот согласился.

Кто-то сказал:

— Жена сбежала, чтобы сохранить свою добродетель.

Другой возразил:

— Он хотел продать свою младшую сестру, но боялся людских толков, поэтому и подстроил так, чтобы другого выхода у него не осталось.

Жена его вскоре вернулась, но потом бежала с другим, и все говорили:

— Воля неба!»

[1109. Разговор человека с лисой-оборотнем о возможности зачатия ею ребенка.

1110. Лиса наказывает человека, пытавшегося от нее избавиться.

1111. Нечисть стыдит монаха-шарлатана, вызванного для ее изгнания.]

(1112.) Мой двоюродный брат Ань И-цзай рассказывал:

«У нас в уезде был человек, сожительствовавший с лисой. На деньги, которыми он прежде награждал жену за ночные утехи, он стал покупать лисе шпильки, серьги, пудру, румяна. Лиса постоянно приходила в его дом, причем он видел ее, а другие люди не видели. Однажды жена стала стыдить мужа:

— Откуда ты берешь деньги? Да еще на такое тратишь!

Неожиданно из темноты послышался голос лисы:

— А твои деньги откуда брались, что ты одну меня винишь?

Слышавшие это чуть не лопнули от смеха.»

Я полагаю, что это аллегория, придуманная И-цзаем, но из нее видно, что только безгрешный человек может бранить других.

[1113. Смерть в нищете упрямого начетчика, отпугнувшего от себя людей.

1114. Ученые критикуют стихи, написанные духом, вызванным гадателем, так как в них неверно изложены исторические факты.

1115. Надпись танских времен на зеркале, выкопанном в Синьцзяне.
1116. Разбойники, напав на людей, ничего не забирают у них, только отрезают ухо у одного чиновника, дав ему тут же чудотворное лекарство.
1117. Лиса-оборотень свидетельствует свое уважение добродетельному ученому.]

(1118.) Покойный отец мой, господин из Яоани, рассказывал мне:

«Младшее поколение усердно изучает книги для того, чтобы получить представление, как служить семье. Получив представление о том, как служить семье, потом сможет управлять семьей и научиться жить в мире.

В последние годы правления династии Мин, когда учение даосов было в почете, а государственным экзаменам придавалось все большее значение, хитрецы предавались беседам об учении Ван Ян-мина, чтобы сделать карьеру и добиться авторитета. Простаки же упорно изучали экзаменационные сочинения, чтобы достигнуть почестей и славы. Из десятка так называемых ученых не было и двух-трех, которые разбирались бы в делах.

В году *жэнь-у* правления под девизом Чун-чжэнь * достопочтенный Хоу Чжай переехал с семьей в Хэцзянь, спасаясь от местных разбойников.

После смерти достопочтенного Хоу Чжая стало известно, что большое войско [1] идет на Хэцзянь, и решено было вернуться в родные места. Перед отъездом пришел старик сосед и, поглядев на изображения духов — хранителей входа в дом [2], сказал со вздохом:

— Если бы в наши дни были такие люди, как Ху Цзин-дэ и Цинь Цюн [3], не дошло бы до этого.

Двое братьев твоего прадеда (посмертное имя одного из них было Цзин-син, второго — Цзин-чэнь), оба известные ученые, стояли в это время за воротами, связывая вещи в дорогу. Услышав слова старика, они заспорили с ним:

— Эти духи изображают Юйлэя — бога счастья, а не Ху Цзин-дэ и Цинь Цюна.

* 1642 г.

Старик не согласился с ними и предложил в виде доказательства посмотреть «Путешествие на Запад» Цю Чуцзи[4], но оба ученых сказали, что уличные рассказы не являются доказательством. Они, в свою очередь, пошли в дом, достали «Книгу о духах и чудесах» Дунфан Шо[5] и продолжали спор. Наступили сумерки. Пока искали нужные книги, прошло много времени, ушло время и на спор, городские ворота уже заперли, и они не смогли уйти из города.

На следующий день, когда они собрались в путь, город был окружен войсками. Город пал, вся семья встретилась с большими трудностями, и только твой прадед, достопочтенный Гуан-лу, его брат Чэнь-фань и дядя Юнь-тай остались целы. В такое время, когда речь шла о жизни и смерти, когда нельзя было терять ни минуты, кто, кроме ученых, оторванных от мирских дел, был способен заняться исследованием вопроса о достоверности данных в древних книгах?»

Этот рассказ достопочтенного господина из Яоани я вначале не решался включить в различные заметки, составленные мною, так как он затрагивает двоих братьев моего прадеда. Сейчас я снова думал об этом. Страсть к книгам — прекрасное дело, а много ли среди древних конфуцианцев таких, как они? Поэтому я и включил сюда эту запись.

[1119. Лиса мстит стрелявшему в нее человеку.

1120. Слуга из корысти обманывает семью своего хозяина, объявив его умершим.

1121. Человек слышит разговор бесов о судилище в Царстве мертвых.

1122. Человек слышит, как бес дает человеку, который скоро повесится, совет, какой облик ему принять.

1123. Мясник, услыхавший рассказ монаха (который был мясником, в наказание переродился в облике свиньи и был заколот, а потом в награду за страдания переродился в облике монаха), бросает свое занятие и становится зеленщиком.

1124. Рассказы, доказывающие, что мясники после смерти перерождаются в облике свиньи.

1125. Предсказание, сделанное человеку во сне его покойным дедом, сбывается.

1126. Предсказание, сделанное даосом, сбывается.]

(1127.) Гао Гуань-ин рассказывал:

«За домом в пустом помещении жила лиса. Людям она не показывалась, но могла беседовать с ними. Семья эта была зажиточная, и некоторые люди считали, что лиса им помогает.

Один человек поверил в это и попросил хозяина дома, где жила лиса, познакомить его с ней. Лиса охотно согласилась и была с ним весьма приветлива.

Однажды он решил устроить лисе угощение. Она сказала, что стара и обжорлива, и он принес много вина и закусок. К вечеру он увидел нескольких лис, валявшихся пьяными, и понял, что она пригласила на выпивку своих сородичей.

Так было несколько раз. Ему надоело устраивать лисе угощение, закладывать из одежды было уже нечего, и он намекнул лисе, что не худо бы и ей помочь ему.

Громко засмеявшись в ответ, лиса сказала:

— У меня нет денег на угощение, поэтому я несколько раз снисходила к вам, господин. Если бы у меня было достаточно средств на выпивку и угощение, с какой стати я стала бы приятельствовать с вами?»

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

(1128.) Лю Сян-вань рассказывал:

«Как-то один старый ученый-конфуцианец ночевал у своих родственников. Неожиданно пришел зять хозяина дома, человек непутевый и ненадежный. Они были совсем разными по характеру и не захотели делить друг с другом комнату. Ученого перевели в другое помещение, и зять хозяина, покосившись на старика, усмехнулся, но не объяснил почему. Комната, в которую провели старика, тоже была изящно обставлена, в ней имелись кисти, тушечницы, книги. При свете лампы старый ученый уселся писать письмо домой. Вдруг около лампы появилась девушка хоть и не очень красивая, но необычайно изящная.

Старый конфуцианец понял, что это бес, но совсем не испугался. Показав рукой на лампу, он сказал ей:

— Раз уж заявилась сюда, так не стой зря, а подрезай фитиль.

Девушка потушила лампу и подошла вплотную к старику.

Тот рассердился, быстро запачкал свою ладонь тушью и, приложив ладонь к лицу девушки, оставил на нем след.

— Завтра с помощью этой отметки разыщу твой труп, разрублю на куски и сожгу,— сказал он. Девушка с криком исчезла.

На следующий день старик рассказал о случившемся с ним хозяину дома.

— Когда-то в этой комнате умерла служанка,— сказал хозяин,— по ночам ее дух беспокоит людей, поэтому мы там сидим с гостями только днем, а ночевать никто не остается. Вчера вас, достопочтенный, негде было уложить, и я думал, что дух не решится появиться перед таким добродетельным и образованным человеком, как вы, а он все-таки явился!

Тогда ученый понял, почему зять хозяина исподтишка усмехался.

Этот дух часто разгуливал при луне по двору. Впоследствии кто-то из семьи случайно столкнулся с ним, дух закрыл лицо руками и бросился бежать. В другой раз его подстерегли и увидели, что на лице все еще сохранились следы туши. Духи сохраняют внешний облик, но плоть у них отсутствует, как же сохранилась краска? Очевидно, этот, еще сохранивший плоть, стал привидением и заимствовал облик служанки.»

В «Юянских заметках о всякой всячине»[1] говорится: «Го Юань-чжэнь жил в горах; среди ночи около его лампы появился человек с лицом, как большой таз, и непрерывно мигающими глазами.

Юань-чжэнь написал кистью на его щеке: «Долго служивший в пограничном гарнизоне человек не стареет, походная лошадь не тучнеет». Тварь мгновенно исчезла.

Потом, когда Юань-чжэнь собирал хворост, он увидел

большое дерево, на котором было огромное белое пятно с этой надписью.»

Вот и еще одно доказательство.

[1129. Варвары-людоеды, перебившие семью воров и разбойников, оставляют в живых ни в чем не повинного мальчика.

1130. Бесы пугают любовников, пришедших на тайное свидание, те лежат в обмороке до утра, так что их связь становится известна в деревне.

1131. Старый слуга упрекает бесов в глупости, иначе они не пугали бы людей, которые случайно ночуют в занятом ими помещении.]

(1132.) Четвертый сын моего покойного брата Цин-ху в детстве был очень красив, я нежно любил его, к тому же он был очень способным мальчиком. После женитьбы и рождения сына он вдруг помешался, будто утратил всякое представление о порядке: не брил голову, не умывался, летом надевал ватную одежду, а зимой — полотняную, не замечая этого, но и не болел, словно холод и жара не имели над ним силы. Позовут его есть — поест, не позовут — не надо. Иногда он покупал на рынке хлебцы с начинкой, звал ребятишек и ел вместе с ними, не спрашивая о цене, не замечая, осталось ли что-нибудь. Как-то раз его целых два дня не могли найти, потом он вдруг сам вернулся домой. В другой раз его тщетно искали повсюду, пока кто-то не сказал: «За деревней в ивовом леске, кажется, кто-то есть». Поспешили туда, а он сидит в строгой позе, весь одеревенев. Довел ли его кто своими чарами до смерти, или же он сам скрыл свои следы, зная, что пришел конец жизненному пути,— этого уже не узнать.

Помню, я как-то вернулся домой из Фуцзяни, а он, увидев меня, поклонился по всем правилам вежливости и вдруг сказал:

— Дядя очень страдает!

— Тут уж ничего не поделаешь,— ответил я.

А он снова:

— Дядя! Вы не чувствуете страдания? — и молча удалился.

Впоследствии, когда я думал о его словах, мне казалось, что в них был смысл, но так до сих пор я не смог его понять.

(1133.) Достопочтенный господин из Яоани рассказывал: «Когда господин Сунь Ци-шань из Луцзяна поехал получать назначение на должность, он был так беден, что у него не было денег даже на дорожные расходы, и осла он нанимал в пути. Однажды, добравшись до южных ворот Хэцзяни, он не смог нанять осла, а в это время начался ливень, и Сунь спрятался под навесом чужого дома. Заметив его, хозяин рассердился:

— Когда строили дом, ты денежек не выкладывал, когда трамбовали землю, ты силы не приложил, чего вдруг расселся тут? — и вытолкнул его под дождь.

В то время в Хэцзяни, видимо, еще не было свободной должности; когда же Сунь Ци-шань прибыл в столицу, через несколько месяцев его назначили на службу в тот уезд. Когда прогнавший его человек узнал об этом, он так перепугался, что даже хотел было продать дом и переехать в другое место. Услыхав об этом, Ци-шань позвал его к себе и с улыбкой сказал:

— Неужели же я опущусь до вашего уровня? Да и к тому же собственники ведут себя именно так, как вы,— и рассказал ему такую историю:

«Был у меня на родине человек, любивший сажать цветы. Как-то случайно поднялся он ночью и увидел, что около цветов стоят несколько девушек, все ему незнакомые. Он понял, что это лисы-оборотни, стал кидать в них комьями земли и кричать:

— Как смеет нечисть украдкой глядеть на мои цветы!

Одна из девушек засмеялась и ответила:

— Вы, почтенный, днем тешитесь цветами, а мы гуляем ночью, чем же мы вам мешаем? Каждую ночь мы приходим сюда, но не повредили ни листочка, чем же мы мешаем цветам? Как можно дойти до такой скупости, чтобы запрещать любоваться цветами? Мы могли бы их растоптать, но тогда

люди, пожалуй, скажут, что мы с вами сто́им друг друга, поэтому мы этого не делаем!

В мгновение ока они исчезли и больше не появлялись.

— Если лисы не захотели опускаться до уровня того человека, то неужели я хуже лис?»

Но человек все не мог успокоиться и переехал, куда — никто не знает.

Сунь Ци-шань со вздохом говорил:

— Неужели ничтожные люди думают, что все в Поднебесной так же ничтожны, как они?»

[1134. Различные стихи о Небесной ткачихе.

1135. Лиса причиняет вред юношам, хотевшим ее подстрелить.

1136. Рассказ о ящике с волшебным зерном, стоявшем под красным крыльцом дворца.

1137. Местная легенда, не отраженная ни в исторических источниках, ни в художественной литературе, о пяти полководцах минского времени, ставших духами Огня.

1138. Стихи, написанные одним из экзаменующихся.

1139. Жена видит во сне мужа, который не хочет войти в дом, так как она без него хорошо управляет хозяйством; в это время муж, едущий домой, умирает в пути.

1140. Среди духов, вызываемых гадателями, бывают невежды, а бывают настоящие бессмертные мудрецы.

1141. Человек с помощью лисы и своей жены обманывает богача; в наказание жена сходит с ума.

1142. Даос похищает женщин и пьет из них кровь, чтобы продлить свою жизнь; его уносит дракон.

1143. После смерти мужа жена безуспешно пытается покончить с собой. Душа покойного советом помогает ей осуществить ее намерение.]

(1144.) Старый слуга Ши Сян как-то ночью ехал верхом на лошади. Когда он доехал до Чжанбо, места дикого и пустынного, какие-то люди начали кидать в него песком и грязью. Лошадь испугалась и стала. Ши Сян понял, что это бесы, и крикнул:

— Я же не доехал до ваших могил, чего же вы меня задеваете?

Бесы стали дразнить его:

— Сам к нам привязался, была нам охота с тобой рассуждать!

Ши Сян разозлился и крикнул:

— Раз неохота рассуждать, значит, ищете драку! — Слез с лошади и начал наносить удары плетью куда попало.

Долго продолжалась возня, пока Ши Сян не почувствовал, что начинает терять силы, а тут еще лошадь его стала на дыбы и лягнула его копытом по локтю. Плохо пришлось бы ему, но вдруг он увидел, что издали к ним мчится бес и громко кричит:

— Этот господин — мой добрый друг, не делайте глупостей!

Бесы пустились врассыпную. Ши Сян же уселся на лошадь и поскакал во весь опор, не теряя времени на выяснение, кто был этот бес.

На следующий день Ши Сян приехал на место вчерашнего происшествия, взяв с собой в качестве приношения вино, молил своего спасителя отозваться, но ответа не было.

Другом Ши Сяня мог быть только слуга или человек такой же низкой профессии, но и за Девятью источниками [1] он не забыл о старой приязни.

[1145. Рассказ о женщине, жившей на дне моря, которая исполняла обращенные к ней просьбы добрых людей.

1146. Старик, чувствовавший себя молодым, мечтает о потомстве и покупает молоденьких девушек, впоследствии выдавая их замуж.

1147. Самоуверенность наказана: искусный прыгун, задумавший перепрыгнуть через реку, тонет.

1148. Примеры из жизни буддийских монахов, строго соблюдавших обеты.]

(1149.) Нет такого места в Девяти областях [1] и нет такого дня, где и когда не совершалось бы крупных грабежей и не творился бы разврат, и ничего удивительного в этом нет. Удивительно то, что грабители и развратники упрекают друг друга в грабежах и разврате. А еще удивительнее, что люди мирятся с грабежами и развратом! И не удивительнее

ли всего, что начинаются взаимные нападки, словно с ударом молнии.

Мой дядя, достопочтенный Ань У-чжан, рассказывал об одном человеке, в расцвете лет потерявшем супругу, от которой у него был сын. Он купил себе в жены женщину, муж которой был еще жив, но, твердо управляя семьей, этот человек сумел обеспечить мирную жизнь в доме.

Через некоторое время человек этот умер. Свои личные сбережения он отдал в руки жены, его сын узнал об этом и потребовал свою долю, но так как доказательств у него не было, то жена отца отказала ему. Сыну удалось выследить место, где она прятала деньги, и ночью через подкоп в стене он пробрался в комнату и только вытащил короб, как мачеха услыхала и подняла крик, что в доме воры.

Все повскакали в испуге и с оружием в руках вбежали в комнату. Сын поспешно вылез наружу через лаз, но упал под ударами преследователей. Когда домашние искали воров, они услышали, как кто-то тяжело дышит под кроватью, стали кричать, что там еще один, и вытащили из-под кровати какого-то человека. При свете ламп они разглядели, что лежавший в обмороке с разбитым лбом — сын покойного хозяина, а лежавший под кроватью — первый муж его мачехи.

Когда сын пришел в себя, то и он и мачеха твердо стояли на своем. Сын сказал:

— Если сын берет имущество отца, то это не грабеж.

— Если жена возвращается к первому мужу, то это не разврат,— сказала мачеха.

— За прежнего мужа можно снова выйти замуж, но нельзя с ним тайно встречаться,— возразил сын.

— Деньги отца можно потребовать, но нельзя красть,— ответила мачеха.

Так они поносили друг друга, не желая уступать. На следующий день родственники посовещались между собой и решили так:

— Если судиться, то оба проиграют, и позор станет известен повсюду.

Были приняты меры к примирению. Решено было деньги

отдать сыну, а жене позволить вернуться к ее первому мужу. Разногласия уладили, но слухи поползли и стали общим достоянием.

Покойный брат моего отца, достопочтенный И-нань, сказал:

— То, что деловой своей сметкой мачеха и сын стоили друг друга, это от Неба; а вот то, что дело вообще дошло до такого [скандала], это уж от людей. Если бы отец не взял в жены женщину, у которой был жив муж, зачем бы сыну было пускаться на воровство? А жене зачем было бы тогда развратничать? Покойный был уверен, что у него хватит сил держать семью в руках. Он не знал, что сможет управлять, только пока он жив, но не после смерти.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

(1150.) Дай Дун-юань рассказывал, что его дед как-то арендовал в глухом переулке пустой дом, где давно уже никто не жил. Кто-то сказал ему, что там водятся бесы. Дед резко ответил:

— Я их не боюсь!

В ночь, когда переехали туда, около лампы действительно появился кто-то. Холодная, пронизывающая до костей сырость охватила деда, и бес огромного роста злобно крикнул ему:

— Ты вправду не боишься?

— Не боюсь,— ответил дед.

Тогда видение начало принимать образы ужасных чудовищ. Это продолжалось долго, наконец бес спросил:

— Все еще не боишься?

И дед опять ответил:

— Не боюсь.

Придя немного в себя, бес сказал:

— Я вовсе не собираюсь прогонять тебя во что бы то ни стало отсюда, но меня удивляет твое бахвальство. Ты только скажи одно слово — «боюсь», и я сейчас же уйду.

— Я действительно не боюсь тебя,— рассердился дед,— как же я могу врать, что боюсь? Поступай как знаешь!

Бес несколько раз предлагал ему одно и то же, но дед никак не соглашался. Тогда, тяжело вздохнув, бес сказал:

— Я прожил здесь более тридцати лет, но никогда не видел такого упрямого человека, как ты. Да разве можно жить вместе с таким тупицей! — и мгновенно исчез.

Кто-то упрекнул деда:

— Бояться бесов естественно, ничего в этом нет позорного, солгали бы, что боитесь, и дело было бы улажено. А раз вы друг друга злили, то чем это еще [могло] кончиться?

Дед ответил:

— Те, кто обладает глубокой нравственной силой, могут своим твердым спокойствием прогнать бесов. Я не такой, как они, поэтому я одолел его силой своего духа, и он не смог мной помыкать, а уступи я ему хоть в малости, тогда бы дух мой ослаб, и бес воспользовался бы этим. Он меня соблазнял всяческими приманками, но, к счастью, я не попался на его хитрости!

Споривший признал его правоту.

[1151. Вельможа, из-за приверженности правилам поведения разрушивший счастье влюбленных, перед смертью оправдывается перед их душами.

1152. Торговец, много лет отсутствовавший, считает свою жену умершей и женится снова; вернувшись домой, узнает, что первая жена жива и выдана за другого человека.

1153. Анекдоты о прекрасном качестве цанчжоуского вина.]

(1154.) Мой покойный наставник, господин Ли Ю-дань, рассказывал:

«Господин Чжао из Дунгуана, как-то проезжая мимо постоялого двора Цинфэндянь, пригласил молоденькую певичку разделить с ним трапезу.

В разговоре он упомянул о том, что в таком-то году ночевал здесь и пригласил одну красавицу, с которой провел две ночи, сейчас ей должно быть неполных сорок лет, и прозвание ее такое-то.

— Это моя тетка, она и сейчас здесь,— удивленно сказала девушка.

На следующий день они вместе отправились к певичке домой, где Чжао встретился с ее теткой как старый знакомый. Только они обменялись приветствиями, как вышла бабка, узнавшая, что у них гость.

— Да не господин ли это Чжао из Дунгуана? — закричала она в удивлении.— Более тридцати лет не видела вас, и хотя у вас уже седеет голова, но по голосу и фигуре я вас узнала. Ведь прозвание ваше такое-то, верно?

Оказалось, что когда он юношей проезжал здесь, то заигрывал с ней.

Эти женщины трех поколений приняли его в зале, угостили вином, завели беседу о прошлом. Чжао чувствовал себя растерянным, словно все это ему снилось. Он опять провел две ночи в этом доме и распрощался. Перед отъездом он узнал, что семья эта родом из Дунгуана, а отец бабки перевез их сюда. Было это давно, и неизвестно, сохранилась в Дунгуане могила ее деда или нет. Старуха назвала имя своего деда и попросила Чжао разузнать.

Вернувшись домой, Чжао стал расспрашивать стариков. Один старик долго удивлялся и наконец сказал:

— Теперь я поверил в небесную справедливость. Отец этой женщины был нахлебником в вашей семье, и, когда ваш прадед судился с одним человеком, нахлебник взял от семьи этого человека деньги, чтобы ввести суд в заблуждение, и решение было вынесено неправильное. Через какое-то время это стало известно, и, скрываясь от стыда, он увез свою семью на край света. И вот неожиданно вы встречаетесь с женщинами трех поколений из его семьи, которые своими профессиональными услугами выплачивают вам его долг. Даже страшно!»

[1155. Лиса причиняет вред ни в чем не повинному человеку.]

(1156.) Ли Хуэй-чуань рассказывал:

«Был некий господин Янь (имя и прозвание его я поза-

был). Приближалось время сдачи провинциальных экзаменов. Однажды ночью, когда ученики его уже разошлись по домам, Янь сидел и читал при свете лампы. В это время вошел мальчик-слуга, неся чай. Внезапно мальчик вскрикнул и упал на пол, чашка разлетелась на кусочки. Янь вскочил и увидел, что перед лампой стоит бес с растрепанными волосами и выпученными глазами.

— Разве существуют на свете бесы? — засмеялся Янь.— Наверняка ты вор, принявший этот вид, чтобы я убежал отсюда. Но у меня, кроме подушки и циновки, ничего нет, так что лучше тебе пойти в какое-нибудь другое место.

Бес продолжал стоять неподвижно.

— Все еще хочешь меня обмануть? — рассердился Янь. Схватил линейку и ударил беса, тот мгновенно исчез. Янь огляделся, беса и след простыл.

— Неужели бесы и в самом деле существуют на свете?— вздохнул Янь. Но тут же решил:

— Душа *хунь* поднимается на небо, душа *по* уходит под землю. Это совершенно ясно. Какие же могут быть бесы на свете? Видно, это была лиса-оборотень.

Поправив фитиль в лампе, он снова принялся читать вслух.

Янь был человеком необычайной стойкости, поэтому бес и отстал от него. Если есть твердая воля и нет ни малейших колебаний, этого достаточно, чтобы одолеть [нечисть].

И еще я слыхал про одного студента, который, прохаживаясь как-то ночью около дома, увидел беса.

Окликнув его, студент сказал:

— Ведь ты тоже был раньше человеком. Почему же, став бесом, ведешь себя не так, как положено вести себя людям? Как ты посмел поздней ночью в темноте залезть в чужой двор?

Бес мгновенно исчез.

Студент этот не поддавался панике, разум его не был смущен, поэтому бес не смог причинить ему вреда.

И еще:

В Гучэне был старик Шэнь Фэн-гун (посмертное имя ему

дали Дин-сюнь, он был однокашником моего отца, господина из Яоани).

Как-то раз, возвращаясь домой, он попал под дождь, всюду были сплошные лужи, и он со слугой с трудом шел, держась за него и не различая дороги. Так он дошел до полуразрушенного храма, в котором, как говорили, водилось много бесов.

— Раз о дороге узнать не у кого,— сказал Шэнь,— зайдем в храм и спросим у бесов.

Вошел во двор и зашагал по террасе, крича:

— Братец бес, а братец бес! Позволь узнать у тебя, много воды впереди или немного?

Никакого ответа не последовало.

— Все бесы, наверное, спят,— засмеялся Шэнь.— И я тоже немножко отдохну.

Шэнь и слуга примостились около колонн и проспали до утра.

Вот пример того, как пошутил человек с душой нараспашку.»

[1157. Заметка о свойствах селитры и ртути.

1158. Ученый сжигает портрет красавицы, которая своими чарами губила людей.

1159. Лиса наказывает человека, желавшего обольстить наложницу своего друга.

1160. Ученый, оклеветанный земляком, после смерти является во сне клеветнику и, напугав, доводит его до безумия.

1161. О ловком грабителе.

1162. Заметка о шуточных стихах.

1163. Покойная жена охраняет мужа от злого беса-оборотня.

1164. Сын мстит за честь покойного отца, убив соблазнителя своей матери.

1165. Небо награждает обманутого человека, сделав его сына чиновником.]

(1166.) [Ли] Юнь-цзюй еще рассказывал:

«Был один богач, скопивший тысячу с чем-то даней зерна; когда наступил неурожайный год, он отказался продавать его по нормированным ценам. Однажды он созвал слуг,

поставил весы и собственноручно написал на красной бумаге объявление [и повесил его] на дверь: «Год неурожайный, люди голодают. Как может один человек быть сыт? Сегодня намерен все зерно, скопленное за эти годы, отдать взаймы соседям. Каждому достанется по одному даню. Немедленно приходите с мешками и коробами, опоздаете — зерна не достанется».

Жившие поблизости люди, услыхав об этом, слетелись тучами. И дня не прошло, как все зерно разошлось.

Кто-то захотел повидать хозяина, чтобы поблагодарить его, но оказалось, что никто не знает, куда он делся. Все растерялись, заволновались, наконец нашли его в заброшенном помещении, где он крепко спал, только когда пришли люди, он стал зевать и потягиваться. В изумлении стали его поднимать и увидели, что рядом с ним лежит бумага, на которой написано: «Накопить и не раздать — значит стать предметом общей ненависти. Тот, кого все ненавидят, не избежит множества бед. Когда тысяча людей голодает, а один человек сыт, неминуемо его ограбят, и разве не потеряет он и имущество, и доброе имя? Памятуя о давнем благодеянии, которое вы, господин, мне оказали, я от вашего имени совершаю доброе дело. Надеюсь, что вы простите мой самовольный поступок, о чем я вас и молю».

Когда богач расспросил людей и узнал, как обстояло дело, он глубоко вздохнул, и только.

Но в это время люди начали шуметь: у них действительно был план поджечь дом богача и ограбить его, теперь же, когда они получили такой щедрый дар, несчастье обернулось для него счастьем.

Эта нечисть, принявшая его вид, можно сказать, заплатила ему добром. Что она имела в виду, говоря о старом благодеянии, неизвестно.»

Кто-то сказал: «У него в саду было старое помещение, где несколько десятков лет жила лиса, она ушла оттуда, когда помещение разрушилось».

Может быть, в этом дело?

[1167. Лиса, проведшая месяц в плену у людей, ведет себя лучше, чем проворовавшаяся служанка.

1168. Бес, пристающий к буддийскому монаху, не может никакими ухищрениями отвлечь его от занятий.

1169. Крестьянин убивает беса, насиловавшего только что умерших женщин, и во сне видит молодых женщин, явившихся благодарить его за избавление.

1170. Лиса-оборотень приходит любоваться цветами, напугав хозяина дома.

1171. Чтобы спасти от голодной смерти мужа и свекровь, жена соглашается быть проданной богачу. Узнав о смерти мужа и свекрови, она кончает самоубийством.].

(1172.) Когда мне было десять лет, я слышал об одном буддийском монахе из Хуайчжэня, сыне крестьянина, любившем пить вино и есть мясо [1]. При храме было поле в несколько десятков му, и он питался тем, что сам выращивал; сам пахал, знал все виды работ. Не только не накапливал свитки писаний и утварь, но не имел и запасной темной рясы, и даже курения перед статуей Будды не всегда у него горели. Отличался он от простых смертных лишь тем, что на голове у него не было волос, а дома не было жены и сына.

Однажды он созвал жителей деревни и сказал им, усевшись в строгой позе на сломанный столик и сложив вместе ладони рук:

— Мы прожили вместе более тридцати лет, теперь настала пора вечной разлуки! Могу ли кому-нибудь препоручить сброшенную мною бренную оболочку?

И, сидя в строгой позе со сложенными вместе ладонями рук, скоропостижно скончался. Из носа его свисали две яшмовые нити [2] длиною более чжана. Все были поражены. Собрали деньги и приобрели специальный деревянный гроб.

Мой дядя, достопочтенный Ань Ши-чжай, жил в деревне Динцзячжуан, неподалеку от тех мест. Зная, что при жизни этот монах не шел путем Истины, он не поверил этой истории, когда услыхал о ней, и отправился лично поглядеть; гроб еще не был готов, но, хотя прошло уже два дня после смерти монаха, цвет лица у него был как при жизни, а кожа на ощупь была, как железо. Стояло лето, но мухи не

собирались над телом, и не было от него трупного запаха. В чем тут была причина, так и осталось неизвестным.

[1173. Человек шутки ради бросает камешек в маленькое животное, оно оказывается лисой-оборотнем, которая мстит ему, ежедневно даря его домашним серебро, а потом обвинив этого человека в ограблении государственной сокровищницы.]

(1174.) Достопочтенный Дань еще так рассказывал:

«Слуга одного монгольского хана как-то подобрал на дороге два мешка, один был полон человеческих зубов, другой — человеческих ногтей. Почуяв сердцем, что здесь что-то неладно, он бросил мешки в воду. Повернулся и видит, что, озираясь вокруг, словно потеряла что-то, к нему спешит какая-то старуха. Старуха спросила у слуги, не видал ли он тут два мешка, тот ответил, что не видал. Поняв, что он их выбросил, старуха страшно рассердилась и стала бить его своей деревянной палкой. Слуга, вступивший в драку с голыми руками, почувствовал, что ее одежда поддается под рукой, как вялая трава, тело рыхлое, словно стебли ненюфаров. Места, которых касались его пальцы, лопались, но стоило ему отвести руку, как все снова сравнивалось, как на воде, из которой вытянули бамбуковую вершу. Долго он дрался со старухой, и, только когда она убедилась, что ей его не одолеть, она ушла. Перед уходом злобно взглянула на него и сказала:

— Мало — через три месяца, много — через три года, обязательно лишишься силы.

Однако с тех пор прошло уже больше трех лет, а она не смогла причинить ему зла, значит, просто угрожала, чтобы напугать его.

Видно, то была бесовка, прошедшая очищение тела, но недостаточно еще накопившая жизненной эссенции, так что она не смогла в нужной мере ее сгустить и обрести плоть. Она копила человеческие зубы и ногти, потому что зубы — это как бы остатки человеческих костей, ногти — остатки человеческих жил, и она, видно, хотела принимать отвар из них, чтобы укрепить свою плоть.»

[1175. Дух мертвого является другу, прося скорее отправить его тело на родину для похорон.]

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

[1176. Лиса рисует картину, в которой непристойно изображено семейство обидевшего ее хозяина дома. После извинений хозяина на месте этой картины появляется изображение цветов персикового дерева.

1177. Даосский монах, помешанный на игре в шахматы.

1178. Люди, умевшие много пить, не пьянея.

1179. Теленок, любивший своего хозяина, и лошадь, тосковавшая о своей матери, обладают душой, подобной человеческой.

1180. Не желавшего пахать землю вола продают мяснику, которого он смертельно боится и от которого в конце концов убегает неизвестно куда.

1181. Ученый убивает лису-оборотня, изменившую ему с мальчиком-слугой.

1182. О случаях странного разврата.

1183. Стихи, написанные неизвестно кем на стене постоялого двора.]

(1184.) Мой однокашник, цензор Ху Му-тин[1], был человеком выдающимся, обладающим огромной эрудицией, но не от мира сего. Он ничего не понимал в житейских делах, как говорится, не знал, сколько ног у лошади. Слуги водили его за нос, как младенца.

Как-то раз он оставил обедать меня, Цао Му-тана[2], Чжу Чжу-цзюня[3] и Цянь Синь-мэя[4], подали три тарелочки с мясом, три — с овощами да немного вина. Он поверил слугам, что на это ушло три или четыре золотых. Старые товарищи решили открыть ему глаза, особенно возмущался Чжу Чжу-цзюнь, настаивавший на том, чтобы лукавые слуги были изобличены и изгнаны из дома. Однако слишком сильна была привычка, начались переговоры, объяснения, и не прошло и нескольких месяцев, как слуги снова вернулись, внушив хозяину, что Чжу Чжу-цзюнь оклеветал их.

Никто теперь не вмешивался, надеялись, что Ху Му-тин сам поймет, что не к лицу благородному мужу принимать сторону ничтожных людишек. Кончилось все тем, что Ху Му-тин умер в бедности от лишений и огорчений.

На следующий день после кончины Ху Му-тина пришел, рыдая, старый слуга, выложил на стол тридцать золотых, стал на колени и обратил к Небу молитву:

— Хозяин не имел ни жены, ни сына, жил в одиночестве на общественном подворье, и месячного жалованья должно было хватать ему на одежду и сытную еду. Но мы, слуги, обирали его так, что и на рис ему не оставалось. Вот теперь он умер, и я испытываю такой стыд, что не могу по ночам спать. Я принес свои сбережения, чтобы помочь его похоронить, и этим надеюсь хоть частично откупиться от наказания в загробном царстве.

Сказав это, слуга ушел.

Слуги, сопровождавшие гостей, переглядывались между собой, даже в лице изменившись.

Чэнь Юй-чжай рассказывал по этому поводу такую историю:

«Некий легкомысленный юноша, увидев молоденькую женщину, в одиночестве рыдавшую над свежей могилой, начал к ней приставать.

Приняв суровый вид, женщина сказала:

— Не хочу вас обманывать: я — лиса-оборотень. Тот, кто похоронен в этой могиле, был так увлечен мной, что заболел сухоткой и умер. Я была тронута его любовью, и мне стыдно, что он умер из-за меня, поэтому я дала клятву духам, что такое больше не повторится. Не гонитесь же за невозможным, а то вам не миновать беды.

Не был ли похож на эту лису тот слуга?»

Я же скажу, что [Ху жил и] умер как настоящий мудрец.

[1185. Странной расцветки червяки, живущие в бобах.

1186. Предсказание, сделанное духом, вызванным гадателем, сбывается.

1187. Стихи, написанные на стене постоялого двора и подписанные именем брата Цзи Юня, принадлежат его тезке.

1188. Заметка о рисунке и стихах на веере.

1189. Бес развлекает ученого рассказами, взятыми из художественной литературы.

1190. Покойница просит мужа перевезти ее гроб в другой храм, так как ее преследует бес.]

(1191.) Тянь Бо-янь рассказывал:

«Чжу Цзы-цин [1] из Цзинани дружил с лисой: голос ее он слышал, а видеть ее — не видел. Когда устраивались встречи литераторов за вином, никто не мог с ней сравниться в спорах о литературном стиле. Однажды кто-то стал просить ее показаться. Лиса ответила:

— Хотите видеть мой подлинный облик? Как я могу сделать, чтобы подлинный мой облик стал виден господину? Хотите видеть мой преображенный облик? Но он обманчив, видеть его все равно что не видеть меня, зачем же показываться?

Все настаивали. Тогда лиса спросила:

— Каким вы представляете себе мой облик?

Один человек сказал:

— Брови с проседью и голова седая.

Лиса откликнулась и явилась в облике старика.

Другой человек сказал:

— Должно быть, у вас вид даоса, усталого духом.

Лиса ответила согласием и появилась в облике даосского монаха.

Третий сказал:

— Вы должны быть в одежде из перьев и звездной короне.

Лиса согласилась и явилась в облике бессмертного.

— У вас должен быть облик ребенка,— сказал еще один.

Лиса ответила согласием и предстала в облике маленького мальчика.

Кто-то пошутил:

— Чжуан-цзы говорит: «На [горе] Охотниц-прорицательниц живут бессмертные, хрупкие, нежные, словно девственницы» [2] — наверное, вы похожи на них.

Лиса согласилась и явилась в облике красавицы.

Тогда кто-то сказал:

— Вы соглашаетесь и превращаетесь, но все это ненастоящее. Хотелось бы в конце концов увидеть ваш подлинный облик!

— Поднебесная велика,— ответила лиса,— но разве все в ней являют людям свой подлинный облик? Вы же хотите, чтобы я одна показалась в своем настоящем виде.

Гости со смехом разошлись.

Чжу Цзы-цин сказал:

— Эта лиса сама говорила, что ей от роду семьсот лет, видно, у нее большой жизненный опыт.»

[1192. Дух женщины упрекает виновника ее смерти.]

(1193.) Чжан Фу-ча в «Новых речениях из Цюпина» записал две истории, касающиеся моей семьи. В одной из них рассказывается о бесах, живших в восточной башне дома, принадлежавшего моему покойному брату Цин-ху (эта башня находилась к западу от дома моего брата; когда наши предки еще не разделили имущество, башня находилась к востоку от дома, и брат сохранил прежнее ее название). История, рассказанная Чжан Фу-ча, правдивая, но он исказил ее и не сообщил подробностей.

Башня была построена в год *и-мао* правления минского императора под девизом Вань-ли*, то есть сто восемьдесят четыре года назад. В свое время на этой башне и под ней повесились семь человек, поэтому никто не решался жить в ней. Был вечер, когда пришлось ее открыть, и тогда обнаружили, что в ней водятся бесы. Значит, это было место из тех, которые гадатели называют опасными для жилья. Но сбоку от нее была другая башня, поменьше, и жившие в ней поколения нашей семьи процветали. В чем тут было дело, так и осталось неизвестным.

Другая запись касается случая, который произошел незадолго до смерти моего сына Жу-цзи. Она тоже неточна. [Чжан Фу-ча] придумал эпизод с торговцем с Запада, явившимся, чтобы потребовать долг, и притворившимся для этого злым духом. [Чжан Фу-ча] ограничился тем, что спросил свидетелей о фамилии, имени, месте жительства и возрасте, и с этим ушел. Между тем, когда Жу-цзи судился с семьей человека, которому он задолжал, то судьи подробно выяснили все обстоятельства дела и зафиксировали их в соответ-

* 1614 г.

ствующих документах, где нет ничего похожего [на то, что рассказывал Чжан Фу-ча].

Наша семья Цзи доводится родней семье Чжан. Рассказывая друг другу всякие истории, женщины одно преувеличат, другое преуменьшат. Увы, люди видят по-разному, слышат по-разному и передают тоже все по-разному. Если такое было с историей княжества Лу, так уже тем более свойственно рассказам [того типа, которые записывали в древности] чиновники *байгуань* [1].

Посторонний человек записывает историю, происходившую в моей семье, и запись его не похожа на то, что известно мне, он не может знать [того, что произошло, как я].

Правда, я тоже записывал случаи, происходившие с другими людьми, основываясь на том, что я слышал, и рассказываемое мною иногда выдумка, иногда правда, иногда пустая болтовня; другому человеку известно, [как все происходило], а мне нет.

В стихах Лю Хоу-цуня [2] сказано:

Заходит солнце за ивы древние
В деревне Чжаоцзячжуан,
Где только что среди деревни
Слепец пел песню для крестьян.
Умрет он, кто о нем узнает,
Забудет о певце народ,
Сейчас же все вокруг внимает,
Как о Цай Юне [3] он поет.

Началось это не в наше время, так было и в древности. Главное — не утратить честность, хоть немного сохранить способность к нравственным оценкам и предостережениям, не путать правильного с ложным, как в «Скакуне с курчавой шерстью» [4], не таить в сердце обиду, как в «Путешествии в далекое прошлое» [5], не писать копии с красавицы и талантливого юноши, как в «Повести об Ин-ин» [6], не изображать, нарушая принятый порядок, как в «Тайном труде» [7],— и тогда можно рассчитывать на то, что не окажешься выброшенным из рядов благородных мужей.

КОММЕНТАРИЙ

СБОРНИК ПЕРВЫЙ
ЗАПИСИ, СДЕЛАННЫЕ В ЛУАНЬЯНЕ

Предисловие

1. «Беседы на улицах... моральных оценок» — фраза Конфуция, включенная Бань Гу в раздел «Записки о литературе» *(Ивэнь чжи)* «Истории Ранней Хань» *(Цянь Хань шу), цз.* 30,— «Сыбу бэйяо», т. 52, стр. 584.

(№ 1). Указатель сюжетов (далее — УкС): Б, а, α, IV, 20.

1. Ху Му-тин — второе имя друга Цзи Юня, ученого Ху Шао-дина (1713—1776).

2. Кровный враг — имеется в виду буддийское учение, по которому человек в следующем своем перерождении пожинает плоды своих деяний в предыдущей жизни. В прежнем своем перерождении свинья, видимо, была человеком, которого обидел сам старик или кто-то из его родни.

3. ...отдал ее в буддийский монастырь.— В буддийском монастыре ее наверняка не могли бы зарезать, так как буддистам запрещено отнимать жизнь у живых существ.

4. Архан (arhan, arhat) — буддийский мудрец, достигший высшей степени совершенства, необходимой для погружения в нирвану.

(№ 2.) УкС: А, а, α, III, 7а, $А^1$, $в^1$.

1. *Сюцай* — первая (низшая) ученая степень в старом Китае, получаемая лицами, сдавшими экзамен, который проводился в главном городе уезда или области. Экзамен на вторую степень — *цзюйжэнь* — сдавали в центральном городе провинции. Высшую степень — *цзиньши* — получали лица, выдержавшие экзамены, которые проводились один раз в три года в столице Китая (подробнее о системе государственных экзаменов см.: Д. Н. Воскресенский, Экзаменационная система в период маньчжурской династии,— в кн.: У Цзин-цзы, Неофициальная история конфуцианцев, М., 1959, стр. 622—626).

(№ 3). УкС: А, а, α, III, 5б,— $Б^1$, б.

1. Чжэн — имеется в виду Чжэн Сюань (127—200), известный также под именем Чжэн Кан-чэн, основатель ханьской школы комментаторов конфуцианских классиков.

2. Куи (Кун-цзы) — Конфуций (531—479 гг. до н. э.) — основатель древнекитайской этико-политической школы в философии, ставшей господствующей государственной идеологией феодального Китая.

3. Цюй — Цюй Юань (340—280 гг. до н. э.) — величайший поэт древнего Китая.

4. Сун — Сун Юй (290—223 гг. до н. э.) — известный поэт древности.

5. Бань — Бань Гу (32—92) — историограф и поэт, автор династийной «Истории Ранней Хань».

6. Ма — Сыма Цянь (145—86 гг. до н. э.) — крупнейший историограф древности, автор «Исторических записок» *(Ши цзи)*, охватывающих огромный период китайской истории (от легендарных правителей «золотого века» до начала I в. н. э.).

(№ 4.) УкС: Б, а, α, X, 34а.

1. Пятая стража — время между 3 и 5 часами утра. С древности в Китае сутки делились на «стражи», длившиеся по два часа каждая. Смена «страж» отмечалась ударами в барабан или гонг. Первая стража продолжалась с 7 до 9 часов вечера, вторая — с 9 до 11, третья — с 11 до часу ночи, четвертая — с часу до 3 часов ночи и т. д.

[№ 5. УкС: Б, а, α, IX, 24.]

(№ 6.) УкС: Б, а, α, III, 12, 1, а.

1. Тан Ян-цянь — поэт IX в. Цитируемые строки взяты из стихотворения «На Пилинской дороге» [см. «Полное собрание танских стихов» *(Цюань Тан ши)*, т. X, Пекин, 1960, стр. 7672].

2. Кан-си — девиз правления второго маньчжурского императора, правившего в Китае с 1662 по 1722 г.

(№ 7.) УкС: А, а, α, IV, 4,— $А^2$, ж.

1. Нарака — *один из множества буддийских адов.*

[№ 8. УкС: А, а, α, III, 8, А, $в^2$.]

(№ 9.) УкС: А, а, α, III, 6,—$В^1$, $в^1$.

1. Ли Вэй (1687?—1738) — был губернатором провинции Чжэцзян, с 1728 г. — провинций Чжэцзян и Цзянсу, а с 1732 по 1738 г. — провинции Хубэй.

2. Походка Юя.— Даосские монахи при чтении заклинаний ходят особым шагом, так, как, по преданию, ходил мифический государь «золотого века» древности Юй, измученный непосильным трудом в борьбе с потопом.

3. Ли Линь-фу — первый министр и фаворит танского императора Сюань-цзуна (712—755), захвативший власть в свои руки и не дававший продвигаться способным людям того времени.

4. Цинь Гуй — первый министр сунского двора, погубивший национального героя Юэ Фэя и настоявший на заключении позорного мира с чжурчжэнями.

5. ...зачем двору такие чиновники? — Любопытно, что в данном случае даос исповедует конфуцианскую теорию активного участия человека в жизни общества, а не даосскую теорию «недеяния» (т. е. Цзи Юнь вкладывает в уста даоса свое собственное понимание роли человека в жизни общества).

6. «...страж у городских ворот... действует» — *цитата из*

«Бесед и суждений» (XIV, 41); Цзы-лу, ученик Конфуция, как-то заночевал в районе Шимэнь, и страж у городских ворот спросил его, кем он сюда послан. Цзы-лу ответил: «Учителем Куном».— «А,— *воскликнул* страж,— это тот, который знает, что времена неподходящие, и все-таки действует!»

7. Чжугэ У-хоу — титул Чжугэ Ляна (181—234) — знаменитого полководца и стратега.

(№ 10). УкС: ч. 1: А, а, α, II, 1, N;
ч. 2: А, а, α, II, 4,—Д.

1. *Яньло-ван* — владыка ада у буддистов *(Яма)*.

2. ...выпил только чистой воды — т. е. всячески хотел показать свою скромность и непритязательность.

3. Чжуаньлунь-ван *(Чакравартин)* — по буддийским представлениям, божество, крутящее колесо, к которому Яньло-ван отправляет души мертвых «на перерождение».

4. «Поучение правителю» — *из* «*Книги песен*», где говорится:

«Будь же таким и тогда, как заходишь в покой,
Перед отверстием в крыше своей не красней,
Не говори, что не видно, каков ты под ней,
И что никто за тобой не следит...»

(III, 3, 2. Перевод А. А. Штукина, см. «Шицзин», М., 1957, стр. 381).

Цзи Юнь ссылкой *на* эту цитату как бы говорит: даже там, где человеку кажется, что его никто не видит, он должен вести себя так, как будто за ним непрерывно следят духи.

(№ 11.) УкС: А, а, α, I, 4,—$А^1$, 1а.

(№ 12.) УкС: А, б, β, VIII.

1. Чжоу-гун — *родоначальник* князей удела У, живший в XI—X вв. до н. э. и, как гласит традиция, собиравший песни царства Бинь, которые впоследствии вошли в «Книгу песен». Известен своей мудростью и добродетелью.

2. Мо-цзы (ок. 480 — ок. 390 гг. до н. э.) — философ, проповедовавший теорию «всеобщей любви».

3. Ян Чжу (ок. 395 — ок. 355 гг. до н. э.) — противник Мо-цзы, выдвинувший принцип «эгоизма» — права человека на частную жизнь, на преследование личных интересов и целей.

(№ 13.) УкС: Б, а, α, III, 12, 2, $в^2$.

1. «Северное селение» — иносказание, обозначающее квартал, где жили певички.

2. Весенний сон — *символ иллюзорности*, призрачной мечты.

(№ 14.) УкС: Б, а, α, III, 12, 5, б.

1. Юань Чжань — ученый III в. н. э., утверждавший, что духов

не существует. В *цз.* 16 «Записок о поисках духов» Гань Бао (285?—360?) есть рассказ о том, как однажды к Юань Чжаню пришел незнакомый ему гость, с которым он долго беседовал о духах и развивал теорию невозможности их существования. «Да я сам — дух»,— воскликнул вдруг разозлившийся гость, обратился в чудовище и исчез. Юань Чжань был очень расстроен этим и вскоре умер.

2. Братья Чэн — сунские философы Чэн И (1033—1107) и Чэн Хао (1032—1085), чье учение о *ли*, идеальном духовном начале, и *ци*, материальном начале мира, оказало большое влияние на философию Чжу Си.

3. Чжу Си (1130—1200) — глава сунских неоконфуцианцев, один из крупнейших представителей мировой рационалистической философии, который свел в единую систему идеи своих предшественников. Впоследствии из его учения были выхолощены элементы диалектики и теории познания, оно превратилось в догму и стало господствующей государственной идеологией.

4. Грохот... телег и повозок — т. е. наступил рассвет.

5. Желтые источники (или Девять источников) — образное выражение, означающее место упокоения усопших, могилу.

(№ 15.) УкС: А, а, α, III, 4,—К, а.

1. Способности сил Света и Тьмы — Тан-шэн использует здесь термины последователей философа Ван Ян-мина (1472—1529), который говорил о врожденном интуитивном знании и о врожденной способности людей отличать добро от зла.

2. ...учитель устыдился того, что считал нечисть «буддийскими бреднями».

(№ 16.) УкС: А, а, α, III, 5а, —$А^2$, а.

1. Цзюйжэнь — см. прим. 1 к № 2.

(№ 17.) УкС: Б, а, α, III, 10а, Ф, а.

(№ 18.) УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, а.

1. Дух — покровитель (хранитель.— *О. Ф.*) города — обычно им становился умерший губернатор провинции или правитель области, при жизни отличавшийся выдающимися добродетелями.

2. В старом Китае обычно пожилые люди заранее заботились о своих похоронах.

[№ 19. УкС: Б, а, α, III, 15, Z^1 $в^2$.]

(№ 20.) УкС: А, а, α, III, 10, Ц, $в^1$.

1. Небесная лиса — персонаж даосских легенд, золотистая лиса с девятью хвостами, достигшая тысячелетнего возраста и познавшая все тайны природы.

2. Гуаньцюймэнь — ворота в городской стене Пекина, в восточной части Внешнего города.

3. ...духи и бесы подчиняются печати — имеется в виду печать даосского мага, которую он прикладывает по обеим сторонам амулета для изгнания нечисти.

4. Постигший истину — даосский святой, достигший бессмертия; имя его Чжэнь-жэнь совпадает с именем героя рассказа — Чжан Чжэнь-жэня.

[№ 21. УкС: Б, б, β, XV, 39.]

(№ 22.) УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

1. Цао Чжу-сюй — прозвание Цао Вэнь-чжи (1735—1798) — известного поэта и ученого (посмертное имя — Вэнь-минь).

2. Цзи Чжун-сань (222—262) — известный писатель Цзи Кан, один из «Семи мудрецов бамбуковой рощи». В сборнике «Записки о духах и бесах» *(Лингуй чжи)* Сюнь Ши (IV в. н. э.) содержится рассказ о том, как Цзи Кан, любивший путешествовать по стране, однажды оказался около Лояна и ночевал на заброшенном постоялом дворе. Ему говорили, что там раньше было место казней, поэтому водится много духов и ночевать опасно, но Цзи Кан не боялся нечисти. Играя ночью на лютне, он услыхал чей-то голос, хваливший его игру. Оказалось, что его услышал дух, не решавшийся показаться ему, так как когда-то был обезглавлен. Цзи Кан пригласил духа составить ему компанию, и они провели ночь, слушая игру друг друга на лютне и беседуя о музыке. На рассвете дух исчез. (См.: «Избранные рассказы [времен] Хань, Вэй и Шести династий», стр. 45—46.)

[№ 23. УкС: А, а, α, I, 4, —3, 2.]

(№ 24.) УкС: Б, а, α, X, 31.

(№ 25.) УкС: Б, а, α, X, 34.

(№ 26.) УкС: Б, а, α, III, 16, 8, а.

[№ 27. УкС: Б, а, α, III, 16, 8, а.]

(№ 28.) УкС: Б, а, α, IX, 24.

1. С горы Цзи разлетаются прочь луани. — В пророческом сне Ли Лу-юаня, видимо, обыгрывается сходство между звучанием его имени (Лу-юань) и названием мифической птицы-феникса *(луань)*, а также между названием местности, где жил Ли Лу-юань — Цзи (чао), и горой Цзи (шань), откуда улетают чудесные птицы *луань*.

2. Цюй Юань — см. прим. 3 к № 3.

(№ 29.) УкС: А, а, β, V, 5, —$А^3$.

[№ 30. УкС: Б, а, α, III, 7а, W^1, $г^2$.]

(№ 31.) УкС: Б, а, α, X, 31.

1. «Девушка, стирающая пряжу» — пьеса драматурга Лянь Чэнь-юя (XVI в.), героем которой является полководец периода Борющихся царств У Цзы-сюй. Убегая от преследователей, У Цзы-сюй встретил на берегу реки девушку, стиравшую пряжу; боясь, что она выдаст его, он стал заигрывать с ней, девушка бросилась в реку, чтобы он понял, что она не предаст его.

2. ...главу из *Мэн цзы*... — имеется в виду первая часть гл. VII книги знаменитого конфуцианского философа Мэн Кэ (377—289 гг. до н. э.), где идет речь о принципах управления страной. Эта книга, как и другие части конфуцианского классического канона, заучивалась учащимися наизусть.

3. Е Фа-си — даосский маг, который, как рассказывает предание, сопровождал на небеса танского императора Мин-хуана (Сюань-цзуна) в его поисках души любимой наложницы Ян Гуйфэй. (Подробно об этом см.: Чэнь Хун, Повесть о бесконечной тоске,— «Танские новеллы», М., 1955.)

4. Книга «Чжоуских установлений» *(Чжоу ли)* — утопия древнего государства, показавшая активную роль государства, которое сумело создать ряд политических, экономических и социальных систем и учреждений.

(№ 32.) УкС: А, а, α, IV, 4, —$А^3$, ж.

1. Экзамены в главном городе провинции — т. е. на вторую ученую степень *цзюйжэнь*.

2. ...перерождаемся из конюхов. — Буддисты считают, что человек в следующем перерождении пожинает плоды своих деяний в предыдущей жизни. Цзи Юнь намекает на то, что конюхов, грабивших лошадей, отнимавших у них корм и продававших его, постигла печальная участь в следующем перерождении стать лошадьми.

3. Ему-то гораздо хуже, чем нам.— Человеку, ставшему в следующем перерождении мясником, грозит страшная участь, так как он все время совершает тяжкий грех, отнимая жизнь у животных, и за этот грех ему придется расплачиваться в дальнейших перерождениях.

(№ 33.) УкС: А, а, α, I, 4, —В, 1.

(№ 34.) УкС: А, а, α, I, 4, X, 2.

1. Буддийский монах в красном плаще.— Буддийские монахи по правилам носили рубища серого цвета. Красный плащ свидетельствует о принадлежности старого монаха к красной секте ламаистов.

(№ 35.) УкС: Б, а, α, IX, 21.

1. Дун Вэнь-кэ — прозвание Дун Цзяо-цзэна (XVIII в.) — друга Цзи Юня, художника и каллиграфа.

2. Уми Тай — монгол, знаменитый полководец первой половины XVIII в., командующий одним из восьми знамен.

(№ 36.) УкС: А, а, α, I, 4, —$А^3$, 1а.

(№ 37.) УкС: Б, а, α, X, 31.

1. У Сань-гуй — китайский полководец (1612—1678), капитулировавший перед маньчжурскими захватчиками и выступивший в качестве их пособника. В рассказе речь идет о том периоде жизни У Сань-гуя, когда он поднял мятеж против маньчжуров, кончившийся его поражением. Фраза «Стена обрушится наружу» содержит намек на то, что после поражения У Сань-гую пришлось бежать.

(№ 38). УкС: Б, а, α, IX, 23, $В^2$.

1. Даосский патриарх Люй — имеется в виду Люй Дун-бинь (VIII в.), один из восьми бессмертных, фигурирующих в даосской мифологии.

2. *Тай-пин гуанцзи* — составленный в 977 г. огромный свод рассказов, принадлежащих 344 авторам, жившим между II и X вв. Произведения в этой коллекции расположены по сюжетам и делятся на 92 раздела (рассказы о бессмертных, о людях необычайных, о наваждениях, лисьих чарах, о предсказаниях, гаданиях, снах, о любви, друзьях и т. п.).

(№ 39.) УкС: А, а, α, I, 4, —$А^3$, 1.

[№ 40. УкС: А, а, β, V, 4, —V^1.

№ 41. УкС: Б, а, α, III, 17, Я, б.]

(№ 42.) УкС: Б, а, α, X, 31.

1. На джонку волны... — в этой строке содержится намек на легенду о жене купца, уехавшего по торговым делам и долго не возвращавшегося домой. Жена его поднималась на башню и ждала мужа, мечтая превратиться во встречный ветер, который, мешая движению джонок, воспрепятствовал бы мужьям уезжать от своих жен. От долгого ожидания женщина превратилась в скалу, наклонившуюся в ту сторону, откуда должен был вернуться ее муж.

2. Зачем же на башне... — в прочитанных монахом строках содержится намек на ту же легенду (см. прим. 1.)

3. Ло Бинь-ван — известный поэт (640?—684?).

[№ 43. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $г^2$.]

(№ 44.) УкС: Б, а, α, IX, 25.

1. Цянь Вэнь-минь — посмертное имя Цянь Вэй-чэна (1720—1772) — известного художника и каллиграфа, мастера пейзажной живописи.

2. Геомантия — система гадания, использовавшаяся при определении пригодности места и времени для постройки храма или дома, при выборе участка под могилу и т. п.

3. Цзигусы — храм в Пекине, во Внешнем городе, на северной стороне улицы Силюшуцзин.

4. Цао Сюэ-минь (по прозванию Му-тан, 1720—1788) — известный поэт и эссеист, высоко ценимый Цзи Юнем.

5. Фэньфан люлицзе — улица в Пекине, во Внешнем городе, к северу от парка Таожаньтин.

6. Лю Вэнь-чжэн — прозвание Лю Тун-сюня — государственного деятеля и ученого XVIII в., участвовавшего в составлении «Каталога Полного свода четырех сокровищниц».

7. «Книга исторических деяний» — одна из книг конфуцианского канона, повествовавшая о героях легендарного периода китайской истории.

8. «Книга о правилах поведения» *(Ли цзи)* — одна из книг конфуцианского классического канона (I в. до н. э.), рассматривавшая вопросы поведения человека и взаимоотношения людей между собой, а также давшая описание государственных институтов.

(№ 45.) УкС: Б, а, α, III, 15, Z^1, $в^2$.

1. Пань Бань — художник и каллиграф XVIII в.

(№ 46.) УкС: А, а, α, III, 8, $А^2$, б.

1. Хой-ань — прозвище Чжу Си (см. прим. 3 к № 14).

(№ 47.) УкС: А, а, α, IV, 4,— Ж, з.

1. *Ханьлинец* — член придворной палаты ученых (академии) — высшее ученое звание в старом Китае.

2. «Алмазная сутра» — одна из наиболее известных книг буддийского канона. По буддийским верованиям, переписка сутр или апокрифов помогает искуплению грехов.

3. Море страданий — земная юдоль, по буддийской терминологии.

4. ...отрешилась от чувств и желаний — по буддийским представлениям, отрешение от земных чувств и желаний необходимо для достижения совершенства.

[№ 48. УкС: Б, а, α, IX, 23, L^2.]

(№ 49.) УкС: А, а, α, I, 4, —$В^1$, 2.

1. Ван Фу-чэн (?—1681) — убийца командующего Моло, перешедший на сторону противников — маньчжуров, действовавших в районе Ганьсу и Шэньси.

2. Моло (?—1675) — командующий армиями, действовавшими в Шэньси и Сычуани.

3. Процесс очищения.— По даосским представлениям, человек, стремящийся к бессмертию, совершенствует себя в процессе очищения от житейской скверны.

(№ 50.) УкС: А, а, α, III, 5б, —Б[1], б.

1. Храм Сянь-вана — буддиста IV в., достигшего, как гласит предание, состояния просветления; находится в г. Хэцзянь нынешней провинции Хэбэй.

2. «Книга о сыновней почтительности» — конфуцианская каноническая книга, текст которой состоит из разговора Конфуция с его учеником Цзэн-цзы.

3. Мао Чан — ученый II в. до н. э., которому приписывается запись дошедшего до нас текста «Книги песен».

4. Гуань Чжан-цин — ханьский комментатор «Книги песен».

5. Янь Чжи — комментатор «Книги о сыновней почтительности».

(№ 51.) УкС: ч. 1: А, а, β, V, 11, А[4];

ч. 2: А, а, α, I, 4, —А[4], 1.

1. Господин из Яоани — прозвание отца Цзи Юня, данное ему по названию области Яоань (в провинции Юньнань), правителем которой он был.

(№ 52.) УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, г[5].

1. ...во время гадания.— Здесь речь идет об особом способе гадания, похожем на своеобразный спиритический сеанс. Перед изображением духа ставится лоток с песком или золой. В особую поперечную палочку вставляется кисть; палочку за оба конца держат два человека. Сжигаются заклинательные амулеты, и дух бессмертного или умершего родственника заставляет кисть двигаться по песку и писать предсказание (обычно стихами).

2. Год *цзя-шэнь* — 1645 г., когда маньчжуры полностью овладели Китаем, и старая жизнь этого сановника ушла в прошлое.

[№ 53. УкС: Б, б, β, XVIII, 59.]

(№ 54.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, б.

1. Пятнадцатый день первой луны. — Этот день в Китае отмечался как «праздник фонарей» — новогодний праздник, когда дома и улицы украшались фонарями различных рисунков и форм, местные жители устраивали праздничные процессии с фонарями.

[№ 55. УкС: А, а, α, I, 6, —В[1].

№ 56. УкС: Б, а, α, X, 27.]

(№ 57.) УкС: Б, а, α, X, 34.

(№ 58.) УкС: Б, а, α, X, 27.

1. «Великое учение» *(Да сюэ)* — одна из книг конфуцианского классического канона, говорящая о том, что идеальное управление госу-

дарством может быть достигнуто только на основе самоусовершенствования личности.

2. Преграда на пути к совершенству — это дурные поступки, злые дела или грехи, совершенные в прошлой жизни, за которые, по буддийским представлениям, человек расплачивается в нынешнем своем перерождении (санскр. ***кармаварана***).

3. Бао Сяо-су — посмертное имя Бао Чэна (?—1062) — мудрого судьи и ученого, автора книги «Доклады Бао Сяо-су трону», который стал героем многих рассказов о судебных делах *(гунъань)*.

4. ...постичь сущность вещей.— По учению Чжу Си, мудрец совершенствует свою нравственную природу путем «достижения знания» и «исследования вещей»; путем накопления знаний о внешнем мире и практического применения «принципов нравственного порядка» человек может достигнуть наступления молниеносного просветления, когда ему становится ясен весь нравственный порядок мира, несущий с собой моральное и интеллектуальное совершенство.

(№ 59.) УкС: А, а, α, III, 5а, —$А^{2}$, $в^{1}$.

(№ 60.) УкС: А, а, β, V, 11, $А^{II}$.

1. Ло Чан — дочь последнего правителя династии Чэнь (557—583); во время беспорядков, последовавших за падением династии, была разлучена со своим мужем; прощаясь с ним, она сломала пополам зеркало и, вручив мужу половинку, обещала в условленный день выставить свою половинку зеркала для продажи на столичном рынке, чтобы дать ему знать о своем местонахождении. Оказавшись в числе наложниц Ян Су, всесильного в то время министра новой династии Суй, Ло Чан сумела сдержать данное мужу обещание. Узнав об этом, Ян Су, растроганный ее верностью, дал ей возможность вернуться к мужу.

2. ...вторично вышла замуж.— Вторичное замужество считалось в старом Китае позором для женщины, от которой общепринятая мораль требовала соблюдения добродетельного вдовства.

3. Хэ Ли-ань — прозвание Хэ Сю, литератора и ученого XVIII в.

4. *Чуньцю* — одна из книг конфуцианского классического канона, хроника событий, происходивших между 722 и 481 гг. до н. э. на родине Конфуция, в уделе Лу. Система «порицаний» и «одобрений», выносимых Конфуцием персонажам и событиям, описываемым им в этой хронике, стала одним из принципов традиционной китайской историографии.

[№ 61. УкС: Б, а, α, III, 5б, V, а.

№ 62. УкС: Б, а, α, X, 29.]

(№ 63.) УкС: А, а, α, III, 10, К. а.

1. Якша — демон-людоед в индуистском пантеоне.

[№ 64. УкС: Б, б, β, XVII, 52.]

(№ 65.) УкС: Б, а, α, X, 34.

1. Чжан Сюань-эр — прозвание ученого Чжан Пин-цзе (1725—1807).

2. Яо Бе-фэн — второе имя поэта Яо Ши-шэна (?—1699), уроженца г. Тунчэн.

3. Картина, изображающая Юань-мина — имеется в виду великий поэт Тао Юань-мин (365—427), часто изображаемый на картинах с его любимым цветком — хризантемой.

4. Дун Цюй-цзян — прозвание друга Цзи Юня, ученого из Пинъюаня — Дун Юань-ду.

(№ 66.) УкС: Б, а, α, X, 34.

1. Чун-чжэнь — девиз правления Сы-цзуна (1628—1643) — последнего императора китайской династии Мин.

[№ 67. УкС: А, а, α, II, 1, $А^2$.]

(№ 68.) УкС: Б, а, α, II, 14.

(№ 69.) УкС: Б, а, α, IX, 24.

(№ 70.) УкС: А, а, α, I, 4, —$А^2$, 2.

1. Лю Цин-юань — прозвание ученого и поэта Лю Юэ-юаня (1737—1808).

2. «Повесть об Ин-ин» — знаменитая новелла известного поэта и писателя Юань Чжэня (779—831), рассказывающая о любви Ин-ин, девушки из знатного рода Цуй, к студенту Чжану.

3. Гуаньдимяо — храм обожествленного исторического героя, полководца и ученого III в. н. э. Гуань Юя, культ которого был настолько распространен в старом Китае, что «нет местечка, где бы не было посвященного ему храма, причем отвлеченное обожание совершенной личности постепенно превратилось в поклонение божеству, дающему счастье, деньги и потомство» (В. М. Алексеев, В старом Китае, М., 1958, стр. 51).

Генерал Чжоу — Чжоу Цан, соратник Гуань Юя, который покончил с собой, узнав о гибели Гуань Юя. Изображения Чжоу Цана и Гуань Пина (сына Гуань Юя) обычно ставятся в храме Гуань Юя (см. также прим. к № 205).

(№ 71.) УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

1. Ло Лян-фэн — прозвище друга Цзи Юня, поэта и художника Ло Пиня, любившего рисовать бесов.

(№ 72.) УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

[№ 73. УкС: А, а, α, III, 5б, —$И^3$, $в^1$.]

(№ 74.) УкС: Б, а, α, X, 30.

[№ 75. УкС: Б, а, α, III, 7а, W^1, $в^1$.]

(№ 76.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^7$ и $в^9$.

1. Ван Лань-цюань — прозвание Ван Чана, второе имя — Шуянь (1725—1807) — друга Цзи Юня, известного поэта, историка и филолога, автора путевых заметок и дневников, описания Западного края, издателя ряда антологий, комментатора надписей на бронзе и камне.

2. Мэн У-тан — прозвание монгола Мэн Линя (XVIII в.), командовавшего одним из восьми знамен, поэта.

[№ 77. УкС: А, а, α, I, 4, —$А^3$, 1.

№ 78. УкС: Б, а, α, IX, 23, $В^3$.]

(№ 79.) УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

1. Экзамены в столице — экзамены на третью ученую степень *цзиньши* проводились раз в три года в столице Китая. Выдержавшие экзамен на эту степень по первому разряду зачислялись в придворную академию Ханьлинь.

(№ 80.) УкС: Б, б, α, II.

1. Цю Вэнь-да — посмертное имя Цю Юэ-сю (1712—1773), наставника Цзи Юня, известного поэта, ученого и административного деятеля — специалиста по ирригационным работам.

2. Высшая категория.— По буддийской теории, чтобы достигнуть высшего просветления — нирваны, следует отрешиться от мира желаний и мира форм: отказаться от дома и семьи, от чувств и желаний, даже от своего внешнего вида.

3. Чао (Фу) и Сю (Ю) — легендарные отшельники, жившие, как гласит предание, во времена Яо — мифического императора «золотого века» древности — и до такой степени не желавшие знать мирские тревоги и дела, что, когда Яо предложил одному из них трон, оба «мыли уши», загрязненные этим разговором о службе и карьере. Чао Фу жил на дереве; Сю Ю выбросил подаренную ему тыкву-горлянку, чтобы не привязываться к полюбившейся ему вещи.

4. Воды Великого потопа.— Как говорит традиция, легендарный император древности Юй, основатель династии Ся (2205—1767 гг. до н. э.), еще не взойдя на трон, в течение девяти лет вел борьбу с потопом, от которого страдала вся страна, и обуздал стихию, отведя воды в реки и моря.

5. Причины и следствия.— По буддийским верованиям, существует тесная связь между поступками, совершаемыми человеком в нынешнем или прошлых его перерождениях, и его судьбой в последующих перерождениях. То, в каком облике переродился человек, определяется *кармой* — суммой совершенных им добрых и злых дел.

(№ 81.) УкС: А, а, α, I, 2, $В^1$.

[№ 82. УкС: А, а, β, V, 4, —В].

(№ 83.) УкС: А, а, α, III, 8б, —V.

1. Чжу Цин-лэй — прозвание Чжу Вэнь-чжэня (другое имя — Чжу Юнь-тан), поэта и ученого XVIII в.

[№ 84. УкС: Б, а, α, X, 29.

№ 85. УкС: А, а, α, III, 4, —Е, а.]

(№ 86.) УкС: А, а, α, I, 2, Н.

[№ 87. УкС: А, а, α, I, 2, $А^1$.

№ 88. УкС: Б, а, α, IX, 24.

№ 89. УкС: А, а, α, I, 4, —Е, 2.]

(№ 90.) УкС: Б, а, α, III, 7а, W^1, $в^2$.

[№ 91. УкС: Б, а, α, III, 12, 4, б.

№ 92. УкС: Б, а, α, II, 12.]

(№ 93.) УкС: А, а, β, V, 11, —$А^3$.

1. А дружит с Б. — Буквенные обозначения заменяют циклические знаки, стоящие в оригинале.

(№ 94). УкС: А, а, α, III, 6, —$В^1$, б

[№ 95. УкС: А, а, α, IV, 4, —$А^2$, ж.

№ 96. УкС: Б, а, α, X, 29.]

(№ 97.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —V, б.

(№ 98.) УкС: Б, а, α, X, 33.

1. Короткий месяц — месяц, состоящий из двадцати девяти дней.

(№ 99.) УкС: Б, а, β, XIV, 36.

1. «История Цзинь» — история династии, правившей с 265 по 420 г. *Цзинь ши* была составлена в VII в. в царствование танского императора Тай-цзуна при его непосредственном участии комиссией ученых во главе с историком Фан Цяо.

[№ 100. УкС: Б, а, β, XIV, 36.

№ 101. УкС: Б, а, α, III, 7а, W^1, $в^1$.

№ 102. УкС: Б, а, α, III, 16, 8, $в^1$.

№ 103. УкС: Б, а, α, IX, 24.]

(№ 104.) УкС: А, б, β, VII.

(№ 105.) УкС: А, а, α, III, 5а, —$А^2$, $г^5$.

1. Ло Фу — героиня древней народной легенды, не поддавшаяся уговорам пленившегося ею правителя удела Чжао, который встретил ее, когда она собирала листья тута на меже.

(№ 106.) УкС: А, а, β, V, 4, —$А^2$.

(№ 107.) УкС: Б, а, β, XIV, 36.

[№ 108. УкС: А, а, α, I, 4, —$А^2$, 2.

№ 109. УкС: Б, а, α, X, 31.]

(№ 110.) УкС: А, а, α, III, 2, $А^1$, $в^1$.

[№ 111. УкС: Б, а, α, IX, 24.

№ 112. УкС: Б, а, α, IX, 24.]

(№ 113.) УкС: Б, а, α, X, 27.

1. ...туфлю в форме молодой луны — женская туфелька для искалеченной бинтованием маленькой ножки напоминала по своей форме кривой лунный серп.

(№ 114). УкС: А, а, β, V, 11, $А^1$.

[№ 115. УкС: Б, а, α, III, 12, 6, б.]

(№ 116.) УкС: А, а, β, V, 11, —В.

1. Чэн Юй-мэнь — второе имя Чэн Цзинь-фана (1718—1784), поэта, библиофила, ученого, автора ряда работ о конфуцианских классиках.

2. Истоки Желтые — см. прим. 5 к № 14.

3. Волшебное зеркало — зеркало, в котором, по поверью, оборотни являются в своем настоящем облике.

[№ 117. УкС: А, а, β, V, 11, Д.]

(№ 118.) УкС: А, а, β, V, 11, $А^2$.

1. История Го-лю — см. № 114.

[№ 119. УкС: А, б, β, VIII.

№ 120. УкС: Б, б, β, XVI, 46.

№ 121. УкС: Б, а, α, X, 30.

№ 122. УкС: Б, а, α, X, 28.

№ 123. УкС: Б, б, β, XX.

№ 124. УкС: Б, а, α, III, 16, 8, в[1].]

(№ 125.) УкС: А, а, α, III, 5а, —А[5], г[5].

1. ...слагал стихи-заклинания — см. прим. 1 к № 52.

(№ 126.) УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, б.

1. Мяо — народность, населявшая до начала XV в. территорию нынешней провинции Гуйчжоу, а после завоевания этой территории китайской армией включенная в состав китайской империи (см.: Р. Ф. Итс, Этническая история юга Восточной Азии, Л., 1972, стр. 276—279). Язык гуйчжоуских мяо С. Е. Яхонтов относит к аустроазийской (мон-кхмерской) семье языков (там же, стр. 9, 14—15).

[№ 127. УкС: А, а, α, III, 4, —А[2], а.

№ 128. УкС: А, а, α, I, 2, Н.

№ 129. УкС: А, а, β, V, 11, $A_1^{\smile}$.]

(№ 130.) УкС: А, а, α, III, 10, А, в[1].

1. Чжан Цин-лань — прозвание художника и каллиграфа Чжан Жо-ая (1713—1746).

2. Три учения — т. е. конфуцианство, буддизм, даосизм.

[№ 131. УкС: А, а, β, V, 11, —А[2].

№ 132. УкС: Б, а, α, III, 12, 1, а.

№ 133. УкС: Б, а, α, X, 31.

№ 134. УкС: Б, а, α, IX, 23, L.]

(№ 135.) УкС: Б, а, α, III, 17, Я, б.

[№ 136. УкС: Б, а, α, III, 12, 2, а.

№ 137. УкС: А, а, α, III, 5а, —А[2], в[1].

№ 138. УкС: А, а, α, I, 4, X, 1.

№ 139. УкС: Б, а, α, III, 4а, Z, в[2].]

(№ 140.) УкС: Б, а, α, IX, 22.

(№ 141.) УкС: А, а, α, I, 3, В[2].

(№ 142.) УкС: А, а, α, I, 2, А[1].

[№ 143. УкС: Б, а, α, III, 16, 9[1], г[5].]

(№ 144.) УкС: ч. 1: Б, а, α, IX, 23, В[3];
ч. 2: Б, а, α, X, 34а.

1. Путь в десять тысяч *ли* — образное выражение, означающее блестящие перспективы.

2. Десять тысяч лет.— День рождения правящего императора иносказательно назывался «праздником десятитысячелетия».

3. Тысячелистник, щит черепахи, сухая трава, кости — на всех этих предметах совершали гадания в старом Китае.

(№ 145.) УкС: Б, а, α, III, 4а, V, б.

[№ 146. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, б.

№ 147. УкС: А, а, α, III, 2, W, а.]

(№ 148.) УкС: А, а, α, I, 4, —V^1, 2.

1. Дэшэнмэнь — ворота в городской стене в северо-западной части Пекина.

2. Цинхэцяо — мост через реку Цинхэ, протекающую севернее Пекина, недалеко от городской стены.

3 ....оба они от быков и погибли — буддийская вера запрещает отнимать жизнь у живых существ.

[№ 149. УкС: Б, а, α, IX, 24.

№ 150. УкС: Б, а, α, IX, 24.

№ 151. УкС: А, а, β, V, 11, $П^1$.]

(№ 152.) УкС: А, а, α, I, 4, —$А^1$, 1.

1. Гэ Сянь-чжоу — прозвание крупного сановника Гэ Юаня (1738—1800), официальная биография которого была написана Цзи Юнем.

[№ 153. УкС: А, а, α, III, 5б, —$Б^1$, $в^2$.]

(№ 154.) УкС: А, а, α, III, 8, $А^5$, б.

[№ 155. УкС: Б, а, α, X, 32.

№ 156. УкС: Б, а, α, X, 31.

№ 157. УкС: Б, б, β, XVII, 52.

№ 158. УкС: Б, а, α, III, 12, 7, а.]

(№ 159.) УкС: А, а, α, III, 2, W, б.

[№ 160. УкС: А, а, α, III, 4, —$А^2$, б.]

(№ 161.) УкС: А, а, α, III, 4, —В, а.

[№ 162. УкС: Б, а, α, X, 29.

№ 163. УкС: А, а, α, III, 10, К, б.]

(№ 164). УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.

[№ 165. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.

№ 166. УкС: Б, а, α, III, 16, 8, а.]

(№ 167.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, б.

[№ 168. УкС: А, а, α, III, 8, $А^5$, б.]

(№ 169.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.

1. Алтарь Сянь-нуна — алтарь, воздвигнутый в честь бога земледелия Сянь(Шэнь)-нуна, мифического государя «золотого века» древности, в Пекине, рядом с храмом Неба.

(№ 170.) УкС: А, а, α, III, 10, У, б.

[№ 171. УкС: Б, а, α, III, 16, 8, $в^1$.

№ 172. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, $в^6$.]

(№ 173.) УкС: А, а, α, III, 10, Ф, $г^2$.

1. Яньван мяоцзе — улица в Пекине, во Внешнем городе, севернее храма Неба, на пути от ворот Чунвэньмэнь к озеру Цзиньюйчи.

[№ 174. УкС: А, а, α, III, 7а, А, а.

№ 175. УкС: Б, а, α, III, 12, 2, $в^1$.

№ 176. УкС: А, а, α, I, 3, Д

№ 177. УкС: А, а, α, I, 4, $—V^1$. 1.

№ 178. УкС: Б, б, β, XV, 38.]

(№ 179.) УкС: А, а, α, III, 5, $—Б^2$, $в^1$

[№ 180. УкС: А, а, α, I, 4, $—А^1$, 1.]

(№ 181.) УкС: А, а, α, I, 5, $—В^1$.

[№ 182. УкС: А, а, α, III, 5б, $—Б^1$, а.]

(№ 183.) УкС: А, а, β, V, 11, $—А^3$.

[№ 184. УкС: А, а, α, I, 4, $—V^1$, 1.

№ 185. УкС: А, а, α, III, 5б, $—Б^1$, а.

№ 186. УкС: Б, а, α, III, 12, 3, а.

№ 187. УкС: Б, б, α, I.]

(№ 188.) УкС: Б, а, α, III, 16, 13, в^1.

[№ 189. УкС: А, а, α, III, 2а, А^1, а.

№ 190. УкС: Б, а, α, II, 12.

№ 191. УкС: Б, а, α, III, 2, Z^1, в^2.

№ 192. УкС: Б, а, α, III, 16, 11, а.]

(№ 193.) УкС: А, а, α, III, 6, —А^1, б; А, а, α, III, 8, А^1, б.

[№ 194. УкС: Б, а, α, II, 13.

№ 195. УкС: А, б, α.

№ 196. УкС: Б, а, α, III, 17, Ю, б.

№ 197. УкС: А, а, α, I, 2, Н.

№ 198. УкС: А, а, α, II, 4, —Д.]

(№ 199.) УкС: А, а, α, III, 4, —А^2, б.

[№ 200. УкС: А, а, α, III, 2, Н, г.

№ 201. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W^1, б.

№ 202. УкС: А, а, α, III, 5б, —Л^1, в^1.

№ 203. УкС: Б, а, α, III, 12, 7, а.]

(№ 204.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, в^1.

(№ 205.) УкС: А, а, α, I, 4, —Е, 2.

1. Полководец Чжоу — Чжоу Цан — см. прим. 3 и 4 к № 70 (в котором генерал Чжоу также карает нечестивцев).

2. Юань — династия Юань правила в Китае с 1280 по 1367 г. 1367 г.

3. Ханьшоу-тинхоу — титул, пожалованный полководцу периода Троецарствия Гуань Юю за то, что тот снял осаду с Баймасы (провинции Хэнань).

4. Лу Чжэнь — известный литератор XIV в., комментатор конфуцианских текстов.

5. Красный заяц — имя коня Гуань Юя.

(№ 206.) УкС: Б, а, α, II, 12.

1. Круговращения — круговращения всего живого по замкнутому кругу жизни и смерти — буддийское понятие, включающее в себя представление о том, что живые существа находятся в постоянном циклическом движении, каждый раз приводящем к новому рождению в другом облике.

[№ 207. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, г^5.]

(№ 208). УкС: Б, а, α, III, 4а, Z, в^2.

1. С и л а *и н ь* — женское начало. По древнекитайской натурфилософии, в природе существуют женское *(инь)* и мужское *(ян)* начала. В данном рассказе обыгрывается многозначность этого дуалистического символа: свет и тьма, солнце и луна, жара и холод, расцвет и упадок, активность и пассивность.

(№ 209.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W^1, б.

(№ 210.) УкС: А, а, α, I, 4, X, 1.

1. С е а н с г а д а н и я с в ы з о в о м д у х а — см. прим. 1 к № 52.

[№ 211. УкС: А, а, α, I, 1, А^1.

№ 212. УкС: А, а, α, III, 8, А^2, в^2.]

(№ 213.) УкС: А, а, α, III, 6, —И^3, а.

1. Ч ж у н К у й — персонаж китайской мифологии — начальник бесов, сурово управляющий ими и карающий в тех случаях, когда они, невзирая на его запрещение (символом этого запрещения-заклинания является картина с изображением Чжун Куя, вешаемая на двери дома), проникают в охраняемый им дом. (Подробнее об этом см.: В. М. А л е к с е е в, Китайская народная картина, М., 1966, стр. 220—225.)

[№ 214. УкС: Б, а, α, X, 32.

№ 215. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, г.]

(№ 216.) УкС: А, а, α, I, 6, —А^2.

[№ 217. УкС: Б, а, α, III, 16, 11, а.]

(№ 218.) УкС: Б, а, α, X, 34.

(№ 219.) УкС: А, а, α, II, 4, —А^2.

1. Ю а н ь я н ь — птицы, всегда летающие парами, символ супружеской любви и верности.

2. В с п о м н и т у, и з к р а я Х у а ш а н ь — имеется в виду героиня легенды, в которой рассказывается о том, как юноша увидел красавицу и полюбил ее, но его сердце разорвалось от любви. Когда гроб с телом юноши везли мимо дома красавицы, она вышла и запела песню на мотив «Хуашаньцзи»:

О край Хуашаньцзи!
Из-за меня
Скончался благородный муж.
И для кого

Мне одинокой жить отныне?
Когда любимого
Смогу увидеть вновь?
Пусть в гроб к нему
Меня пропустят доски!

(Пер. Б. Вахтина; см.: Юэфу. Из древних китайских песен, М.—Л., 1959, стр. 218).

(№ 220.) УкС: ч. 1: Б, а, α, III, 12, 1, а;
ч. 2: Б, а, α, III, 12, 2, а.

1. Гао Си-юань — второе имя Гао Фэн-ханя (1683—1743), поэта, ученого, так же как Цзи Юнь, коллекционировавшего тушечницы и оставившего их описание.

2. Тан — династия, правившая в Китае с 618 по 907 г. Период Поздней Тан приходится на 806—907 гг.

3. Лю Си-и — поэт VII в. (ок. 651 — ок. 678), стихи его, отсутствующие в «Полном собрании танских стихов», сохранились в коллекциях «Стихи ста танских поэтов» *(Тан байцзя ши)* и «Стихи двадцати одного поэта Ранней Тан» *(Чу Тан эрши и цзя)*.

4. Дай Дун-юань — знаменитый философ-просветитель Дай Чжэнь (1724—1777), пропагандировавший критическое и рационалистически доказательное изучение конфуцианского канона.

5. *Чуньцю* — см. прим. 4 к № 60.

6. Чжоу — династия, правившая в Китае с 1122 по 249 г. до н. э.

7. Ся — эпоха мифических правителей, царствовавших в Китае, как утверждает традиция, с 2205 по 1766 г. до н. э.

8. Цзо — Цзо Цю-мин, автор летописи *Цзо чжуань* — комментария на *Чуньцю*, в котором излагалась история династии Чжоу.

9. «Доказательные исследования» — речь идет о созданной просветителем XVII в. Гу Янь-у школе «эмпирических исследований, основанных на подтверждающих доказательствах»; это направление научной мысли в XVIII в. нашло своих сторонников в лице Дай Чжэня, Цзи Юня и других ученых, настаивающих на необходимости научного подхода к древним книгам и отрицавших непогрешимость неоконфуцианской их интерпретации.

10. «Если обратиться к древности...» — фраза, с которой начинается ряд глав «Книги исторических деяний».

[№ 221. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 222. УкС: Б, а, α, III, 16, 11, в[1].

№ 223. УкС: Б, а, α, III, 9, S, а.

№ 224. УкС: Б, а, α, X, 34.]

(№ 225.) УкС: Б, а, β, XIV, 36.

(№ 226.) УкС: Б, а, α, X, 34.

[№ 227. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, г^{5}.

№ 228. УкС: А, а, α, I, 4, —В, 1.

№ 229. УкС: Б, б, α, III.

№ 230. УкС: Б, а, α, IX, 22.

№ 231. УкС: Б, а, α, IX, 23, L^{1}.

№ 232. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.

№ 233. УкС: Б, б, β, XVII, 52.

№ 234. УкС: Б, а, α, III, 15, Z^{II}, в^{2}.

№ 235. УкС: Б, а, α, III, 7б, —W, д.

№ 236. УкС: Б, а, α, X, 34.]

(№ 237.) УкС: А, а, α, III, 4, —И^{2}, б.

[№ 238. УкС: Б, а, α, X, 34а.

№ 239. УкС: Б, а, α, X, 29.

№ 240. УкС: Б, а, α, III, 7б, —W, в^{1}.

№ 241. УкС: Б, а, α, X, 28.

№ 242. УкС: А, а, α, I, 7, —И^{1}.

№ 243. УкС: Б, а, α, X, 30.

№ 244. УкС: Б, а, α, III, 16, 8, в^{1}.

№ 245. УкС: Б, а, α, X, 27.]

(№ 246.) УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, б.

(№ 247.) УкС: Б, а, α, IX, 22.

[№ 248. УкС: А, а, α, II, 4, —Д.]

(№ 249.) УкС: Б, а, α, III, 5б, Н^{2}, а.

1. *Пиба* — струнный музыкальный инструмент типа лютни.

[№ 250. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.

№ 251. УкС: Б, а, α, III, 16, 11, а.

№ 252. УкС: Б, б, α, III.

№ 253. УкС: Б, а, α, X, 31.

№ 254. УкС: Б, а, α, III, 12, 2, а.]

(№ 255.) УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

1. На море есть любители вони — в *Лю-ши Чуньцю* Лю Бу-вэя есть упоминание о больном человеке, от которого так скверно пахло, что даже члены его семьи не могли оставаться в одном с ним помещении. Он поселился один у моря и там встретил человека, который, прельщенный его запахом, не расставался с ним.

(№ 256.) УкС: Б, а, α, III, 12, 4, б.

1. Дай Дун-юань — см. прим. 4 к № 220.

2. Шэнь-цзун — император династии Мин, правивший с 1573 по 1619 г.

3. Персиковый источник — намек на произведение знаменитого поэта Тао Юань-мина (365—427) «Персиковый источник», в котором повествуется о том, как рыбак из Улина заплыл в неведомые края, где жили гостеприимные люди, бежавшие из родных краев в годы смуты и поселившиеся в стране, где все счастливы и равны; вернувшись домой, рыбак не мог забыть счастливую страну, но найти к ней дорогу он больше не сумел (Л. З. Эйдлин, Тао Юань-мин и его стихотворения, М., 1967, стр. 432—437).

[№ 257. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, $г^5$.

№ 258. УкС: А, а, α, III, 5б, —Е, $в^1$.

№ 259. УкС: Б, а, α, III, 4а, —Z, $в^2$.

№ 260. УкС: А, а, α, III, 2, Н, $в^4$.

№ 261. УкС: Б, а, α, X, 28.

№ 262. УкС: Б, б, β, XV, 38.

№ 263. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^1$.

№ 264. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, $г^5$.

№ 265. УкС: А, а, α, III, 5б, —AIII, а.]

(№ 266.) УкС: А, а, α, III, 5б, —К, а.

1. Аллегория о богомоле и канарейке. — Сидевшая на дереве цикада хотела выпить росы с листка, не замечая, что за ее спиной появился богомол; богомол намеревался схватить цикаду и не заметил,

что на него нацелилась канарейка; канарейка собиралась съесть богомола, не замечая, что в нее целится из арбалета охотник.

[№ 267. УкС: А, а, α, III, 4, —$А^3$, а.]

(№ 268.) УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

1. Чан-ли, изгнавший крокодила — Чан-ли — прозвание знаменитого поэта и писателя Хань Юя (768—824), которому принадлежит «Молитвенное и жертвенное обращение к крокодилу», пожиравшему скот и диких зверей и приносившему вред народу, с чем Хань Юй, губернатор этого края, не мог примириться («Обращение к крокодилу» переведено акад. В. М. Алексеевым в кн.: «Китайская классическая проза», М., 1958).

2. Вэй Шоу — мыслитель V в., славившийся своим насмешливым характером и остроумием.

[№ 269. УкС: Б, а, α, III, 7а, W^1, а.

№ 270. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

№ 271. УкС: А, а, α, III, 2, Н, б.

№ 272. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q ,$г^5$.

№ 273. УкС: Б, б, α, III.

№ 274. УкС: А, а, α, III, 5а, —3^3, а.

№ 275. УкС: Б, б, α, IV.

№ 276. УкС: Б, а, α, X, 30.

№ 277. УкС: А, а, α, IV, 1, А, е.

№ 278. УкС: Б, б, β, XVII, 52.

№ 279. УкС: А, а, α, I, 4, —V, 1.

№ 280. УкС: А, а, β, V, 4, —В.

№ 281. УкС: А, а, β, V, 11, AIV.

№ 282. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 283. УкС: Б, а, α, III, 5б, V, а.

№ 284. УкС: Б, а, α, III, 16, 11, а.

№ 285. УкС: А, а, α, I, 2, А.

№ 286. УкС: А, а, α, III, 2а, Б, а.

№ 287. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.]

(№ 288.) УкС: А, а, α, I, 4, —$А^2$, 2.

[№ 289. УкС: Б, а, α, X, 27.

№ 290. УкС: Б, а, α, IX, 24.

№ 291. УкС: Б, а, α, IX, 24.

№ 292. УкС: Б, б, α, IX, 25.

№ 293. УкС: Б, а, α, II, 13.

№ 294. УкС: Б, а, α, III, 12, 7, а.]

(№ 295.) УкС: А, а, α, I, 2, Н.

СБОРНИК ВТОРОЙ

ТАК Я СЛЫШАЛ

Предисловие

1. «Так я слышал...» — Этими словами начинаются многие буддийские сутры.

[№ 296. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, $г^5$.]

(№ 297.) УкС: А, а, α, III, 5а, —Д, б.

1. Ворота с мемориальной надписью — такие ворота воздвигались в старом Китае в честь вдов, покончивших с собой после смерти мужа, или женщин, прославившихся своей добродетелью.

[№ 298. УкС: А, а, α, I, 5, —$А^2$.

№ 299. УкС: Б, б, β, XVI, 18.

№ 300. УкС: Б, а, α, X, 34а.

№ 301. УкС: Б, а, α, X, 29.

№ 302. УкС: Б, б, α, II.]

(№ 303.) УкС: А, а, α, I, 2, Н.

[№ 304. УкС: Б, а, α, III, 12, 3, а.

№ 305. УкС: Б, а, α, III, 12, 6, а.

№ 306. УкС: А, а, α, III, 2, Н, $в^1$.

№ 307. УкС: А, а, α, III, 5б, —В, г.]

(№ 308.) УкС: Б, а, α, III, 16, 13, $в^1$.

[№ 309. УкС: А, а, α, III, 5б, —Л[1], в[1].

№ 310. УкС: Б, б, α, IX, 25.

№ 311. УкС: А, а, α, III, 5б, —К, а.

№ 312. УкС: А, а, α, III, 7а, К[1], а.

№ 313. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

№ 314. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

№ 315. УкС: А, а, α, I, 2, N.

№ 316. УкС: А, а, α, II, 4, —А[1].]

(№ 317.) УкС: Б, а, α, III, 16, 8, а.

[1]. Цянь Сян-шу — прозвание Цянь Чэнь-цзюня (1686—1774), ученого, литератора и каллиграфа, оказавшего покровительство Цзи Юню в 30-х годах XVIII в.

[№ 318. УкС: Б, а, α, III, 12, 3, г.

№ 319. УкС: А, а, α, III, 5а, —А[2], б.

№ 320. УкС: Б, б, α, III.

№ 321. УкС: А, а, β, V, 11, —А[2].]

(№ 322.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, б.

[№ 323. УкС: Б, а, α, III, 17, Ю, б.

№ 324. УкС: Б, а, α, X, 27.

№ 325. УкС: Б, а, α, X, 34.]

(№ 326.) УкС: ч. 1: Б, а, α, III, 7а, Z, в[2];
ч. 2: Б, а, α, III, 4а, V, в[2].

[№ 327. УкС: Б, а, α, X, 28.

№ 328. УкС: А, а, α, III, 2, Н, в[4].

№ 329. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 330. УкС: Б, а, α, III, 12, 1, а.

№ 331. УкС: Б, б, β, XV, 37.

№ 332. УкС: Б, а, β, XIV, 36.

№ 333. УкС: А, а, α, III, 5б, —Б[1], в[1].

№ 334. УкС: А, а, α, III, 5а, —Б[1], г[5].]

(№ 335.) УкС: А, а, α, III, 5б, —Д[2], а.

[№ 336. УкС: Б, б, β, XVI, 41.

№ 337. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, в[1].

№ 338. УкС: А, а, α, III, 10, У, в[2].

№ 339. УкС: Б, а, α, III, 12, 5, г.

№ 340. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, в[1].

№ 341. УкС: А, а, α, III, 5б, —А[2], в[1].

№ 342. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, в[6].]

(№ 343.) УкС: А, а, α, III, 10, Ф, а.

[№ 344. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, в[1].

№ 345. УкС: А, а, α, III, 4, —К, а.

№ 346. УкС: Б, а, α, III, 16, 11, б.]

(№ 347.) УкС: А, а, α, III, 2, А[1], в[1].

1. Чохи — медные монеты самого низкого достоинства; в старом Китае монеты имели квадратное отверстие, сквозь которое продевался шнур. На шнур нанизывали до тысячи монет. Тысяча чохов равнялась примерно восьми дореволюционным рублям (см.: Д. Кара, Книги монгольских кочевников, М., 1972, стр. 181, прим. 247).

(№ 348.) УкС: А, а, β, V, 11, Б.

1. Чанчуньсы — храм в Пекине, в северо-западной части Внешнего города.

2. Даос из горного ущелья — псевдоним знаменитого поэта Хуан Тин-цзяня (1045—1105).

3. Хуан Лу-чжи — второе имя Хуан Тин-цзяня.

4. Ян Чэн-чжай — известный поэт Ян Вань-ли (1124—1206); стихи, подписанные псевдонимом Хуан Тин-цзяня, принадлежат Ян Вань-ли, родившемуся через 19 лет после смерти Хуана. Так что Хуан никак не мог переписать эти стихи, чем и объясняется недоумение героев рассказа.

5. Знаменитые ученые.— Цзи Юнь, вероятно, имеет в виду тех же прихлебателей знати, о которых писал в «Неофициальной истории конфуцианцев» У Цзин-цзы.

[№ 349. УкС: А, а, α, II, 4, —А[2].

№ 350. УкС: А, а, α, III, 7а, А, а.

№ 351. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 352. УкС: Б, а, α, III, 12, 1, а.

№ 353. УкС: А, а, α, I, 4, —V, 2.

№ 354. УкС: Б, а, α, III, 12, 3, г.

№ 355. УкС: Б, а, α, IV, 18, к.

№ 356. УкС: А, а, α, I, 4, —A^2, 1.]

(№ 357.) УкС: Б, а, α, X, 29.

1. Оуян Юн-шу — псевдоним знаменитого поэта Оуян Сю (1007—1072).

2. Тан Янь-цянь — поэт IX в. Строка, которую Цзи Юнь ошибочно приписал ему, на самом деле принадлежит современнику Тан Янь-цяня, поэту IX в. Цао Тану (см.: «Полное собрание танских стихов», т. 10, стр. 7338).

3. ...составил стихотворное посвящение — о способе составления нового стихотворения из строк, взятых у других поэтов, см.: J. J. Liu, The Art of Chinese Poetry,— «The University of Chicago Press», 1962, стр. 141.

4. ...вел кисть снизу вверх и справа налево — т. е. обратно тому, как надо писать иероглифы.

[№ 358. УкС: А, а, β, V, 11, $A^{-}V$.

№ 359. УкС: А, а, β, V, 11, A^1.

№ 360. УкС: Б, а, α, III, 12, 3, г.]

(№ 361.) УкС: А, а, α, I, 4, —A^2, 1.

[№ 362. УкС: Б, а, α, III, 16, 8, $в^1$.

№ 363. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, $г^5$.

№ 364. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 365. УкС: Б, а, α, III, 15, Z^1 $в^2$.

№ 366. УкС: Б, а, α, X, 27.]

(№ 367.) УкС: А, а, α, III, 10, Ф, д.

[№ 368. УкС: Б, а, α, III, 17, Э, б.

№ 369. УкС: Б, а, α, X, 34а.

№ 370. УкС: Б, а, α, IX, 22.

№ 371. УкС: Б, а, α, III, 12, 5, б.

№ 372. УкС: Б, а, α, IX, 22.

№ 373. УкС: Б, б, β, XVI, 42.

№ 374. УкС: Б, б, β, XVI, 42.

№ 375. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 14.

№ 376. УкС: Б, а, α, III, 16, 8, а.]

(№ 377.) УкС: А, а, α, I, 6, —Г.

[№ 378. УкС: Б, а, α, IX, 23, L.

№ 379. УкС: А, а, α, III, 7а, А, а.

№ 380. УкС: Б, а, α, III, 12, 2, г[3].

№ 381. УкС: А, а, α, III, 2, Н, г[5].

№ 382. УкС: А, а, α, III, 5а, —Б[2], г.]

(№ 383.) УкС: Б, а, α, III, 9, S, б.

1. ...в окне шуршит бумага.— Окна в старом Китае заклеивались бумагой.

[№ 384. УкС: Б, а, α, IX, 22.

№ 385. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 14.

№ 386. УкС: Б, а, α, IX, 23, L[1].

№ 387. УкС: А, б, β, VIII.]

(№ 388.) УкС: А, а, α, I, 4, —А[2], 1.

[№ 389. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 390. УкС: Б, б, α, IX, 24.

№ 391. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 392. УкС: А, а, α, I, 4, —А[2], 1.

№ 393. УкС: Б, а, α, III, 17, Ю, б.]

(№ 394.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, в[2].

1. ...убивать красоту пейзажа.— В «Изречениях» поэта IX в. Ли Шан-иня есть выражение: «Будничное убивает красоту пейзажа».

[№ 395. УкС: А, а, α, III, 10, 11, в^2.

№ 396. УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

№ 397. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, в^1.

№ 398. УкС: Б, а, β, XIV, 36.

№ 399. УкС: Б, а, α, X, 31.

№ 400. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, г^5.

№ 401. УкС: А, а, α, III, 4, —А^2, в^1.

№ 402. УкС: Б, а, α, III, 5б, V, г^3.

№ 403. УкС: Б, а, α, X, 33.]

(№ 404.) УкС: А, а, α, III, 7а, К^1, а.

1. Рассказ о том, как Сун Дин-бо *продал духа*, превратившегося в барана, помещен в сборнике «Рассказы о чудесах» *(Ле и чжуань)* Чжан Хуа (IV в.), часто приписываемом Цао Пи (187—226).

2. ...ловить... по бесу и ...превращать в барана — как сделал это Сун Дин-бо в упомянутом рассказе.

[№ 405. УкС: Б, а, α, III, 12, 5, г^2.

№ 406. УкС: А, а, α, III, 2а, Б, а.

№ 407. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 408. УкС: А, а, α, I, 2, Н.

№ 409. УкС: Б, а, α, X, 27.

№ 410. УкС: Б, а, β, XIV, 36.

№ 411. УкС: Б, б, β, XVI, 41.

№ 412. УкС: А, а, α, I, 5, —Б^2.

№ 413. УкС: Б, а, α, X, 31.]

(№ 414.) УкС: А, а, α, III, 8, А^{II}, б.

1. Золотая пиала Лу Чуна.— Поэт и ученый танского времени Лу Чун, известный своей любовью к чаю, оставил «Песнь о чае». Золотая пиала — один из предметов, которые клали в гроб, чтобы любимые покойным вещи сопровождали его в загробной жизни.

2. Яшмовая дева — красавица небожительница, явившаяся во сне поэту Сун Юю (290—223 гг. до н. э.), о чем он рассказывает в поэмах «Горы высокие Тан» и «Святая фея» (см.: «Китайская классическая проза» в переводах В. М. Алексеева).

[№ 415. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 416. УкС: А, а, α, III, 5а, —И, г.]

(№ 417.) УкС: А, а, β, V, 11, П[1].

[№ 418. УкС: Б, а, α, III, 12, 6, а.]

(№ 419.) УкС: Б, а, α, III, 10а, Ц, в[1].

1. Чжун Куй — см. прим. 1 к № 213.

(№ 420.) УкС: А, а, α, I, 4, X, 1.

[№ 421. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 422. УкС: Б, а, α, X, 32.

№ 423. УкС: Б, α, IX, 23, L[2].

№ 424. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.]

(№ 425.) УкС: Б, а, α, III, 9, S, в[1].

1. Тренировка дыхания.— Даосы считали, что с помощью дыхательных упражнений можно продлить жизнь (см.: H. Maspero, Le Taoisme, Paris, 1950).

2. ...добывала эссенцию жизни у соблазненных мной людей...— Даосы считали, что «жизненная энергия» мужчины *(ян)* увеличивается от половых сношений с женщинами и что в «сокровенной эссенции» женщин содержатся элементы, необходимые для получения эликсира долголетия. Народные верования наделяли лис способностью красть у соблазненных ими мужчин эту «жизненную энергию» (см.: R. H. van Gulik, Sexual Life in Ancient China, Leiden, 1961, стр. 43, 48, 71 и др.).

[№ 426. УкС: А, а, α, IV, 4, —V, ж.]

(№ 427.) УкС: А, а, α, I, 4, —V[1], 1.

[№ 428. УкС: А, а, α, III, 5а, —3[3], а.]

(№ 429.) УкС: А, а, α, III, 2, Б, в[1].

1. ...того, кто жил в пору Цзинь — вероятно, имеется в виду великий поэт Тао Юань-мин, живший в правление династии Восточная Цзинь. Это предположение подтверждается всем тоном повествования о Лю Го-ши (см. прим. 5).

2. Отшельник с горы Ишань (Ишань лаожэнь) — псевдоним ученого, поэта и каллиграфа Чжао Чжи-синя (1662—1744), рано удалившегося от службы.

3. Жнтель горы Ляньяншань (Ляньян шаньжэнь) — псевдо-

ним друга Чжао Чжи-синя — ученого, поэта и каллиграфа У Вэня (второе имя — Тянь-чжан, 1644—1704), славившегося своей начитанностью в буддийской литературе.

4. ...с бедных брал...— здесь, видимо, намек на Конфуция, который никому не отказывал в своих поучениях («Начиная с людей, приносивших лишь связку сушеного мяса, я никогда не отказывал никому в поучениях» — «Беседы и суждения», VII, 7).

5. ...короб для вареного риса часто бывал пустым, но он не горевал — эта фраза очень напоминает известное место из «Жизни ученого «Пяти ив» Тао Юань-мина: «В корзине, в тыквине бывало пустовато, но он был равнодушеи и не тужил» («Китайская классическая проза» в переводах акад. В. М. Алексеева, стр. 178).

6. Небесная лиса — см. прим. 1 к № 20.

(№ 430.) УкС: Б, а, α, IX, 24.

1. Жу-бэй — племянник Цзи Юня (Цзи Жу-бэй, по прозванию Ли-хань, 1729—1748).

[№ 431. УкС: Б, а, α, IX, 26.]

(№ 432.) УкС: Б, а, α, III, 12, 5, б.

1. Не Сун-янь — прозвание Не Цзи-мао, поэта и ученого XVIII в., высоко ценимого Цзи Юнем.

[№ 433. УкС: А, а, α, 7а, А, а.

№ 434. УкС: А, а, α, III, 8, $А^2$, $в^2$.

№ 435. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, б.]

(№ 436.) УкС: Б, а, α, IX, 22.

1. Чжучаоцзе — улица в Пекине, во Внешнем городе, северо-западнее парка Таожаньтин.

2. «...тот, кто знает веления [Неба]...» — *Мэн цзы*, гл. VII, ч. 1, § 2.

[№ 437. УкС: А, а, α, I, 2, Н.

№ 438. УкС: Б, а, α, III, 12, 2, а.

№ 439. УкС: Б, а, α, III, 17, Я, б.

№ 440. УкС: Б, а, α, II, 12.

№ 441. УкС: Б, а, α, III, 12, 7, $в^2$.

№ 442. УкС: А, а, α, II, 4, —$А^2$.

№ 443. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^2$.

№ 444. УкС: Б, а, α, III, 5б, V, а.

№ 445. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.]

(№ 446.) УкС: А, а, α, I, 2, Н.

1. Чу Хэнанец, или «Господин из Хэнани» (Хэнань гун) — прозвание Чу Суй-ляна (596—685) — знаменитого каллиграфа и литератора, близкого ко двору танского императора Тай-цзуна.

2. Копия предисловия к «Орхидеевой беседке» — Чу Суй-лян сделал копию с предисловия известного поэта и каллиграфа Ван Си-чжи (321—379) к стихам, написанным им и его друзьями в 353 г., когда они собрались в Орхидеевой беседке среди гор Гуйцзи (на территории нынешней провинции Чжэцзян). Предисловие Ван Си-чжи переведено акад. В. М. Алексеевым в кн. «Китайская классическая проза».

3. Бо Сян-шань — псевдоним великого поэта танского времени Бо Цзюй-и (772—846).

[№ 447. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, б.

№ 448. УкС: Б, б, α, IX, 26.

№ 449. УкС: Б, б, α, III.

№ 450. УкС: Б, а, α, III, 7б, X, $в^2$.

№ 451. УкС: А, а, α, III, 7а, А, $в^5$.

№ 452. УкС: Б, б, α, III.

№ 453. УкС: Б, б, β, XVIII, 59.

№ 454. УкС: Б, а, α, X, 34а.

№ 455. УкС: А, а, α, I, 4, —$А^1$, 2.

№ 456. УкС: Б, б, β, XV, 38.

№ 457. УкС: Б, а, α, X, 33.

№ 458. УкС: А, а, α, I, 4, —Д, 1.]

(№ 459.) УкС: А, а, α, III, 10, Ц, $в^2$.

1. ...привело к тяжелой болезни — см. прим. 2 к № 425.

2. ...поджав под себя крестообразно ноги — поза, в которой сидит буддийский монах, предающийся самосозерцанию.

[№ 460. УкС: А, а, α, III, 5а, —3^2, $г^5$.

№ 461. УкС: Б, а, α, X, 31.

№ 462. УкС: Б, а, α, IX, 24.

№ 463. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^2$.

№ 464. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.

№ 465. УкС: Б, а, α, III, 16, 8, а.

№ 466. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, в[1].

№ 467. УкС: А, а, α, III, 8а, 3[3], в[2].

№ 468. УкС: Б, а, α, X, 34а.

№ 469. УкС: А, а, α, III, 4, —3[1], а.

№ 470. УкС: Б, а, α, II, 13.

№ 471. УкС: А, а, α, III, 4, —3[1], а.

№ 472. УкС: Б, а, α, IX, 24.

№ 473. УкС: Б, б, β, XVIII, 54.]

(№ 474.) УкС: А, а, α, III, 5а, —П, в[1].

1. «Беседы и суждения» — памятник середины V в. до н. э., в котором записаны различные суждения Конфуция и его беседы с учениками и другими его современниками.

Приводимая в тексте цитата взята из *Лунь-юя*, IX, 23.

2. Дунфан Мань-цянь — Дунфан Шо (161?—87? гг. до н. э.) — приближенный ханьского императора У-ди, ученый и государственный деятель, славившийся бесстрашием и остроумием, с которыми он излагал свои мнения императору.

[№ 475. УкС: А, а, α, I, 2, Н.

№ 476. УкС: Б, а, α, IV, 20.

№ 477. УкС: А, а, α, III, 6, —В[1], б.]

(№ 478.) УкС: А, а, β, V, 11, А[6].

[№ 479. УкС: Б, а, α, X, 27.]

(№ 480.) УкС: Б, а, α, IV, 19.

1. Вэй Гао и Юй-сяо. — Существует рассказ о красавице Юй-сяо, которая умерла, думая, что ее муж — танский военачальник и государственный деятель Вэй Гао — забыл ее. Вэй Гао «вызвал ее душу» и обещал ей, что в новом ее перерождении она снова станет его женой. Так и произошло. История эта легла в основу сюжета нескольких драм.

[№ 481. УкС: А, а, α, I, 4, —В[1], 2.

№ 482. УкС: А, а, α, III, 2, W, б.

№ 483. УкС: А, а, α, III, 4, —И[2], б.

№ 484. УкС: Б, а, α, III, 17, Э, а]

(№ 485.) УкС: В.

1. Цинь и Цзинь — названия древних владений, соперничавших между собой.

2. ...смог ожить — видимо, потому что тело его сохранилось в целости, не будучи разрубленным на части.

3. ...случай с наследником престола Го — записана в «Исторических записках» (*цз.* 105, — «Сыбу бэйяо», т. 50, стр. 995—997). В этом труде Сыма Цяня была помещена биография знаменитого врача древности Бянь Цяо, где рассказывался эпизод с «воскрешением» наследника престола Го, которого сочли умершим.

[№ 486. УкС: А, б, β, VII.

№ 487. УкС: А, а, α, III, 5б, —$А^2$, $в^2$.]

(№ 488.) УкС: А, а, α, II, 4, —$Б^1$.

1. Женщина с распущенными волосами и красным платком на шее — женщина имела вид самоубийцы.

2. Со времени династии Суи — т. е. с того времени, когда неоконфуцианство обрело силу государственной идеологии.

[№ 489. УкС: ч. 1: А, а, α, II, 1, А;
ч. 2: А, а, α, II, 4, —В.

№ 490. УкС: А, а, α, III, 5а, —$А^2$, $в^1$.

№ 491. УкС: А, а, α, III, 8, $А^5$, б.

№ 492. УкС: Б, а, α, III, 12, 5, б.

№ 493. УкС: А, а, α, III, 8, $А^5$, б.

№ 494. УкС: А, а, α, III, 5а, —$А^2$, $в^1$.]

(№ 495.) УкС: А, а, β, VI, 8а, $В^1$.

[№ 496. УкС: Б, а, α, IX, 22.

№ 497. УкС: Б, а, α, X, 29.

№ 498. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, б.

№ 499. УкС: Б, а, α, IV, 20.

№ 500. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^1$.]

(№ 501.) УкС: Б, а, α, III, 12, 5, б.

[№ 502. УкС: Б, а, α, X, 32.

№ 503. УкС: А, а, α, I, 4, —V^1, 1а.

№ 504. УкС: А, а, α, III, 2, Н, $г^5$.

№ 505. УкС: А, а, α, I, 1, $А^1$.

№ 506. УкС: А, а, α, III, 4, —Л, а.

№ 507. УкС: А, а, α, III, 5б, —Д, а.

№ 508. УкС: А, а, α, III, 4, —К, а.

№ 509. УкС: А, а, α, I, 4, —$А^2$, 1.]

(№ 510.) УкС: А, а, β, V, 11, —$Б^1$.

1. ...начетчик ответил: «Учитель не говорил о чудесах».— Припертый к стене обращенными против него его собственными рассуждениями о «разумном начале», которое, по учению неоконфуцианцев, присутствует во всем, начетчик укрылся за цитатой из «Бесед и суждений»: «Учитель (Конфуций) не говорил о чудесах, о проявлениях силы, о смуте и о духах» (VII, 23).

[№ 511. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^1$.

№ 512. УкС: А, а, α, III, 4, —$Л^1$, а.

№ 513. УкС: А, а, α, III, 8, $А^5$, б.

№ 514. УкС: А, а, α, III, 8, $А^5$, б.

№ 515. УкС: А, а, α, III, 8, $А^5$, б.

№ 516. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^1$.]

(№ 517.) УкС: Б, а, β, XIV, 36.

1. Юнгуансы сицзе — улица в Пекине, во Внешнем городе, протянувшаяся с севера на юг, параллельно улице Сюаньумэнь вайдацзе.

[№ 518. УкС: Б, а, α, III, 7а, Z, $в^2$.]

(№ 519.) УкС: А, а, β, V, 3, А.

1. Три драгоценности — по буддийскому учению: Будда, закон Будды и монахи, распространяющие этот закон.

2. Монах в лиловых одеждах.— Лиловые одежды носили монахи высших рангов, так же как и высшие сановники.

3. Ли Син-пу — прозвание Ли Шоу, поэта и ученого XVIII в.

[№ 520. УкС: А, а, α, III, 8, $А^5$, б.

№ 521. УкС: Б, а, α, IX, 22.]

(№ 522.) УкС: А, а, β, V, 11, $А^5$.

1. ...родителям суждено влачить существование голодных духов.— По народным поверьям, люди, умершие, не оставив потомков, которые приносили бы им жертвы, после смерти превращаются в голодных духов (в тексте: *гуй* — букв. «бес»).

2. ...вброд перешла реки Чжэн и Вэй — т. е. имела любовную связь до выхода замуж; выражение идет из «Книги песен» («Шицзин», пер. А. Штукина, стр. 107).

[№ 523. УкС: Б, а, α, X, 34а.

№ 524. УкС: Б, б, α, IX, 26.]

(№ 525.) УкС: Б, а, α, III, 12, 5, в[1].

1. Три первые династии — имеются в виду династия Ся — первая (полулегендарная) династия в Китае (2205—1766 гг. до н. э.), с которой ведется китайское летосчисление, династия Шан, или Инь (1766—1122 гг. до н. э.), и династия Чжоу (1122—247 гг. до н. э.).

2. «Родословная Чэнь Шэ» — «Родословная» вождя крестьянского восстания III в. до н. э. Чэнь Шэ помещена Сыма Цянем в *цз.* 48 его «Исторических записок» (раздел «Наследственные дома»). Подробно об эпизоде, в котором соратник Чэнь Шэ — У-гуан подражает голосу лисы, см.: B. Watson, Records of the Great Historian of China, New York—London, vol. 1, 1961, стр. 21.

3. У Цзюнь — писатель (469—520), автор «Записок о двенадцати областях» *(Шиэр чжоу цзи)*, «Записей о разном из Западной столицы» *(Сицзин цзацзи)* и других сборников рассказов о необычайном.

4. Чжан Чжо — писатель (660?—741?), автор «Записок, сделанных при дворе и в народе» *(Чао е цянь чэн)*.

5. ...записям о лисах — рассказам о лисах в коллекции *Тай-пин гуанцзи* отведены гл. 447—455.

6. Дао — Путь [Истины] — абсолютное начало Вселенной, порождающее все многообразие мира.

7. «Жизнеописания бессмертных» *(Ле сянь чжуань)*, в которых помещены жизнеописания 71 даосского бессмертного, по традиции приписываются писателю I в. до н. э. Лю Сяну (80—9 гг. до н. э.). На самом деле это произведение было создано в V—VI вв.

8. Не ревновала ли Ткачиха Волопаса? — имеется в виду один из вариантов легенды о небесной фее — Ткачихе (Чжи-нюй), которая жила на восточном берегу Млечного Пути и ткала на своем станке слоистые голубые облака. Она полюбила пастуха из мира людей и стала его женой. Небо разлучило любящих и позволило им встречаться лишь один раз в год, вечером седьмого дня седьмой луны, на мосту через Млечный Путь, который наводили сороки из своих хвостов.

9. Цзи-цзи — дочь луского князя Си-гуна (VI в.), против воли своего отца увидевшаяся со своим мужем Цзэн-цзы в городе Фэн и уговорившая его поехать с официальным визитом к Си-гуну (*Чуньцю*, гл. Си-гун, год 14-й).

10. Подарить гортензию или орхидею — образное выражение, означающее незаконную связь (выражение идет из «Книги песен»).

11. ...совершенномудрые ...не занимались пустыми выдумками — лис исповедует даосскую теорию недеяния в противовес конфуцианской теории активного вмешательства человека в жизнь общества.

[№ 526. УкС: Б, а, α, III, 12, 2, в^{1}.

№ 527. УкС: Б, а, α, III, 7б, X, а.

№ 528. УкС: А, а, α, III, 5а, —Г, б.

№ 529. УкС: А, а, α, I, 4, —Г, 2.

№ 530. УкС: А, б, β, VIII.

№ 531. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

№ 532. УкС: А, а, α, III, 6, —А^{6}, б.]

(№ 533.) УкС: Б, а, α, III, 17, Ю, б.

[№ 534. УкС: Б, б, α, III.

№ 535. УкС: Б, б, β, XV, 39.

№ 536. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 19.

№ 537. УкС: Б, а, α, III, 16, 9, г^{5}.

№ 538. УкС: Б, а, α, X, 27.

№ 539. УкС: Б, б, β, XVI, 48.

№ 540. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, в^{1}.

№ 541. УкС: Б, б, α, X, 31.]

(№ 542.) УкС: А, а, α, III, 8, А^{II}, б.

1. Жэнь Цзы-тянь — второе имя Жэнь Да-чуня (1738—1789), поэта и ученого, которого Цзи Юнь привлек к работе по составлению «Каталога Полного свода четырех сокровищниц».

2. «Хоть с тобою, мой милый...» — «Шицзин», I, VI, 9 (пер. А. Штукина), стр. 92.

3. «Книга о правилах поведения» — см. прим. 8 к № 44.

4. Иньцы, чжоусцы — см. прим. 1 к № 525.

[№ 543. УкС: А, а, α, II, 4, —Б.

№ 544. УкС: А, а, β, V, 4, —В^{1}.]

(№ 545.) УкС: А, а, α, II, 5а, —В, в^{1}.

1. Ян Те-ай — прозвание поэта Ян Вэй-чжэня (1296—1370).

2. «Песнь о седой голове», о которой идет речь в одноименном стихотворении Ян Те-ая, была написана Чжо Вэнь-цзюнь — женой поэта Сыма Сян-жу (179—118 гг. до н. э.). Вопреки воле своего отца Чжо Вэнь-цзюнь вышла замуж за Сыма Сян-жу; когда он решил взять в дом наложницу, Чжо Вэнь-цзюнь хотела с ним расстаться, так как любовь его к ней «исчерпалась». Этому и посвящена ее «Песнь о седой голове».

[№ 546. УкС: А, а, α, I, 1, В¹.

№ 547. УкС: Б, а, α, III, 5б, —С, в¹.

№ 548. УкС: Б, а, α, III, 16, 11, в¹.

№ 549. УкС: Б, а, α, II, 12.]

ЗАПИСКИ О РАЗНОМ, СОСТАВЛЕННЫЕ К ЗАПАДУ ОТ СОФОРЫ

Предисловие

1. «Птичья палата» — на территории цензората стояли ряды туй, на которых часто гнездились тысячи птиц, ночевавших на деревьях; поэтому в народе цензорат стали называть «Птичьей (вороньей) палатой».

2. Сиюань — закрытый увеселительный парк к западу от Императорского города, в районе озер Бэйхай, Чжунхай и Наньхай.

3. «Записки мухогонки» — три сборника, составленные писателем Ван Мин-цинем (1127—1214); в основном это записи событий, происходивших при дворе императора Гао-цзуна (1127—1162).

4. «Записи И-цзяня» *(И-цзянь чжи)* — сборник рассказов о необыкновенных существах и духах писателя Хун Мая (1123—1202), в основу названия которого легла фраза из книги древнего мыслителя Ле-цзы: «И-цзянь услыхал и записал». И-цзянь упоминается Ле-цзы как составитель записей о сказочных животных.

[№ 550. УкС: Б, а, α, III, 17, 10, б.

№ 551. УкС: Б, б, β, XVII, 52.

№ 552. УкС: А, а, α, I, 1, А.

№ 553. УкС: Б, а, β, XIV, 36.

№ 554. УкС: Б, б, β, XVI, 43.

№ 555. УкС: Б, б, β, XV, 40.]

(№ 556.) УкС: А, а, α, I, 4, X, 2.

[№ 557. УкС: А, а, α, I, 2, Н.

№ 558. УкС: Б, а, α, III, 16, 8, в¹.]

(№ 559.) УкС: Б, а, α, III, 16, 9, г[5].

1. «Полный свод четырех сокровищниц литературы» — собрание книг императорской библиотеки, состоящее более чем из 36 тыс. томов. Цзи Юнь был одним из главных редакторов каталога этого собрания (см. стр. 20—21).

(№ 560.) УкС: А, а, α, III, 5а, —А[2], б.

[№ 561. УкС: Б, б, β, XVI, 41.

№ 562. УкС: Б, а, α, X, 29.]

(№ 563.) УкС: А, а, α, III, 8, А[II], б.

1. Цин-ху — прозвание старшего брата Цзи Юня — Цзи Чжо (1706—1747).

2. Карма — по буддийским представлениям, каждое существо после смерти перерождается в новом облике в соответствии с законом кармы, т. е. в зависимости от числа добрых и злых дел, совершенных в прежнем его существовании (см. также прим. 5 к № 80).

3. Си Чао — вельможа, прославившийся своей сыновней почтительностью.

[№ 564. УкС: А, а, β, V, 11, А[II].

№ 565. УкС: А, а, β, V, 11, А[II].]

(№ 566.) УкС: А, а, β, VI, 11, —П.

1. Лн Линь-фу — см. прим. 3 к № 9.

2. Яи Го-чжуи — брат Ян Гуйфэй, фаворитки танского императора Сюань-цзуна, захвативший власть в свои руки и фактически правивший страной.

[№ 567. УкС: А, а, β, V, 5а, —3[3].

№ 568. УкС: Б, б, β, XVI, 45.

№ 569. УкС: А, а, α, III, 10, П, а.

№ 570. УкС: А, а, α, III, 7а, Б, в[1].

№ 571. УкС: Б, а, α, III, 17, Я, б.

№ 572. УкС: Б, а, α, IX, 24.

№ 573. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 574. УкС: Б, а, α, X, 28.

№ 575. УкС: Б, б, β, XVI, 45.]

(№ 576.) УкС: Б, б, β, XVI, 45.

1. Глава «Пять элементов» в разделе «Великий план» «Книги исторических деяний» излагает учение о материальном мире, в основе которого якобы лежат пять первостихий: дерево, огонь, земля, металл, вода.

2. *Хэ ту* — так традиция называет начертания на спине дракона-лошади, которая вышла из реки Хуанхэ в присутствии мифологического государя Фу Си. Из этих начертаний Фу Си составил восемь триграмм — знаков, состоящих из трех черт и символизирующих небо, землю, огонь, воду, озеро, ветер, гору и гром.

3. *Ло шу* — начертания на спине черепахи, явившейся мифическому государю Юю из реки Ло.

[№ 577. УкС: Б, а, α, III, 12, 1, а.

№ 578. УкС: Б, б, β, XVII, 52.

№ 579. УкС: А, а, α, III, 10, А, в^2.

№ 580. УкС: Б, а, α, III, 16, 9, в^2.

№ 581. УкС: Б, а, α, III, 16, 9, в^2.

№ 582. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, г^5.]

(№ 583.) УкС: А, а, α, III, 4, —А^3, в^1.

[№ 584. УкС: А, а, α, I, 2, N.]

(№ 585.) УкС: А, а, α, III, 8, А^5, б.

[№ 586. УкС: А, а, α, III, 9, Д, б.

№ 587. УкС: Б, а, α, III, 12, 2, а.

№ 588. УкС: Б, а, α, X, 31.

№ 589. УкС: А, а, α, III, 2, Н, г.

№ 590. УкС: А, а, α, III, 10, Ф, а.

№ 591. УкС: А, а, α, I, 4, —V^1, 1.

№ 592. УкС: Б, б, β, XVIII, 59.]

(№ 593.) УкС: А, а, α, III, 5б, К^1, а.

[№ 594. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, в^6.

№ 595. УкС: А, а, β, V, 1, В^1.

№ 596. УкС: А, а, β, V, 5а, —В.

№ 597. УкС: Б, а, α, IX, 22.

№ 598. УкС: Б, а, α, III, 12, 1, а.]

(№ 599.) УкС: А, а, α, I, 4, —Д, 2.

[№ 600. УкС: А, а, α, I, 4, —В, 1.

№ 601. УкС: Б, б, β, XVI, 43.

№ 602. УкС: Б, а, α, X, 28.

№ 603. УкС: А, а, α, I, 2, $А^{1}$.

№ 604. УкС: Б, а, α, III, 9, Р, б.

№ 605. УкС: А, а, α, III, 10, Ф, $в^{5}$.

№ 606. УкС: А, а, α, III, 2, W, $в^{1}$.

№ 607. УкС: Б, а, α, X, 34а.]

(№ 608.) УкС: Б, а, α, III, 5б, $Н^{2}$, а.

[№ 609. УкС: Б, а, α, III, 16, 8, а.

№ 610. УкС: А, а, α, III, 10, Ц, а.

№ 611. УкС: Б, а, α, X, 29.

№ 612. УкС: Б, а, α, III, 5б, V, а.

№ 613. УкС: А, а, α, III, 4, —$А^{2}$, а.

№ 614. УкС: Б, а, α, X, 27.

№ 615. УкС: Б, а, α, X, 34.]

(№ 616.) УкС: А, а, α, I, 2, Н.

[№ 617. УкС: А, а, β, V, 11, А.

№ 618. УкС: Б, а, α, X, 34а.

№ 619. УкС: А, а, α, III, 8, $А^{5}$, б.

№ 620. УкС: А, а, α, III, 5, —$Б^{2}$, а.

№ 621. УкС: А, а, α, III, 8, $А^{II}$, б.

№ 622. УкС: Б, б, β, XV, 40.

№ 623. УкС: Б, а, α, III, 2, Z^{3}, б.]

(№ 624.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.

(№ 625.) УкС: А, а, β, V, 11, А.

[№ 626. УкС: Б, а, α, III, 16, 8, в^{1}.

№ 627. УкС: А, а, α, III, 5б, —Л, в^{1}.

№ 628. УкС: Б, а, β, XIII.

№ 629. УкС: Б, а, α, III, 2, Z^{1}, в^{2}.]

(№ 630.) УкС: А, а, α, III, 8, А^{5}, б.

1. Жена Чжан Сы-си — лиса-оборотень, фигурировавшая в № 629.

[№ 631. УкС: А, а, α, I, 5, —А^{2}.

№ 632. УкС: А, а, β, V, 4, —А^{2}.]

(№ 633.) УкС: Б, а, α, III, 12, 2, а.

1. Чжу и Лу — имеются в виду Чжу Си и известный философ Лу Цзю-юань (1140—1192), для которого весь объективный мир сводился к субъективному его восприятию человеком.

[№ 634. УкС: Б, б, β, XVII, 52.]

(№ 635.) УкС: А, а, α, III, 2, А, а.

[№ 636. УкС: Б, б, β, XVIII, 57.

№ 637. УкС: Б, а, α, III, 12, 1, б.

№ 638. УкС: Б, б, β, XV, 40.

№ 639. УкС: Б, б, β, XV, 40.]

(№ 640.) УкС: Б, б, β, XX.

1. ...занимался сверкой книг — речь идет о книгах, включенных в «Полный свод четырех сокровищниц литературы», см. прим. 1 к № 559.

2. Бишу шаньчжуан — букв. «Поместье на горе для укрытия от жары» — походный дворец (построенный в 1704 г. по приказу императора, правившего под девизом Кан-си) на территории провинции Жэхэ.

3. Вэньцзиньгэ — дворцовая библиотека в Бишу шаньчжуан, в которой хранился четвертый экземпляр «Полного свода четырех сокровищниц литературы».

[№ 641. УкС: Б, а, α, III, 12, 2, а.

№ 642. УкС: А, а, β, V, 11, А^{II}.

№ 643. УкС: А, а, α, III, 10, А, в^{2}.

№ 644. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W^{1}, в^{1}.

№ 645. УкС: А, а, α, III, 10, Ц, в^2.

№ 646. УкС: А, а, α, IV, 4, —V, в^1.

№ 647. УкС: Б, а, α, III, 5б, V, а.

№ 648. УкС: Б, а, α, II, 14.

№ 649. УкС: А, а, α, III, 10, Ц, а.

№ 650. УкС: А, а, α, I, 4, —В, 1.

№ 651. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 652. УкС: Б, б, α, X, 31.

№ 653. УкС: Б, а, α, III, 16, 11, б.]

(№ 654.) УкС: Б, а, α, X, 34а.

[№ 655. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 17.

№ 656. УкС: А, а, α, III, 7а, К^1, а.

№ 657. УкС: А, а, α, III, 5б, —А^2, в^1.

№ 658. УкС: А, а, α, I, 4, —А^2, 2.]

(№ 659.) УкС: А, а, β, V, 11, А^1.

1. Сунь Фу — ученый-неоконфуцианец (992—1057), автор «Исследования о благородных владыках периода Чуньцю» *(Чуньцю цзунь ван фа вэй)*.

2. Ху Чжи-тан — прозвание известного литератора и ученого Ху Иня (1098—1156), ему принадлежит монументальная работа «Скромный взгляд на историю» *(Ду ши гуань цзянь)*, в которой более ста тысяч слов.

[№ 660. УкС: Б, а, α, III, 12, 2, в^1.

№ 661. УкС: А, а, α, III, 10, А, в^2.

№ 662. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 19.

№ 663. УкС: Б, б, β, XVIII, 57.

№ 664. УкС: Б, б, β, XVII, 54.]

(№ 665.) УкС: Б, б, в, XV, 38.

1. Ай Жулю — китайское звучание имени итальянского миссионера Джулио Алени (1582—1649), который, находясь в Китае, составил около 25 работ на китайском языке; среди них: «Жизнь Христа», «Катехизис»,

«Разговоры о христианской религии», «О происхождении вещей», «Краткое рассуждение о природе человеческой» и др.

2. Стела танского времени — речь идет о воздвигнутой в 781 г. несторианской стеле, найденной в 1625 г. близ г. Сианьфу (провинции Шаньси). Надпись на этой стеле посвящена истории распространения несторианства в Китае, изложению христианской доктрины и истории несторианской общины в Китае с 635 по 781 г. (подробно об этой стеле см.: J. Legge, The Nestorian Monument of Hsi-an Fu, London, 1888; K. Latourette, History of Christian Mission in China, New York, 1929, стр. 51—60).

3. А Лобэнь — китайское звучание имени духовного лица, который познакомил Китай с несторианством (см.: Ed. Chavannes, Documents sur les Tou-kieu (Turks) Occidentaux, St. Pétersbourg, 1903, стр. 245, 301; Aziz S. Atiya, A History of Eastern Christianity, London, 1968, стр. 261—263).

4. «Собрание речений из Сиди» *(Сиди цун юй)* — сочинение сунского ученого Яо Куаня (?—1161), в котором речь в основном идет о составе различных древних книг.

5. Муху — маг (см.: Ed. Chavannes, Documents, стр. 301; P. Pelliot, Les traditions manichéenes au Tou-kieu,— «T'oung-pao», 1923, vol. XXII, № 3, стр. 205).

6. «Сокровища книжных палат» *(Цэфу юань гуй)* — огромная энциклопедия, составленная в 1013 г.

7. Тухэло — китайская транскрипция Тохаристана.

8. Мучжэ — учитель.

9. ...о нашей религии — Цзи Юнь дает текст с большими пропусками. Полный текст см.: Ed. Chavannes et P. Pelliot, Un traité manichéen retrouvé en Chine,— «Journal Asiatique», t. I, 1913, стр. 152—153.

10. Дуань Чэн-ши (?—863) — поэт и писатель периода Тан, составитель сборника «Юянские заметки о всякой всячине», в котором в форме коротких заметок сообщаются сведения о различных храмах, связанных с ними странных событиях, о необычайных происшествиях, различных растениях, птицах и т. п.

11. Сяои — установить местонахождение этой страны не удалось. Полный текст записи (см.: Дуань Чэн-ши, *Юян цзацзу*, цз. 4, стр. 36,— «Цуншу цзичэн», Шанхай, 1937) не дает дополнительных подробностей, которые могли бы способствовать локализации этой местности. Отождествление Сяои с Сиутом в Египте, сделанное китайским историком Чжан Си-ланом, оспаривается (см.: В. Вельгус, О средневековых китайских известиях об Африке и некоторых вопросах их изучения,— «Africana. Культура и языки народов Азии», М.—Л., 1966, стр. 89).

12. Дэцзяньго — название этой страны не встречается ни в одном из доступных справочников. В указанном издании «Юянских заметок» не удалось найти то место, на которое ссылается Цзи Юнь.

13. Сянь — китайская транскрипция божества Огня у древних пер-

сов (подробнее о термине *сянь* см.: A. E. Dien, A Note on «hsien» Zoroastrism,— «Oriens», 1957, vol. 10, № 2, стр. 284—288).

14. Ду Юй (222—284) — ученый и политический деятель, служивший династии Вэй, знаток и комментатор *Цзо чжуани*.

15. Гу Е-ван (519—581) — ученый, составивший «Яшмовую книгу» *(Юй пянь)*, словарь, основанный на *Шо вэнь* — словаре к конфуцианским классикам, который был составлен в 100 г. н. э. Сю Шэнем.

16. Сюй Сюань (916—991) — известный ученый, составивший исправленное издание словаря *Шо вэнь*.

17. Сун Минь-цю (1019—1079) — писатель и ученый, библиофил, автор «Описания Чанъани» *(Чанъань чжи)*, «Записок о Восточной столице» *(Дунцзин цзи)* и др.

18. Кан — китайское обозначение столицы древнего Согда — Самарканда.

19. Ши Лэ — военачальник из племени цзе, завоевавший ряд областей в нижнем течении р. Хуанхэ; овладев в 319 г. Сянго (в нынешней провинции Хубэй), он принял титул князя Чжао, а в 330 г. объявил себя императором. Созданное им царство получило в истории название Позднее Чжао (319—350). Ши Лэ правил с 319 по 333 г.

20. Юэ Кэ (1173—1240) — историк сунского времени, автор «Исторических записей» *(Чэн ши-цзи)*.

21. Приморские ляо Паньюя — народность, жившая на территории Гуанчжоу. Ф. Хирт, ссылаясь на отрывок из «Сокровищ книжных палат», предполагает, что это племя происходило из страны Дацинь или Фулинь (Восточная Римская империя) и исповедовало зороастризм (см.: Fr. Hirth, China and the Roman Orient, Leipzig and Munich, 1885, стр. 22, прим. 1).

22. Ли Матоу — китайское звучание имени итальянского миссионера Матео Риччи (1552—1610), прибывшего в Китай в 1588 г.

23. Ван Ян-мин (1472—1529) — крупный ученый и философ, считавший, что в основе объективного мира лежит индивидуальное сознание человека, которое и подлежит изучению.

24. Учение о подтверждающих доказательствах — см. прим. 9 к № 220.

[№ 666. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, б.

№ 667. УкС: А, а, β, V, 11, —В.

№ 668. УкС: А, а, α, III, 7а, А, в[1].

№ 669. УкС: Б, а, α, III, 5б, V, а.

№ 670. УкС: Б, а, α, X, 29.

№ 671. УкС: Б, а, α, X, 29.

№ 672. УкС: А, а, α, I, 1, В.

№ 673. УкС: Б, б, α, IV.

№ 674. УкС: А, а, α, I, 7, Т.

№ 675. УкС: Б, а, α, III, 16, 9, $г^5$.

№ 676. УкС: Б, а, α, III, 9, S, б.

№ 677. УкС: Б, б, β, XVI, 48.

№ 678. УкС: Б, а, α, X, 31.

№ 679. УкС: Б, а, α, IX, 24.]

(№ 680.) УкС: Б, а, α, X, 31.

1. Походка Юя — см. прим. 2 к № 9.

2. Ли Шао-цзюнь — маг, живший в период Хань. Когда умерла Ли Фужэнь, «красавица, крушившая царства», любимая наложница ханьского императора У-ди, Ли Шао-цзюнь, желая утешить горевавшего императора, предложил ему вызвать ее дух, и, как говорит традиция, У-ди увидел тень Ли Фужэнь за занавесом.

[№ 681. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^1$.]

(№ 682.) УкС: Б, а, α, IX, 23, L^3.

1. Сисы пайлоу — арка в западной части Внутреннего города (сейчас район Сисы) в Пекине.

[№ 683. УкС: Б, а, α, III, 16, 8, а.

№ 684. УкС: А, а, β, V, 4, —$А^2$.]

(№ 685.) УкС: Б, а, α, IX, 23, L^3.

[№ 686. УкС: А, а, α, III, 10, Ф, а.

№ 687. УкС: А, а, α, III, 8а, А, $в^1$.

№ 688. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, а.]

(№ 689.) УкС: А, а, α, II, 1, А.

[№ 690. УкС: Б, а, α, IX, 23, $В^3$.

№ 691. УкС: Б, б, β, XV, 40.

№ 692. УкС: Б, а, α, X, 27.

№ 693. УкС: Б, а, α, III, 9, S, $в^2$.

№ 694. УкС: Б, а, α, III, 12, 1, а.

№ 695. УкС: А, а, β, V, 11, —В.

№ 696. УкС: А, а, β, V, 11, $В^1$.

№ 697. УкС: А, б, β, VIII.

№ 698. УкС: Б, б, α, I.

№ 699. УкС: А, а, α, III, 10, П, а.

№ 700. УкС: А, а, α, I, 4, —$А^3$, 1.]

(№ 701.) УкС: Б, а, α, IV, 20.

1. Дочь моя... уродлива — обычное уничижительное выражение, приложимое в устах родителей и к дочери-красавице.

2. «Записки о чудесах» — сборник рассказов о необычайном, приписываемый новеллисту Ню Сэн-жу (778—847).

(№ 702.) УкС: Б, а, α, IX, 22.

[№ 703. УкС: А, а, α, III, 10, Ц, $в^1$.

№ 704. УкС: А, а, α, I, 4, —$В^1$, 2.

№ 705. УкС: А, а, α, III, 7а, $А^2$, а.

№ 706. УкС: А, а, α, III, 5б, —К, $в^1$.

№ 707. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, $в^2$.

№ 708. УкС: Б, б, α, III.]

(№ 709.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^1$.

[№ 710. УкС: Б, б, β, XVI, 45.

№ 711. УкС: Б, а, α, III, 16, 9, $в^1$.

№ 712. УкС: Б, б, β, XVI, 41.

№ 713. УкС: А, а, α, III, 6, —W, $г^2$.

№ 714. УкС: А, а, α, III, 8, $А^5$, б.

№ 715. УкС: Б, а, α, III, 16, 11, б.

№ 716. УкС: А, а, α, III, 2, А, а.

№ 717. УкС: А, а, α, I, 4, —$А^2$, 2.]

(№ 718.) УкС: Б, а, α, III, 4а, V, б.

1. Л о х а н ь ф э н — букв. «Пик буддийского святого».

[№ 719. УкС: А, а, α, III, 10, Ф, а.

№ 720. УкС: А, а, α, III, 4, —$А^2$, $в^2$.

№ 721. УкС: А, а, α, III, 5а, —$А^5$, б.

№ 722. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, б.

№ 723. УкС: Б, а, α, X, 33.

№ 724. УкС: А, а, α, III, 8, $А^6$, б.

№ 725. УкС: А, а, β, V, 6, —$А^5$.

№ 726. УкС: Б, б, α, III.

№ 727. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 728. УкС: Б, а, α, X, 27.]

(№ 729.) УкС: А, а, α, III, 2, Б, а.

1. «К н и г а п е р е м е н» *(Ицзин)* — первая из пяти основных книг конфуцианского канона. Ее первоначальный текст, приписываемый разным авторам, относят к IX—VII вв. до н. э. В нем содержится 8 триграмм (комбинации из целых и прерывистых линий) и 64 гексаграммы (комбинации из двух триграмм); интерпретация гексаграмм, отношений триграмм и отдельных входящих в них черт составляет основной текст «Книги перемен», на которой базируются древнекитайская натурфилософия и древний календарь.

(№ 730.) УкС: А, а, α, III, 4, —$А^2$, $в^2$.

[№ 731. УкС: А, а, α, III, 2, W, б.

№ 732. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.

№ 733. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.

№ 734. УкС: А, а, α, III, 4, —Е, г.

№ 735. УкС: А, а, α, I, 5, —И.

№ 736. УкС: А, а, α, I, 4, —$Д^1$, 2.

№ 737. УкС: А, а, α, III, 4, —$А^2$, $в^2$.]

(№ 738.) УкС: А, а, α, III, 4, —Л, а.

[№ 739. УкС: Б, а, β, XIV, 36.

№ 740. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

№ 741. УкС: Б, а, α, III, 5б, V, а.]

(№ 742.) УкС: А, а, α, III, 8, $А^{5}$, б.

1. Чжушикоу — улица в Пекине, во Внешнем городе; на западе переходит в улицу Силюшуцзин, на востоке — в улицу Саньлихэ.

2. Сянчан — парк в Пекине, во Внешнем городе; позже на его территории появился оживленный рынок; сейчас в Пекине есть улица Сянчанлу (севернее улицы Юньаньлу).

[№ 743. УкС: Б, а, β, XIV, 36.

№ 744. УкС: Б, а, β, XIII.

№ 745. УкС: Б, б, β, XV, 38.

№ 746. УкС: А, а, α, III, 7а, А, $в^{1}$.]

(№ 747.) УкС: Б, а, α, III, 16, 9, $в^{1}$.

1. Гаомяо — вероятно, имеется в виду храм на южном берегу озера Сихай, недалеко от ворот Дэмэншэнь в Пекине. Первоначально он назывался Гуаньди гаомяо, с начала же XX в. превратился в буддийский храм. При жизни Цзи Юня храм пришел в запустение, так как в нем, по слухам, водились бесы.

2. зал... в честь бога Вэньчан [ди-цзюня] — зал в Гаомяо в честь даосского бога, покровителя литературы (Гуань-ди тоже считался покровителем литературы).

3. Западные горы (Сишань) — расположены западнее Пекина, недалеко от города. Славятся своими пейзажами и историческими памятниками. Таньчжэсы — храм в Западных горах, один из ранних монастырей Пекина, основанный в III в. при династии Цзинь (тогда назывался Цзяфусы), неоднократно перестраивался; в горах растет одно (сохранившееся и в наши дни) дерево — кудрания *(чжэ)*, а за храмом находится пруд Лунтань — отсюда и название храма — Таньчжэсы.

(№ 748.) УкС: А, а, α, III, 8а, Б, а.

[№ 749. УкС: А, а, β, V, 5а, —А.

№ 750. УкС: А, а, α, III, 4, $—А^{3}$, $в^{2}$.

№ 751. УкС: ч. 1: А, а, α, I, 4, $—А^{2}$, 2;
ч. 2: А, а, α, I, 4, —Ж, 2.

№ 752. УкС: А, а, α, I, 4, $—А^{4}$, 2.]

(№ 753.) УкС: А, а, α, III, 8, $А^{4}$, б.

1. ...з а п е ч а т а л а с в и т о к — китайские картины пишутся на шелку, наклеиваемом на бумагу и обертываемом вокруг деревянной палочки.

[№ 754. УкС: Б, а, α, III, 16, 10, а.

№ 755. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

№ 756. УкС: Б, а, β, XI.

№ 757. УкС: А, а, β, V, 4, —В.

№ 758. УкС: Б, а, α, III, 16, 9, г.

№ 759. УкС: А, а, β, V, 11, — $А^4$.]

(№ 760.) УкС: А, а, α, III, 8, $Д^1$, б.

1. Д о у Д у н - г а о — прозвание Доу Гуан-ная (1720—1795), поэта и ученого.

[№ 761. УкС: Б, б, β, XVI, 47.

№ 762. УкС: Б, б, β, XVI, 47.]

(№ 763.) УкС: Б, а, α, X, 34.

[№ 764. УкС: Б, а, α, III, 9, S, б.]

(№ 765.) УкС: Б, б, β, XV, 37.

[№ 766. УкС: А, а, α, I, 2, Н.

№ 767. УкС: Б, а, α, X, 28.

№ 768. УкС: Б, б, β, XVII, 52.

№ 769. УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

№ 770. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 771. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 17.]

(№ 772) УкС: А, б, β, VII.

1. «Д о п о л н е н и я к г о с у д а р с т в е н н о й и с т о р и и» *(Го ши бу)* — работа историка танского времени Ли Чжао, жившего в IX в.

2. А к т е р с к о е у п р а в л е н и е — учреждение, основанное при династии Тан для певичек и музыкантш, которые участвовали в публичных церемониях, а также могли приглашаться на частные пиры; упразднено было в 20-х годах XVIII в. при императоре Юн-чжэне.

3. Ю а н ь Ц з и (210—263) — поэт и философ, входивший в группу «Семь мудрецов бамбуковой рощи».

4. Д у х Ж о а о г о л о д а л.— Владетель княжества Чу (династия

Чжоу) Жоао умер бездетным, и поэтому после его смерти никто не приносил ему жертв.

Тревога Цзи Юня вызвана тем, что в Китае, ранее не знавшем сифилиса, начиная с XVI в. было много случаев заражения им от обитательниц низкопробных публичных домов (см.: R. H. van Gulik, Sexual Life in Ancient China, стр. 311—312).

[№ 773. УкС: А, а, α, I, 4, —V^1, 1.

№ 774. УкС: Б, а, α, III, 17, Ю, б.

№ 775. УкС: Б, а, α, III, 16, 8, $в^2$.

№ 776. УкС: Б, а, α, III, 17, Ю, б.

№ 777. УкС: А, а, α, III, 5б, —3^1, $в^1$.

№ 778. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 779. УкС: Б, а, α, X, 27.

№ 780. УкС: Б, б, β, XVI, 47.

№ 781. УкС: А, а, α, I, 4, —V^1, 2.

№ 782. УкС: Б, а, α, III, 12, 1, а.]

(№ 783.) УкС: А, а, α, III, 4, —$Б^1$, $в^2$.

1. Лу Вэнь-гун — луский князь Си-гун (*Чуньцю*, раздел *Си-гун*, 14-й год).

[№ 784. УкС: Б, б, β, XVIII, 58.

№ 785. УкС: Б, а, α, III, 16, 11, б.]

(№ 786.) УкС: Б, б, α, III.

1. Чжу Вэнь-гун — Чжу Си.
2. Юань Чжань — см. прим. 1 к № 14.
3. Ян Дао-фу — ученик Чжу Си, ученый XII в.
4. Бао Ян — ученый XII в., оставивший записи речений Чжу Си.
5. Нань Сюань — прозвание ученого Чжан Ши (1133—1181), автора ряда трактатов и комментатора конфуцианских классиков.
6. Треножники Юя — девять треножников с изображением карт девяти областей древнего Китая, отлитых из золота, как гласит традиция, мифическим государем Юем и завещанных им своим наследникам как символ верховной власти.
7. У Би-да — известный неоконфуцианский ученый, уже в зрелые годы ставший учеником Чжу Си.

8. Се Ши-лун — второе имя Се Цзи-сюаня (1125—1173), ученика Чэн И.

9. Чжэн Цзин-ван — второе имя Чжэн Бо-сюна (XII в.), известного литератора, славившегося своей начитанностью в классиках.

10. Бо Ю — прозвание вельможи Лян Сяо, убитого жителями княжества Чжэн (*Чуньцю*, раздел *Сян-гун*, год 30-й).

11. Бесприютный дух — души людей, не имеющих потомства, не получая жертвоприношений, становятся злыми духами, вредящими людям, вызывающими болезни; таким духам приносятся жертвы в особых кумирнях.

12. Ин-чуань — прозвание известного ученого и философа Чэн И (1033—1107).

13. Шэн Сянь — ученый XII в., ученик Чжу Си.

14. Вань Жэнь-цзе — ученый XII в., ученик Лу Цзю-юаня.

15. Е Хэ-сунь — второе имя Е Вэй-дао, ученого XII в., ученика Чжу Си.

16. Ли Бин — сановник времен Чжаньго (403—221 гг. до н. э.), который приказал прорыть канал, ведущий к р. Янцзы, и этим облегчил жизнь населения.

17. Хой-цзун — император, правивший с 1101 по 1125 г.

18. Цзы-тун (ди-цзюнь) — бог, покровитель литературы, иначе называемый Вэньчан ди-цзюнь.

19. Хань-цин — второе имя Фу Гуана (XII в.), ученика Чжу Си, оставившего ряд трактатов по истории и комментарии к книгам конфуцианского канона.

20. Ли Тун — военный деятель II в. н. э.

21. Хуан И-ган (1152—1221) — ученик Чжу Си, комментатор ряда книг конфуцианского канона.

22. Цзы Гу-шэнь — женщина, покончившая с собой из-за жестокого обращения с ней первой жены и превратившаяся в духа.

23. Ли Цзин-дэ — ученый XIII в., составивший огромный сборник «Категории речений [Чжу Си]» *(Юй лэй)*, в которые вошли записи учеников Чжу Си.

[№ 787. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

№ 788. УкС: Б, б, β, XVIII, 59.

№ 789. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.]

(№ 790.) УкС: А, а, α, III, 5б, —$А^2$, а.

[№ 791. УкС: А, а, β, V, 3, Д.

№ 792. УкС: Б, а, α, III, 5б, V, г, ^{5}.

№ 793. УкС: А, а, α, III, 10, Ц, $в^2$.

№ 794. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.

№ 795. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.

№ 796. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.

№ 797. УкС: Б, б, α, III, 17, Ю, б.

№ 798. УкС: А, а, α, II, 6, —A^1.

№ 799. УкС: Б, б, β, XV, 38.]

(№ 800.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, б.

[№ 801. УкС: А, а, α, III, 5б, —3^1, а.

№ 802. УкС: Б, б, β, XVIII, 59.

№ 803. УкС: Б, а, α, III, 9, R, б.

№ 804. УкС: Б, б, β, XIX.

№ 805. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, $в^2$.

№ 806. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, а.

№ 807. УкС: Б, а, α, III, 2, Z^2, $в^1$.

№ 808. УкС: А, а, α, III, 10, А, а.

№ 809. УкС: Б, б, β, XVI, 41.

№ 810. УкС: А, а, α, III, 10, А, а.

№ 811. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, а.

№ 812. УкС: А, а, α, I, 2, А.

№ 813. УкС: А, а, α, III, 8б, —A^2.

№ 814. УкС: А, а, α, III, 5б, —A^2, $в^1$.]

(№ 815.) УкС: Б, а, α, III, 4а, Z, $в^2$.

[№ 816. УкС: А, а, α, III, 8, А, $в^2$.

№ 817. УкС: Б, а, α, X ,32.]

(№ 818.) УкС: А, а, α, III, 7а, $К^1$, б.

[№ 819. УкС: А, а, α, III, 5б, —A^2, а.

№ 820. УкС: А, а, α, III, 10, А, а.

№ 821. УкС: Б, а, α, X, 27.

№ 822. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, г^5.]

(№ 823.) УкС: Б, а, α, X, 34.

[№ 824. УкС: А, а, α, III, 2, W, в^1.]

(№ 825.) УкС: А, а, α, III, 8, А, в^2.

1. Государыня Си — жена императора У-ди династии Лян, правившего с 502 по 559 г.

2. Фэн Шао — в «Записках о необычайном» *(Шу и-цзи)* Жэнь Фана (VI в.) есть рассказ о Фэн Шао — правителе области Сюаньчэн, не заботившемся о своем народе и превратившемся в свирепого тигра, который начал пожирать население области.

3. Шесть путей превращений — буддийский термин, обозначающий шесть перерождений: в небожителя, праведника, демона, голодного духа, животное и обитателя царства, где пребывают души умерших грешников.

[№ 826. УкС: А, а, α, II, 6, —Г.

№ 827. УкС: А, а, α, III, 8, А^2, б.

№ 828. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, г^5.

№ 829. УкС: Б, а, α, IX, 22.

№ 830. УкС: Б, а, α, IX, 23, В^3.

№ 831. УкС: Б, а, α, X, 34а.

№ 832. УкС: А, а, α, III, 4, —А^2, в^1.

№ 833. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, в^2.]

(№ 834.) УкС: ч. 1 и 2: А, а, α, II, 4, —В.

1. Шесть классических книг — книги конфуцианского канона: «Книга песен», «Книга исторических деяний», «Книга о правилах поведения», «Книга перемен», *Чуньцю* и утраченный «Канон о музыке» *(Юэцзин)*.

[№ 835. УкС: А, а, β, V, 11, А^2.]

СБОРНИК ЧЕТВЕРТЫЙ

НЕ ПРИНИМАЙТЕ ВСЕРЬЕЗ

Предисловие

1. Ван Чжун-жэнь — философ древности Ван Чун (27—97), автор знаменитого полемического трактата *Лунь хэн*.

2. Ин Чжун-юань — ученый и писатель II в. н. э. Ин Шао.

3. Тао Юань-мин — этому великому поэту приписывалось авторство «Продолжения Записок о поисках духов» — сборника рассказов о необычайном, написанных в подражание сборнику «Записки о поисках духов» Гань Бао.

4. Лю Цзин-шу (?—468) — автор сборника рассказов о необычайном «Сад необычного» *(И юань)*.

5. Лю И-цин (403—444) — известный писатель раннего средневековья, автор сборника «Новые повествования нашего века».

6. Чжуан цзы — один из крупнейших представителей даосской философии, живший в IV в. до н. э. автор книги *Чжуан цзы*, в которой содержится много притч и аллегорий, развивающих на образном материале основные положения его философии (сохранение природы человека в целости и чистоте, взгляд на *Дао* и *Дэ* как на «следование природе», критика взглядов конфуцианцев и последователей Мо Цзы и т. д.). В главе «Рассуждение о равенстве вещей» в книге *Чжуан цзы* имеется выражение: «Я вам скажу наобум, а вы не принимайте всерьез».

(№ 836.) УкС: А, б, β, VIII.

1. Князь возьмет метелку... — намек на случай из жизни Мэн цзы, упоминающийся в «Исторических записках» Сыма Цяня: когда Мэн цзы прибыл в древнее княжество Чжао, правитель Пинъюаня — Юань-цзюнь принял его как почетного гостя и в знак уважения выбил метелкой циновку, на которую усадил философа (*цз.* 74,— «Сыбу бэйяо», т. 50, стр. 821).

2. Тянь Цзы-фан — ученый периода Чжаньго, жил в княжестве Вэй, был наставником князя Вэнь-хоу и славился своей мудростью и человеколюбием.

[№ 837. УкС: Б, а, α, III, 16, 8, в^2.

№ 838. УкС: Б, а, α, IX, 23, В^3.

№ 839. УкС: Б, а, α, X, 30.

№ 840. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 15.

№ 841. УкС: Б, а, α, X, 34.]

(№ 842.) УкС: А, а, β, V. 11, —Б^1.

1. ...не могли избегать друг друга — как это было положено древними обычаями в отношениях между юношей и девушкой.

[№ 843. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, б.

№ 844. УкС: Б, а, α, III, 12, I, а.

№ 845. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, г^5.

№ 846. УкС: А, а, α, III, 4, —$А^2$, $в^2$.

№ 847. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

№ 848. УкС: Б, б, β, XVI, 49.]

(№ 849.) УкС: Б, б, β, XIX.

1. Минь Шао-и — второе имя Минь Э-юаня (1720—1797), военного и государственного деятеля, долгое время управлявшего провинцией Цзянсу и прославившегося своей мудростью и справедливостью.

[№ 850. УкС: Б, б, β, XIX.

№ 851. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 14.

№ 852. УкС: А, а, α, III, 10, А, $в^2$.]

(№ 853) УкС: Б, а, α, III, 12, 2, а.

1. Ли Вэнь-чжэнь — посмертное имя Ли Гуан-ди (1642—1718), крупного ученого, филолога, знатока конфуцианских классиков и произведений сунских философов.

[№ 854. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 855. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 856. УкС: А, а, α, I, 4, —$А^2$, 2.

№ 857. УкС: А, а, α, III, 10, П, $в^5$.

№ 858. УкС: Б, б, β, XVII, 56.

№ 859. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 14.]

(№ 860.) УкС: Б, а, α, III, 16, 8, $в^1$.

1. Чэнь Цзюй-шань — второе имя Чэнь Чжао-луня (1701—1771) — каллиграфа и ученого, участвовавшего в подготовке ряда крупных компилятивных изданий.

[№ 861. УкС: Б, а, α, X, 27.]

(№ 862.) УкС: А, а, α, III, 5а, —$А^4$, б.

[№ 863. УкС: А, а, α, II, I, $В^1$.

№ 864. УкС: А, а, I, 4, —$А^2$, 2.]

(№ 865.) УкС: Б, б, α, III.

1. ...б у м а ж н у ю у т в а р ь и д е н ь г и.— Во время похоронного обряда на могиле сжигали вырезанные из бумаги утварь, деньги и человеческие фигурки, чтобы они сопровождали покойника в его загробной жизни.

[№ 866. УкС: А, а, α, III, 5а, —$К^2$, $в^2$.

№ 867. УкС: Б, а, α, III, 12, 1, г.]

(№ 868.) УкС: Б, а, α, III, 16, 9, $в^1$.

1. ...к т о, с п р я т а в ш и с ь... с т а н о в и т с я б е д о й, г р о з я щ е й и з н у т р и — выражение, близкое к русскому: «Пригреть змею на груди».

[№ 869. УкС: А, а, α, III, 8б, —В.

№ 870. УкС: Б, а, α, IX, 24.

№ 871. УкС: А, а, α, I, 2, Н; А, а, α, I, 4, —V^1, 1]

(№ 872.) УкС: А, б, β, VII.

1. Ц з э н ц з ы — ученик Конфуция (V в. до н. э.) — один из крупных представителей древнего конфуцианства, которому приписывается авторство ряда книг конфуцианского канона, в частности «Книги о сыновней почтительности» и «Великого учения».

[№ 873. УкС: А, а, α, II, 4, —Д.

№ 874. УкС: А, б, β, VII.

№ 875. УкС: А, а, α, I, 1, $А^2$.]

(№ 876.) УкС: Б, а, β, XI.

1. Л и Б о.— Цитируя по памяти стихи великого поэта Ли Бо (701—762), Цзи Юнь исказил первые два слова в его стихотворении «Встретились» («Полное собрание танских стихов», т. 3, стр 1707).

2. «Х р а б р е ц ы и з з е л е н о г о л е с а» — устойчивое выражение означающее «разбойники».

3. Г э Ц з е - ч ж о у — прозвание земляка Цзи Юня, ученого и поэта Гэ Тао (1728—1788).

4. «В е е р с п е р с и к о в ы м и ц в е т а м и» *(Таохуа шань)* — пьеса драматурга Кун Шан-жэня (1648—1718) о злоключениях двух влюбленных в период маньчжурского нашествия.

[№ 877. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, $в^1$.

№ 878. УкС: Б, а, α, III, 2, Z^2, $в^1$.

№ 879. УкС: Б, а, α, X, 34.]

(№ 880.) УкС: Б, а, α, X, 29.

1. «Категории существ» *(Бэй я)* — книга, составленная сунским ученым Лу Тянем, в которой дается описание различных рыб, животных, птиц, насекомых, растений и т. п.

[№ 881. УкС: Б, а, α, X, 33.]

(№ 882.) УкС: А, а, α, III, 4, —$А^3$, $в^1$.

[№ 883. УкС: Б, а, α, III, 16, 11, $в^1$.

№ 884. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 885. УкС: Б, а, α, IX, 24.

№ 886. УкС: А, а, α, I, 2, V.

№ 887. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, $в^5$.

№ 888. УкС: Б, а, α, III, 9, Р, б.

№ 889. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 890. УкС: А, а, β, V, 11, —$Ж^1$.

№ 891. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 17.]

(№ 892.) УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

(№ 893.) УкС: А, а, β, V, 5а, —В.

1. Гадательные жребии.— При гадании с помощью гадательных жребиев в руку брали сосуд с палочками, носящими номера «серий». Сосуд встряхивали и вынимали палочку-жребий. Монах по специальной книге читал, что определено духом по выпавшему жребию.

[№ 894. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 895. УкС: Б, б, α, X, 27.]

(№ 896.) УкС: А, а, α, IV, 4, —V, ж.

[№ 897. УкС: А, а, β, V, 11, $А^1$.

№ 898. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^1$.

№ 899. УкС: А, а, α, III, 2, Н, $в^1$.]

(№ 900.) УкС: А, а, α, III, 4, X, а.

1. ...добежал до южной части Пекина — т. е. до Внешнего города.

[№ 901. УкС: А, а, α, III, 5а, —$З^2$, $в^1$.

№ 902. УкС: А, а, α, III, 5б, —$А^2$, $в^2$.

№ 903. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 904. УкС: Б, б, β, XVII, 52.

№ 905. УкС: А, а, α, III, 2, Б, $в^1$.

№ 906. УкС: А, а, β, V, 11, П.

№ 907. УкС: А, а, α, III, 5б, —$А^2$, а.]

(№ 908.) УкС: А, а, α, III, 5а, —Д, $г^4$.

[№ 909. УкС: А, а, α, III, 5, —V, а.

№ 910. УкС: Б, а, α, IX, 24.

№ 911. УкС: А, а, α, III, 8, $А^1$, $в^2$.

№ 912. УкС: Б, а, α, III, 2, Z, $в^2$.

№ 913. УкС: А, а, α, III, 8, $А^2$, $в^2$.

№ 914. УкС: Б, а, α, X, 34а.

№ 915. УкС: Б, а, α, III, 16, 11, а.

№ 916. УкС: А, а, α, I, 4, —Ж, 2.

№ 917. УкС: А, а, α, I, 4, —Ж, 1.

№ 918. УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

№ 919. УкС: Б, б, α, IX, 25.

№ 920. УкС: А, а, α, III, 4, —В, а.]

(№ 921.) УкС: А, а, β, V, 5б, —$А^2$.

1. Праздник фонарей — см. прим. 1 к № 54.

(№ 922.) УкС: А, а, α, III, 5б, —$А^2$, а.

[№ 923. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.

№ 924. УкС: Б, а, α, II, 14.

№ 925. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^1$.

№ 926. УкС: А, а, α, III, 2, W, $в^1$.

№ 927. УкС: А, а, α, III, 5, —$А^2$, $в^1$.

№ 928. УкС: Б, а, α, III, 9, Р, б.]

(№ 929.) УкС: Б, а, α, X, 34.

1. Чжу Цзы-ин — второе имя поэта и художника Чжу Сяо-чуня (1735—1801), высоко ценимого Цзи Юнем.

[№ 930. УкС: Б, а, α, IX, 21.]

(№ 931.) УкС: В.

[№ 932. УкС: —А, а, α, III, 4, —$А^1$, $в^1$.

№ 933. УкС: Б, а, α, X, 32.]

(№ 934.) УкС: ч. 1: А, а, α, III, 5б, $К^1$, а;
ч. 2: —А, а, α, III, 4, —$А^2$, $в^2$.

1. Праздник Середины осени — отмечался пятнадцатого числа восьмой луны и широко праздновался в народе.

[№ 935. УкС: А, а, α, I, 2, А.

№ 936. УкС: А, а, α, I, 4, —$А^1$, 2.

№ 937. УкС: Б, а, α, III, 12, 1, а.

№ 938. УкС: Б, а, α, III, 12, 2, $в^1$.

№ 939. УкС: Б, а, α, II, 13.

№ 940. УкС: А, а, β, V, 11, $А^2$.

№ 941. УкС: Б, б, β, XVII, 52.

№ 942. УкС: Б, а, α, III, 2, Z^1, $в^2$.]

(№ 943.) УкС: А, а, β, V, 11, —$А^3$.

1. А-цзяо — имя, ставшее нарицательным для наложницы. А-цзяо была наложницей ханьского императора У-ди. Утратив милость императора, она попросила знаменитого поэта Сыма Сян-жу написать для нее оду, в которой бы говорилось о ее тоске и отчаянии. Традиция передает, что, прочитав оду Сыма Сян-жу «Длинные ворота», У-ди вернул А-цзяо свою любовь.

(№ 944.) УкС: Б, а, β, XI.

(№ 945.) УкС: А, а, α, III, 5б, —3^2, б.

[№ 946. УкС: Б, а, α, III, 9а, S, $в^1$.

№ 947. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 948. УкС: Б, а, α, III, 12, 7, а.

№ 949. УкС: А, а, α, II, 7, —$В^2$.

№ 950. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $г^2$.]

(№ 951.) УкС: Б, а, α, III, 16, 8, а.

1. Ли Шан-инь (813—858) — известный поэт; цитируемая Цзи Юнем строка взята из стихотворения *Цюй цзян* («Полное собрание танских стихов», т. 8, стр. 6224).

2. Бао Чжао (ок. 415—470) — известный поэт, близкий по духу к Тао Юань-мину.

3. Ли Чан-гу — поэт Ли Хэ (721—817); цитируемая строка взята Цзи Юнем из стихотворения Ли Хэ «Осень пришла» («Полное собрание танских стихов», т. 6, стр. 4400).

4. *Куньцюй* — тип оперы, основанный на народных представлениях и получивший особую популярность в XVII в.

5. «Пионовая беседка» *(Мудань тин)* — пьеса известного драматурга Тан Сянь-цзу (1550—1617) о любви, побеждающей смерть.

(№ 952.) УкС: Б, а, α, III, 12, 1, а.

1. Вэнь Тин-юнь (813?—870?) — поэт, основатель поэтической школы «Среди цветов», автор ряда *цы*.

2. Дамо — Бодхидхарма — первый патриарх буддийской церкви в Китае, прибывший туда в 520 г. Стихотворение Вэнь Тин-юня «Песнь о Дамо» см. в «Полном собрании танских стихов», т. 9, стр. 6703.

3. Ван Гу-юань — прозвание поэта XVIII в. Ван Ю-цзэна.

[№ 953. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, $в^5$.

№ 954. УкС: А, а, α, I, 5, —$Б^2$.]

(№ 955.) УкС: А, а, α, III, 10, $В^1$, $в^1$.

[№ 956. УкС: Б, а, α, III, 9, S, $в^1$.

№ 957. УкС: Б, а, α, IX, 25.

№ 958. УкС: А, а, α, III, 2, Н, $в^1$.

№ 959. УкС: А, а, α, III, 8, $А^5$, $в^1$.

№ 960. УкС: Б, а, α, III, 9, S, $в^2$.

№ 961. УкС: Б, б, β, XVII, 56.

№ 962. УкС: Б, б, β, XVII, 56.

№ 963. УкС: Б, б, β, XVII, 56.

№ 964. УкС: Б, б, β, XVII, 56.

№ 965. УкС: А, а, α, III, 10, П, а.

№ 966. УкС: Б, а, α, III, 4а, Z, в^2.]

(№ 967.) УкС: А, а, α, III, 2, W, б.

1. Юань Мэй (1716—1797) — известный поэт и прозаик, автор большой коллекции рассказов о необычайном «Новые [записи] Ци Се». Упоминаемый Цзи Юнем рассказ Юань Мэя помещен в *цз.* 9 этой коллекции («Полное собрание сочинений Юань Мэя» *(Суй-юань сань ши ба чжун)*, [б. м.], 1892, *бэнь* 23, *цз.* 9, стр. 2б.)

[№ 968. УкС: ч. 1 и 4: А, а, α, III, 4, —W^1;
ч. 2: А, а, β, V, 4, —В;
ч. 3: А, а, α, I, 4, —В^1, 2.

№ 969. УкС: Б, б, β, XVII, 56.

№ 970. УкС: Б, а, β, XI.

№ 971. УкС: Б, б, β, XVII, 53.

№ 972. УкС: Б, б, β, XVII, 53.

№ 973. УкС: А, а, β, V, 11, А^6.]

(№ 974.) УкС: А, а, β, V, 11, —Г^1.

1. Цзяошаньсы — храм в горах Цзяошань, на территории провинции Хэбэй.

2. Достопочтенный Ян — государственный деятель Ян Чжэнь (?—124), прославившийся своей преданностью трону и неподкупностью.

[№ 975. УкС: А, а, α, III, 2, W, в^3.

№ 976. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, в^1.

№ 977. УкС: А, а, β, V, 11, —Г.

№ 978. УкС: А, а, α, IV, 1, А, и.

№ 979. УкС: А, а, β, V, 11, А*II*.]

(№ 980.) УкС: ч. 1: А, а, β, V, 5, —А^3;
ч. 2: А, а, β, V, 5, —Ж^1.

1. «Большой свод [речений] о природных свойствах и [нравственных] принципах» *(Сун-ли да цюань)* — огромный компендиум сунской философии, составленный в 1414—1415 гг. под редак-

цией Ху Гуана (1370—1418). В этот свод включены трактаты ряда неоконфуцианских философов (Чжоу Дунь-и, Шао Юна, братьев Чэн, Чжу Си, Чжан Цзая и др.). Вторая часть свода представляет собой тематическую подборку цитат (о космогонии, метафизике, учение о *Дао*, о правилах управления страной и т. п.). Сюда же включены и отрывки из произведений художественной литературы.

[№ 981. УкС: Б, а, α, III, 16, 9, а.

№ 982. УкС: Б, а, α, III, 12, 1, а.

№ 983. УкС: А, а, β, V, 11, Б.]

(№ 984.) УкС: В.

1. Вэнь — возможно, имеется в виду ученый Вэнь Чан-шоу (1733—1797).

[№ 985. УкС: Б, а, α, III, 12, 2, а.

№ 986. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, $г^{5}$.

№ 987. УкС: А, а, β, V, 11, —$Д^{1}$.

№ 988. УкС: Б, а, α, X, 29.]

(№ 989.) УкС: А, α, III, 5б, —3^{2}, а.

[№ 990. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 991. УкС: Б, а, α, X, 34а.]

(№ 992.) УкС: А, а, α, III, 2, Н, а.

1. Это похоже на случай с Ли Фу — см. № 989.

(№ 993.) УкС: А, а, β, V, 1, $В^{1}$.

[№ 994. УкС: А, а, α, III, 5, —$Б^{2}$, а.

№ 995. УкС: А, а, α, II, 4, —$А^{2}$.

№ 996. УкС: А, а, β, V, 11, —$А^{3}$.

№ 997. УкС: А, а, α, III, 5, —$В^{1}$, а.

№ 998. УкС: Б, а, β, XIII.

№ 999. УкС: А, а, β, V, 6, —$А^{1}$.

№ 1000. УкС: А, а, β, V, 11, К.].

(№ 1001.) УкС: ч. 1: А, а, α, III, 10, Ц, б;
ч. 2: А, а, β, V, 11, —$Д^{1}$.

[№ 1002. УкС: Б, а, α, III, 10а, Ф, г^3.

№ 1003. УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

№ 1004. УкС: А, а, β, V, 11, А^1.

№ 1005. УкС: А, а, α, III, 8, А, в^2.

№ 1006. УкС: А, а, α, II, 4, —Ж; А, а, α, II, 4, —3^4.

№ 1007. УкС: Б, а, α, III, 7а, Z, а.

№ 1008. УкС: А, а, β, V, 11, А^1 .

№ 1009. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.]

(№ 1010.) УкС: Б, а, α, III, 9, R, б.

[№ 1011. УкС: Б, а, α, III, 12, 5, а.

№ 1012. УкС: Б, а, α, III, 16, 9, г^5.

№ 1013. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W^1, в^1.

№ 1014. УкС: Б, а, α, X, 31.

№ 1015. УкС: А, а, α, III, 2, Н, в^1.

№ 1016. УкС: А, а, α, I, 4, —V^1, 1.

№ 1017. УкС: Б, а, α, III, 12, 1, а.]

(№ 1018.) УкС: А, а, α, III, 2, Н, в^1.

[№ 1019. УкС: Б, а, α, III, 16, 9^1, г^5.]

(№ 1020.) УкС: Б, б, β, XV, 39.

1. «Новые [записи] Ци Се» — уже упоминавшаяся (см. прим. 2 к № 967) коллекция рассказов Юань Мэя; первоначально называлась «О чем не говорил Конфуций» *(Цзы бу юй)*.

2. Люй Лю-лян (1629—1683) — ученый, находившийся в оппозиции к маньчжурскому правительству, но продолжавший сдавать государственные экзамены вплоть до 1666 г. (т. е. уже после завоевания маньчжурами Китая).

В изданных им антологиях экзаменационных сочинений содержались антиманьчжурские высказывания. В 1669 г., отказавшись от предложенного ему служебного поста, Люй Лю-лян построил хижину в горах и принял имя буддийского монаха. Много лет спустя после его смерти, в 20-х годах XVIII в., сочинения Люй Лю-ляна были запрещены. Труп его, как и труп его старшего сына, был вырыт из земли и разрублен на куски; ученики Люй Лю-ляна и потомки его были либо казнены, либо сосланы

(L. C. Goodrich, Literary Inquisition of Ch'ien-Lung, Baltimore, 1935, стр. 77—79).

3. ...идя по стопам И и Ци, голодать на горе Шоуян — имеются в виду братья Бо-и и Шу-ци, находившиеся на службе у чжоуского князя У-вана и после разгрома им царства Инь удалившиеся на гору Шоуян, где они умерли от голода.

4. Бао-чжун — старший сын Люй Лю-ляна, получивший должность в академии Ханьлинь, но вскоре уволенный со службы из-за своего знакомства с повстанцем Чжу Нянь-и.

5. Цянь Цянь-и (1582—1664) — поэт, ученый и сановник, который пошел на службу к маньчжурским завоевателям Китая. Занимал при них высокий пост, но скоро вышел в отставку. В последние годы жизни увлекался буддизмом. В эпоху литературной инквизиции его произведения были запрещены.

6. Лу и Ван — Лу Цзю-юань и Ван Ян-мин.

7. Секта чань (санскр. *дхьяна,* яп. *дзэн* «медитация», «созерцание»), основанная Бодхидхармой, проповедовала всеобщность истинного разума Будды, которым он наделил все живые существа, и непосредственность проникновения в суть вещей и явлений. Влияние идей этой буддийской школы прослеживается и в философии Лу Цзю-юаня и Ван Ян-мина.

8. ...золотой человек явился во сне — в «Истории Поздней Хань» рассказывается, что императору Мин-ди (58—75) явился во сне золотой человек большого роста, излучавший сияние. Приближенные объяснили Мин-ди, что это было божество Западных стран, именуемое Буддой.

9. Монах с гор Утай — в горах Утай (провинция Шаньси) расположено много буддийских монастырей.

10. Чан-ли — прозвание знаменитого поэта, эссеиста и мыслителя Хань Юя (768—824), выступившего с резкой критикой буддизма, в частности того вреда, который наносили экономике страны монастыри, освобожденные от налогов и повинностей.

[№ 1021. УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

№ 1022. УкС: Б, а, α, II, 13.

№ 1023. УкС: Б, б, α, XVI, 44, 17.

№ 1024. УкС: А, а, α, III, 10, П, а.

№ 1025. УкС: Б, а, α, III, 16, 11, б.

№ 1026. УкС: Б, а, α, III, 16, 11, а.

№ 1027. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, в^{6}.

№ 1028. УкС: А, а, α, III, 5б, —А^{2}, в^{1}.

№ 1029. УкС: Б, а, α, III, 17, Э, в^{10}.

№ 1030. УкС: А, а, α, IV, 1, $В^1$, и.

№ 1031. УкС: А, а, α, III, 6, —$В^1$, $в^1$.

№ 1032. УкС: Б, б, α, IX, 26.

№ 1033. УкС: Б, а, α, IX, 23, $В^3$.

№ 1034. УкС: А, а, α, III, 10, К, $в^1$.]

(№ 1035.) УкС: Б, а, α, X, 30.

[№ 1036. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 18.

№ 1037. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, $в^6$.

№ 1038. УкС: Б, а, α, X, 27.

№ 1039. УкС: А, а, α, I, 2, $А^1$.

№ 1040. УкС; А, а, α, I, 2, $А^1$.

№ 1041. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^1$.

№ 1042. УкС: Б, а, α, III, 5б, V, $в^2$.

№ 1043. УкС: А, а, α, III, 2, Н, $в^1$.]

(№ 1044.) УкС: А, а, β, V, 11, —$Б^1$.

[№ 1045. УкС: Б, а, α, III, 2, Z^3, б.

№ 1046. УкС: А, а, α, III, 10, А, а.

№ 1047. УкС: А, а, α, III, 8, $А^5$, б.

№ 1048. УкС: Б, а, α, IX, 21.

№ 1049. УкС: А, а, β, V, 11, $А^1$.

№ 1050. УкС: Б, б, α, X, 34].

СБОРНИК ПЯТЫЙ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛУАНЬЯНСКИХ ЗАПИСЕЙ

Предисловие

[№ 1051. УкС: Б, а, α, X, 31.

№ 1052. УкС: Б, б, α, X, 33.

№ 1053. УкС: Б, б, β, XV, 40.

№ 1054. УкС: Б, а, α, X, 31.

№ 1055. УкС: Б, а, α, X, 31.]

(№ 1056.) УкС: Б, а, α, III, 16, 10, г.

1. Чжао Лу-цюань — прозвание ученого и эссеиста Чжао Ю (1727—1800).

2. Сунь Сюй-чуань — прозвание Сунь Хао, литератора и ученого первой половины XVIII в.

[№ 1057. УкС: Б, а, α, III, 15, Z^{II}, $в^2$.

№ 1058. УкС: А, а, β, V, 11, $А^{II}$.]

(№ 1059.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^2$.

[№ 1060. УкС: Б, а, α, X, 27

№ 1061. УкС: Б, б, β, XVI, 42.

№ 1062. УкС: Б, б, β, XVII, 55.

№ 1063. УкС: Б, б, β, XVII, 55.

№ 1064. УкС: А, а, α, III, 8, А, а.

№ 1065. УкС: А, а, α, I, 1 $В^1$.

№ 1066. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 1067. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 17.

№ 1068. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 1069. УкС: Б, а, α, X, 34а

№ 1070. УкС: Б, а, α, IX, 21.

№ 1071. УкС: А, а, α, I, 4, —И, 1.

№ 1072. УкС: Б, а, α, III, 16, 11, $в^1$.

№ 1073. УкС: А, а, α, III, 8, $А^5$, б.]

(№ 1074.) УкС: Б, а, α, III, 17, Ю, б.

[№ 1075. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^7$.

№ 1076. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, $г^5$.

№ 1077. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^1$.

№ 1078. УкС: Б, а, α, IX, 21.

№ 1079. УкС: Б, а, α, X, 30.

№ 1080. УкС: Б, а, α, III, 2, Z^4, б.

№ 1081. УкС: Б, а, α, X, 31.]

(№ 1082.) УкС: А, а, α, III, 5б, —$А^2$, $в^1$.

1. Ли Нань-цзянь — прозвание Ли Вэнь-цао (1730—1788), ученика Цзи Юня, известного библиофила, автора записок о книжных лавках на улице Люличан в Пекине.

[№ 1083. УкС: Б, б, β, XVIII, 60.

№ 1084. УкС: Б, а, α, IX, 22.

№ 1085. УкС: Б, б, β, XVIII, 60.

№ 1086. УкС: Б, а, α, X, 34а.

№ 1087. УкС: Б, а, β, XIV, 36.

№ 1088. УкС: А, а, α, I, 4, —$А^1$, 2.]

(№ 1089.) УкС: Б, б, β, XVII, 56.

[№ 1090. УкС: Б, б, β, XVI, 41.

№ 1091. УкС: А, а, α, I, 4, —V^1, 1.]

(№ 1092.) УкС: А, а, α, I, 4, —$Д^1$, 2.

1. Дух Жоао голодал — см. прим. 4 к № 772. Здесь имеется в виду, что жертвы предкам не приносились, так же как если бы у этого человека вообще не было сына.

[№ 1093. УкС: А, а, α, I, 4, —$Д^1$, 1.

№ 1094. УкС: А, а, β, V, 4, —$А^3$.

№ 1095. УкС: Б, б, β, XVII, 52.

№ 1096. УкС: Б, б, β, XV, 40.]

(№ 1097.) УкС: А, а, α, III, 10, Ф, б.

[№ 1098. УкС: Б, б, β, XVI, 50.

№ 1099. УкС: Б, б, β, XVI, 50.

№ 1100. УкС: Б, б, β, XVI, 50.]

(№ 1101.) УкС: А, а, α, III, 7а, Б, $в^2$.

1. Чу Цзюнь-синь — прозвание Чун Тин-чжана, поэта и ученого XVIII в., автора книг о Западном крае и Тибете.

[№ 1102. УкС: Б, а, α, III, 17, Ю, б.

№ 1103. УкС: Б, в, β, XVI, 43.

№ 1104. УкС: Б, а, α, X, 32.

№ 1105. УкС: А, а, α, III, 10, К, а; Б, а, α, III, 4а, Z, $в^2$.

№ 1106. УкС: А, а, α, III, 7а, А, а.]

(№ 1107.) УкС: В.

(№ 1108.) УкС: В.

[№ 1109. УкС: Б, а, α, III, 12, 5, $в^2$.

№ 1110. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^1$.

№ 1111. УкС: А, а, α, III, 5а, —$Б^2$, $в^1$.]

(№ 1112.) УкС: А, а, α, III, 5а, —М, $в^2$.

[№ 1113. УкС: А, а, β, V, 4, —$Б^1$.

№ 1114. УкС: Б, а, α, III, 16, 9, $г^5$

№ 1115. УкС: Б, б, β, XVI, 48.

№ 1116. УкС: Б, а, α, X, 34.

№ 1117. УкС: А, а, α, III, 2а, Б, $в^1$.]

(№ 1118.) УкС: А, а, α, I, 2, Б.

1. ...большое войско — имеется в виду войско маньчжурских захватчиков.

2. Изображения духов — хранителей входа в дом. — На обе половинки ворот китайского дома наклеивались изображения *Мэнь-шэней* — духов, охраняющих вход в дом от нечисти; духи обычно изображались в виде свирепых генералов.

3. Ху Цзин-дэ и Цинь Цюн (Цинь Шу-бао) — полководцы VII в., прославившиеся своими ратными подвигами, почитались потомками как духи ворот (см.: В. М. Алексеев, Китайская народная картина, стр. 42, прим. 35).

4. «Записки о путешествии на Запад» *(Си ю цзи) Цю Чу-цзи.* — Даосский патриарх Цю Чу-цзи (1148—1227) по приглашению Чингисхана посетил в 1219 г. Центральную Азию и оставил записки о своем путешествии.

5. Дунфан Шо — см. прим. 2 к № 474.

[№ 1119. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, в^1.

№ 1120. УкС: А, а, β, V, 11, —А^3.

№ 1121. УкС: Б, а, α, III, 12, 3, а.

№ 1122. УкС: А, а, α, III, 2, Н, а.

№ 1123. УкС: А, а, α, IV, 4, —V^1, ж.

№ 1124. УкС: А, а, α, IV, 4, —V^1, ж.

№ 1125. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, б.

№ 1126. УкС: Б, а, α, IX, 23, В^2.]

(№ 1127.) УкС: А, а, α, III, 5б, —Л, в^1

(№ 1128.) УкС: А, а, α, III, 10, П, а.

1. «Юянские заметки о всякой всячине» — см. прим. 10 к № 665.

[№ 1129. УкС: А, а, α, I, 2, V; А, а, α, 1, 4, —V, 1.

№ 1130. УкС: А, а, α, III, 4, —А^2, а.

№ 1131. УкС: А, а, α, III, 10, У, а.]

(№ 1132.) УкС: Б, а, α, X, 34а.

(№ 1133.) УкС: ч. 1: А, а, β, V, 11, Т^1;
ч. 2: А, а, α, III, 5а, —Л^1, в^2.

[№ 1134. УкС: Б, б, β, XVII, 52.

№ 1135. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, в^1.

№ 1136. УкС: Б, а, α, X, 27.

№ 1137. УкС: Б, б, β, XVI, 41.

№ 1138. УкС: Б, б, β, XVII, 52.

№ 1139. УкС: Б, а, α, IX, 24.

№ 1140. УкС: Б, б, α, III.

№ 1141. УкС: А, а, α, I, 4, —А^3, 2.

№ 1142. УкС: А, а, α, I, 4, —V^1, 2.

№ 1143. УкС: Б, а, α, III, 2, Z^3, б.]

(№ 1144.) УкС: А, а, α, III, 8, А^{6}, б.

1. Девять источников — см. прим. 5 к № 14.

[№ 1145. УкС: А, а, α, III, 2, А, г^{1}.

№ 1146. УкС: А, а, β, V. 11, В.

№ 1147. УкС: А, а, α, I, 4, —З, 1.

№ 1148. УкС: А, а, β, V, 11, В^{2}.]

(№ 1149.) УкС: А. а, β, V, 11, —П.

1. Девять источников — см. прим. 5 к № 14.

(№ 1150.) УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

[№ 1151. УкС: А, а, α, III, 5а, —В, б.

№ 1152. УкС: Б, а, β, XI.

№ 1153. УкС: Б, б, β, XIX.]

(№ 1154.) УкС: А, а, α, I, 4, —А^{3}, 2.

[№ 1155. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, в^{1}.]

(№ 1156.) УкС: (ч. 1, 2, 3) А, а, α, III, 10, К, а.

[№ 1157. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 16.

№ 1158. УкС: А, а, β, V, 5а, —В.

№ 1159. УкС: А, а, α, III, 4, —А^{2}, в^{1}.

№ 1160. УкС: А, а, α, III, 4, —Ж^{1}, б.

№ 1161. УкС: Б, а, β, XIV, 35.

№ 1162. УкС: Б, б, β, XVII, 52.

№ 1163. УкС: А, а, α, III, 8, А^{5}, б.

№ 1164. УкС: А, а, β, V, 4, —А^{3}.

№ 1165. УкС: А, а, α, I, 1, Н^{1}.]

(№ 1166.) УкС: А, а, α, III, 2, Н, а.

[№ 1167. УкС: А, а, α, III, 8а, А^{3}, в^{2}.

№ 1168. УкС: А, а, α, III, 10, А, а.

№ 1169. УкС: А, а, α, III, 10, Ф, а.

№ 1170. УкС: Б, а, α, III, 16, 12, в^2.

№ 1171. УкС: А, а, β, V, 11, А^5.]

(№ 1172.) УкС: А, а, α, IV, 1, А, е.

1. Пить вино и есть мясо буддийским монахам запрещалось.

2. Яшмовые нити — признак того, что скончавшийся монах стал бессмертным.

[№ 1173. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, в^2.]

(№ 1174.) УкС: А, а, α, III, 10, Ф, а.

[№ 1175. УкС: Б, а, α, III, 9, R, б.

№ 1176. УкС: Б, а, α, III, 16, 8, в^1.

№ 1177. УкС: Б, а, β, XII.

№ 1178. УкС: Б, а, β, XII.

№ 1179. УкС: А, а, β, VI, 8, А^{II}.

№ 1180. УкС: А, а, β, VI, 11, —Д.

№ 1181. УкС: Б, а, α, III, 16, 9, в^2.

№ 1182. УкС: А, б, β, VII.

№ 1183. УкС: Б, а, α, X, 34, а.]

(№ 1184.) УкС: ч. 1: А, а, β, V, 11, А^{IV};
ч. 2: Б, а, α, III, 16, 9, в^2.

1. Ху Му-тин — см. прим. 1 к № 1.

2. Цао Му-тан — прозвание Цао Сюэ-миня, см. прим. 4 к № 44.

3. Чжу Чжу-цзюнь — прозвание Чжу Юня (1729—1781), каллиграфа, поэта и эссеиста, комментатора конфуцианских классиков.

4. Цянь Синь-мэй — прозвание поэта, эссеиста и историка Цянь Да-синя (1728—1804), друга Цзи Юня, составившего вместе с ним описание провинции Жэхэ (*Жэхэ чжи*, 1781), коллекционера надписей на бронзе и камне.

[№ 1185. УкС: Б, а, α, X, 34а.

№ 1186. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, г^5.

№ 1187. УкС: Б, а, α, X, 34а.

№ 1188. УкС: Б, б, β, XVII, 52.

№ 1189. УкС: Б, а, α, III, 12, 1, а.

№ 1190. УкС: Б, а, α, III, 9, R, б.]

(№ 1191.) УкС: Б, а, α, III, 12, 2, в[1].

1. Чжу Цзы-цин — второе имя поэта Чжу Сяна (1670—1707).

2. «На [горе] Охотниц-прорицательниц... словно девственницы» — цитата из гл. 1 книги даосского философа Чжуан-цзы (см.: Л. Д. Позднеева, Атеисты, материалисты и диалектики древнего Китая, М., 1967, стр. 137).

[№ 1192. УкС: А, а, α, III, 5а, —В, б.]

(№ 1193.) УкС: Б, б, β, XVII, 51.

1. Чиновники *байгуань* — чиновники древности, собиравшие для докладов императору народные рассказы, песни, легенды (см. стр. 28—29).

2. Лю Хоу-цунь — другое имя известного поэта и литератора Лю Кэ-чжуана (1187—1269).

3. Цай Юн — поэт ханьского времени. В рассказе Цзи Юня приведено его второе имя — Цай Чжун-лан.

4. «Скакун с курчавой шерстью» *(Би юнь ся)* — книга неизвестного автора периода Тан, отредактированная сунским писателем Мэй Яо-чэном (1002—1060).

5. «Путешествие в далекое прошлое» — новелла танского писателя Ню Сэн-жу, который, по мнению современных китайских литературоведов, выразил в этой новелле свое недовольство правящей группировкой своего времени.

6. «Повесть об Ин-ин» — см. прим. 2 к № 70.

7. «Тайный труд» *(Ми цинь)* — книга периода Хань, сохранившая статьи официального законодательства.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ПЕРЕВОДЕ

Аньци — город в провинции Фуцзянь.
Баси — уезд в провинции Сычуань.
Бачжоу — область в провинции Хэбэй.
Бянь — река в провинции Хэнань.
Вэйхэ — река в провинции Хэбэй, приток реки Хутохэ.
Вэньань — город и уезд в провинции Хэбэй.
Гаочжоу — область в провинции Гуандун.
Госянь — уезд в провинции Хэбэй.
Гучэн — город в провинции Хубэй.
Гуанси — провинция в Юго-Западном Китае.
Гуанчуань — древний город, находившийся на территории нынешней провинции Хэбэй.
Гуанькоу — гора в провинции Сычуань.
Гуйчжоу — провинция в Юго-Западном Китае.
Дациньго — китайское наименование Восточной Римской империи, в источниках танского времени именовавшейся Фулинь.
Дачэн — город в провинции Хэбэй.
Дихуа — китайское название Урумчи, главного города провинции Синьцзян.
Дулиньчжэнь — город в провинции Хэбэй.
Дунгуан — уезд в провинции Хэбэй.
Дунчан — область в провинции Шаньдун.
Дунчэн — город в провинции Хэбэй.
Душэнцунь — местность к северо-востоку от уезда Сяньсянь, в провинции Хэбэй.
Дэн — округ Дэнсянь в провинции Хэнань
Дэчжоу — округ в провинции Шаньдун.
Дэшэн — город в провинции Хэбэй.
Дянь — другое название провинции Юньнань.
Есянь — уезд в провинции Шаньдун.
Ечэн — город в провинции Хэнань.
Жэньпин — древний город, находившийся на территории нынешней провинции Шаньдун.
Жэхэ — провинция в Северном Китае.

Иду — город в провинции Шаньдун.
Или — город Кульджа в провинции Синьцзян.
Иньинь — старое название уезда в провинции Цзянси.
Иншань — город в провинции Хубэй.
Лаошань — горы в провинции Шаньдун, на берегу моря.
Линсянь — уезд в провинции Шаньдун.
Ло — город Лоян в провинции Хэнань (древняя столица Китая).
Луаньян — уезд в провинции Хэбэй, западнее Чанлэ.
Лун — другое название провинции Ганьсу.
Луцзян — область в провинции Аньхой.
Лэчан — город в провинции Гуандун.
Лючжоу — область в провинции Гуаньси.
Лянчжоу — древний округ, находившийся на территории нынешней провинции Ганьсу.
Ляодун — старое название местности к востоку от реки Ляохэ; провинция в Северо-Восточном Китае.
Маньхэ — река в провинции Хубэй.
Минху — озеро в провинции Юньнань.
Минь — другое название провинции Фуцзянь.
Мэнцунь — местность к югу от Цанчжоу, в провинции Хэбэй.
Нанькан — уезд в провинции Цзянси.
Наньпи — уезд в провинции Хэбэй.
Наньсиньцан — город в провинции Аньхой.
Наньцунь — город в провинции Хэбэй.
Нинбо — город в провинции Чжэцзян.
Пиндин — уезд в провинции Шэньси.
Пинъюань — город в провинции Шаньдун.
Санчжи — город в провинции Синьцзян.
Синин — город в провинции Цинхай.
Сиху — озеро в провинции Чжэцзян.
Сихэ — древнее название реки Хуанхэ.
Сичэн — часть Пекина.
Сишань — западные горы около Пекина.
Сиюй (Западный край) — древнекитайское название Восточного Туркестана.
Синцзи — древний город, находившийся на территории нынешней провинции Хэбэй.
Суй — река в провинции Хубэй.
Сунин — уезд в провинции Хэбэй.
Сы — река в провинции Шаньдун.
Сычуань — провинция в Западном Китае.
Сюйюи — уезд в провинции Сычуань.
Сюнсянь — уезд в провинции Хэбэй.
Сян — местность в провинции Хубэй.
Сяншань — горы на территории провинции Хэбэй.

Сяньсянь (Сянь) — уезд в провинции Хэбэй.
Таньчжоу — нынешний район Чанша — главного города провинции Хунань.
Тунчэн — город в провинции Аньхой.
Тяньцзинь — порт в провинции Хэбэй.
Тяньчан — город в провинции Аньхой.
Тянь-Шань — горный хребет в Северном Синьцзяне.
Урумчи — см. Дихуа.
Усянь — уезд в провинции Цзянсу.
Утай — горы в провинции Шаньси.
Уху — река Оксус — Амударья.
Уцзян — город южнее Сучжоу, в провинции Цзянсу.
Уцян — древний город и уезд на территории нынешней провинции Хэбэй.
Уши — город в провинции Синьцзян.
Фучэн — город в провинции Хэбэй.
Фуцзянь — провинция в Юго-Восточном Китае.
Фэнцзин — торговый центр в провинции Чжэцзян.
Хайфын — город в провинции Гуандун.
Хайян — город в провинции Шаньдун.
Ханчжоу — главный город в провинции Чжэцзян.
Хойчэн — город в провинции Шаньдун.
Хуачжоу — округ в провинции Хэнань.
Хуайчжэнь — город в провинции Хэбэй.
Хубэй — провинция в Центральном Китае.
Хугуан — район, охватывающий провинции Хунань и Хубэй.
Хунань — провинция Центрального Китая.
Хуннун — область в провинции Хэнань, древний город Хуннун находился на территории уезда Минбао.
Хэнань — провинция в Центральном Китае.
Хэцзянь — город в провинции Хэбэй.
Цанчжоу — город и уезд в провинции Хэбэй.
Цзинань — главный город и область провинции Шаньдун.
Цзинхай — город в провинции Хэбэй.
Цзиньхэ — город в провинции Хэбэй.
Цзинчжоу — город и область в провинции Хэбэй.
Цзинчэн — город в провинции Хэбэй.
Цзичао — город в провинции Хэбэй.
Цзыян — город в провинции Аньхой.
Цзюлиху — озеро в провинции Фуцзянь.
Цзянань — название древней области, лежавшей между нынешними провинциями Цзянсу и Аньхой
Цзяннин — уезд к юго-востоку от Нанкина, в провинции Цзянсу.
Цзянси — провинция в Юго-Восточном Китае.
Цзянсу — провинция в Восточном Китае.
Цзяохэ — город и уезд в провинции Хэбэй.
Цзяочжоу — город в провинции Шаньдун.

Цзясянь — уезд в провинции Шаньдун.
Цинсянь — уезд в провинции Хэбэй.
Цинфэндянь — город в провинции Хэбэй.
Цинхэ — река в провинции Хэбэй.
Цинь — другое название провинции Шэньси.
Цюйчжоу — область в провинции Чжэцзян.
Цянь — другое название провинции Гуйчжоу.
Цяньтанцзян — река в провинции Чжэцзян.
Чжанбо — город в провинции Хэнань.
Чжаньчэн — город, находившийся на территории государства Юэтан — древнего государства «южных варваров».
Чжили — старое название провинции Хэбэй в Северном Китае.
Чжучэн — город в провинции Шаньдун.
Чжунчжоу — область в провинции Фуцзянь.
Чжунчжэнь — город в провинции Сычуань.
Чжэньфань — уезд в провинции Ганьсу.
Чжэцзян — провинция в Восточном Китае, занимающая прибрежную полосу между провинциями Цзянсу и Фуцзянь.
Чэнду — город в провинции Сычуань.
Чэнлю — старое название Кайфэнфу, в провинции Хэнань.
Шаньинь — город в провинции Шаньси.
Шимэньцяо — город в провинции Хэбэй.
Шопин — область в провинции Жэхэ.
Шу — название древнего княжества, находившегося на территории нынешней провинции Сычуань.
Шуньтянь — старое название Пекина.
Шучжоу — древний город, находившийся на территории нынешней провинции Хэбэй.
Шэсянь (Шэ) — уезд в провинции Аньхой.
Шэньси — провинция в Северо-Западном Китае.
Шэньчжоу — область в провинции Хэбэй.
Юаньпин — уезд в столичном округе.
Юйлинь — город в провинции Шаньси.
Юйчжан — район уезда Наньчан, в провинции Цзянси.
Юнчунь — город в провинции Фуцзянь.
Янлю — город в провинции Шаньдун.
Янчжоу — область в провинции Цзянсу.
Яоань — область в провинции Юньнань.

МЕРЫ ДЛИНЫ И ПЛОЩАДИ

ли = 576,0 *м*
чжан = 3,2 *м*
цунь = 3,2 *см*
чи = 32 *см*
му = 6,144 *а*

МЕРЫ ВЕСА И ОБЪЕМА

дань = 59,68 *кг*, или 103,54 *л*
доу = 10,35 *л*

ДЕНЕЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ

лян = около 31,25 *г* серебра
цянь = $^1/_{10}$ ляна

ПРИЛОЖЕНИЯ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН РАССКАЗЧИКОВ

Ай Тан — чиновник 3
Ань И-цзай — двоюродный брат Цзи Юня 1013 *, 1112
Ань Мин-юй 187
Ань Тянь-ши — двоюродный брат Цзи Юня 206, 1113*
Ань У-чжан — дядя Цзи Юня 1149
Ань Цзе-жань — двоюродный дядя Цзи Юня 438*, 474, 687*, 856*, 1108
Ань Цзин-хань 522
Ань Чжун-куан 37, 626*
Ань Ши-чжай — дядя Цзи Юня 832*, 1192*

Бахабу — военный чиновник 1110*
Ба Янь-би — чиновник из Урумчи 492*, 1030*
Бао Цзин-чжи — чиновник 274*
Бянь Суй-юань 185*
Бянь Цю-яй — чиновник 994*

Ван — учащийся из Уцзюньсая 533
Ван — старуха из Фаншаня 953*, 1081*
Ван — тетка отца Цзи Юня 388, 462*
Ван Вэнь-дуань — ученый 591*
Ван Дэ-ань — наставник отца Цзи Юня 213
Ван Дэ-пу — чиновник 724*
Ван Кан-гу — чиновник 675*
Ван Кун-ся — даосский монах 371*, 372*
Вань Лан-цюань — прозвание друга Цзи Юня, ученого и поэта Ван Чана 76, 155*
Ван Мэй-сю — *цзюйжэнь* 508*, 1008*
Ван Си-хоу — чиновник 754 *
Ван Сюй-чу 582*
Ван Сян-цюань — сановник 518*
Ван Сяо-юань — чиновник 1123*
Ван Тин-шао — ученик Цзи Юня 1142*
Ван Фан-ху 744*
Ван Фу — военный писарь из Урумчи 892
Ван Фу-цзю — чиновник из Синьчэна 506*, 704*

* Звездочкой в указателях помечены непереведенные рассказы.

Ван Хоу-ши — управляющий канцелярией 1012*
Ван Хун-сюй — из Цзяохэ 585, 946*
Ван Цзай-ян — чиновник 418*
Ван Цзинь-гуан — чиновник **из Янцюя** 257*
Ван Цзинь-гуан 769*
Ван Цзинь-ин — *цзюйжэнь* 47
Ван Цзинь-тан — *цзюйжэнь* 649*
Ван Цзинь-ши — *цзюйжэнь* 47
Ван Цзы-фу — из Вэньаня 701
Ван Цзюй-чжуан 330*
Ван Цин-ши — чиновник 997*
Ван Чжун-ин — ученый из Хэцзяни 853
Ван Ши-тин — редактор 812*
Ван Юэ-жо 613*
Ван Юэ-фан — ученый из Вэньаня 377, 531*, 613*, 779*
Ван Юэ-цянь — дядя Цзи Юня 886*
Вань Чжоу — чиновник 426*
Вэй Чжэ — слуга 77*
Вэнь — служанка бабушки Цзи Юня, госпожи Цао 154
Вэнь — ученый (возможно, Вэнь Чан-шоу, 1733—1797) 984

Ган Чао-жун — чиновник **из Урумчи** 839*
Гао Гуань-ин 1127
Гао Мэй-цунь 823, 824*
Го Ши-чжоу — из Лояна 437*, 660*, 661*, 876, 1146*
Господин из Яоани — Цзи Юн-шу, отец Цзи Юня 58, 71, 79, 202*, 250*, 328*, 381*, 402*, 403*, 510, 668*, 788*, 1118, 1133
Гу Дэ-моу — помощник начальника отдела 80
Гуан Цзи — двоюродный дед Цзи Юня 49
Гуань Ин 1034*
Гун Сяо-фу — однокашник Цзи Юня 1014*
Гун Цзи-шэнь 837*
Гэ Ли-тянь — чиновник 667*
Гэ Сянь-чжоу — прозвание крупного сановника Гэ Юаня (1738—1800) 85*, 152
Гэ Чжэн-хуа — инспектор 887*
Гэн Шоу-юй — чиновник из **Тунчэна** 758*

Дай Дун-юань — Дай Чжэнь (1724—1777), ученый и философ 256, 1001, 1150
Дай Суй-тан — однокашник отца Цзи Юня 321*, 322, 519, 1062*

Дань — сановник 1173*, 1174
Дин — нянька Цзи Юня 1180*
Дин Чжи-си — цензор 921
Дин Яо-пу — чиновник 1005*
До Сяо-шань 1019*
Доу Дун-гао — прозвание поэта и ученого Доу Гуан-ная (1720—1795) 760
Дун — буддийская монахиня 491*
Дун Вэнь-кэ — прозвание друга Цзи Юня 48*, 63, 498*
Дун Хуай — слуга 717*
Дун Цюй-цзян — прозвание друга Цзи Юня, ученого Дун Юань-ду 23*, 286*, 361, 571*, 720*, 783, 826*, 927*, 928*
Дун Цю-юань — ученый из Пинъюаня 204, 552*, 1163*
Дэ Лэн-э — командующий в Урумчи 847*
Дэ Цзи-чжай 1136*
Дяо Фэй-вань 449*, 500*, 501

Е Шоу-фу — врач из Дэчжоу 656*

Жена арендатора Лю Пи-чэ 1130*
Жу — ученый 674*
Жу Да-е — чиновник из Урумчи 236*, 734*
Жу Куй — племянник Цзи Юня 977*
Жунь-шэн, достопочтенный — прадед Цзи Юня 404
Жэнь Цзы-тянь — второе имя ученого и поэта Жэнь Да-чуня (1738—1789) 542

И Бин-шоу — литератор (1754—1815), ученик Цзи Юня и друг известного поэта и художника Чжан Вэнь-тао 1057*
И-нань — родственник Цзи Юня 358*
И Сун-линь — родственник Цзи Юня 916*
И-сунь — племянник Цзи Юня 368*

Кан — буддийский монах из Дулиньчжэна 815

Лань Гуй — слуга 653*
Ли, достопочтенный — губернатор Чжэцзяна 9
Ли — кормилица Цзи Юня 1167*
Ли — кухарка семьи Цзи Юня 237
Ли Вэнь-юань — второе имя ученого Ли Цзинь-шу (XVIII в.); официальную биографию его написал Цянь Да-синь 619*
Ли Гань-чжи — сановник 814*
Ли Ин-сянь 759*

Ли Лу-юань — из Цзинчжоу 1102*
Ли Мин-жу — из Линьцина 773*
Ли Нань-цзянь — прозвание ученика Цзи Юня, ученого-библиофила Ли Вэнь-цао (1730—1788) 1082
Ли Пань-му 898*
Ли Си-яй — из Цзинчжоу 480, 785*
Ли Син-тан — чиновник 623*
Ли Сю-шэн — чиновник из Вэньшуя 899*, 1048*
Ли Хуа-тин — из Вэньшуя 686*
Ли Хуэй-чуань 1124*, 1156
Ли Цзяо-фэн 624
Ли Цин-линь — чиновник из Цзинчжоу 604*
Ли Цин-цзы 523*, 606*, 1010
Ли Цунь-ци — *цзюйжэнь* 182*
Ли Цы-вань — чиновник из Иду 132*
Ли Цю-яй — из Дэчжоу 932*, 1105*
Ли Шао-тин 923*
Ли Шн-тин — прозвание ученого Ли Хуа-наня (1713—1769) из Хайяна *1176* *
Ли Шу-лю — чиновник 915*
Ли Э-тин 925*
Ли Ю-дань — наставник Цзи Юня 215*, 370*, 467*, 641*, 850*, 1154, 1155*
Ли Юй-дянь — из Хайяна 216, 217*, 715*
Ли Юй-чун — чиновник из Путяня 721*
Ли Юнь-цзюй 266, 777*, 1165*, 1166
Ли Янь-бинь — чиновник 990*
Линь Пэй — студент из Путяня 920*
Линь Цин-бао — наставник из Путяня 253*, 775*
Лу Нань-ши 195*
Лу Тай — слуга 922
Лу из Хэйцзи — инспектор 630
Лэй Ян — двоюродный дед Цзи Юня 92*
Лю Дун-тан 945
Лю Дэ — пограничный начальник 1080*
Лю Се-фу — чиновник 776*
Лю Син-тин 326
Лю Сян-вань — двоюродный брат Цзи Юня 338*, 511*, 512*, 556, 681*, 1128
Лю Тин-сюань — слуга 1169*
Лю Тин-шэн — начетчик 383
Лю Цзюнь-жуй — слепой 595*, 1016*
Лю Цзянь — сановник 264*
Лю Ци — слуга 396*

Лю Цин-юань — прозвание ученого и поэта Лю Юэ-юаня (1737—1808) 70
Лю Ши-ань — ревизор 367
Лю Шу-тай 1107
Лю Ю-хань — сановник 711*
Лю Юе-чжай — родственник Цзи Юня 979*
Люй — двоюродный брат Цзи Юня 1001 (ч. 2)
Люй Ань-чжай — наставник из Гуйлиня 586*
Люй Хань-хой — сановник 391*, 1040*
Лян Те-чуан — сановник 590*
Лян Хо-тан — чиновник 755*, 756*, 954*, 1190*
Ляо — кормилица матери Цзи Юня 110, 750*

Ма Дэ-чжун 1000*
Ма Чжоу-лу — дядя Цзи Юня 159, 659
Мао Ци-жэнь 801*
Мао Чжэнь-юань — старший помощник правителя области из Сычуани 94, 95*
Мао-юань — троюродный брат Цзи Юня 130, 560
Мать слуги Ван Тин-ю 343, 880
Мин-синь — буддийский монах, сосланный за проповедь эзотерических доктрин 248*
Мин-юй — монах из обители Бои 190*, 487*
Мо Сюэ-яй 1006*
Му-ань — дядя Цзи Юня 266, 276*, 723*
Мэй-ань — двоюродный дядя Цзи Юня 583, 1081*, 1135*
Мэн Лу-чжоу 1076*

Не Сун-янь — прозванне ученого и поэта Не Цзи-мао (XVIII в.) 221*, 432, 490*, 643*
Ни Юй-цзянь — чиновник 1109*

Син-чжи — дядя Цзи Юня 553*
Со Эр-сунь — ученый 740*
Су Цзы-юй 243*
Сун Бань-тан — чиновник из Аньи 472*
Сун Жуй — чиновник из Датуна 828*
Сун Мэн-цюань — инспектор 52, 149*, 234*
Сун Фу-тан — сановник 926*
Сун Цзы-ган 709
Сун Цин-юань — чиновник из Дэчжоу 31, 399*, 1022*
Сун Сюй-чуань — прозвание Сунь Хао, ученого и поэта первой половины XVIII в. 293*
Супруга отца Цзи Юня 142, 479*
Сю-шань — племянник Цзи Юня 967

Сюй Вэнь-му — чиновник 507*, 678*, 799*
Сюй Нань-цзинь 297
Сюй Цзин-жу — ученик Цзи Юня, ученый и чиновник 817*
Сюй Шэн — двоюродный брат Цзи Юня 153*, 359*, 360*
Сян Тин-мо — соученик Цзи Юня 444*
Сяо-дун — троюродный брат Цзи Юня 576

Тань-цзюй — двоюродный брат Цзи Юня 326
Тетка отца Цзи Юня 57
Торговка цветами 59
Тун Си-цзянь — гадатель 838*
Тянь Бо-янь — ученый из Дэчжоу 17, 198*, 559, 645*, 768*, 974 (ч. 4), 1158*, 1191
Тянь Суп-янь 1175*, 1185*
Тянь Сян-гу 616
Тянь Сян-цинь 951, 952

У Линь-тан — чиновник из Уцзяна 459, 580*, 581*
У Мао-линь — ученик отца Цзи Юня 1059
«Урумчи» — прозвание писца Цзи Юня 111*, 112*
У Се-юнь — чиновник 192*
У Ту-линь — военный из Урумчи 323*
У Хой-чжэнь — монах 866*
У Хой-шу — чиновник 259*, 488, 489*, 696*
У Цин-юй 1111*
У Чжань-ань — дядя Цзи Юня 682
У Юнь-янь 1011*
У Яо-мин — чиновник 91*

Фа Нань-е — из Цзяочжоу 618*, 643*
Фан Куй-дянь — из Цзинчжоу 822*
Фан Вэй-чжоу 42, 872, 873*
Фо Лунь — цензор 917*
Фэн Пин-юй 629*
Фэн Цзюй-юань — чиновник 380*

Хай Ци-юнь — командующий в Урумчи 1002*
Хань — помощник командующего 49 (ч. 2)
Хань-хэн — чиновник из Гучэна 319*
Хань Цин — внучатый племянник Цзи Юня 419
Хао Цзы-мин — из Наньпи 901*
Хо И-шу — чиновник 579*
Хо Цун-чжань 481*
Хо Ян-чжун 692*, 875*

Хой Дэн — буддийский монах 1074
Ху Му-тин — второе имя Ху Шао-дина, друга Цзи Юня 1, 440*, 978*
Ху Тай-сюй 705*
Ху Хоу-янь — сановник 793*
Хуан Сяо-хуа — чиновник 845*
Хуан Ту — родственник Цзи Юня 401*, 422*
Хуан Цзюнь-шэн — из Цзяохэ 771*
Хэ Ли-ань — прозвание Хэ Сю, литератора и ученого XVIII в. 124*, 135, 136*
Хэ Хуа-фэн 317
Хэ Цзы-шань — ученый 795*
Хэ Чунь-чжай 1126*
Хэн Лань-тай — чиновник 1054*, 1055*

Цан Гэ-шань 655*
Цай Лянь-дун — чиновник в Урумчи 235*
Цай Фан-сань — соученик Цзи Юня 1069*
Цань Жо — родственник Цзи Юня 897*
Цань Чэн — родственник Цзи Юня 150*
Цао Му-тан — прозвание поэта и эссеиста Цао Сюэ-миня 610*
Цао Чжу-сюй — прозвание поэта и ученого Цао Вэнь-чжи (1735—1798) 22
Цао Шэн-чжу — из Фуцзяни; чиновник ведомства вассальных территорий 295
Цзе Е-юань — наставник Цзи Юня 593
Цзи Жу-ай — ученый 482*, 806*, 1037*
Цзи Лянь-фу 712*, 732*, 733*
Цзи Му-са — главнокомандующий 1035
Цзи Фан-янь — чиновник из Цзяохэ 587*
Цзи из Цанчжоу 868
Цзи Ю-шэн — чиновник из Цзяохэ 907*
Цзинь — инспектор 856*, 857*
Цзинь Кэ-тин 877*
Цзоу Дао-фэн — соученик Цзи Юня 811*
Цзоу Мин — слуга 393*
Цзэн Ин-хуа — из Цзясяна 633, 1026*
Цзюнь-чжан — двоюродный дядя Цзи Юня 477*, 1024*
Цзя Гун-линь — чиновник 1028*
Цзян Бо-янь 339*
Цзян Синь-юй — второе имя крупного поэта и драматурга Цзянь Ши-цюаня (1725—1785) 450*, 884*
Цзян Тяо-шэн — редактор 819*
Цзян Шэнь-сы 1181*

Цзянь Тин-чжуан — чиновник 792*
Цин-ху — прозвание старшего брата Цзи Юня 306*, 563, 713*, 889*
Цин Юань — сановник 646*
Цуй — старуха 670*
Цы-чэнь — родственник Цзи Юня 365*, 366*
Цю Вэнь-да — посмертное имя наставника Цзи Юня, поэта и ученого Цю Юэ-сю 313, 526*, 934
Цю Жэнь-лун — ученик Цзи Юня 1116*
Цю Чао-жань — второе имя Цю Линя, ученого, участвовавшего в составлении «Каталога Полного свода четырех сокровищниц» 340*, 852*
Цю Эр-тянь — *цзюйжэнь* 599, 834
Цянь Вэнь-минь — посмертное имя художника и каллиграфа Цянь Вэнь-эна 44
Цянь-шэн — музыкант 672*

Ча Ю-лунь — чиновник из Урумчи 731*
Чжан — старуха 549*
Чжан Лин-юй — ученый из Уцяна 943
Чжан Мо-гу — **правитель области** 1004*
Чжан Мэн-чжэн — дядя Цзи Юня 335, 495, 688*, 1072*
Чжан Сюэ-тан — родственник Цзи **Юня** 398*
Чжан Цзи-сю — двоюродный брат Цзи Юня 931
Чжан Цзо-линь — врач из Цанчжоу 550*
Чжан Цзю-бао — арендатор 395*
Чжан Цзянь-тин — родственник Цзи Юня 384*, 1081*
Чжан Цин-лань — прозвание художника **Чжан** Жо-ая (1713—1746) 130
Чжан Цянь-тин — **помощник учителя** 1183*
Чжан Юань-чжи 807*
Чжао Лу-цюань — прозвание ученого и эссеиста Чжао Ю (1727—1800) 1056, 1071*
Чжао Сянь — племянник Цзи Юня 543*, 677*
Чжао Хэн-шань — наставник Цзи Юня 425
Чжао Шу-сань — сановник 558*
Чжоу Ми-ань 911*
Чжоу Тай-юй 825
Чжоу Хуа-юань — чиновник 985*
Чжоу Цзин-юань 968*
Чжоу Шу-чан — второе имя **Чжоу Юн-пяня** (1730—1791) — ученого и библиофила, одного из редакторов «Каталога Полного свода четырех сокровищниц» 782*
Чжу Дао-цзян — чиновник 657*, 995*, 1017*
Чжу Дин-юань 706*

Чжу-тин — племянник Цзи Юня 808*, 947*, 948*
Чжу Тун-юй 421
Чжу Тянь-мэнь — ученый из Иду 226, 405*
Чжу Цзы-ин — второе имя поэта и художника Чжу Сяо-чуня (1735—1801) 21*, 929
Чжу Цин-лэй — прозвание ученого и поэта Чжу Вэнь-чжэня (XVIII в.) 83, 572*, 707*, 944, 971, 1086*
Чжу Цин-юнь 220
Чжу-эр — сын кормилицы Цзи Юня, старухи Ли 869*
Чжуан Шоу — слуга семьи Цзи Юня 25
Чжун Синь-ху — друг Цзи Юня 203*
Чжун Хань — двоюродный брат Цзи Юня 821*
Чжун Шан-тин — соученик Цзи Юня 470*
Чжэ Юй-лань — чиновник из Тайюаня 296*
Чжэнь Су-сянь — из Бэйцуня 10, 864*
Чжэнь Шэнь-жэнь — правитель области 844*, 854*, 855*
Чу Хао-тин 1015*
Чу Цзюнь-синь — прозвание ученого и поэта Чу Тин-чжана (XVIII в.) 1101
Чэн Юй-мэнь — второе имя ученого и поэта Чэн Цзинь-фана (1718—1784) 116, 464, 738, 739*, 1109*
Чэнь Бань-цзян — однокашник Цзи Юня 908, 1007*
Чэнь Бо-яй — наставник Цзи Юня 820*
Чэнь Вэнь-цинь — ученый 752*
Чэнь Жуй-ань 800
Чэнь Фан — ученик Цзи Юня 1121*
Чэнь Фэн-яй — начальник внутренней стражи дворца 46, 557*
Чэнь Цянь-вэй — из Цяньтана 346*
Чэнь Ши-люй — прозвание поэта XVIII в. Чэнь Цзинь-юаня 532*
Чэнь Юй-чжай 620*, 1184 (ч. 2)
Чэнь Юнь-тин — родственник Цзи Юня 19*, 1168*

Шань Цзо-юй 1077*
Шао Жэнь-во — арендатор из Шучжоу 992, 993
Ши И-тан — помощник главы военной палаты 246
Ши Лу-чуань 902*
Ши Сун-тао — друг отца Цзи Юня, глава музыкального приказа 104, 315*, 719*
Ши Сян — слуга 1131*
Шу-бао — родственник Цзи Юня 561*
Шу Му-лу — сановник 562*
Шу-пин — родственник Цзи Юня 614*, 647*, 648*
Шу-сэнь — родственник Цзи Юня 561*

Шэ Шоу-фу — врач из Дэчжоу 656*
Шэнь — мать служанки 180*, 589*, 896
Шэнь Жуй-чжан 747, 748
Шэнь Те-чжань — чиновник из Тайюаня 465*
Шэнь Цан-лин 598*, 729

Э — сановник 1052*, 1053*
Э Юй-чжай — помощник главы палаты 918*

Юй Бао — маленький слуга 499*
Юй-вань — родственник Цзи Юня 1141*
Юй Да-юй 974 (ч. 2)
Юй Дао-гуан — чиновник 324*
Юй Дунь — племянник Цзи Юня 607*, 608, 615*, 780*, 781*
Юй Жун-жо 934
Юй И-фань 871*
Юй Нань-мин — ученый 765
Юй Сяо-кэ — простолюдин 389*
Юй Цзинь-бэ — сановник 96*
Юй Цзюнь-ци — чиновник 676*
Юн — секретарь государственного совета 81

Ян — старуха кухарка 1073*
Ян Хуай-тин — ученый 443*, 1092, 1093*
Ян Юй-тин — ученый 697*, 913*, 1075*
Яо Хуа-даожэнь — даос 397*

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ В УКАЗАТЕЛЕ СЮЖЕТОВ

1-й знак:

А — дидактическое содержание

Б — недидактическое содержание

В — произведения, в которых обсуждается сюжет

2-й знак:

а — рассказы

б — заметки

3-й знак:

α — о сверхъестественном

β — о естественном

4-й знак:

I — Небо

II — Царство мертвых

III — нечисть

IV — перерождения

V — люди

VI — животные

VII — о нравственности

VIII — о поведении человека в обществе

IX — предопределения

X — чудеса

XI — любовные истории

XII — необычайные люди

XIII — случаи

XIV — плутовские анекдоты

XV — философия и религия

XVI — наука

XVII — искусство

XVIII — о себе

XIX — о еде и вине

XX — пейзажные зарисовки

5-й знак:

1 — награждает

2 — помогает

2а — проявляет уважение

3 — поучает

4 — карает

4а — вредит

5 — обличает или разоблачает

5а — осуждает

5б — насмехается

6 — предостерегает

7 — прощает

7а — не трогает

7б — боится

8 — ведет себя благородно

8а — ведет себя благороднее человека

8б — ведет себя хуже нечисти

9 — просит помощи человека

9а — хитростью заставляет помочь себе

10 — побеждает (обуздывает) нечисть

10а — безуспешно пытается обуздать нечисть

11 — проявляет

12 — рассуждает

13 — устройство и судопроизводство в Царстве мертвых

14 — смешные случаи и ошибки судопроизводства в Царстве мертвых

15 — вступает в любовные отношения с человеком

16 — ведет себя как люди
17 — свойства нечисти
18 — прежние качества
19 — прежние симпатии
20 — прежние антипатии
21 — пророчества
22 — предзнаменования
23 — предсказания
24 — вещие сны
25 — гадания
26 — предопределения судьбы
27 — волшебные предметы
28 — волшебные растения
29 — волшебные животные
30 — волшебные человекообразные существа
31 — люди, умеющие творить чудеса
32 — воскрешения из мертвых
33 — чудесные явления
34 — чудесные случаи
34а — странные случаи
35 — ловкие воры
36 — люди, притворяющиеся сверхъестественными существами
37 — философские темы
38 — о разных религиях
39 — о неоконфуцианцах
40 — о древних книгах
41 — этнография
42 — география
43 — топонимика
44 — естествознание
45 — рационалистические объяснения странных явлений
46 — исторические темы
47 — археологические темы
48 — надписи
49 — экономические темы
50 — государственные экзамены
51 — искусство писать рассказы
52 — о стихах
53 — о картинах и статуях
54 — об игре в шахматы
55 — об искусниках-умельцах
56 — о драгоценностях и редкостях
57 — о своей семье
58 — о воспоминаниях детства
59 — о тушечницах
60 — о современных политических событиях

6-й знак:

А — добродетельный	—А — недобродетельный
$А^{1}$ — почтительный к старшим	—$А^{1}$ — непочтительный к старшим
$А^{2}$ — целомудренный	—$А^{2}$ — развратник
$А^{II}$ — сохраняющий верность в любви	
$А^{3}$ — честный	—$А^{3}$ — нечестный
	—$А^{III}$ — лгун или обманщик
$А^{4}$ — проявляющий благодарность	—$А^{4}$ — неблагодарный или эгоист
$А^{IV}$ — искупающий свою вину	
$А^{5}$ — хороший семьянин	—$А^{5}$ — плохой родственник

А⁶ — *хороший друг*
Б — подлинный ученый

В — добрый
В¹ — совершивший добрый поступок
В² — монах, соблюдающий обеты
В³ — гадатель
V — невинный

Д — добросовестный чиновник

Д¹ — добросовестно выполняющий свои прежние обязанности

З — вежливый

К — смелый
К¹ — не боящийся нечисти

Н — нуждающийся в помощи
Н¹ — обманутый
Н² — беспомощный

—А⁶ — плохой друг
—Б — псевдоученый
—Б¹ — педант, начетчик
—Б² — шарлатан
—В — злой
—В¹ — задумавший зло или дурной поступок
—В² — монах, нарушивший обет
—V — вор, разбойник
—V¹ — отнимавший жизнь у живых существ
—Г — сутяга
—Г¹ — спорщик
—Д — недобросовестный в исполнении своих обязанностей
—Д¹ — взяточник
—Д² — карьерист
—Е — пьяница
—Ж — сплетник
—Ж¹ — клеветник
—Ж² — доносчик
—З — заносчивый, самоуверенный
—З¹ — хвастун
—З² — наглец
—З³ — невежа
—З⁴ — склочник
—И — неверующий, нечестивец
—И¹ — оскорбивший Небо по невежеству
—И² — осквернитель или грабитель могил
—И³ — не верящий в существование нечисти
—К — трус
—К¹ — слабовольный
—Л — корыстолюбец
—Л¹ — скупец
—М — ханжа

N — бедняк
П — умный
$П^1$ — мудрый
Т — мстящий нечисти за причиненное ею зло
$Т^1$ — незлопамятный
У — с помощью убеждения
Ф — с помощью физической силы (или оружия)
Ц — с помощью магической силы
Э — волшебные свойства нечисти
Ю — нечисть сохраняет старые привязанности
Я — нечисть зависит от поведения человека

W — оказавший услугу нечисти
W^1 — не мешающий нечисти

Z — сожительствующий с нечистью
Z^1 — родственники возлюбленного(ой) нечисти
Z^2 — друзья нечисти
Z^3 — родственники нечисти
Z^4 — бывшие начальники нечисти
Z^I — нечисть заигрывает с человеком
Z^{II} — нечисть сожительствует с человеком
P — жертвоприношения
R — захоронения
S — иная помощь
L — предсказание сделано людьми
L^1 — предсказание сделано умирающим человеком
L^2 — неизвестно кем
L^3 — предсказание сделано в шутку
Q — нечистью

—П — глупец
—С — урод

X — неизвестная провинность или причина
—W — причинивший зло нечисти или угрожающий ей
$—W^1$ — причинивший зло родне нечисти или ее друзьям

1 — об искусстве
2 — на философские темы
3 — на религиозные темы
4 — на нравственные темы
5 — о существовании и природе нечисти
6 — на бытовые темы
7 — о людях
8 — занимается искусством или науками
9 — проявляет человеческие слабости и недостатки
9^1 — проявляет свою индивидуальность
10 — ворует
11 — ссорится
12 — наслаждается красотами природы
13 — ведет себя как люди в семье
14 — о растениях
15 — о кристаллах
16 — о химических веществах
17 — о лекарствах
18 — о явлениях природы
19 — о животных

7-й знак:

а — бесы
б — духи мертвых
в — чудесные животные
$в^1$ — лисы в своем обличье
$в^2$ — лисы-оборотни
$в^3$ — куры
$в^4$ — волы, быки
$в^5$ — тигры
$в^6$ — насекомые
$в^7$ — змеи
$в^8$ — зайцы
$в^9$ — фазаны
$в^{10}$ — олени
г — духи
$г^1$ — водяные духи
$г^2$ — духи деревьев
$г^3$ — горные духи
$г^4$ — духи, вызванные заклинателями
$г^5$ — духи, вызванные гадателями
д — демон-людоед (якша)
1 — смертью
1а — смертью родных
2 — иными путями
е — перерождается в облике бессмертного
ж — перерождается в облике животного
$в^2$ — лисы-оборотня
з — человека с физическими недостатками
и — наказан или вознагражден другими путями

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ

А, а, α — *Дидактические рассказы о сверхъестественном*

I. Люди и Небо

А, а, α, I, 1 — Небо награждает человека:	
А — добродетельного	552*
$А^1$ — почтительного к старшим	211*, 505*
$А^2$ — целомудренного	875*
В — доброго	672*
$В^1$ — совершившего добрый поступок	546*, 1065*
$Н^1$ — обманутого	1165*
А, а, α, I, 2 — Небо помогает:	
А —	285*, 812*, 935*
$А^1$ —	87*, 142, 603*, 1039*, 1040*
Б — подлинному ученому	1118
$В^1$	81
V — невинному	886*, 1129*
Н — нуждающемуся в помощи	86, 128*, 197*, 295, 303, 408*, 437*, 446, 475*, 557*, 616, 766*, 871* (см. также: А, а, α, I, 4, —V^1)
N — бедняку	315*, 584*
А, а, α, I, 3 — Небо учит:	
$В^2$ — монахиню — заботе о бедняках	141
Д — чиновника — правильному правлению	176*
А, а, α, I, 4 — Небо карает:	
— $А^1$ — непочтительного к старшим	
1 — смертью	152, 180*
1а — смертью родных	11
2 — иными путями	455*, 936*, 1088*
— $А^2$ — развратника	
1	356*, 361, 388, 392*, 509*

	2	70, 103*, 288, 658*, 717*, 751* (ч. 1), 856*, 864*
—A[3]	— нечестного	
	1	39, 77*, 700*
	1а	36
	2	1141*, 1154
—A[4]	— неблагодарного	
	1	51 (ч. 2)
	2	752*
—B	— злого	
	1	33, 228*, 600*, 650*
—B[1]	— задумавшего зло	
	2	49, 481*, 704[E], 968* (ч. 3)
—V	— вора, разбойника	
	1	279*, 1129*
	2	353*
—V[1]	— отнимавшего жизнь у живых существ	
	1	177*, 184*, 427, 591*, 773*, 871* (см. также: A, a, α, I, 2, H), 1016*, 1091*
	1а	503*
	2	148, 781*, 1142*
—Г	— сутягу	
	2	529*
—Д	— недобросовестного в исполнении своих обязанностей	
	1	458*
	2	599
—Д[1]	— взяточника	
	1	1093*
	2	736*, 1092
—Е	— пьяницу	
	2	89*, 205
—Ж	— сплетника	
	1	917*
	2	751* (ч. 2), 916*
—З	— заносчивого	
	1	1147*
	2	23*
—И	— неверующего	
	1	1071*
X	— за неизвестную провинность	

1 — 138*, 210, 420
2 — 34, 556
А, а, ₁, I, 5 — Небо обличает (или разоблачает):
—А² — 298*, 631*
—Б² — шарлатана 412*, 954*
—В¹ 181
—И 735*
А, а, ₁, I, 6 — Небо предостерегает:
—А² 216
—В¹ 55*
—Г 377
А, а, ₁, I, 7 — Небо прощает:
—И¹ — оскорбившего Небо по невежеству 242*
Т — мстящего нечисти за причиненное ею зло 674*

II. В Царстве мертвых

А, а, ₁, II, 1 — Награждают:
А 489* (ч. 1), 689
А² 67*
В¹ 863*
N 10 (ч. 1)
А, а, ₁, II, 4 — Карают:
—А¹ — 316*
—А² — 219, 349*, 442*, 995*
—Б — псевдоученого 543*
—Б¹ — педанта 488
—В 489* (ч. 2), 834 (ч. 1, 2)
—Д 10 (ч. 2), 198*, 248*, 873*
—Ж 1006*
—З⁴ 1006*
А, а, ₁, II, 6 — Предостерегают:
—А¹ 798*
—Г 826*
А, а, ₁, II, 7 — Прощают:
—В² — монаха, нарушившего обеты 949*

III. Люди и нечисть

А, а, ₁, III, 2 — Нечисть помогает человеку:
А
а — бесы 635, 716*

г[1] — водяные духи 1145*

А[1]

в[1] — лисы в своем обличье 110, 347

Б

а 729

в[1] 429, 905*

Н

а 992, 1122*, 1166

б 271*

в[1] 306*, 899*, 958*, 1015*, 1018, 1043*

в[4] — волы, быки 260*, 328*

г — духи 200*, 589*

г[5] — дух, вызванный гадателем 381*, 504*

W — оказавшему услугу нечисти

а 147*

б — души мертвых 159*, 482*, 731*, 967

в[1] 606*, 824*, 926*

в[3] — куры 975*

А, а, ϰ, III, 2а — Нечисть проявляет уважение к человеку:

А[1]

а 189*

Б

а 286*, 406*

в[1] 1117*

А, а, ϰ, III, 4 — Нечисть карает:

—А[1]

в[1] 932*

—А[2]

а 127*, 613*, 1130*

б 160*, 199

в[1] 401*, 832*, 1159*

в[2] — лисы-оборотни 720*, 730, 737*, 846*, 934 (ч. 2)

—А[3]

а 267*

в[1] 583, 882

в[2] 750*

—Б[1] — педанта, начетчика

в[2] 783

—В

а 161, 920*

—Е

а 85*
г 734*
—Ж[1] — клеветника
б 1160*
—З[1] — хвастуна
а 469*, 471*
—И[2] — осквернителя могил
б 237, 483*
—К — труса
а 15, 345*, 508*
—Л — корыстолюбца
а 506*, 738
—Л[1] — скупца
а 512*
а 900
—W[1] — причинившего зло родне нечисти
б 968* (ч. 1, 4)

А, а, α, III, 5 — Нечисть разоблачает:
—А[2]
в[1] 927*
—Б[2]
а 620*, 994*
в[1] 179
—В[1]
а 997*
—V — преступника
а 909*

А, а, α, III, 5а — Нечисть осуждает:
—А[2]
а 16
б 319*, 560
в[1] 59, 137*, 490*, 494*
г[5] 105
—А[4] — неблагодарного
б 862
—А[5] — плохого родственника
б 721*
г[5] 125
—Б[1]
г[5] 334*
—Б[2]
в[1] 1111*
г 382*

—В
б 1151*, 1192*
в¹ 545
—Г
б 528*
—Д
б 297
г⁴ 908
—З² — наглеца
в¹ 901*
г⁵ 460*
—З³ — невежу
а 274*, 428*
—И
г 416*
—К² — слабовольного
в² 866*
—Л¹
в² 1133 (ч. 2)
—М — ханжу
в² 1112
—П — глупца
в¹ 474

А, а, α, III, 5б — Нечисть насмехается:
—А²
а 790, 819*, 907*, 922
в¹ 341*, 657*, 814*, 1028*, 1082
в² 487*, 902*
—А^III — над обманщиком
а 265*
—Б¹
а 182*, 185*
б 3, 50
в¹ 333*
в² 153*
—В
г 307*
—Д
а 507*
—Д² — над карьеристом
а 335
—Е
в¹ 258*

—З[1]
а 801*
в[1] 777*
—З[2]
а 989
б 945
—И[3] — над не верящим в существование нечисти
в[1] 73*
—К
а 266, 311*
в[1] 706*
К[1] — над не боящимся нечисти
а 593, 934 (ч. 1)
—Л
в[1] 627*, 1127
—Л[1]
в[1] 202*, 309*
А, а, α, III, 6 — Нечисть предостерегает:
—А[1]
б 193 (см. также: А, а, α, III, 8)
—А[6] — от плохих друзей
б 532*
—В[1]
б 94, 477*
в[1] 9, 1031*
—И[3]
а 213
—W — от причинения зла нечисти
г[2] — дух дерева 713*
А, а, α, III, 7а — Нечисть не трогает:
А
а 174*, 350*, 379*, 433*, 1106*
в[1] 668*, 746*
в[5] — тигр 451*
А[1]
в[1] 2
А[2]
а 705*
Б
в[1] 570*
в[2] 1101

К[1]

а 312*, 404, 656*

б 818

А, а, α, III, 8 — Нечисть ведет себя благородно:

А

а 1064*

в[2] 8*, 816*, 825, 1005*

А[1]

б 193 (см. также: А, а, α III, 8)

в[2] 911*

А[2]

б 46, 827*

в[2] 212*, 434*, 913*

А[4] — проявляет благодарность

б 753

А[5] — как хороший семьянин

б 154, 168*, 491*, 493*, 513*, 514*, 515*, 520*, 585, 619*, 630, 714*, 742, 1047*, 1073*, 1163*

в[1] 959*

А[6] — как хороший друг

б 724*, 1144

АII — сохраняет верность в любви

б 414, 542, 563, 621*

Д[1] — добросовестно выполняет свои прежние обязанности

б 760

А, а, α, 8а — Нечисть ведет себя благороднее человека:

А — благороднее

в[1] 687*

А[3] — честнее

в[2] 1167*

Б — прилежнее в учебных занятиях

а 748

З[3] — вежливее

в[2] 467*

А, а, α, III, 8б — Человек ведет себя хуже нечисти:

—А[2] — развратнее 813*

—В — злее 869*

—V — как разбойник 83
А, а, α, III, 9 — Нечисть просит помощи человека:
Д — у добросовестного чиновника
б 586*
А, а, α, III, 10 — Человек побеждает (обуздывает) нечисть:
А — добродетелью
а — бесов 808*, 810*, 820*, 1046*, 1168*
в¹ 130
в² 579*, 643*, 661*, 852*
В¹ — добрым поступком
в¹ 955
К — смелостью
а 22, 63, 71, 79, 255, 268, 396*, 769*, 918*, 1003*, 1021*, 1105* (см. также: Б, а, α, III, 4а, Z, в²), 1150, 1156 (ч. 1, 2, 3)
б 163*
в¹ 1034*
П — умом
а 569*, 699*, 965*, 1024*, 1128
в⁵ 857*
У — убеждением
а 1131*
б 170
в² 338*
Ф — физической силой (оружием)
а 343, 590*, 686*, 719*, 1169*, 1174*
б 1097
в⁵ 605*
г² 173
д — якшу 367
Ц — магической силой
а 610, 649*
б 1101 (ч. 1)
в¹ 20, 703*
в² 395*, 459, 645*, 793*

IV. Перерождения

А, а. α, IV, 1 — Человек в новом перерождении награжден за прошлую жизнь:
А
е — переродился в облике бессмертного — 277*, 1172
и — вознагражден иным путем — 978*
B^1
и — 1030*

А, а, α, IV, 4 — Человек в новом перерождении наказан за прошлую жизнь:
—A^2
ж — переродился в облике животного — 7, 95*
—A^3
ж — 32
—V
ж — 426*, 896
$в^2$ — в облике лисы-оборотня — 646*
—V^8
ж — 1123*, 1124*
—Ж
з — в облике человека с физическими недостатками — 47

А, а, β — *Дидактические рассказы о естественном*

V. Люди

А, а, β, V, 1 — Люди награждают:
B^1 — 595*, 993

А, а, β, V, 3 — Люди поучают:
А — добродетели — 519
Д — чиновника — правильному суду — 791*

А, а, β, V, 4 — Люди карают:
—A^2 — 106, 632*, 684*
—A^3 — 1094*, 1164*
—$Б^1$ — 1113*
—В — 82*, 280*, 757*, 968* (ч. 2)
—B^1 — 544*
—V^1 — 40*

А, а, β, V, 5 — Люди разоблачают:
—A^3 — 29, 980 (ч. 1)

—Ж[1] — доносчика 980 (ч. 2)

А, а, β, V, 5а — Люди осуждают:

—А 749*

—В 596*, 893, 1158*

—З[3] — невежу 567*

А, а, β, V, 5б — Люди насмехаются над:

—А[2] 921

А, а, β, V, 6 — Люди предостерегают:

—А[1] — от непочтительности к старшим 999*

—А[5] — от плохого отношения к родственникам 725*

А, а, β, V, 11 — Люди проявляют:

А 617*, 625

А[1] 114, 359*, 659, 897, 1004*, 1049*

А[2] 118, 835, 490*

АII — верность в любви 60, 129*, 564*, 565*, 642*, 979*, 1008*, 1058*

А[4] — благодарность 51 (ч. 1)

АIV — раскаяние 281*, 358*, 1184 (ч. 1)

А[5] — как хороший семьянин 522, 1171*

А[6] — верность в дружбе 478, 973*

Б 348, 983*

В 1146*

В[1] 696*

В[2] — монах соблюдает обеты 1148*

Д 117*

К 1000*

П — ум 906*

П[1] — мудрость 151*, 417

Т[1] — незлопамятность 1133 (ч. 1)

—А[2] 131*, 321*

—А[3] 93, 183, 943, 996*, 1120*

—А[4] — ложное понимание дружбы 759*

—Б[1] — педантизм 510, 842, 1044

—В 116, 667*, 695*

—Г — склонность к сутяжничеству 977*

—Г[1] — склонность к спорам 974

—Д[1] — склонность к взяточничеству 987*, 1001 (ч. 2)

—Ж[1] — склонность к клевете 890*

—П — глупость 1149

VI. Животные

А, а, β, VI, 8 — Животные ведут себя благородно:
AII — 1179*

А, а, β, VI, 8а — Животные ведут себя благороднее, чем люди:
B¹ — совершают добрый поступок — 495

А, а, β, VI, 11 — Животные проявляют:
—Д — недобросовестность в исполнении своих обязанностей — 1180*
—П — глупость — 566

А, б, α — *Дидактические заметки о сверхъестественном* — 195*

А, б, β — *Дидактические заметки о естественном*

А, б, β, VII — О нравственности — 104, 486*, 772, 874*, 1182*

А, б, β, VIII — О поведении человека в обществе — 12, 119*, 387*, 530*, 697*, 836*

Б, а, α — *Недидактические рассказы о сверхъестественном*

II. В Царстве мертвых

Б, а, α, II, 12 — Чиновники Царства мертвых разговаривают с людьми — 92*, 190*, 206, 440*, 549*

Б, а, α, II, 13 — Устройство Царства мертвых и судопроизводство в нем — 194*, 293*, 470*, 939*, 1022*

Б, а, α, II, 14 — Смешные случаи и ошибки судопроизводства в Царстве мертвых — 68, 648*, 924*

III. Нечисть

Б, а, α, III, 2 — Нечисть помогает человеку:
Z — сожительствующему с ней
в¹ — 912*
Z¹ — родственнику ее возлюбленного
в² — 191*, 629*, 942*
Z² — другу нечисти
в¹ — 807*, 878*
Z³ — родственнику нечисти
б — 623*, 1045*, 1143*

Z^4 — бывшему начальнику нечисти
б 1080*

Б, а, α, III, 4а — Нечисть вредит человеку:
—Z
в² 139*, 208, 259*, 815, 966*, 1105*
—W — причинившему зло нечисти или угрожающему ей
а 164, 165*, 169, 232*, 250*, 445*, 464, 624, 732*, 733*, 794*, 796*, 923*
б 54, 167, 322, 447*, 800
в¹ 204, 263*, 340*, 344*, 466*, 500*, 511*, 516*, 540*, 681*, 709, 898*, 925*, 976*, 1041*, 1077*, 1110*, 1119*, 1135*
в² 394, 443*, 463*, 833*, 1059*, 1173*
в⁶ — насекомые 594*, 1027*
в⁷ — змеи 76, 1075*
в⁸ — заяц 342*
в⁹ — фазан 76
г² 43*, 950*
—W^1 — причинившему зло родне нечисти или ее друзьям
б 201*, 209
в¹ 644*, 1013*
V — невинному
а 72, 270*, 287*, 313*, 314*, 424*, 531*, 740*, 755*, 787*, 789*, 847*, 892, 1009*
б 97, 145, 146*, 666*, 718, 722*, 843*
в¹ 337*, 1155*
в² 326 (ч. 2), 707*, 805*
в⁵ 887*, 953*
в⁶ 172*, 1037*

Б, а, α, III, 5б — Нечисть насмехается над человеком:
V — невинным
а 61*, 283*, 444*, 612*, 647*, 669*, 741*

в² 1042*
г³ — горный дух 402*
г⁵ 792*
H² — боспомощным
а 249, 608
C — уродом
в¹ 547*
Б, а, ₂, III, 7а — Нечисть не трогает:
Z
а 1007*
в² 326 (ч. 1), 518*
W¹ — не мешающего нечисти
а 269*
в¹ 75*, 101*
в² 90
Б, а, ₂, III, 7б — Нечисть боится человека:
X — по неизвестной причине
а 527*
в² 450*
—W — угрожающего ей человека
в¹ 240*
д 235*
Б, а, ₂, III, 9 — Нечисть просит помощи человека:
P — жертвоприношения
б 604*, 888*, 928*
R — захоронения
б 803*, 1010, 1175*, 1190*
S — иной помощи
а 223*
б 383, 676*, 764*
в¹ 425, 956*
в² 693*, 960*
Б, а, ₂, III, 9а — Нечисть хитростью заставляет человека помочь ей:
S
в¹ 946*
Б, а, ₂, III, 10а — Человек безуспешно пытается обуздать нечисть:
Ц — с помощью магической силы
в¹ 419
Ф — с помощью физической силы или оружия
а 17

г³ 1002*

Б, а, ɤ, III, 12 — Нечисть рассуждает:

1. Об искусстве

а 6, 132*, 220 (ч. 1), 330*, 352*, 577*, 598*, 694*, 782*, 844*, 937*, 952, 982*, 1017*, 1189*

б 637

г 867*

2. На философские темы

а 136*, 220 (ч. 2), 254*, 438*, 587*, 633, 641*, 853, 985*

в¹ 175*, 526*, 660*, 938*, 1191

в² 13

г³ 380*

3. На религиозные темы

а 186*, 304*, 1121*

г 318*, 354*, 360*

4. На нравственные темы

б 91*, 256

5. О существовании и природе нечисти

а 1011*

б 14, 371*, 432, 492*, 501

в¹ 525

в² 1109*

г 339*

г² 405*

6. На бытовые темы

а 305*, 418*

б 115*

г² 30*

7. О людях

а 158*, 203*, 294, 948*,

в² 441*

Б, а, ɤ, III, 15 — Нечисть вступает в любовные отношения с человеком:

ZI — заигрывает с человеком

в² 19*, 45, 365*

ZII — сожительствует с человеком

в² 234*, 1057

Б, а, ɤ, III, 16 — Нечисть ведет себя как люди:

8. Занимается искусством или науками

а 26, 27*, 166*, 317, 376*, 465*, 609*, 683*, 951
в¹ 102*, 124*, 171*, 244*, 362*, 558*, 626*, 860*, 1176*
в² 775*, 837*
9. Проявляет человеческие слабости и недостатки
а 981*
в¹ 711*, 747, 868
в² 580*, 581*, 1181*, 1184* (ч. 2)
г 758*
г⁵ 537*, 559, 675*, 1012*, 1114*
9¹. Проявляет свою индивидуальность
г⁵ 143*, 1019*
10. Ворует
а 754*
г 1056
11. Ссорится
а 192*, 217*, 251*, 284*, 915*, 1026*
б 346*, 653*, 715*, 785*, 1025*
в¹ 222*, 548*, 883*, 1072*
12. Наслаждается красотами природы
в² 1170*
13. Ведет себя как люди в семье
в¹ 188, 308
Б, а, а, III, 17 — Свойства нечисти:
Э — волшебные свойства
а 484* (ч. 1, 2, 3)
б 368*
в¹⁰ — олени 1029*
Ю — нечисть сохраняет свои старые привязанности
б 196*, 323*, 393*, 533, 550*, 774*, 776*, 797*, 1074*, 1102*
Я — нечисть зависит от поведения человека
б 41, 135, 439*, 571*

IV. Перерождения

Б, а, α, IV — Люди в новом перерождении сохраняют:

18. Прежние качества
    К — смелость — 355*
19. Прежние симпатии — 480
20. Прежние антипатии — 1, 476*, 499*, 701

IX. Предопределения

Б, а, α, IX, 21 — Пророчества — 35, 930*, 1048*, 1070*, 1078*

Б, а, α, IX, 22 — Предзнаменования — 140, 230*, 247, 370*, 372*, 384*, 436, 496*, 521*, 597*, 702, 829*, 1084*

Б, а, α, IX, 23 — Предсказание, сделанное:

- B^2 — монахом — 38, 1126*
- B^3 — гадателем — 78*, 144 (ч. 1), 690*, 830*, 838*, 1033*
- L — людьми — 134*, 378*
- L^1 — умирающим человеком — 231*, 386*
- L^2 — неизвестно кем — 48*, 423*
- L^3 — предсказание сделано в шутку — 682, 685
- Q — нечистью
  - а — 18, 688*, 806*, 811*
  - б — 126, 246, 435*, 498*, 1125*
  - $в^1$ — 397*, 877*
  - г — 215*
  - $г^5$ — 52, 207*, 227*, 257*, 264*, 272*, 296*, 363*, 400*, 582*, 822*, 828*, 845*, 986*, 1076*, 1186*

Б, а, α, IX, 24 — Вещие сны — 5*, 28, 69, 88*, 103*, 111*, 112*, 149*, 150*, 290*, 291*, 430, 462*, 472*, 572*, 679*, 870*, 885*, 910*, 1139*

Б, а, α, IX, 25 — Гадания — 44, 957*

Б, а, α, IX, 26 — Предопределения судьбы — 431*

X. Чудеса

Б, а, α, X, 27 — Волшебные предметы — 56*, 58, 113, 245*, 289*, 324*, 366*, 409*, 479*,

538*, 614*, 692*, 728*, 779*, 821*, 861*, 1038*, 1060*, 1136*

Б, а, α, X, 28 — Волшебные растения 122*, 241*, 261*, 327*, 574*, 602*, 767*

Б, а, α, X, 29 — Волшебные животные 62*, 84*, 96*, 162*, 239*, 301*, 357*, 497*, 562*, 611*, 670*, 671*, 880, 988*

Б, а, α, X, 30 — Волшебные человекообразные существа 74, 121*, 243*, 276*, 839*, 1035*, 1079*

Б, а, α, X, 31 — Люди, умеющие творить чудеса 24, 31, 37, 42, 109*, 133*, 156*, 253*, 399*, 413*, 461*, 588*, 678*, 680, 1014*, 1051*, 1054*, 1055*, 1081*

Б, а, α, X, 32 — Воскрешения из мертвых 155*, 214*, 422*, 502*, 817*, 933*, 1104*

Б, а, α, X, 33 — Чудесные явления 98, 403*, 457*, 723*, 881*

Б, а, α, X, 34 — Чудесные случаи 25, 57, 65, 66, 218, 221*, 224*, 226, 236*, 282*, 325*, 329*, 351*, 364*, 389*, 391*, 407*, 415*, 421*, 573*, 615*, 651*, 727*, 763*, 770*, 778*, 823*, 841*, 854*, 855*, 879*, 884*, 889*, 894*, 903*, 929*, 947*, 990*, 1066*, 1068*, 1116*

Б, а, α, X, 34а — Странные случаи 4, 144 (ч. 2), 238*, 300*, 369*, 454*, 468*, 523*, 607*, 618*, 654, 831*, 914*, 991*, 1069*, 1086*, 1132*, 1183*, 1185*, 1187*

Б, а, β — *Недидактические рассказы о естественном*

Б, а, β, XI — Любовные истории 756*, 876*, 944, 970*, 1152*

Б, а, β, XII — Необычайные люди 1177*, 1178*

Б, а, β, XIII — Случаи 628*, 744*, 998*

Б, а, β, XIV — Плутовские анекдоты:
Б, а, β, XIV, 35 — Ловкий вор 1161*
Б, а, β, XIV, 36 — Люди, претворяющиеся сверхъестественными существами 99, 100*, 107, 225, 332*, 398*, 410*, 517, 553*, 739*, 743*, 1087*

Б, б, α — *Недидактические заметки о сверхъестественном*

Б, б, α, I — О Небе 187*, 698*
Б, б, α, II — О царстве мертвых 80, 302*
Б, б, α, III — О нечисти 229*, 252*, 273*, 320*, 449*, 452*, 534*, 708*, 726*, 786, 865, 1140*
Б, б, α, IV — О перерождениях 275*, 673*
Б, б, α, IX — О предопределениях
Б, б, α, IX, 24 — О вещих снах 390*
Б, б, α, IX, 25 — О гаданиях 292*, 310*, 919*
Б, б, α, IX, 26 — О предопределениях судьбы 448*, 524*, 1032*

Б, б, α, X — О чудесах
Б, б, α, X, 27 — О волшебных предметах 895*
Б, б, α, X, 31 — О людях, умеющих творить чудеса 541*, 652*
Б, б, α, X, 33 — О чудесных явлениях 1052*
Б, б, α, X, 34 — О чудесных случаях 1050*

Б, б, β — *Недидактические заметки о естественном*

Б, б, β, XV — Философия ия
Б, б, β, XV, 37 — На философские темы 331*, 765
Б, б, β, XV, 38 — О разных религиях 178*,, 262*, 456*, 665, 745*, 799*
Б, б, β, XV, 39 — О неоконфуцианцах 21*, 535*, 1020
Б, б, , XV, 40 — О древних книгах 555*, 622*, 638*, 639*, 691*, 1053*, 1096*
Б, б, β, XVI — Наука:
Б, б, β, XVI, 41 — Этнография 336*, 411*, 561*, 712*, 809*, 1090*, 1137*
Б, б, β, XVI, 42 — География 373*, 374*, 1061*

Б, б, β, XVI, 43 — Топонимика	554*, 601*, 1103*
Б, б, β, XVI, 44 — Естественные науки:	
14. О растениях	375*, 385*, 851*, 859*
15. О кристаллах	840*
16. О химических веществах	1157*
17. О лекарствах	655*, 771*, 891*, 1023*, 1067*
18. О явлениях природы	299*, 1036*
19. О животных	536*, 662*
Б, б, β, XVI, 45 — Рационалистические объяснения странных явлений	568*, 575*, 576, 710*
Б, б, β, XVI, 46 — На исторические темы	120*
Б, б, β, XVI, 47 — На археологические темы	761*, 762*, 780*
Б, б, β, XVI, 48 — О надписях	539*, 677*, 1115*
Б, б, β, XVI, 49 — На экономические темы	848*
Б, б, β, XVI, 50 — О государственных экзаменах	1098*, 1099*, 1100*
, б, β, XVII — Искусство	
Б, б, β, XVII, 51 — Об искусстве писать рассказы	1193
Б, б, β, XVII, 52 — О стихах	64*, 157*, 233*, 278*, 551*, 578*, 634*, 768*, 904*, 941*, 1095*, 1134*, 1138*, 1162*, 1188*
Б, б, β, XVII, 53 — О картинах и статуях	971*, 972*
Б, б, β, XVII, 54 — Об игре в шахматы	473*, 664*
Б, б, β, XVII, 55 — Об искусниках-умельцах	1062*, 1063*
Б, б, β, XVII, 56 — О драгоценностях и редкостях	858*, 961*, 962*, 963*, 964*, 969*, 1089
Б, б, β, XVIII — О себе	
Б, б, β, XVIII, 57 — О своей семье	636*, 663*
Б, б, β, XVIII, 58 — О воспоминаниях детства	784*
Б, б, β, XVIII, 59 — О тушечницах	53*, 453*, 592*, 788*, 802*
Б, б, β, XVIII, 60 — О современных политических событиях	1083*, 1085*
Б, б, β, XIX — О еде и вине	804*, 849, 850*, 1153*,
Б, б, β, XX — Пейзажные зарисовки	123*, 640
В. *Произведения, в которых обсуждается сюжет*	485, 931, 984, 1107, 1108

SUMMARY

The book is intended to introduce the reader to one of the most interesting examples of eighteenth-century Chinese prose of the smaller forms — «Notes from a Hut Named Much-in-Small-Compass» (*Yüeh-wei ts'ao-t'ang pi-chi*), by the eminent writer and scholar Chi Yün (1724—1805).

This author, the son of a high-ranking official, held in the course of his lifetime several positions as an official. He was one of the principal editors of The Complete Catalogue of the Imperial Library in Four Branches of Literature (*Ssü-k'u ch'üan-shu tsung-mu*) and wrote a series of philological researches. He also published several anthologies of verse. Another interesting work of his is entitled «The Book on the Ink-Slabs and the Inscriptions They Bear» (*Yüeh-wei t'sao-t'ang yen-p'u*). During the last years of his life, Chi Yün was President of the Censorate, the Board of War, and Board of Ceremonies. A collection of short prose works in five volumes entitled «Notes from a Hut Named Much-in-Small-Compass», first published in 1800, brought him fame.

Chi Yün's prose is almost unknown to the European reader. Up to the present, only about seventy of these stories have been translated into European languages. In his own country, no researches especially devoted to his work have appeared. Brief, though objective evaluations of it may be found in works by Lu Hsun and other Chinese scholars, written during the period extending over the 1920s—1950s. These were succeeded by a negativist, vulgarly-sociologized approach typical of the prevailing view of Chinese literary studies at the time of the so-called «cultural revolution». In this book, however, where Chi Yün's writing is represented by selected

translations, a place of importance has been accorded to analysis of his creative work and to the salient features of his ideas and his art.

Chi Yün's collection yields a wealth of material for typological analysis, carried out in the first place with the aid of the «Plot-index», determining the recurrence of subjects and their variation.

Subjects are arranged in this index under eight main headings: didactic stories of the supernatural (413), didactic stories of the natural (85), didactic notes on the supernatural (1), didactic notes on the natural (12), non-didactic stories of the supernatural (518), non-didactic stories of the natural (23), non-didactic notes on the supernatural (30), non-didactic notes on the natural (106). Five stories are placed in a special group, since Chi Yün had not reached a definite conclusion as to whether the events described had resulted from natural or supernatural causes and possessed an edifying purpose or not.

In itself, this primary division into main groups affords material for some preliminary conclusions. For instance, it is immediately obvious that the number of stories (1044) considerably exceeds the number of notes (149); that supernatural subjects form 89 per cent of the tales, while the notes on this theme constitute no more than 27.5 per cent. Another noticeable point is that the didactical predominates in the tales but not in the notes.

In these supernatural-didactic tales, unearthly forces are concerned about people, over whom they keep an unremitting watch, and even react after their own fashion to people's conduct. The introductory article gives a series of tables defining not only the reaction of the supernatural forces to human behaviour, but also the traits of character and actions of persons who evoke this reaction; on this basis it is possible to evolve a kind of scale of those moral values which proved to be closely related to traditional Chinese ethical conceptions.

More than a hundred tales compose several groups in the Plot-index, illustrating the favourable attitude adopted by supernatural forces to virtuous people, to genuinely learned

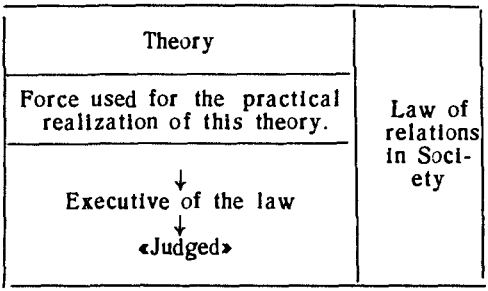
scholars, to persons respectful to their elders, to scrupulously conscientious officials, and so on. More than two hundred tales afford evidence of the negative attitude of these forces towards profligates, cruel and malevolent people, to pedants, charlatans and those who behave disrespectfully to their elders; fifty-three tales demonstrate the ways by which virtuous people overcome evil, relying on their own goodness, wisdom, or courage.

It is clear that the recurrence of subjects in Chi Yün's collection is not fortuitous but is accorded the importance of a principle.

Applying V. Y. Propp's terminology, and the conclusion formulated in his «Morphology of the Folktale» to Chi Yün's collection, we may affirm that the supernatural personages in various tales perform practically identical functions; these functions are «permanent values»; the personages themselves, the motivation of their actions, the mode of carrying out their functions, are «variable values». Heaven, or the Judges of the Kingdom of the Dead, and spirits, may punish the profligate, the thief and the robber, or they may reward the virtuous, aid the needy, and pardon those who have offended through ignorance. The behaviour of demons differs from that of spirits, the behaviour of the fox-werewolf from that of the Judges of the Kingdom of the Dead, but the functions of these are identical: they all have the power to deal out rewards or punishments according to people's actions. V. Y. Propp concludes that the wide variety observed in the folktales, and their uniformity (recurrence) is explained by the limited range of functions as compared with the wide range of characters; and this is applicable to the majority of Chi Yün's didactic tales about the supernatural — here recurrence of subjects is a definite structural principle.

The activity of supernatural forces in Chi Yün's stories is not lawless and perverse but is governed by a definite purpose, a certain attitude to social relations established, as the writer considers, by Heaven, a law known and formulated by the wise Confucians of antiquity. Heaven, spirits, Judges of the Kingdom of the Dead, and — in rare instances — people themselves are

the instruments of this law; these people are sub-divided into judges who assess the actions of others, and the «judged» (offenders) who are the principal characters in the tale. Chi Yün's model of the world, then, looks something like this:

«Law» is here understood in the sense of establishment, rule (theory), and likewise in the meaning suggested by a term such as «the law of nature», that is — «necessity». Therefore, in Chi Yün's model of the world, law realizes itself and constitutes a force capable of ensuring obedience (usually through the medium of judges). Yet we know that some events in the stories proceed according to the author's will. In these cases, the author also becomes the force that puts the «law» into practice. It appears, then, that the model of the world re-created by the reader of Chi Yün's tales differs somewhat from that in the diagram, since the author's personality appears in it (with his own evaluation of people and events, of adjudicators and offenders) in the role of the supreme judge.

The function of supernatural forces is to give practical expression to moral evaluations formulated by the writer: in short, to act as the omniscient instrument of supreme necessity — «law». Moral values as established by the writer are frequently expressed in the form of edifying exhortations or sententious phraseology summarizing the whole purpose of the story. The didactic trend of Chi Yün's tales determines, to a considerable extent, the author's involvement in the narrative.

Like the authors of official Chinese biographies who wrote with an instructional purpose (giving exemplary cases or, less

frequently, illustrations of pitfalls to be avoided), Chi Yün was interested in two aspects of man's life: his functions in his employment and his domestic affairs. The writer considered that man's nature could be perfected through upbringing and education, and also through the beneficial influence of good examples. It was for this reason that he paid such close attention to every detail of human behaviour, and presented his characters against the background of family life, in society and in state affairs. He showed exemplary brides and bad ones, malicious mothers-in-law and kind ones, faithful and unfaithful wives, respectful and disrespectful sons, conscientious and also unscrupulous officials, learned scholars, and imposters.

Through the medium of his book-title «Notes from a Hut Named Much-in-Small-Compass» (the essential meaning is satisfactorily conveyed by the familiar Latin expression «multum in parvo») Chi Yün suggests that in the trifling things of private life, in certain episodes, in particular cases, in homely details, the vast system of a reasonable, purposefully-ordered world may be discerned, and that great moral laws may underlie miniature sketches, slight stories, and brief notes made in passing. By dwelling on the small things of life, Chi Yün revealed much that could prove of outstanding significance. He revealed also the literary method he employed — exposure of the contrasting world of evil spirits parallel to the world of men.

This writer wanted to teach his contemporaries nothing but good; he found, however, that life yielded few examples of worthy rulers, honest officials, wise and righteous scholars, capable of improving social morals by their personal example. So Chi Yün resorted to the use of the fantastic, not only in the exposition of his ideas about proper human conduct but also to give people instruction in this field; instead of abstract precepts and sermonizing, he indicated concrete examples which were more impressive because they were so unusual. If people were capable of despicable actions, these should not remain hidden; powers exist that watch everything that is done under the sun, and can foretell people's most secret inten-

tions. No matter if the human environment of a person remains indifferent to his actions, he cannot offend with impunity because forces exist that react to evil and, since they are not trammelled by mutual obligations, by the indifference or fear of the great and powerful of this world, they can inflict punishment in proportion to the offender's guilt... This, then, is the reason why so many tales about the supernatural are found in Chi Yün's collection.

As is evident from its title, the book belongs to the «pi-chi» genre, which has a long history. In the introductory article its evolution is traced from early collections of records of the greatest variety (including short stories, miscellaneous notes on remarkable events, stories from the lives of eminent persons, opinions on literature, philosophy, history, customs and morals prevailing at different historical periods, on natural phenomena, notable places, and so on) up to Chi Yün's works, in which the underlying idea is didactical, exposing degraded morals and conveying instruction the contemporary readers through the medium of concrete examples. For the first time in the «pi-chi» collections, a single observer is apparent behind the miscellaneous jumble of diverse observations and thoughts, which he evaluates and transmits through the subject of his narrative.

Following the tradition of the pi-chi genre, Chi Yün compiled these collections of disparate records in which the short stories were accompanied by notes of an informative and publicist nature. In the introductory article, the stories are divided into two types: one — narratives resembling anecdotes, i. e., without a setting, and — other narratives resembling the short story placed in a setting. In those of the first type, the contents are, as a rule, confined to the plot; they are about an event (usually only one) and ist outcome, and are built around a conflict, a contradiction. The action follows a single-line development and aims at unity of effect attained through uninterrupted narration. Works of the second type are generally distinguished by some earlier history, are marked by a relative duration of time, and some consecutiveness is evident in the events described; the character in the second type of

narrative (in a setting) figures in a series of episodes or stages showing its progress through life, and not in a single definite episode. The emphatic dynamic quality is absent in the development of the plot. The introductory article gives studies of both types of narrative, themes of notes inserted by Chi Yün between the stories and anecdotes, and defines a series of genre-features typical of the pi-chi collections.

Chi Yün's inventiveness is discerned at the basis of his plot-narratives, but, true to the traditions of the pi-chi genre, he strove to endow even tales and anecdotes about supernatural personages with a «factual» and «authentic» character. This he did by introducing «narrators», by referring to eye-witnesses of extraordinary occurrences, by giving details of time and place, and — what is more important — by drawing from the most improbable «case» a concrete edifying conclusion for the benefit of the contemporary reader.

In Chi Yün's works the effort to produce the impression of authenticity is associated not only with the laws of the pi-chi genre; he considered it important to illustrate the underlying idea-concept of his collection: the assumption that good should overcome evil, that a moral example should guide the erring and the transgressor towards the right path. In presenting a series of examples in which supernatural forces rewarded the good and punished the bad, Chi Yün created a series of variations on identical themes that serve as evidence of the basic idea of «Notes from a Hut Named Much-in-Small-Compass». By giving the time and place of action, or by mentioning the narrator's name, the authenticity of the story was established on one hand but, on the other hand, these things showed that the events described had happened in different places at different historical periods, and, consequently, confirmed their independence of time and scene, and the fact that they were universal, unmitigated, and natural. According to the tables given in the article, the distribution of these happenings at different times and places permits the reader to conclude that this distribution is not fortuitous but is intended to prove that everywhere supernatural forces have always

punished the wicked, while courageous, clever and honest people have always conquered evil everywhere.

Chi Yün was interested in facts, events and instances in so far as these illustrated his own instructional ideas and could serve as material for moralizing conclusions and edification. Therefore, he chose the short-story genre which did not require him to show the emotions and the inner world of his characters. These characters are generalized according to some particular quality or ruling passion (miserliness, hypocrisy, honesty, and so on). His personages are endowed with the kind of character previously decided upon and, more often than not, appear in some separate episode not associated with their lives before the specified time, or, at all events, not conditioned by it. Between one tale and another certain traits accumulate in the hero's character and form a type. The result is a typical character but the focal point lies in the situation in which the character must act and reveal himself. This typical character is often associated with a personage's profession or his mode of thought (for instance, from tale to tale the image of the pedant continues to acquire new traits). Within those limits an ideal normative character exists, the traits suggested by traditional conceptions of what is fitting and proper. Some of Chi Yün's heroes approach this ideal but the majority are shown as deviations from it. The idea of what is «fitting» is always present though invisible; the measure of the personage's individuality consists in the degree of deviation and approximation to this ideal character.

The result of the resemblances existing between many of Chi Yün's personages is that the typical prevails, dominating the individual; the moral side of human behaviour is accentuated, i. e., the aspect conceptually perceived, and not the individual, imaged aspect. Hence, the very sparing insertion of individual traits (portraits and details), their substitution by word-characterization which expresses more thought than the imaged presentation. The problematic idea of «right» and «wrong» behaviour invokes conceptual and not sensual perception.

Chi Yün believed that it was possible to correct social morals through the education of individual members of society; he dreamed of seeing his contemporaries leading better, cleaner, more moral lives than at present; his morality was built upon reason and «universal benefit», rather than upon religious beliefs and traditions. He was not only a teacher of morals but also a critic of certain aspects of social life (no wonder, then, that Lu Hsun spoke of the writer's «civic courare», his «unusual bravery» in protesting against the injustice of social morals during the Ch'ien-Lung epoch, when laws were so severe). This was the reason why Chi Yün's works became interwoven with the general ideology of the Chinese Enlightenment. His moral teaching, aimed at the ethical rather than the social sphere, was characteristic of the more moderate ideologists of the Chinese Enlightenment, and in many ways resembled the enlightenment movement in the West. In particular, it showed similarities to the work of English and Russian publishers of journals of a satirical and edifying tone in the eighteenth century.

In the concluding part of the introductory article, a comparison is drawn between Chi Yün's collection of tales and the satirical periodicals of Richard Steele and Joseph Addison («The Tatler», «The Spectator», «The Guardian»), and also those of the Russian educator N. I. Novikov («The Drone», «The Painter» and «The Idier»), a comparison based, not only upon the similarity in the trend of the ideas and aims of these periodicals, but also upon the structure and form of their contents.

The assumptions and conclusions contained in the introductory article are founded on the material of the 1193 narrative-units although the translation includes only about three hundred of Chi Yün's stories and notes from five volumes of his collection. The translations alternate with brief summaries of the contents of the untranslated works. The same consecutive order is retained as in the author's collections (the ordinal numbers in the translation are inserted for convenience in using the Plot-index.

Material for translation was selected in accordance with its representative character. An attempt has been made to give the maximum number of subjects, avoiding the frequent recurrence typical of Chi Yün's creative method; furthermore, it was hoped to give a more extensive picture of his work as author of subject-narratives, rather than of notes of a scientific and informational nature.

The translation is accompanied by a commentary elucidating and identifying some of the personages in the stories with historical characters or contemporaries of Chi Yün, explaining the titles of works mentioned in the stories, etc. A formula for each story corresponding to the Plot-index is given. To avoid repetition in explaining place-names, a concise annotated index of geographical names follows the commentary.

The Appendix includes an index of the narrators who figure in Chi Yün's works, a Plot-index and also explanations of the conventional signs used. The Plot-index may prove useful not only to scholars making researches in Chinese prose, but also to those studying the prose genres in other literatures.

ЦЗИ ЮНЬ

ЗАМЕТКИ ИЗ ХИЖИНЫ «ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ»

(Юэвэй цаостан бицзи)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Н. А. Кукушкина*
Младшие редакторы *Н. Х. Винокурова, Р. Г. Канторович*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректоры *Н. Б. Осягина* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 11/VII 1973 г.
Подписано к печати 26/XI 1973 г.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Бум. № 1
Печ. л. 37. Уч.-изд. л. 31,07
Тираж 4200 экз. Изд. № 3303
Зак. № 623. Цена 2 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

3-я типография издательства «Наука»
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА „НАУКА“

ВЫШЛИ в 1974 г.:

1. Изучение китайской литературы в СССР. 12 л.

2. ВЭНЬ И-ДО. Думы о хризантеме. 5,75 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготорговых и «Академкнига», а также по адресу: 117463, Москва В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА „НАУКА"

ВЫЙДУТ в 1974 г.:

1. Историко-филологические исследования (памяти акад. Н. И. Конрада). Сборник статей. 29 л.

2. ЧЖАО ШУ-ЛИ. Песенки Ли Ю-цая. 11 л.

3. СЫЧЕВ Л. П. и СЫЧЕВ В. Л. Китайский костюм. История. Символика. 18 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготорговли и «Академкнига», а также по адресу: 117463, Москва В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
12	1 сн.	mmary	Summary
48	18 св.	Фэндунчэне	Фэндучэне
55	2 сн.	Asian	Asiatic
67	2 сн.	La Chine	entre la Chine
85	8 св.	что и в табл. 1	что и упоминавшиеся на стр. 80
86	6 св.	ей совсем чужда	ей совсем не чужда
86	20 св.	III, 16,9—13	III, 16,8—13
96	13 св.	этнический	этический
119	5 сн.	Дунь	Дун
119	6 сн.	Цянь Бо-янь	Тянь Бо-янь
124	19—20 сн.	эта «случайность» верности случая	эта «случайность» расположения материалов в сборниках и направлена на подтверждение истинности нравоучительного заключения, достоверности случая
131	2 сн.	стр. 12—14	стр. 42—44
148	13 св.	Сун	Сунь
181	2 св.	Чэн	Чэнь
521	19 св.	Вэнь Тин-юнь (813?—870?)	Вэнь Тин-юнь (818? — 870?)
522	2 сн.	*Сун-ли*	*Син-ли*
531	9 св.	Девять источников— см. прим. 5 к № 14.	Девять областей — т. е. весь Китай.
533	8 сн.	Яо-чэном	Яо-чэнем
536	7 сн.	Цзянань	Цзяннань
547	3 сн.	Цзянь	Цзян
548	15 св.	Вэнь-эна	Вэнь-чэна
550	7 сн.	Цзинь-бэ	Цзинь-бе
560	15 св.	а 900	X а 900
566	17 св.	490*	940*
567	17 св.	772, 874*	772, 872, 874*
567	7 сн.	в[1]	в[2]
574	4 сн.	а у а	Наука
574	11 сн.	*Философия ия*	*Философия и религия*
587	13 сн.	«(dier»	«Idler»